

М.Н. ГЕРНЕТ

**ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ**

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

В пяти томах

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Том второй

1825 - 1870

1961

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предисловие автора ко 2-му изданию

ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ второй том «Истории царской тюрьмы» дополнен мною для второго издания на основе изучения архивных материалов и ознакомления с новой литературой, опубликованной за последние четыре года. Из архивных материалов, дополнительно использованных для второго тома, наибольшее значение имеют дела Центрального Государственного исторического архива (ЦГИА) в Москве по фонду особого присутствия правительствующего Сената (ОПС) об узниках Петропавловской крепости — писателях революционных демократах М. Налбандяне, М. Михайлове и Н. Чернышевском.

В частности, я остановился подробнее на почти не освещенном в нашей литературе эпизоде, относящемся ко времени пребывания Чернышевского в Алексеевском равелине, а именно на его голодовке там.

Подлинное сенатское производство дела Чернышевского позволило мне выявить исполненное замечательного мужества поведение обвиняемого перед судьями и возмутительное пристрастие к нему высшего судилища в угоду реакции. Мне кажется, что большой интерес представляют строки из письма Чернышевского к жене, посланного ей в Саратов из равелина и непропущенного. Выдержкой из этого письма я заканчиваю свой очерк о Чернышевском и таким образом довожу до сведения советских читателей то, что хотела сохранить в тайне от народа царская администрация.

Вновь найденные в Ленинградском Центральном Государственном военно-историческом архиве дела Шлиссельбургской крепости за первую половину XIX века позволили внести некоторые пополнения в очерк по истории этой крепости и, в частности, узнать о заключении в крепость грузинского царевича Окропира и о судьбе изобретателя подводной лодки Черновского.

Глава об узниках Шлиссельбургской крепости пополнена новым параграфом о пребывании в этой крепости и в Алексеевском равелине Михаила Бакунина.

В добавление к прежним иллюстрациям я воспроизвожу в этом издании снимок с картины художника Ю. М. Козмичева «Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского». Картина написана им на основе изучения секретных архивных документов III отделения о казни Чернышевского.

А в т о р

Предисловие автора к 1-му изданию

ВТОРОЙ том нашей книги посвящен истории царской тюрьмы в период 1825—1870 гг. Вся уголовная политика царизма и его тюремная политика, в частности, определялись в это время разложением старого феодально-крепостнического строя под влиянием развития новых, капиталистических отношений.

Борьба нового со старым происходила по всему фронту. Но всего сильнее шла она вокруг крепостного права: среди оборонявшихся были только дворяне, среди наступавших — вся многомиллионная крестьянская масса и немногие передовые люди из дворян.

Мы начинаем этот второй том со времени восстания 14 декабря 1825 г. — с тех, кого Ленин назвал наряду с Герценом «самыми выдающимися деятелями дворянского периода» истории русской революции, и доводим изложение до 70-х годов. Таким образом, том охватывает и начало «разночинского» периода революционного движения.

После крестьянской реформы 1861 года в России стал быстро развиваться капитализм как общественно-экономическая формация; с последующих десятилетий на смену революционерам-разночинцам в царской тюрьме и ссылке начинают появляться первые борцы за пролетарскую революцию. История тюрьмы этих десятилетий составит содержание следующего, третьего тома книги.

Против крепостного права и уродливого разрешения вопроса об его отмене актом 19 февраля 1861 г. одни поднимали свой голос, другие — оружие. Декабристы из «Общества соединенных славян» записали в своем уставе: «Не желай иметь раба, когда сам быть рабом не хочешь». Еще сильнее говорили против крепостного права на своих собраниях в 1845—1849 гг. члены кружка, сформировавшегося вокруг М. В. Буташевич-Петрашевского из числа небогатых дворян и разночинцев, вписавших после

декабристов новые страницы в историю царской тюрьмы. Следующие страницы в ее истории принадлежат узникам Петропавловской крепости из числа писателей — революционных демократов — Н. Г. Чернышевскому, Д. И. Писареву, Н. В. Шелгунову и др. Кроме легальной печати, эти писатели использовали в своей политической борьбе против царизма также и подпольный типографский станок.

В ту же эпоху 60-х годов одиночные камеры Петропавловской крепости были заполнены теми, кто так или иначе были связаны своей революционной деятельностью с Герценом и Огаревым и были заняты распространением в России зарубежных изданий этих борцов против царского самодержавия и крепостного права.

Конечно, борцов против крепостного права и узников различных тюрем давало в большом числе и само крестьянство. В 30-х годах XIX века казематы куртин и бастионов Петропавловской крепости впервые за время ее существования приняли в свои стены участников первой организации из рабочих-крестьян пермского завода, ставившей себе целью борьбу за уничтожение крепостного права.

В 1831 году вся центральная и местная администрация в ряде губерний была поставлена на ноги для розыска авторов большого числа разнообразных прокламаций-листовок против крепостного права, упорно разбрасываемых по разным местам Владимирской губернии. Жандармские налеты, многочисленные аресты крепостных и дворовых людей, выделявшихся из крестьянской массы по уровню развития и по образованию, не остановили этой пропаганды против крепостного права и самодержавия.

В то время как арестованные по этим делам попали в число узников Петропавловской крепости, общеуголовные тюрьмы Новгородской губернии в том же 1831 году заполнились восставшими военными поселенцами. Позднее, вплоть до конца интересующего нас периода, такие же тюрьмы заполнялись участниками крестьянских восстаний в целом ряде других губерний. Мы встретимся с ними в последней главе об общеуголовных тюрьмах.

Отсутствие фактического материала о царских тюрьмах не позволило нам выявить условия пребывания в различных тюрьмах участников этих массовых крестьянских выступлений с той подробностью, которой они заслуживают. В рапортах и донесениях разных чиновников не обращалось на это никакого внимания, в них большей частью описывались подробности происшедших волнений и восстаний. Значительная часть участников

крестьянских восстаний подвергалась различным видам телесных наказаний. Эти последние занимали в уголовной политике царизма николаевской эпохи самое выдающееся место. В более важных с точки зрения правящего класса случаях такие телесные наказания нередко являлись мучительным видом смертной казни.

Для феодально-крепостнической эпохи характерны не только государственные, но и помещичьи тюрьмы¹.

В 1846 году 21 января, т. е. всего за 15 лет до отмены крепостного права, закон подтверждал власть помещика без суда, по собственному его усмотрениюсылать своих крепостных в Сибирь на поселение, бить их палками и розгами и сажать в свои, помещичьи «сельские тюрьмы». Правда, закон определял высший срок такого заключения в тюрьму в два месяца и устанавливал, что лишение свободы должно происходить по общим правилам, предписанным для тюрьмы (ст. 1860 Уложения о наказаниях 1846 года). Но эти оговорки оставались, конечно, пустым звуком при фактической неограниченности власти помещиков.

В 80-х годах прошлого века писатель Короленко вспоминал об одной такой помещичьей тюрьме. На берегу Волги между Нижнем и Васильсурском было имение Шереметева — Юрино. Его называли «шереметьевской Сибирью». «Прежде здесь было нечто вроде феодального замка, впоследствии сгоревшего, — писал Короленко. — Над этим пепелищем носятся до сих пор мрачные рассказы о казематах и даже подземельях, в которых томились шереметьевские слушники. Полиция едва смела показываться в шереметьевских владениях, и никто не смел вмешиваться в отношения Шереметева к его рабам»².

Октябрьская социалистическая революция, сделавшая доступными для историков бывшие царские архивы, раскрыла перед нами и тайны помещичьих тюрем. Не строя специальных тюрем, помещики превращали в них свои подвалы, погреба, амбары и сарай.

В поисках отягощения условий заключения они сажали малолетних крепостных в чуланы, конуры и даже в печь. Обычное в правительственных тюрьмах заковывание узников в кандалы применялось помещиками в совершенно неограниченных размерах и притом в еще более жестоких изобретенных ими

¹ Об уложениях помещиков для их крепостных крестьян см. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. I, § 2.

² В. Г. Короленко, Полное собрание сочинений, т. IX, СПб., 1914, стр. 151.

формах. Крепостных приковывали к устроенным для этого столбам, бревнам, к стенам сараев, к жерновам.

Когда в процессе архивной работы нам попадался случай особенно возмутительной расправы помещика с крепостными, то казалось, что перед нами предел человеческой жестокости, дальше которого идти уже некуда. Но работа продолжалась, и новые случаи далеко оставляли за собою прежние, снова и снова побивая рекорд бесчеловечности.

Часто встречались дела, когда жертвами расправы были девочки-подростки и маленькие дети. 25 декабря 1836 г. в г. Александровске Екатеринославской губернии умерла 11-летняя девочка Лисоконенкова.

За год перед тем она вместе с братом, матерью и отцом была куплена у одного помещика неким Кривокубовым. Будучи начальником инвалидной команды, этот Кривокубов мог распоряжаться тюрьмой и гауптвахтой. Без законных оснований он посадил купленного им крепостного отца девочки в тюрьму, предварительно в целях глумления обрив ему голову. Жена крепостного, перенесши жестокое телесное наказание, скрылась неизвестно куда.

Но главной жертвой истязателей Кривокубовых сделалась девочка Мария Лисоконенкова. Для нее были изготовлены специальные кандалы, натиравшие ей ноги в кровь. Закованную в кандалы, ее периодически сажали на гауптвахту и бросали в погреб при доме Кривокубовых. Закованный ребенок попадал в темную холодную подземную тюрьму, отмененную законом даже для взрослых. Девочку наказывали розгами до потери сознания, предварительно распяв ее. В заточении ее мучили голодом. Она пыталась утопиться, но была поймана.

В декабре того же года девочка, страдавшая от голода, пошла просить милостыню и отморожила себе руки и ноги. Несмотря на это, Кривокубова, хозяйка, избивала ее палкой и плетью, привязав к перекладине и предварительно раздев донага. На другой день она снова била ее, на этот раз по голове. В результате на следующий день девочка умерла¹.

В другом случае закованным в кандалы узником помещика оказался мальчик 12 лет. Вместе с отцом и матерью он был продан одним помещиком другому (1850 г.). Отец его бежал, но потом тайно вернулся и доставил своего сына в волостную

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданнейшие доклады III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 4 эксп., 1837, № 250.

контору с жалобой на жестокие побои помещика. Оставив мальчика в волостной конторе, крестьянин снова бежал. Помещик забрал мальчика, заковал его в шейную цепь и посадил на цепи в свою тюрьму-сарай. Через два дня девушка, принеся ему хлеба и воды, нашла его мертвым. По заключению врача, смерть мальчика «последовала от чахотки легких и затвердения селезенки, развитию же болезни могли содействовать как побои, так и душевно-страдательное состояние»¹.

В 1848 году помещик Загорский придумал способ лишать свободы крепостного дворового мальчика 13 лет, сажая его в печь, где находились раскаленные уголья². Вина мальчика заключалась в том только, что он тратил на еду больше времени, чем это хотелось помещику.

В 1837 году виленский помещик барон Торнау был изобличен в систематическом и строго организованном истязании и лишении свободы своих крепостных крестьян. Этот барон имел в своем распоряжении колодки, ножные кандалы с цепями, которыми он приковывал своих арестантов к бревну; он надевал на провинившихся особые железные обручи, тоже с приделанной к ним цепью. Большой любитель кандалов всякой формы, барон Торнау приковывал своих крестьян цепями к жерновам и, обрив им голову, заставлял молоть зерно. Поистине, он оправдал пословицу: «У всякого барона своя фантазия». Вся его фантазия была направлена на измышление способов истязаний и глумления. Казалось бы, что этот изобретатель и коллекционер кандалов, колодок, обручей и всяких цепей, по крайней мере, сам займет место в тюрьме. Ничего подобного не произошло. Все дело кончилось отобранием от барона подписки, что впредь он будет обращаться с крепостными кротко³.

В 1848 году таким же любителем кандалов был князь Трубецкой. Трудно сказать, он ли помогал во всех зверствах своей жене или княгиня была деятельной помощницей своего мужа. У них был специальный столб, к которому Трубецкие приковывали крестьян; они заковывали крепостных в ножные кандалы на продолжительное время, даже на срок до трех лет, били их розгами, кнутом и руками. Следствие выяснило, что из всех крепостных женщин только три оказались ненаказанными. Соседние помещики отозвались полным незнанием о проделках Трубецкого, получившего в округе славу «лихого князя».

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданнейшие доклады III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 4 эксп., 1850, № 152.

² Тот же архив, те же доклады, 4 эксп., 1848, № 63.

³ Тот же архив, те же доклады, 4 эксп., 1837, № 80.

В противоположность помещикам соседние крестьяне подтверждали зверства княжеской супружеской четы¹.

В отношении помещичьих тюрем мы могли привести примеры лишь тех незаконных случаев лишения свободы, которые случайно становились известными центральной власти. Из архивных дел видно, что случаи эти большей частью сходили для помещиков безнаказанно. Если Николай I, этот «первый дворянин и помещик России», снисходительно относился к нарушениям закона, к палачам-тюремщикам из дворян, то совсем незаконно проходило широкое использование помещиками их «законного» права сажать крепостных в свои тюрьмы. К тому же лишение свободы провинившихся крестьян, конечно, по широте применения далеко уступало наказаниям их розгами, палками и пр.

Феодално-крепостническая эпоха накладывала свою яркую печать на тюрьму еще и в том отношении, что все законодательство о лишении свободы за интересующий нас период проводило самое резкое различие между условиями заключения лиц привилегированного класса и лиц других сословий. В первой главе, давая исторический очерк развития тюремного законодательства, мы раскрываем этот классовый подход к режиму заключения во всех изданиях Устава о содержащихся под стражею и во всем уголовном законодательстве начиная с 1832 и до 1870 года. Различия эти проводились совершенно открыто, без всякой маскировки и без всякого стеснения на страницах законодательных сборников, так же как и на практике.

С самым началом изучаемого нами периода истории царской тюрьмы (1825—1870 гг.) совпало учреждение Николаем I в 1826 году пресловутого «Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии» как центрального органа политического сыска и борьбы за самодержавие². Архивы этого отделения дали нам обильные материалы по истории таких центральных государственных тюрем, как Петропавловская и Шлиссельбургская крепости. История этих крепостей отражает различные этапы развития русского революционного движения,

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданнейшие доклады III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 4 экзп., 1850, № 110.

² См. В. Богучарский, Третье отделение собственной е. и. в. канцелярии о себе самом, «Вестник Европы», март 1917 г., кн. 3. Автор статьи воспроизвел интересный документ — секретный обзор деятельности III отделения за несколько десятков лет.

См. также М. Лемяе, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., изд. 2-е, СПб, 1909. Автор начинает очерк с истории III отделения.

а описанные нами эпизоды нередко являются яркими иллюстрациями безудержного произвола царизма, его беспредельной жестокости и героической борьбы с ним революционеров.

III отделение имело прямой своей задачей охрану православия. В этом отношении оно шло рука об руку со святаейшим Синодом. Многие из узников описанных нами монастырских тюрем на Соловках и в Суздале попадали сюда по представлениям обоих этих учреждений, и бывали случаи, когда сектанты находили «приют» в Шлиссельбургской крепости, а политические заключенные — в монастырских тюрьмах. Единение высшего духовного органа и жандармерии было формально закреплено образованием в 1838 году по губерниям «особых секретных совещательных комитетов по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия». Членами этих комитетов являлись местные губернатор, архиерей, председатель палаты государственных имуществ и жандармский штаб-офицер¹. Комитеты сами приводили в исполнение свои решения, не указывая, однако, что они исходят от этих вновь образованных секретных органов объединенного религиозного и политического сыска.

Задачей III отделения, отразившейся на истории царской тюрьмы, была так же борьба с национально-освободительными движениями всех угнетенных народностей России. Некоторые из этих движений давали заключенных лишь в местные губернские тюрьмы и не оставили следов в архивах центральных государственных тюрем. Наоборот, оба восстания в Польше (1830 г. и 1863 г.) и национальное движение на Украине (1847 г. и 1862 г.) дали узников и в Петропавловскую, и Шлиссельбургскую крепости. Тот факт, что некоторые борцы против национального гнета не попали в эти центральные тюрьмы, отнюдь не свидетельствует о более легкой их участи. Вспомним Тараса Шевченко. Из тюрьмы III отделения он прямо был отправлен в ссылку на службу солдатом сначала в Оренбург, потом в Орскую крепость, Раимское укрепление, на Аральское море, в

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1838, № 245. Об учреждении в губерниях секретных совещательных комитетов по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия (на 699 листах). О характере этого нового органа произвола и угнетения можно судить, например, по запретам раскольникам совершать свадьбы с употреблением музыкальных инструментов, особых свадебных поездов при многочисленном стечении в моленной раскольников или в присутствии православных. Запрещалось совершать погребение на раскольниковьем кладбище в то время, как происходило погребение на соседнем православном кладбище (л. 652, оборот, и 653).

Новопетровское укрепление. Царь собственноручно добавил к этой ссылке запрещение писателю и художнику писать и рисовать. Один такой запрет стоил для Шевченко тяжелой каторги. В одном из писем у него вырвался крик: «Смотреть и не рисовать — это такая мука, которую поймет только истинный художник». Однако художнику удавалось нарушать царские запреты. В этом томе мы помещаем его зарисовки с натуры картин из быта царской тюрьмы. Добавим, что Шевченко оставил нам несколько строк стихотворения, написанного во время пребывания в одиночной камере III отделения. Он написал их, увидав через решетку тюремного окна шедшую на свидание с сыном старуху-мать Костомарова (известного историка, арестованного одновременно с Шевченко по тому же делу Кирилло-Мефодиевского общества). По словам биографа Шевченко, «вид подавленной горем матери и вся тюремная обстановка вызвали в сердце поэта глубоко прочувствованное, простое и дивно прекрасное стихотворение»¹.

Из других национальностей, имевших своих «представителей» в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, в составленном нами списке заключенных в Алексеевском рavelине стоит имя известного армянского писателя Микаэла Налбандяна², героического борца против царизма и единомышленника Чернышевского.

Из разысканного нами архивного дела Сената выяснились некоторые подробности по судебному процессу Налбандяна. Он был арестован 14 июня 1862 г., немедленно по его возвращении из-за границы в Нахичевань, в квартире его отца. При обыске были обнаружены: альбом с фотографиями Гарибальди, Мадзини и др., письма эмигрантов и словарь для условной переписки.

На следствии Налбандян отрицал предъявленное к нему обвинение в сношениях с Герценом, Огаревым и Бакуниным и объяснил, что принял поручение Бакунина о передаче писем его родственникам с просьбою оказать денежную помощь его жене для выезда за границу к мужу. Показателем отношения армян-

¹ А. Конисский, Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко, Одесса, 1898, стр. 258. См. в русском переводе Т. Г. Шевченко. Кобзарь, Избранные стихотворения, 1930. Указанное стихотворение переведено на русский язык слишком вольно — с отступлением от оригинала.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230, ч. 76. «О революционном духе в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний». В архивном деле Налбандян именуется Налбандовым.

ского населения, высоко ценившего писателя, служат результаты так называемого «повального обыска», т. е. опроса жителей Нахичевани о личности арестованного. Такой «обыск» (опрос) требовался уголовным судопроизводством того времени. Было опрошено 100 человек из числа жителей Нахичевани, и все они отзывались о Налбандяне самым лучшим образом, не убоявшись его ареста по политическому делу¹.

Налбандян провел в Алексеевском рavelине почти три года и подлежал ссылке в Вятскую губернию. Известный профессор доктор Боткин удостоверил опасность, угрожавшую жизни тяжело больного Налбандяна при ссылке его на север. Было представлено ходатайство об отправке его в южные города. Настоящей насмешкой звучал полученный ответ — о ссылке писателя в «южные города Вятской губернии». Сам Налбандян просил направить его в Таврическую губернию, поясняя, что жизнь его «может продлиться только при благоприятных климатических условиях». Министерство внутренних дел отказало в этом, считая, что армянина нельзя направить в Крым, и сослало его в город Камышин Саратовской губернии. Здесь он умер через четыре месяца. Тело его было перевезено в родной город Нахичевань, и похороны вылились в грандиозную народную демонстрацию.

Армянский народ чтит память не только своего национального писателя, но и своего политического и общественного деятеля.

Последнюю главу этого тома мы посвящаем общеуголовным тюрьмам. Неиспользованные до настоящего времени различные материалы, в особенности архивные, позволили нам выяснить ужасное состояние этих тюрем, их режим и быт и выявить колоссальное количество тюремного населения за весь период 1825—1870 гг.

Таким образом, «качественная» характеристика состояния тюремного дела в России получает еще большую рельефность при ознакомлении с «количественной» — с приведенными нами цифрами уголовной статистики. Для получения этих цифр мы подвергли обработке оставшиеся совсем не использованными отчеты министерства юстиции царской России.

Цифры показывают, как за период 1825—1870 гг. все более и более возрастала роль тюрьмы в уголовной репрессии и как классовая дворянская юстиция отправляла в тюрьмы, в эти

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 102, опись 1, № 65, 5 департамент, 1 отделение. Сенатское производство. «Определение о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (л. 309, оборот).

вертепы грязи, произвола и разврата, все новые и новые десятки тысяч заключенных.

Как и в первом томе, мы помещаем ряд иллюстраций, значительная часть которых появляется в печати впервые.

Наименования архивов, из которых мы извлекаем материалы для этого тома «Истории царской тюрьмы», обозначены нами сокращенно, а именно: Центральный Государственный исторический архив в Москве — ЦГИА в Москве, Центральный Государственный архив древних актов в Москве — ЦГАДА в Москве, Центральный Государственный военный исторический архив в Москве — ЦГВИА в Москве, Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде — ЦГИА в Ленинграде, Центральный Государственный военный исторический архив в Ленинграде — ЦГВИА в Ленинграде.

Глава первая

ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. ЛИТЕРАТУРА О ТЮРЬМЕ В РОССИИ К 1825 ГОДУ

ДАВАЯ исторический очерк положения русских тюрем начиная со второй четверти XIX столетия, нельзя обойти молчанием тот факт, что передовая русская общественность уже в то время обратила внимание на положение тюрем в России. С одной стороны, явился спрос на литературу по тюремному вопросу. С другой стороны, представители русской интеллигенции уже в первой четверти XIX века стремились при их поездках за границу лично ознакомиться с положением тюрем в тех странах, которые считались передовыми по своим пенитенциарным системам.

Внимание представителей передовой русской общественности к тюремному вопросу находилось в соответствии с теми гуманными взглядами, которые проводились Радищевым и Новиковым, перенесшими ужасы заточения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Голоса Радищева и Новикова о гуманности не были единственными. К ним присоединились по вопросам репрессии и другие гуманисты России того времени.

Следует отметить стремление представителей русской интеллигенции лично ознакомиться с устройством тюрем в Америке, где в то время был поднят вопрос о тюремной реформе,

Нам известны, например, посещения Дашкова в 1819 году многих тюрем в Англии и в Америке, Свинына, описывавшего в 1815 году в самых мрачных красках осмотренную им Ньюгетскую тюрьму в Лондоне.

Показателем интереса к изучению тюрем явились ответы арестованных декабристов следственной комиссии: они указывали, что знакомились с трудами Беккариа и Бентама, уделявших много внимания наказанию лишением свободы¹. Напомним, что декабрист Каховский в своих письмах из Алексеевского рavelина к царю не только критиковал ужасное состояние русских тюрем, но и совершенно ошибочно высказывался за преимущества американской филадельфийской системы устройства мест лишения свободы. С этой системой Каховский мог познакомиться не только из чтения соответствующей иностранной литературы, но также из вышедшего еще в 1790 году русского перевода с описанием тюрем в Филадельфии. Впрочем, декабристы, увлекавшиеся сочинениями Беккариа и Бентама, могли знакомиться с ними не только в оригинале, но и в русском переводе.

Иностранная литература о тюрьмах, проникая в крепостную Россию, приносила в нее буржуазные взгляды и веяния в тюремном вопросе, и с этой стороны ее проникновение симптоматично для начала нового, XIX века, — века утверждения капитализма.

Невозможно выяснить, в какой степени она в первой четверти XIX века проникла к нам в Россию в подлинниках. Известно, однако, что торговля иностранными книгами производилась в обеих столицах не только русскими книгопродавцами, но и иностранными книжными лавками. Так, в Москве в 1804 году книжная лавка француза Лемуана не только продавала иностранные книги, но и выдавала их для чтения, высылая по запросам в другие города. В ней было 13 тысяч томов как belle-тристики, так и книг по различным отраслям знания. К 1806 году в лавке Лемуана имелись книги по вопросам религии, политики, истории и др. Библиотека при магазине была разбита на 22 раздела. В 1807 году магазин и библиотека были проданы Аллару, опубликовавшему в том же году каталог книг с 15 тысячами названий.

Книгопродавец Куртнер в своем объявлении 1806 года среди других отделов называл законодательство, политику².

¹ Интересные сведения о чтении декабристами книг см. в статье Н. П. Сильванского «Материалисты двадцатых годов», «Былое», июль 1907 г., стр. 110 и сл.

² См. Н. Г. Мартынова-Понятовская, Материалы к истории книжной торговли в Москве, сб. I, Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина, М., 1926.

Столянский приводит несколько неполный список вновь открытых книжных магазинов в Петербурге за период с 1807 по 1824 год; за эти годы открылось семь магазинов с иностранными книгами¹.

Но к этому времени на русском языке уже была своя юридическая литература. В книге Штарха и Аделунга (систематическое обозрение литературы в России за пятилетие с 1801 по 1806 год) имелся отдел правоведения, в который занесены книги с № 322 по № 343. Среди них были работы и по уголовному праву, например, сочинения Густава фон Розенкампа «Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России», «О криминальном судопроизводстве в Англии» (статья в «Вестнике Европы»). Кроме того, в отделе политики указаны переводы сочинений Бентама, Беккариа, Говарда.

В книжном магазине Глазунова в Москве в 1806 году были отмечены также юридические книги и среди них — сочинение Беккариа и журнал «Театр судоведения». Этот магазин рекламировал, что продает книги не только в Москве, но и в Харькове, Екатеринбурге и на ярмарках в других городах².

Наиболее полное представление о состоянии оригинальной и переводной литературы в России к началу второй четверти XIX века дает каталог библиотеки известного петербургского книгопродавца Смирдина в 1828 году. В библиотеке был специально выделенный отдел правоведения, разбитый на значительное число подразделов. Общее количество юридических книг на русском языке исчислялось по каталогу библиотеки в полтысячи названий (с № 1653 по № 2164). Были представлены все юридические дисциплины; имелись книги и по уголовному праву, но в очень ограниченном числе. Среди них отметим учебники по уголовному праву: Горегляда — «Опыт начертания российского уголовного права» (1815 г.), Цветаева — «Начертание теории уголовных законов» (1825 г.), Гуляева — «Российское уголовное право» (1826 г.), перевод учебника по уголовному праву Фейербаха (1810 г.) и другие. Была переводная литература об организации и состоянии тюрем, на которой мы остановимся ниже. Наиболее же богато был представлен отдел законодательных сборников. Частные лица публиковали тексты законов в сборниках, нередко носивших название «журналов». Таковы: «Журнал правоведения на 1796 и 1797 гг. или содержание высочайших указов» (собрал Алексей Плавильщиков, 2 части, М., 1800—

¹ См. Столянский, Книга в старом Петербурге, «Русское прошлое» 1923 г. № 4.

² См. «Каталог российским книгам, продающимся в книжных лавках книгопродавца Матвея Глазунова», М., 1806.

1801 гг.), «Журнал законодательства» на 1817, 1818 и 1819 гг. (издан по высочайшему повелению Комиссией составления законов, 1818—1820 гг., 21 часть), «Журнал дома практического правоведения» (издал Иван Наумов, 1813 г., 2 части), «Журнал правоведения» (издано бароном Иваном Беллингсгаузеном, 1812 г., ч. I)¹.

Были в библиотеке и специальные юридические журналы со статьями теоретического содержания по разным вопросам, в том числе по уголовному праву и тюремоведению, которых мы также коснемся ниже.

Было бы интересно знать состав библиотек отдельных лиц за интересующий нас период и посмотреть, какое место занимали там вообще юридические книги, в частности сочинения по уголовному праву и тюремоведению. Но сведения об этом очень скудны. Однако попадаются прямые указания на наличие юридических книг у лиц, занимавшихся другими научными специальностями. Так, в архивном деле об обыске декабриста Батенькова и описи его имущества имеется каталог его библиотеки, в которой встречались и юридические книги. В библиотеке другого декабриста, Пестеля, были также юридические книги, в том числе сочинения Беккариа и Бентама². В библиотеке Пушкина были сочинения Вольтера, Дидро, Монтескье, а также Бентама на французском языке и даже известная книга «Мои тюрьмы» итальянского патриота Сильвио Пеллико, боровшегося против австрийского деспотизма, тоже на французском языке³.

По-видимому, в России начала XIX века сочинения Бентама пользовались популярностью. Эта популярность возросла после перевода его сочинений на французский язык в Париже в 1802 году его другом Дюмоном. Почитателями Бентама в России в период «либерализма» Александра I были не только представители оппозиционно настроенной молодежи, но даже и сановники, как, например, Сперанский, Мордвинов, Салтыков, Кочубей, Чарторыйский. Дюмон в 1802 году посетил Петербург и год спустя писал в одном из своих писем, что «в Петербурге сочинений Бентама было продано столько же экземпляров, как и в Лондоне»⁴. Как увидим ниже, в переводе сочинений Бентама на русский язык дан его проспект нового устройства тюрем.

¹ См. «Каталог библиотеки для чтения Смирдина», СПб., 1828.

² См. П. Зайончковский, К вопросу о библиотеке П. И. Пестеля, «Историк-марксист» 1941 г. № 4 (92).

³ См. «Пушкин и его современники», т. 3, СПб., 1909; Модзалевский, Библиотека Пушкина.

⁴ «Бентам», статья в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, т. 5, 1892, стр. 455.

Еще большей популярностью пользовалось в России сочинение Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Два перевода его на русский язык следовали один за другим (1803 г. и 1806 г.). Такое внимание к уголовно-политическому трактату было исключительным и не выпадало на долю других криминалистов ни в то время, ни позднее. Самый факт двукратного перевода книги на протяжении четырех лет свидетельствует о большом по тому времени спросе русских читателей на исследование Беккариа.

Показателем, если не спроса на криминологическую литературу, то, во всяком случае, размеров ее предложения более широким кругам читателей в России, явился факт очень раннего издания периодических сборников или журналов по уголовному праву. О первом таком журнале — «Театр судоведения» (1791 г.) мы уже знаем из I тома нашего труда, и к нему нам придется еще вернуться. У этого журнала, выдержавшего шесть выпусков, явился в 1803 году продолжатель и подражатель — издание под таким заглавием: «Храм правосудия или зрелище судебных делопроизводств, примечательных тяжб и открытых преступлений»¹.

Это был сборник в двух частях. Неизвестно, кто был его издателем и откуда взяты помещенные в нем переводные статьи. По-видимому, как и «Театр судоведения», «Храм правосудия» питался французским собранием выдающихся судебных процессов. Для нас «Храм правосудия» интересен предисловием издателя, который намечает несколько групп будущих читателей сборника. Так как предисловие дает некоторый материал для суждения о юридических интересах читателей, то приведем из него некоторые места: «Благосостояние государства зависит от правосудия... Собранные здесь примеры заимствованы из лучших источников и отличающиеся исторической достоверностью, покажут любопытному читателю, каким образом отправляется правосудие в различных государствах, близких и отдаленных, у народов просвещенных и диких. Проницательный судья найдет здесь образцы правосудия и бескорыстия и воспламенится большей любовью к истине, большей верностью к государю, сильнейшею приверженностью к отечеству. Здравомыслящий историк увидит здесь интересные происшествия, картины отдаленных времен, узаконения и развязку запутанных дел, удобных возбудить его внимание. Всякий любящий приятное чтение найдет здесь препровождение времени приятное и полезное».

¹ Этот сборник был отпечатан в 1803 году в Москве, в типографии Христофора Клаудия.

Сборник содержит преимущественно отчеты по крупным уголовным процессам, но имеются в нем отчеты и по гражданским делам. Среди уголовных дел выделяется отчет по процессу об убийстве Франциском Рупертом Дамианом французского короля Людовика XV. Кроме судебных отчетов, здесь собраны анекдоты и рассказы с юридическим содержанием. В одном из них не без сатиры повествуется, как бедная Юстиция, почти не одетая, получила от купцов в кредит дорогую, красивую одежду со шлейфом, который, волочаясь по земле, порождает стряпчих, протоколистов, подьячих и прочих приказных людей. Таким образом, Юстиция из беднейшей сделалась богатейшей, а тяжущиеся узнали, было ли такое превращение полезно для человеческого рода. В другом очерке рассказывается о путешествии по земле Справедливости и Истины. Ни та, ни другая не нашли себе приема на земле. Эти юридические анекдоты и рассказы показывают, что автор был не особенно высокого мнения о состоянии «храма правосудия» в современных ему государствах. В общем содержание сборника могло интересовать, кроме юристов, также любителей сообщений об убийствах, мошенничествах и пр.

Следующим по времени юридическим журналом явился изданный в 1812 году «Журнал правоведения»¹. Издателем его был надворный советник барон Иван Беллингсгаузен. Он называл свой журнал «повременным юридическим» изданием, отмечал в предисловии предназначение журнала для занимающихся правоведением и обещал давать переводные и оригинальные статьи по вопросам права. Видимо, издатель рассчитывал на подписчиков, обладавших не столь значительными денежными средствами, так как он подчеркнул, что за небольшую подписную плату даст переводы из иностранных сочинений, обширных и дорогих. Кроме теоретических работ, он обещал знакомить с иностранным законодательством и сопоставлять его с русским, а также сообщать сведения о судебной практике. В первом выпуске помещены начало перевода «Тосканского уголовного указа», очерк о прусском уставе гражданского судопроизводства и др. Первый выпуск, на котором, кажется, оборвалось издание, составил сам издатель, обещавший сотрудничество других авторов в последующих выпусках.

Первой по времени издания в России переводной монографией о тюрьмах явилась книга, озаглавленная «Историческое описание о наказании преступников в Филадельфии». Автор

¹ См. «Журнал правоведения, издаваемый надворным советником бароном Иваном Беллингсгаузеном», ч. I, СПб., 1812.

книги не назван, но на обложке указано, что она переведена с немецкого языка Семеном Венечанским и издана в Москве в 1799 году¹.

Переводчик посвятил издание И. В. Лопухину. Лопухин был масоном, одним из наиболее деятельных членов кружка Новикова, и после заточения Новикова в Шлиссельбургскую крепость едва не попал в ссылку. Он работал сначала в качестве советника, а потом председателя Московской палаты уголовного суда и проявил себя в этой деятельности как сторонник применения умеренных наказаний. В стихотворном посвящении Лопухину переводчик отметил эту черту его практической деятельности. Он называет Лопухина спасителем от оков тех, «которые свободы лишились, от беды преступниками став»; вместе с тем он выражает надежду, что те, которые увидят имя Лопухина на обложке книги, прочтут ее. Все это достаточно ясно характеризует настроения, с какими переводчик брался за подготовку русского издания книги о тюрьмах в Филадельфии. Очевидно, хорошо знакомый с состоянием русских тюрем в конце XVIII века, Венечанский стремился популяризировать буржуазные идеи того времени о тюремном строительстве, которые казались ему глубоко прогрессивными.

Создатели новой тюрьмы отводили громадную роль религиозному воздействию на арестанта; в сущности они превращали одиночного арестанта в какого-то пустытника, молчалиника. Сами авторы этой системы как бы не замечали, в какую нравственную пытку превращался этот «первозданный» тюремный мир, созданный из тюремного хаоса. Они с гордостью указывали, что тюремные сторожа в числе только пяти стерегут 288 арестантов без всякого оружия, без обычных дубинок, без собак.

Описывая в очень радужных красках внешний вид и обстановку Пенсильванской тюрьмы, автор совершенно упускает из виду внутреннее содержание капиталистической тюрьмы, которая по самой своей природе является местом физического мучения и психического страдания. Этого отнюдь не надо забывать, когда читаешь о пенсильванской системе в описании «либералов» и «филантропов». Припоминаются многочисленные иронические высказывания Маркса по поводу подобных «филантропов».

В наши задачи совсем не входит подробное изложение содержания этой первой на русском языке переводной монографии

¹ См. «Историческое описание о наказании преступников в Филадельфии», перевод с нем. Семена Венечанского, М., 1799, типография Ридигера и Клаудия.

по тюремному вопросу. Достаточно сказать, что выбор книги переводчиком доказывает его намерение показать русским читателям новый тип тюрьмы, более соответствующий интересам буржуазного государства и слишком отличавшийся от русского. Вообще книга преследовала цель смягчения физических страданий, причинявшихся тюрьмой того времени, но игнорировала всю тяжесть психических переживаний одиночного заключения, изобретенного лицемерными проповедниками религиозного перевоспитания узников.

Можно предположить, что тюремной реформе сочувствовал не только переводчик Венечанский, но и участники кружка Новикова, одному из которых посвящен данный перевод. Подтверждением этого является другой, еще более ранний перевод монографии о Вильгельме Пене, о котором говорилось и в переводе Венечанского и с именем которого связана пенсильванская система заточения. Эта вторая книга носила такое заглавие: «Пен Вильгельм, основатель и законодатель Пенсильванской провинции, Плоды уединения, основанные на рассуждениях и правилах о перемене человеческой жизни». Книга была напечатана в типографии новиковской «Типографической компании» в 1790 году, т. е. за два года до того момента, когда Новиков начал испытывать на самом себе, в чем состоит отличие пенсильванской системы от заточения в Шлиссельбургскую крепость. Хотя в этой книге и нет описания тюрьмы, но подчеркивается роль Пена в создании кодекса с очень смягченной репрессией.

Знаменателен факт раннего ознакомления русских читателей с пенсильванской тюремной системой. Почти одновременно с этим началось увлечение американскими пенитенциариями и на Западе. Очень рано были ознакомлены русские читатели также и с другой тюремной системой, проектированной знаменитым юристом Бенхамом.

Три тома сочинения Бенхама были изданы в Петербурге на средства правительства в 1805—1811 гг.¹ В третьем из этих томов около ста страниц отведено описанию проектированного Бенхамом тюремного здания совершенно оригинального типа.

¹ См. Бенхам Иеремия, Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начала законоположения и всеобщего начертания полной книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов (Сочинение английского юрисконсультанта Иеремии Бенхама, издано в свет на французском языке С. Дюмоном по рукописям, от автора ему доставленным Петром Михайлом Михайловым с прибавлением дополнений, от г-на Дюмона сообщенных), т. I—III, СПб., 1805—1811.

В переводе эта часть труда Бенхама носила в оглавлении к книге такое название: «Паноптика — завещание, предлагаемое для содержания невольников с вящею экономией и безопасностью от ухода, могущее притом служить к произведению в них преобразования нравственного, купно с новыми средствами удостоверяться в добром их поведении и доставлять им способы пропитания по освобождении их». По-видимому, подробное название «Паноптики» имело целью выявить наиболее существенные черты проектируемой тюремной системы. В предисловии к данной части труда Бенхама указывалось, что эти почти сто страниц текста явились извлечением из трехтомного сочинения на ту же тему, которое было напечатано, но не выпущено в свет. Напечатанная же часть, обработанная в виде речи Бенхама, в эпоху французской революции в 1791 году была им препровождена члену Законодательного собрания в Париже де Кулону. Собрание постановило ее напечатать, но обстоятельства не позволили этого выполнить. Бенхам писал Кулону: «Позвольте построить мне темницу по сему образцу, и я буду в ней тюремщиком... Сей тюремщик не потребует оплаты и ничего не будет стоить народу... Сделать совершенное преобразование в тюрьмах, произвести улучшение в поведении и нравах заключенных, водворить здравие, порядок, чистоту, трудолюбие в сии жилища, зараженные пороками нравственными и физическими, утвердить безопасность общественную, уменьшив издержки вместо увеличения оных, и все сие произвести посредством одной простой мысли в архитектуре. Таков есть предмет сего творения» (стр. 263).

Ознакомление русских читателей с проектом Бенхама могло показать им, в каком направлении работала мысль буржуазных тюремноведов за рубежом. Весь же план устройства грандиозного по тем временам шестиэтажного здания тюрьмы должен был казаться совсем фантастическим в России начала XIX века, где таких высоких зданий вообще не существовало.

Из последующего изложения видно, что даже такой либерал и общественный деятель, как Бенхам, считавший себя последователем просветительных идей XVIII века, в области тюремноведения не мог подняться выше уровня рядового английского буржуа. Бенхам в своем произведении «Паноптика» показал себя сторонником таких мер воздействия в отношении заключенных, как затыкание рта кляпом, лишение пищи, смирительные рубашки и т. д.

«Паноптика», по проекту, представляла собой огромное шестиярусное здание в виде круглого театра, в середине которого располагалось другое здание в виде башни. По шести ярусам

круглого здания размещались камеры для заключенных на два-три человека каждая. Двери этих камер выходили внутрь, на галерею, которая имела в каждом ярусе. Стражники, находясь внутри башни, могли бы наблюдать за всеми камерами и были бы с ними соединены жестяными трубами для передачи своих распоряжений. Между башней и ярусами с камерами должно было находиться пустое кольцеобразное пространство. Стража могла бы производить свои наблюдения за арестантами невидимо для них. В праздничные дни проект предполагал производить в башне церковную службу, на которой арестанты присутствовали бы, оставаясь в камерах. Заключенные, будучи распределены по камерам соответственно их преступлениям и возрасту, должны были заниматься трудом. Работы производились бы через подрядчиков. На занятие арестантов трудом автор смотрел не как на отягощение их положения, а как на исправительное средство, обеспечивающее им заработок по выходе на свободу. Он говорил: «Делать работу ненавистною, обращать ее в страшилище для преступников, облекать ее некоторого рода поношением есть пагубное недоразумение» (стр. 310). За отказ от работы Бентам предлагал лишать заключенных пищи. В качестве других средств дисциплинарного воздействия Бентам рекомендовал смиренную рубашку за побои и насильственные действия, а за крики и брань — вложение в рот кляпа. Телесных наказаний в тюрьме не предусматривалось. Здесь, внутри проектированной им тюрьмы, Бентам отступал от своих требований, чтобы наказание преступника выполнялось с невозможной торжественностью, чтобы процессия к месту наказания совершалась под музыку, в особых одеждах, чтобы эшафот был под черным покрывалом, служители правосудия — в трауре, палач — в маске и пр.

Бентам говорит о некоторых преимуществах его предложений по сравнению с предложениями его современника Говарда. Последний предлагал камеры без окон, но с отверстиями в потолке. Бентам же считал, что в камерах должны быть окна. По словам Бентама, Говард, боясь пожаров, рекомендовал оберегать от стужи арестантов соответствующим платьем (это не подтверждено цитатой из Говарда), а Бентам предлагал провести в камеры трубы, через которые шло бы тепло. Предлагал он провести также и трубы с водой.

В том же 1805 году, когда появился перевод первого тома сочинения Бентама, русским читателям был предложен перевод статьи соотечественника Бентама, тюремного деятеля Джона Говарда. Статья Говарда, напечатанная в «С.-Петербургском журнале», посвящалась описанию тюрем в Голландии. Впрочем,

это был не первый, а уже второй случай ознакомления русских читателей с работами Говарда по тюремному вопросу. Впервые с его взглядами русские юристы ознакомились благодаря Василию Новикову, издателю первого юридического журнала «Театр судоведения»¹. «Театр судоведения» вышел в 1791 году в шести небольших выпусках или частях. Это были небольшого формата книжки в 140—220 страниц. Издание предназначалось для судей. В первом выпуске была помещена гравюра с надписью под нею: «Екатерина лик премудрости во храме приемлет от руки Фемидиной венец». Из предисловия к первой части видно, что издатель ставил своей задачей дать судьям не только занимательное, но и полезное чтение. Заимствовав материалы большей частью из французского издания с собранием выдающихся судебных процессов, Новиков пользовался, как он сам писал, и другими материалами и, между прочим, сочинением Говарда о тюрьмах. Он подчеркивал: «Великим бы я почел торжеством для моих трудов, если бы чтение сей книги заступило место карточной игры и других пустых времяпрепровождений, столь мало приличных важности судейского звания».

Подбор материала действительно рассчитан на читателей-судей. Большая часть статей знакомила с судебными процессами, на которых удачно раскрывалась истина, обнаруживалась невинность обвиняемых. Ограничимся приведением заглавий некоторых статей. В первой части, например, был помещен очерк: «Дела, доказывающие, сколь употребление пыток опасно и мало способно к откровению истины, — трогательные происшествия, состоящие из X примеров», во второй части — «Смертоубийство, птицами открытое», в шестой — «Казненная красавица, соделавшаяся преступницей от неравного супружества».

Почти в каждом из шести томов издатель дал и статьи более общего характера, например, по истории развития судебной власти, об отрицательном значении пытки, об оценке доказательств. К этому же типу статей относятся и перевод нескольких страниц из сочинения Говарда. Охарактеризовав Говарда как гуманиста, издатель знакомит читателя с историей составления им книги о тюрьмах, а потом помещает три очерка из этой книги. Он подчеркивает, что извлечение из сочинения Говарда предназначено именно для судей, соприкасающихся в своей работе с темницами и узниками, чтобы судьи могли воспользоваться опытами «сострадательного Говарда». Поэтому

¹ Полное, очень длинное название журнала «Театр судоведения» приведено в т. I «Истории царской тюрьмы», гл. 2, § 9.

особый интерес приобретает выбор издателем для перевода очерка с описанием состояния английских тюрем. Очевидно, он хотел ознакомить русского судью с положением английских тюрем именно для того, чтобы побудить его вникнуть в состояние отечественных русских мест лишения свободы. Описание коснулось многих сторон быта английских тюрем, как, например, питания, санитарии, тюремного безделья, жестокости надзирателей, отношения тюремных завсегдатаев к новичкам и пр.

По мысли издателя «Театра судопроизводства» русский судья должен был остановить свое внимание на описанных Говардом язвах английской тюрьмы, чтобы разглядеть их и на русском остроге. Переводчик привел описание Говардом выпущенного из тюрьмы английского арестанта, похожего на скелет. Побывавшие в тюрьме уже не способны к труду вследствие их полного истощения. Известно, что русские арестанты были живы только милостыней, и описание английской тюрьмы попадало не в бровь, а в глаз российскому правительству.

Значение перевода, однако, этим не исчерпывалось. Кроме статей чисто описательного содержания, Новиков выбрал для перевода из сочинений Говарда также очерк на тему о законодательном устройстве тюрем. Здесь было обращение уже к самому законодателю и указывался новый распорядок в тюрьмах, который мог быть введен лишь при условии устройства новых тюремных помещений, введения новых правил размещения арестантов, их питания, труда, санитарных условий и пр. Нет необходимости в подробностях излагать содержание этого очерка, но скажем, что речь шла не об исправлении старой тюрьмы, а об устройстве тюрьмы на новых началах. Сам Говард предупреждал возражения со стороны тех, кто боялся притока в реформированную по его проекту тюрьму голодных бедняков, туземцев и т. д. Говард писал: «Не известно ли всякому, что самая ужасная пещера или вертеп приятны для того, кто живет в них и выходит из них по своей воле, и что самые великолепные палаты несомненно будут для того, кто осужден никогда из оных не выходить и жить в них не по своей воле».

Переводчик приложил к переводу план устройства проектируемой тюрьмы с изображением фасадов зданий (см. рис. 1). Особенностью последних было устройство их на высоких сводах: почти во всю длину тюремного здания должны были находиться сквозные пролеты или ворота. По мнению Говарда, это затрудняло бы побег посредством подкопа. Из плана видно, что отдельные тюрьмы с тюремными дворами и отхожими местами, предназначались для несостоятельных должников, отдельные — для молодых преступников, для заключенных каждого пола,

при общей для них всех церкви, зданий для смотрителя, больницы, саде. Этот план тюрьмы был первым планом, опубликованным в России.

Указанный мною выше перевод статьи Говарда о голландских тюрьмах был напечатан, как сказано, в 1805 году, т. е. через полтора десятка лет после выхода в свет перевода очерков Говарда в журнале Новикова. Это было время, когда в России на очередь был поставлен вопрос об издании новых государственных, гражданских и уголовных законов. На этот раз избранная для перевода статья Говарда имела также описательный характер, но в ней указывалось на примерное состояние голландских тюрем, как достойное подражания и для законодателей других стран¹.

Статья начиналась эпитафией, отдававшей дань веяниям своего времени — либерализму на словах: «Как мало думают веселые люди посреди удовольствий, власти и изобилия о том, как томится в бедности заключенные в мрачных темницах, лишенные даже общего всем воздуха». Статья очень хвалила состояние тюрем в Голландии. Для посетителя кажется даже невероятным, что это тюрьмы. У каждого заключенного своя комната, деревянная постель с соломенным тюфяком и одеялом. Заключенные заняты трудом — пилят дерево, трут сандал, прядут. По воскресным дням — церковная служба. На арестантах одинаковая одежда. За хорошее поведение — досрочное освобождение, за нарушение тюремной дисциплины — заключение в темный карцер без кровати, на хлеб и воду на срок до 10 дней и публичное наказание среди тюремного двора. Но это была лишь показная сторона. На самом деле обычная тюрьма проявляла себя картинами порки и другими тому подобными мерами.

В другом номере «С.-Петербургского журнала» (№ 8) за тот же, 1805, год был помещен очерк под заглавием «Нечто о тюрьмах», заключающий в себе как бы план устройства тюрем. Не повторяя уже известных нам требований Говарда о гигиене и санитарии в тюремном строительстве, отметим, до каких пределов проектировалось довести различия в тюремном режиме для богатых и неимущих. Указывалось, что, не допуская излишеств и роскоши, не следует лишать хорошей кровати, пищи и вина того, кто привык к этому. Наоборот, «кто всегда спал на соломе, питался картофелем и проч.», тому нечего давать того, что он сам себе не мог достать. Впрочем, такое различие в режиме имело лишь декларативное значение, поскольку содержание

¹ См. Д. Говард. О тюрьмах и смиренных домах в Голландии, «С.-Петербургский журнал» 1805 г. № 1, стр. 103—116.

арестантов возлагалось на правительство, которое, если бы и хотело, не всегда могло поить вином богатого арестанта. Но требование такого различия само по себе характерно для идеолога буржуазного тюремного законодательства.

К тому же типу статей о тюрьме, которые преследовали цель познакомить русского читателя с более благоустроенными иностранными тюрьмами, относился и очерк русского путешественника в Англию — Павла Свиньина. Он был напечатан в журнале «Сын отечества» за 1815 год¹.

Неизвестно, насколько Свиньин был знаком с ужасным состоянием русских столичных и провинциальных тюрем, но он пришел в настоящий восторг от лондонских тюрем. В своем письме из Англии он наивно писал хвалебные гимны английскому правительству: «друг человечества» не может не испытать особенного удовлетворения, видя то рвение, с каким английское правительство вводит улучшения в тюремное дело. Он считал, что благодаря усилиям Говарда английские тюрьмы доведены до такой степени совершенства, что Англия может ими похвалиться перед всеми европейскими державами. Здесь уже были устроены различные тюрьмы для различных осужденных и для несостоятельных должников.

Но не все, что видел Свиньин в лондонских тюрьмах, мог с особым удовольствием смотреть «друг человечества». Неизвестно, соответствовала ли его заявлению об улучшении английским правительством тюрем картина, виденная автором в Ньюгетской тюрьме. Он присутствовал там на заупокойной обедне, совершавшейся в присутствии самого заживо отпевавшегося молодого осужденного на смерть за подлоги. Осужденный стоял посередине тюремной церкви в цепях перед гробом, в который через 18 часов должен был быть положен его труп после казни через повешение. Против него сидели 8 других приговоренных к смертной казни, приговор которых еще не был утвержден. Молодой арестант, трогавший до слез присутствующих в тюремной церкви своей молодостью и красотой, стоял спокойно, и только тогда слезы покатились по его щекам, когда священник закончил проповедь обращением к нему, трижды повторив: «Завтра ты будешь повешен, умрешь, как изверг». Дальше этого жестокого издевательства над осужденным при главном участии служителя культа, казалось бы, идти было некуда. Но английская тюремная практика пошла еще дальше. В камеру к осужденному после утверждения приговора каждый час входил

¹ См. «Ньюгетская тюрьма и эшафот», из записок путешественника по Англии Павла Свиньина, «Сын отечества» 1815 г. № 46.

человек, объявлявший смертнику, сколько часов осталось ему прожить до казни. Свиньин присутствовал и при казни на площади перед тюрьмой и видел, как тот же священник не прекращал потоков своего красноречия и на эшафоте, как осужденного с колпаком на голове, с веревкой на шее продержали пять ми-

Планъ Губернской темницы

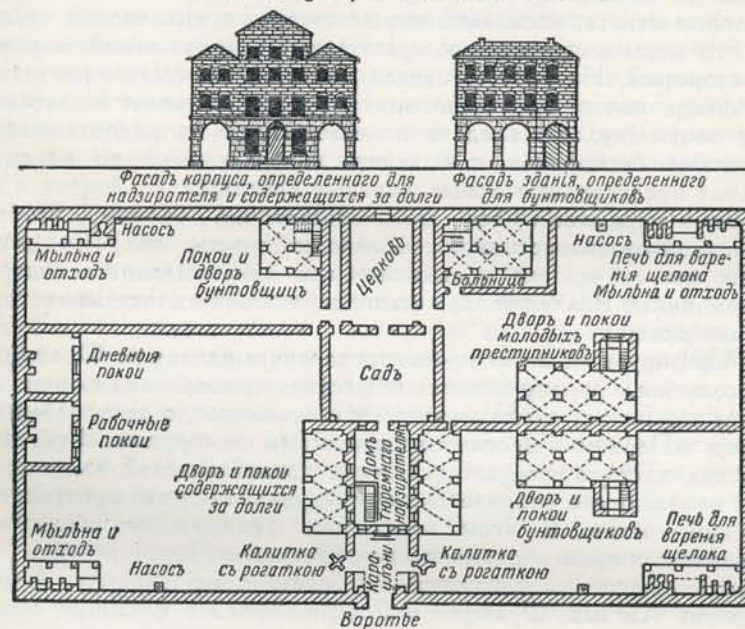

Рис. 1. Проект плана губернской темницы, впервые опубликованный в 1791 году в журнале «Театр судоустройства»

нут под столбами виселицы, прежде чем повесили. Он висел целый час, а по площади в толпе сновали старухи, продававшие печатные листки с изображением виселицы, с биографией осужденного, с его прощальным письмом к друзьям (такие листки носили название «баллад», и автор изложил содержание нескольких из них). В описанном случае преступление осужденного затрагивало интересы казны, и Свиньин верно отметил кровожадность и жестокость английских законов в деле защиты государственного и частного кредита в стране развитой торговли.

Учреждение в 1819 году уже известного нам из первого тома «Попечительного о тюрьмах общества» вызвало в русских

журналах появление в том же году двух статей. Одна из них была помещена в «Сыне отечества»¹, а другая — в «Вестнике Европы»².

В первой сообщались сведения из отчета министра внутренних дел Франции королю о состоянии тюрем в стране. После издания в 1814 году приказа французского короля об устройстве во Франции образцовой тюрьмы было воздвигнуто, по словам отчета, несколько новых тюрем, в них введен труд, приняты меры к ограждению арестантов от притеснений тюремных сторожей. Но авторы отчета принуждены были отметить, что «везде почти тюремные здания слишком малы и тесны; везде почти скудость средств и несообразное их расположение причиняют беспорядок и болезни, которые ныне во многих тюрьмах представляют самые ужасные зрелища».

Эти выражения все же недостаточно сильны, чтобы охарактеризовать истинное положение тюрем во Франции, в чем мы сейчас же убедимся (при ознакомлении с содержанием книги Виллерме³); «всеподданнейший» отчет министра смягчал краски.

Реферлируемый отчет проектировал учреждение во Франции «Королевского французского общества приведения тюрем в лучшее состояние» с ежемесячными собраниями, с центральным советом в Париже и местными комитетами по городам. В состав общества проектировалось включать представителей власти, а самое название его «королевским» предугаживало его аристократический состав. В этом отношении французское общество улучшения тюрем походило на русское «Попечительное о тюрьмах общество», созданное по английскому образцу. Аристократия Англии, Франции и России играла в показную благотворительность.

Вторая статья (в «Вестнике Европы») уже сообщала о начале действия вновь открытого «Королевского французского общества»; церемония его открытия очень напоминала такое же торжественное первое заседание русского общества, причем любители пышности из русской аристократии могли даже поза-

¹ См. Донесения его величеству королю французскому министра внутренних дел о состоянии тюрем во Франции, «Сын отечества» 1819 г. № 18, стр. 278, и № 19, стр. 326—329.

² См. «Королевское французское общество приведения тюрем в лучшее состояние», «Вестник Европы» 1819 г. № 9, стр. 297—301.

³ См. Виллерме. Людовик-Рене, доктор, медицинских и других тюремных обществ член, О тюрьмах в настоящем их положении и о состоянии, в каком оные быть должны в отношении к здоровью и нравственности заключенных и в отношении к политической экономии, перевод с франц. СПб., 1822, стр. 176.

видовать французам. Из «Вестника Европы» они узнали о торжественном молебствии в Соборе парижской богородицы, о проповеди архиепископа, о первом собрании общества в его доме, наконец, о речи члена королевской фамилии. В самых изысканных выражениях он призывал членов нового общества направить усилия к «перерождению, если можно, душ, униженных пороком и гибельными страстями». Тут же общество начало свою деятельность принятием решения выбить бронзовую медаль в память открытия общества с изображением на одной стороне короля, а на другой — президента общества из членов королевской семьи. Заботу же о самих арестантах новое общество проявило разговорами о том, что в Париже у заключенных по одной холщевой одежде и зиму и лето и что надо озаботиться и о второй.

Почти в то самое время, когда члены французского общества улучшения тюрем занимались придумыванием рисунка бронзовой медали для увековечения своей еще не начавшейся деятельности, их соотечественник Людовик-Рене Виллерме увековечил тогдашнее ужасное состояние французских тюрем. Оно было настоящим позором для правительства. Уже в 1822 году с описаниями Виллерме могли знакомиться и русские читатели по переводу, изданному в Петербурге. Надо думать, что издатели этого перевода преследовали цель ознакомления русских читателей не столько с состоянием французских тюрем, сколько с задачами и способами улучшения мест заключения вообще и в России в частности.

Книга французского автора явилась, с одной стороны, негодующим и горячим призывом к обществу и правительству обратить, наконец, внимание на состояние тюрем, а с другой — настоящим руководством для реформы мест тюремного заключения. В систематическом порядке в 17 главах книги автор подробно исследовал тюремные здания во многих местах Франции, одежду и постель заключенных, отопление, питание арестантов, состояние работ, режим, заболевания, смертность, меры исправления арестантов и пр.

Общее состояние мест заключения во Франции позволило автору сказать, что арестантов не запирают, а погребают, и приговор к заключению является приговором к смерти. «Законы повелевают содержать человека под стражей, назначая ему умереть от зараженного воздуха».

Описательная и критическая часть этой книги производила на читателя сильное впечатление. Оно увеличивалось благодаря тому, что автор описывал то, что видел своими глазами, иллюстрируя изложение поразительными фактами. В той самой

Франции, которая была законодательницей мод, шика и блеска, где дворцы поражали своей красотой, как нигде в мире, автор книги о тюрьмах раскрыл картины полного контраста. Заключенные содержались не только в лохмотьях, но и совершенно голые. По словам автора, гнилую солому, на которой они спали, у них оспаривали насекомые. Если в некоторых тюрьмах были окна, то они устраивались очень высоко и были так малы, что солнечный луч никогда не проникал сюда. Так, в башне «Святого Петра» в Лилле в помещении арестантов окна были пробиты в стене толщиной 18 футов. Люди, замерзая от холода, согревались тем, что прижимались друг к другу. Их кормили какими-то мучными затирками и безвкусными хлебками. Так как автор обобщал свои наблюдения и говорил о плохом питании арестантов и в других странах, то переводчик или цензура сделали примечание с оговоркой, что Виллерме плохо знал об ином питании заключенных в России, которым «по их состоянию» доставляется достаточное пропитание «попечительным правительством и человеколюбием россиян». Но мы уже знаем и не один раз убедимся из последующего изложения, что Россия с ее «попечительным правительством» отнюдь не составляла в данном случае приятного исключения.

Описание и критика Виллерме сопровождалось соответствующими практическими предложениями. Так как он был медиком по образованию, то особое значение приобретали его указания медико-санитарного характера. Они были многочисленны и разнообразны, но здесь достаточно отметить, что все указания касались как основных сторон тюремного строительства и быта, так и мелочей и подробностей.

Приведенная мною переводная литература о тюрьмах приобретала тем большее значение, что в первых учебниках уголовного права, опубликованных в России в начале XIX века, тюремный вопрос обходился полным молчанием. Его не коснулся первый переводной учебник Ансельма Фейербаха «Уголовное право» (1810 г.), мимо него прошли Горегляд с его руководством «Опыт начертания российского уголовного права» (1815 г.) и Гуляев с его курсом «Российское уголовное право» (1826 г.). Горегляд посвятил сочинение уже известному нам Лопухину, отметив в предисловии свою цель собрать воедино разбросанные уголовные законы. Относительно наказания лишением свободы он ограничился перечнем его видов и приведением соответствующих законов. Еще меньше сказал о лишении свободы Гуляев; но зато в конце своего курса он напечатал список «особ, изъявивших желание иметь книгу «Российское уголовное право». В списке только 27 фамилий, но некоторые

из участников предварительной подписки подписались на несколько десятков экземпляров, а рязанский губернатор даже на полсотни. Должно быть в этих случаях имелось в виду снабдить руководством Гуляева чинов местного суда и администрации. Среди подписчиков на единичные экземпляры перечислены чиновники, секретари правительственных учреждений, учитель и др. Характерно, что все эти подписчики поименованы в порядке их чинов, с перечнем титулов, например, в таком роде: «его превосходительство г. генерал от инфантерии, генерал-адъютант, генерал-губернатор пяти губерний и разных российских и иностранных орденов кавалер Александр Дмитриевич Балашов» — 10 экземпляров.

Итак, указанные руководства по уголовному праву совсем не давали или давали очень мало сведений о состоянии тюрем и тюремном законодательстве. Иное приходится сказать о переводной литературе специально по тюремному вопросу. Русский читатель был ознакомлен с работами Джона Говарда, хотя и в выдержках из них. Он быстро получил возможность узнать в основных чертах характер пенсильванской тюремной реформы, столь же быстро получил в свое распоряжение и перевод труда Бентама целиком. Он мог знать о состоянии тюрем не только в Англии и Филадельфии, но также в Голландии и Франции. Ему не оставалось неизвестным привлечение, хотя в очень уродливой форме, общественного элемента к тюремной деятельности во Франции. Напоминаем также, что выход двух изданий перевода труда Беккариа должен был бы содействовать выработке нового, гуманного отношения к борьбе с преступностью вообще и к тюрьме в частности.

Однако практическими последствиями знакомства с зарубежными образцами было лишь возникновение в Петербурге «Попечительного о тюрьмах общества». Для тюремного же законодательства это ознакомление с опытом заграничной пенитенциарной мысли прошло совсем бесследно.

§ 2. СВОДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ И УСТАВОВ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ 1832 И 1842 ГОДОВ

Царское правительство делало попытки установления тюремного законодательства, иногда обширного по объему, но всегда скудного по содержанию.

Первым по времени специальным законодательным памятником царской России о лишении свободы явился «Свод

учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных». Он вошел в XIV том Свода законов, изданный в 1832 году, и составил в этом томе его пятую часть, будучи разбит на две книги. Первая из них носит название «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею», а вторая — «Свод учреждений и уставов о ссыльных». В обеих этих книгах очень большое число статей, а именно 832, но в первой книге, имеющей для моей темы наибольшее значение, всего 171 статья. Такое соотношение, когда количество статей о ссыльных в четыре раза превысило число статей Устава о содержащихся под стражею, находилось в полном соответствии с исторической ролью ссылки и тюрьмы в царской России до первой четверти XIX века. Начиная со времен Уложения Алексея Михайловича 1649 года ссылка в различных ее видах всегда интересовала законодателя более, нежели тюремное заключение. Поэтому составителям Свода приходилось разыскивать статьи о тюрьме не без труда, и они находили их тем скорее, чем ближе к ним по времени были годы издания тех или других законов.

Под указанными 171 статьями только в двух случаях встречаем ссылки на законодательство XVII века, 62 раза встречаются ссылки на законы XVIII века, 308 раз сделаны ссылки на законодательные акты XIX века, в том числе 213 раз указаны законы, изданные за период 1822—1832 гг. Таким образом, Устав о содержащихся под стражею по существу дела является сводом законоположений почти исключительно первой трети XIX века и преимущественно последнего десятилетия перед изданием Свода. Это позволяет нам сказать, что история царского тюремного законодательства по существу начинается лишь с XIX века. До этого законодательные акты о лишении свободы носили случайный характер, и законодатель очень мало обращал внимания на тюремное дело.

Ознакомление с Уставом о содержащихся под стражею дает возможность обрисовать положение тюремного законодательства в России в начале второй четверти XIX века.

Следует, однако, подчеркнуть, что содержание «Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею» не выявляет действительного положения тюрем в России и управления ими. Большое количество ссылок под статьями на различные законы не находится ни в каком соответствии со скудостью содержания многих из этих статей. Например, под ст. 66 имеется ссылка на семь законов различных годов XIX века, а в статье всего семь строк и содержание их сводится к предписанию употреблять суммы, пожертвованные в пользу арестантов, на их нужды. Кроме того, в Уставе имеются чисто декларативные положения,

уже отжившие свой век или совсем не имеющие практического значения. В некоторых случаях статьи носят характер какой-то исторической справки. Так, ст. 3 объявляет: «Содержащиеся под стражей при полиции и в тюрьмах именуются преимущественно арестантами». Примечание к этой статье поясняет, что до издания закона 24 июля 1816 г. заключенные назывались невольниками или колодниками. Приведенный в этой статье термин «арестанты» не вводится в обязательное употребление и лишь констатируется, что именно так «преимущественно» именуются заключенные.

Содержание Устава свидетельствует, как мало и поверхностно была регламентирована к 1832 году такая важная часть государственного управления, как тюремное заключение. Все содержание первой книги пятой части тома XIV разбито на три главы. Первая из них носит название «Учреждение мест содержания под стражею» и содержит постановления общего характера, являясь как бы введением ко второй и третьей главам. Эти главы, наоборот, носят специальный характер и заключают в себе постановления о содержащихся при полиции и в тюрьмах (гл. 2) и о содержащихся в смиренных и рабочих домах (гл. 3). Система расположения материала в этих двух главах более или менее сходна. В каждой из них мы встречаемся с узаконениями о размещении арестантов, об их одежде, пище, о лечении и пр. Но вопросы тюремного быта рассмотрены здесь не с одинаковой полнотой, так как глава 2 составляет центральную часть всего тюремного Устава и содержит 131 статью, а глава 3 — только 24 статьи. Еще меньше по объему вводная глава (1), в которой всего 16 статей.

Первая глава с ее 16 статьями никак не могла исчерпать с должной полнотой вопросы общей части тюремного законодательства. Краткость ее не случайна, так как все законодательство предшествующего периода было посвящено не общим вопросам тюремного устройства, а отдельным частным вопросам управления тюрьмами в той или другой губернии или даже той или другой тюрьмой.

В этой первой главе составители Свода, дав перечень мест лишения свободы, разбили их на три группы и отнесли в первую из них помещения «на съезжих дворах, при управе благочиния, при присутствии полиции, при Городническом правлении», во вторую — тюремные замки, или остроги, в городах и в третью — смиренные и рабочие дома также в городах (ст. 2).

Этот перечень мест лишения свободы не был исчерпывающим. В него не вошли ни монастырские тюрьмы, подчиненные

духовному ведомству, ни крепости, ни ратхаузы, ни гауптвахты, ни морские арестантские роты и другие места заключения, подчиненные военному ведомству. Перечисленные в Своде места лишения свободы объявлялись (ст. 9) подчиненными на пространстве всего государства ведомству двух министерств — внутренних дел и юстиции, в отдельных же губерниях — гражданским губернаторам, губернским прокурорам, губернским стряпчим, губернским правлениям, приказам общественного призрения и попечительным о тюрьмах обществам. Таким образом, у тюрьмы оказывалось слишком много хозяев. В результате оправдывалась русская поговорка: «У семи нянек дитя без глаза». К приведенному перечню хозяев тюрьмы надо еще добавить различное военное начальство в лице корпусных и дивизионных начальников и начальников главных штабов, если в остроге содержались также и военные. Кроме того, получали право входа в места заключения управляющий удельной конторой губернии и его помощник, но лишь в дни посещений тюрем губернским прокурором. Эти чиновники удельного ведомства должны были следить, не содержатся ли удельные крестьяне в месте заключения с «несоразмерным отягощением». Но история царской тюрьмы не знает случаев вмешательства удельного ведомства в тюремные распорядки.

Фактическими хозяевами мест заключения являлись (ст. 15) в тюремном замке смотритель из числа полицейских чинов и надзиратели из солдат-инвалидов, а в смирительном доме — надзиратель. Такой состав сам по себе предопределял тот фактический беспорядок и произвол, которые были неразлучны с каждым местом лишения свободы в царской России. Окарауливание тюрем возлагалось на воинские команды или так называемую внутреннюю стражу.

Устав о содержащихся под стражею 1832 года употребляет название «тюрьма» как общее, более широкое, охватывающее названия «тюремный замок» и «острог». Эти виды мест заключения предназначены для более серьезных обвиняемых и осужденных, но вместе с тем и для несостоятельных должников. Смирительные же и рабочие дома предназначались для содержания нарушителей разных полицейских и административных предписаний и запретов, ослушников барской помещичьей воли и родительской власти, а также обвиняемых и осужденных за воровство.

Однако такое размещение заключенных фактически не могло строго проводиться, так как не было достаточного количества смирительных и рабочих домов.

Во вторую четверть XIX века места лишения свободы выступали с теми же требованиями разделения арестантов при их

размещении в тюрьме по полу, сословию, тяжести преступления, которые были объявлены предшествующим законодательством, но фактически не исполнялись. Только сословный признак, признававшийся во всей государственной системе особенно важным, проводился в жизнь. Изменившиеся политические условия расширили к этому времени круг привилегированных арестантов, и ст. 20 с большой твердостью потребовала: «Не сажать в одно место с чернью дворян, чиновников, также и из разночинцев, людей состоянием своим отличных и иностранцев». Так, от арестантской «черни» теперь отделился не только дворянин, но и разночинец достаточной имущественной состоятельности. В особо льготном положении оказывались с 1821 года священнослужители и церковнослужители. В случае присуждения их гражданским судом к временному лишению свободы они не попадали в общие тюрьмы, а направлялись в монастыри. В худшем положении из жителей всей империи оказывались жители Грузии: даже вместо смирительных домов они заточались в крепости (примечание к ст. 149). Национальный признак в данном случае в сильнейшей степени отягощал участь арестанта, так как отбывание заключения в крепостях ввиду самого их состояния было особенно тяжелым.

Наибольшая часть статей Устава о содержащихся под стражею помещена под заголовком «О пище» (36 статей, т. е. более 20% всего их числа в Уставе). Но эти статьи, устанавливая право заключенных питаться за счет казны, почти все относятся к вопросам отчетности о расходовании кормовых денег. Публичное собрание арестантами милостыни для прокормления — картина, неприличная для государства, — было запрещено Уставом. Но так как частная благотворительность оставалась существенным источником содержания арестантов, то Устав регламентировал условия приема и расходования «подаваний».

Касаясь вопроса об одежде арестантов, Устав ни в одной из статей не определял формы арестантского платья. Он ограничивался указанием, что содержащиеся в острогах снабжаются одеждой и обувью за счет казны, а содержащимся в смирительном доме выдается «одежда самая простая». Позднее, при ознакомлении с фактическим состоянием царской тюрьмы исследуемого периода, мы увидим, какие величайшие злоупотребления происходили за тюремными стенами в деле снабжения арестантов пищей и одеждой.

Устав 1832 года обходит почти полным молчанием условия тюремного режима. Он ограничивается требованием, чтобы арестанты бывали на исповеди, а священник склонял их к признанию и раскаянию. О тюремных библиотеках нет ни слова; почти

ничего не говорится и о занятии арестанта трудом. Замалчиваются и вопросы тюремной дисциплины. До некоторой степени эти вопросы освещались в особой инструкции, которая была составлена по решению комитета министров в 1828 году и разослана по губерниям в течение 1831 года. Ее содержанию мы дали в первом томе отрицательную оценку. Однако эта инструкция определяла тюремный режим в большей степени, чем Устав о содержащихся под стражею. Поэтому неудивительно, что она была приложена к этому Уставу; из нее начальники местных тюрем черпали первые по времени указания о том, что хотело от них правительство. Уставу же недоставало глубины содержания и широты охвата всего тюремного дела. Он был слишком схематичен и вместе с тем излишне подробен, например, в разделе о питании арестантов. Но наименование его разделов намечало те основные пункты тюремного дела, которые нуждались в дальнейшей регламентации.

Свод 1832 года был переиздан в 1842 году с дополнениями и изменениями, накопившимися в тюремном законодательстве за истекшие десять лет. Размеры переизданного Устава о содержащихся под стражею увеличились в шесть раз; число статей со 171 теперь возросло до 1056. Законодатель как будто старался наверстать упущенное за предшествующее время, так как для издания 1832 года он мог извлечь из законодательной практики почти двухсотлетнего периода (1649—1832 гг.) слишком немного.

Но по огромному увеличению числа статей во втором издании Устава о содержащихся под стражею было бы ошибочно заключить о таком же качественном улучшении этого Устава. В действительности его пополнение произошло за счет прибавления к нему трех новых многостатейных законов. Один из этих законов был издан в 1839 году и касался исключительно исправительного заведения в Петербурге. Этот закон и вошел в XIV том под названием «Особое положение об исправительном заведении в С.-Петербурге» (ст. ст. 184—747). Второй закон касался петербургского рабочего дома (ст. ст. 748—869).

Третий закон, пополнивший законодательство о тюрьмах, носил название «Устав об арестантских ротах» (ст. ст. 870—1056). Это была попытка широкой милитаризации тюрьмы, превращения тюрем в каторжные казармы. Солдатская служба для крестьян и для всех непривилегированных сословий сама по себе была своего рода каторгой, но арестантские роты гражданского ведомства должны были стать еще более тяжелой каторгой. Такое «военизирование» целой отрасли борьбы с преступностью вполне отвечало реакционному направлению всей

внутренней политики Николая I с его стремлением превратить всю Россию в одну огромную казарму. Не надо забывать, что, помимо арестантских рот гражданского ведомства, были созданы такие же инженерные роты, роты военного, сухопутного и морского ведомств, управление которыми определялось в «Сводах военных и морских постановлений». Закон допускал перевод в эти роты арестантов также и из рот гражданского ведомства. Через бесконечные тяготы заключения в таких ротах проходили и политически осужденные.

Николай I предполагал покрыть всю Россию сетью арестантских рот, и ко времени издания Свода законов 1842 года такие роты уже существовали в 33 городах — в губернских городах на Волге, на Каме, на юге, в северных губерниях, в городах Сибири и в самом центре России (см. перечень их в Своде, ст. 873). Положения об арестантских ротах были изданы отдельно для роты каждого города; Устав о содержащихся под стражею 1842 года сделал неудачную попытку свести эти разрозненные положения в одно целое. Однако пополнения тюремного Устава не носили общеимперского характера, а предназначались для отдельных местностей и для отдельных тюрем. Общего тюремного Устава по-прежнему недоставало.

Познакомимся с содержанием добавлений к тюремному Уставу. Первое и второе из них, т. е. относящиеся к исправительному заведению и рабочему дому в Петербурге, наиболее обширны. Как ни странно, но более половины всех статей нового издания Устава, а именно 685 статей, оказались посвященными только двум тюрьмам в Петербурге. Чего другого, а запретов, предписаний и наряду с этим пышных деклараций законодатель здесь не пожалел. «Положение об исправительном заведении в Петербурге» начиналось со статьи, объявлявшей, что это заведение учреждено «для людей дерзостных, поведением своим повреждающих добронравие, наносящих стыд и позор обществу». На деле само это Положение являлось одним из наиболее позорных памятников законодательства, основанного на классовом неравенстве. В истории тюремного законодательства в России нет другого примера, когда классовые различия в положении арестантов в тюрьме были бы проведены с такой подробностью в самых мелочах.

Большое число статей в этом законе объяснялось в значительной мере тем обстоятельством, что статьи на одну и ту же тему приходилось дублировать, так как повсюду отмечалось, как следует поступать с заключенными привилегированного класса и как с людьми «простого состояния». К группе первых отдельные статьи тюремного Устава 1842 года относили не только

дворян и чиновников, но и представителей более крупного капитала, купцов первой и второй гильдии.

Закон уже не довольствовался одним разделением привилегированных от непривилегированных в различных помещениях тюрьмы. Привилегированные получали каждую особую кровать, а люди «простого звания» — на двоих одну кровать с перегородкой. Первым предоставлялись соломенный матрац толщиной в 2 вершка и волосная подушка в 6 фунтов, а вторым — такой же матрац, но лишь в 1 вершок толщиной, а подушка из соломы.

В общей столовой заключенных разного состояния предписывалось размещать за разными столами. Благородным арестантам предоставлялись тарелки, блюда и оловянные ложки, прочие же арестанты ели из деревянных чашек деревянными ложками. Законодатель нашел возможным разработать и меню завтраков, обедов и ужинов для заключенных разных классов, предоставив белый хлеб только благородным, приказав поить их квасом, а прочих — водой.

Запретив называть заключенных по фамилии, закон предписывал тюремной администрации называть благородных по имени и отчеству, а прочих — только по имени. Именовать благородного заключенного лишь по имени, без отчества, допускалось только в виде дисциплинарного наказания.

Нечего и говорить, что различие было проведено и в форме арестантского платья как по качеству материала, так и по внешнему виду одежды. Устав не допускал и мысли обуть благородных арестантов в лапти, в которые обувал заключенных низших классов. Тем более производилось различие в занятиях заключенных трудом. Так называемая черная работа становилась исключительной обязанностью непривилегированных.

Указанные различия в положении заключенных в зависимости от их классовой принадлежности даже в мелочах тюремного режима могут показаться смешными, но на самом деле они скрывали за собою возмутительное неравенство, лежавшее в основе всего общественного и государственного строя старой России.

Наибольшая часть других статей «Положения об исправительном заведении в Петербурге» носит совсем нежизненный характер. Многие из этих статей прямо наивного содержания и наводят на мысль, не приложили ли руки к их составлению дамы-аристократки из «Попечительного о тюрьмах общества». По крайней мере некоторые из этих статей напоминают распорядок «пансионов для благородных девиц». К числу таких статей относятся требования, чтобы арестанты шли к завтраку,

обеду и ужину попарно, чтобы за столом не разговаривали, чтобы в общении между собой не допускали грубостей; запрещались «соблазнительные» разговоры, песни, хохот и вообще резвость, предписывалось расчесывать волосы, а раздевшись перед сном, уложить свою одежду и обувь «пристойно и в порядке на скамейке у кровати».

Напоминало «пансион для благородных девиц» и требование составления на каждого арестанта особого листка под названием «лист поведения». Надзиратель должен был ежедневно делать в нем отметку о поведении арестанта, представляя этот листок каждый вечер своему начальнику; этот последний вел беседу с арестантом, выражая ему свое удовольствие или выговор, а раз в неделю «листок поведения» после молитвы прочитывался заключенным.

Особенностью режима исправительного заведения в Петербурге было требование проводить время за работой или молитвой, или чтением книг, особенно религиозных. Прямо запрещались «повести, сказки, романы, театральные сочинения». Этот запрет распространялся на все виды такой литературы независимо от того, кто являлся ее автором. В качестве занятий допускались живопись и рисование, но с оговоркой, чтобы никогда не рисовали портретов с натуры и притом чтобы «самые предметы не были соблазнительными». Предоставляем читателю теряться в догадках, какие предметы здесь подразумевались под «соблазнительными».

К сожалению, неизвестно, во что вылились на практике эти изумительные статьи о тюремном распорядке. Следует добавить, что данная тюрьма предназначалась для осужденных и для лиц, посылавшихся в тюрьму без суда — администрацией, помещиками и родителями. Наименьший срок содержания здесь был один месяц, высший же, по общему правилу, для чиновных — один год, для прочих — два года.

Перейдем к другому дополнению Устава сравнительно с предшествующим его изданием — к «Особому положению о рабочем доме в С.-Петербурге». Выделение петербургского рабочего дома из ряда других таких же домов в империи может быть объяснено только тем особым вниманием, какое вызывала к себе столица во многих отношениях; тут все было слишком на виду, а потому и хотели выставить напоказ то, что было лучше или должно было быть лучше.

Закон весьма неточно определял круг заключенных рабочего дома. Статья 748 объявляла о предназначении этого дома для «обличенных в воровстве и других преступлениях»; ст. 751 поясняла, что в рабочий дом принимают «хотя и преступников,

но подвергаемых легкому наказанию». Кроме воровства, в других статьях закона были указаны мошенничество, порубка леса, укрывательство беглых и дезертиров, просрочка паспортов, провоз из-за границы товара без оплаты пошлины, преступления, связанные с нарушением законов о продаже вина, проступки, совершенные в пьяном виде, полицейские проступки, проступки крепостных против помещика.

Главное назначение рабочего дома состояло в отработке осужденными стоимости похищенного или штрафа, не уплаченного по несостоятельности. Со стоимостью похищенного или с размером штрафа были связаны и сроки заключения. При просрочке паспорта виновный задерживался в рабочем доме столько времени, сколько он прожил по просроченному паспорту.

Перечисляя все эти преступления, закон, однако, делал одну существенную оговорку: он предназначал рабочий дом только для «людей низкого состояния». Заключенные должны были здесь заниматься трудом, а труд не составлял обязанности людей привилегированных, оттого они и не подлежали заключению в рабочий дом. Закон подчеркивал двойное значение рабочего дома. С одной стороны, заключение в нем являлось средством удовлетворения потерпевшего, а с другой — служило «для восчувствования необходимости исправиться».

Рабочий дом составлял как бы часть описанного выше исправительного заведения в Петербурге, возглавлялся смотрителем этого заведения, имел общие с ним церковь, больницу и некоторые другие службы. По примеру исправительного заведения в рабочем доме предполагалось иметь особые помещения для работ, для принятия пищи и для постоянного жилья. Режим в рабочем доме был сходен с режимом для непривилегированных арестантов исправительного заведения. Закон требовал кормить их умеренно, давать им воду, а не квас и т. д.

Так как труд для арестантов рабочего дома был обязательным, то тюремный Устав подробно перечислял виды этого труда. Это были большей частью занятия по хозяйству тюрьмы и несложный ремесленный труд. Рабочий день чернорабочего оценивался в семь с четвертью копеек. За такую плату дозволялось отпускать арестантов на работу вне тюрьмы. Средствами поддержания дисциплины являлись разнообразные наказания вплоть до заключения в карцер и розог.

Третьим добавлением к тюремному Уставу в 1842 году явился «Устав об арестантских ротах». Как указывалось выше, Николай I делал попытку военизирования тюрьмы. Во главе арестантской роты ставилось военное начальство в лице офицера. При нем находилось соответствующее число солдат.

Одна из статей вводила подсудность военному суду не только командира роты и солдат, но и самих арестантов. Страшная николаевская военная дисциплина с ее шпицрутенами воцарилась в острогах арестантских рот еще шире, чем в обыкновенных полках. Безответственность командира арестантской роты и солдат за разнообразнейшие жестокости по отношению к арестантам укоренялась здесь еще прочнее, чем в казармах.

Арестантские роты гражданского ведомства предназначались для осужденных за различные преступления. Сюда же направлялись по воле помещика, без суда их крепостные, а также беглые и бродяги. Если рабочий дом предназначался только для «черных», то в арестантские роты попадали также лица привилегированного сословия. В значительном количестве арестантские роты гражданского ведомства находились в распоряжении губернских строительных комитетов; работы арестантов в этом случае состояли в строительстве и ремонте казенных зданий, улиц и дорог. Заработная плата в размере 4 коп. в сутки поступала на улучшение условий содержания.

Создателем арестантских рот был сам Николай I, что подчеркивалось не один раз в различных правительственных сообщениях. Никто этой «честь» у царя отнять не может; дух солдатчины и гнет казармы история неразрывно связала с именем Николая I. Но царское правительство преподносило каждую вновь открывавшуюся арестантскую роту как акт монаршей милости и как дело человеколюбия. Уже давно с полной очевидностью раскрылись картины режима арестантских рот царской России, и приходится поражаться, как хватало дерзости превозносить это жестокое и кровавое дело.

Результатом восхваления арестантских рот явилось повеление об открытии их в Казани в 1837 году. В официальном отделе правительственных распоряжений в журнале министерства внутренних дел был напечатан устав этих рот. Уставу предшествовало пояснение, что ранее обращение с преступником было таково, что для него смерть была желанным избавлением. По словам официальной декларации, все это ушло в далекое прошлое, а теперь приходится удивляться «кротости и человеколюбию христианского учения», на почве которого возникли арестантские роты. Вновь была подчеркнута инициатива самого Николая I, посетившего в 1836 году Казань и указавшего на пользу открытия здесь арестантских рот. Положение об этих ротах в Казани царь и утвердил 10 июля 1837 г.¹ В основных чертах оно не отличается от описанного нами выше.

¹ См. «Журнал министерства внутренних дел» 1837 г. № 9, стр. 57—69.

§ 3. ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ ПО УЛОЖЕНИЮ 1845 ГОДА

В первом томе «Истории царской тюрьмы» мы закончили исследование вопроса о применении тюрьмы русским уголовным законодательством по Своду законов 1832 года. Напомним, что этот Свод явился завершением всего предшествующего законодательного пути, на котором лишение свободы играло очень скромную роль. Свод законов 1842 года не изменил этой картины сколько-нибудь существенно. Иное приходится сказать об Уложении о наказаниях 1845 года. Это детище Николая I широко использовало другое его детище — арестантские роты.

Разделив наказания на уголовные и исправительные, Уложение 1845 года в отличие от всего предшествующего законодательства наметило уже несколько видов лишения свободы. На первом месте среди них оно поставило исправительные арестантские роты гражданского ведомства, а вслед за ними перечислило рабочий дом, смиренный дом, крепость, тюрьмы и кратковременный арест.

Вся так называемая лестница наказаний насквозь была пронизана классовыми различиями в самой неприкрытой наготе.

Закон без всякого стеснения устанавливал две различные мерки для измерения вины и меры наказания. При выборе наказания он разделял российских подданных на изъятых от телесного наказания и неизъятых от него. Принадлежность к многомиллионной группе неизъятых была «законным» основанием для увеличения наказания осужденному. Отягощение наказания при ссылке в каторжные работы и на поселение состояло в добавочном назначении наказания плетью и клеймении лица. Таким образом, если преступление было совершено по соучастию людьми различных сословий, например помещиком и его крестьянином, и суд находил их обоих одинаково виновными и назначал ссылку в каторжные работы для каждого из них на один и тот же срок, он добавочно присуждал крестьянина к плетям до 100 ударов и клеймению лица.

Исправительные арестантские роты гражданского ведомства существовали по Уложению 1845 года только для неизъятых, притом с неперменным предварительным наказанием розгами от 50 до 100 ударов.

За такие же преступления изъятые подлежали ссылке на житье в Сибирь, причем суд мог, но не обязан был назначить

временное лишение свободы. Когда изъятые присуждались к ссылке на житье в европейские губернии, неизъятые попадали в рабочий дом.

Приговоренные к тюремному заключению крестьяне и мещане могли быть используемы на общественных или других работах. Но эта же статья объявляла, что лица всех прочих состояний могут заниматься работами лишь по их собственному желанию. Даже при наказании наиболее легким видом лишения свободы — кратковременным арестом — дворяне и чиновники находились в исключительном положении: суд мог назначить им отбывание этого ареста в их собственных домах или при местах службы.

Таким образом, составители Уложения 1845 года провели классовую линию в борьбе с преступностью еще ярче, чем это было в предшествовавшем законодательстве.

Уже одно ознакомление с перечнем уголовных и исправительных наказаний показывает, что во взгляде законодателя на лишение свободы произошла резкая перемена. Свою карательную систему Уложение 1845 года строило почти исключительно на этом наказании, разнообразя его виды и сроки.

Рассмотрение «особенной части» этого Уложения показывает, насколько его отношение к наказанию тюрьмой отличается от отношения к нему Свода 1832 года.

Уложение 1845 года содержит 2224 статьи, из которых 181 статья относится к общей части, а 2043 статьи — к особенной части. Из этих 2043 статей очень значительное число, а именно 848 статей, содержат в своих санкциях тот или иной вид лишения свободы: исправительно-арестантские роты упомянуты в 327 статьях, арест — в 304 статьях, тюрьма — в 249, смиренный дом — в 146, рабочий дом — в 126, крепость — в 84, монастырь — в 6 и в одной статье упомянуто «содержание под стражей». Такие виды лишения свободы, как ссылка в каторжные работы, на поселение и на житье, в наш подсчет не вошли.

Таким образом, в 848 статьях интересующие нас виды лишения свободы упомянуты 1253 раза (при этом, если какая-либо статья упоминала наказание, например исправительными арестантскими ротами, более одного раза, в зависимости от тяжести данного преступления, мы включали ее в этот подсчет лишь один раз).

Нельзя не признать результаты этого подсчета показательными: роль лишения свободы по Уложению 1845 года огромна. Напомним, что в XV томе Свода законов 1832 года наказание тюремное было упомянуто только в 18 статьях, арестом —

в 5 статьях, смирительным и рабочим домами — в 13 и арестантскими ротами — в 5. Применение всех этих видов лишения свободы возросло за 13 лет в колоссальных размерах. Но к такой роли лишения свободы в общей системе репрессий правительство совершенно не было подготовлено — бумажное творчество не считалось с фактическими возможностями.

Трехзначные цифры числа статей, угрожавших различными видами лишения свободы, и четырехзначная цифра общего итога — 1253 сами по себе свидетельствовали о хаотическом состоянии уголовной репрессии. Невозможно было рассчитывать на правильный учет законодателем соответственной тяжести каждого преступления, если он сумел расточить угрозы лишением свободы в 1253 случаях. Хаотическое состояние дела репрессирования тюрьмой явствует и из того факта, что нередко одна и та же статья Уложения грозила четырьмя видами лишения свободы, начиная от ареста и кончая исправительно-арестантскими ротами (ст. ст. 630, 666, 901, 979, 1169, 1315, 1316, 1587, 1626, 1638 и др.), или тремя видами лишения свободы (ст. ст. 1180, 1188, 1306, 1338, 1615 и многие другие).

Это приводило к тому, что, например, тюрьма назначалась и за такие преступления, как угроза начальнику или господину, и за разнообразнейшие преступления имущественные, против личности, должностные и пр. (исправительно-арестантские роты — за те же преступления, но в еще большем числе случаев и с еще большим разнообразием и размахом). Еще больше простора в размахе законодателя при выборе сроков лишения свободы. Соблюсти соразмерность при выборе этих сроков было для него еще труднее. Он выходил из затруднения, назначая более строгие виды лишения свободы и более продолжительные сроки, когда преступление было направлено непосредственно против него самого — против царя, религии, господствующего класса. При менее значительных преступлениях хаотическое состояние репрессии лишением свободы еще более бросается в глаза.

Правильность нашего вывода о роли лишения свободы по Уложению 1845 года подтверждается сравнительными цифрами уголовной статистики за два периода: во-первых, за период после издания Свода законов 1832 года до издания Уложения 1845 года и, во-вторых, за период после издания этого Уложения, введенного в действие с мая 1846 года.

Хотя сведения о карательной деятельности судов на основе Свода законов 1832 года даны в соответствующих таблицах ежегодных отчетов министерства юстиции начиная с 1832 года, но до 1840 года включительно таблица о наказаниях составлена

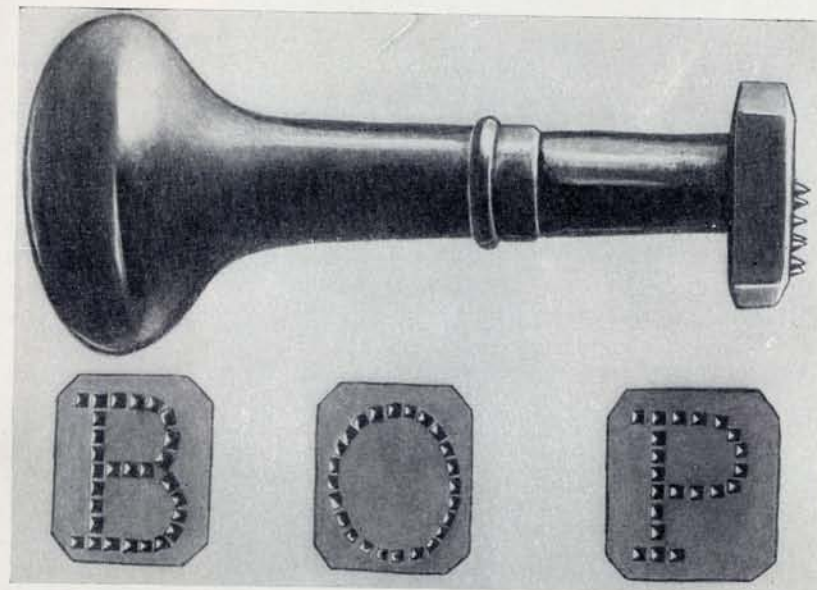

Рис. 2. Клеймо «ВОР», введенное в 1754 году и отмененное в 1846 году

Подлинники хранятся в областном музее г. Калинин

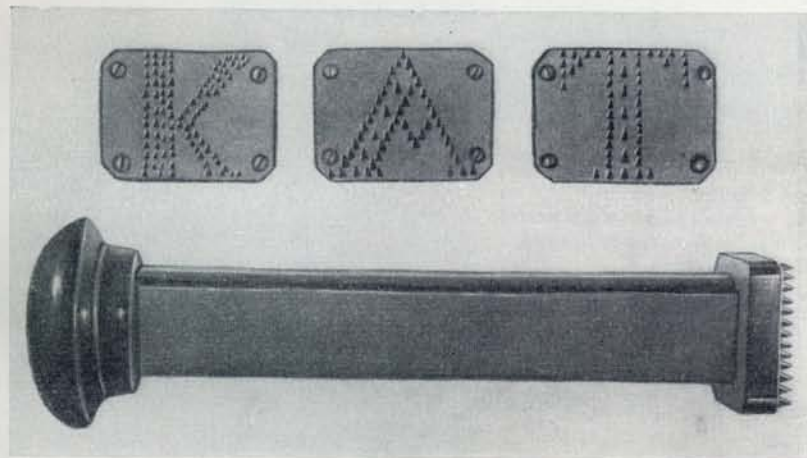

Рис. 3. Клеймо «КАТ», введенное в 1846 году и отмененное в 1863 году

Подлинники хранятся в Московском историческом музее и музее г. Ярославля

так, что применение отдельных видов лишения свободы не может быть выяснено: сведения о наказаниях объединены всего-навсего в трех графах: 1) каторжные работы, 2) ссылка на поселение, в крепостные работы и отдача на военную службу и 3) прочие легчайшие наказания. Поэтому я взял для сравнения из первого периода 1841—1845 гг.

ПРИСУЖДЕННЫЕ К РАЗЛИЧНЫМ НАКАЗАНИЯМ
УГОЛОВНЫМИ ПАЛАТАМИ
ЗА 1841 — 1845 ГОДЫ¹

Годы	Присуждено к наказанию						
	всего	к каторж- ным рабо- там	на поселе- ние	в рабоче- го дома	к телесным наказаниям	Ограниче- ние прав состояния	к другим наказаниям
1841	16297 100%	1244 7,6%	4680 28,7%	250 1,5%	2852 17,5%	393 2,4%	6878 42,3%
1842	24613 100%	1339 5,4%	6741 27,4%	413 1,7%	5966 24,4%	373 1,5%	9781 39,6%
1843	28231 100%	1161 4%	6626 23,5%	502 1,8%	7219 25,6%	486 1,7%	12237 43,3%
1844	33787 100%	1155 3,4%	6712 19,9%	797 2,3%	7656 22,7%	454 1,3%	17013 50,4%
1845	32271 100%	1100 3,4%	6331 19,6%	612 1,9%	7432 23,0%	387 1,2%	16409 50,9%

Эти цифры, извлеченные нами из оставшихся до сих пор неиспользованными отчетов министерства юстиции, и произведенные нами процентные исчисления показывают, что в основе репрессии уголовных судов царской России в 1841—1845 гг. лежали телесные наказания, с одной стороны, и ссылка на поселение с другой. При этом не надо забывать, что ссылка в каторжные работы и на поселение соединялась для непривилегированных с наказанием кнутом и плетью. Наказание розгами входило в рубрику «к другим наказаниям». Таким образом, в действительности объем телесных наказаний был еще выше, чем он показан в таблице. Поистине, краеугольным камнем репрессии были кнут, плети, шпицрутены, розги и пр. Из видов лишения свободы таблица выделила лишь заключение в рабоче-го дома, но процент назначений этого наказания очень небольшой: 1,5—2,3. Размер применения других видов лишения

¹ Отчеты министерства юстиции за 1841, 1842, 1843, 1844 и 1845 гг.

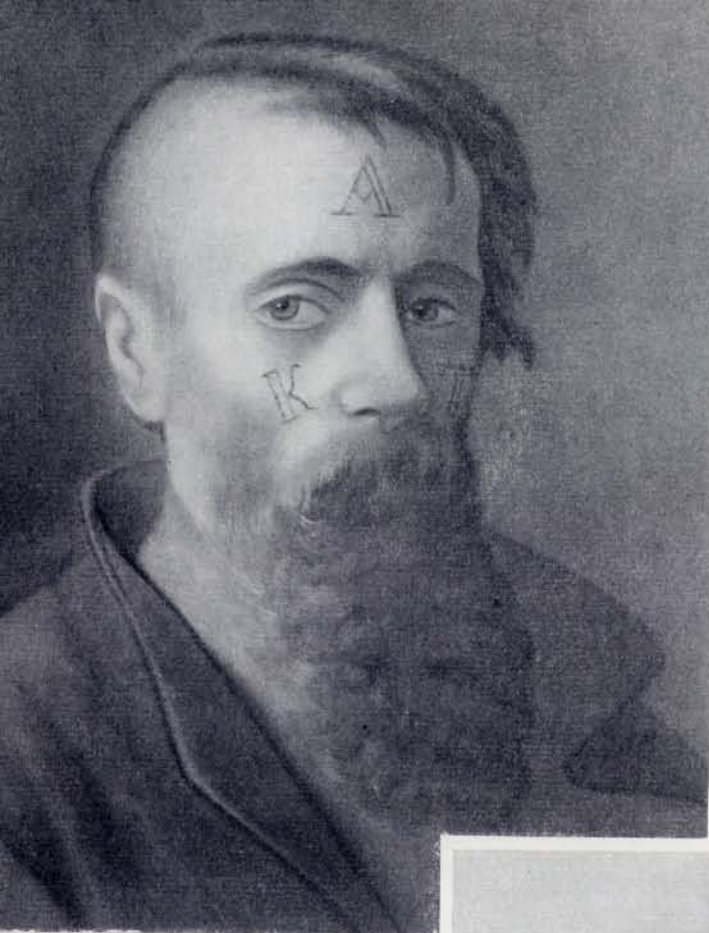
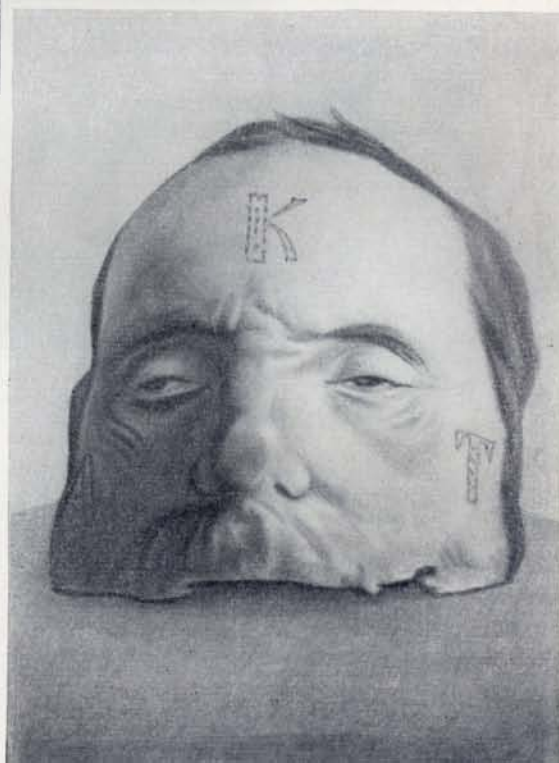

Рис. 4. Клейменный Петр Алексеев, убийца корабельника Лошкова. Фото с портрета, сделанного академиком Н. Тютрюмовым в тюрьме в ноябре 1858 года

Подлинник хранится в Государственном музее этнографии в Ленинграде

Рис. 5. Фотография с клейменной головы

Голова в заспиртованном виде хранилась в 1905—1908 гг. в Харьковском институте судебной медицины.

ПРИСУЖДЕННЫЕ К РАЗЛИЧНЫМ НАКАЗАНИЯМ УГОЛОВНЫМИ ПАЛАТАМИ
ЗА 1847, 1849 — 1851 ГОДЫ

Годы	Присуждено к наказаниям										
	Всего	К катор- жным ра- ботам	На поселение	К ссылке на житель- ство	В аресто- вые роты	В рабоче- го дома	Отдача на военную службу	К заключению			
								В крепость	В спиритель- ный дом	В тюрьму и к аресту	К другим наказаниям
1847	29123 100%	627 2,2%	434 1,5%	262 0,9%	3790 13,0%	1053 3,6%	641 2,2%	44 0,1%	318 1,1%	4604 15,8%	17350 59,6%
1849	28690 100%	850 3,0%	836 2,9%	217 0,8%	3925 13,7%	1157 4,0%	500 1,7%	13 0,04%	313 1,1%	3502 12,2%	17377 60,6%
1850	28389 100%	646 2,3%	684 2,4%	238 0,8%	3548 12,5%	1079 3,8%	519 1,8%	3 0,01%	311 1,1%	3083 10,9%	18278 64,4%
1851	35132 100%	727 2,1%	945 2,7%	236 0,7%	3599 10,2%	1480 4,2%	1144 3,2%	7 0,02%	336 1,0%	3373 9,6%	23285 66,3%

ПРИСУЖДЕННЫЕ К РАЗЛИЧНЫМ НАКАЗАНИЯМ СУДАМИ НИЗШЕЙ ИНСТАНЦИИ
ЗА 1847 — 1851 ГОДЫ

Годы	Всего	К каторжным работам	На поселение	К ссылке на жительство	В арестные роты	В рабоче-го дома	Отдача на военную службу	В крепость	В спиритель-ный дом	В тюрьму и к аресту	К другим наказаниям
1847	49012 100%	1005 2,1%	1329 2,7%	849 1,7%	4940 10,1%	1255 2,6%	1534 3,1%	64 0,1%	612 1,2%	6344 12,9%	31080 63,5%
1848	42024 100%	905 2,2%	1557 3,7%	767 1,8%	4563 10,9%	1181 2,8%	1412 3,4%	51 0,1%	690 1,6%	6236 14,8%	24662 58,7%
1849	42855 100%	946 2,2%	1314 3,1%	720 1,7%	4997 11,7%	1678 3,9%	1433 3,3%	52 0,1%	961 2,2%	5996 14,0%	24758 57,8%
1850	41427 100%	1050 2,5%	1390 3,4%	889 2,1%	5133 12,4%	1375 3,3%	1244 3,0%	111 0,3%	603 1,5%	5976 14,4%	23656 57,1%
1851	48110 100%	861 1,8%	1564 3,3%	667 1,4%	5737 11,9%	1707 3,5%	1793 3,7%	91 0,2%	641 1,3%	6638 13,8%	28411 59,1%

свободы, как, например, смиренного дома, полицейского ареста, исправительно-арестантских рот, не может быть выяснен, так как сведения о применении этих наказаний объединены со сведениями о всех других наказаниях.

Таблица на стр. 50 показывает виды репрессий за период 1847—1851 гг.

При сравнении репрессий за оба интересующие нас периода во втором периоде видно уменьшение применения каторжных работ и особенно ссылки на поселение: в первый период процент применения последней достигал даже 28,7 (1841 г.), а во второй он не был выше 2,9 (1849 г.). Ссылка на поселение была заменена чаще всего ближайшим к ней по тяжести наказанием — исправительными арестантскими ротами, в которые попадало 10,2—13,7% общего числа всех наказанных. В тюрьму и под полицейский арест попадало во второй период 9,6—15,8% осужденных, в смиренный дом направлялся всего 1%, в крепость — даже менее 1%. Проценты приговоренных в рабочие дома можно сравнить за оба периода: во второй период этот процент возрос до 4,2 (1851 г.) против максимального в первый период — 2,3 (1844 г.). Оставшаяся очень значительная роль телесных наказаний во втором периоде скрыта в отчете уголовной статистики помещением сведений об этом в общей графе прочих наказаний. Если подсчитать общее число приговоренных к таким видам лишения свободы, как исправительные арестантские роты, рабочий дом, смиренный дом, крепость, тюрьма и арест, то узнаем, что не менее четверти всех наказанных проходило через эти места лишения свободы. Этот высокий процент находится в соответствии с карательной политикой царизма по Уложению о наказаниях 1845 года.

Еще более ярко выявляется увеличение роли тюрьмы при сравнении репрессии за отдельные преступления. Например, за воровство-кражу попало на поселение в первый период 45,6—50,1%, а во второй — не более 1,5% осужденных. Вместо поселения стало назначаться наказание исправительными арестантскими ротами (31,1—42,8% всех наказанных за годы второго периода), а также тюрьма и полицейский арест (от 6,5 до 10,8% всех осужденных за воровство-кражу). Применение рабочего дома возросло более чем в 5 раз, в 1848 году достигнув даже 11%. Телесные наказания за воровство-кражу назначались в 1841—1845 гг. одной трети осужденных, и неизвестно в каких размерах они были применены в 1847—1851 гг., так как сведения об этом скрыты в рубрике «других наказаний», которые были назначены также одной трети осужденных.

Для завершения статистической картины роли лишения свободы после издания Уложения 1845 года приведем взятые мною из тех же отчетов министра юстиции сведения о репрессии по приговорам так называемых низших судов. Через них проходило ежегодно более 40 тысяч человек. Несмотря на излюбленный обычай этих судов пользоваться в борьбе с преступностью розгами, разные виды лишения свободы применялись ими ежегодно ко многим тысячам осужденных.

Таблица на стр. 51 показывает, что низшие суды входили во вкус назначения разных видов лишения свободы. Тюрьма и полицейский арест, с одной стороны, и исправительные арестантские роты, с другой, поглощали все большее количество осужденных. Рост этих наказаний вызывался ограничением ссылки на поселение, провал которой стал совершившимся фактом, а беглые сибирские бродяги были живым доказательством этого провала.

Рост тюремного населения требовал от законодательства и администрации особого внимания к тюрьме. Но ни законодатель, ни центральная и местная администрации по-прежнему ей никакого внимания не уделяли. Доказательство этому мы находим в переизданном в 1857 году Уставе о содержащихся под стражею.

Нельзя сказать, чтобы издание в 1845 году Уложения о наказаниях не вызвало со стороны правительства никаких мероприятий. Но какого характера были эти мероприятия, мы узнаем от Варадинова, автора нескольких томов «Истории министерства внутренних дел». Названный автор не замечал, как странно звучит сделанный им перечень этих мероприятий: министерство внутренних дел организовало «устройство эшафотов, позорных столбов и дрог для перевозки преступников на лобное место»¹.

Этот перечень оказался не исчерпывающим, и через полсотни страниц своей монографии Варадинов вспомнил и

¹ Варадинов, История министерства внутренних дел, ч. 3, кн. III, СПб., 1862, стр. 242.

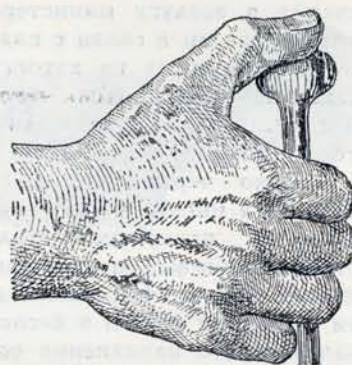

Рис. 6. Из руководства палачам о способе наложения клейм на преступников по указу 21 июля 1845 г.

поставил в заслугу министерству внутренних дел заботливое изготовление им в связи с изданием Уложения 1845 года клейм для присужденных на каторгу и на поселение и для бродяг, а также и «однообразной формы разных принадлежностей для казней»¹. Какого рода были эти принадлежности для казни, автор не указал.

Только через четыре года после издания Уложения 1845 года, а именно в 1849 году, правительство, уже запасшееся эшафотами, позорными столбами, позорными колесницами, плетями, клеймами и прочим, подумало и о переполненных тюрьмах. Тот же Варадинов наивно пояснял, что подумать об этом заставили побег и беспорядки, происходившие вследствие «значительного наполнения острогов, смиренных и рабочих домов осужденными по Уложению о наказаниях». Поэтому, как пояснил автор, и были устроены одиночные камеры в 291 городе. Впрочем, производились затраты и на устройство тюрем, но только в 10 городах империи².

Если сравнить заботы министерства об устройстве новых острогов с заботами о надежном клеймении арестантов, то придется признать, что нередко последние преобладали над первыми. Министерство возвращалось к вопросу о клеймении преступников не один раз. Еще циркуляр от 21 мая 1841 г. требовал накладывать клейма на осужденных прочнее: «Всякое непрочное и неясное впрямь означение на преступниках знаков бесчестия может быть отнесено только к явному ослаблению, за что виновные должны подвергаться строгому взысканию».

В тот самый 1846 год, когда было введено в действие Уложение о наказаниях 1845 года, Государственный совет занялся «реформой» клеймения и с глубокомыслием высказал мнение с замене прежнего клейма «ВОР» тремя первыми буквами слова каторжник — «КАТ» с тем, чтобы буква «К» ставилась на лбу, буква «А» — на правой щеке и «Т» — на левой. Царь это мнение утвердил 8 апреля 1846 г. От такой «реформы» выигрывали разве только лишь подрядчики, поставлявшие новые клейма в тюрьмы³.

За год перед тем, 21 июля 1845 г., было утверждено мнение того же Государственного совета клеймить беглых и сооб-

¹ Варадинов, История министерства внутренних дел, ч. 3, кн. III, СПб., 1862, стр. 297.

² См. там же, стр. 496.

³ См. Собрание циркуляров и инструкций министерства внутренних дел, с учреждения министерства по 1 сентября 1853 г., т. VII, чч. XIII и XIV, СПб., 1858, стр. 427.

щать в министерство внутренних дел ежемесячно число заклеянных по разрядам: каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг, не помнящих родства. В особой инструкции давались указания, как производить эту омерзительную операцию. Клейма накладывались на беглых при содействии фельдшеров на предплечье правой руки. Если требовалось наложить второе клеймо за второй побег, то оно ставилось ниже первого клейма. Ставились клейма и на лопатке. Наложённые знаки были трех видов и состояли из букв «СК» (ссыльнокаторжный), «СП» (ссыльнопоселенец) и «Б» (беглый). Эти буквы выкалывались на теле металлическими иглами при помощи особого аппарата, и глубокие уколы смазывались краской. Трудно сохранить спокойствие при чтении инструкции, как бы смакующей подробности этой операции¹.

Заклеймив арестантов, правительство не успокаивалось и заботилось о сохранении наложенных клейм до самой смерти заклеянных. «До сведения министерства дошло, что у некоторых бродяг совершенно истребились наложенные на основании высочайшего повеления 21 июля 1845 г. знаки оттого, как оказалось, что бродяги сии, вскоре после наложения тех знаков, мылись в бане». Ввиду этого в 1847 году было разослано особое наставление, как воспрепятствовать заклеянным уничтожать наложенные на них клейма².

Царское правительство, сохранившее клеймение даже во второй половине XIX века, вплоть до 1863 года, заклеяло этим само себя.

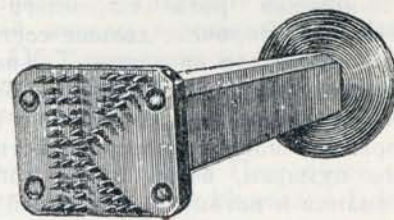

Рис. 7. Аппарат с буквой «К» для клеймения присужденных к каторжным работам

§ 4. ПРОЕКТ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1845 ГОДА

В связи с составлением в 1845 году нового уложения о наказаниях правительство пришло к мысли о необходимости поставить вопрос о тюремной реформе в России. Этого требовала

¹ См. Собрание циркуляров и инструкций министерства внутренних дел, с учреждения министерства по 1 сентября 1853 г., т. VII, чч. XIII и XIV, СПб., 1858, стр. 439.

² Там же, стр. 440.

расширенная роль тюремного заключения по Уложению 1845 года. Впрочем, дальше составления проекта нового закона о тюрьмах дело не пошло. Тем не менее этот проект заслуживает нашего внимания: грандиозны были задуманные планы тюремного строительства, совершенно необычными были для русской тюрьмы основы ее переустройства, но все это оказалось мыльным пузырем, очень скоро лопнувшим. Проект заслуживает внимания и потому, что в нашей юридической печати о нем нет никаких сведений. Между тем использованное нами архивное дело дало немало интересных сведений как по истории составления проекта, так и относительно его содержания.

Инициатором тюремной реформы в России явился сам Николай I, пленившийся осмотренной им в Лондоне одиночной тюрьмой. Вывезя с собой в Россию описание этой (Пентонвильской) тюрьмы, царь передал его министру внутренних дел с выражением пожелания иметь такую же одиночную тюрьму у себя в столице и в других городах империи. Во исполнение поручения царя министр внутренних дел представил доклад, в котором не посмел высказать никаких сомнений о несбыточности царской мечты покрыть всю Россию одиночными тюрьмами по образцу Пентонвильской. Однако он не обошел молчанием, что царская затея обойдется казне в 23 млн. руб. серебром, или 80 600 тыс. руб. ассигнациями. Такова была стоимость лишь 75 одиночных тюрем на 520 человек каждая, или в среднем на 40 тыс. заключенных в год, из числа осужденных¹. Между тем по сведениям министерства юстиции только одних обвиняемых содержалось в то время в тюрьмах ежегодно 105 тыс. Таким образом, расчеты министерства внутренних дел не касались мест заключения для огромного числа подсудимых арестантов. Царь утвердил образование особого комитета под председательством товарища министра внутренних дел Сеньявина, поручив ему выработку проекта устройства одиночных тюрем, «применяясь к правилам, какие существуют в Англии и других просвещенных государствах».

Относительно этих «правил» была представлена очень интересная записка членом комитета Кутузовым. Надо отдать справедливость, он дал яркую характеристику жестокостей репрессивной борьбы с преступностью в Англии и в других «просвещенных государствах». В частности, он имел мужество высказаться и против одиночной системы заключения, понаравившейся царю. Критикуя систему одиночных камер в Пенсиль-

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента, полиции исполнительной, 1845, № 1285. Дело комитета об устройстве исправительных тюрем, «О предложениях комитета по устройству тюрем» (513 листов).

вании, он говорил, что эти тюрьмы «исправляют только тех, которые из каменной временной могилы готовы перешагнуть в могилу вечную, земляную». Об одиночном же заключении в Англии Кутузов писал, что оно, «составляя самую ужасную кару, какую только наш век мог изобрести, не приносит ожидаемой пользы»¹.

Вопрос об устройстве одиночной тюрьмы в Петербурге по образцу Пентонвильской был предрешен самим Николаем I. На указанном докладе министра внутренних дел он, не дожидаясь мнения учрежденного комитета, предписал устроить такую одиночную тюрьму «или на месте, где теперь Знаменская церковь, которую включить в заведение, или на Измайловском парадном месте, или, наконец, у Лигова канала, между Нарвской и Московскою дорогами».

Комитет выработал проект правил для одиночной тюрьмы в виде пяти корпусов или отделений, сходящихся радиусами в один центр. Одно из этих отделений отводилось для женщин. Не менее, чем о разделении заключенных по полу, заботился проект о разделении заключенных по их социальному происхождению. Проект доходил до требования нумеровать одиночные камеры арабскими цифрами, если они предназначались для лиц из низших сословий, и римскими, если они отводились для лиц из сословий, изъятых от телесного наказания.

Для управления тюрьмой создавался особый орган в виде попечительного совета, состав которого заранее обрекал его на бездеятельность. В самом деле, членами совета становились верхи петербургской бюрократии в лице военного генерал-губернатора, гражданского губернатора, предводителя дворянства, городского головы, настоятеля монастыря Александро-Невской лавры и попечителя тюрьмы. В отличие от этого первого проекта второй, более краткий проект не определял обязанности смотрителя тюрьмы и других должностных лиц, предоставив это особым инструкциям.

По первому проекту в тюрьму заключались на срок не менее одного месяца, но во всяком случае не бессрочно и не пожизненно. По второму проекту в одиночную тюрьму арестанты поступали на сроки от 6 месяцев до 6 лет. Арестанты распределялись по четырем классам, или отделениям, отличавшимся друг от друга режимом заключения. Осужденные за преступления попадали в первое или второе отделение, смотря по тяжести преступлений, а осужденные за проступки — в третье или

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента полиции исполнительной, 1845, № 1285. Дело комитета об устройстве исправительных тюрем, «О предложениях комитета по устройству тюрем», л. 285, оборот.

четвертое. Только в последних двух отделениях работы производились в общих рабочих залах. Как и в заграничных одиночных тюрьмах, арестанты на прогулках должны были идти вереницей один за другим на расстоянии шести аршин друг от друга. Обстановка камеры должна была состоять из стола, стула и подвесной свертывающейся матросской койки из парусины.

До каких подробностей доходила регламентация поведения заключенных по первому проекту видно, например, из содержания очень обширной ст. 268. За что только ни полагались по этой статье дисциплинарные наказания: за всякое ослушание и за неуважение к чинам тюремной администрации, за леность, за умышленную порчу работы, «за отказ идти в церковь на молитву и на ученье, за непристойное поведение в церкви, за клятвы, неприличные безнравственные слова, за ссору, драку, шум, свист, пение; за разговоры или сношение с другими арестантами; за желание перейти за пределы той части тюрьмы, отделения, палаты или двора, к которым принадлежат; за искажение стен келий рисованием или письмом на оных или же иным чем... за ссуду или заем у других арестантов пищи, книг или других вещей». Мы далеко не исчерпали всего текста этой статьи. Она же предусматривает и меры дисциплинарных наказаний: по усмотрению смотрителя тюрьмы арестанты лишаются права работы, чтения; они могут быть заключены в «тесные, темные кельи», переведены на хлеб и воду на срок до трех дней; за более важные проступки к ним применяются телесные наказания, наложение оков и продление срока заключения. Автор замечаний на этот проект требовал специально оговорить, что заковывание в кандалы и телесные наказания не применяются к тем, кто освобожден от них по закону. Вообще же проект не забывал выделять привилегированных и создавал для них даже особую форму записи их в число арестантов.

Комитет 1845 года не спешил с обсуждением проекта устройства в России тюрем по одиночной системе. Он находился в довольно затруднительном положении. С одной стороны, известно было расположение царя к такой реформе, а с другой — для государственной казны были совершенно непосильны миллионные расходы на устройство 75 одиночных тюрем, из которых каждая должна была обойтись в 300 тыс. руб. Некоторые из членов комитета были настроены не в пользу одиночной тюрьмы. Комитет нашел выход из создавшегося положения в том, что постановил просить приостановить его деятельность впредь до того времени, когда он будет располагать более ценными, чем теперь, сведениями об одиночном заключении в других государствах. Комитет указывал, что начатое в Германии

устройство одиночных тюрем сможет послужить опытом для русского правительства и что в 1847 году предстоит тюремный конгресс в Брюсселе, который займется вопросом об одиночном заключении; комитет предлагал послать на этот конгресс представителя от России.

Мнение комитета было утверждено, и деятельность его прекратилась. На этом оборвалась тюремная реформа. Судьба начинания Николая I оказалась такою же, как и проекта тюремного Устава Екатерины II. Оба проекта были мертворожденными. Проектирование новых тюрем в России не отражалось на действительно ужасном состоянии существующих тюрем, которое будет описано нами в последней главе этой книги¹.

§ 5. УСТАВ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ 1857 ГОДА

При переиздании в 1857 году Свода законов в Устав о содержащихся под стражею были внесены некоторые изменения. Они состояли, во-первых, в большей систематизации материалов, а во-вторых, в добавлении нового раздела с включением в него «Устава общества попечительного о тюрьмах».

Систематизация материала выразилась в перестановке различных статей, в новой их редакции, в исключении одних статей и в добавлении других. Нет надобности останавливаться на этом. Основной дух тюремного Устава, насквозь пропитанного уже известными нам классовыми различиями, николаевской военщиной, прописной моралью и проповедью «приличного» поведения арестантов, остался прежним.

Что касается «Попечительного о тюрьмах общества», то оно, как мы уже знаем, было учреждено в 1819 году, но устав его в 1857 году подвергся изменениям. Общественная самостоятельность нашла в этом уставе слабое выражение. Требование устава общества, чтобы его президент и члены комитета утверждались самим царем, придавало обществу официальный характер. Николай I сделал дальнейшие шаги по пути бюрократизации общества. Оно должно было превратиться в один из

¹ В русской литературе о тюрьмах вопрос о системе одиночного заключения был затронут уже в 1842 году в статье «Тюрьма, рабочие дома и поселение для ссыльных» («Библиотека для чтения», т. 52). Автор статьи высказывался против одиночной тюрьмы, говоря, что здесь работу не порят, потому что ничего не делают, ослушания нет, потому что нет приказаний, не слышно худого слова, потому что никто ни слова не говорит. О последствиях новой системы можно будет судить только со временем, когда из новых тюрем выйдут люди, утратившие вместе с даром слова способность мыслить (стр. 124).

винтиков правительственного аппарата и находиться в полном подчинении местной администрации. Всего этого предполагалось достигнуть путем подбора членов общества из состава высшей местной администрации и ограничением круга его деятельности. Так как сделать что-нибудь без денег было трудно, то в состав общества по закону вводились лица не только благородного и духовного звания, но и купеческого. За «честь» состоять членами общества купцы должны были расплачиваться своим кошелем, а «честь» эта им навязывалась. Купцы вступали в общество постольку, поскольку не выдерживали напора губернатора, полицмейстера, предводителя дворянства, архиерея, которые, в свою очередь, независимо от их желания, в силу самого закона объявлялись членами «Попечительного о тюрьмах общества». Правительство меньше всего хотело, чтобы общество активно вмешивалось в тюремное управление, и более всего рассчитывало на пожертвования деньгами и натурой. Закон определял наименьший денежный взнос от членов общества смотря по тому, проживали ли они в столицах, в губернских или уездных городах. Помимо этого, члены общества снабжались особыми подписными листами для собирания пожертвований. Естественно, что особого энтузиазма в предоставлении царскому правительству денег на его тюрьмы со стороны насилуемого им населения не наблюдалось. Вынужденное подписание взносов и единовременных пожертвований на деле столь часто не выполнялось, что правительство решило взыскивать эти «доброхотные дары» судебным порядком. Со стороны подписавшихся начинались отговорки под всякими предлогами.

Краинский привел интересные примеры. Нежинский благотворитель жаловался губернатору на неправильное взыскание с него 10 руб. за два года, «так как он вовсе не хотел быть членом комитета, а его записал письмоводитель дворянства и он вовсе не старшее лицо в городе»¹.

Понятно стремление лиц, подобных благотворителю, отделаться от чести быть членами общества, состоявшего под «высочайшим покровительством». Деятельность членов общества была лишена всякого общественного интереса и свелась к праву посещать тюрьмы и наблюдать там, «чтобы назидание заключенных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности было выполняемо неукоснительно; чтобы в установленные дни было совершаемо богослужение; чтобы во время по-

¹ Краинский, Материалы к истории исследования русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах, Чернигов, 1912.

стов арестанты говели; чтобы воскресные и праздничные дни проводились арестантами в благочестивых чтениях, беседах и молитве; чтобы духовный отец подготовлял осужденных к перенесению заслуженного наказания с христианской покорностью и раскаянием» и пр. и пр. (ст. 54).

Если сам благотворитель так усердно уклонялся от уплаты «добровольного» взноса в кассу тюремного общества, то его прихожанам, как говорится, и сам бог велел. Благотворительность из-под палки была тягостна.

Впрочем, члены общества в лице так называемых директоров комитета могли не только надзирать за религиозностью арестантов, но и делать распоряжения сажать их в карцеры на срок до шести дней или в особое помещение, пока они не выразят «искреннего раскаяния». Эта власть посадить арестанта в карцер едва ли была особенно заманчива. Оставалось еще право тюремного общества занимать арестантов трудом, но с оговоркой, чтобы он соответствовал не только полу и возрасту, а и званию заключенных. Это было легче предписать, нежели сделать при тогдашнем состоянии мест лишения свободы, спроса на труд и его предложения. Из последующего нашего очерка о состоянии общих мест заключения мы увидим, какие трудности ставила администрация попыткам оказать заключенным более существенную для них помощь, хотя бы и на совершенно законных основаниях.

Характерно, что устав попечения о тюрьмах, создав особые женские комитеты для заботы о женских тюрьмах, провел и здесь обычное для того времени различие в правах мужчины и женщины: женские комитеты не имели права «входить в сношение ни с какими присутственными местами и начальствующими лицами» и могли это делать лишь через вице-президента общества.

В качестве общего вывода из нашего рассмотрения Устава о содержащихся под стражею издания 1857 года приходится отметить крайнюю скудость законодательной мысли и бедность содержания этого законодательства. Если до издания Уложения о наказаниях 1845 года такая бедность до некоторой степени находила себе оправдание в преобладании над тюрьмою других видов наказания, то после издания Уложения 1845 года нельзя найти никакого оправдания. Объяснение же этому явлению лежит в господстве безграничного произвола во всех областях российской государственной жизни того периода; все глубже и все шире проникал этот произвол внутрь тюремных стен, за которыми находились главным образом представители эксплуатируемого большинства — крестьянской массы.

Тюремный Устав 1842 года сравнительно с Уставом 1832 года и такой же Устав издания 1857 года сравнительно с его изданием 1842 года обширнее своих предшественников по количеству статей. Но вновь прибавившиеся статьи относились не к общему урегулированию тюремного дела, а являлись законодательными актами частного значения. Устав о содержащихся под стражею 1842 года, например, относился к петербургским местам заключения. Устав попечительного о тюрьмах общества, внесенный в издание 1857 года, касался лишь одной из сторон тюремного дела. Описанная нами тюремная инструкция 1828—1831 гг. для петербургского смиренного дома продолжала оставаться тюремным регламентом более общего характера. Но мы уже видели, что она полнее формулировала преимущества заключенных привилегированного класса, нежели охватывала тюремный распорядок в целом.

В таком положении оказывалось тюремное законодательство. Между тем тюремные стены ломались не только от ветхости, но и под напором чрезвычайно возросшего числа заключенных, которому скоро вновь предстояло возрасти еще более в связи с отменой помещичьей юрисдикции и заменой некоторых телесных наказаний лишением свободы.

§ 6. «ПРОДОЛЖЕНИЯ» К УСТАВУ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ ЗА ПЕРИОД 1858—1870 ГОДОВ

За период с 1858 по 1870 год так называемых «Продолжений» к Уставу о содержащихся под стражею было издано немало, но они за самыми ничтожными исключениями не вносили никаких сколько-нибудь существенных изменений в основное содержание тюремного Устава. Например, в 1858 году было издано два «Продолжения», из которых первое охватило время с издания названного Устава (1857 г.) до 12 мая 1858 г., а второе — с 13 мая до 31 декабря 1858 г. За весь год было дополнено 16 статей Устава, отменено 9 статей и заменена 1. Мы берем эти цифры из особой таблицы, которая давалась к каждому «Продолжению». Ознакомление с содержанием изменений и дополнений показывает, что все они были совершенно незначительными, и нет никакой надобности излагать их. Скажем только, что устройство железной дороги, начавшаяся в некоторых случаях перевозка по этой дороге арестантов из одной тюрьмы в другую вызвали распоряжения правительства перевозить привилегированных арестантов в пассажирских вагонах

третьего класса, в то время как остальные арестанты перевозились в товарных.

За 1859 и 1860 гг. появилось по четыре «Продолжения», по одному за каждый квартал года. За эти два года количество дополненных и измененных статей было велико, но все эти изменения и дополнения относились почти исключительно к отдельным местностям или даже к отдельным тюрьмам и были лишены принципиального значения.

Более существенные изменения вошли в «Продолжение» XIV тома Свода законов издания 1868 года за период с 1 января 1864 г. по 31 декабря 1867 г. За это время были изданы так называемые судебные уставы 20 ноября 1864 г., в том числе Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Введение в действие последнего привело к дополнению Устава о содержащихся под стражею «Временными правилами об арестных помещениях по делам мировой подсудности». Статья 9 этих правил требовала по-прежнему, где возможно, выделять в особое помещение заключенных высших сословий. Для лиц, «подведомых крестьянскому правлению», должны были отводиться в каждой волости особые избы с разделением на мужскую и женскую половины, для прочих же лиц предписывалось расширить помещения при станových квартирах. Непосредственное заведение арестными избами поручалось волостным правлениям, а арестными помещениями при станových квартирах — станovým приставам под надзором мировых судей.

Другим существенным нововведением было издание «Временных правил исправительных приютов для несовершеннолетних» (5 декабря 1866 г.). Это были первые законодательные мероприятия по некоторой замене тюремного заключения для несовершеннолетних исправительными приютами. Закон устанавливал обучение в приютах ремеслам, сельскому хозяйству, грамоте. Хотя срок заключения в приюты точно определялся в приговоре, но он мог быть сокращен при хорошем поведении условно на одну треть¹.

Была завершена военизация арестантских рот военного ведомства передачей их в это ведомство².

Законодательство 60-х годов продолжало идти в тюремном деле прежним путем издания законов чисто местного характера.

¹ В ЦГИА в Ленинграде сохранилось (в фонде министерства юстиции по законодательному отделению, стол 2, 1865, № 4973) дело «По проекту правил об исправительных приютах», в котором имеется подробная объяснительная записка об этих правилах.

² Полное собрание законов 1864 года декабря 16, № 41590, и 1867 года мая 16, № 44593.

Образчиком такого закона было приложение к примечанию ст. 287 — «Правила об артельных попечителях Московской исправительной тюрьмы». Эти правила имели в виду занятие арестантов работой в Московской исправительной тюрьме. При ней для эксплуатации арестантов создавалась должность особых попечителей из числа купцов и промышленников за их счет. Правительство строило свои расчеты, с одной стороны, на приманке этих попечителей легкой и большой наживой, а с другой — на соблазне их почетным характером должности с предоставлением права носить мундир министерства внутренних дел, получать знаки отличия и пр. Попечители обязаны были поставлять в Московскую тюрьму материалы для производства, обучать арестантов ремеслам при помощи нанятых ими мастеров, оплачивать продукцию по таксе, согласованной с начальником тюрьмы, и пр. Институт этих попечителей не привился и не получил дальнейшего распространения, несмотря на то, что для придания этой должности вида особо почетной кандидатуры представлялись генерал-губернатором на утверждение министру внутренних дел. Объяснения такого провала лежат в трудностях сбыта продуктов арестантского труда, в малой его продуктивности в условиях конкуренции со свободным трудом.

Нельзя не признать, что в Уставе о содержащихся под стражею эпоха так называемых «великих реформ» 60-х годов (с изданием за эти годы судебных уставов) нашла себе очень слабое отражение. Установленный законами новый надзор судей и прокуроров за местами заключения и правильностью содержания в них заключенных не получил, как и следовало ожидать, практического осуществления, а попытки, сделанные в этом направлении в Петербурге одним из мировых судей, встретили самый решительный отпор. Статьи 10 и 11 Устава уголовного судопроизводства, предписывавшие контроль за законностью лишения свободы, очень скоро фактически отмерли, так как Сенат истолковал их ограничительно. По справедливым словам проф. Н. Н. Полянского, «Сенат своими толкованиями сделал все, что мог, для умаления прав, которыми были наделены мировые судьи»¹.

Объяснение этому лежит в первенствующей роли министерства внутренних дел над судебным ведомством.

Вообще представители административной власти никогда не чувствовали особого расположения к какому бы то ни было контролю над местами лишения свободы, несмотря на установ-

¹ Н. Н. Полянский, Мировой суд, «Судебная реформа», т. II, под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, 1915, стр. 207.

ление такого контроля в законе еще при Екатерине II в лице местной прокуратуры, чины которой обязывались посещать тюрьмы в определенный день недели. Фактически ни посещений, ни контроля не было. Характер отношений между прокуратурой и руководителями местной административной власти отнимал у прокуроров всякую охоту проверки положения арестантов в тюрьме.

В нашем распоряжении имеется такой пример. В 1863 году губернский прокурор в Пензе тщетно пытался пройти в камеру политического заключенного, арестованного губернатором и содержавшегося в тюрьме без всякого следствия. Смотритель тюрьмы попросту не пропускал губернского прокурора к этому заключенному, объясняя, что губернатор грозил выгнать его вон со службы, если он пропустит прокурора. В связи с этим случаем (происшедшим накануне судебной реформы) министр юстиции подтвердил право прокурора посещать всех арестантов, попутно отметив, что пензенский губернатор и ранее держался правила не допускать в тюрьму прокурора¹.

§ 7. ЦИРКУЛЯРНЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПО МЕСТАМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Изложенное выше законодательство об устройстве тюрем и об условиях содержания в них заключенных не находилось ни в каком соответствии с возросшей ролью тюремного заключения. Это относится не только к периоду до издания Уложения 1845 года, но также и к более позднему периоду 50-х и 60-х годов XIX века. Уголовные законы уже различали несколько видов лишения свободы, а тюремное законодательство почти совсем с этим не считалось, не заботясь об узаконении различий режима в местах заключения разного типа. Мы видели также, что законодательство не регламентировало очень многих сторон тюремного быта. Можно было бы ожидать, что циркулярные распоряжения центральной администрации восполнят пробелы тюремного законодательства. Однако ознакомление с этими циркулярами за весь период 1826—1870 гг. показывает иное: бросается в глаза такая же бедность пенитенциарной административной мысли, какая отмечена нами в творчестве

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд министерства юстиции, отд. 4, стол 2, 1863, архивный номер № 5547. По рапорту исполняющего должность пензенского губернского прокурора по вопросу, могут ли быть некоторые из арестантов, содержащихся в тюремном замке, изъяты из-под надзора губернского прокурора.

тюремного законодателя. На протяжении ряда лет одни и те же немногие вопросы вызывали повторные циркуляры сходного содержания. И неудивительно: центральное руководство тратило попусту слова там, где нужно было дело. Впрочем, для дела нужны были денежные средства, а их правительство или совсем не давало, или давало недостаточно.

В 30-х годах тюремных циркуляров было очень мало, в 40-х годах — несколько больше; увеличение их числа в 50-е и особенно в 60-е годы обогатило их содержание лишь в очень слабой степени. Одни и те же вопросы о проносе в тюрьмы запрещенных предметов, о переполнении мест заключения, об отсутствии порядка в размещении арестантов по полу, об антисанитарном состоянии тюрем — вот что порождало циркуляры из центра на места. Если прибавить сюда циркуляры о кандалах и более поздние распоряжения о труде арестантов в арестантских ротах гражданского ведомства, то этим будет исчерпано основное содержание циркуляров. Впрочем, такие события, как массовое поступление арестантов в русские тюрьмы после подавления польских восстаний, вызывали некоторые особые циркуляры.

Знакомство со всеми циркулярами по тюремной части не входит в наши задачи. Достаточно ограничиться общей их характеристикой и приведением некоторых примеров.

Из циркуляров 1843 и 1850 годов можно видеть, что в общеуголовные тюрьмы проникали ножи, водка, всякие инструменты, позволявшие превращать тюрьму в своеобразный монетный двор для чеканки фальшивой монеты разного достоинства и для выделки фальшивых ассигнаций различной ценности¹. Циркуляры на ту же тему о запрещенных предметах повторились вновь в 1859, 1862 и 1868 гг.² Несмотря на то, что циркуляр 1859 года был уже третьим по счету, он отметил, что запрещенные предметы получили доступ в тюрьмы «почти повсеместно». Через два года пришлось издавать такой же циркуляр в четвертый раз, а затем через шесть лет и в пятый. На этот раз циркуляр, отдавая дань духу времени, вразумительно пояснял, что допущение в тюрьму таких предметов, как карты, кости

¹ Сборник циркуляров и инструкций министерства внутренних дел с учреждения министерства по 1 октября 1853 г., т. 7, чч. XIII и XIV, СПб., 1858, ст. 384.

² Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части с 1859 по 1879 год, СПб., 1880. См. циркуляр департамента полиции исполнительной от 14 августа 1859 г. № 152, циркуляр от 24 июля 1862 г. № 102 и циркуляр от 30 декабря 1868 г. № 262 об осмотре арестантов при поступлении их в тюрьмы и об отбирании у них вещей и орудий.

и деньги, не должно быть терпимо, так как «игра мешает правильному употреблению времени, которое должно быть наполнено производительным трудом и обучением грамоте». Однако ни производительного труда, ни обучения грамоте в тюрьмах не практиковалось.

Министерство внутренних дел прекрасно знало о переполнении тюрем, лишавшем местную администрацию возможности проводить в тюремных помещениях классификацию заключенных по каким бы то ни было признакам, в том числе даже по полу и возрасту. Тем не менее это министерство издавало соответствующие циркуляры, заранее зная, что выполнены они не будут. Еще 11 октября 1832 г. такой циркуляр предписал размещать отдельно арестантов важных, маловажных и задержанных за бродяжничество, но не обвинявшихся в каких-либо преступлениях. К важным арестантам были отнесены убийцы, разбойники, святотатцы, поджигатели и т. п., а к маловажным — обвиняемые в воровстве, буйстве, пьянстве, драках, побегах и т. п. Циркуляр добавлял: «...отнюдь не смешивать женщин с мужчинами, также малолетних и в юношеских летах». Издание Уложения 1845 года, когда тюрьма была выдвинута как особый вид наказания, вызвало специальный циркуляр, требовавший от тюремного начальства не смешивать в тюрьме заключенных «благородных с простолюдинами». «Благородным» арестантам разрешалось носить свое платье, иметь свою постель, стол, получать свидание с родными¹.

Циркуляр 1861 года устанавливал, что требование размещения арестантов по званию, полу, возрасту и осужденных отдельно от обвиняемых во многих губерниях не исполняется. В том же году, через три месяца, новый циркуляр опять говорил о смешении в тюремных замках заключенных разных разрядов, совершенно правильно объясняя это отсутствием в тюрьмах соответствующих помещений. В поисках возможности расширения жилой площади в тюрьмах циркуляр рекомендовал выносить за пределы тюремных зданий помещавшиеся в них прачечные, разводившие сырость, и отхожие места.

Едва ли этот «остроумный» проект решения жилищного вопроса в тюрьме за счет отхожих мест и прачечных получил фактическое осуществление. Уже через два месяца после этого предписания последовало новое напоминание: «До министерства внутренних дел постоянно доходят сведения о разных беспорядках в тюрьмах и отступлениях от закона в содержании арестантов». Среди этих беспорядков министерство отмечало совместное

¹ Названный Сборник циркуляров и инструкций. См. циркуляр от 28 сентября 1846 г. (приложение к ст. 396).

содержание в тюрьме мужчин и женщин, малолетних арестантов вместе со взрослыми. Мы напомним, что наиболее ранний циркуляр о том же появился в 1832 году. Таким образом, за 30 лет циркуляры не сдвинули с места даже такого крупного «беспорядка», как совместное содержание в тюрьме мужчин и женщин, взрослых и детей. Но циркуляр 1862 года вносил интересное добавление, неизвестное более ранним циркулярам. Не располагая деньгами, но понимая, что сдвинуть вопрос с места можно лишь имея их, министерство рекомендовало губернаторам добыть средства от купцов — членов тюремных комитетов. На членов этих комитетов из числа дворян министерство уже махнуло рукой. Купцы же, по словам циркуляра, ограничивались уплатой всего нескольких рублей в год, поэтому необходимо добиться от них более высоких взносов. Нечего говорить, насколько наивны были эти предположения — выдавать из купеческих карманов средства, которые государственная власть не отпускала на содержание своих тюрем.

Средства же нужны были немалые, так как места лишения свободы находились в самом тяжелом положении. Об этом свидетельствовал целый ряд циркуляров. Январский циркуляр 1849 года связывал дурное состояние тюрем, с одной стороны, с их переполнением, а с другой — с недостатком материальных средств на содержание арестантов. При этом оказывалось, употребляя выражение циркуляра, что при большом поступлении заключенных в тюрьмы только одну четвертую часть из них суд признавал виновными. Другими словами, из каждой сотни арестантов 75 человек содержались в тюрьме без законных оснований. Понятно, что изменение такого положения зависело не от тюремного начальства и циркуляр следовало бы обратиться к тем органам, от которых зависело слишком щедрое назначение предварительного ареста. Циркуляр 1859 года вновь обращал внимание на непринятие никаких мер к скорейшему окончанию дел заключенных. Отсюда проистекало переполнение тюрем, а как следствие этого — грязь, воздух, зараженный злонамеренностями. На прокормление арестантов тоже никакого внимания не обращалось. Такую характеристику своих тюрем центральное ведомство заканчивало уже совсем не утешительным сообщением: «Вообще такие тюрьмы, в коих во всем соблюдался бы надлежащий порядок, составляют, к сожалению, весьма редкое исключение»¹.

¹ Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части с 1859 по 1879 год, СПб., 1880. См. циркуляр от 5 ноября 1859 г. № 197.

Поисками выхода из создавшегося положения занялся циркуляр 5 ноября 1864 г. «Об устранении чрезмерной тесноты в тюрьмах». К этому времени переполнение тюрем достигло таких размеров, что в них содержалось арестантов в два и в три раза больше нормы. Следствием этого явилось развитие болезней и переполнение тюремных больниц. В больницах же теснота затрудняла излечение больных; в результате всего этого тюремное заключение превращалось в смертную казнь для значительной части заключенных. Циркуляр пошел по пути уже известного нам циркуляра 28 ноября 1861 г., когда было приказано вывести из тюрем отхожие места и прачечные. Теперь предложено было занимать для арестантов и другие всякого рода хозяйственные тюремные помещения. Превращение в жилье разных сараев, чуланов и тому подобных помещений не могло отвечать требованиям санитарии, будучи слишком упрощенным решением вопроса, а должное устройство черных полов, печей, окон, отопление стен и пр. было не только сложным, но часто невозможным в том виде, как этого требовала бы забота о жизни и здоровье арестантов. В виде другого выхода циркуляр 1864 года предлагал переводить арестантов в наемные дома, а заболевших арестантов помещать кроме тюремных больниц также и в городские.

Циркуляр от 8 июля 1867 г. подводил итоги произведенной директором «департамента полиции исполнительной» Велю ревизии 11 губернских тюремных замков, 25 уездных тюрем, 4 смирительно-рабочих домов, 9 арестантских рот и пересыльной части в некоторых пунктах главных ссыльных трактов. Таким образом, ревизор поехал по России немало, и количество осмотренных им мест заключения разного типа давало ему право на обобщение выводов. А выводы были такие. Отсутствие врачебного осмотра вновь прибывавших арестантов приводило к распространению заразных болезней по всей тюрьме. Десятки лет прокламировавшееся разделение подсудимых от осужденных по-прежнему оставалось невыполненным. Говоря словами циркуляра, «экономические расчеты дошли до того, что некоторые арестанты были в рубищах и босые». В то же время ревизор заметил, что одежда для арестантов, принадлежащих к привилегированному классу, изготавливается из материалов лучшего качества, чем для арестантов «простого класса». При этом он отметил, что эта одежда не имела вида общеарестантской одежды. Тюремная администрация пошла в этом отношении тем же путем льгот и преимуществ для привилегированных, каким шли само правительство и закон. Но в данном случае перегиб показался ревизору излишним тем более, что он был

сторонником экономии. Ему особенно понравилось, что в Орле тюремная администрация одела арестантов (вероятно, не из числа дворян) вместо кожаной обуви в лапти и уменьшила расходы на обувь с 3 руб. до 1 руб.

Отмечал циркуляр плохую постановку «нравственного воспитания» и труда, незнание смотрителями тюрем их обязанностей и приучение арестантов жить за счет благотворительности, так что по выходе на свободу они продолжают жить милостыней. Хаос в деле организации мест заключения выявился и из фактов крайне неравномерной насыщенности тюрем служебным персоналом. В тюрьмах почти одинаковой вместимости число надзирателей было в одной 7, а в другой — 18 и в третьей — 30.

Вероятно, ревизор постеснялся сказать всю правду о состоянии тюремных больниц. Но и то, что им было сказано, достаточно ярко. Так, в циркуляре приводится пример, когда один из тюремных «медиков», желая избавиться от больного арестанта, насильно отправил его в путь из больницы, и тот на первом ночлежном пункте умер.

Не в лучшем, а в худшем положении нашел Велю смирительные и рабочие дома. Состояние этих мест заключения удовлетворяло его только в одной Москве. Что же касается арестантских рот, то созданные со специальной целью военно-каторжной эксплуатации арестантского труда они не вполне осуществляли это правительственное задание. Они не осуществляли его не потому, что администрация противилась такой эксплуатации, а потому, что она не находила возможностей использовать труд заключенных. Как ни дешев был арестантский труд, он не окупался вследствие ничтожной его продуктивности. Конкурентом же у этого подневольного труда было громадное предложение рабочих рук городскими мастерами и особенно обезземеленным крестьянством.

Циркуляр 1867 года, конечно, не мог изменить создавшегося положения: для этого нужны были не слова, а глубокое изменение основных условий экономики и политики России. Вот почему изданный два года спустя, 18 августа 1869 г., новый циркуляр департамента полиции исполнительной явился повторением изложенного нами циркуляра 1867 года. На этот раз поездку по тюрьмам совершал чиновник департамента полиции Косаговский. В добавление к недостаткам и неправильностям, отмеченным Велю, его преемник указал еще и другие. В частности, он отметил обыкновение назначать арестантов в услуги другим арестантам из числа привилегированных. Таким образом, крепостное право действовало и в среде тюремного населения, и от начальника тюрьмы зависело восстановление эксплуатации

труда заключенного крестьянина в пользу арестанта-барина. Труд при этом сводился к тем самым личным холопским услугам, без которых барин не мог обойтись и на свободе. До каких размеров вообще доходило потворство привилегированным заключенным со стороны тюремной администрации, видно из того же циркуляра, отмечавшего также факты, когда привилегированные заключенные обставляли место своего заключения собственной мебелью. Тюремная администрация не забывала и собственные интересы, бесплатно пользуясь трудом заключенных.

Что касается смирительных и рабочих домов, то циркуляр 1869 года указывал на господствовавшие в них праздность и распущенность и на превращение их в «какие-то приюты с даровым содержанием». Повторил циркуляр 1869 года и характеристику арестантских рот, данную циркуляром 1867 года, с тем лишь добавлением, что выразил недовольство по случаю обнаружения в этих ротах у арестантов музыкальных инструментов. От тюремного безделья арестанты искали развлечения в игре на музыкальных народных инструментах. Закон это запрещал.

Интересным завершением цикла циркуляров о водворении «порядка» в местах заключения за период 1825—1870 гг. явился циркуляр 1870 года «О преднамеренном допущении развития беспорядков в тюрьмах». Он принадлежит к числу тех очень немногих распоряжений центральной тюремной власти, когда она случайно проговаривалась и вскрывала вопиющие злоупотребления в тюрьмах. В данном случае речь шла о преднамеренном допущении тюремным начальством побегов арестантов с целью перестрелять их. В таких случаях тюремное начальство, будучи осведомлено о готовящемся побеге, допускало совершение, например, подкупа или других подготовительных действий и вмешивалось в самый последний момент, пуская в ход оружие, доводя дело до убийства арестантов или их ранения. Циркуляр привел соответствующие примеры этого и с несвойственной ему резкостью даже назвал тюремное начальство «сыщиком жертвы для наказания».

В целях борьбы с побегами из тюрем центральная власть постоянно напоминала местной власти свое требование держать всех заключенных в запертых камерах, с одной стороны, а с другой — пользоваться в надлежащих случаях кандалами. По первому вопросу возникло разногласие. Классовая политика с различными преимуществами в тюрьме для лиц из привилегированных сословий приводила к тому, что камеры привилегированных не запирались; вопрос этот был доведен до рассмотрения Сената, который встал на точку зрения охраны тюрьмы от побегов арестантов независимо от их происхождения и разъяснил, что

требование держать двери тюремных камер запертыми должно соблюдаться в отношении всех заключенных¹.

Но классовая принадлежность заключенного учитывалась при применении другого средства предупреждения побегов; по общему правилу, дворяне не подлежали заковыванию в кандалы. Впрочем, Николай I не считался с этим законом и приказывал надевать кандалы и на дворян по таким крупным политическим процессам, как, например, процессы декабристов и петрашевцев. Вообще же правительство крепко держалось за широкое применение кандалов. Даже самые тяжелые заболевания закованных арестантов фактически не освобождали их от оков и на смертном одре. Только в 1859 году циркуляр дал перечень болезненных состояний, при которых кандалы могли сниматься с больных по усмотрению врачей. При этом закон не обязывал врача делать распоряжение о снятии оков, а лишь предоставлял ему такое право². Примерами распоряжений центральной тюремной администрации, придававшей большое значение кандалам, могут служить несколько циркуляров. Один из них требовал делать кандалы с такими узкими кольцами, чтобы они «плотно» были пригнаны к ногам или рукам (циркуляр 17 сентября 1867 г.). Другой разрешил сомнения, можно ли надевать на арестанта (непривилегированного сословия) одновременно ручные и ножные кандалы. Ссылаясь на толкование Сената, циркуляр допустил такое двойное заковывание с оговоркой, что его следует допускать для предупреждения побегов лишь в крайних случаях. Сама администрация решала вопрос о надобности такой заковки по рукам и по ногам, доводя об этом до сведения тюремных комитетов (циркуляр 26 января 1867 г. № 11). Третий циркуляр считал более надежными заковку и расковку арестантов не хозяйственным способом, а путем сдачи этой операции частным лицам с торгов (циркуляр 22 апреля 1861 г. № 47). При тех широких размерах, в каких практиковалось наложение кандалов, заковка арестантов представлялась операцией, сулившей барыши. Четвертый циркуляр возлагал на арестантов коллективную ответственность за побег кого-либо из рабочего отряда арестантской роты, состоявшего из 25 человек, и грозил заковкой в кандалы всех членов отряда (циркуляр 31 декабря 1869 г. № 361).

Использованные мною циркуляры взяты из различных источников. Как это ни удивительно, но до 1880 года не издава-

¹ См. Циркуляр от 5 марта 1866 г. № 42 «О содержании арестантов в течение целого дня в запертых камерах».

² Сборник циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части с 1859 по 1879 год, СПб., 1880. См. циркуляр 1859 года, август, стр. 3—4.

лось никаких сборников циркуляров по тюремному ведомству. Они печатались в различных томах общих распоряжений по министерству внутренних дел. Только в 1880 году был издан первый такой сборник. Министерство внутренних дел опубликовало в нем циркуляры, сохранившие свою силу к этому времени, начиная с 1859 года. Насколько незначительна была роль центра в регулировании тюремного дела за интересующий нас период, видно уже из крайне незначительного количества циркуляров за каждый из годов взятого нами периода. За годы 1859, 1860 и 1862 в сборнике напечатано всего по четыре таких циркуляра за год, за 1861 год — восемь и за 1863 год — семь. В год издания судебных уставов (1864 г.) количество циркуляров по тюремной части сразу поднялось, но и к этому году достигло лишь 25, а в последующие шесть лет в среднем на каждый год пришлось по 21 циркуляру.

Приведенные цифры тем более показательны, что не находятся ни в каком соответствии с размерами тюремного хозяйства. К 1860 году в России насчитывалось 2209 тюремных помещений для общего заключения арестантов и 1365 одиночных камер, а среднее число арестантов за день namного превышало число мест в тюрьмах, достигая 64 тыс. человек.

Еще более показательно скудное содержание этих циркуляров. Тематика их крайне однообразна, что видно уже из предметного указателя к официальному собранию циркуляров. Вопросы питания арестантов, занятия их трудом, их заработка, обучения грамоте и просветительной работы в тюрьмах крайне редко обращали на себя внимание циркуляров или даже совсем игнорировались ими. Например, в указателе под словами «книги для арестантского чтения» не указано ни одного циркуляра вплоть до 1872 года. Зато находим по несколько циркуляров под словами «палачи», «казнь», «плети», «кандалы», «оковы» и т. д. Наибольшее же число циркуляров пришлось на такие вопросы, как пересылка и перевозка арестантов. Широкое применение ссылки в ее разных видах и необходимость пересылок арестантов к месту судимости в губернские города могли бы вызвать к себе еще более внимания центра, чем это было в действительности.

В качестве общего вывода из рассмотрения циркуляров министерства внутренних дел за 1825—1870 гг. отметим, что они шли тем же путем, каким шло все тюремное законодательство. Тюремное хозяйство было «велико и обильно» (обильно арестантами), но порядка в нем не было. Не было общего руководства, на местах царил произвол. Если тюремное законодательство оставляло слишком много простора для произвола местного

тюремного начальства, то и циркуляры центральной тюремной администрации почти не пытались его ограничить. Мероприятия по расширению и улучшению тюремных зданий, без чего тюрьмы при политике увеличения их населения оставались переполненными сверх всякой меры, заранее были обречены на неудачу уже по одним материальным причинам, да и вопрос о таких мероприятиях всерьез не ставился. В тон законодателю и административному центру местное тюремное начальство проводило классовую политику в тюрьме на практике еще далее, чем зашел в этом отношении сам закон.

§ 8. ПРОЕКТ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ В 60-х ГОДАХ

Отмена 19 февраля 1861 г. крепостного права в России и введение для крестьян судебной ответственности выдвигали перед царским правительством заново вопрос об организации достаточного числа тюрем. В 1862 году министерство внутренних дел запросило от всех губернаторов сведения о состоянии мест лишения свободы, предложив собрать материалы за период 1857—1859 гг. Из полученных ответов было видно, что за редчайшими исключениями тюрьмы находились в самом ужасном состоянии. Об этом свидетельствует «Записка о преобразовании тюремной части в России», составленная в 1866 году: «Есть такие губернии, где все тюрьмы одинаково тесны, ветхи, поддерживаются подпорками и ежеминутно угрожают опасностью обрушиться. Теснота до того, что не остается даже места всем арестантам улечься на полу». Нередко происходят драки за право подойти к форточке. Питание не везде одинаковое: в одних тюрьмах продукты разворовываются, в других — допускаются даже излишества. Работ почти нигде не организовано, и арестанты находятся в полном бездействии. Врачей почти нигде нет. Следователи помещают обвиняемых в тюрьмы без всякого разбора и держат там по полгода. Условия содержания в тюрьмах таковы, что попавший в них человек окончательно морально портится уже через несколько недель¹. Более подробно мы остановимся на этих материалах в последней главе книги.

Собирание означенных сведений происходило в силу утвержденного 18 августа 1862 г. мнения Государственного совета, ко-

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд министерства юстиции, законодательного отделения, стол 2, 1867, № 3302. Дело об инструкции караульному начальству и переписка о преобразовании тюремной части в России. Названная записка содержит 200 страниц текста и отпечатана в типографии.

торый постановил сосредоточить управление местами заключения в министерстве внутренних дел, поручив министрам юстиции и внутренних дел немедленно выяснить возможность увеличения числа тюрем и их улучшения.

«Записка о преобразовании тюремной части в России» заключала в себе пять отделов: 1) очерк действующих законов, 2) обзор мер правительства об улучшении тюрем, 3) положение тюрем теперь, 4) предложения с мест об улучшении тюрем, 5) министерство внутренних дел об устройстве тюрем.

Записка определяла постоянное число арестантов цифрой 45 тыс. человек, а расход на них суммой свыше 2 млн. руб. в год. Для удовлетворения нужд тюремного строительства существовал особый сбор, но лишь с непривилегированных сословий, а именно с «податных душ» и купеческих капиталов. Впервые такой налог был введен в виде опыта в 1834 году во Владимирской губернии, а в период 1842—1849 гг. — распространен и на остальные части империи.

Проект положения об исправительных тюрьмах был составлен лишь в 1869 году. Он содержит в себе 4 раздела с 81 статьями: 1) общие начала, 2) управление исправительными тюрьмами, 3) содержание тюрем и 4) порядок содержания арестантов в исправительных тюрьмах.

Проект этот, как и его предшественники, не был реальным. Если он и отказался от фантастического предложения Николая I покрыть Россию 75 одиночными тюрьмами, то проектировал размещать арестантов на ночь в особых камерах ночного разъединения. Это также было совершенно не по силам государственной казне. Как и прежние проекты тюремной реформы, он наделял смотрителя тюрьмы обширной дисциплинарной властью. Смотритель мог заключать виновного в карцер шириной в один аршин и длиной в три аршина. Это был бы настоящий гроб. Смотритель мог применять розги — до 20 ударов, надевать кандалы и т. д.

Определяя власть смотрителя, составители проекта в особой объяснительной записке, несколько не смущаясь, говорили, что при крепостном праве и старом судебном порядке тюрьма нередко была орудием произвола. Они не хотели замечать, что их проект был детищем того же произвола¹.

Этот проект положил начало большим работам по пересмотру тюремного законодательства в России, результат которых не находился, однако, в соответствии с усилиями, затраченными

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд министерства юстиции, законодательного отделения, стол 2, 1869, № 3302. Дело по проекту положения об исправительных тюрьмах.

сложным аппаратом бюрократической машины. Были составлены многочисленные доклады, справки, записки, представлены заключения, мнения и особые мнения. Все эти материалы размножались в виде отдельных печатных оттисков, полная коллекция которых содержит до полутора тысяч страниц большого формата. Но бюрократическая машина работала в условиях полного отсутствия гласности, и все материалы по составлению проекта в громадном их большинстве остались совсем неизвестными даже для специалистов — криминалистов и тюрьмоведов.

Проект касался лишь тюрьмы для осужденных как на краткие сроки (до одного года), так и на долгие (свыше года). Первая статья проекта определяла задачу такой тюрьмы, с одной стороны, как задачу приучения к труду, а с другой — требовала строить обучение труду на основе религиозно-нравственного воспитания. Таким образом, «перевоспитание» жертв эксплуатации должно было освящаться религией. При этом правительство видело надежных помощников себе лишь в тех, кто исповедовал веру христианскую, и требовало принимать на службу по тюремному ведомству лишь христиан (ст. 22).

Устанавливая принцип оплаты труда заключенных в размере 30% их действительного заработка, проект предусматривал сверх того вычеты из этих 30% на покрытие задолженности арестантов по государственному податям. При поголовной задолженности (по недоимкам) той бедняцкой крестьянской массы, из которой «вербовалось» коренное население тюрем, от арестантского заработка ничего бы не оставалось.

Характерно отношение проекта к прокурорскому надзору как блюстителю законности. По ст. 44 прокурор «в рассмотрение вопросов, касающихся порядка содержания заключенных, не входит». Это означало полное бессилие прокурора изменить режим заключения, если бы этот режим был даже незаконным. Все это проектировалось в первое пятилетие действия судебной реформы!

Любопытнейший пример из области отношений между высшей местной администрацией (губернаторами) и прокуратурой на почве осуществления последней контроля за содержанием в тюрьмах мы нашли в том же самом деле, где приведен текст проекта¹. В декабре 1869 года харьковский прокурор получил анонимное письмо о том, что в харьковской тюрьме устроены «инквизиционные шкафы». Действительно, прокурор нашел в тюрьме, в подвальном ее этаже, восемь карцеров, каждый из них площадью в один и три четверти аршина в квадрате, а высотой в два аршина. В таком карцере нельзя было выпрямиться

¹ ЦГИА в Москве, III отделение, 1 эксп., № 369, 1867. «О местах тюремного заключения и о лицах, содержащихся в оных».

во весь рост, нельзя было не только лежать, но и сидеть, не поджав под себя ноги. В одном из этих карцеров — «инквизиционных шкафов» томился узник, который и был прокурором выпущен. Губернатор остался очень недоволен таким вмешательством прокурора. Его уступка состояла лишь в согласии сделать из восьми этих карцеров четыре. Возникает вопрос, не харьковские ли «инквизиционные шкафы» навели авторов проекта на мысль устраивать тюремные карцеры шириной в один аршин?

Полным хозяином тюрьмы в каждой губернии проект делал местного губернатора, и ст. 19 объявляла, что начальник тюрьмы «ответствует единственно перед губернатором». Это развязывало губернатору руки. В подчинении губернатору должен был состоять один из членов губернского правления с наименованием его губернским тюремным инспектором. Такие же инспекторы должны были быть и в центральном органе управления всеми тюрьмами. Нося название главных тюремных инспекторов, они должны были «часто» обозревать тюрьмы (ст. 12).

Проект отдавал дань эпохе создания судебных уставов: арестант в случае совершения им проступков, предусмотренных мировым уставом, подлежал суду начальника тюрьмы на правах мирового судьи с возможностью обжалования его приговора в съезд мировых судей (ст. ст. 76—78).

Что касается режима, то, кроме уже отмеченной нами широкой власти начальника тюрьмы, проект останавливался на организации хозяйственной части тюрьмы, выработке ежегодно сметы, обязанностях различных чинов тюремной администрации и пр.

Конечно, проект не мог отказаться от проведения классового начала, но лишь после длинных рассуждений об общем равенстве всех заключенных в тюрьме. В проекте напыщенно и красноречиво доказывалось, что в тюрьме может быть только одна привилегия — это привилегия не тунеядства, а труда и надлежащего поведения. Несмотря на это, проект и объяснительная записка к нему предоставили привилегированным обвиняемым право питаться за свой счет, если они этого захотят¹.

Объяснительная записка особенно подчеркивала новую форму выработки проекта с изучением тюремного дела за границей. Для этого за границу были командированы чиновники Галкин и Пассек, работы которых об иностранных тюрьмах

¹ ЦГИА в Москве, III отделение, 1 эксп., № 369, 1867. «О местах тюремного заключения и о лицах, содержащихся в оных» (объяснительная записка).

были опубликованы¹. В виде опыта были устроены тюрьмы для краткосрочных в Петербурге и тюрьма для осужденных на срок более года в Москве. В них были введены обязательные работы и ночное разъединение арестантов.

В объяснительной записке отмечалась полная безуспешность попыток улучшения тюремного дела в России начиная с проекта 1845 года. Надо признать, что работы комиссии 60-х годов разделили участь своих предшественниц. Тюремная «реформа» не сдвинула с места тюремного дела в России. Ворохи напечатанных записок и докладов легли лишь новым балластом на канцелярские полки шкафов министерства внутренних дел. Запутавшись в лабиринте разнообразных «мнений» и «заключений» и видя отсутствие денежных средств и подходящего тюремного персонала, комиссия отложила свою работу «до введения нового уложения о наказаниях». Через несколько десятков лет после этого комиссия по составлению нового уложения откладывала его введение «до переустройства тюрем».

Попытка тюремной реформы в 60-х годах, несмотря на канцелярскую тайну всего этого дела, не прошла бесследно в периодической печати. Она привлекла исключительное общественное внимание к вопросу о состоянии тюрем в России, что объяснялось, впрочем, и широкими арестами в среде революционно-демократических кругов интеллигенции в эти годы. Мы уже отмечали выше бедность литературы о тюрьмах на русском языке к началу второй четверти XIX века. Наоборот, 60-е годы ознаменовались появлением целого ряда статей в столичных журналах и в провинциальных газетах.

Такие статьи появились в «Журнале министерства юстиции»² в «Воронежских губернских ведомостях»³, в журналах «Луч»⁴, «Неделя»⁵, в «Северной почте»⁶, «Уфимских ведомо-

¹ См. Галкин, Материалы к изучению тюремного вопроса, 1868; А. Пассек, Проект о преобразовании тюрем, СПб., 1867. Очень краткий проект, находящийся под влиянием ирландской тюремной системы с постепенным смягчением режима, не касаясь режима, наметил типы тюрем и роль главного тюремного управления.

² См. Андреев, О тюрьмах, «Журнал министерства юстиции» 1864 г., январь; в том же журнале 1869 г. № 5 статья «Логика непоследовательности» с критикой проекта Пассека.

³ См. «Наши местные тюрьмы», «Воронежские губернские ведомости» 1865 г. № 40 (описание наиболее удовлетворительных тюрем в губернии).

⁴ Т. Э., Неудобства русского острога и мнения о преобразовании его, «Луч» (учено-литературный сборник), тт. I—II, СПб., 1866 (обработка сведений о состоянии тюрем 1857—1859 гг.).

⁵ См. Журнал «Неделя» 1868 г. № 23 (описание плохого состояния тюрем).

⁶ См. «Об употреблении арестантов в общественные работы», «Северная почта» 1865 г. № 131; «Военно-исправительная тюрьма морского ведомства» 1865 г. № 245.

стях»¹, «Калужских ведомостях»², «Виленских губернских ведомостях»³, в журнале «Дело»⁴, в «Журнале министерства внутренних дел»⁵, в «С.-Петербургских ведомостях»⁶ и в других периодических изданиях.

Статьи большей частью описывали плохое состояние различных мест заключения в России, а частью знакомили читателей с тюремными системами за границей. Впервые затрагивались вопросы организации тюремного труда, тюремной психологии, тюремного быта. Общий тон этих журнальных и газетных статей был большей частью критический, но были и исключения. Местные власти, от которых зависела цензура печати и которые являлись ответственными за состояние тюрем, не были склонны допускать особой свободы критики состояния мест заключения. До чего могли доходить наиболее консервативные противники всякого улучшения положения в русских тюрьмах, можно видеть из статьи, напечатанной в «Калужских ведомостях»⁷. Автор статьи сообщал: «Некоторые губернские начальства сделали замечание, что продовольствование арестантов особенно сытной пищей, при недостатке движения, вредно здоровью». Так губернские власти подыскивали оправдание общераспространенному тюремному недоеданию: они боялись «ожирения» арестантов...

§ 9. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ 60-х ГОДОВ

Известны слова Александра II, обращенные к дворянско-помещикам и предупреждавшие крепостников, что для них и для всего режима выгоднее начать освобождение крестьян сверху, т. е. по инициативе правительства, нежели ждать, когда оно произойдет снизу, т. е. революционным путем. Такими же вынужденными под давлением потребностей буржуазного развития страны — под напором крестьянского движения и в результате проигранной царизмом Крымской войны — оказались и другие

¹ См. «Объявления о торгах на поставку 634 ножных кандалов и 213 пар ручных», «Уфимские ведомости» 1867 г. № 48.

² См. «О настоящем состоянии тюрем», «Калужские ведомости» 1868 г. № 2.

³ См. «О настоящем положении тюремного вопроса», «Виленские губернские ведомости» 1867 г. № 25 и с № 96 по № 104.

⁴ См. Н. Семилужинский, Община и ее жизнь в русском остроге, «Дело» 1869 г. № 1 и 9; его же, Секретная, «Дело» 1869 г. № 5.

⁵ См. Ткачев, Современное положение наших тюрем, «Журнал министерства внутренних дел», Статистический этюд, 1863 г., сентябрь.

⁶ См. «Городские и сельские тюрьмы», «С.-Петербургские ведомости» 1865 г. № 242. В Государственной публичной исторической библиотеке в Москве в коллекции газетных и журнальных вырезок М. Д. Хмырова имеется папка «Тюрьмы и ссылка в России».

⁷ См. «О настоящем положении тюремного вопроса» 1862 г. № 2.

реформы 60-х годов в виде издания судебных уставов, земского положения, университетского устава, законов о печати.

Но в тюремном вопросе правительству некого было опасаться. Тюремные стены и тюремная стража оставались надежным оплотом царизма. С тюремной реформой не спешили. Поставив ее на очередь, центральное правительство, как мы только что видели, за весь период 60-х годов не пошло далее собирания материалов. Старые основы тюремного дела оставались неизменными. Но в то же самое время отдельные правительственные акты были по этим основам. Тюремное законодательство с его Уставом о содержащихся под стражею не менялось, а ряд новых законов посылал в тюрьмы все новых заключенных.

Важнейшими законами этого периода, оказавшими влияние на применение тюрьмы, были законы 22 марта 1860 г. об отмене отдачи в военную службу в виде наказания, закон 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, закон 17 апреля 1863 г. об отмене телесных наказаний, Устав о наказаниях и Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г., издание в 1866 году Уложения о наказаниях в целях его согласования с Уставом о наказаниях.

Закон 19 февраля 1861 г. вместо помещичьей юрисдикции вводил подсудность крестьян государственным судебным учреждениям. Он сильно увеличивал население тюрем, и это не удивительно: крепостное право было отменено, но над народом была поставлена огромная армия карательных органов царизма.

Закон 17 апреля 1863 г., отменивший публичное наказание плетью, клеймение, шпицрутены, кошки и некоторые другие виды телесного наказания, полностью от них, однако, не отказался. Телесные наказания были сохранены в виде замены лишения свободы для непривилегированных. Так, розги в количестве от 3 до 100 ударов сохранились взамен ареста, смиренного и рабочего дома и тюрьмы при практической невозможности по тем или иным причинам применить эти виды лишения свободы. Сохранились розги до 200 ударов во флоте, пока для матросов не будет устроено достаточного количества тюрем. Таким образом, та классовая уголовная политика, которая жалованной грамотой освободила дворян от плетей и розг еще за 100 лет до закона 1863 года, теперь ставила порку крестьянина и рабочего в полную зависимость от наличия свободных мест в тюрьмах.

Устав 1864 года о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, собрал воедино постановления о мелких нарушениях, предусмотренных ранее другими законами. Созданный после отмены крепостного права, он не отрешился от сословных прин-

ципов, свойственных крепостной эпохе. Статья 8, например, допускала отправку на общественные работы при несостоятельности к уплате денежного штрафа лишь крестьян и мещан. Особенная часть этого Устава (ст. ст. 29—181) предусматривала наказание тюрьмою в 18 статьях и арестом — в 59, а в остальных случаях — штраф как единственное наказание или наряду с арестом. Небольшое число статей с санкцией тюрьмы не мешало чрезвычайно частому назначению именно этого наказания; преступления против собственности, влекущие за собой тюрьму, служили наиболее частым предметом разбирательства единоличных судов.

Проф. Таганцев, оценивая значение закона 19 февраля 1861 г. для уголовного законодательства, находил, что этот закон поколебал «два главнейших устоя карательной системы уложения: различные наказания для лиц привилегированных и непривилегированных и, затем, господство телесных наказаний»¹.

Конечно, заявление реакционного буржуазного профессора Таганцева о колебании главнейших устоев Уложения о наказаниях не соответствовало действительности. В особенности это было неверно относительно различия наказаний для осужденных из различных классов. Законодатель не только не поколебал, но и не прикоснулся к этому важнейшему устою своей карательной политики, что ярко видно из Уложения о наказаниях 1866 года. Это издание, вышедшее в дополнение закона 27 декабря 1865 г., должно было подвести итоги изменениям, внесенным различными законами первой половины 60-х годов. Принцип строгого различия среди осужденных людей белой и черной кости остался неприкосновенным. Его оберегают статьи как общей части кодекса, так и особенной. Для примера приведем некоторые из них.

Отметим прежде всего такие статьи, которые сохранили различное отношение закона к осужденным разных классов при отбытии ими наказания лишением свободы. Например, ст. 55: «Осужденные на заключение в тюрьме мещане и крестьяне могут, по распоряжению местного начальства, и во время заключения быть употребляемы на общественные и другие правительством установленные работы. Люди всех других состояний занимаются возможными в их положении работами лишь по собственному желанию». Это право назначения крестьян и мещан на общественные работы сохранено за администрацией и при наказании их кратковременным арестом.

¹ Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, часть общая, т. 1, СПб., 1902, стр. 218.

В полной неприкосновенности сохранилась ст. 57 о праве чиновников и дворян отбывать арест в собственном доме, на военной гауптвахте или в помещениях службы. Примечание к этой статье расширило дворянские и чиновные привилегии предоставлением таким осужденным отбывать наказание в помещении, нанятом за их счет.

Введена была своеобразная бухгалтерия с указанием, сколько ударов розгами надо отпускать не изъятым от телесного наказания при явной невозможности заключить их в то или другое место лишения свободы: тюрьма и рабочий дом заменяются розгами до 100 ударов (ст. 78), смиренный дом — розгами до 80 ударов (ст. 80), кратковременный арест — розгами до 30 ударов или общественными работами (ст. 82).

Приговоренный к штрафу в случае его несостоятельности, если он крестьянин или мещанин, посылается на общественные работы, а прочие направляются на такие работы только с их согласия (ст. 85).

Ряд статей в особенной части кодекса ставил срок лишения свободы в зависимости от сословной принадлежности осужденного. Человеческая жизнь охранялась более или менее в зависимости именно от такого признака. Сроки лишения свободы увеличивались за убийство господина или членов его семьи слугами, хозяина или мастера рабочими (ст. 1451). Также более строго наказывалась кража, если она была учинена слугами, работниками, подмастерьями или другими лицами, проживающими у того, чье имущество украдено (ст. 1649)¹.

Эти примеры показывают, что, вопреки мнению Таганцева, важнейшие устои уголовного законодательства законом 19 февраля 1861 г. ни в какой степени не были поколеблены. Они оставались в силе вплоть до Октябрьской революции. Даже то Уголовное уложение 1903 года, в выработке которого Таганцев принял самое деятельное участие, сохранило различие наказаний при убийстве, повторив приведенную нами выше ст. 1451 Уложения о наказаниях.

Отмеченный нами классовый подход в тюремном законодательстве находил дальнейшее развитие и углубление при фактическом применении закона в практике всех мест лишения свободы, не исключая и центральных политических тюрем, как это мы увидим ниже.

¹ Свод законов уголовных... Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, т. XV, кн. 1, СПб., 1866.

Глава вторая

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ В 1825—1870 ГОДАХ

§ 10. СОСТОЯНИЕ КУРТИН И БАСТИОНОВ

В ПЕРВОМ томе «Истории царской тюрьмы», давая сведения об истории строения Петропавловской крепости за 1702—1832 гг., мы использовали обширный документ — «Летопись Петропавловской крепости», — хранящийся в Ленинградском музее революции. К этому же источнику мы обратились и для ознакомления с дальнейшим строительством крепости как места заточения за период до 1870 года. Но не из «Летописи», а из специального архивного дела 1838 года мы почерпнули наиболее полные сведения о состоянии и о перестройке того Алексеевского рavelина, который составлял, так сказать, «сердце» всей Петропавловской крепости. Крепость как военный оплот быстро теряла свое значение, хотя в 1854 году, в связи с войной, была сделана попытка ее приспособления для военных целей. Зато она приобретала значение как оплот самодержавия против внутреннего врага.

Алексеевский рavelин за интересующий нас период неизменно оставался центральной государственной тюрьмой для обвиняемых в наиболее важных государственных преступлениях. Когда в нем не хватало места, обвиняемые

размещались в казематах разных куртин и бастионов той же крепости¹.

«Летопись Петропавловской крепости» из года в год дает очень подробные сведения о перестройках, надстройках, частичных и полных исправлениях всех частей крепости и зданий внутри ее. Не будем вдаваться в подробности такого строительства. Из первого тома мы уже знакомы в основных чертах со строительством тех бастионов, куртин и рavelинов, которые служили и для целей заточения. Скажем только, что, по-видимому, никакой ремонт не был способен избавить казематы крепости от господствующей там сырости. Как и раньше, из-за сырости приходилось переустанавливать казематы, спасать от гибели порох и патроны, переводить солдат разных полков из казарм внутри крепостных стен в другие, так как пол на два и даже на четыре дюйма покрывался водою, думать о спасении архивных дел из казематов, превращенных в кладовые, и т. д.

Останавливаясь только на тех записях «Летописи», которые прямо говорят о ремонте арестантских помещений, отметим их за разные годы. Они покажут нам места, где содержались арестанты.

Но прежде чем говорить о перестройках и о ремонте арестантских камер, мы дадим общее описание всех частей крепости к началу интересующего нас периода. В одном из архивных дел крепости 1828 года мы нашли очень подробное и ценное для истории крепости описание помещений в стенах крепости с указанием, где именно они находились и кем или чем были заняты. Описание составлено в форме особой ведомости под таким названием: «Ведомость о всех содержащихся под стражею и помещающихся на квартирах в С.-Петербургской крепости, а равно и о незанятых ныне казематах в арестантских покоех с означением части крепости и номеров занятых и незанятых казематов». В этом документе даны сведения о всех бастионах и куртинах, кроме Алексеевского рavelина. Ведомость сообщает о количестве арестантских помещений в виде одиночных камер с обозначением их номеров и в виде казематов, т. е. отдельных частей в крепостных стенах. Вместе с тем особые рубрики в ведомости

¹ Напоминаем, что бастионами называются пятисторонние крепостные укрепления, куртинами — стены между бастионами, а рavelином — примыкающее к крепостной стене извне и устроенное в виде угла укрепление для защиты крепостной стены и ворот. Встречающийся в нашем последующем изложении термин «горж» обозначает тыльную часть укрепления бастиона, а термин «фас» — одну из частей бастиона, состоящего из двух фасов, двух флангов и горжа. Термин «аппарель» обозначает отлогую насыпь в крепостной стене для ввоза по этой насыпи орудий.

дают сведения о фамилиях заключенных и их звании, подразделяя арестантов на две группы: содержащихся «по секретной части» и «по открытым предписаниям». Перечисляются и казематы, отведенные под квартиры и под казармы или занятые какими-либо складами и архивами. Нередко сведения об арестантских «покоях» сопровождаются указаниями на их непригодность служить своему назначению или на необходимость ремонта.

Не воспроизводя Ведомости полностью, суммируем результаты нашего подробного ознакомления с ней.

Ведомость содержит описание: 1) бастиона Зотова, 2) Никольской куртины, 3) бастиона Анны Иоанновны, 4) Кронверкской куртины, 5) бастиона Петра II, 6) Петровской куртины, 7) бастиона Петра III, 8) Невской куртины, 9) бастиона Екатерины I, 10) куртины между бастионами Екатерины I и Трубецкого, 11) бастиона Трубецкого, 12) Васильевской куртины, 13) Иоанновского рavelина и 14) различных зданий на пространстве между крепостными стенами.

В названных частях крепости казематы были заняты под арестантские камеры, квартиры офицеров и солдат, архивы и склады различных ведомств, караульни, кузницы и бани или оставались никем и ничем не занятыми, так как не были для этого совсем приспособлены.

Никакой системы в распределении помещений по различным частям крепости не было проведено: в бастионе Зотова и Анны Иоанновны, например, были и арестантские камеры, и казематы, занятые архивами; в Никольской куртине находились арестантские камеры и квартиры; в Невской куртине — арестантские камеры, квартиры и склады и т. д. Но арестантские помещения имелись во всех перечисленных нами частях крепостных стен, кроме бастиона Петра I. Количество камер колебалось при этом от одной до 35. Они были расположены большей частью во втором этаже, но встречались и в первом. Ведомость позволяет выявить точное количество арестантских камер в разных частях стен крепости. Таких камер было в бастионе Зотова 6, в Никольской куртине — 11, в бастионе Анны Иоанновны — 5, в Кронверкской куртине — 35 (с № 1 по № 35), в бастионе Петра II — 3, в Петровской куртине — 7, в Невской куртине — 35 (с № 8 по № 42), в бастионе Екатерины I — 10 (с № 1 по № 10), в куртине между бастионами Екатерины I и Трубецкого — 12 (с № 13 по № 24), в Трубецком бастионе — 25 (из них в отдельном корпусе внутри бастиона камеры с № 18 по № 25), в Васильевской куртине — 4 и в Иоанновском рavelине — 1. Общее число камер — 154. Трудно определить, сколько

из них было предназначено для совместного заключения. Вероятно, значительное большинство камер были одиночными. Во всяком случае, все арестанты, в числе 31, фамилии которых в ведомости приведены, содержались в одиночных камерах. Только об арестантском каземате в Иоанновском равелине сказано, что он занят нижними чинами инженерной команды, но не ясно, были ли они арестованными.

Администрация не только не стремилась заполнить арестантами какой-нибудь один бастион или куртину, но, наоборот, как будто стремилась разместить арестованных в возможно большем количестве различных мест заключения в крепости. Так, 31 арестант был размещен в пяти бастионах и куртинах. В той самой Кронверкской куртине, где было 35 арестантских камер, заключенными было занято всего девять номеров.

Арестанты по «секретной части» не были изолированы в каком-нибудь одном месте. Они размещались в куртинах и бастионах, где содержались и заключенные «по открытым предписаниям». О значительном количестве незанятых камер составитель Ведомости сделал отметку, что они «неудобны» для содержания арестантов или что они требуют «устройства» (вероятно, ремонта). Такие отметки сделаны относительно 52 камер.

Квартирами был занят 51 каземат в пяти куртинах (Никольской, Кронверкской, Петровской, Невской и в куртине между бастионами Екатерины I и Трубецкого) и в равелине Иоанна.

Архивы и склады, баня и кузница занимали 77 казематов. Наибольшее число казематов, а именно 46, были заняты складами монетного двора. Казематы, занятые архивами и складами, находились почти в каждой куртине и в каждом бастионе. От них были свободны только Никольская куртина и Иоанновский равелин. Ведомость отмечает, что число неотделанных и незанятых казематов в крепости достигло 51.

Восемь казематов в шести куртинах были заняты караулами. Кроме того, относительно десяти казематов не дано указания, кем или чем они были заняты.

Ведомость перечисляет и отдельные здания в стенах крепости; здесь находились главная гауптвахта с четырьмя «покоюми», из которых два арестантских, двухэтажный дом коменданта со службами при нем, дом плац-майора, офицерский дом, здание с ботиком Петра I, цейхгауз, монетный двор с кладовыми, Петропавловский собор, дом главного казначейства и другие здания.

Произведенные нами подсчеты суховаты, но цифры эти дают довольно точные сведения о зданиях Петропавловской

крепости и о том соседстве, в котором находились арестантские камеры. До настоящего времени такие сведения в печать совсем не проникали, и использованное нами архивное дело 1828 года оказалось с этой точки зрения весьма важным документом¹. Оно показало нам, что Петропавловская крепость имела своим назначением в первую очередь служить местом заключения арестованных. Ко времени составления Ведомости из 154 камер была занята, как мы видели, только одна пятая их часть (31). Но были периоды, когда число арестантов исчислялось сотнями. В момент острой «нужды» стены Петропавловской крепости могли всегда поглотить огромное число заключенных. Те самые казематы, которые в Ведомости 1828 года названы «неотделанными» или «неудобными» для арестантов, тем не менее заполнялись ими.

В каждой куртине и в каждом бастионе была проведена своя особая нумерация арестантских камер. Для нас осталось неясным, почему в Невской куртине нумерация камер началась с № 8, а в куртине между бастионами Екатерины I и Трубецкого лишь с № 13.

Обращаясь к другому архивному документу, а именно к «Летописи Петропавловской крепости»², мы находим в ней, как было сказано выше, не описание крепости, а лишь сведения о строительстве в ней за тот или другой год. Эти сведения служат дополнением к использованной нами Ведомости 1828 года и часто говорят о продолжавшемся росте строительства. Так, например, в 1833 году в Никольской куртине была устроена кухня для арестантов. Под 1836 годом записано выполнение воли царя о приспособлении в Невской куртине помещений для 100 военных арестантов. В том же году, 24 апреля, это помещение уже было занято арестантами, разделенными на какие-то неизвестные нам четыре отделения под надзором четырех унтер-офицеров и 28 рядовых из инвалидов. Под тем же годом сделана такая запись: «По делам управления крепостного коменданта видно, что благородные арестанты содержались в Невской и Никольской куртинах и под аппарелью бастиона Зотова».

Упомянутые под 1833 годом два каземата Никольской куртины по правую сторону ворот были приспособлены в 1837 году для семи арестантских камер или, как указано в рукописи, «номеров». Номерами назывались одиночные камеры. Предполагая по одному окну в камере, надо думать, что в двух переделанных

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта С.-Петербургской крепости, 1828, № 10. Входящие бумаги, ч. I, лл. 92—103.

² Экземпляр этой рукописи неизвестного автора переписанный на пишущей машинке, хранится в Музее Революции в Ленинграде.

из них казематах было не менее семи окон. Это дает некоторое указание на размеры казематов в Никольской куртине.

В том же 1837 году в Невской куртине устроен лазарет на 25 коек для больных арестантов из числа военных подсудимых. Любопытны обстоятельства, которые привели к устройству этой больницы: оно было вызвано не заботой о заболевших узниках, а побегом шести больных арестантов, содержавшихся в военносухопутном госпитале. После этого побега Николай I решил не выпускать заболевших военных из крепости, устроив для них здесь же лазарет. Устроен он был в Невской куртине, такой же сырой, как и все другие помещения в стенах куртин и бастioned. Врач, производивший осмотр тюремной больницы, особенно подчеркнул ее сырость, тем более, что окна выходили на север и лучи солнца сюда не заглядывали. Для борьбы с сыростью доктор находил необходимым каждодневно, днем и ночью, топить три голландские печи, два камина и две русские печи. Не удовлетворило доктора и устройство кухни. Он отметил грязь на дворе у входа в больницу, отсутствие кладовых и пр. По его мнению, размеры перестроенного помещения позволяли поместить не 25, а 22 койки и т. д. Далеко не все эти пожелания врача были выполнены, так как спешили, выполняя царскую волю, перевести в больницу крепости больных арестантов из военного госпиталя¹.

§ 11. СОСТОЯНИЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Под 1838 годом в «Летописи» нет никаких сведений о строительстве крепости, а между тем в этом году был произведен очень большой ремонт Алексеевского рavelина. Должно быть ремонт секретной тюрьмы не подлежал занесению на страницы «Летописи». Как сказано выше, сведения об этом ремонте взяты мной из архивного дела. Так как все, что касается Алексеевского рavelина, имеет особое значение, то скажем о переустройстве его подробнее.

Из воспоминаний декабристов можно видеть, насколько плохи были санитарные условия их содержания в Алексеевском рavelине. Все декабристы, побывавшие в нем, отметили сырость, холод, отсутствие света и ветхость этой секретной тюрьмы. Шел год за годом, одни заключенные сменяли других, третьи,

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд коменданта С.-Петербургской крепости, 1837, № 34. Дело «Об устройстве в крепости больничного отделения для пользования арестантов».

как Батеньков, продолжали отравляться в рavelине сыростью и гнилью, страдать от холода и мрака, а администрация не помышляла о ремонте. Только через 12 лет, в феврале 1838 года, был поднят этот вопрос, по-видимому, потому, что самой администрации рavelина, помещения которой находились в том же рavelине, стало приходиться плохо. По крайней мере, первое представление по начальству о необходимости ремонта прямо указывало, что «в арестантских комнатах и занимаемых жильством чиновников полы пришли в ветхость и опустились со своих гнезд, отчего в покоях делается великий холод».

Два архивных документа 1838 года с донесениями смотрителя рavelина, а затем и плац-майора крепости ее коменданту рисуют картину такого состояния рavelина, хуже которого ничего нельзя было и придумать. Не только белые, но и черные полы, балки и стулья под ними оказались совершенно сгнившими. В кирпичных стенах секретного дома зияли сквозные трещины, и во многих казематах стены так промерзали, что в углах «обросли снегом».

Топка печей не обогревала как следует рavelина, так как печи нуждались или в исправлении, или даже в полной их перекладке. Оба донесения говорили об испорченных и сгнивших дверях и оконных рамах. Сырость проникала не только через стены, но сверху, через потолки: железная крыша протекала. Но главная сырость шла снизу, с земли, так как, по словам доклада, место, на котором был воздвигнут рavelин, было «гораздо ниже крепости, а потому при весьма умеренной прибыли воды» она выходила там из берегов рва. Не забывал доклад подчеркнуть и неисправность замков в дверях арестантских камер: ведь это касалось надежности содержания арестантов в рavelине. Характерно, что в «высочайшем» разрешении произвести ремонт прежде всего предписывалось привести здание «в прочное положение», а наряду с тем — озаботиться и «о надлежащей удобности» здания. Так как главной причиной сырости было местоположение тюрьмы в низине и небольшие размеры фундамента, то проект ремонта предусматривал ходатайство об увеличении высоты всего здания рavelина. Было разрешено и это, но царь сделал характерную оговорку, чтобы тюрьма отнюдь не превышала тех крепостных стен, за которыми был упрятан этот тайник самодержавия.

Из обширной сметы на многих листах по ремонту здания возьмем некоторые сведения, которые проливают свет на размеры всего здания рavelина, его устройство и состояние перед началом ремонта. К сожалению, упомянутых в смете планов и чертежей в архивном деле не оказалось.

Из сметы можно усмотреть очень крупные размеры предполагаемого ремонта. Стоимость его по смете достигала 61025 р. 62,5 к. Величина расходов объяснялась и крупными размерами всего здания. Площадь его железной крыши была определена в 362 квадратных сажени. Была произведена разборка 24 изразцовых голландских печей, 2 русских печей и 2 очагов. Число оконных рам с железными решетками, подлежащих выемке, достигло 45, а количество дверей — 30. Увеличение на один аршин высоты стен рavelина толщиной в три кирпича дает указание на толщину стен, за которыми были упрятаны узники¹.

Ремонт был произведен и обошелся на 12 тыс. руб. дешевле предполагаемой суммы. Значительная часть этой экономии была израсходована в следующем 1839 году на строительство, также связанное с нуждами охраны царизма: над домом коменданта сделана была надстройка в виде двух комнат для секретных военно-судных комиссий, учреждавшихся по разным случаям².

В 1841 году в бастионе Трубецкого дом, в котором квартировали холостые нижние чины военно-рабочей роты № 1, был приспособлен для помещения там секретных арестантов. Таким образом, этот дом в Трубецком бастионе явился как бы предком той «усовершенствованной» одиночной государственной тюрьмы, которая была воздвигнута здесь в 70-х годах.

В следующем, 1842, году произошло обособление нижних чинов от арестантов в Невской куртине и в правом фасы бастиона Петра I. Эти помещения были отведены исключительно для арестантов, а солдаты переведены в другую куртину. В 1849 году в связи с большими арестами по делу Петрашевского потребовались помещения для увеличенной сторожевой команды. Она была увеличена на 4 унтер-офицера и 28 рядовых. В 1850 году в Невской куртине по правую сторону ворот было устроено больничное помещение на шесть секретных арестантов.

Только в 1857 году был поставлен вопрос о более крупном ремонте Алексеевского рavelина, а произвести его было давно пора. Воздвигнутый на сырой почве и окруженный водой секретный дом рavelина быстро подвергался порче. Арестанты давно ощущали ее на состоянии своего здоровья. Однако с ремонтом не торопились. Из акта осмотра тюрьмы 21 июня

¹ ЦГИА в Москве, 1838, № 749. «Дело по исправлению дома, состоящего в Алексеевском рavelине С.-Петербургской крепости».

² Тот же архив. Фонд III отделения, 1 экз., 1839. Дело № 249 «По представлению господ комендантов С.-Петербургской крепости об изодатайствовании высочайшего разрешения на исправления повреждений, оказавшихся в доме Алексеевского рavelина».

1857 г. видно, в какое состояние разрушения она пришла к этому времени. Акт удостоверил, что все полы, черные и чистые, и балки пола «совершенно сгнили». Дверные полотна оказались разошедшимися и требовали обвязок. Как велика была в рavelине сырость, совершенно с ним неразлучная, видно из того, что дверные замки, как отмечено в протоколе осмотра, перержавели и стали непрочными. Печи в количестве 17 пришли в такую негодность, что требовали перекладки. Ворота в сад тоже пришли в негодность, а наружные ворота в стене требовали исправления. Сырость привела в негодность оконные рамы и подоконники в здании тюрьмы.

Ремонт был разрешен, и на время его производства единственный узник рavelина Каменский, содержащийся там за пропаганду среди крестьян, был переведен в Шлиссельбургскую крепость. Произведенный ремонт был принят 9 октября 1857 г.

Более полные сведения о внешнем виде Алексеевского рavelина относятся к первой половине 60-х годов. Эти сведения дал почти 40 лет спустя один из чиновников Алексеевского рavelина. Так как он проживал в самом рavelине и описал его за 1862—1865 гг., когда там содержались Чернышевский, Писарев, Шелгунов, то мы тем более не должны упустить этого описания. Но не следует забывать и того, что автор воспоминаний — бывший сотрудник администрации рavelина и жил в крепости на положении свободного человека. Уже по одному этому его описания имели определенную окраску.

Автор начинает с утверждения, что Алексеевский рavelин «ни по наружному, ни по внутреннему виду не напоминал собой той грозной и таинственной легенды, которая сложилась о нем в народном представлении». Не легенда сложилась в народе об Алексеевском рavelине: до народа дошла лишь малая часть правды. Царизмом принимались все меры не пропустить эту правду; но слишком долог был период существования рavelина и слишком много прошло через него узников, чтобы истина могла быть сокрыта целиком. При этом автор воспоминаний Борисов служил в рavelине в те 60-е годы, когда режим там был смягчен и сильно отличался от обычных условий тюремного быта в этом рavelине. Впрочем, нас интересуют сейчас не условия тюремного быта, а чисто внешняя сторона этой тюрьмы, ее архитектура.

К началу 60-х годов Алексеевский рavelин представлял собою одноэтажное, окрашенное белой краской каменное здание в виде треугольника. Окна шли по всем трем сторонам и снизу были на три четверти закрашены белилами. Если белая окраска дома не делала его мрачным, то белила на стеклах делали

мрачными камеры, не пропуская свет внутрь. В камерах постоянно царил полумрак.

Борисов знал устройство рavelина. От него мы узнаем, что в этом же здании в одном из концов коридора помещалась квартира смотрителя рavelина. Здесь же помещалась кухня для приготовления пищи заключенным и смотрителю. Имелась приемная и комната для караула. Отдельных камер было 21. Одна из камер была занята цейхгаузом (складом вещей, платья и пр.), а другая — библиотекой (ниже мы познакомим с найденным нами списком книг этой библиотеки). Входная дверь в дом была устроена как раз в приемной комнате. От этой приемной налево и направо шли коридоры с камерами. Полы коридоров были устланы мягким половиком, по которому ходили двое часовых с обнаженными саблями. В коридор выходили топки голландских печей, обогревавших камеры. Обстановку камеры составляли деревянная кровать, окрашенная зеленой краской, с двумя тюфяками из оленьей шерсти и постельным бельем, деревянный столик с выдвижным ящиком и стул. В коридоре висели стенные часы, бой которых был слышен в камерах. Дверь из приемной вела в небольшой садик против огромных ворот в западной стене крепости. Рavelин отделялся от крепости, кроме стены, еще небольшим каналом из Большой Невы в Кронверкский пролив с деревянным через него мостом¹. Таким образом, весь небольшой участок земли с Алексеевским рavelином был совершенно изолирован и в пределах самой крепости от остальных ее частей.

§ 12. БАСТИОНЫ И КУРТИНЫ 1850—1870 ГОДОВ

Что касается куртин и бастионов крепости, то в период 60-х годов здесь продолжалось тюремное строительство. Интересно, что и на нем отражалось значение классовой принадлежности арестантов. Так, например, «Летопись» отметила устройство в 1862 году сада перед куртеной между бастионами Екатерины I и Трубецкого, вразумительно добавляя, что сад разведен для прогулок «арестованных благородных лиц». Для непривилегированных заключенных же в 1863 году были устроены в левом фаше Иоанновского рavelина два карцера для помещения туда нижних чинов инженерного ведомства. Количество военных подсудимых из нижних чинов в это время исчислялось приблизи-

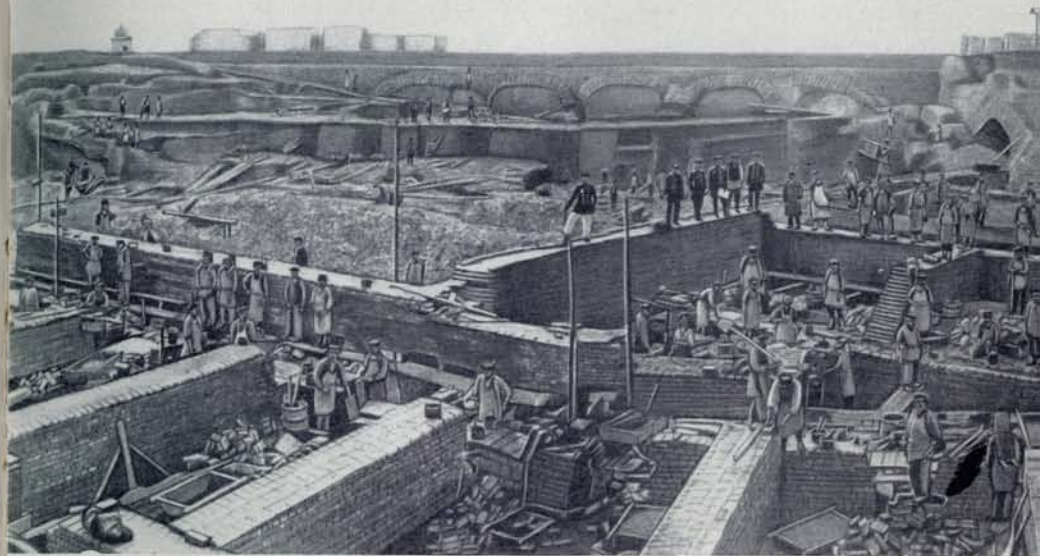

Рис. 8. Кладка фундамента тюрьмы Трубецкого бастиона
Фотография 1870 года, хранящаяся в Ленинградском музее революции

¹ См. Т. В. Борисов, Алексеевский рavelин в 1862—1865 гг. (из моих воспоминаний), «Русская старина» 1901 г., декабрь.

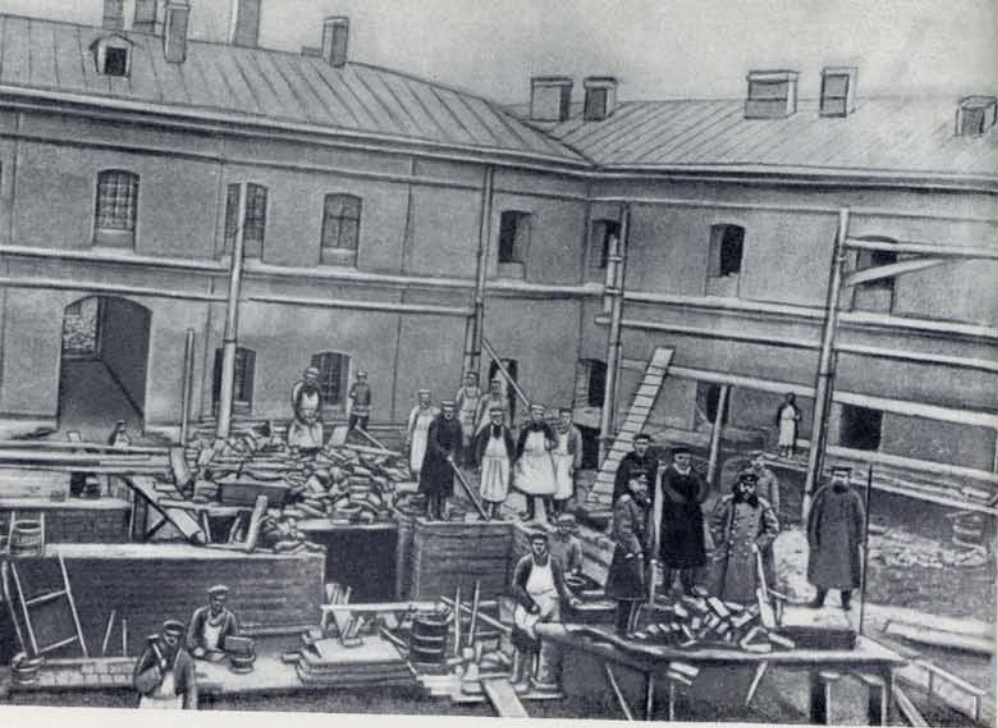

Рис. 9. Кладка стен тюрьмы Трубецкого бастиона
Фотография 1870 года, хранящаяся в Ленинградском музее революции

тельно сотней человек (именно это число, например, указано в «Летописи» за 1858 год). В эти же годы число казематов, никем и ничем не занятых, достигало 90. Часть свободных казематов постепенно была обращена под арестантские камеры. Так, в 1858 году были устроены «номерные казематы и больничное отделение для благородных арестантов». В 1859 году в Невской куртине приспособлен лазарет¹ для военно-подсудимых арестантов. В 1860 году расширены помещения в двух казематах Васильевской куртины путем сломки внутренних перегородок, отделявших там арестантские номера еще в XVIII веке. В 1861 году в Трубецком бастионе приспособлены камеры для офицеров (содержавшихся ранее во время следствия под арестом на городских гауптвахтах). Одновременно был произведен большой расход (8348 руб.) на приспособление казематов в Невской куртине для содержания там арестантов, но уже через год (1863 г.) там снова потребовался большой ремонт (на 4705 руб.). Строительство в Невской куртине закончилось в 1868 году устройством кухни для привилегированных арестантов. После этого в той же Невской куртине по правую и левую сторону ворот арестантские помещения были уничтожены и превращены в казармы для четырех рот; вместо уничтоженных арестантских камер таковые устроены в Екатерининской куртине и Трубецком бастионе (1869 г.). Но в 1870 году было повелено опять устроить арестантские камеры в Невской и в Екатерининской куртинах, и снова десятки тысяч рублей народных денег расходовались на одиночные камеры для борцов за интересы народа против самодержавного строя.

Рост революционного движения в 60-е годы и обострение борьбы царизма с его врагами привели Александра II к решению создать в Петропавловской крепости вместо камер в куртинах и бастионах, кроме Алексеевского рavelина, еще и другую государственную тюрьму «по всем правилам» строжайшей тюремной изоляции. Летом 1870 года в присутствии генералитета и высшего духовенства состоялось торжество закладки в Трубецком бастионе одиночной тюрьмы для политических заключенных. При этой церемонии была заложена медная доска с

¹ Этот лазарет был вскоре закрыт вследствие сырости; об этом стало известно в 1863 году, когда предполагалось направлять в лазарет больных поляков из переполненной ими цитадели в Вильно. Сырость не помешала помещать туда военных подсудимых. Для больных же было решено устроить другой лазарет на десять человек (ЦГИА в Ленинграде. Канцелярия коменданта С.-Петербургской крепости, 1863, № 261. «Дело об открытии больничного отделения для пользования заболевших политических преступников, присылаемых из Царства Польского»).

такой выгравированной надписью: «Здание заложено 19 июня 1870 г. в царствование императора Александра II, при генерал-инспекторе по инженерной части его императорского высочества великом князе Николае Николаевиче старшем, военном министре генерал-адъютанте Милютине, товарище генерал-инспектора по инженерной части генерал-адъютанте Тотлебене, коменданте крепости генерал от кавалерии Корсакове»; и далее на доске увековечены фамилии еще четырех лиц, удостоившихся столь высокой «чести».

Но уже менее чем через 50 лет Октябрьская социалистическая революция прекратила существование этой царской тюрьмы, и мемориальная доска славы стала доской позора царизма теперь уже на вечные времена. За короткое время ее существования она, однако, успела вписать в историю царской тюрьмы слишком много имен. Они написаны кровью узников этой тюрьмы.

Глава третья

ДЕКАБРИСТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ, НА СУДЕ И В ТЮРЬМАХ

§ 13. ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

В ИЮЛЬСКУЮ ночь 1826 года в Петербурге на остров Голодай, куда свозился мусор и где сваливались трупы павших животных, были привезены на телеге тела пяти повешенных декабристов: Пестеля, Рыльева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. В темноте ночи, крадучись, их зарывали между кучами мусора.

Ровно через сто лет, в 1926 году, остров Голодай переименовал свое название на другое — «Остров декабристов». На берегу его, у взморья, теперь воздвигнут памятник, на красном граните которого выгравированы фамилии пяти декабристов, казненных самодержавием. Рядом с этими именами стоит также имя того, кто воздвиг этот памятник. Это имя — Совет рабочих и крестьянских депутатов Ленинграда.

В общей цепи событий, занесенных в книгу истории русской революции, нашло себе почетное место революционное движение декабристов.

Раньше, чем ярко заблистала пятиконечная звезда пролетарской революции, уже мерцала «Полярная звезда». Так назывался первый печатный орган борьбы с самодержавием, издававшийся за границей Герценом. На обложке каждого номера

этого журнала помещены медальоны, с которых на читателя смотрят барельефы казненных декабристов.

Ленин в своих статьях не раз говорил о восстании 14 декабря 1825 г. Разделяя историю освободительного движения в России на три главных этапа в соответствии с тремя классами русского общества: период дворянский, период разночинский или буржуазно-демократический и период пролетарский, он считал, что «самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен»¹.

В своем известном произведении «Былое и думы» Герцен вспоминает, какое огромное впечатление произвели на него, тогда еще мальчика, известия из Петербурга о восстании декабристов, о расстреле народа картечью и о казнях. «Встревоженное ребячье сердце,— писал он,— было не на стороне тех, кто расстреливал народ из пушек»². Герцен вспоминает, как он вместе с Огаревым давал на Воробьевых горах в Москве великую клятву служить делу русской свободы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, кроме памятника в Ленинграде и организации в музеях революции отделов о восстании 1825 года, для увековечения памяти декабристов сделала еще и другое: она сделала доступными для нас богатейшие архивные материалы о восстании декабристов, о следствии и суде над ними, об их пребывании в крепостях, на каторге и в ссылке.

Эти материалы из министерства внутренних дел, из министерства юстиции и из архива «знаменитого» III отделения «собственной его величества канцелярии» хранились царским правительством как государственная тайна. И нет ничего удивительного в том, что царское правительство в продолжение свыше 90 лет, протекших со дня 14 декабря 1825 г., строго оберегало тайну всех материалов декабрьского восстания. Знакомство с этими материалами, теперь широко опубликованными и особо изданными в связи со 125-летней годовщиной восстания, рисует перед нами отвратительные приемы следствия, комедию суда, тяжелые картины казни пяти декабристов и наказания остальных, а вместе с тем и все состояние царской России первой половины XIX века.

Перед нами выявляется также истинная, тщательно скрывавшаяся роль Николая I на протяжении всего процесса декабристов, начиная от первоначального розыска и следствия, кончая приведением в исполнение приговоров над осужденными на

казнь, и даже много лет спустя, при отбытии уцелевшими от казни декабристами наказания на каторге и в ссылке. Мрачная фигура Николая I рисуется нам не только в короне и со скипетром, но и с ключами от Петропавловской крепости, от страшного Алексеевского рavelина, с приемами профессионального сыщика и с веревкою палача.

Академия наук, Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА в Москве — бывший Архив революции), Общество политических каторжан и ссыльных, «Красный архив» и другие научные учреждения и журналы приступили к опубликованию материалов следствия, мемуаров, записок декабристов, их переписки, портретов, гравюр и пр., имеющих прямое или косвенное отношение к восстанию 14 декабря 1825 г. и к судьбе декабристов.

Особый интерес представляет издание Центральным архивом революции (ныне ГАУ) нескольких томов материалов следствия и суда над декабристами, остающихся пока еще очень мало изученными и использованными¹.

В VIII томе этого издания воспроизведен «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17 декабря 1825 г. следственной комиссией». Этот алфавитный список, включающий в себя перечень 570 лиц со сведениями о каждом из них, был составлен по повелению Николая I правителем дел следственной комиссии Боровковым. Переплетенный в красный сафьяновый переплет, этот секретный список находился в распоряжении царя и хранился в особом ларчике под ключом. Список носит следы частого обращения к нему и служит доказательством того, что и после подавления восстания и расправы с участниками заговора царь в течение очень долгих лет не забывал ни о ком из тех, кто попал на страницы этой «памятки», оставаясь все время вершителем их судьбы.

Помимо этого списка, царь имел в своем распоряжении составленный тем же Боровковым «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». В «Свод» вошли выдержки из показаний декабристов, главным образом казенного Каховского, писателя Бестужева-Марлинского, а также проведенного 20 лет в Алексеевском рavelине Батенькова и других. Царь, получив этот документ через несколько

¹ См. «Восстание декабристов. Материалы». К 1960 году изданы: т. I, Центрархив, М., 1925; т. II, Центрархив, М., 1926; т. III, Центрархив, М., 1926; т. V, Центрархив, М., 1927; т. VII, ГАУ, М., 1958; т. VIII, Центрархив, М., 1925; т. IX, ГАУ, М., 1950; т. X, ГАУ, М., 1953; т. XI, ГАУ, М., 1954 (Ред. кол.).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

² А. И. Герцен, Былое и думы, изд. «Academia», 1932, т. 1, стр. 49.

месяцев после окончания процесса декабристов, приказал снять с него одну копию для великого князя Константина Павловича, а другую — для председателя Государственного совета князя Кочубея. По словам последнего, царь часто просматривал этот «Свод» и черпал из него «много дельного». Этот сановник и не заметил, какой глубокой иронией звучат его слова: царь сначала одних своих «советчиков» повесил, других сослал на казнь, рассадил по тюрьмам и крепостям, а потом у них же брал «много дельного».

Надо признать, что декабристы дали самые резкие показания о состоянии всех частей правления России, всех сторон ее хозяйства, о положении всех сословий. Центрархив в 1926 году опубликовал целиком указанный «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». Ознакомление с его текстом и с опубликованными теперь показаниями многих декабристов обнаруживает неполноту в выборке извлечений автором «Свода» Боровковым. Но и то, что извлечено, свидетельствует, что показания о внутреннем состоянии России делались обвиняемыми декабристами большей частью в решительной и резкой форме. Обманутые царем на лично производившихся им допросах многие из декабристов поверили, что он боится за страну и хочет дать ей сам то, чего они рассчитывали достичь восстанием и заговором.

Показания декабристов о состоянии России в первой четверти XIX века имеют такое большое принципиальное значение, что полезно наряду с использованием означенного «Свода» привести отзывы декабристов, сделанные ими перед следственной комиссией.

В глазах декабристов общее положение в стране вело ее неизбежно к революции. Так, Трубецкой на первом же допросе во дворце показывал: «Состояние в России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот. Сие мнение особенно основывалось на частых возмущениях крестьян против помещиков, на продолжительности оных и на умножении таковых возмущений, на всеобщих жалобах на лихоимство чиновников в губерниях и, наконец, полагали, что образование военных поселений будет также со временем причиной переворота»¹.

Также и Каховский заявил: «Положение в государстве меня приводило в трепет: финансы расстроены, отсутствие спра-

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. I — «Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников», под ред. А. А. Покровского, Центрархив, М., 1925, стр. 7 (дело кн. С. П. Трубецкого).

ведливости суда, корыстолюбие; уничтожение внешней коммерции — все сие предшествовало в глазах моих полному разрушению»¹.

Член Общества соединенных славян подпоручик Петр Борисов говорил в своих показаниях, что его любовь к вольности, «народодержавию» раздувалась «час от часу более» под влиянием того, что он видел кругом себя «несправедливости, насилия и угнетения помещиков, их крестьянам причиняемые». И особенно сильное впечатление на него производило наказание солдат целыми полками. Он дал себе клятву уничтожить такие наказания, хотя бы «это стоило ему жизни»².

Очень подробное показание о причинах заговора дал декабрист писатель Кюхельбекер. Он перечислил эти причины в нескольких пунктах. Приведем некоторые из них:

«1) злоупотребления, которые господствовали в большей части отраслей государственного управления, особенно же в тяжёлом судопроизводстве, где лихоимство и подкупы производились без всякого стыда и страха;

2) угнетение истинно ужасное, в котором находится большая часть помещичьих крестьян...

3) совершенный упадок торговли и промышленности и общий недостаток в деньгах;

4) распространяющееся в простом народе развращение нравов, особенно же лукавство и недостаток честности, которые приписывал угнетению и всегдашней неуверенности, в коей раб крепостной находится...

5) недостаточное воспитание и поверхностное обучение высших состояний юношества, которое в училищах, пансионах и даже университетах учится всему, а на поверку редко что знает основательно;

6) совершенное невежество, в котором коснеют у нас простолудины, особенно же землепашцы;

7) крайнее стеснение, которое российская словесность претерпевала не в силу цензурного устава, но, как полагали, от самоуправства цензоров»³.

Очень коротко, но вместе с тем и очень сильно высказался о состоянии России Якушкин, признавшийся, что он взял на себя убийство Александра I. Он сказал, что решил предпринять покушение на жизнь царя, будучи уверен, что «государство не

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. I, стр. 339 (дело П. Г. Каховского).

² Там же, т. V, стр. 22 (дело П. И. Борисова-второго).

³ Там же, т. II, стр. 166—167 (дело В. К. Кюхельбекера).

может быть в худшем положении, как под управлением Александра Павловича»¹.

Завалишин писал в своих показаниях: «Что представлялось мне в свете? Неправды, обманы, хищения. Имена (т. е. слова.— М. Г.) преданности государю, чести, закона, справедливости служили токмо для прикрытия личных видов. Корысть, угнетение, ласкательство являлось всюду. Такое зрелище исполнило сердце мое негодования... восстановить правду, порядок и законные власти казалось мне предприятием славным, а исполнение сего достойным величия»².

Эти выдержки из показаний декабристов не вошли в указанный выше «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». Такие выдержки могли бы быть сделаны в еще больших размерах. Обращаясь к «Своду» Боровкова, мы видим, что составитель его не указал, кому именно из арестованных декабристов принадлежит то или иное приводимое им мнение. Эти мнения изложены Боровковым в систематическом порядке.

«Свод» начинается с показаний более общего характера. Почти в самом начале воспроизведено указание декабристов на настроения в народе после войны с Наполеоном: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в народе: мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине, мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа».

В этом показании ударение делается на помещичьей тирании, которую испытывали широкие народные массы. По этому вопросу мы читаем в «Своде»: «Поведение дворян с крестьянами их ужасно. Продавать в розницу семьи, похищать невинность, развращать жен крестьянских считается ни во что и делается явно, не говоря уже о тягостном обременении барщиной и оброками...» Но тирания давала себя чувствовать повсюду, и декабристы отмечают ее гнет и в органах высшего управления страной, и в суде, и в экономическом положении страны, и пр.

Тирания имеет в своих руках суд и администрацию. Но здесь царят злоупотребления, волокита и взятки, и целой жизни недостаточно для того, чтобы провести дело по всем инстанциям. «Сенат, сие хранилище законов и блюститель благоустройства, обращен в простую типографию...» Относительно комитета министров обвиняемые показали, что учреждением такого коми-

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. III, стр. 42 (дело отставного капитана Якушкина).

² Там же, т. III, стр. 225 (дело о лейтенанте Завалишине).

тета «нельзя было ничего придумать лучше к прикрытию всех беспорядков». «В управлении государством не было никакого положительного, твердого плана». «Губернаторы присвоили себе всю местную власть». «Во все 25 лет не сделано ничего особенного к улучшению по части управления губернией». «У нас указ на указ; одно разрушает, другое возобновляет... от сего сильные и ябедники торжествуют, а бедность и невинность страдают...»¹.

Положение солдат в армии обращало на себя внимание большинства декабристов-офицеров. Чрезвычайная длительность воинской службы и жестокий режим с широким применением зверских телесных наказаний возмущали передовую офицерскую молодежь, а потому и в показаниях обвиняемых нередко встречаются указания на положение солдата.

Таковы были, по показанию самих декабристов, те общие условия, которые вызвали к жизни их тайные общества — Союз спасения или союз истинных и верных сынов отечества (в 1816 г.) и Союз благоденствия (в 1818 г.). В образовании этих тайных обществ немалую роль сыграло знакомство офицеров во время заграничных походов с существовавшими там тайными союзами.

Напомним читателю, что декабристы были непримиримыми врагами крепостного права. Некоторые из них (Пестель) считали необходимым отобрать значительную часть земли у крепостников-помещиков. В политической области одни из декабристов ставили своей целью ограничение самодержавия, другие — введение республики. На последней более радикальной программе стояло Южное общество во главе с адъютантом главнокомандующего второй армией полковником Пестелем. Во главе же Северного общества, члены которого были в большинстве сторонниками конституционной монархии, стояли Рылеев, Трубецкой, Муравьев и другие. Наиболее демократичным по своему составу и программе было Общество соединенных славян, основанное в 1823 году на юге России безземельными дворянами — братьями Борисовыми. Целью этого Общества было образование федерации, уничтожение национальной ненависти и освобождение России от императорской власти. Средствами осуществления переворота предполагалась организация военного восстания и, по мнению некоторых членов Общества, истребление царской фамилии. Восстание предполагалось на лето 1826 года, но неожиданная смерть Александра I и доносы предателей

¹ «Декабристы. Сборник отрывков из источников», составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, Центрархив, М., 1926, стр. 1—9.

создали необходимость ускорить восстание, которое и произошло 14 декабря 1825 г. в Петербурге, а 29 декабря — на Украине (восстание Черниговского полка).

Не будем излагать обстоятельств восстания декабристов, известных из многочисленной литературы о декабристах.

Не успел еще на Сенатской площади и над замерзшей Невой рассеяться дым от пушек, стрелявших в народ почти в упор, еще лежали на площади перед дворцом и на улицах в кровавой окрошке тела убитых и раненых, а царь уже приступил к подготовке финала декабрьского восстания. Таким финалом явилось учреждение следственной комиссии по делу о восстании, а затем и суда. В действительности все происшедшее затем было лишь жалкой пародией следствия и суда. Укрывшись за кулисами, дирижировал этой пародией сам император. 14 декабря 1825 г. царю пришлось дважды отдавать команду стрелять по восставшим солдатам и по народу, — и не солдат, а офицер выполнил этот повторный приказ. Но царю не пришлось дважды повторять своего приказа генералам, сенаторам и архиереям, всем основным членам следственной комиссии и верховного суда: послушно они вешали одних, ссылали на каторгу других, назначали по восемь тысяч ударов шпицрутенами солдатам.

§ 14. ЦАРЬ В РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И СЫЩИКА

Первый день царствования Николая I был и первым днем его деятельности как следователя по делу декабристов.

Сыщиком он оказался очень искусным, ничем не брезговавшим для достижения успеха предварительного расследования. Еще в 1906 году историк П. Е. Щеголев ярко обрисовал эту «криминалистическую» деятельность царя. Он писал: «Первые дни и первые месяцы своего царствования император всероссийский Николай I всю энергию и все способности своего духа употребил по делу декабристов. Всю жизнь прочно и крепко сидел в нем сыщик и следователь, вечно подозрительный и выслеживающий, вечно ищущий, кого бы предать суду и наказанию. Но в первые месяцы царствования эта основная сущность его души раскрылась с необычайной полнотой и злобшей яркостью. В это время не было в России царя правителя, был лишь царь-сыщик, следователь и тюремщик. Вырвать признание, вернуть душу, вызвать на оговоры и изветы — вот «священная» задача следователя, и эту задачу в конце 1825 и 1826 года исполнил русский император с необыкновенным рвением и искусством. Ни один из выбранных им следователей не мог и сравниться

с ним. Действительно, Николай Павлович мог гордиться тем, что материал, который лег в основу следствия, был добыт им и только им на первых же допросах. Первые допросы арестованных декабристов производились во дворце генералом Левашовым и самим царем, который «подбирал маски каждый раз новые для нового лица». «Для одних он был грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный, для других — таким же гражданином отечества, как и арестованный, стоящий перед ним, для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира, для четвертых — монархом, готовым произнести конституционные заветы, для пятых — русским, плачущим над бедствиями отчизны и страстно жаждущим исправления всех зол. А на самом деле он не был ни тем, ни другим, ни третьим, он просто боялся за свое существование и неутоимо искал всех нитей заговора с тем, чтобы все эти нити с корнем вырвать и успокоиться»¹.

Действительно, царь, несмотря на отсутствие предшествующей практики, оказался как бы прирожденным сыщиком. Приходится удивляться разнообразию его подходов к отдельным допрошенным им декабристам. Здесь вся гамма от тихих минорных нот человека, якобы страдающего не менее самих декабристов за свою родную страну, до громовых фортиссимо бешеной ругани самодержца.

Царь совсем не был бесстрастным следователем. Он, конечно, и не мог быть таковым в деле, касавшемся его самого. Это понятно; но он был при этом еще и мстительным человеком, сводя в эти тяжелые моменты свои личные счеты. Так было при допросе подполковника Норова. Когда Николай был еще великим князем и командовал бригадой, он, разгорячась, взял Норова за пуговицу мундира. Тот оттолкнул руку и сказал: «Не трогайте, ваше высочество, я очень щекотлив». Когда после 14 декабря арестованного Норова привезли во дворец, Николай сказал: «Я знал наперед, что ты, разбойник, здесь будешь». Он начал осыпать его бранью. Норов слушал, внутренне взбешенный, и сказал: «Ну-ка еще, прекрасно, что же вы стали?», Царь вышел из себя и закричал: «Веревок, связать его!». Присутствовавший при этой сцене командир гвардейского корпуса Воинов увел Норова со словами: «Помилуйте, здесь не съезжая»².

Слова «разбойник», «свинья», «подлец» и другие им подобные употреблялись монархом при допросе тех декабристов, кто

¹ П. Е. Щеголев, Петр Григорьевич Каховский — «Былое» 1906 г. № 2, стр. 187—188.

² Заваляшин, Записки декабриста, т. II, 1904, стр. 43.

отказывался давать нужные показания или кого царь хотел сломить резким напором. Так было, между прочим, с Якушкиным. Он отказался назвать соучастников допрашивавшему его генералу Левашову, а потом повторил свой отказ и перед самим Николаем. Тогда царь крикнул: «Если вы не хотите губить ваше семейство и чтоб с вами обращались как со свиньей, то вы должны во всем признаться». Якушкин отвечал, что о себе лично он дал показания, а относительно других он дал честное слово не называть никого. Николай снова грубо крикнул: «Что вы мне с вашим мерзким честным словом!». Услышав опять упорный отказ назвать соучастников, царь отскочил на три шага, протянул руку и приказал: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог». У Якушкина навсегда остались в памяти тяжелые минуты этого царского допроса. Через десятки лет он вспоминал, что вначале боялся быть побежденным великодушием, участием и мягкостью, нападками на слабые стороны тайного общества. Этого не случилось, и Якушкин был спокоен, чувствуя себя морально сильнее царя. Но, вспоминает далее Якушкин, «когда по знаку Левашова я вышел и фельдъегерь повез меня в крепость, то мне больше прежнего стала приходить мысль о пытке: я был уверен, что новый император не произнес слова «пытка» только потому, что считал для себя это непристойным». Привезенного в Алексеевский рavelин Якушкина переодели в толстую, разорванную в лохмотья рубаху и такие же панталоны и заковали в тяжелые ручные и ножные оковы¹.

Декабрист Штейнгель в своих записках вспоминает, как, отказавшись назвать соучастников, он мотивировал это следующим образом: «Я не могу и мысли допустить дать кому-нибудь право называть меня подлецом!» Царь спросил: «А теперь тебя как назовут?» Вопрос был задан саркастически и гневно². Но понятия о чести у декабристов и их венценосного следователя были различны, столкнуться на этом вопросе они не могли, и вслед за бранью следовало повеление о заточении в Петропавловскую крепость.

Жена декабриста Анненкова в своих воспоминаниях приводит эпизод из допроса царем ее мужа. Когда Анненков сказал царю, что считает нечестным доносить на товарищей, то царь грозно крикнул: «Вы не имеете понятия о чести! Знаете, что заслуживаете?.. Вы думаете, что вас расстреляют, что будете интересны? Нет, я вас в крепости сгною!»³.

¹ См. Якушкин, Записки, М., 1926, стр. 75—79.

² См. «Былое» 1906 г. № 2, стр. 77.

³ См. Полина Анненкова, Воспоминания, изд. Общества политкаторжан, М., 1932, стр. 77.

Декабрист Фон-Визин, давая общую оценку непомерно грубого обращения царя с частью допрашивавшихся им арестованных, вспоминал: «Сначала некоторых допрашивал во дворце сам император; к нему приводили обвиняемых со связанными назад руками, как в полицейскую управу, а не в царские чертоги. Государь России, забывая свое достоинство, позволял себе ругаться над людьми беззащитными, которые были в полной его власти, и угрожал им жестокими наказаниями».

Прибегал царь и к таким приемам допроса, которые описывал барон Розен. Как и многих других декабристов, его допрашивали во дворце поздно вечером. Во время допроса Розена Левашовым вошел царь и повелительно и грозно сказал: «Стой!» Подойдя к Розену, Николай положил свою руку на его эполет, на плечо, и, повторяя: «Назад, назад», поставил его так, что восковые свечи, горевшие на столе, прильзились прямо против глаз Розена. Тогда царь уставился пристально в его глаза и смотрел в них так более минуты. Не заметив смущения, царь начал вспоминать, как он всегда был доволен службой Розена, как он его отличал, и на этом основании требовал чистосердечного признания¹.

Примером совсем иного подхода может служить допрос поручика Гангеблова. Это были, по словам Щеголева, ухватки ласковой кошки. «Что вы, батюшка, наделали, что вы это только наделали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?» И, взяв Гангеблова под руку, он водил его по зале: «Я с вами откровенен, платите и вы мне тем же»².

Для достижения своей цели — узнать о заговоре как можно более — царь не ограничивался одними обещаниями, он и оказывал обвиняемым те или иные «милости» и таким образом стремился выманить новые признания. Из показаний Рылеева и воспоминаний очевидцев и участников событий 14 декабря известно, как страдал Рылеев за судьбу своей жены и маленькой дочурки. Какая же радость охватила все существо этого заключенного, запертого в Алексеевском рavelине, когда он получает письмо жены и узнает, что царь прислал нуждавшейся женщине две тысячи рублей, а царица — маленькой дочери Рылеева в день именин тысячу рублей³. Этим изуверским приемом царь вынудил у Рылеева новые признания, готовя ему виселицу.

Перед энтузиастом Каховским, решившимся отдать свою жизнь за счастье родины и принявшим на себя совершение того,

¹ См. Розен, В ссылку (записки декабриста), М., 1900, стр. 83.

² А. С. Гангеблов, Воспоминания, М., 1888, стр. 73.

³ См. М. Клевенский, К. Ф. Рылеев, М., 1925.

на что не решались другие, царь выступил в роли доброго человека-гражданина, думающего устранить несчастья родной страны. Ловкий актер умел даже вызвать у себя слезы, когда он слушал вдохновенную речь Каховского о бедствиях страны. «Обласканный» энтузиаст поверил обманщику и писал ему из крепостного застенка: «Государь, что было причиной заговора нашего, спросите самого себя; что, как не бедствия отечества? Добрый государь, я видел слезы сострадания на глазах ваших. Вы — человек, вы поймете меня!! Можно ли допустить человеку, нам всем подобному, вертеть по своему произволу участью пятидесяти миллионов людей? Где — укажите мне страну, откройте историю, — где, когда были счастливы народы под властью самодержавною, без закона, без прав, без собственности?».

Так писал о самодержавии царю-самодержцу Каховский. Царь в своем дворце, читая это письмо от человека, посаженного им в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, вероятно, саркастически улыбался.

Итак, из Зимнего дворца уводят допрошенных царем декабристов, то обруганных, как Якушкин, Норов и другие, то «обласканных», как Каховский, Гангеблов. Одни выходят в полной уверенности, что их ждет пытка, смерть; другие преисполнены верой, что новая жизнь начинается в родной стране, что их идеалы близки к осуществлению... На некоторых угрозы царя не оказали желанного воздействия, но таких было немного.

Мы имеем возможность показать с цифрами в руках, что царь в непристойной для него роли агента первоначального полицейского розыска проявил не только отмеченные нами отвратительные качества ничем не брезгающего сыщика, но и удивительную неутомимость и энергию. Объяснение этого надо искать в том, что на этот раз дело шло не об интересах России, а об его собственных, личных. На карту были поставлены его трон и даже жизнь. Он проводил за делом розыска целые дни и вначале без сна напролет целые ночи.

О такой «работе» царя мы имеем его собственное признание. В 1924 году впервые появились в печати собственноручно написанные воспоминания Николая I о 14 декабря 1825 г. Подлинная рукопись этих записок, составленных императором для его семьи, хранится ныне во втором отделении бывшего Государственного архива в Москве в числе документов из бывшего Зимнего дворца. Таким образом, мы имеем возможность пользоваться материалами не только из воспоминаний декабристов, прошедших через руки царя-следователя, но и воспоминания самого этого «следователя».

В записках мы читаем: «В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, всю ночь я не только не ложился, но даже не успел снять платья и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться». Заменяв генерала Толя генералом Левашовым, царь записал в своих воспоминаниях, что Левашов «в течение всей зимы, с раннего утра до поздней ночи безвыходно сим был занят и исполнял сию тяжелую обязанность с примерным усердием, терпением и, прибавлю, отменной сметливостью...» «Всякое арестованное здесь или привезенное сюда лицо доставлялось прямо на главную гауптвахту. Давалось о сем знать ко мне через генерала Левашова. Тогда же приводили лицо ко мне под конвоем... в котором часу бы ни было, даже во время обеда. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты, в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Всегда начиналось моим увещанием говорить сущую правду, ничего не прибавляя и не скрывая и зная впредь, что не ищут виновного, но желают искренне дать возможность оправдаться, но не усугублять своей виновности ложью или отпирательством».

Слова царя неискренни и лживы: из воспоминаний допрошенных декабристов мы уже знаем, что царь далеко не всегда выступал в роли кроткого увещателя, а бывал и страшным вымогателем не только личного признания декабристов, но и выдачи других участников восстания. Впрочем, доказательства царского гнева при допросе имеются и в цитируемых нами записках. Несмотря на то, что записки были составлены Николаем I лишь в 1831 году, т. е. 5—6 лет спустя после допросов, царь не мог сохранить хладнокровия. Вот, например, как злобно он писал о допросе князя Волконского: «Сергей Волконский — набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь себя таким же показал. Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый, он собою представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека». Или такой пример. Вспоминая привод к нему арестованного князя Оболенского, царь сам проговаривается: «Следив давно уже за подлыми поступками этого человека, я как будто предугадал его злые намерения и признаюсь с особенным удовольствием объявил ему, что не удивляюсь ничуть видеть его

в теперешнем его положении перед собой, ибо давно его черную душу предугадывал. Лицо его имело зверское и подлое выражение...» Напомним здесь же, что эта ненависть царя к обоим названным лицам сказалась и на их приговоре: оба были приговорены к пожизненной каторге и оба же попали в число тех шести, которые были немедленно отправлены в сибирские рудники. Такой же злобой дышит воспоминание царя и о допросе Пестеля, которого он называет «злодеем во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелостью в заpiresательстве; редко найдется подобный изверг!»

Зимний дворец, по словам одного из декабристов, напоминал в дни допросов полицейский участок. Со всего Петербурга и из разных городов страны сюда свозили арестованных и размещали их в комнатах дворца с приставленной к дверям вооруженной стражей. Отсюда арестованных, иногда со связанными назад руками, отводили в зал, где первый допрос обычно производился генерал-лейтенантом Левашовым. За портьерами одной из дверей царь, притаившись, подслушивал, невидимый для допрашиваемого, его ответы. После генеральского допроса арестованный поступал на допрос к царю. Сам же царь делал распоряжения о дальнейшей судьбе арестованного, направляя его по большей части в различные места для предварительного заключения.

До нас дошел чрезвычайно интересный документ, проливающий яркий свет на деятельность Николая I не только как следователя, но и как тюремщика. Мы имеем в виду собственноручные короткие записки императора, с которыми он препровождал арестованных им декабристов к коменданту Петропавловской крепости генерал-майору Сукину. Эти записки написаны на почтовой бумаге и на клочках. Комендант крепости отмечал день и час их получения в особом реестре.

После смерти Сукина эти записки поступили на хранение в Государственный архив¹.

Известно, что допрошенные царем декабристы отправлялись в Петропавловскую крепость немедленно. Таким образом, дата

¹ См. П. Е. Щеголев, *Декабристы*, М., 1926, стр. 261—277.

Я ознакомился и в подлинниках с этими собственноручными записками царя к коменданту крепости. Они написаны на почтовой бумаге с траурной каймой и на каждой из них — отметка коменданта крепости с указанием дня и часа получения записки. В настоящее время они хранятся в ЦГИА в Москве, 1826, ф. 48, дело № 465. «Собственноручные высочайшие повеления, последовавшие на имя коменданта С.-Петербургской крепости генерал-адъютанта Сукина с 14 декабря 1825 г. по 22 февраля 1826 г.» (в трех частях).

поступления записки к Сукину говорит и о времени, когда царь допросил арестованных. Содержание записок всегда очень краткое. В них указывается фамилия препровождаемого, определяется место его заточения и режим, который должен быть к нему применен; попадаются отдельные записки, содержащие повеление о заключении не одного лица, а двух, трех и даже четырех лиц.

Образчиком таких собственноручных приказов Николая I может служить, например, такая записка: «Присылаемого при сем Николая Бестужева посадить в Алексеевский рavelин под строжайший арест, дав писать, что хочет». Особенно суров приказ Николая I относительно Якушкина: «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железы, поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодея».

Некоторые записки касаются условий тюремного режима для уже заточенных в крепость, его отягощения или, наоборот, облегчения, вопросов переписки заключенных, их свиданий. Первая записка помечена 14 декабря в 11 час. вечера и свидетельствует о беспокойстве царя в день восстания за Петропавловскую его твердыню, а также об отсутствии уверенности в войсках: «Александр Яковлевич, — писал царь, обращаясь к коменданту крепости Сукину, — я разрешаю Вам, в случае нужды, оставить у себя две роты Измайловского полка и 6 Семеновского, который в конвое у арестантов, но отнюдь недоверчивости Л. Гренадерскому караулу не оказывать».

Нами составлен на основании этих записок перечень тех заключенных, которые «удостоились чести» быть допрошенными самим царем или его генералами в Зимнем дворце и оттуда были отправлены в Петропавловскую крепость с собственноручными повелениями императора. Список этот, охватывающий период с 11 час. ночи 14 декабря 1825 г., когда был доставлен первым Рылеев, до 3 час. 22 февраля 1826 г., содержит в себе 156 фамилий. Однако деятельность царя на поприще следователя в процессе декабристов отнюдь не исчерпывается этой крупной цифрой. В списке не встречаются фамилии некоторых декабристов, из мемуаров которых мы точно знаем, что царь сам их допрашивал в Зимнем дворце, откуда они были отправлены в Петропавловскую крепость (например, барон Розен, Завалишин). Очевидно, часть декабристов попала в казематы Петропавловской крепости по устным распоряжениям царя. Известно также, что некоторые декабристы, допрошенные царем, направлялись и в другие тюрьмы.

В списке 156 мы встречаем имена осужденных по процессу декабристов. Но наряду с ними здесь и фамилии таких лиц,

в отношении которых дело закончилось без суда. Это почти исключительно молодые офицеры, в том числе титулованные (например, два графа Булгари).

На общем фоне известных дворянских фамилий выделяются имена, упомянутые в двух царских записках. В одной из них вместо титула и офицерского чина царь просто называет препровождаемого «жидом Давыдкой»¹; из другой узнаем, что рук царя-тюремщика не миновал и скромный унтер-офицер Ильин. История не сохранила до нас, какую форму подхода к этим двум арестованным избрал при их допросе император.

Самым интенсивным периодом следственной деятельности Николая I были дни, ближайšie к 14 декабря. Редкий из этих дней проходил без отправки новых заключенных в Петропавловскую крепость. Нельзя сказать, что следственно-розыскная работа в данном случае производилась в установленные рабочие часы. Наоборот, часы царских допросов были большей частью совсем не общепринятые и не урочные. По нашим подсчетам, только от 5 до 6 час. утра и в 6 час. вечера не поступали заключенные после их допросов в Петропавловскую крепость. В ночное время, от 11 час. вечера до 4 час. ночи, в Петропавловскую крепость были водворены 29 декабристов; в вечерние часы, от 7 до 10, были доставлены туда с царскими записками 57 человек; в утренние часы, от 7 до 11, — 9 декабристов и днем, между 12 и 5 час., — 61 человек. Перед арестованными, присылавшимися из дворца, двери казематов открывались во всякое время дня и ночи.

§ 15. ЦАРЬ-ТЮРЕМЩИК

Направляя декабристов в Петропавловскую крепость, Николай I в своих записках 29 арестованных предписал заклю-

¹ Это был бердичевский еврей Давид Лошак, через которого Пестель закупал лошадей для полка, но доносчик Майборода высказал предположение, что Пестель вел через Лошака сношения с польскими революционерами. Арестованный Лошак был доставлен в Петербург, заключен в Кронверкскую куртину Петропавловской крепости, был допрошен, но за недоказанностью освобожден (см. о нем статью Баумана в сборнике «Столетие восстания декабристов», изд. Общества политкаторжан, М., 1928).

Имеется специальное дело «О заковывании в железа некоторых арестованных лиц и снятии оных» — ЦГИА в Москве. Фонд декабристов, № 35, оп. I, 1825—1826 гг. Здесь мы нашли повеление царя от 7 января 1826 г. заключить в крепость денщика Пестеля рядового Савенко. На следующий же день последовало повеление заковать «в железа» этого солдата. Очевидно, гнев Николая обрушился на этого рядового вследствие его близости к Пестелю или вследствие характера его ответов на допросе.

чить в Алексеевский рavelин, уже и тогда пользовавшийся позорной славой страшного застенка. В 11 случаях царь назначил местом предварительного заключения гауптвахту крепости, в остальных 117 препроводительных записках он предоставлял выбор места заключения арестованного усмотрению коменданта.

При выборе места заточения царь руководствовался поведением декабриста на допросе и степенью его предполагавшейся вины. Побег из Петропавловской крепости, и в том числе из ее гауптвахты, были совершенно невозможны. Но самодержец-следователь самым выбором места заключения до суда явно выступал уже в роли судьи, отягощая положение тем подсудственным, которые отказывались назвать других участников или с которыми он хотел свести (как, например, с Норовым) свои личные счеты. Вот почему он не только указывал место, но всегда определял и режим содержания в крепости. Эти приказы царя о режиме показывают, как мало считался российский самодержец с российскими законами: в предварительном заключении он видел прежде всего могущественное средство получить желаемые показания от арестованных.

Заковывание в кандалы считалось одним из тех видов телесных наказаний, которые еще по «Жалованной грамоте» Екатерины II российскому дворянству не должны были применяться к дворянам. Но Николай I нисколько не считался с этим запретом в отношении дворян-декабристов. В отношении 16 человек из них он отдал письменные распоряжения о заковывании в кандалы, причем разнообразил эти распоряжения: либо просто приказывал «заковать», либо указывал, что надлежит заковать в ручные кандалы или даже в ручные и ножные¹. Не посчитался с законом в деле декабристов Николай еще и в том отношении, что вместо одинакового для всех подсудственных режима установил несколько степеней: начиная от такого режима, который он в записках коменданту определял словами «содержать хорошо» (мы увидим, во что выливалось это «хорошо»), и кончая повелениями «содержать наистрожайше, как злодея».

¹ По специальному делу о заковывании декабристов в кандалы (ЦГИА в Москве, 1825—1826 гг., № 35, оп. I по фонду декабристов) выяснились фамилии следующих лиц, закованных в кандалы: Бестужев, Цебриков, Якубович, Якушкин, Бобрищев-Пушкин 1-й, Муравьев Артамон, Арбузов, князь Оболенский, Норов, Бестужев-Рюмин, Борисов, Башмаков, Андреевич 2-й, Семенов, Щепин-Ростовский. Из них 11 человек носили кандалы от 2 до 4 месяцев. Наибольшие сроки пришлось на долю Бестужева, Якубовича, Цебрикова.

Итак, уже в роли следователя Николай I становился судьей над своими политическими врагами, а его «препроводительные записки» о предварительном аресте в некоторой степени были уже приговорами к наказанию.

«Содержать наистрожайше» или «содержать строжайше» царь предписал 14 арестованным из 156. Сюда следует добавить еще 5 человек, которые по его повелению были закованы в кандалы. Желая подсказать коменданту крепости особое отягощение такого «наистрожайшего» содержания в рavelине, царь в отношении Якушкина, как мы знаем, добавил: «...содержать, как злодея». Точно так же было выражено и в отношении Артамона Муравьева: царь именует его злодеем и приказывает содержать насколько возможно «наистрожайше». Следующей степенью тюремного режима, согласно указанию царя в его препроводительных записках, являлось «строгое содержание», которое расточалось с царской щедростью: 59 декабристов испытывали на себе этот режим.

Некоторые послабления, очевидно, делались тюремной администрацией для тех декабристов, которые поступали в крепость с приказом содержать их «строго, но хорошо». Впрочем, таких арестованных оказалось всего 9 человек. Наконец, 34 человека царь прислал с приказом содержать «хорошо».

Неизвестно, как фактически должно было проводиться различие в содержании декабристов в крепости. Никаких или почти никаких разъяснений на этот счет в царских записках не содержится. Но вот образчик царского пояснения, проливающий некоторый свет на условия содержания в крепости. Препроводив в заключение декабриста Свистунова, Николай I дословно написал: «Снабжать его всем, что пожелает, т. е. чаем». Эти слова великолепны! Получается впечатление, что режим в крепости настолько хорош, что заключенному недостает только чая, причем монаршее милосердие удовлетворяет и это желание.

В мыслях царя предоставление чая заключенному, по-видимому, вообще рисовалось как крупное облегчение условий содержания. Так, было повелено отпускать чай и Каховскому и при этом разрешено давать и «прочее, что пожелает, но с должной осторожностью». После такой оговорки («с должной осторожностью») царь добавляет, что берет содержание Каховского на себя. До нас не дошли счета коменданта крепости на оплату стоимости содержания Каховского в казематах Алексеевского рavelина за счет «его величества». Но известно, что Каховский за свою наивную доверчивость к царю, обманувшему его, заплатил жизнью.

Декабристы Завалишин, А. М. Муравьев, Розен, Якушкин и другие оставили описания своего пребывания в Петропавловской крепости в предварительном заключении. Трудно себе представить, как можно было бы содержать «хорошо» или даже «строго, но хорошо» в условиях, которые нам описали испытывавшие их декабристы.

§ 16. ДЕКАБРИСТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В связи с процессом декабристов в течение второй четверти XIX века впервые в таком большом объеме появляются сведения о царской тюрьме, исходившие не из официальных источников, а от самих бывших заключенных декабристов, что за более ранние периоды имело место лишь в исключительных случаях и было редчайшим явлением.

О пребывании декабристов в крепостях, в том числе Петропавловской и Шлиссельбургской, в сибирских тюрьмах, а также о жизни их на поселении в Сибири до нас дошли воспоминания их самих, их близких и современников.

Очень многие декабристы оставили свои мемуары и дали нам возможность ознакомиться с состоянием различных мест заключения. Оставленные ими описания и воспоминания приобретают для нас особую ценность. Они исходили от лиц, стоявших на высокой ступени культурного развития и связанных между собой общностью одного и того же политического дела. Некоторые из этих воспоминаний были записаны вскоре после пребывания арестованных в Петропавловской крепости, т. е. совсем по свежей памяти. Так, например, Зубков написал для своих родных еще в мае или июне 1826 года о своем пребывании в крепости. Также под свежим впечатлением дал описание своего заключения прикосновенный к делу декабристов Н. П. Крюков, освобожденный из Трубецкого бастиона в конце января 1826 года. Воспоминания же большинства декабристов записаны ими значительно позднее, после их освобождения и в некоторых случаях в глубокой старости. Однако мало оснований сомневаться в большей или меньшей точности этих описаний. За их правильность, с одной стороны, говорит согласованность между собой в основных чертах содержания их описаний. С другой же стороны, пребывание декабристов в крепостях, на каторге и на поселении было таким крупнейшим фактом их жизни, который, несомненно, глубоко врезался в память каждого из них.

Внимательная обработка воспоминаний декабристов позволяет нам попытаться нарисовать общую картину их пребывания в Петропавловской крепости.

Первые арестованные декабристы: Сутгоф, Щепин-Ростовский и Рылеев — поступили в Алексеевский рavelин. Сюда царь направлял тех, кого он считал наиболее важными участниками восстания. Но так как число арестованных в несколько раз превышало количество камер Алексеевского рavelина, то пришлось размещать арестованных по другим местам лишения свободы в Петропавловской крепости и даже приспособлять для такого заключения и солдатские казармы. На основании разбросанных в воспоминаниях декабристов указаний можно установить, где они были размещены.

В Кронверкской куртине среди многих пребывавших здесь декабристов были, между прочим, заключены Басаргин, Андреев, Бобрищев-Пушкин 1-й, Розен, Бестужев-Рюмин, Лунин, Кожевников, Трубецкой (в каземате № 23), Рылеев, Муравьев-Апостол, Каховский, Пестель. Последние названные нами «смертники» были переведены в Кронверкскую куртину из Алексеевского рavelина после приговора верховного суда.

В Невской куртине были заключены в разное время два брата Беляевых и Трубецкой (в каземате № 3) — с 15 июля 1826 г. до его отправки в Сибирь.

В куртине у Никольских ворот побывали Фон-Визин и Нарышкин.

Некоторые заключенные называли место своего заточения «камерами на лабораторном дворе» (два брата Беляевых, Бодиско и Дивов) или «лабораторной камерой» (Басаргин, Ивашев и Завалишин).

Мы встретили определенные указания на пребывание в Трубецком бастионе Крюкова Н. П.

Описали свое заключение в какой-то куртине, не зная ее названия: Беляев П., Зубков, Барятинский, Якубович, Лаппа и Вадковский¹.

По словам А. М. Муравьева, в гарнизонных казармах крепости были настроены клетушки из бревен, и таким образом общие солдатские казармы были превращены в тюрьму с одиночными камерами.

В ряде случаев арестованных помещали на гауптвахту. Значительная часть декабристов прошла через казематы Алексеев-

¹ Эдельштейн, автор работы «Петропавловская крепость как тюрьма» (1825 г.), называет местом заключения декабристов Екатерининскую куртину.

ского рavelина. Здесь побывали Якушкин, Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол, Одоевский (в камере, которая почему-то называлась «офицерская»), два брата Бестужевых, Трубецкой, Батеньков, Корнилович и, как было указано выше, Сутгоф, Щепин-Ростовский и другие¹.

При таком обилии мест заключения декабристов в крепости не могло быть единообразия типа заточения. У одних заключенных камеры были довольно обширны, даже в два окна, но у большинства — очень небольшие. Зубков определил размеры своей камеры в какой-то куртине в 6 шагов длины и 5 ширины. Беляев, называя свою камеру гробом, указал один размер — в 4 шага. Якушкин в Алексеевском рavelине — 6 шагов длины и 4 ширины. Один из братьев Бестужевых, вспоминая, что комендант крепости Сукин «похоронил его» в одном из гробов Алексеевского рavelина, определил размеры камеры в 8 шагов длины и 6 ширины и назвал ее «довольно пространной». У Капниста была камера в два окна. Наиболее значительные размеры камер встретились в воспоминаниях Н. П. Крюкова, заключенного в Трубецком бастионе: камера его имела 12 шагов в длину и 6 в ширину. В клетках, устроенных в гарнизонных казармах, можно было сделать по диагонали три-четыре шага. В камере Трубецкого в Кронверкской куртине было 5 шагов в длину и 3 в ширину.

Но у всех этих разнообразных мест заключения в различных куртинах, бастионах и рavelинах С.-Петербургской крепости были одни и те же общие черты: невероятная сырость и недостаток света, доходящий до мрака.

Беляев, сидевший в камере «на лабораторном дворе», называл сырость страшной. Басаргин вспомнил «чрезвычайную сырость» в Кронверкской куртине: здесь «со стен текло», темнота в камере не позволяла ему делать никакого движения. Он заболел кровохарканием, и его перевели в другой конец куртины, в каземат более просторный, но настолько темный, что он долго не мог различить предметы, находившиеся в камере, пока глаза его не освоились с мраком. А. М. Муравьев описал свою камеру как грязную, сырую, мрачную и тесную. Вообще, после наводнения сырость в казематах была повсюду, и

¹ Осенью 1940 года на выставке в Петропавловской крепости была дана такая таблица о месте заключения декабристов: в Алексеевском рavelине — 19 человек, в Трубецком бастионе — 13, в Невской куртине — 29, в Екатерининской куртине — 13, в Никольской — 7, в Петровской — 4, в Васильевской — 1, в бастионе Зотова — 6, в бастионе Анны Иоанновны — 1, в лаборатории Монетного двора — 1, на гауптвахте — 28, в комендантском доме — 2, в караульном доме — 1, неизвестно где — 45 человек.

декабристы вспоминали, что при топке печей вода лилась со стен потоками, так что за день выносили отсюда по двадцать и более тазов воды. Страшные головные боли, флюсы и ревматизм были широко распространены среди узников, и в этом смысле пытка была непрерывной.

Окна в камерах всюду были замазаны белой краской. В некоторых камерах оставалось незамазанным верхнее стекло. Только в камере декабриста Трубецкого в Алексеевском равелине, как он вспоминал, окно по неизвестной для него причине не было замазано. В куртинах окнами служили амбразуры в толстых стенах. Все окна были за железными решетками, и, по словам Бестужева, они были из толстых полос железа. Окно в камере Трубецкого бастиона, где находился Крюков, по словам последнего, было не только за железными решетками, но еще и снабжено поперечной железной полосой с тяжелым замком; при наличии двух рам в толще амбразуры свет тускло проникал в камеру. Однако это окно, должно быть, не было замазано, так как узник видел через куртины другие здания крепости, двоих часовых у ворот, бастион с флагом, Неву, часть Летнего сада и пр. Но можно предположить, что этот вид открывался для заключенного через верхнее стекло рамы, которое, по свидетельству нескольких узников куртин и казарм, оставалось незакрашенным. Впрочем, в те дни, когда происходили похороны Александра I, а затем царицы, были замазаны и эти верхние стекла.

Вследствие сырости и отсутствия солнечного света все камеры изобиловали мокрицами, тараканами и другими насекомыми. Об огромном количестве тараканов вспоминали все заключенные: все стены были покрыты ими сплошь. Не было недостатка и в блохах. Гангеблов вспоминал о своем каземате, в котором будто бы в 1820 году содержались солдаты — участники восстания Семеновского полка: «Кроватью мне служили нары, покрытые какой-то жирной лоснящейся грязью. Низкий свод этого каземата был обвешен паутиной и населен множеством тараканов, стоножек, мокриц и других еще невиданных мною гадов, которые только наполовину высовывались из-под сырых стен».

В некоторых из камер потолки были сводчатые, а у Зубкова этот свод переходил в стену прямо к полу, так что когда голова заключенного упиралась в потолок, ноги его на полу находились от этого свода на расстоянии полутора шагов.

Стены в камерах Алексеевского равелина, этого наиболее частого места заключения, были выбелены известью, но «исчерчены надписями, иероглифами, силуэтами и прочими досу-

жими занятиями живых мертвецов. Ревнивая осторожность тюремщиков тщательно их зачеркивала, и нельзя было не пожалеть об этом. Какую бы страшную замогильную хронику можно было прочитать в сжатых фразах и рисунках страдальцев». Автор этих воспоминаний — Бестужев разобрал слова прощания заключенного с матерью «на веки», слова, обращенные к брату: «Брат, я решился на самоубийство»¹.

Камеры большей частью отапливались русскими печами с топкой из коридора, но иногда и из самой камеры. Например, Капнист сам мог топить такую печь. В других камерах имелись небольшие железные печи (например, у Басаргина, в «лабораторной камере»). В третьих камерах не было печей, но по верху проходили железные трубы.

Обстановка камер была более или менее одинакова. В камерах Алексеевского равелина она состояла из кровати с тюфяком и «госпитальным одеялом», возле кровати стоял столик с кружкой воды, причем на кружке были вырезаны буквы «А» и «Р» (начальные буквы названия равелина); в одном из углов камеры помещался стульчак для естественных надобностей; кроме того, было два стула, на одном из которых стоял ночник, т. е. лампада, испускавшая при горении большую копоть. На копоть от этих ночников указывают несколько заключенных. Она, по словам Беляева, «проникала в нос и грудь так, что при сморкании и плеваньи утром все было черно, пока легкие снова не очищались в течение дня». В камере Зубкова в какой-то куртине «кровать состояла из нескольких досок, искусно соединенных железными полосами. Соломенный тюфяк и подушка лежали на двух узких досках с большим пустым промежутком, причем одна доска была значительно толще другой. Простыня была, разумеется, из грубого холста и очень грязна. Стула не было, а стол надо было прислонять к стене, чтобы он не упал. Вместо ночной вазы в углу комнаты стояла деревянная кадушка, издававшая отвратительный запах. Прибавьте к этому бутылку с водой и лампу и вы получите представление о всей моей мебели и утвари». Встречаются указания на нахождение в камере вместо стула табуретки, вместо подушки из перьев — двух подушек из соломы.

В камере у Муравьева в стену была вделана железная цепь, дополнявшая обстановку этой камеры и составлявшая такую ее особенность, которая не встречалась в других камерах. Цепь предназначалась, очевидно, для приковывания

¹ Братья Бестужевы, Воспоминания, под ред. П. Щеголева, П., 1917, стр. 152.

заключенного к стене. Сам Муравьев этой участи не подвергся. Некоторые из его товарищей по процессу носили ножные или ручные кандалы или те и другие вместе. Имеется точное указание, что ручные кандалы представляли собой два браслета, надетых на руки и соединенных между собою не цепью, а металлическим стержнем. Вес кандалов был, как после узнал заключенный в них Якушкин, 23 фунта.

Мы уже знаем, что сам царь определял тюремный режим для заключенных декабристов. Несомненно, что от определения Николаем этого режима зависело то или иное питание заключенных. По общему отзыву декабристов, подвергнутых разным режимам, питание было плохое. А. М. Муравьев назвал его отвратительным и объяснил это тем, что деньги, отпускавшиеся на содержание декабристов, расхищались администрацией во главе с плац-майором. Такие заключенные, как Якушкин или Бестужев, получали хлеб и воду. Первый из названных заключенных только на девятый день впервые получил белую булку, когда ему стали давать и горячую пищу¹.

Из архивного дела Алексеевского рavelина 1826 года можно почерпнуть некоторые официальные сведения, относящиеся к питанию и бытовым условиям узников крепости из числа декабристов. Еще 27 декабря 1825 г. комендант крепости Сукин предложил смотрителю рavelина передать плац-майору крепости Подушкину излишнее в рavelине белье, а также кровати для выдачи тем заключенным, которые, за переполнением Алексеевского рavelина, содержатся в других казематах крепости. Но, должно быть, запас белья не был достаточен и для надобности самого переполненного рavelина, так как из записи расходов видно, что в октябре 1826 года было куплено для одиночных камер рavelина постельное белье, ночные бумажные колпаки, салфетки, скатерти, носовые платки — 18 штук, башмаки, халаты, рубахи и пр. Значительные суммы затрачивались на оплату стирки белья — рублей 60—70 в месяц. По-видимому, заключенных водили в какую-то баню, так как за февраль 1826 года показаны расходы на закупку 10 веников в баню для арестантов. Показан расход и на дезинфекцию воздуха в рavelине посредством «курения» в арестантских камерах пивного уксуса. Ни у одного из узников мы не встретили указаний на такое очищение воздуха, а между тем расход на это своеобразное дезинфекционное средство показан большой: 31 января 1826 г.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд С.-Петербургской крепости, 1826, № 5. «Дело о продовольствии содержащихся по происшествию 14 декабря 1825 г.». На осужденных декабристов расходовалось по 50 коп. в день на каждого.

куплено ведро такого уксуса, а уже 16 февраля еще два ведра. Наоборот, полное подтверждение порчи в камерах воздуха копотью от ночников дается расходами на конопляное масло для освещения этих камер, а также и на сальные свечи (в январе 1826 г. — 2 пуда 6 фунтов).

Показателем бытовых условий пребывания в Алексеевском рavelине является закупка для декабристов 4 замков для ручных оков узников (февраль 1826 г.).

Что касается питания заключенных, то в расходах показаны суммы, затраченные на пищу телесную и, так сказать, на пищу духовную. В перечне закупленных съестных продуктов нет разнообразия. Что же касается духовной пищи, то она была еще менее разнообразна: закупались книжки исключительно религиозного характера. Это были: «священная история, книжки под названием «О подражании Христу», «О подражании пресвятой деве Марии», библия и евангелие»¹.

Все эти указания, несомненно, относятся только к декабристам, так как в отчете о расходах прямо указано, что они производились для 17 камер арестованных по делу 14 декабря 1825 г.

В этом же архивном деле имеются указания, показывающие, что в помещении рavelина, кроме камер заключенных, находились: канцелярии, комнаты для чиновников, кухня. При рavelине тогда были и надворные строения, например, погреб.

Всех арестованных по доставлении в крепость приводили к коменданту, который и направлял их в соответствующие казематы. В казематах с арестантов снимали платье, оставляя им лишь белье, одевали их в особый халат и заменяли собственную обувь арестантскими гуфлями. Тут же производилось и надевание оков, если они были предписаны царем. Оковы закреплялись замком.

Декабристы отнеслись к кандалам не так, как этого ожидал Николай. А. М. Муравьев позднее вспоминал, что декабристы носили эти цепи с гордостью, что в их положении была своего рода «поэзия» и они смогли это понять². Этот автор в записке, написанной им для жены и детей, пояснял, что он написал свои воспоминания с целью показать им, что он страдал «за

¹ ЦГИА в Москве, 1826, № 15. Дело Алексеевского рavelина С.-Петербургской крепости. Внутренняя переписка по содержанию дома. Бумаги с фамилиями декабристов-узников С.-Петербургской крепости встречаются в делах коменданта крепости (1826 г. № 3, 4 и 6) и в ЦГИА в Ленинграде.

² См. А. М. Муравьев, Записки, перевод, предисл. и прим. С. Я. Штрайха, изд. «Былое», П., 1922, стр. 26.

прекрасное и благородное дело и что он мужественно нес цепи за свободу своего отечества».

Всем заключенным запрещалось переговариваться между собой и разговаривать со стражей. Именно к этому времени относится изобретение братьями Бестужевыми во время их заключения в Алексеевском равелине способа сноситься посредством перестукивания. Далеко не все тюремные сторожа из инвалидной команды были строгими исполнителями суровых предписаний тюремной инструкции.

В одном архивном деле С.-Петербургской крепости я нашел интересное указание на составление какой-то специальной инструкции караулу равелина для охраны декабристов. Комендант крепости Сукин писал 31 декабря 1825 г. смотрителю равелина: «Важность преступления и число присылаемых ныне по высочайшему повелению в равелин арестантов вызвали утверждение особого наставления караулу». К сожалению, этого «наставления» в деле не оказалось.

Если это «наставление» учитывало важность преступлений и число арестантов, присланных в равелин, то, по-видимому, сторожа из инвалидной команды учитывали это далеко не все. Симпатии, возбужденные в солдатах некоторыми заключенными, и деньги, которыми располагали сами заключенные или их родные, приводили к послаблениям сурового режима. Солдаты не только вступали в секретные разговоры с арестантами, но и становились передатчиками известий от одних заключенных к другим. В воспоминаниях декабристов не один раз встречаются самые теплые отзывы об их сторожах из числа нижних чинов. Беляев охарактеризовал этих солдат так: «Ничего сурового, ничего похожего на тюремщиков в этих людях не было». Они остались в его памяти, как «честные и прямотушные» люди. Басаргин охарактеризовал своего стража-тюремщика в самых теплых выражениях. Этот солдат бескорыстно помогал заключенному, чем мог. Такое отношение стражи из числа инвалидов к заключенным проявлялось даже в Алексеевском равелине.

Конечно, наиболее строгим был режим именно в Алексеевском равелине. Здесь господствовало молчание и царила полная тишина. Стража ходила по коридору вдоль камер в мягких туфлях. Здесь была особенно стеснена переписка, разрешение на которую давалось самим царем, этим главным тюремщиком. Тягость заключения увеличивалась от бездействия, отсутствия

прогулок и от нервного возбуждения допросов в «судилище», охарактеризованном декабристами как инквизиция.

Поэтому несколько не удивительно, что большинство заключенных переносило заточение очень тяжело. Это видно, например, из следующих слов Беляева: «Одинокое, гробовое заключение ужасно... То полное заключение, какому мы сначала подвергались в крепости, хуже казни. Страшно подумать теперь об этом заключении. Куда деваться без всякого занятия со своими мыслями. Воображение работает страшно. Каких страшных чудовищных помыслов и образов оно ни представляло. Куда ни уносились мысли, о чем ни передумал ум, и затем все еще оставалась целая бездна, которую надо было чем-нибудь наполнить»¹.

Еще резче охарактеризовал тягости своего заключения в Петропавловской крепости декабрист Зубков: «Изобретатели виселицы и обезглавливания — благодетели человечества; придумавший одинокое заключение — подлый негодяй; это наказание не телесное, но духовное. Тот, кто не сидел в одиночном заключении, не может представить себе, что это такое»².

Царь прекрасно знал тяжесть одиночного заточения и пользовался этим оружием в борьбе со своими врагами всегда широко и жестоко. Раевский, единомышленник декабристов, арестованный за несколько лет до восстания, писал царю: «Самая отдаленная ссылка, жизнь на Алеутских островах, даже самая ссылка в работы была бы мне знаком величайшей милости в сравнении с ближайшею неволею, которую извещал я бедственным образом»³.

Мы увидим, что много позднее, через 60 лет, внук Николай I Александр III учел эту тяжесть одиночного заключения в государственных крепостях, создав в Шлиссельбургской крепости так называемую новую тюрьму.

Тяжесть одиночного заключения усугублялась недопущением свиданий. Разрешение на них давалось самим Николаем, и о каждом происшедшем свидании комендант крепости сообщал особым рапортом царю с указанием, с кем и когда произошло свидание. Свидания происходили в доме коменданта и в его присутствии.

¹ П. Беляев, Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом 1825—1850, стр. 185.

² «Политические процессы николаевской эпохи. Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских», М., 1907; см. статью Зубкова «Рассказ о моем заключении в С.-Петербургской крепости», ст. 233.

³ П. Е. Щеголев, Декабристы, 1926, стр. 73.

¹ ЦГИА в Москве. Архивное дело, 1825, № 14. Входящие бумаги.

В Центральном Государственном военно-историческом архиве мы нашли специальное дело о таких свиданиях декабристов с их родными. Если эти рапорты исчерпывающие, то за период с 24 апреля 1826 г. по 2 сентября того же года произошло всего 14 свиданий у 12 декабристов, из которых двое имели по два свидания. Вот их перечень:

- 24 апреля в 8 час. вечера — Васильчиков с матерью.
- 25 апреля в 1 час. пополудни — Фон-Визин с женой.
- 19 мая в 8 час. вечера — Якушкин с матерью жены.
- 1 июня в 8 час. — Александр Муравьев с матерью.
- 2 июня в 9 час. утра — Норов с братом.
- 3 июня в 6 час. вечера — Пестель с отцом.
- 13 июня в 1 час. дня — Фон-Визин с женой.
- 13 июня в 8 час. — Волконский с сестрой и ее дочерью.
- 25 июня в 9 час. — Волконский с сестрой.
- 29 июня в 10 час. утра — Ивашев с отцом.
- 29 июня в 4 час. дня — Искрицкий с отцом.
- 30 июня в 9 час. дня — Штейнгель с женой.
- 30 июня в 4 час. — Свистунов с матерью.
- 2 сентября в 7 час. — Никита Муравьев с графиней Чернышевой¹.

Если этот список не полный (кажется, правильное предположить это), то, во всяком случае, по-видимому, свидания были редкими.

Одновременно с офицерами стали поступать в Петропавловскую крепость 14 декабря и арестованные солдаты. Раненых привозили на санях. Но в казематах крепости они оставались недолго. В январе 1826 года наибольшая их часть была увезена в Выборгский шлосс и в Кексгольм². Условия содержания в этих старинных крепостях были невыносимо тяжки. В Петропавловской крепости оставались солдаты, выделившиеся своим участием в восстании. Некоторые — унтер-офицер Иевлев, фельдфебель Неженцев, рядовой Никитин и др. — содержались здесь до конца 1826 года, когда были отправлены в гарнизоны Сибири. Самые же активные — лейб-гренадеры: Долговязов,

¹ ЦГВИА, 1826. Дело № 210, связка 16. Рапорты о свиданиях в С.-Петербургской крепости.

² В ЦГИА в Москве находится специальное дело о подготовке помещений в Кексгольме и Выборге для солдат, участвовавших в событиях 14 декабря 1825 г. (ЦГИА в Москве, 1825, ф. 48, № 290. «О приготовлении мест для содержания арестованных лиц 26 декабря 1825 г.»).

Рытов, Соловьев, Трофимов и Федотов — содержались в крепости более двух лет (они были приговорены к колоссальному количеству ударов шпицрутенами — 8 тысячам).

§ 17. ДЕКАБРИСТЫ ПЕРЕД СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ

Хотя допросы и начались уже 14 декабря 1825 г., но формально следствие началось с 17 декабря, когда был утвержден «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества». В комитет вошли: председатель — военный министр Татищев, члены — великий князь Михаил Павлович, князь Голицын и генерал-адъютанты Голенищев-Кутузов, Бенкендорф и Левашов. Правителем дел был назначен Боровков, который впоследствии напечатал свои воспоминания.

С 14 января 1826 г. комитет перестал именоваться «тайным» и в мае — переименован в комиссию. В составе комиссии происходили изменения: в нее вошли также генерал-адъютант Дибич, Потапов и Чернышев.

Заседания комитета и впоследствии комиссии происходили очень часто, и общее их число за время до 16 июня 1826 г. достигло 147. Первые заседания происходили в Зимнем дворце, а с 23 декабря перенесены были в помещение коменданта Петропавловской крепости.

Официальное включение в состав комитета брата царя, т. е. члена той самой императорской фамилии, намерение уничтожения которой ставилось в вину некоторым декабристам, свидетельствует, как мало царь считался с тем, что беспристрастность следствия и суда будет заподозрена.

Сам царь в своих воспоминаниях о 14 декабря, описывая допрос им князя Трубецкого, называет себя судьей над декабристами. Он говорил несознавшемуся вначале Трубецкому: «Вы — преступник, я — ваш судья»¹.

Точно так же и самый факт выбора местом заседания апартаментов Зимнего дворца говорит о той же бесцеремонности, открытой пристрастности ведения всего процесса декабристов. Перевод же заседаний следственного комитета, а потом и комиссии из дворца в близлежащую Петропавловскую крепость представлял двойное удобство: большинство арестованных находилось в этой крепости, а стены ее надежно скрывали

¹ «Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.», «Красный архив», 1924, т. VI, стр. 225.

расправу династии Романовых с их политическими противниками.

Из воспоминаний декабристов видно, что следственной комиссией была выработана система допросов, рассчитанная на получение от допрашиваемых во что бы то ни стало их сознания и оговора других.

По словам Фон-Визина, тайный комитет следовал примеру инквизиции. Члены комитета не останавливались перед угрозами пыткой. Фон-Визин говорит, что против узников употребляли средства, «которые поражали их воображение и тревожили дух, раздражая его то страхом мучения, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть их признание». Ночью внезапно отворялась дверь каземата. На голову заключенного накидывалось покрывало, и его вели по коридорам и по крепостным переходам. Приведя в ярко освещенный зал присутствия, с него снимали покрывало, и члены комиссии начинали допрос. «Не давая времени образумиться, с грубостью требовали ответов мгновенных и положительных; царским именем обещали подсудимому помилование за чистосердечное признание, выдумывая небывалые показания, будто бы сделанные товарищами, и часто даже отказывали в очных ставках. Кто не давал желаемых ответов, по неведению или из опасения необдуманном словом погубить безвинных, то того переводили в темный и сырой каземат, давая есть один хлеб с водой, и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами»¹.

В сходных чертах описывает допросы следственной комиссии и Якушкин. Его водили на допрос закованным в ручные и ножные кандалы с завязанными глазами. До начала допроса его посадили за какие-то ширмы, где его волнение должно было возрастать. Наконец, не снимая с глаз повязки, его куда-то провели и поставили. Когда повязка была снята, он увидел за столом, освещенным свечами, членов комитета. Кроме членов комитета, тут же сидел флигель-адъютант государя Адлерберг, на обязанности которого было записывать для немедленного доклада царю все наиболее важное. Якушкин довольно подробно вспоминает приемы допроса его и увещания выдать товарищей. На этот раз он оказался так же тверд, как и перед самим царем. Но приведем из его воспоминаний откровенное признание не перед одетым в расшитые, золотом генеральские мундиры, а перед потомством и читателями его мемуаров. Эти признания проливают свет на поведение многих декабристов, выдавших членов тайных обществ и признавших свою вину. Якушкин за-

¹ «Декабристы», Сборник, Центрархив, 1926, стр. 214 и сл.

писал в своих воспоминаниях: «Тюрьма, железо и другого рода истязания произвели свое действие, они развратили меня. Отсюда начался целый ряд сделок с самим собою, целый ряд придуманных мною же софизмов... Стал чувствовать, что прежнее намерение свое не называть никого слабело с каждым часом»¹.

Подтверждения таким словам декабристов о приемах допроса их следственной комиссией теперь найдены даже и в самих официальных документах следствия. Каждое заседание этой комиссии сопровождалось составлением протокола заседания. Эти протоколы назывались «журналами». В них записаны, например, постановления о снятии оков за откровенные показания и, наоборот, о наложении оков за непроявление этой «откровенности». Образчиком последнего рода является постановление комитета от 26 марта 1826 г.: «Представить государю императору, что столь упорное запирательство Семенова...» и так как «другие содержащиеся в крепости участники тайного общества за упорство уже закованы, комитет находит нужным испросить высочайшее его императорского величества повеление о заковании Семенова с содержанием на хлебе и на воде, почтя сию меру столь же необходимой для его наказания, сколько и могущее привести его в раскаяние и побудить к чистосердечному откровению»².

Согласие на такую меру воздействия при следствии царем, конечно, было дано. Упорство было сломлено, и через три недели, 12 апреля, оковы были сняты «в уважение оказанной им откровенности в показаниях»³.

Точно так же 10 января 1826 г. «государь император, вследствие положения тайного комитета, высочайше повелеть соизволил заковать в ручные железа содержащегося в крепости лейб-гвардии Финляндского полка поручика Цебрикова за упорство в признании и за употребление дерзостей в выражениях при допросе комитета». Только 30 апреля Цебриков был раскован. Примеры заковывания по повелению царя можно было бы умножить. Щеголев называет 18 фамилий декабристов, закованных на разные сроки по повелению царя до 3½ месяцев. Эти физические пытки наряду с психическими не все декабристы вынесли, давая вынужденные показания.

Усердие членов следственной комиссии было оценено верховным руководителем следствия. В своем рескрипте по случаю

¹ И. Д. Якушкин, Записки, 1925, стр. 90.

² А. Покровский, Следствие над декабристами, «Восстание декабристов», т. I, 1925.

³ «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, 1925, стр. 394—395.

окончания 25 июня следствия и закрытия комиссии царь выражал председателю комиссии и всем ее членам благодарность за «благоразумное и успешное и вполне с ожиданием его согласное приведение к окончанию дел». Он добавлял, что в полной мере оправдался выбор его и оказанное членам доверие. Также были награждены и все работники канцелярии «по соразмерности с неимоверными трудами и важностью дела»¹.

Царь всем содержанием своего рескрипта преграждал суду всякую возможность критического отношения к собранным материалам, их полноте, беспристрастности и достоверности.

Делопроизводитель следственной комиссии Боровков ясно показывает в своих записках, что в глазах всех малых и больших вершителей судьбы декабристов их процесс был средством заработать новые чины и награды, а сам Боровков не без скрытой зависти отмечает, что достиг лишь звания сенатора, в то время как более удачливый Блудов получил впоследствии даже графское достоинство.

Работа тайного комитета, начавшаяся вечером в день его учреждения (17 декабря 1825 г.), состояла в первые дни в ознакомлении с протоколами допросов арестованных декабристов. Эти показания записывались в очень краткой форме или допрашивавшими генералами, или самими допрошенными. Первоначально допросы производились без всякой системы, но вскоре Боровков выработал единообразный вопросник. Кроме этого ряда одинаковых вопросов, задавались и особые — в зависимости от обстоятельств дела.

Показания в комиссии давались устно и обычно во время заседания не записывались, но по окончании устного допроса в камеру арестованного препровождались те же вопросы в письменной форме, на которые он должен был дать письменные ответы. Эти ответы зачитывались комиссией с отметкою о том в журнале заседания. Обычно в журнале отмечалось, что письменные ответы те же, что были даны устно.

При записи ответов самой комиссией и при составлении декабристами их письменных показаний исчезала всякая красочность ответов, и о тоне, которым они делались, мы можем судить лишь предположительно и далеко не всегда. Стенографических записей не было. В виде примеров такой неполноты записей можно указать на слова Якубовича, которыми он, как вспоминал Боровков, закончил свои показания: «Цель наша была — благо отечества; нам не удалось — мы пали; но для

¹ «Боровков Александр Дмитриевич и его автобиографические записки», см. журнал «Русская старина» 1898 г., ноябрь, стр. 331 и сл.

устранения грядущих смельчаков нужна жертва. Я молод, виден собой, известен в армии храбростью: так пусть меня расстреляют на площади подле памятника Петра Великого»¹. Вероятно, тягости предварительного следствия и тюремного режима содействовали тому, что тускнели краски, слабел голос, гасла прежняя решимость, пропадала энергия.

О каждом арестованном комиссия заводила специальное следственное дело, и, по словам А. Покровского, число таких дел, хранящихся в архиве, достигает трехсот². Каждое дело носит фамилию того лица, на которого оно заводилось. Во всяком деле имеется опись содержащихся в нем бумаг, формулярный служебный список, показания арестованного, ответы его на предложенные вопросы-пункты и по очным ставкам, выписки, составленные канцелярией из этого дела, и в заключение краткое резюме всего дела о данном лице.

Таким образом, хотя восстание 14 декабря было общим делом очень значительного коллектива участников тайных обществ, следственная комиссия создала столько же отдельных следственных дел, сколько было арестованных. Когда впоследствии часть заподозренных была освобождена от суда без наказаний, а часть подвергнута лишь взысканиям и наказаниям в административном порядке, дела о них не оставили никаких следов в процессе: они не пошли далее следственной комиссии. Эти участники тайных обществ не выступали в процессе даже и в роли свидетелей. Верховный суд желал избежать выступления всего коллектива декабристов, он вызывал в свои заседания каждого порознь, в одиночку. Такое отношение к процессу как следственной комиссии, так и суда достигало весьма определенных результатов: предупреждалась опасность какой-либо демонстрации со стороны обвиняемых и затенялась коллективность выступления декабристов против самовластия и против всего режима неограниченной монархии, а эта коллективность как раз составляла особенность всего этого политического процесса.

Тождественными были следующие семь вопросов, предложенные всем декабристам (вопросы подписывались генералом Бенкендорфом или Чернышевым):

1. Как ваше имя и отчество и сколько от роду лет.

¹ «Боровков Александр Дмитриевич и его автобиографические записки», см. журнал «Русская старина» 1898 г., ноябрь, стр. 336.

² Следственные дела о декабристах хранятся в ЦГИА в Москве. Дела, закончившиеся без привлечения к суду, по своему содержанию не оглашаются от дел декабристов осужденных. Такого, например, просмотренного нами дело Михаила Орлова.

2. Какого вы вероисповедания и каждогодно ли бываете на исповеди и у святого причастия.

3. Присягали ли на верность подданства ныне царствующему государю императору.

4. Где воспитывались вы. Если в публичном заведении, то в каком именно, а если у родственников, то кто были ваши учителя и наставники.

5. В каких предметах старались вы наиболее усовершенствоваться.

6. Не слушали ли сверх того особых лекций. В каких науках, когда и у кого и где именно. Объяснить в обоих последних случаях, чьим курсом руководствовались в изучении сих наук.

7. С какого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей: от сообщества или внушений других, или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно. Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей.

Среди других вопросов, обычно задававшихся арестованным, встречаем такие, которые ставили целью выяснить время и причины вступления в тайное общество, фамилии лиц, принявших в общество, фамилии участников тайных обществ, ряд вопросов о самом обществе¹.

Содержание вопросов, отличавшихся по их характеру от задававшихся большинству арестованных, определялось особенностями участия данного арестованного в деле. Например, Трубецкого допрашивали, кто выбирал его начальником «гибельного происшествия 14 декабря», почему он не явился на площадь и пр. Никите Муравьеву задавались вопросы о составленном им проекте конституции, Борису 2-му о сношениях Общества соединенных славян с Южным обществом и пр. И всюду проходят вопросы с требованием назвать участников общества, сделать уличающие их показания. Между прочим, несколькими допрашиваемым задавались вопросы (Трубецкому, Рылееву, Оболенскому): какие два генерала, военный и штатский со звездами, находились в рядах заговорщиков на площади. Эти генералы «со звездами» среди восставших, вернее всего, существовали лишь в чьей-то фантазии. Во всяком случае, они не были выявлены. О них ничего не знали ни Трубецкой, ни Рылеев. Впрочем, Оболенский, не выдавший военного генерала,

¹ Среди многочисленных арестованных и допрошенных по делу восстания декабристов был А. С. Грибоедов, автор «Горя от ума». Его стойкое поведение на допросах получило правильную оценку М. В. Нечкиной в ее исследовании «Следственное дело о А. С. Грибоедове» (1945).

показал, что со штатским генералом он на площади стоял несколько раз рядом, но фамилии его не знает. Сомнительно, как могли быть усмотрены звезды, украшавшие грудь штатского генерала, который 14 декабря едва ли пошел бы на площадь без верхнего платья.

Среди вопросов были и очень странные, так Александру Бестужеву поставили вопрос: «Кем, у кого, с какими надписями и с каким намерением было заказано до 5000 колец». Последовал ответ: «О кольцах не слыхал ни слова».

Что касается формы изложения вопросов, то их было две. Образчиками первой формы являются приведенные нами выше семь вопросов, задававшихся всем арестованным; они отличались краткостью и несложностью. Во вторую группу входили очень пространные вопросы, когда следственная комиссия обстоятельно излагала интересовавший ее момент, приводила выдержку из чьего-либо показания и требовала от арестованного разъяснений. К этому же типу относятся и вопросы-пункты при очных ставках декабристов.

Объем различных следственных дел об отдельных декабристах весьма разнообразен. Он определяется, с одной стороны, количеством отдельных занумерованных бумаг в нем, а с другой — обширностью показаний допрошенных. Самыми объемистыми оказались дела Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола: в деле первого — 72 номера бумаг, второго — 68; в деле Трубецкого — 45, Каховского — 33, Рылеева — всего 17.

Следственная комиссия, задавая всем привлеченным к следствию вопросы об их отношении к религии, о воспитании, о научных интересах, прослушанных лекциях и об условиях развития их «свободного образа мыслей», интересовалась не столько выяснением общего облика каждого привлеченного, сколько отысканием и здесь «виновников» противоправительственных настроений в обществе. Именно в этих целях требовалось называть имена воспитателей, называть не только лекторов, но и пособия, по которым проходил тот или иной курс. Розыскные цели особенно явственно обнаруживаются из редакции вопроса о «свободном образе мыслей», когда требовалось указать виновников таких влияний, назвать авторов книг, оказавших такое влияние, и т. п.

Ожидания следственной комиссии, что ответы на указанные выше вопросы выявят виновников преступного образа мыслей декабристов, не оправдались. Наибольший улов обещал, казалось бы, ответ на седьмой вопрос — «о свободомыслии». Но наша разработка 37-и соответствующих ответов на этот вопрос из числа 121 осужденного показала, что только очень

немногие из них называли виновниками своих противоправительственных настроений кого-либо из членов тайных обществ. Такие показания дали только 9 человек. Они назвали Рылеева, Одоевского, Каховского, Завалишина, братьев Борисовых, Николая Тургенева, Бестужева, Муравьева. Большинство же обвиняемых вместо фамилий товарищей — членов тайных обществ указывало на влияние на них русской действительности, на ее отсталость от жизни заграничной, на революции в Европе, чтение книг.

Совсем неожиданно для следственной комиссии вместо ожидавшихся имен Рылеева, Муравьева и других как виновников либеральных настроений она услышала имя императора Александра I с его выступлением на Варшавском сейме с посулами конституции. На этого виновника «свободомыслия» не без остроумия сослались в своих показаниях Никита Муравьев и Трубецкой.

Были указания декабристов и на испытанное ими влияние иностранных авторов: Вольтера, Руссо, Филанджиери, Макиавелли, Беккариа, Бентама, Сея, Адама Смита, Бенжамена Констан, Биньона, Дестю-де-Трасси, Монтескье, Рейналя, Герена.

Некоторые ограничивались ответами в общей форме, заявляя, что их мирозерцание вырабатывалось под влиянием исторической и политической литературы. В частности, отмечалось влияние классической литературы Греции и Рима, герои которой воспламеняли воображение декабристов. Но наряду с этой литературой (древнего мира) отмечалось влияние публицистической литературы текущего дня, журналов и газет разных политических партий за границей. С этой точки зрения интересен ответ Александра Бестужева, который говорил, что отчеты о парламентских прениях в Англии его интересовали как настоящего англичанина, а отчеты палаты депутатов Франции — как француза.

Следовало ожидать, что декабристы не могли не находиться под влиянием творений великого их современника А. С. Пушкина и их предшественника А. Н. Радищева, писателя-революционера, автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». Однако указания на Пушкина сдерживались боязнью повредить ему, а ссылки на Радищева утаивались, поскольку книга его была сожжена и запрещенные экземпляры ее распространялись лишь в рукописях. Тем не менее мы встретили в ответах декабристов указания на Пушкина и на Радищева. Так, прапорщик Бесчаснов указывал на влияние на него чтения стихов и сочинений А. С. Пушкина, «постепенно разго-

рячавших пылкое воображение»¹. Точно так же и Кюхельбекер сознался, хотя и с оговорками, в чтении им сочинения Радищева и трагедии Княжнина «Вадим». Он отметил, что их «переписывают с жадностью и дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них»².

Несомненный общественный интерес представляют ответы тех декабристов, которые вместо фамилий товарища указывали на революционизирующее влияние самой русской действительности с ее крепостным правом, тяжелым положением солдат, взяточничеством администрации, неправосудием. Но эти ответы нами уже отчасти использованы в начале главы, когда мы приводили мнения декабристов о положении России, и нет надобности к ним возвращаться.

Указания на революционизирующее влияние российских порядков были для следственной комиссии еще менее приятны, чем ссылка на либеральничанье Александра I в первые годы его царствования. Эти указания, конечно, не вошли ни в донесение следственной комиссии, ни в текст приговора верховного суда.

По своему тону ответы декабристов на щекотливый седьмой вопрос весьма различны. Трое совсем отрицали наличие у них свободного образа мыслей. Один из этих трех (Цебриков) даже заявил: «Я никогда и ни от кого не заимствовал свободного образа мыслей. Ибо, родившись россиянином, я твердо помнил, что всем отечество мое одолжено самодержавной монархической власти». Но это не избавило его от осуждения.

Многие ответы на седьмой вопрос дышат большой искренностью, исполнены глубокого чувства, даны с большим сознанием достоинства и со смелостью. Так, например, Лунин ответил коротко и вразумительно: «Свободный образ мыслей образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить. К укоренению же оного способствовал естественный рассудок». Тепло звучат слова Андреевича 2-го: «Виды разных наказаний, горестное положение несчастных заключенных в темницах и другие тому подобные страдания людей — все мне говорило, сколько драгоценна должна быть для человека свобода». Не только смело, но вызывающе дерзко звучит ответ Борисова 1-го, Андрея: «...Всеобщий голос неудовольствия в народе дал мне идею к размышлению, и я заметил, что это происходит от несправедливых

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. V, Центрархив, М., 1926, стр. 277.

² «Восстание декабристов. Материалы», т. II, Центрархив, М., 1926, стр. 167.

требований правительства». Он заявляет о своей уверенности, что следственная комиссия выясняет причины вольномыслия для того, чтобы строго наказать, и продолжает: «Законы ваши не правые. Твердость их находится в силе и предрассудках... Я откровенно объявил, что сам считаю виновным против самовластного правления, но по своему рассудку не признаю (таким) ни себя, ни кого-либо из своих товарищей»¹.

Указания декабристов на те или иные причины их вольномыслия можно представить в следующей таблице: На чтение политической и другой иностранной литературы — 19 указаний;

поздки и походы за границу — 9;

окружающую тяжелую русскую действительность — 6;

влияние тайного общества вообще — 6;

либеральную политику Александра I — 2;

прочие причины — 2.

Хотя эти данные составлены на основании ответов только 37 декабристов, но нужно думать, что они показательны для ответов и прочих.

Следует пожалеть, что опубликование остальных следственных дел задержалось. О необходимости такого опубликования не может быть двух различных мнений. Напечатанные дела дают много материалов самого выдающегося интереса, и надо полагать, что в неопубликованных делах имеется такой же богатый материал для ознакомления с процессом декабристов во всей его полноте. Обработка всех следственных дел раскроет много новых черт, остающихся до настоящего времени неизвестными или очень мало известными. В виде примера укажем на возникновение у некоторых участников тайных обществ вопроса о привлечении к восстанию представителей и других сословий, кроме дворянства. Так, Рылеев показывал, что с одобрения Северной думы предполагал привлечь к участию в обществе некоторых лиц из купечества «с той целью, чтобы иметь членов и в этом сословии». Предполагалось достичь этого при помощи Штейнгеля. Но он считал это невозможным, «так как наши купцы невежды». Рылеев добавлял: «Сим кончилось мое покушение»².

Следственная комиссия, интересовавшаяся в первую очередь выявлением степени участия в заговоре отдельных лиц, не

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. V, Центрархив, М., 1926, стр. 85.

² «Восстание декабристов. Материалы», т. I, Центрархив, М., 1925, стр. 179. Указание на эту попытку Рылеева включено и в донесение следственной комиссии.

останавливалась на этих общих, принципиальных вопросах революционной тактики и, кажется, забывала такие показания, выслушав их. Во всяком случае она не задавала вопросов, которые уточняли бы отношение декабристов к возможности использования в восстании также лиц из других классов — не дворян. Как известно, народ встал на сторону декабристов в день 14 декабря и проявил большую активность и готовность к наступлению, но декабристы боялись этого. Однако в числе декабристов были сторонники пропаганды и среди солдат (Южное общество), и среди крестьян. Опыт такой пропаганды проделал в деревне декабрист Митьков. Он говорил там «о свободе» и видел, что «слова его производили на слушателей сильное действие». Поэтому он настаивал, чтобы вменить членам общества в обязанность «говорить о свободе крестьян»¹.

Интересен также вопрос о денежных средствах для нужд революции. Он мало затрагивался членами общества, и сумма, составившаяся из взносов отдельных членов, была невелика. Александр Бестужев внес предложение о том, что не худо бы захватить в губернском правлении заимообразно деньги, нужные для дела. Но Рылеев назвал это грабежом и рассердился, добавив: «Собственность должна быть неприкосновенна»². Для нас предложение Бестужева имеет несравненно более значительный интерес, чем ответ Рылеева о неприкосновенности собственности в данном случае. Известно, что и Парижская Коммуна сделала крупную ошибку своим щепетильным отношением к средствам буржуазии, хранившимся в банках Парижа. Предложение А. Бестужева, сделанное в скромной форме, — взять деньги временно в долг — тем не менее было для того времени очень решительным.

§ 18. СУД НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Следствие тянулось уже более пяти месяцев. Царь, принимавший все время в нем деятельное участие, видел, что дело о тайных обществах в России уже достаточно выяснилось, что более активные члены этих обществ и участники восстания уже раскрыты, а потому и торопил представление ему окончательного донесения о достигнутых результатах. К тому же впереди,

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. I, Центрархив, М., 1925, стр. 261.

² «Восстание декабристов. Материалы», т. I, Центрархив, М., 1925, стр. 444.

в недалеком времени, предстояла церемония его коронования; он хотел покончить с неприятным делом и со своими врагами до возложения на себя короны.

Делопроизводитель комиссии Боровков сообщает в своих воспоминаниях, что, занятый составлением заключительных сводок о каждом привлеченном к следствию, он не имел возможности быстро удовлетворить желание царя о представлении ему донесения от имени следственной комиссии. Один из членов министерства иностранных дел, Блудов, составлял для «обработки» общественного мнения за границей информационную статью в иностранную печать. Ему были открыты доступы ко всем следственным делам комиссии. Боровков в ответ на постоянные поторапливания председателя следственной комиссии предложил поручить Блудову внести небольшие изменения в подготовленную им статью для иностранной печати и представить ее царю как окончательное донесение о завершении следствия. Так и было сделано, и газетная статья превратилась в обвинительный акт.

Этим объясняется, что донесение по своему содержанию и характеру изложения напоминает не обвинительное заключение, а политический памфлет, написанный в защиту русского самодержавия и в целях наивозможно большей дискредитации участников тайных обществ и восстания в глазах зарубежного и русского общественного мнения. Беспристрастия, полноты, спокойствия тона, хотя бы внешне выдержанной официальной объективности документа первостепенной государственной важности здесь совсем нет.

Донесение ни в какой степени не отвечает требованиям следственного акта. В нем, как это ни удивительно, нет даже ни одной ссылки на какие-либо статьи закона. Ссылки на уличающие показания свидетелей делаются далеко не всегда, несмотря на важность возводимого обвинения, и при этом никогда нет указаний на номер дела и лист его. В некоторых случаях ссылки на показания других обвиняемых делаются не в самом тексте, а присоединены в виде примечаний или сносок. Это доказывает правильность утверждения Боровкова о переделке газетной статьи в донесение следственной комиссии.

Приведем несколько примеров, чтобы показать, насколько не отвечало требованиям следственного акта это донесение с точки зрения доказательств и улик. Нижеприводимые выдержки имеют тем большее значение, что в то время господствовала система формальных доказательств.

Так, например, мы встречаем следующее выражение: «Если верить показаниям одного постороннего свидетеля, не подтвер-

жденным извещениями допрошенных, составлявшие сию управу располагались тогда действовать на общее мнение изданием особого дешевого журнала, писем, карикатур и хотели иметь для того литографию за границей и тайную типографию в отдаленной от столицы деревне»¹. Донесение не называет этого свидетеля совсем.

В других местах встречаем такие же ссылки на неведомых свидетелей: «Буде верить некоторым показаниям»². Кажется бы, при таких оговорках, как «если верить», «буде верить», тем более следовало бы назвать свидетелей, но этого не делается. Не стеснялись авторы донесения приводить бездоказательные утверждения, в достоверность которых едва ли сами верили, но которые в газетной статье могли произвести на некоторых впечатление сенсации. Так, в донесении читаем: «Как показывает сообщник, обвинитель Пестеля, он хотел для себя власти царской»³. Тут же рядом приводятся показания Поджою без обозначения его имени; а между тем среди декабристов было два брата Поджою.

Не делая необходимых ссылок в подтверждение правильности тех или иных выставленных в нем фактов, донесение загромажено сведениями об участии в обществе лиц, уже давно перед тем умерших. Например, говорится о таком участии Новикова, умершего в 1822 году, Охотникова, умершего в 1823 году, графа Мамонова, душевнобольного с 1817 года, Кузьмина, застрелившегося после ареста, Булатова, разбившего себе голову о стену Алексеевского рavelина и умершего в больнице. О самоубийстве Булатова, который изображен в донесении как жертва хитростей и обманов со стороны декабристов, умалчивается, а смерть его приписана угрызениям совести и приступам душевной болезни. Для обвинительного акта неуместны многие строки в духе газетной статьи, отведенные Булатову, будто бы восхищавшемуся распоряжениями императора в день 14 декабря, «смело завещавшему участь детей монарху, на коего мыслили поднять руку»⁴.

Характер самого изложения в донесении иногда прямо неприличен для документа подобного рода, как несвойственный ему, напоминающий хлесткий тон газетного корреспондента, который не забывает и повеселить своего читателя. Батеньков, например, изображается как честолубец, мечтавший стать

¹ Цитируемое донесение полностью напечатано в сборнике «Процесс декабристов» (Донесение, следствие, приговор, указы), М., 1905, стр. 22.

² Там же.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 62.

«историческим лицом»: 14 декабря Батеньков будто бы «прошулся с мыслью о своем будущем величии, как члена верховного правления». Конец мечтам положила повестка о присяге; он «спешил присягнуть, забыв о планах для перемен в государстве, о славе быть в числе правителей и желая только, чтобы скорее переловили бунтовщиков»¹. Напомним, что Батеньков был приговорен к каторге на 20 лет, сокращенной до 15 лет, но по заточении в Алексеевский рavelин провел в нем 20 лет, после чего был сослан на поселение в Томск.

Не только Батенькова, но и многих других донесение изображает как честолюбцев, для которых на первом месте были личные выгоды, а не общие политические цели переворота. Отдельные декабристы изображаются как хвастуны и обманщики, и такая характеристика обобщается и распространяется на декабристов вообще. «Обманывая друг друга... по всегдашнему обыкновению в заговорах, они часто сами были ослеплены своими вымыслами...»² и т. п.

Донесение явно стремится изобразить декабристов в таких красках, чтобы уменьшить симпатии к ним со стороны тех, кто мог бы им сочувствовать. Отсюда его крайняя односторонность. Ни одной положительной черты декабристов, ни одного хорошего штриха о них официальный акт не приводит, старательно обходя их полным молчанием. Одни из них — обманщики, другие — простоватые, обманутые. «Их совещания в сии последние дни представляли страшную смесь зверства и легкомыслия, буйной непокорности властям законным и слепого повиновения неизвестному начальству, будто бы ими избранному»³, — говорит донесение и старательно подбирает все, что было сказано в пылу раздражения, горячего возбуждения. Так с особой подробностью отмечается все сказанное кем-либо на тему об убийстве царя, истреблении царской фамилии — вроде того, что Якубович будто даже скрежетал от досады, узнав, что Александр умер естественной смертью и ему, Якубовичу, не удалось стать его убийцей⁴.

Точно так же о Дивове говорится, что он «даже старался превзойти Арбузова и Завалишина в изъявлении кровожадности» и т. д.

В донесении никак нельзя видеть общей сводки всего того, что следственная комиссия получила в результате своей работы

¹ «Процесс декабристов» (Донесение, следствие, приговор, указы), М., 1905, стр. 61.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 50.

⁴ См. там же, стр. 44.

относительно участия отдельных лиц в тайных обществах, заговоре и восстании. Здесь даже не упомянуты полностью привлеченные к следствию и не выяснена степень вины многих из них. Иногда называются фамилии целыми «пачками», а между тем впоследствии верховный уголовный суд распределил их по самым различным группам. Наряду с давно умершими перечисляются случайно те или другие, в отношении которых считалось возможным закончить дело без предания их суду.

В рассмотренных нами подлинных журналах следственной комиссии мы нашли в протоколе от 28 мая 1826 г. (заседание СХІІІ) указание на «высочайшее» повеление: «вследствие объявленной лично государем императором комитету высочайшей воли, чтобы находящихся под следствием лиц не распределять по разрядам, положили: разрядами не заниматься»¹. Это личное распоряжение царя лишний раз показывает, насколько он был хозяином следствия.

Наряду с явной тенденциозностью изложения комиссия обходит молчанием «щекотливые» факты знаменательного 14 декабря, а именно, расстрел восставших картечью по приказу самого царя, залпы вдоль улиц по убежавшему народу и пр. Донесение ограничивается здесь замечанием, что «комиссия считает ненужным описывать все происшествия сего дня, ознаменованного буйством немногих и знаками общего усердия и нелицемерной преданности к престолу и всего более новым примером царственных доблестей, наследственных в сем августейшем доме, который был предметом безумной злобы мятежников»². Под именем «царственных доблестей, наследственных в сем августейшем доме», следует понимать, очевидно, расстрел народа из пушек.

Значительная часть донесения излагает историю образования и развития тайных обществ в России. Этот очерк составлен на основе показаний тех или других декабристов, но с той разницей, что из него выключены всякие указания на те социальные и политические язвы России, которые оказали определяющее влияние на развитие заговора.

Самих декабристов содержание донесения возмутило сильнее, чем даже приговор. Уже будучи в Сибири, они составили коллективный протест против него, надеясь, что при посредстве сестры Лунина этот протест удастся напечатать за границей.

¹ Эти подлинные журналы, представляющие большой интерес, хранятся в ЦГИА в Москве.

² «Процесс декабристов» (Донесение, следствие, приговор, указы), М., 1905.

Один из экземпляров такого опровержения был зарыт и не найден, а другой — пропал у Лунина, вновь арестованного и заключенного в каторжную тюрьму. В воспоминаниях отдельных декабристов находим строки, полные глубокого возмущения донесением. Так, Штейнгель писал, что доклад комиссии вышел таким, каким он непременно и должен был выйти, когда обвиняемые заперты и безгласны, а обвинители, заинтересованные в исходе дела, облачают свои действия искусной тканью лжи и стараются показать свое будто бы беспристрастие¹.

Донесение до его подписания членами комиссии было представлено царю в виде проекта. При прочтении его у царя присутствовали, кроме членов следственной комиссии, также еще несколько особо приглашенных лиц, и в том числе Сперанский. Только после предварительного ознакомления с донесением и одобрения его царем оно было подписано членами комиссии и скреплено Блудовым. Донесение «по высочайшему повелению» было издано отдельной брошюрой, приложено ко всем русским газетам и переведено для заграницы на французский язык. Таким образом, царь, устраивая у себя это предварительное обсуждение донесения комиссии, остался верен своей политике: в деле декабристов не стесняться какими-либо требованиями хотя бы внешнего беспристрастия. Впрочем для широких слоев, для общественного мнения эта предварительная цензура царем донесения следственной комиссии осталась неизвестной.

Донесение было помечено 30 мая 1826 г. Работа комиссии продолжалась и после этого — до 25 июня, когда последовало ее закрытие.

За это время Боровков составил сводные заключения о тех привлеченных к следствию, которые не были преданы ни верховному уголовному суду, ни военному. Из общего числа 570 лиц, включенных в «алфавит членов бывших злоумышленных тайных обществ», 290 человек не подверглись никаким наказаниям и взысканиям, а именно: 34 освобождены с оправдательными аттестатами, 155 человек признаны не принадлежавшими к тайным обществам, относительно 120 человек комиссия оставила сведения без внимания, 10 человек были занесены по недоразумению и 11 человек были доносителями. Боровков в своих воспоминаниях определяет число привлеченных к суду или к дисциплинарной административной ответственности цифрой 289, причем из этих лиц 131 были преданы верховному уголовному суду или военному, 124 по повелению Николая I

¹ См. «Декабристы», Сборник отрывков из источников, Центрархив, М., 1926, стр. 420.

переведены в другие полки или на другую службу, отданы под надзор полиции или для дальнейшего следствия, 4 высланы за границу. Кроме того, судьба 9 не была определена, и 21 умерли до начала следствия или во время его¹.

Освобождению от ответственности перед судом подлежали по представлениям следственной комиссии те бывшие члены «Союза благоденствия», которые не знали истинных целей общества, а также вышедшие из общества после его закрытия в 1821 году и удалившиеся из союза со времени закрытия правительством в 1822 году всех тайных обществ в России. Подлежали освобождению от суда также и те, кто знал о существовании обществ или приготовлении мятежа и не донес об этом властям. Такая формулировка давала простор произволу при освобождении от ответственности одних и предании суду других. На произвол комиссии в этом отношении указывали в своих воспоминаниях декабристы, и активнейшему работнику комиссии Боровкову приходилось в своих мемуарах оправдываться от упреков в пристрастии. Изучение архивных дел о декабристах впоследствии даст возможность выявить это пристрастие, в наличии которого не приходится сомневаться: личным связям, знакомствам, покровительству «власть имущих» принадлежала тогда такая сила, которая не могла не быть использована.

Но царь всю пристрастность в этом процессе начиная со своей собственной, так ярко проявленной им на допросах декабристов, прикрывал пышными фразами манифеста от 1 июня об учреждении верховного уголовного суда.

В этом манифесте царь, заранее уготовивший виселицу для обвиняемых, лицемерно требует от суда «справедливости, справедливости нелицеприятной, ничем не колеблемой, на законе и силе доказательств утверждаемой». Тут же воздается хвала беспристрастию и трудам следственной комиссии: «...в течение с лишком пяти месяцев ежедневно занимаясь вверенным ей делом, трудами поистине неусыпными, сличая и проверяя каждое обстоятельство, каждое показание, каждое происшествие, устраняя вероятности, отвергая мнимые подозрения, утверждаясь на единой очевидности, на собственном признании обвиняемых или на уликах, ничем не опровергаемых, и, вместе с тем, предоставляя им все возможные способы к оправданию, комиссия, наконец, достигла цели, ей предназначенной...»².

¹ См. «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Центрархив, М., 1925, стр. 13—14.

² Там же.

Верховный уголовный суд был составлен из членов Государственного совета, святейшего Синода, Сената и особо назначенных высших военных и гражданских чинов. Председателем суда был назначен князь Лопухин, его заместителем — князь Куракин. Исполнение обязанностей генерал-прокурора было возложено на министра юстиции князя Лобанова-Ростовского.

Список членов суда представляет несомненный интерес. Это — самые верхи бюрократии в гражданских и военных мундирах и рясах. Это были придворные и чиновники, в послушном исполнении которыми воли царя нельзя было сомневаться, хотя один из них — либеральный член Государственного совета Мордвинов — все же голосовал против смертной казни, а другой — Шишков — находил неправильным все произведенное голосование и подал особое мнение, о котором скажем ниже и которое царь оставил без ответа. Список интересен также и по обилию в нем титулованной знати¹.

Всего членов верховного уголовного суда было 72. В этом числе было членов Государственного совета — 18, членов Синода — 3, сенаторов — 36 и особо назначенных — 15 человек. Среди членов суда оказалось титулованных 21 человек, т. е. почти 30% его состава (кстати скажем, что из 121 обвиняемого 12 человек были людьми титулованными). Если вспомнить, что члены суда вместе с тем занимали самые высшие должности на гражданской, военной и церковной службе, то надо признать, что от такого состава суда нельзя было ожидать никакого намека на независимость. Так оно и случилось.

Назначение членом верховного уголовного суда рассматривалось как акт монаршего доверия и как знак почета. Хотя старинный русский обычай «местничества» давно был отменен, но фактически он в той или иной мере продолжал существовать и

¹ В члены верховного суда вошли: председатель — кн. Лопухин; члены государственного совета — кн. Куракин, Мордвинов, кн. Лобанов-Ростовский 2-й, Ланской 1-й, гр. Толстой, Карцов, Сукин, Балашов, Васильчиков, гр. Нессельроде, Шишков, гр. Воронцов, кн. Салтыков, гр. Ливен, Болотников, Сперанский; члены Синода — митрополиты Серафим и Евгений, архиепископ Авраам; особо назначенные — действительный тайный советник барон Строганов, генерал-адъютант Воинов, инженер-генерал Опперман; генерал-адъютанты — гр. де Ламберт, Синявин, Бороздин, Паскевич, Эманюэль, гр. Комаровский, Башуцкий, Закревский, Бистром и сенатор московского департамента тайный советник Кушников; сенаторы — Фенш, царевич Мириан, кн. Гагарин, Адауров, Обрезков, Васильчиков, Михайловский, Гладков, гр. Хвостов, Энгель, Нелидов, гр. Орлов, кн. Шаховской, Хитрово, Грушецкий, Мертенс, гр. Кутайсов, Баранов, Дивов, Корнилов, Батюшков, Ланской, Безродный, Дубенский, Мечников, Сумароков, кн. Куракин, Хвостов, Шулепов, Болгарский, Маврин, Мансуров, Лавров, Полетика, Вистицкий, Казадаев (см. «Московские ведомости» от 12 июня 1826 г.; Шильдер, Император Николай I, т. I, 1903, стр. 671).

в суде над декабристами проявился ярко, а вместе с тем и смешно. Для бюрократов оказалось далеко не безразличным, в каком порядке они будут перечислены в указе о назначении их членами верховного суда и как они будут размещены в креслах за судейским столом. Сперанский запрашивал начальника главного штаба барона Дибича, через которого он вел сношения с царем, когда не обращался лично, как разместить в указе особо назначенных для присутствия в суде высших военных и гражданских чинов. По вопросу же о размещении членов суда за столом Сперанский извещал того же Дибича, что на особом совещании министр юстиции и председатель верховного суда полагали председателя с его заместителем посадить в центре, по правую сторону — членов Государственного совета, а налево — членов Синода; за членами Государственного совета разместить членов Сената; а за членами Синода — особо назначенных членов¹.

Переходя к вопросу о суде над декабристами, мы должны отметить, что и здесь царь остался фактически единственным судьей, хотя и укрылся за 72 спинами назначенных им сановников. Он действовал здесь главным образом через Сперанского.

Истинная роль Сперанского в процессе декабристов раскрылась благодаря сохранившимся архивным материалам. С особой подробностью раскрыта эта роль Сперанского Голицыным в его статье «Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами». Еще ранее, но в значительно меньшей степени, было раскрыто это участие Сперанского Щеголевым.

Теперь документально доказано, что Сперанский, постоянно сносясь с государем, подготовил многочисленные материалы по организации рассмотрения дела в верховном суде, разработал формы и содержание различных судебных бумаг, обосновал юридическую сторону процесса, подсказал разделение обвиняемых на разряды по тяжести вины и наказания. Из-под его пера вышли не только приговор суда, но и манифесты, и указы царя, связанные с процессом, и даже некоторые письма, подписанные не им, но сочиненные лично им самим.

Такое поведение известного своим либерализмом Сперанского объясняется, по нашему мнению, близким знакомством Сперанского со многими декабристами и его опасением быть привлеченным к ответственности по возбужденному против них делу. Он желал устранить самую возможность подозрения царя в сочувствии заговорщикам.

Уже известный нам манифест от 1 июня о предании декабристов верховному уголовному суду с пышными фразами о

¹ См. Голицын, Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами, «Русский исторический журнал», кн. I, 1917, стр. 68.

беспристрастии и справедливости был составлен Сперанским. Он же разработал «дополнительные статьи обряда в заседаниях верховного уголовного суда». Николай их утвердил.

Эти статьи указали, что день и час открытия заседаний верховного суда определяются «высочайшим разрешением». Члены суда собираются в помещении Сената. Присутствие открывается чтением манифеста об учреждении суда. Министр юстиции представляет суду акты следственной комиссии для их прочтения. Далее статья указывает, что по прежним примерам не весь суд в полном составе, а избранная им комиссия производила проверку следственных актов. Теперь из найденных в архиве записок и черновиков Сперанского видно, что, указывая на прошлые примеры, он имел в виду политические процессы екатерининских времен, а именно: процесс Мировича, пытавшегося освободить из Шлиссельбургской крепости императора Иоанна Антоновича, также процесс о московском бунте 1771 года и дело Пугачева, который также допрашивался не всем судом, а избранной из его состава ревизионной комиссией. Самый состав суда по процессу декабристов был подсказан Сперанскому названными тремя политическими процессами при Екатерине.

Все вопросы в суде разрешаются большинством голосов. Протоколы ведутся обер-прокурором с двумя его помощниками. В протоколах записываются мнения членов, не согласных с большинством. Не допускается подача мнений в письменном виде.

После проверки следствия ревизионной комиссией и выслушивания ее мнения суд приступает к рассмотрению обвинения. В этих целях прочитываются из актов записки о каждом подсудимом, после чего на разрешение суда ставятся три следующих вопроса: 1) в чем состоит общая вина подсудимых, 2) какое наказание положено за эту вину по законам, 3) имеются ли обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие вину подсудимых.

Сперанский предусмотрел своими «правилами» выбор из состава суда особой комиссии для разбивки подсудимых на ряды по степени их виновности. Одновременно выясняется и следующее каждому наказание. Приговор суда под названием «доклада» представляется царю на его «усмотрение».

Таково в основных чертах содержание «дополнительных статей». Название их «дополнительными» не вполне отвечает положению дела, так как в сущности эти «статьи» определяли ход процесса не «дополнительно», а целиком. Процесс проходил негласно. Подсудимые перед судом не присутствовали, и суд в полном составе впервые увидел их уже после утверждения при-

говора судом — при его объявлении. До этого момента подсудимые вызывались лишь в ревизионные комиссии. Именно так решил сам царь, рассмотрев записку Сперанского на этот предмет. Царь же решил, по проекту Сперанского, что заседание суда должно ограничиться предложением каждому обвиняемому всего лишь трех вопросов: 1) его ли рукой подписаны показания, 2) добровольно ли они подписаны и 3) были ли ему даны очные ставки.

Таким образом, то, что мы называем «судебным заседанием», было упрощено до крайней степени. Вся проверка предварительного следствия сводилась лишь к тому, что три члена ревизионной комиссии вызывают в помещение Петропавловской крепости поодиночке подсудимых и ограничиваются удостоверением в подлинности их подписей, — при таких условиях проверка носила чисто формальный характер. Добавим к этому, что обвиняемым не было объявлено о предании их суду. Ревизионных комиссий было избрано три, по три члена в каждой. В каждую комиссию избиралось по одному члену от Государственного совета, Сената и от особо назначенных членов. Так как членов Синода было всего трое, то представителей от них в комиссии не избиралось. Еще в стадии образования верховного суда возникал вопрос об увеличении числа членов от Синода, но от этого отказались по любопытным соображениям: представителям церкви считалось неудобным подписывать смертные приговоры, и потому увеличение их числа приводило бы к уменьшению голосов за смертную казнь.

Одна из ревизионных комиссий занялась удостоверением подлинности подписей членов Северного общества, другая — Южного и третья — Общества соединенных славян. Эта процедура закончилась очень быстро — в один день. Все 121 обвиняемые ответили утвердительно на поставленные им указанные выше три вопроса, и только пятеро подали еще добавочные письменные объяснения.

10 июня верховный суд, выслушав донесение ревизионных комиссий, избрал комиссию для установления разрядов виновности. Из числа девяти избранных членов наибольшее число голосов (47 голосов) получил Сперанский.

Эта комиссия о разрядах имела семь заседаний между 11 и 27 июня. Имеются все основания говорить, что и эта работа была выполнена Сперанским. Он разработал план для составления особых извлечений из материалов следствия о каждом подсудимом. Такие извлечения делались чиновниками под наблюдением Сперанского. В виде образчиков для них он сам лично составил записки о пяти подсудимых (Каховском,

Арбузове, Лаппе, Фоке, Кожевникове). План для извлечений включал две части: первая состояла в указании обстоятельств, доказывающих вину обвиняемого, а вторая содержала указание на смягчающие вину условия.

В числе обстоятельств, выясняющих степень виновности, Сперанским указаны, между прочим, следующие: участие в учреждении общества, привлечение других членов в общество, произнесение речей в заседаниях, составление сочинений, возбуждение к мятежу, «предательство государства», умысел на цареубийство, подстрекательство на цареубийство, совершение убийства.

К числу обстоятельств, уменьшавших вину, были отнесены, молодой возраст при вступлении в общество, а именно 21 год, кратковременность пребывания в обществе (если оно не было отягощено возбуждением к мятежу или умыслом на цареубийство и пр.), проявление раскаяния с полным выходом из общества или на время, «скорое и добровольное признание при следствии без наличия улик» и пр.

Для деления подсудимых по тяжести вины на разряды тот же Сперанский отметил три главных рода преступления: цареубийство, бунт, воинский мятеж. Каждый из названных трех родов преступлений делился Сперанским на виды, или степени, виновности. 28 июня комиссия приняла проект разнесения подсудимых по разрядам. Прежде чем такой проект был доложен верховному суду, Сперанский в тот же день переслал его министру юстиции со своим письмом, в котором просил позволения прийти к нему утром на следующий день в 8 час., т. е. до начала заседания суда. Он обещал представить добавочно «нужные словесно по сему предмету изъяснения».

Теперь, «по высочайшему повелению», суд должен был заседать утром и вечером. Сперанский составил для председателя суда план заседаний суда на 11 дней с указанием, какие вопросы должны быть разрешены в каждый день заседания, днем и вечером. Воспроизведение этого плана в статье Голицына занимает две страницы мелкого печатного шрифта. В виде примера ограничимся воспроизведением здесь плана заседания на утро 29 июня:

«О подсудимых, не вошедших в разряды (речь идет о пяти обвиняемых, впоследствии повешенных.— М. Г.). Находит ли суд преступления сих подсудимых самими высшими, какие есть во всем деле. О подсудимых первого разряда. Вопрос: находит ли суд всех подсудимых по списку, в первом разряде состоящих, действительно к сему разряду принадлежащими».

Так Сперанский не только составлял план заседания, но подсказывал председателю и редакцию вопросов для разрешения судом. Сперанский подсказывал и самое наказание, которое следовало подсудимым каждого разряда, кроме поставленных вне разряда. Надо сказать, что в отношении каждого разряда он проектировал тут же и обращение суда к царю о смягчении наказания. Но суд в вопросах репрессии шел дальше Сперанского.

По вопросу о роде наказания для пяти поставленных вне разряда Сперанский на баллотировочном листе указал 19-й артикул Воинского устава 1716 года, т. е. предложил смертную казнь четвертованием. За этот вид наказания высказались еще 63 члена; двое подали голоса за простую, некаленифицированную казнь и один, как мы указывали выше, — адмирал Мордвинов, — высказался против смертной казни, находя, что она противоречит указам Елизаветы 29 апреля 1753 г. и 30 сентября 1754 г., «Наказу» Екатерины и указу Павла 13 апреля 1799 г., гласящим об отмене смертной казни. Вместо казни он предлагал, «положа голову на плаху, сослать в каторжную работу».

Сперанский проектировал смертную казнь для первого разряда. Верховный суд решил карать ею также преступления второго и третьего разрядов. Суд пошел далее Сперанского и по некоторым другим разрядам.

Приняв схему наказаний по разрядам преступлений, суд приступил к назначению наказаний каждому подсудимому, смотря по тому разряду, к которому он был отнесен. Перед началом такого голосования было доложено особое мнение Сперанского и других семи членов суда о необходимости вместо смертной казни по второму и третьему разрядам ограничиться для второго разряда положением головы на плаху и вечной каторгой, а для третьего — временной каторгой. Суд согласился с этим предложением большинством в 48 голосов против 15.

По вопросу о смертной казни члены Синода приложили особую записку. Содержание этой записки производит самое отвратительное впечатление своею двойственностью, гнусным лицемерием. В ней мы читаем: «1826 г. июля 5 дня нижеподписавшиеся святейшего Синода члены, слушая в верхнем

Рис. 10. Одинокaя камера в одной из куртин Петропавловской крепости

Зарисована Зубковым, заключенным по процессу декабристов в январе 1826 года

уголовном суде следствие о государственных преступниках Пестеле, Рылееве и других их сообщниках, умышлявших на цареубийство и введение в России республиканского правления, и видя собственное их во всем признание и совершенное обличение, согласуемся, что сии государственные преступники достойны жесточайшей казни, а следовательно, какая будет сентенция, от оной не отрицаемся, но поелику мы духовного звания, то к подписанию сентенции приступить не можем». Таким образом, эти два митрополита и один архиерей показали себя вполне достойными преемниками Понтия Пилата.

Но найденные Голицыным в архиве материалы не оставляют никакого сомнения, что представители святейшего Синода сделали свое «христианское» заявление не по собственному почину, а под диктовку Сперанского. В его выписках из дела казненного Мировича имеется такое замечание: «На подлинном приговоре духовные особы означили, что они согласуются и признают виновных достойными жесточайшей казни, следовательно, какая по тому будет заключена сентенция, от оной не отрицаются; но по духовному сану к подписанию на смерть сентенции приступить не могут». Сперанский явился здесь ревнителем исторической преемственности исполнения высшими чинами духовенства их постыдной двоедушной роли.

При голосовании в верховном суде наказаний отдельным подсудимым решено было считать решением всего суда то мнение, которое соберет относительное большинство, хотя бы за него голосовало и менее половины всего числа членов суда. Бывали случаи, что решением суда считалось принятое всего 16 голосами.

Против такого способа исчисления большинства подал протест адмирал Шишков. Сам он по болезни при голосовании не присутствовал и в нем не участвовал. Председатель суда счел мнение Шихова запоздалым. Тогда Шишков написал государю, но тот оставил его письмо без ответа.

Сношения Сперанского с царем происходили и в ответственный момент установления репрессии по разрядам. Из-за поездки в Царское село Сперанскому пришлось пропустить одно заседание. Об этом посещении царь в своей записке к Дибичу писал, что имел со Сперанским длинную беседу. «Она прошла спокойно и дружелюбно, и он принес повинную». Неизвестно, в чем пришлось виниться Сперанскому перед царем. Поскольку он был связан с ним лишь рассмотрением дела в верховном суде, можно предполагать, что царь остался недоволен каким-либо из моментов суда.

Для составления приговора была избрана комиссия, но проект его весь написан Сперанским. Этот проект был принят верховным судом 8 июля. По своему содержанию он не похож на обычные приговоры суда. Официальное наименование этого документа — «Всепокорнейший доклад верховного уголовного суда». Он состоит из двух частей. В первой части верховный суд описывает порядок производства данного дела, чтобы подчеркнуть исполнение им воли царя — искать «единого», «справедливости, справедливости нелицеприятной». Впрочем, суд не смог удержаться, чтобы и здесь не сказать, как с «новой силой» возбуждались в нем «все прежние чувства ужаса и омерзения». В противоположность донесению следственной комиссии в докладе суда нет ни упоминания о возникновении тайных обществ, ни описания фактической стороны заговора. Как и в донесении, восстание 14 декабря обходится молчанием. Но хотя и в этом акте нет ни одной ссылки на статьи законов, тем не менее имеется налицо юридическая часть. Она заключается в подведении действий подсудимых под «три рода преступлений: 1) цареубийство, 2) бунт и 3) воинский мятеж», предусмотренные так называемыми «первыми двумя пунктами».

Здесь повторяются выводы той комиссии, которая устанавливала разряды преступлений. Как и в донесении разрядной комиссии, делаются по каждому роду преступления различия между простым знанием об умысле, согласием участвовать в умышленном преступлении и подстрекательством на совершение задуманного преступления.

В докладе суда были установлены 11 разрядов осужденных с назначением каждому разряду таких наказаний:

5 человек вне разряда — смертная казнь четвертованием; 31 человек 1-го разряда — смертная казнь отсечением головы; 17 человек 2-го разряда — политическая смерть (т. е. положение головы на плаху) и ссылка в каторжную работу навечно; 2 человека 3-го разряда — ссылка в каторжную работу навечно; 38 человек 4-го, 5-го, 6-го и 7-го разрядов — каторжные работы на разные сроки с последующим поселением; 15 человек 8-го разряда — лишение чинов, дворянства и ссылка на вечное поселение; 3 человека 9-го разряда — лишение чинов и дворянства и ссылка в Сибирь; 1 человек 10-го разряда — разжалование в солдаты до выслуги; 8 человек 11-го разряда — лишение чинов и разжалование в солдаты с выслугой.

Вторая часть доклада представляет собой «Роспись государственным преступникам, приговором верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям». В ней по разрядам и поименно перечислены все осужденные к различным

наказаниям с указанием, очень кратко, вины каждого. В виде примера воспроизведем описание вины Пестеля, занимающего первое место среди приговоренных к четвертованию. Вина его изображена в таких выражениях: «Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства, избирал и назначал лиц к совершению оного; умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех ее членов, на жертву обреченных, и возбуждал к тому и других; учреждал и с неограниченной властью управлял Южным тайным обществом, имевшим целью бунт и введение республиканского правления; составлял планы, устав, конституцию; возбуждал и приготавливал к бунту; участвовал в умысле отторжения областей от империи и принимал дальнейшие меры к распространению общества привлечением других»¹.

Это образец пространного перечня преступлений. Впрочем, у Бестужева-Рюмина, также приговоренного к четвертованию, этот перечень вдвое пространнее. Но в большинстве случаев перечень действий, поставленных в вину, дается всего в нескольких строках. Образчиком короткого перечня является, например, текст, который мы находим при фамилии графа Чернышева: «Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу со знанием цели» (приговорен судом на 4 года в каторжные работы и затем к поселению).

Что касается статей законов, то приговор суда, как мы знаем, не ссылается на них в тексте своей первой части; не указывает он их и тогда, когда говорит о вине и наказании каждого в отдельности.

Но к докладу верховного суда царю приложены выписки из законов. Они довольно обширны и состоят в дословном приведении текста статей из Уложения Алексея Михайловича 1649 года, Воинского устава 1716 года, Морского устава 1720 года, указов 29 апреля 1753 г. и 30 сентября 1754 г., манифестов 21 февраля 1762 г. и 24 октября 1762 г., приговора по делу Миновича от 9 сентября 1764 г., указа 10 ноября 1771 г. по делу о бунте в Москве, приговора по делу Пугачева 10 января 1775 г., указа 11 ноября 1767 г., «Наказа комиссии о сочинении проекта нового уложения» 30 июля 1767 г., «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года, указа 20 апреля 1799 г., журнала Государственного совета от 16 ноября 1814 г., Полевого уголовного уложения для большой действующей армии от 12 января 1813 г., воинских процессов 1816 года.

¹ Шильдер, Император Николай I, т. I, 1903, стр. 686, приложения.

Из второй главы Уложения Алексея Михайловича приведен текст ст. ст. 1, 2, 19—21. Первая из этих статей карает смертью за умысление злого дела на царское величество. Вторая статья казнит смертью за государственную измену. Статья 19 грозит смертью за доноительство о заговоре на государя. Статьи

Рис. 11. Выборгский замок — место заточения декабристов и других заключенных

Из книги М. А. Лялина «Очерк истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия», СПб., 1908

20 и 21 устанавливают смертную казнь за «скоп и заговор» против царя, государевых бояр и пр.

Из Воинского устава приведен текст 19 артикула: «Если кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинить ему какое насилие, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали или советы свои подали, яко оскорбители величества четвертованы быть и их пожитки забраны. Толкование: Также равное наказание чинится над тем, которого преступление, хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было, и над оным, который о том сведом был и не известил». Артикул 20 грозит отсечением головы тому, кто «...против его величества особы хулительными словами погрешит» и пр. Артикул 127 приравнивает умысел на измену к совершению измены; артикулы 135—137 говорят о

бунте, и в силу артикула 137 «...всякий бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицей наказан».

Приведенные в выписке тексты 1-го и 2-го пунктов из книги 1 главы Морского устава 1720 года повторяют в основном содержание приведенных статей артикулов Воинского устава 1716 года, и первый из названных пунктов устанавливает смертную казнь через четвертование.

Кроме уже приведенных узаконений о составе преступлений «против первых двух пунктов», цитируемая нами выписка из дела производства верховного уголовного суда приводит также тексты нескольких статей Полевого уголовного уложения для большой действующей армии 12 января 1813 г.: «За измену полагается смертная казнь».

Итак, в то время как Уложение Алексея Михайловича, назначая за преступление против величества смертную казнь, не определяло ее вида, Воинский и Морской уставы определенно указывали четвертование.

Указ о предании декабристов верховному уголовному суду не требовал применения военных законов. Хотя Воинский устав имел силу и общего кодекса, но в отношении способа совершения смертной казни Воинский устав вступал в коллизию с основным законодательным сборником — с Уложением Алексея Михайловича, которое в данном случае не определяло, как мы только что сказали, способа совершения смертной казни. На практике смертная казнь четвертованием нигде в России в XIX веке ни разу не совершалась. Но Сперанский, а за ним и верховный уголовный суд выказались для пятерых осужденных именно за четвертование. Приговор пяти декабристов к четвертованию выделял этих осужденных из общего числа приговоренных к смерти и давал возможность царю проявить «милосердие» заменой четвертования повешением.

Но мы знаем, что адмирал Мордвинов высказался против смертной казни. Он обосновывал свое мнение ссылкой на узаконения, текст которых был приведен Сперанским в его приложении к приговору верховного суда. Указ 29 апреля 1753 г., предписывая не исполнять смертных приговоров, не делал никаких исключений из этого по политическим преступлениям. Именно на такой точке зрения стоял и указ Павла 20 апреля 1799 г. Этот указ исходил из утверждения, что «запрещение смертной казни по силе общих государственных узаконений» существует в «нашей империи». На стороне Мордвинова были, впрочем, лишь одни «слова» этих двух указов, а против него — вся российская практика самодержавия Елизаветы, Екатерины, Павла

и других с замаскированной смертной казнью под кнутом, плетью, палками, шпицрутенами.

Выписки из других узаконений имеют второстепенное отношение к процессу декабристов. Таковы предписания Духовного регламента, требующие от священников доносить власти о государственных преступлениях и об умысле на них; если об этом стало известно на исповеди; выписки из указа об уничтожении тайной канцелярии розыскных дел (манифест 21 февраля 1762 г.).

Этот манифест не помешал Николаю I учредить «тайный комитет» для расследования дела о тайных обществах и восстании 14 декабря 1825 г. Указ 11 ноября 1767 г. об отмене пыток не остановил членов следственной комиссии от использования таких приемов, о которых мы знаем из нашего предшествующего изложения. Выдержки из «Наказа» Екатерины и «Жалованной дворянству грамоты» с запретом телесных наказаний для дворян не остановили самого Николая от заковывания декабристов в ручные и ножные кандалы.

Обилие выписок из законов при полном отсутствии ссылок на них в приговоре верховного суда вызывает вопрос: для чего же было все это проделано. Казалось бы, что в приговоре должно было найти свое отражение это обилие, разнообразие и противоречие законов. Этого не произошло ни в какой мере. Объяснение этому надо искать в том, что юридическая сторона в процессе была совершенно заслонена политической. Но вместе с тем приведение такого обилия выписок из законов, хотя бы и в приложении к приговору, а не в нем самом, без всяких пояснений, почему 19 артикул предпочтен Уложению 1649 года и Полевому уложению, придавало приговору внешний вид законности и обоснованности.

10 июля последовал указ верховному уголовному суду о конфирмации приговора. Этим указом в отношении пяти человек, приговоренных к четвертованию, было повелено верховному суду самому определить их участь. Наказания же прочих осужденных были смягчены в различной степени, а именно: 31 человек, приговоренные к смертной казни через отсечение головы, подлежали: 25 человек ссылке в каторжные работы пожизненно, а остальные шесть — на 20 лет каждый. Вместо присуждения к положению головы на плаху и вечной каторге последовало осуждение в каторгу на 20 лет; вместо каторги на 15 лет была назначена каторга на 12 лет, вместо 12 — на 10, вместо 8 — на 6 и т. д.¹

¹ См. «Император Николай I и М. М. Сперанский в верховном суде над декабристами» (статья Щеголева в сборнике «Декабристы», 1926).

§ 19 ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Во исполнение указа царя верховный суд должен был избрать наказание пяти осужденным к четвертованию. Следует отметить чрезвычайно двойственную роль царя в этом вопросе. Своим указом он как будто предоставил самому верховному суду решать судьбу пяти главных осужденных. В действительности царь и здесь явно выразил свою волю, но не для общего сведения. Генерал-адъютант Дибич писал председателю верховного суда очень прозрачно относительно наказания пяти человек, поставленных вне разряда: «На случай сомнения о виде их казни, какая сим судом преступникам определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную...» Черновик этого письма был также составлен Сперанским. У верховного суда оставалась, таким образом, одна возможность — замена четвертования повешением, что он и сделал.

Вообще Николай не допускал исхода процесса без смертной казни. Еще в июне, через три дня после учреждения верховного суда, он писал великому князю Константину Павловичу: «В четверг начался суд со всей приличествующей обрядностью; заседания не прерываются с 10 часов утра до 3 часов пополудни. При всем том я не знаю еще, к какому приблизительно дню это может быть кончено. Затем наступит казнь: ужасный день, о котором я не могу думать без содрогания... Я предполагаю приказать произвести ее на эспланаде крепости». Таким образом, царь уже более чем за месяц выбрал место для казни. В 1926 году журнал «Красный архив» впервые опубликовал новые документы, бывшие до революции секретными. Из них видно, что Николай входил в подробности самого процесса казни¹.

Итак, пять декабристов по воле царя оказались приговоренными к повешению. Они, как и все прочие осужденные, не знали приговора. Они должны были узнать о нем одновременно с конфирмацией его. Объявление приговора произошло 12 июля в помещении коменданта Петропавловской крепости. Сюда из здания Сената двинулся длинный ряд карет с членами суда. Два жандармские эскадрона сопровождали кареты. В отведенной зале

судьи расселись за столом, покрытым красным сукном. Заключенные были сведены из казематов в дом коменданта. Встреча была для них неожиданна: они обнимались, целовались, спрашивая, что это значит. Когда узнали, что будет объявлен приговор, то спрашивали: «Как, разве нас судили?» Ответ был: «Уже судили». Осужденных разместили по разрядам приговора в отдельные комнаты, откуда их группами вводили в зал для выслушивания приговора и его конфирмации. Из зала их выводили через другие двери в казематы. Авторы воспоминаний отмечают, что при выходе из зала в комнате находились священник, лекарь и два цирюльника с препаратами для кровопускания на случай необходимости врачебной помощи осужденным. Но она не потребовалась: приговоренные мужественно встретили приговор, который читал им обер-секретарь, а судьи в это время рассматривали их через лорнеты.

После объявления приговора до момента его исполнения протекало несколько часов. В самый день объявления осужденным приговора сестра приговоренного к казни С. И. Муравьева-Апостола обратилась к царю с просьбой разрешить ей свидание с братом перед казнью, а после казни выдать ей его тело для погребения. Царь разрешил это свидание, отказав в выдаче трупа. Свидание состоялось ночью перед казнью в Петропавловской крепости. С. И. Муравьев-Апостол был не только сам спокоен, но даже сумел ободрить и утешить сестру. Он проявил заботу об осужденном брате их Матвее, попросив сестру позаботиться о нем. По-видимому, другие четверо осужденных не имели свидания с родными перед казнью. Но сохранилось подлинное письмо Рылеева, писанное к жене в ночь казни перед самым моментом увода его на казнь. Он пишет: «В эти минуты я занят только тобою и нашей малюткой; я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе». Письмо кончается словами: «Прощай, велят одеваться...»

Это спокойствие приговоренных к смерти не покинуло их, как мы увидим ниже, и в мучительные часы казни.

Что касается приговоров над матросами и солдатами, участниками восстания, то сведения об этом появились в более полном виде совсем недавно, в 1929 году, в томе VI «Восстание декабристов» издания Центраархива. Но и опубликованные теперь сведения позволяют дать еще далеко не исчерпывающую статистику риндов судебной репрессии, обрушившейся на солдат и матросов. Вот эти цифры:

Из солдат Черниговского полка приговорены:
к шпицрутенам через 1000 человек 12 раз и затем каторжные работы 3

¹ «Красный архив», 1926, кн. X, стр. 178.

к шпицрутенам через 1000 человек от 1 до 6 раз и перевод на Кавказ	103
к 200 ударам лозами и перевод на Кавказ	15
перевод на Кавказ	805
ссылка на поселение и лишение дворянства	1
Из солдат 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады:	
к шпицрутенам через 1000 человек 12 раз и перевод на Кавказ	3
к шпицрутенам через 1000 человек от 1 до 6 раз и перевод на Кавказ	73
к 300 ударам лозами и перевод на Кавказ	7
перевод на Кавказ	71
Из гвардейских полков лейб-гвардии Московского полка, лейб-гвардейского полка, гвардейского экипажа:	
на каторгу	8
к шпицрутенам через 100 человек от 6 до 8 раз	9
перевод в полки Кавказского округа	698
командировано в составе сводно-гвардейского полка на Кавказ	1036
Всего на Кавказ было переведено 2740 человек, шпицрутенами было наказано 188 человек.	

Дело о восстании Черниговского полка разбиралось в особой Белоцерковской судебной комиссии, и приговоры ее были более суровы.

Когда должна была совершиться церемония наказания нижних чинов, соседние помещики съехались смотреть на это зрелище с женами и детьми, как на ярмарку, а богатая помещица Бронницкая прислала двести пудов железа для кандалов¹. Дело о гвардейцах солдатах и о матросах рассматривалось следственными комиссиями при полках².

О казни пятерых осужденных до нас дошло несколько описаний, в том числе короткое официальное донесение. Эти описания сделаны, с одной стороны, осужденным на 20 лет каторги бароном В. И. Штейнгелем со слов очевидца, а с другой — руководителем исполнения казни, начальником кронверка Петропавловской крепости В. И. Беркопфом и очевидцем казни — квартальным надзирателем. Описания дополняют одно другое³.

Казнь совершилась на плацу кронверка Петропавловской крепости. До этой казни и после нее вплоть до 1881 года казни

См. «Музей революции», П., 1921 г. № 1, стр. 81.

См. «Декабристы и их время», изд. О-ва политкаторжан, 1932, см. статью Габаева «Солдаты, участники заговора и восстания декабристов», стр. 361—362.

³ Полного сходства в этих описаниях нет, но в существенных чертах они сходны. Больше разноречий встречаем в сообщениях о последних словах казненных, и они с полной точностью не установлены. См. «Казнь декабристов. Рассказы современников», «Русский архив» 1881 г., кн. II; «Летопись Петропавловской крепости» 1832 г.; «Красная Нива» 1926 г. № 53 и многие другие.

совершались всенародно и днем. На этот раз по воле царя казнь должна была состояться на рассвете, в три часа ночи. Надо предполагать, что царь не был уверен в совершении казни без всякой помехи, и именно поэтому для исполнения казни было выбрано необычные место и время. Громоздкая виселица, изготовлявшаяся вне Петропавловской крепости, была доставлена на плац с опозданием вследствие какого-то происшествия с одной из подвод в пути. Виселица устраивалась у крепостного вала близ церкви Троицы на берегу Невы. Под столбом с пятью веревками была вырыта довольно глубокая яма, прикрытая досками. Предполагалось ставить осужденных на этот помост под перекладиной виселицы и после укрепления петель на шеях осужденных вынуть доски из-под их ног над вырытой ямой.

Последнюю ночь осужденные на казнь провели в отдельных казематах Кронверкской куртины. Они были совершенно спокойны. Во всей куртине господствовала мертвая тишина. Солдаты ходили на цыпочках. После объявления приговора осужденные были закованы в самые тяжкие кандалы. Перед казнью их отвели в крепостную церковь. Автор воспоминаний говорит, что осужденным пришлось заживо выслушать свое погребальное отпевание. Вероятно, это была отходная. После этого они были выведены к месту казни. Сюда же привели и прочих осужденных, которых разместили двумя каре: в одно каре ставили принадлежавших к гвардейским полкам, а в другое — прочих. Утро было мрачное. Народу было мало. Около каре горели костры. Кругом расставлены полки войск. С осужденных офицеров срывали эполеты, снимали мундиры и бросали их в костры. Пятерых приговоренных к смертной казни с надписями на груди: «Злодей царевбийца», провели по фронту войск. Приговоренные к другим видам наказания, после того как сорвали с них погоны, мундиры и переломили шпаги над их головами, были уведены в крепость.

За этим должна была последовать казнь пятерых осужденных. Она была совершена в ночь с 12 на 13 июля. Виселица не была закончена своевременно. По словам очевидца, осужденные сидели в ожидании казни на траве и тихо беседовали. По воспоминанию квартального надзирателя, «они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело». Когда к ним подошел священник¹, Рылеев

¹ Этот священник — Мысловский, награжденный после процесса декабристов орденом и саном протоперея, передавал в своих «Записках», что Пестель, увидев виселицу, сказал: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно бы было нас и расстрелять». Мысловский добавил: «Ничто не ко-

приложил его руку к своему сердцу и сказал: «Вы слышите, как оно спокойно бьется?» Осужденные в последний раз обнялись.

По сообщению начальника кронверка Петропавловской крепости Беркопфа, столбы оказались такими высокими, что веревки не доставали до шеи осужденных. Вблизи вала, где была устроена виселица, находилось полуразрушенное здание училища торгового мореплавания. По указанию Беркопфа туда было послано за школьными скамьями, чтобы поставить на них приговоренных к казни. Но осужденных ждало еще новое мучение. Когда скамьи были поставлены на доски над ямой, осужденные «втащены» на эти скамьи, на них надеты петли, лица закрыты колпаками и скамьи вынуты из-под ног, у троих приговоренных — Рылеева, Муравьева и Каховского — веревки оборвались: казнимые упали на доски, которые под их тяжестью сломались, и осужденные упали в яму. По словам Штейнгеля, сорвавшийся с виселицы Муравьев сказал: «Боже мой, и повесить-то порядочно в России не умеют».

Началось извлечение из ямы сорвавшихся с виселицы. При падении Рылеев настолько расшибся, что был внесен на эшафот на руках. У Муравьева колпак слез с головы и была видна расчесанная бровь. Генерал Кутузов, распорядившись казнью, ругаясь, кричал: «Вешайте, вешайте снова скорее». Но скоро сделать этого было нельзя: запасных веревок не было, пришлось посылать в лавки, а час был ранний, и лавки еще были закрыты. Поэтому исполнение казни задержалось. Наконец, процедура повешения началась снова и на этот раз закончилась «совершенно удачно». По освидетельствовании врачами повешенных трупы были сняты, положены на телегу и прикрыты холстом, но не увезены из крепости, так как было уже совершенно светло и «народу было тьма тьмущая». Поэтому телега с трупами была поставлена в указанное выше здание училища торгового мореплавания. Трупы были увезены оттуда в ближайшую ночь на остров Голодай, где были тайно зарыты¹. Генерал-губернатор Голени-

лебало твердости его. Казалось, он один готов был на раменах своих выдержать тяжесть двух Альпийских гор». — Шукинский сборник, вып. 4, изд. отделения Исторического музея, М., 1905, статья «Из записной книжки протоиерея П. Н. Мыслевского», стр. 38—39.

¹ В архиве ЦГИА в Москве, фонд 48, (№ 293. Декабристы, «О вещах и деньгах, принадлежавших арестованным лицам») имеется бумага от военного министра С.-Петербургскому военному губернатору с сообщением о вещах, оставшихся после повешенных Пестеля и Рылеева. Министр, между прочим, привел копию собственноручной записки Пестеля, пересланной в Петербург главнокомандующим 2-й армией. Она без указания числа и года и без обращения к кому-либо. Ее содержание нам непонятно, но она носит характер завещания и начинается словами:

щев-Кутузов официально доносил царю: «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного». Но он добавлял: «По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть». Сам же Николай писал 13 июля своей матери: «Пишу на скорую руку два слова, милая матушка, желая Вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке: гнусные вели себя гнусно, без всякого достоинства. Сегодня вечером выезжает Чернышев и, как очевидец, может рассказать вам все подробности. Извините за краткость изложения, но, зная и разделяя Ваше беспокойство, милая матушка, я хотел довести до вашего сведения то, что мне уже стало известным».

Во время исполнения приговора над декабристами царь не был в Петербурге, то ли из страха перед призраком повторения событий 14 декабря, то ли не желая оставаться в соседстве с местом казни, он выехал в Царское село. Сюда каждые полчаса к нему скакали курьеры с донесениями о том, что совершалось в Петропавловской крепости. На следующий день после казни царь возвратился с семьей в столицу, и была произведена торжественная церемония очистительного молебствия на Сенатской площади при участии высшего духовенства и с окроплением земли, «оскверненной» восстанием. Вечером в тот же день офицеры кавалергардского полка, из среды которого было немало участников восстания, дали на Елагином острове праздник в честь своего нового шефа — царствующей императрицы с великолепным фейерверком, как будто думая «треском потешных огней заглушить стенание и плач глубоко огорченных родных». Царь же издал манифест о предании забвению всего дела.

Но царь никогда в течение всей своей жизни не забывал ни 14 декабря 1825 г., ни его участников.

Почти одновременно с приведением в исполнение приговора в Петропавловской крепости, в Кронштадте на флагманском

«Оставляю. В знак памяти и дружбы». В ней перечислены 10 фамилий. Как я выяснил, из них лишь трое имели отношение к заговору декабристов и в том числе предатель капитан Майборода. Между ними Пестель распределил 14 своих лошадей, коляску, седла, упряжь, всякую посуду и пр. (лист. 326). Получается такое впечатление, что Пестель написал эту записку на случай своей смерти, во всяком случае до ареста. Гнусная роль Майбороды еще не была известна. После казни Рылеева осталось скромное имущество: золотое обручальное кольцо, поношенная шуба суркового меха, черный фрак, теплая шапка, два полотенца и пр. (лист 323, оборот).

корабле «Князь Владимир» предстояло исполнить обряд лишения воинского звания морских офицеров — участников декабрьского восстания. Уже 12 июля адмиралу Крону было послано распоряжение, как производить церемонию разжалования, и вместе с тем прислан четырехугольный черный флаг для поднятия его на корабле во время церемонии. Осужденных моряков вывели из Петропавловской крепости в ночь на 13 июля, одновременно с прочими осужденными, но направили их на Неву. Здесь они были посажены на два баркаса с решетками в окнах и доставлены к 6 час. утра на корабль «Князь Владимир». По пушечному выстрелу на этот же корабль прибыли офицеры и матросы с других военных судов. Осужденные моряки были поставлены на палубе. Здесь им зачитали приговор, и после этого над головами десяти из них были переломлены сабли, с мундиров сорваны эполеты и выброшены за борт в воду. С остальных осужденных были сняты мундиры и сабли. Кроме этого официального описания, существует описание одного из главных виновных — лейтенанта Завалишина, осужденного к смертной казни, замененной Николаем вечной каторгой. Он вспоминал, как собранные на корабле офицеры и командиры кораблей встречали их пожатием руки, а стоящие вдали приветствовали их знаками. При чтении же приговора старик-адмирал заплакал, а некоторые офицеры не могли вынести всей сцены разжалования и сбежали вниз, внутрь корабля¹.

После приведения в исполнение приговора над моряками, они снова были доставлены из Кронштадта в Петропавловскую крепость, откуда предстояла их отправка в назначенные им места.

Для отправки осужденных в Сибирь на каторгу была разработана особая инструкция. Первая группа в четыре человека (Давыдов, Муравьев, Оболенский и Якубович) была отправлена 21 июля 1826 г., а вторая, также в четыре человека (Волконский, Трубецкой и братья Борисовы), — 23 июля. Путь был избран, минуя Москву, Ярославским трактом. Самый вывоз из крепости должен был происходить по ночам. На губернаторов тех губерний, через которые везли осужденных, возлагалась ответственность за надлежащий провоз ссылаемых.

Перед отправкой происходила заковка в ножные кандалы. Вместо заклепки кандалов были употреблены замки. В то время было обыкновение выбивать на замках разные пословицы. Завалишин вспоминает, что для его кандалов достался замок с

надписью: «Кого люблю, тому дарю», а Николаю Бестужеву — «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь»¹.

К каждому ссылаемому было приставлено по одному жандарму, а общее руководство перевозкой каждой группы возлагалось на специального фельдъегеря. Везли осужденных порознь на тройках — каждого в отдельной телеге. Путь до Иркутска был совершен очень быстро — в один месяц.

Но строгости инструкции не были соблюдены при переездах во всей их полноте, и уже в августе в главный штаб поступили доносы «о послаблениях в пути» с обвинением в этом фельдъегерей. Произведенное расследование выяснило, что Муравьева в пути расковали, что ему разрешили на одной из станций свидание с женой, что иногда ссыльных везли не поодиночке, а по несколько в одном экипаже, что останавливались в трактирах, где закусывали и пили, что разрешали помыться в бане и пр. Фельдъегерь в своих объяснениях оправдывался, что он снял кандалы с Муравьева ввиду его болезненности и оттого, что они натерли ему ноги; хотя, действительно, и было разрешено помыться в бане, но эта баня была городничего и т. п. В донесениях фельдъегеря также сообщалось, что при переезде по России ссыльные большей частью молчали, плакали, жаловались, что растрясло, но по Сибири чувствовали себя бодрее»².

Провоз жандармами через Европейскую Россию в Сибирь многих десятков декабристов был таким крупным событием, которое не могло не остановить на себе внимания населения. Из воспоминаний всех декабристов видно, какое глубокое сочувствие вызывали к себе эти ссыльные в различных слоях населения. Правительственные агенты, следившие за этим подневольным путешествием декабристов, наоборот, старались изобразить самые отрицательные отношения населения к ссыльным. Однако при всем их старании проглядывали черты сочувствия к осужденным. Примером такого донесения явилось сообщение неизвестного автора, хранящееся в одном из дел Военно-исторического архива в Москве. Приведем из него несколько строк.

Указанное нами донесение сообщало о провозе через Ярославль прежде всего Якубовича, Артамона Муравьева, Оболенского и Давыдова. Анонимный автор отмечал заезд четырех названных декабристов для обеда в трактир в Ярославле. По его словам, «Оболенский плакал, видя, как толпа черни

¹ Завалишин, Записки декабриста, 1904, т. II, стр. 70.

² См. Чернов, Декабристы на пути в Благодатское, «Каторга и ссылка» 1925 г. № 5, стр. 246—276.

¹ См. «Красный архив», т. XIII, стр. 292—297.

осматривала их с презрительным любопытством», и Муравьев старался успокоить Оболенского. Через несколько строк донесение опять повторяло: «Низшие сословия с презрением смотрят на них; дворянство и купечество благонамеренны и привержены правительству». Эту благонамеренность доказал один из купцов, кричавший с балкона своего дома декабристам: «Прокламаторы, законодатели». Эти окрики встретили возражение со стороны находившегося здесь вольноотпущенного крестьянина. Он кричал купцу: «За что бранишь? Они несчастные, наказанные». По словам донесения, в этой стычке купца и крестьянина из-за декабристов другие находившиеся на улице стали на сторону благонамеренного купца, и крестьянину пришлось спастись от побоев.

Не без злорадства донесение сообщало и о другом подобном факте. Волконский, спускавшийся по лестнице трактира, запутался в кандалах, и какой-то крестьянин ему сказал: «Учись, барин». На это Волконский ответил только двумя словами: «За вас»¹.

В том же тоне очевидного старания успокоить правительство и уверить его в преданности ему всего народа донесение заканчивалось уверением: «Вообще из рассказов по всей дороге заметить можно, что даже чувство сострадания, столь свойственное народу русскому к жесточайшим преступникам после наказания, в отношении к сим людям нигде не обнаружено, и всеобщая везде ненависть показывает ясно, как масса народа привержена правительству и установленному порядку».

Это язык жандарма. Аноним сам себя выдает, говоря об «установленном порядке», «приверженности правительству» и т. п.

Но и не все жандармы оказывались, так сказать, на высоте положения и не все оправдывали доверие своего начальства. В 10 верстах от Мологи в 1828 году проезжавшие крестьяне нашли узел с жандармской шинелью и фуражкой и представили находку полиции. На дне в жандармской фуражке оказались защитными письма декабристов — Александра Поджио к Рачинскому, Муханова к сестре Пущина и его родным в виде обширного письма, написанного карандашом во время пересылки Пущина из Шлиссельбургской крепости в Сибирь. Из этого последнего письма III отделение узнало о происшедшем в Ярославле свидании пересылавшихся декабристов с Уваровой, поджидавшей здесь провоза ее брата — Лунина, и с двумя род-

¹ ЦГВИА. Фонд главного штаба, 1826, № 40—682. «Отправление декабристов в Сибирь».

ственницами Якушкина. Эти строки письма послужили основанием к преданию фельдъегеря военному суду. Впрочем, он отделался довольно легко. В наказание ему было зачтено предварительное содержание под стражей, и его даже оставили на прежней службе, но с приказом Николая I не доверять ему ответственных поручений. Расследование этого дела вскрыло тяжелую картину: жены, сестры, матери ссыльных декабристов подолгу жили в городах, через которые должны были провозить жандармы их родных, чтобы проститься с ними и снабдить чем-нибудь на дорогу. Например, за Уваровой была организована бдительная слежка и отобранные заготовленные ею для брата ящики. Администрация предполагала найти в них что-либо запрещенное, но ошиблась в своих ожиданиях.

§ 20. ДЕКАБРИСТЫ В КРЕПОСТЯХ ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

31 августа 1826 г. царь образовал особый тайный комитет по исполнению приговора над декабристами, осужденными в ссылку. В этот комитет были назначены Сперанский, Бенкендорф, начальник штаба Дибич, генерал-губернатор Сибири Лавинский и генерал-майор Лепарский, впоследствии комендант Нерчинских рудников и Петровского острога. Царь так спешил с приведением приговора в исполнение во всей его полноте, что распорядился о немедленной отправке на каторгу восьми человек осужденных и всех, кроме одного, приговоренных к поселению и к службе рядовыми в дальних гарнизонах. Несомненно, что у царя была цель таким быстрым исполнением приговора терроризировать население.

Однако на местах ничего не было подготовлено для приема более чем сотни важных «государственных преступников». Комитет по исполнению приговора был образован тогда, когда в Сибирь уже были доставлены первые осужденные. Пришлось приостановить высылку осужденных и возобновить ее лишь в январе 1827 года. К этому времени оставалось еще неотправленными около 70 человек, приговоренных к каторге, и 1 — к поселению. Эти приговоренные содержались, кроме Петропавловской крепости, также и в других крепостях: в Шлиссельбургской, Кексгольмской, Выборгской, Свеаборгской, Свартгольмской, Динабургской, Роченсальмской (большинство этих крепостей было в Финляндии).

Финляндские крепости ко времени заключения в них декабристов насчитывали сотни лет своего существования. Башня

Выборгской крепости была построена в XIII веке и цела еще до сих пор (автор этих строк посетил ее летом 1940 года). Высотой в 50 метров, она сложена из гранита, и толщина стен ее более трех с половиной метров. В разных местах устроены амбразуры. До пожара в 1856 году здесь было шесть этажей. Сохранившийся нижний этаж заключал в себе темные или почти темные казематы, служившие для заточения узников, как и помещения в сгоревших этажах. Приземистая круглая башня Кексгольмской крепости, построенная также в конце XIII века и сохранившаяся до настоящего времени, служила местом заточения до 1850 года. До декабристов в этой башне содержалась семья Пугачева и другие узники¹.

Неизвестно, чем руководствовался тайный комитет или, вернее, сам царь, оставляя одних приговоренных в Петропавловской крепости, а других пересылая в иные места заключения. Но в настоящее время в отношении некоторых декабристов выяснились причины иногда очень длительного задержания их в таких страшных местах заключения, как Шлиссельбургская крепость или Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Так, Иосиф Поджио, приговоренный к 12 годам каторги со снижением срока до 8 лет, был отправлен после объявления приговора в Свеаборгскую крепость, откуда в апреле 1828 года переведен в Шлиссельбургскую. Здесь он провел весь остальной срок наказания в условиях полного одиночества. Только раз в году к нему допускался католический монах. Теперь выяснилось, что высочайшее повеление о таком заточении Иосифа Поджио последовало в удовлетворение просьбы сенатора Бороздина; Поджио был женат на его дочери, которая рвалась последовать за мужем на каторгу, вопреки воле отца. Место заточения Поджио держалось в строжайшем секрете, и поиски жены оставались безуспешными.

В архивном деле III отделения имеется подлинное прошение жены Поджио на имя Николая. В нем мать пятерых детей, умоляет царя указать ей место содержания мужа, чтобы она могла поехать к нему. Однако ответа не последовало. Еще ранее, в марте того же года, она об этом же просила Бенкендорфа, и тот не постеснялся солгать ей, ответив, что место пребывания ее мужа еще не известно. Показателем тяжелых переживаний жены Поджио и его матери служит та аккуратность, с которой ему в неизвестное для них место его заточения писали обе эти женщины, посылая вместе с письмами деньги и посылки.

¹ См. К. В. Гренхаген, *Спутник по Финляндии*, 1908, стр. 80 и 158.

Эти письма и посылки передавались Поджио в крепость, но до января 1829 года он не имел разрешения царя отвечать на них. Только в январе указанного года это разрешение было дано, но запрещалось указывать место его нахождения¹. В конечном счете отцу жены Поджио удалось добиться желанной цели: дочери его, которой он грозил своим проклятием в случае поездки к мужу, не удалось поехать в Сибирь.

Другой декабрист, Батеньков, родом сибиряк, провел в Петропавловской крепости не только весь срок каторжных работ — 15 лет, но и еще лишних 5 лет и после этого сослан в Сибирь на поселение. О причинах такого отношения царя к Батенькову существуют два предположения. По одному из них царь был крайне раздражен поведением Батенькова: царь освободил его первоначально от следствия с предоставлением ему денежного вознаграждения, но Батеньков, опасаясь, что товарищи объяснят милости царя предательством, написал царю письмо с заявлением о сочувствии декабристам². С другой стороны, высказывалось предположение, что Батеньков не был отправлен в Сибирь потому, что имел там связи. Как-никак, но Батеньков оказался переведенным из Свартгольмской крепости, где он находился с 25 июля 1826 г. по июнь 1827 года, в Алексеевский рavelин. Здесь он содержался в очень тяжелых условиях. Камера была темная и освещалась лампой. Много лет не давали книг, кроме библии с лексиконами. Пищу подавали через окно в двери камеры, и он не имел никаких сношений с волею. Ему казалось, что он сидит целые сотни лет. В 1828 году он намеревался голодом и бессонницей лишить себя жизни и проявлял признаки душевной болезни. Много позднее ему разрешили читать прошлогодние газеты и пускали на прогулки.

В Архиве революции мне попались три дела, проливающие некоторый свет на пребывание Батенькова в Алексеевском

¹ ЦГИА в Москве. 1) № 26. Управление комендатуры Шлиссельбургской крепости. «Бумаги III отделения о доставлении писем Поджио, 1832—1833 гг.». 2) № 2. Разная переписка с комендантом Шлиссельбургской крепости о заключенных в ней за 1788—1864 гг. 3) № 61, ч. 75. Архив III отделения, 1 экзп. «О государственном преступнике Иосифе Поджио», 1826. 4) «Галерея шлиссельбургских узников», под ред. Н. Ф. Анненского, В. И. Семеновского и П. Ф. Якубовича, ч. 1, СПб., 1907.

² В ЦГИА мне попало собственноручное заявление Батенькова от 30 декабря 1825 г., написанное им после первого его допроса комиссии, расходящееся с приведенным в тексте объяснением. В нем он писал, что «вчера» его показание было дано им «в крайнем смущении», происшедшем особенно при виде многих почтенных лиц. Он просил довести до сведения царя, «что не участвовал ни в каких действиях тайного общества, не знал об них и не разделял его намерений» (ЦГИА в Москве, 1826, фонд 48, № 296, оп. 1. «Следственное дело Батенькова. Об его вещах и деньгах»).

Рис. 12. Вид Читинского острога декабристов
С рисунка декабриста И. А. Анненкова

равелине. Так как об этом пребывании в печати никаких сведений до сих пор не было, то найденные материалы представляют особый интерес.

На обложке дела Алексеевского равелина 1827 года среди фамилий пяти узников равелина стоит фамилия Бекетова. Но в деле этом нет никаких сведений о Бекетове, а имеются материалы о Батенькове. На обложке дела как будто нарочно была перепутана фамилия этого декабриста для того, чтобы затерялась фамилия Батенькова. Так и случилось: царю было угодно забыть Батенькова в Алексеевском равелине не только на 15 лет, назначенных по конфирмации, но и еще на 5 лишних лет. В названном деле имеется прямое указание о переводе Батенькова из Свартгольмской крепости в Алексеевский равелин по повелению самого Николая, но никакой мотивировки такого исключительно сурового отношения к узнику не приведено.

26 марта 1828 г., еще до истечения года со дня заточения Батенькова в равелин, комендант крепости доносил шефу жандармов Бенкендорфу: «Содержащийся в Алексеевском равелине государственный преступник Батеньков на прошедшей неделе принял намерение не употреблять никакой пищи и питья, лишился вовсе сна, а в словах и суждениях своих показывает иногда себя человеком, в уме помешанным». Комендант добавлял, что к заключенному был допущен протоиерей Казанского со-

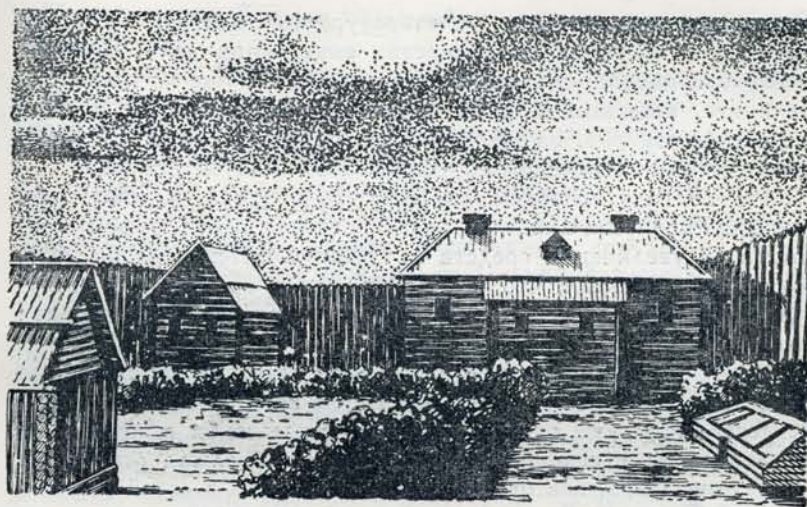

Рис. 13. Лунная ночь в Чите. Тюрьма декабриста.
С рисунка декабриста Н. А. Бестужева
Из собрания Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина

бора, но никакие его увещания не оказали на заключенного воздействия. В свою очередь посещавший заключенного штабс-лекарь определенно указал на намерение Батенькова довести себя до смерти «истощением сил от неупотребления никакой пищи и питания». Из дела не видно, как отнесся шеф жандармов к этой одной из первых известных нам голодовок в Алексеевском равелине. За следующие четыре года никаких сведений о пребывании Батенькова в равелине в деле нет. В 1832 году содержащийся в том же равелине с 15 февраля 1828 г. декабрист Корнилович обратился с просьбой позволить ему иногда личные свидания с Батеньковым; это было ему разрешено, но при условии, чтобы свидания происходили каждый раз с особого разрешения коменданта и в присутствии смотрителя равелина. Неизвестно, состоялись ли такие свидания. В деле на них нет никаких указаний. Во всяком случае, через четыре месяца после принципиального разрешения свиданий Корнилович выбыл из равелина на Кавказ; и Батеньков уже окончательно лишился возможности видеться с ним.

Прошло еще 13 лет заточения Батенькова в равелине, и в 1845 году комендант крепости сообщил шефу жандармов графу Орлову просьбу Батенькова о разрешении выписать ему журнал

«Отечественные записки», «Литературную газету», «Русский инвалид» и «Журнал министерства внутренних дел». Просьба Батенькова мотивировалась тем, что он прочел уже по нескольку раз книги, выдававшиеся ему комендантом, а библию прочел уже свыше ста раз, из журналов же получал только «Христианское чтение». Последовало удовлетворение этой просьбы.

На 20 году лишения свободы Батенькова, в 1846 году, комендант крепости Скобелев ходатайствовал перед шефом жандармов об увеличении средств на питание Батенькова на 50%. Комендант добавлял, что «арестант этот в особенности заслуживает попечения о нем тихим, кротким поведением и примерной покорностью».

Вскоре после этого шеф жандармов сообщил коменданту о своем докладе царю относительно Батенькова. В то время как все декабристы уже отбыли сроки их заключения в тюрьмах и находились на поселении, этот арестант продолжал оставаться в рavelине. Царь, как бы оправдываясь, писал в своей резолюции, что Батеньков задерживается в крепости только потому, что было доказано его помешательство, а потому следует его освидетельствовать. Таким образом, оказывалось, что Алексеевский рavelин приравнивался царем к больнице для умалишенных. Но неправильно было и его замечание о доказанности душевной болезни Батенькова. Имелись лишь предположения, а не твердые указания на такую болезнь.

Комендант отвечал сообщением, что числившийся лишенным рассудка Батеньков «шесть последних лет тих, скромен, послушен и за малейшее к нему внимание благодарен». И смотритель рavelина Яблонский, служащий уже 17 лет, а также и доктор не находят его больным. Такие показания смотрителя и врача вырывали у царя возможность дальнейшего содержания Батенькова в рavelине.

Но незаконная царская мотивировка заточения Батенькова сверх всяких сроков послужила причиной того, что Батеньков вместо внутренних губерний был отправлен из крепости в Сибирь.

Комендант крепости откровенно писал шефу жандармов о неудобствах оставления в европейской России человека, проведшего 20 лет в Алексеевском рavelине; оставить Батенькова во внутренней губернии было бы «неловко не потому, чтобы он был опасен, но по влиянию, какое могут произвести рассказы его о двадцатилетнем заключении. Здесь подобные явления (т. е. такое долгое пребывание в рavelине.— М. Г.) неизвестны и могут судиться превратно. Но, пользуясь свободой

в Тобольске или Томске, под присмотром полиции, он будет на своем месте».

31 января 1846 г. царь, подписав свое согласие отправить Батенькова на жительство под присмотром полиции в Томск, проявил такую заботливость, которая едва ли порадовала узника, а именно: он повелел отправить его туда, «когда будет потеплее и с надежным жандармским унтер-офицером». Для человека, которого «заботливо» продержали пять лишних лет в рavelине как душевнобольного, всякие, даже самые страшные, морозы были предпочтительнее каждого часа, каждой минуты пребывания в ужасном царском застенке. Вторя своему повелителю, шеф жандармов предложил коменданту крепости изготовить для Батенькова теплую одежду: но комендант сообщил, что у арестанта не осталось и летнего платья и белья, так как все это сгнило в цейхгаузе крепости. Вместе с тем комендант просил о разрешении затратить 100 руб., отпущенных на улучшение пищи Батенькову, на приобретение нужных для дороги вещей и зимней кибитки, удобной и достаточно прочной для совершения в ней пути до Томска. Неизвестно, по каким причинам царь расщедрился и отпустил Батенькову на первоначальное его обзаведение в Томске 500 руб. серебром, т. е. бывший узник получил за каждый отнятый у него год жизни сверхсрочного пребывания в Алексеевском рavelине по 100 руб. Уже через две недели после повеления царя Батеньков, не дожидаясь потепления, расстался 14 февраля 1846 г. со своей одиночкой в рavelине: «надежный» жандарм повез его в Томск. В Томске Батеньков прожил 10 лет и после общей амнистии декабристов (1856 г.) вернулся в Россию¹.

Об условиях содержания декабристов в Петропавловской крепости после объявления им приговора имеются сведения, из которых видно, что в камерах было темно и освещение от лампады было скудное²; при испорченном воздухе в камерах их выводили на 20 минут в сени, где заключенные могли подышать воздухом через открытые окна и двери. Раз в 10—14 дней их выводили поодиночке на прогулку. Разрешались свидания с родными, допускались книги.

Мы имеем определенное указание декабриста Лорера на препровождение его с 17-ю другими осужденными немедленно

¹ ЦГИА в Москве. 1) № 79, 1827. «Дело Алексеевского рavelина Петербургской крепости». 2) № 20, 1832. «Дело Алексеевского рavelина Петербургской крепости о заключенных в оном Ситникове и Корниловых». 3) Архив III отделения, 1 экзп., 1827, № 61. «О государственном преступнике Гаврииле Батенькове».

² См. А. Розен, В ссылку (записки декабристов), 1900, стр. 101.

после приговора в Алексеевский рavelин. Их препроводили сюда часовые и полицейские берегом Невы. Приступая к описанию своего места заключения, автор заявляет: «Многие знают Петропавловскую крепость, но, конечно, немногие слышали и едва ли кто-нибудь может составить себе верное понятие об Алексеевском рavelине»¹. Надо помнить, что автор этих строк попал с товарищами в Алексеевский рavelин всего через 28 лет после того, как его отстроил император Павел I, и к тому времени эта страшная тюрьма еще не успела получить своей прославленной известности.

Описание Лорера имеет особый интерес, как одно из наиболее ранних. Он начал его с сада, вся растительность в котором состояла тогда из двух тощих березок, куста черной смородины и нескольких аршин жалкой травки. Лорер обратил внимание на находившийся тут небольшой деревянный крестик. По объяснению стражника, здесь за много лет до этого была погребена какая-то привезенная из-за моря молодая княжна. Очевидно, это была мотила княжны Таракановой.

Помещение рavelина было занято не только камерами арестованных, но и комнатой коменданта. Прогулки по указанному саду допускались два раза в неделю в отдельности каждому заключенному, а свидания с родными один раз в неделю в помещении коменданта. Лорер нашел питание в рavelине более удовлетворительным, чем в остальных тюремных помещениях крепости. По-видимому, к тому времени режим Алексеевского рavelина еще не достиг всей полноты суровости, и Лорер, например, мог проводить время у окна своей камеры.

Вполне понятно, что Николай не мог забыть о наличии такого надежного места заключения для декабристов, как Шлиссельбургская крепость. Прямое указание на это мы нашли в архивном деле этой крепости. Уже 9 января 1826 г. коменданту этой крепости предложено было донести «в собственные его величества руки», сколько в ней находится мест для содержания арестантов, сколько их и кто именно в действительности содержится в крепости и какое число может быть здесь еще помещено. Направляя сюда 1 июля 1826 г. Андреевича, Пушкина, Юшневского и Пестова впредь до отправки их в Сибирь, царь снова повторял вопрос, не имеются ли в крепости еще свободные места и сколько именно. Как место предварительного заключения Шлиссельбургская крепость была неудобна за дальностью расстояния от Петербурга и потому не использовалась по про-

¹ «Записки декабриста Н. А. Лорера» (приготовила к печати и комментировала М. В. Нечкина), М., 1931, стр. 116.

цессу декабристов за время производства следствия и суда. После же приговора она приняла в свои стены не только перечисленных декабристов, но и других. 7 августа с фельдъегерем и тремя жандармами сюда были доставлены декабристы Дивов, Михаил и Николай Бестужевы¹.

Кроме них, в Шлиссельбургской крепости перебивали после приговора Кюхельбекер, Горбачевский, Спиридов, Барятинский, Вадковский, Дивов и др.

В Шлиссельбургской крепости производилось подробное описание примет каждого присланного сюда декабриста, приговоренного к ссылке в каторжные работы. В виде примера привожу описание примет Михаила Бестужева: «Волосы на голове и бровях черные, лицом чист, смугловат, глаза темно-карие, нос посредственный острый, под шеей на левой стороне маленькие два пятнышка, на правой щеке родимое пятнышко, а на левом боку бородавка» (л. 18, оборот).

В Шлиссельбургскую крепость были пересланы перед отправкой в Сибирь декабристы из других крепостей. Они доставлялись сюда и отправлялись отсюда по назначению всегда закованными в ножные кандалы. При некоторых из них были обнаружены при обыске в крепости денежные суммы, например, у Пушкина 1500 руб. По признанию обысканного он получил эти деньги в руку от сестры при прощании с ней. Присылались деньги декабристам их родными в крепость. Эти денежные средства на руки не выдавались, а записывались на приход получателя и расходовались им по мере его надобности.

Несколько подробнее других описал свое пребывание в этой крепости Бестужев. Он описывает коменданта крепости Плуталова как человека, вполне оправдывающего свою фамилию: он воровал и извлекал себе доходы путем экономии на содержании заключенных. Только после смерти этого коменданта новый комендант Фридберг выдал декабристам все, что полагалось, а именно: халаты, белье, тюфяки, постельное белье, и устроил общее приготовление пищи; заключенные получили возможность иметь табак и чай. В то же время начались ремонт камер и их побелка. М. А. Бестужев вспоминал, что сначала он был помещен в маленькую комнатку, которую он ошибочно считал камерой, где содержался и был убит Иоанн Антонович. Эта комната стояла, по его словам, как-то отдельно, не в ряду с другими камерами. В ней занимала немало места печь, а мебель состояла

¹ ЦГИА в Москве. Дело № 2 Шлиссельбургской крепости. Разная переписка с комендантами Шлиссельбургской крепости о заключенных в ней за 1788—1864 гг. ЦГВИА в Ленинграде. Фонд 437 коменданта Шлиссельбургской крепости. Журнал исходящих секретных бумаг, № 8 (л. 16 и оборот).

из кровати, стола и табурета. Камеры своих товарищей по процессу Бестужев называет просторными и светлыми, и позднее он сам был переведен в такую же. Заключенные могли перестукиваться, а летом при растворенных окнах даже разговаривать в общей беседе. Около половины сентября 1827 года Горбачевского, Барятинского и братьев Бестужевых заковали в ножные железа и вывезли в Сибирь; Дивов был переведен не в Сибирь, а в Бобруйскую крепость без указания срока и провел здесь 15 лет (отсюда он был переведен на Кавказ, где и умер через год — в 1842 г.).

Очень резкие строки о пребывании в Шлиссельбургской крепости оставил декабрист Пушкин. Он написал их в своем письме к родным, положившись на жандарма, отвозившего его в Сибирь, что тот передаст его по назначению. Но жандарм, зашивший письмо в фуражку, обронил ее по дороге, и письмо попало в III отделение. В этом перехваченном письме Пушкин писал: «Командант на чудо отделил наши казематы, однако, я благодарю бога, что из них выбрался, хотя с цепями... Как бы то ни было, со мной будет лучше крепости... Слава богу, что разделался с Петербургом, где истинная тюрьма». В другом письме Пушкина к отцу, которое жандарм, получивший его для секретной передачи адресату, представил своему начальству, есть также несколько строк о пребывании в Шлиссельбургской крепости: «В Шлиссельбурге я ужасно сдружился с Николаем Бестужевым, который сидел подле меня, и мы дошли до такого совершенства, что могли говорить через стену знаками так скоро, что для наших бесед не нужно было лучшего языка. Ах, когда я буду в возможности показать Вам миллион наших хитростей». С одной из таких хитростей Пушкин и познакомил своих родных, предлагая писать между строк лимонным соком¹.

О пребывании декабристов в других крепостях сколько-нибудь подобных сведений нет, но известно, что везде в них было крайне сыро и угар доводил заключенных до обморока². Кюхельбекер в своих воспоминаниях добавляет к этому еще и жалобы на крайне плохое питание. На его долю выпала тяжелая

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд канцелярии дежурного генерала, № 21, 1828. «Дело о беспорядках, происшедших в проезд фельдъегеря Желдобина через Ярославскую губернию с преступниками».

² Вероятно, эту сырость и этот угар подразумевал финляндский генерал-губернатор, доносивший царю о «неудобствах», найденных им в Свеаборгской крепости Лонгери, где содержались семь декабристов. Трое из них — Муханов, Лунин и Норов — были переведены в Выборгский шлосс, где размещены 25 февраля 1827 г. в разные казематы.

Этот же губернатор доносил военному министру об отсутствии у заключенных в Финляндских крепостях декабристов нижнего белья, указывая,

участь быть подневольным странником по целому ряду царских крепостей. Арестованный 25 января 1826 г. в Варшаве при попытке бежать за границу, он был доставлен в Петропавловскую крепость, из нее переведен в Шлиссельбургскую, оттуда в Динабургскую, из которой через четыре года переведен в Ревельскую цитадель (1831 г.), а из этой крепости — в Свеаборгскую, откуда, наконец, в 1835 году вывезен на поселение в Баргузин, в Восточную Сибирь.

Большинство крепостей, в которых пребывали декабристы, находилось в Финляндии. Тяжесть пребывания здесь возрастала под влиянием переживаний, связанных с суровостью природы страны. Об этом писал в своих стихах поэт-декабрист Кюхельбекер. Об этом же писали Батеньков, проведенный перед заточением на долгие годы в Алексеевский равелин некоторое время в Свартгольмской крепости. В своем стихотворении, написанном в каземате этой крепости и носящем характерное заглавие «Одичалый», он так описал свою камеру и природу:

Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в несколько шагов
С железом ржавым на дверях,
Соломы сгнивший пук обшитый,
И на увлажненных стенах
Следы страданий позабытых...
.....
Кукушка стонет, змей шипит,
Сова качается на ели,
И кожей нетопырь шумит,—
Вот песнь кругом сырой постели.
Песок несется, ил трясется,
Выходит пар из мокроты,
И ржавый мох в болоте ткется,—
Вот мне приветные цветы!

В Кексгольмской крепости, в так называемой Пугачевской башне, содержались некоторое время декабристы Горбачевский, Барятинский, Спиридов, Кюхельбекер, Поджио и Вадковский, переведенные 30 апреля 1827 г. в Шлиссельбургскую крепость¹.

В Свартгольмской крепости содержались, кроме указанного Батенькова, Штейнгель, Бесчаснов, Повало-Швейковский, Панов, Сутгоф, Щепин-Ростовский.

что у части их имеется всего по одной рубашке — ЦГИА в Москве. Фонд 48, дело № 314, 1827. «О нужде в белье государственных преступников в Шлиссельбургской и Финляндских крепостях».

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд канцелярии дежурного генерала, № 90, 1827. «Дело о переводе из Кексгольма в Шлиссельбургскую крепость госу-

В Свеаборгской крепости были заточены: Громницкий, Киреев, Лунин, Митьков, Норов, Муханов, Поджио.

В крепости Роченсальм, в форте «Слава», в темных и сырых казематах содержались после приговора до отправки в Сибирь М. Х. Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол, Бестужев-Марлинский, Тютчев и Арбузов.

§ 21. ДЕКАБРИСТЫ В ТЮРЬМАХ СИБИРИ

Наиболее подробные сведения имеются о пребывании декабристов на каторге и на поселении.

Прибытие их в Сибирь было для местного населения событием большой важности. Население старалось выразить свое сочувствие всякими способами: предоставлением денежной и иной помощи, посещением их на остановках, встречей их. Первые каторжане прибыли в Иркутск в конце августа 1826 года. Исполнявший временно обязанности губернатора Горлов расковал их и распределил по заводам. Один из заводов был солеваренный, в Усолье, куда были направлены Оболенский и Якубович. Другие заводы были Николаевский и Александровский — винокуренные; на них были посланы А. Муравьев, Давыдов, Трубецкой, Волконский и братья Борисовы. На всех этих заводах работали уголовные каторжане. Положение каторжан на заводах, по словам самой высшей местной администрации (генерал-губернатора Броневского), было «крайне печально: они (каторжане) находились денно и нощно у огня и лохмотья свои обжигали, босы, полунаги. Отбив свою смену, они заливали горе водкой и, утомленные, тут же бросались у огня, предаваясь сну. Закоптелые остатки образа человеческого, прикрытые кое-где рубищем, всклокоченные волосы и ужасающие глаза испитого дикообразного преступника вызывают к состраданию».

Но декабристам, препровожденным сюда, не пришлось нести бремя такого тяжелого труда. Принятые местной администрацией, они назначались на заводские работы только для виду. Препровожденные в Усолье сняли себе квартиру у местной жительницы. Поселенные в разных местах декабристы посещали друг друга. Однако такая жизнь продолжалась всего месяц. Конечному пребыванию на заводах положило получение инструкции тайного комитета, который требовал назначения декабристов-каторжан в Нерчинские рудники. Вот эта инструкция:

дарственных преступников Горбачевского, Спиридова, Барятинского, Кюхельбекера и др.»

«Коменданту при Нерчинских рудниках (на подлинной рукой начальника главного штаба е. и. в. написано «высочайше утверждено»).

При вновь открытых в Иркутской губернии рудниках близ серебряно-плавильных заводов назначается, по высочайшей воле, комендант собственно для присмотра и содержания сосланных туда в каторжную работу государственных преступников, верховным уголовным судом осужденных. Вследствие чего власть и обязанности сего коменданта постановляются в нижеследующих статьях:

1) Осужденные верховным уголовным судом и сосланные в каторжную работу государственные преступники, в прилагаемом при сем списке поименованные, состоят в полном ведении коменданта.

2) Они содержатся всегда в оковах.

3) Разделение их в жилищах и по сколько человек поместить в каждой палате предоставляется на собственное усмотрение коменданта.

4) На ночь держать их запертых замками в палатах, согласно общему положению для важных преступников.

5) Сии преступники назначаются на работы по распоряжению горного начальства, а высылаются к оным с ведома коменданта, при нужном числе конвоя.

6) Когда они поступают в ведение горного правления на работы во внутрь земли, то каждый раз в сдаче оных брать расписки. Если бы комендант заметил притом недостаточный за ними надзор со стороны горного начальства, то может требовать от оного о принятии надлежащих на сей счет мер.

7) Так как сии преступники должны будут работать в рудниках вместе с прочими каторжными, то горное начальство обязано выбрать таковых каторжных обще с комендантом из таких людей, кои признаны будут самыми благонадежнейшими в отношении их нрава и кротости поведения.

8) Хотя сии каторжные, употребляемые в работы обще с осужденными верх. угол. судом преступниками, не будут жить вместе с сими последними, помещаясь в прежних своих жилищах, не менее того однако ж комендант должен иметь и их под своим надзором; и если заметит которого-либо из них неблагонадежным, имеет право требовать от горного начальства о перемене такового другим благонадежнейшим. Горное же начальство обязано удовлетворить всем таковым требованиям коменданта беспрекословно.

9) Осужденные верх. угол. судом преступники должны получать содержание пищею и одеждою на том самом положении, как содержатся прочие важные преступники, в каторжную работу ссылаемые, о чем комендант получит все сведения чрез иркутского гражданского губернатора и сообразно с оными будет требовать откуда следует все нужное им содержание.

10) Если бы жены сих преступников прибыли к ним из России с намерением разделить участь своих мужей и пожелали жить вместе с ними в остроге, то сие им позволить, но тогда жены не должны иметь при себе никакой услуги. Когда же они будут жить отдельно от мужей вне острога, в таком случае могут иметь при себе услугу, но отнюдь не более одного мужчины и одной женщины.

11) Женам, пожелавшим жить отдельно вне острога, позволить иметь свидания со своими мужьями в остроге через два дня один раз. Но всякое сношение жен с мужьями посредством их служителей должно быть строго воспрещено.

12) Если бы крепостные люди, прибывшие с женами, не пожелали с ними там остаться, таковым позволить возвратиться в Россию, препроводив их к гражданскому губернатору для высылки по надлежащему в прежние их вотчины.

13) Строго наблюдать, чтобы преступники и их жены не могли привезти с собой или получить после от кого бы то ни было больших сумм, ни в наличных деньгах, ни в ценных вещах, исключая только такой суммы, которая необходима для их содержания, но и то не иначе, как через коменданта, который выдает им таковое пособие по частям, смотря по надобности.

14) Кроме жен, желающих жить в Сибири для разделения участи своих мужей, не позволять сим преступникам иметь свидания ни с какими другими родственниками и иными лицами.

15) Преступники сии не должны писать писем ни к родственникам и ни к каким другим лицам. Жены же их, как живущие в остроге, так и вне оного, могут посылать от себя письма, но не иначе, как отдавая оные открытыми коменданту, который будет препровождать их к Иркутскому гражданскому губернатору для дальнейшего отправления куда следует. Письма же на имя преступников и их жен адресованные дозволяется получать как тем, так и другим, но также не иначе, как через коменданта. Другим же образом всякого рода письменные сношения строго воспрещаются под личною ответственностью коменданта.

16) В случае болезни сих преступников они должны быть пользованы в особой больнице, которая будет устроена в самом остроге.

17) Если бы кто из осужденных верх. угол. судом преступников сделал новое какое-либо преступление, таковых по исследовании предавать суду на общих правилах, для каторжных существующих. Но при производстве в таковых случаях следствий сверх гражданских и горных начальников наряжать и со стороны военной депутата.

18) Вообще комендант руководствуется существующими указами и постановлениями, насчет сосланных в каторжную работу государственных преступников изданными, которые имеют быть ему сообщены от Иркутского гражданского губернатора.

19) В случае бунта, буде ни какие благоразумные меры не будут достаточны к усмирению оного, комендант может употребить холодное и в самой крайности огнестрельное оружие, не ответствуя в таком случае за убитых и раненых.

20) Таковые же меры дозволяются не только против гос. преступников или других ссылочных, но даже против сообщников и их жителей того края, если бы таковые дерзнули помогать бунтовщикам.

21) В чрезвычайных случаях, как-то: в бунте или в замыслах к явному заговору, если местной команды для отвращения или укрощения зла будет недостаточно, комендант имеет право требовать помощи в людях от ближайших военных и гражданских начальств, а в крайности и от горного начальства, которые по его требованиям обязываются давать ему нужную помощь без малейшего замедления.

22) При коменданте полагается один плац-майор, два плац-адъютанта и воинская команда.

23) Комендант сей подчинен одному только начальнику главного штаба е. и. в., коему во всех делах рапортует и получает от него разрешения.

24) Он обязан ежемесячно доставлять: начальнику главного штаба е. и. в. ведомости о прибыли и убыли государственных преступников, а в инспекторский департамент обыкновенные месячные рапорта о состоянии вверенной ему команды.

25) Он должен следить за точным исполнением правил, в сей инструкции изображенных, за исправностью и устройством порядка по всем частям. В противном же случае за всякое упущение подвергнет себя строгому по законам взысканию.

Подлинную подписал генерал-адъютант Дибич. Москва, сентября 19 дня, 1826»¹.

Отношение местной администрации к первым декабристам-каторжанам вызвало доносы в Петербург.

Начались следствия и суд о послаблениях декабристам: снявший кандалы с каторжан Горлов был предан суду и признан подлежащим устранению от должности по неблагонадежности.

На Нерчинской каторге пересланные сюда восемь декабристов были помещены в Благодатском руднике. Жена декабриста Волконского — Мария Волконская писала, что тюрьма здесь была расположена в избе, у подножья горы. В избе было два отделения с холодными сенями между ними. В одном из отделений помещались уголовные. В другом, где стояла большая русская печь, были устроены вдоль стены конуры, или клетки, размером 3 аршина длины на 2 ширины. В одной из них помещались Волконский, Трубецкой и Оболенский. Нары последнего были устроены под нарами одного из двух первых. О чистоте и состоянии воздуха и о наличии света в таком помещении говорить не приходится.

По воспоминаниям Оболенского, относящимся к этому же времени, Давыдов и Якубович занимали каждый особые чуланы, а Муравьев и братья Борисовы были устроены в той же комнате за дощатой перегородкой. Впрочем, жилищные условия декабристов в Благодатском менялись, и некоторые из них временами жили на частных квартирах².

Работа декабристов, как и других каторжан, проходила в рудниках и состояла в добыче руды и в переносе добытой руды на носилках на расстояние шагов в двести. Приходилось носить по 30 носилок в день с кладью по 5 пудов, и не все декабристы оказались в силах выполнять подобную работу.

Каторжный труд начался с работ под землей. Оболенский вспоминал, что приходилось спускаться под землю сажен на 70 глубины, проходить версты полторы с согнутой спиной, а работать, нередко стоя на коленях, молотом фунтов в 15 и более. Размер выработки руды для декабристов не был определен. Уголовные помогали им безвозмездно, выбивая за 10 мин. то, на что декабристы употребляли по часу. Предписанное инструкцией

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1826, № 61, ч. 5. «О государственных преступниках. Правила насчет содержания в работе и распоряжения об обращении потом на поселение».

² См. Чернов, Декабристы в Благодатском, статья в сборнике «Декабристы на каторге и в ссылке», изд. О-ва политкаторжан, М., 1925, стр. 89.

разобшение декабристов на работах не соблюдалось строго. Позднее декабристов начали употреблять и на указанную выше переноску руды, а может быть, и на ее разборку. Эта работа казалась им труднее, она носила урочный характер и продолжалась вдвое дольше подземной. Под землей декабристы менее чувствовали на себе тягость надзора. Отношение начальника рудника Бурнашева вначале было грубым, и он говорил о декабристах, что мог бы «вывести их в полгода из строя». Но если декабристы первые ввели в политической тюрьме перестукивание как средство сношения между собой (в Петропавловской крепости), то им же первым принадлежит честь применения тюремных голодовок как средство борьбы с произволом и с тягостями царского тюремного режима. Первая в России коллективная тюремная голодовка протеста была начата декабристами, когда начальник рудников лишил их свечей и права общего обеда. Голодовка длилась два дня. Попытка начальника рудника представить ее как бунт в расчете на возможность перепороть бунтовщиков не удалась, и первая голодовка закончилась полной победой заключенных.

Положение декабристов на Благодатском руднике было бы еще хуже, если бы сюда не приехали к двум из них (Волконскому и Трубецкому) жены. Они способствовали смягчению отношения тюремного начальства, улучшили питание декабристов, санитарные условия их пребывания в тюрьме и своей помощью уголовным каторжанам содействовали хорошему отношению последних к политическим.

В Благодатском руднике декабристы работали до осени 1827 года, когда были переведены в Читу. Сюда еще ранее, с самого начала 1827 года, привозили прочих участников восстания, приговоренных к каторге. Они помещались здесь в здании бывшего этапного пересыльного пункта. Здание это было окружено частоколом, скрывавшим за собой его почти до крыши и проходившим так близко от стен дома, что между ними и частоколом было всего две сажени для прогулок заключенных, на которые их водили по несколько раз в день.

Чита в то время представляла собой село всего в 20 дворов горнозаводских крестьян, при ветхой церковке и доме начальника, с хлебным магазином и амбарами. Климатические условия здесь были хорошие. Несколько декабристов за недостатком мест в здании тюрьмы размещены были в двух крестьянских избах и сходились с прочими заключенными лишь за общей работой.

Принудительный труд декабристов здесь состоял в земляных работах. Они рыли ров для фундамента вновь строившейся

для них тюрьмы, зарывали глубокий овраг вдоль почтовой дороги. Это зарывание оврага пришлось повторять, так как весенние воды уносили наваленную землю, пока не была сделана плотина. Декабристы прозвали этот овраг «Чертовой могилой». В зимнее время осужденные были заняты колкой льда и работой на ручных мельницах в особой избе, где каждый должен был смолоть по два пуда зерна. Не всякому это удавалось, но более сильные товарищи помогали слабым выполнять задание.

Жизнь декабристов проходила внутри острожных помещений, где теснота не позволяла содержать камеры в чистоте и за ночь воздух становился спертым. Спали и сидели на нарах, подкладывая войлок или шубы. Свободное время проводили за игрой в шахматы, пением, беседами; от карточной игры декабристы отказались и строго придерживались этого правила, оберегая прочность своей дружбы. Письменные принадлежности в это время были еще строжайше запрещены, а книг было мало. Почта приходила раз в неделю. Получали много посылок от родных.

Декабрист Лорер вспоминал, что в Читинском остроге их обед состоял из щей, каши и куска говядины. Обед доставлялся в тюрьму на «очень грязных носилках, на которых, вероятно, навоз выносили когда-то»¹.

К сентябрю 1828 года закончилась стройка нового острога, предназначенного специально для декабристов, и состоялось их вселение. В этой новой тюрьме было пять комнат. Каждая из них получила у заключенных свое имя. Так, одна комната называлась «Москвой» или «барской», так как в ней жили более состоятельные, с барскими потребностями. Другая называлась «Новгород» — ее обитатели шумели и спорили по вопросам политики, как на вече. Третья носила имя «Псков» — сюда были помещены восемь каторжан, прибывших из Благодатского рудника. Четвертая комната получила название «Вологды», и в ней поместились члены бывшего Общества соединенных славян.

На собственные средства заключенных были изготовлены кровати, которые и были расставлены вдоль стен. Посредине комнаты стоял большой стол, скамьи и табуретки; у стен — стеллажи с книгами. Кроме этих четырех комнат, была еще пятая — общая столовая. Сюда заключенным приносились в ушатах щи и каша. Ножей и вилок иметь не разрешалось, ели только ложками. Жены декабристов присылали заключенным кушанья своего изготовления, кофе и шоколад. Кухня находилась в особом

¹ Н. И. Лорер, Записки декабриста, М., 1931, стр. 135.

здании в 20 шагах от острога. Хозяйство велось старостой, выбиравшимся на три месяца.

Так как в камерах теснота не позволяла производить более сложные работы, то на тюремном дворе разрешено было построить два домика: в одном помещалась столярная мастерская и переплетная, а в другом стоял рояль, здесь же по очереди играли на разных музыкальных инструментах. Образовался и свой хор.

Кроме музыки, занимались и рисованием. Декабрист Репин зарисовал виды острога и внутренних его помещений, а Бестужев нарисовал портреты всех декабристов.

В 1828 году разрешено было получение русских и иностранных книг, газет и журналов. Присылка книг родными дала возможность устроить хорошую библиотеку. Никите Муравьеву мать переслала всю его большую библиотеку.

Декабристы положили начало образованию при тюрьмах свободных университетов и курсов самообразования. В Читинском остроге впервые в русской тюрьме началось чтение курсов университетского объема. Доктор Вольф читал курсы анатомии, физики и химии, Бобрищев-Пушкин 2-й преподавал прикладную математику, Корнилович — историю, Одоевский — русскую словесность, Никита Муравьев — стратегию и тактику.

Усиленно изучали иностранные языки, и некоторые изучили по нескольку языков. Так Завалишин изучил 13 языков, не считая греческого и латинского.

Так как в 9 час. вечера тюрьма запиралась и огни тушились, а спать так рано не хотелось, то в темноте слушали рассказы, особенно Кюхельбекера, об его кругосветных путешествиях.

Рудниковых работ в Чите не производилось. Кроме указанных земляных работ, после их окончания занимались огородами. Разведение огородов шло очень успешно, и собирались большие урожаи овощей.

Кроме того, бывшие кавалергарды, гусары и князья дали из своей среды хороших сапожников и портных. Лучшими портными были Оболенский и Бобрищев-Пушкин, а щегольские фуражки шили Бестужевы и Фаленберг.

Подозрительный и недоверчивый Николай I желал иметь самые точные сведения о сосланных в Читу декабристах¹. Не до-

¹ В ЦГВИА в Москве имеются дела с ежемесячными донесениями о поведении декабристов. Таково дело № 65 (1827) о поведении государственных преступников. Здесь даны сведения о сосланных на поселение и первых восьми на каторгу. Таково же дело № 45 (1828). Сведения одно-

вольствуясь донесениями Лепарского, сибирского генерал-губернатора, царь посылал в Сибирь своих жандармов-ревизоров, провокатора Медокса и использовал в этих целях также декабриста-историка Корниловича. В 1828 году совершенно неожиданно для всех заключенных жандармы увезли Корниловича из Читы в Петербург, где его снова заключили в Алексеевский рабелин. Царь заподозрил участие иностранного правительства в организации восстания декабристов и выяснял это допросом Корниловича. Подозрения не подтвердились, а Корнилович был использован как опытный и образованный человек в качестве «консультанта» по различным вопросам внешней и внутренней политики, и ему было предложено описать условия пребывания декабристов в Сибири. Эта задача была очень щекотливая, так как прибегать к сокрытию истинного положения декабристов было рискованно, но не следовало и обнаруживать облегчений в положении заключенных, достигнутых ими. Корнилович справился с этой задачей успешно. Щеголев перепечатал в одной из своих статей это описание Корниловича полностью; возьмем из него лишь то, что дополняет приведенные нами выше сведения. Корнилович, между прочим, писал царю:

«По прибытии нашем в Читу, за малостью тамошнего острога, поместили нас в двух крестьянских избах, которые огородили частоколом, окошки заколотили на две трети досками, приставив снаружи железные решетки, а внутри кругом по стенам сделали нары. В первой из изб находились в трех горенках 25 человек, а во второй 22 человека. В каждой комнате по часовому; кроме того, два подчасовых конвоя, выводивших за нуждой, двое на дворе и один снаружи у ворот». Летом проводили время на дворе, превращенном ими в сад. С сентября 1827 года всех перевели в новый острог, который состоял из пяти комнат, кроме сеней. «Тут, вместо нар, сделали двойные кровати и между ними столько расстояния, что можно свободно пройти одному человеку, а для воздуха прорезаны в потолке продушины. Старый большой острог назначен под лазарет, но с прибытием еще 14 человек лазарет помещен в маленький острог, а тут помещены вновь приехавшие... Нас заставили мести улицы, чистить казенные конюшни и вывозить оттуда навоз, потом рубить мерзлую землю для фундамента под новый острог и рыть каналы для ограды. Прошлым летом уравнивали дорогу, носили землю, камни, щепки; зимой мололи муку». Каждую неделю водили в баню, на время которой кандалы снимались. На полях записки

образны: вели себя хорошо, пристойно, не были замечены в предосудительных поступках.

Корниловича против слов о снятии кандалов царь сделал пометку: «Уполномочить Лепарского снимать кандалы с тех, кто того своей кротостью заслуживает». Против строк, в которых упоминается о невозможности ходить в церковь и о чтении по воскресеньям священного писания, царь надписал: «Приказать кн. Мещерскому (тогдашнему обер-прокурору Синода) избрать отличного священника, которого послать туда для нахождения при арестантах»¹.

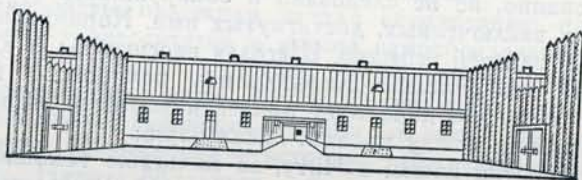
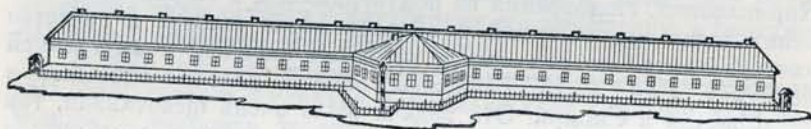

Рис. 14. Петровский железный завод. Тюрьма декабристов (внешний и внутренний вид). С рисунка декабриста Н. А. Бестужева
Из третьего сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л., 1926

В Чите декабристы оставались четыре года. В это время некоторые из них уходили на поселение, но об этом будет сказано особо далее. Комендант острога генерал-майор Лепарский, под начальством которого была стража тюрьмы в числе полусотни казаков и роты пехоты, оставил по себе добрую память у декабристов как в Читинском остроге, так и позднее — в Петровском заводе.

В конце сентября 1828 года было объявлено о снятии кандалов. Царь приказал снять их лишь с заслуживающих этого, но Лепарский донес, что заслуживают этого все. Однако имеется указание, что царская милость встретила и отрицательное к себе отношение со стороны некоторых декабристов, по-видимому, не желавших принимать милостей из рук царя. Во всяком случае, мы встретили замечание, что декабрист Горбачевский был в числе «протестантов», не желавших этой «милости». Они считали самое заковывание их в кандалы нарушением их права как

¹ Щеголев, Декабристы, сборник, 1926, стр. 319.

освобожденных, по их происхождению, от телесных наказаний еще Екатериной.

Крупным событием этих годов была попытка восстания декабриста Сухинова с группой уголовных каторжан на Зерентуйском руднике. Приговоренный за участие в восстании Чернигов-

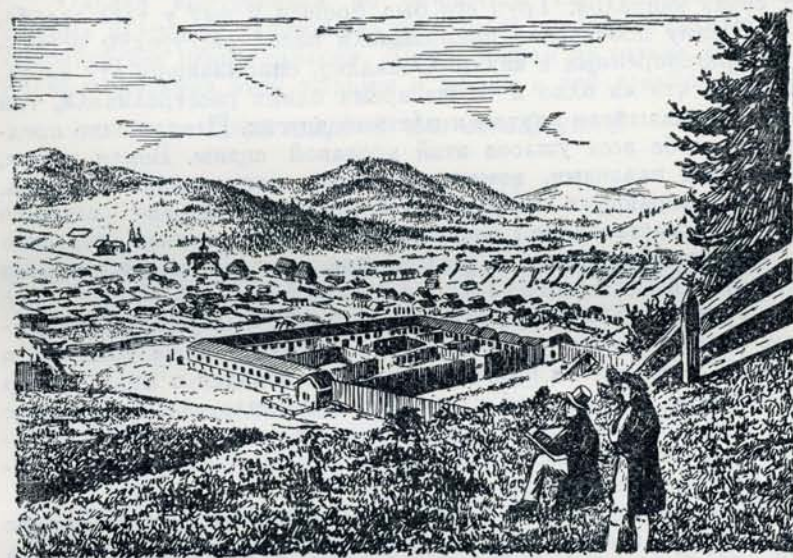

Рис. 15. Петровский железный завод за Байкалом. С акварели Н. А. Бестужева

Из второго сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л., 1926

ского полка к смертной казни с заменой ее вечной каторгой, он вместе с другими осужденными по этому процессу был отправлен в Сибирь этапным порядком с партией уголовных ссыльных. Они совершили весь путь во много тысяч верст в кандалах, пешком, в течение 18 месяцев, испытав все ужасы такого страдного пути. Еще в пути Сухинов думал о восстании. Отличавшийся революционной пылкостью, непоколебимой стойкостью характера, он задумал разоружить военную стражу рудника, освободить арестантов, зажечь каторжный поселок и пойти в Читу на освобождение всех содержащихся там декабристов. Один из уголовных оказался предателем и выдал Сухинова и других участников заговора (этот предатель был убит арестантами). Царь приказал судить всех по законам военного времени.

Во время следствия и суда Сухинов отказался признать себя виновным и отрицал обвинение. Приговором суда, с изменением его при конфирмации Лепарским, Сухинов и пятеро других были приговорены к расстрелу, несколько человек — к кнуту и плетям. Но этот дважды приговоренный к смертной казни декабрист повесился накануне казни в тюремной камере на ремне от своих кандалов. Труп его был брошен в яму у того столба, к которому поочередно привязывали перед расстрелом остальных приговоренных к казни. Очевидец, описывавший эту казнь, говорил, что «в одно и то же время одних расстреливали, три палача наказывали кнутом и плетью других. Невозможно представить себе всех ужасов этой кровавой сцены. Вопли жертв, терзаемых палачами, командные слова, неправильная пальба, стоны умирающих и раненых — все это делало какое-то адское представление, которое никто не в силах передать и которое приводило в содрогание самого бесчувственного человека»¹.

Только первый привязанный к столбу был убит сразу залпом, второй добит ударом штыка; взволнованные солдаты в одиночку стреляли в приговоренных, не попадая в них... Автор цитируемой заметки добавляет, что правительство, не умевшее повесить декабристов, не сумело и расстрелять их. Надо добавить, что казнью распоряжался тот самый Лепарский, о котором мы упоминали выше.

Хотя декабристы и провели в Читинском остроге четыре года, но это помещение было для них временным, так как за 700 верст отсюда для них строилась в Петровском железном заводе новая тюрьма по образцу, как говорили тогда, «исправительных домов Америки, или пенитенциариев». План этой тюрьмы утвердил царь Николай, не перестававший следить за своими врагами и в далекой Сибири.

Интересно, что одним из первых, кто заговорил в России об американских пенитенциариях, был заточенный в Алексеевском рavelине декабрист Каховский в его письмах к царю. Он противопоставлял американскую систему заключения русским тюрьмам и острогам, в которых «обитает разврат, воздух душный, заражен смрадом, где содержащиеся истлевают душой и телом и где часто надзирающие за преступниками — преступники еще больше»².

По иронии судьбы протестовавший против тюрьмы и отстаивавший преимущества новой американской системы арестант

¹ Горбачевский, Записки, 1916, стр. 275.

² Шеголев, Петр Каховский, «Декабристы», сборник, 1926, стр. 167.

Алексеевского рavelина, может быть, заронил в голове царя мысль испытать достоинства этой новой системы на самих декабристах. Судьба жестоко поступила с Каховским и в другом отношении: принципиальный противник смертной казни, он должен был в 29 лет сам умереть от руки палача.

Однако выстроенная по одиночной системе Петровская тюрьма далеко не напоминала по своему режиму и архитектуре американские пенитенциарии. До нас дошли не только довольно полные описания этой тюрьмы и жизни в ней декабристов, но

План тюрьмы для декабристов.

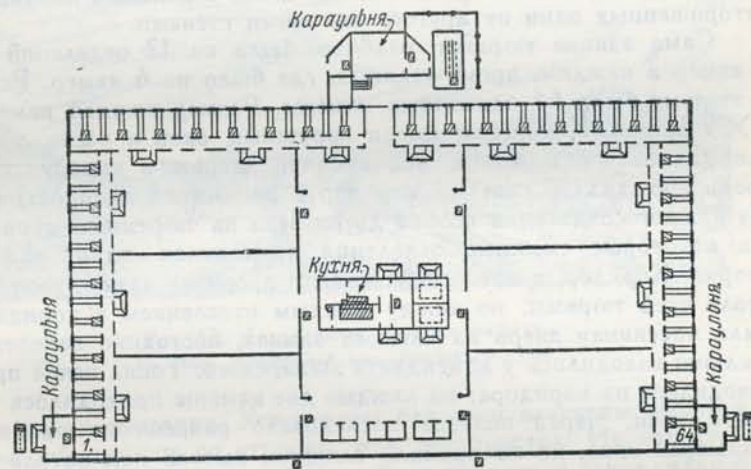

Рис. 16. План Петровского острога для декабристов. Зарисован декабристом Розеном

даже и несколько очень любопытных зарисовок отдельных ее камер (эти рисунки большей частью впервые появились в печати в разных изданиях лишь после Октябрьской революции).

Переход из Читинского острога в Петровскую тюрьму совершался в теплое время года двумя партиями. Расстояние в 700 верст было пройдено в таких условиях, что этот поход оставил по себе даже приятные воспоминания у его участников. Он продолжался 48 дней с отдыхом в один день через два дня на третий. Во время похода собирались разные коллекции, делались наблюдения...

Петровский железный завод был отстроен в 1789 году. Работы здесь производились ссыльными и состояли в разных выделках из железа.

Вновь выстроенное для декабристов здание тюрьмы стояло на высоком кирпичном фундаменте под красной крышей и не имело окон наружу. По плану оно напоминало букву «П». Расположено оно было между гор, в котловине, на сыром месте. По главному фасаду находилась кордерегардия с бойницами в виде узких щелей, откуда можно было обстреливать оба боковых здания тюрьмы перекрестным огнем в случае побега арестантов. С трех сторон участок ограждали глухие стены тюрьмы, а с четвертой — высокий бревенчатый частокол. На внутреннем дворе тюрьмы помещались кухня, кладовая и другие здания.

Двор тюрьмы был разделен на восемь отдельных дворишков, отгороженных один от другого высокими стенами.

Само здание тюрьмы разбито было на 12 отделений по 5 камер в каждом, кроме угловых, где было по 6 камер. Всего в тюрьме было 64 одиночных камеры. Размер каждой камеры 6×7 аршин. Камеры не имели наружных окон и очень слабо освещались через оконце над входной дверью в камеру. Эта дверь выходила в светлый коридор с окнами на двор острога. Из каждого отделения особая дверь вела на тюремный дворик. На некоторые смежные отделения приходился один общий дворик. Коридор, в который выходили двери из камер, тянулся вдоль всей тюрьмы, но между каждым отделением в коридоре была массивная дверь на четырех замках, постоянно запертая, и ключи находились у коменданта Лепарского. Топка печей производилась из коридора; на каждые две камеры приходилось по одной печи. Через полгода последовало разрешение пробить в камерах окна, но их пробili слишком высоко под потолком, заделали решетками, а потому и при таких окнах света было недостаточно.

Декабристы были размещены по камерам в одиночку, но впоследствии жили и по-двое. Женам декабристов разрешено было жить в тюрьме вместе с мужьями, и женатые декабристы имели по две камеры. Внутреннее убранство камеры представлялось желанием самих заключенных. Волконская в своих записках вспоминает, что каждая из жен устроила, как могла лучше, свою тюрьму.

Приведенное описание Петровского острога сделано нами на основании сведений из мемуаров различных декабристов. С этим описанием совпадает и официальное донесение царю командированного в 1832 году в Петровский острог жандармского полковника Кельчевского. Он успокаивал царя, что «Петровский острог выстроен крепко». При его посещении в 62 камерах содержалось 68 человек. Описывая камеры, он пояснял, что

«из небольших окон с железными решетками нельзя глядеть, не став в комнате на стул». Высоту частокола у острога он определил в три или более сажени. На дворе острога он отметил ледяную гору и каток. В 50—60 саженьях от острога находилось строение, где мололи зерно, в 100 саженьях — огород, в 50—60 саженьях у речки — баня¹.

Этот жандарм описывал Петровский острог уже тогда, когда там в камерах были прорублены окна. Жандарм недаром остано-

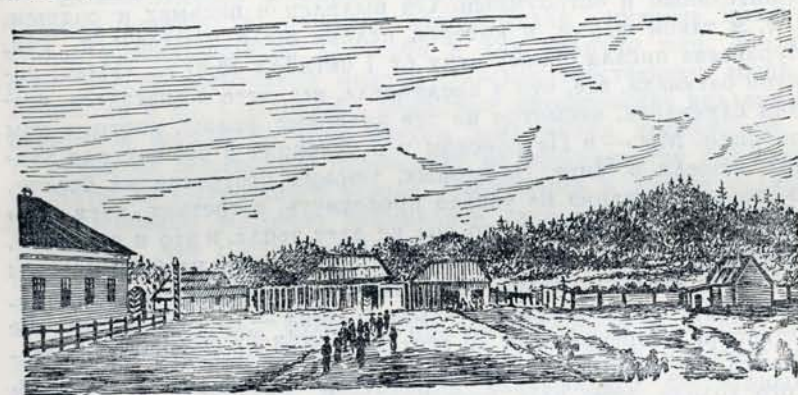

Рис. 17. Декабристы идут на работу
Из книги «Декабристы», изд. «Прибой», Л., 1926

вился на их описании. Устроенные без окон казематы вызвали настоящий протест со стороны жен декабристов. Их негодующие письма своим родным в Петербург произвели такое сильное впечатление в столичном обществе, что царю пришлось не только уступить и отказаться от проектирования им жестокой темницы без солнечного света, но даже и оправдываться. В петербургском обществе был пущен слух, что инициатором устройства тюрьмы без окон был комендант Лепарский. Возмущенный этой клеветой Лепарский призвал к себе на квартиру двух декабристов (Завалишина и Вольфа) и предъявлением им плана тюрьмы, утвержденного царем, доказал, что и тут была царская воля. Во всяком случае, проруб оконных рам в виде узких полос в четыре вершка ширины и сажень длины, т. е. в виде каких-то щелей, был объявлен актом «высочайшей милости». Бенкендорф 6 декабря 1830 г. писал Шаховской в противоречии с правдой,

¹ ЦГИА в Москве, 1832, № 61, ч. 23, III отделение, 1 эксп. Дело «О государственных преступниках».

что царь «по собственному побуждению беспредельного своего великодушия высочайше повелеть изволил, чтобы в остроге сделаны были светлые окна и проч.» А о женах декабристов он отзывался: «Они неумеренным ропотом своим не случайные, но необходимые неприятности оказывают неблагодарность к монарху милосердному, сделавшему уже все возможное»¹.

Надо признать, что протест жен декабристов был самый решительный и остроумный. Он вылился в письмах к родным, т. е. в такой форме, к которой нельзя было придраться. Так, Муравьева писала своему отцу от 1 октября 1830 г.: «Итак, дорогой батюшка, все, что я предвидела, все, чего я опасалась, все-таки случилось, несмотря на все красивые фразы, которые нам говорили. Мы — в Петровском и в условиях в тысячу раз худших, нежели в Чите. Во-первых, тюрьма построена на болоте, во-вторых — здание не успело просохнуть, в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не дает тепла, и это в сентябре, в-четвертых — здесь темно: искусственный свет необходим днем и ночью; за отсутствием окон нельзя проветривать комнату». Жена другого декабриста — Фон-Визина — писала в тот же Петербург Шереметьевой 28 сентября 1830 г.: «Вы себе и представить не можете этой тюрьмы, этого мрака, этой сырости, этого холода, этих всех неудобств». Трубецкая писала матери того же 28 сентября, описывая камеру мужа, в которой поселилась и она: «Темь в моей комнате такая, что мы в полдень не сидим без свечей. В стенах много щелей, дует ветер, и сырость так велика, что пронизывает до костей»².

Тюрьма, построенная наскоро, на сыром месте, очень быстро потребовала капитального ремонта, на время которого жены декабристов перешли в свои квартиры, где проживали их дети. К женам отпустили и их мужей с обязательством возвращаться на ночь в тюрьму. Впоследствии эти обязательства были отменены, и мужья-декабристы жили у жен.

В воспоминаниях декабристов уделяется мало внимания описанию их принудительного труда. В летнее время они занимались проложением дорог и огородничеством, а по зимам молили зерно на ручных мельницах, но, по-видимому, в небольшом количестве.

¹ Летописи Государственного литературного музея, см. «Декабристы», предисловие Чулкова, М., 1938, стр. 12; Завалишин, Записки декабриста, т. II, изд. в Мюнхене, 1904, стр. 112.

² С. Я. Штрайх, Декабристы на каторге и в ссылке, статья в сборнике «Декабристы на каторге и в ссылке», М., 1925, стр. 42, 44 и 45. В этом сборнике много интересных материалов, впервые опубликованных.

Работы обязательного характера прерывались часто на месяц и на два по самым незначительным поводам: то по причине мороза, то жары, то эпидемии, то без всякой причины.

Тем не менее жизнь декабристов проходила постоянно в тех или иных занятиях в зависимости от способностей и склонностей каждого и от тех общественных заданий, которые ставили себе сами декабристы.

Возобновилось столярное мастерство, начатое еще в Читинском остроге: заключенные выдвигали книжные шкафы, столы, кресла, комоды для себя и для квартир жен. Декабрист Торсон изготовлял модели сельскохозяйственных машин, лесопилки и др. Собирались обширные ботанические коллекции сибирской флоры по всем местам заключения декабристов и за время их пешеходной переправки на пространстве 700 верст от Читы до Петровского завода. Собирались и другие коллекции. Особенно усиленно занимались литературными трудами, тем более, что среди декабристов-каторжан были литераторы и поэты с известным именем — Бестужев, Одоевский, Корнилович, Лунин и другие.

Таким образом, элемента принудительности в работах декабристов на Петровском заводе почти не было. Царские повеления и секретные инструкции оказывались бессильными в стремлении превратить декабристов здесь в настоящих каторжников, занятых физическим тяжелым трудом в самых нездоровых условиях. Один из декабристов, Завалишин, стоящий особняком по характеру оставленных им мемуаров, описывал «каторжную работу» декабристов в строках, полных иронии. Вместо работы несли от дам книги, шахматы, самовары, газеты, завтрак, ковры, складные стулья. Казенные рабочие несли лопаты, носилки. Дежурный офицер, видя, что мало декабристов вышло на работу, упрашивал прибавить еще кого-нибудь. На работу шли с пением — чаще всего пели революционную песню «Отечество наше страдает под игом своим», а офицеры и солдаты спокойно слушали. Эта ирония Завалишина отнюдь не означала, что он осуждал такое исключительное положение каторжан-декабристов. Он сам подчеркивал стремление декабристов заниматься различными ремеслами вместо того, чтобы быть землекопами.

При этом Завалишин подчеркивал, что декабристы доказали очень важную истину: «Труд не только легко совмещается с высшим образованием, но одно в другом может находить поддержку и черпать силу». Надо добавить, что Завалишин подчеркивал не только снисходительное отношение Лепарского ко всем декабристам, но и особенно к аристократам из них.

По его словам, декабристы имели прислугу в большом числе. Таких указаний мы не встретили в мемуарах других декабристов, и неизвестно, отвечают ли они в полной мере истине. Завалишин вообще склонен был называть крупные цифры. Так, например, он определил количество книг и журналов у декабристов в Петровском, в домах жен декабристов и у них самих, в полмиллиона, так как, по его словам, сюда пересылались целые библиотеки в десятки тысяч томов, а жены декабристов выписывали из-за границы газеты и журналы на несколько тысяч рублей¹. Большой цифрой определил Завалишин и число фортепьяно: их было у декабристов восемь, в том числе и в каземате Петровского острога.

Особенности тюремного режима декабристов в Петровском заводе были вызваны, с одной стороны, их сплоченностью в борьбе за свои права, а с другой — наличием денежных средств и связей их с сильными и влиятельными родными и знакомыми в столицах. В том же Петровском стояла другая каторжная тюрьма — железоделательный завод. Здесь была настоящая каторга, и каторжане не из числа дворян, а из числа крепостных, из гущи народа, несли непомерную тягость каторжного труда, страдая от голода и холода. Каторжная тюрьма декабристов и этот железоделательный завод были два различных мира, отражавших на себе даже и здесь классовое различие положения дворянства и крестьянства.

В Петровском остроге продолжал свою деятельность, начатую в Чите, первый свободный русский университет. Здесь же, в Петровском остроге, декабристы, жаждавшие общественной работы, основали при тюрьме школу для обучения детей. Школьники ходили в тюрьму, и декабристы не только обучали их, но и одевали и кормили. Были случаи, выдающиеся по своим результатам, успешной подготовки учеников этих своеобразных школ к экзаменам в высшие учебные заведения. Школа продолжала свое существование и после ухода большинства декабристов на поселение. Продолжал ее вести оставшийся при заводе по собственному желанию Горбачевский. Рассеявшиеся по разным углам Сибири поселенцы-декабристы продолжали преподавательскую работу и в местах своего принудительного поселения; по словам одного из историков, в Сибири слова «декабрист» и «народный учитель» связывались неразрывно вместе. Попытки сибирской администрации прекратить этот вид общественно-политической работы декабристов не привели к результатам, и, например, в далеком Ялуторовске в школе Якушкина закончили курс 1600 детей.

¹ См. Завалишин, Записки декабриста, т. II, 1904, стр. 87, 94, 96.

Что касается внутренних товарищеских отношений между декабристами, то в Петровском заводе их тесная дружба и товарищеская взаимопомощь на некоторое время оказались под угрозой разрыва. Это объяснялось тем, что теперь декабристы жили уже не в общих камерах, а в одиночных и прекратилось общее питание.

Менее состоятельные испытывали недовольство и зависть к более состоятельным. Но энергия и инициатива декабристов, связанность их общей судьбой помогли и тут. Выход из тяжелого положения был найден в образовании особой товарищеской артели, или коммуны, в которой более состоятельные члены приняли на себя обязательство отдавать в общую кассу то, что получали сверх разрешенной нормы. Восстановились по отделениям острога общие столовые. Наряду с такой основной артелью с выработанным уставом образовались и другие артели специального назначения, например, взаимопомощи ссылаемым на поселение после отбытия каторги. Другой такой артелью была газетная — для правильного пользования газетами и журналами, приходившими на имя отдельных декабристов или их жен. Члены артели вносили определенные взносы на выпуск журналов и газет; было определено время пользования: газетой — два часа, журналом и книгой — два дня. Артели просуществовали вплоть до 1835 года, когда тюрьма опустела.

Со времени перехода декабристов на положение ссыльнопоселенцев для большинства из них началась полоса жизни, во много раз более тяжелая, чем за время пребывания в Петровском остроге. Здесь у них были постоянное общение между собой, взаимопомощь, возможность пользоваться общими книгами, газетами и журналами, а в местах поселения их ждали одиночество, полная оторванность от библиотеки и нередко настоящий голод и холод сибирской стужи. Можно определенно утверждать, что наиболее тяжелым оказалось положение тех, кто был приговорен к наказаниям менее тяжелым, чем каторжные работы, т. е. к поселению и к ссылке в дальние гарнизоны.

Уже 25 июля 1826 г. начальник штаба барон Дибич объявил волю царя, чтобы 13 человек, приговоренных на поселение и в дальние гарнизоны, были немедленно отправлены в Сибирь. Это были Фохт, Модзалевский, Шахирев и Враницкий, назначенные в Западную Сибирь — в Березов, Нарым, Сургут и Пелым. Прочие же 9 направлялись в Восточную Сибирь. Это были бывший обер-прокурор Сената действительный статский советник Краснокутский, Андреев 2-й, Веденяпин 1-й, Чижев, Назимов, Бобринцев-Пушкин 1-й, князь Голицын, Зайкин и князь Шаховской. Они были направлены в самые глухие и отдаленные

пункты Восточной Сибири — Киренск, Туруханск, Верхоянск, Жиганск, Верхне-Вилуйск, Олекминск, Верхне-Колымск, Средне-Колымск и Гижига. Матвей Иванович Муравьев-Апостол, брат казенного, был отнесен к первому разряду, т. е. вместо смертной казни приговорен к каторге, но позднее в бумагах его брата, Сергея Муравьева, было найдено его письмо, в котором он умолял не проливать крови. За это ему еще смягчили наказание, заменив каторгу ссылкой на поселение. Так же и Бестужев-Марлинский, осужденный по первому разряду, получил смягчение в виде ссылки на поселение.

Всех их везли очень быстро на перекладных. Путь всех лежал через Ялуторовск, и первыми прибыли в него 10 августа 1826 г. осужденные в рядовые дальних гарнизонов: Фохт, Цебриков и граф Коновницын и приговоренные на поселение князь Шаховской и Заикин. Но первые трое по указу 22 августа того же года были вследствие помилования направлены рядовыми в полевые полки Кавказского военного округа. Остальные ссыльные прибывали день за днем по 28 августа, когда проследовал А. Н. Муравьев, приговоренный на поселение.

26 сентября 1826 г. последовало издание правил о надзоре за ссыльными декабристами. Конечно, и к ним приложил свою руку Николай I. По этим правилам ссыльный мог получать от родственников на первое обзаведение не более 2 тыс. руб., ассигнованиями, а на содержание — до 1 тыс. руб. в год. Деньги выдавались через губернатора помесечно. Ненужным предписано выдавать солдатский паек и крестьянскую зимнюю и летнюю одежду. Вся переписка проходила через генерал-губернатора и III отделение. Разрешены были посылки, но присланные ценные вещи подлежали обратной отсылке приславшим их. Эти правила оставались в силе все время. Не указывалось, в чем должен был проявляться надзор, и местная администрация поняла его всюду по-своему, крайне стесняя декабристов вплоть до установок стражи возле их квартир.

Большинство приговоренных к поселению принадлежало к числу несостоятельных. Водворенные в пунктах крайнего севера Сибири, при крайне суровом климате, они просили пособия. Только благодаря помощи местного населения и товарищей могли они влачить свое существование. Кроме того, можно было получить и по 15 десятин земли для пахоты. Охота служила не только развлечением, но и давала средства питания. Однако последовало распоряжение царя отобрать у декабристов все орудие.

О заработке в таких местах ссылки не приходилось и думать. В Вилуйске, например, где жил М. И. Муравьев, было

всего четыре дома и несколько юрт, на большом расстоянии одна от другой. Почта приходила сюда раз в два месяца. От Якутска до местожительства поселенцев было от 700 до 2000 верст расстояния. Приходилось совершать самый тяжкий путь на лошадях, на оленях и собаках. Так как было приказано давать сведения о поселенцах ежемесячно, а при существовавших условиях сообщения это было невозможно, то администрация писала царю о трудностях таких ежемесячных донесений: на проезд в один конец требовалось полтора месяца, а в некоторые месяцы года сообщение и полностью прерывалось. Заикин попал в Гижигу, куда раз в год приставало судно, и на расстоянии полутора тысячи верст от Охотска до Гижиги было всего восемь деревушек.

Не успели прибывшие в места поселения отдохнуть от очень утомительного пути, как царь приказывает 6 сентября 1826 г. перевести отдельных поселенцев-декабристов в другие пункты; таким образом, этот приказ шел на далекие пункты поселения вслед за пробиравшимися туда декабристами, как будто для того, чтобы заставить их повторно испытать муки этапного переезда по необъятной Сибири. Например, Заикин из Гижиги был переведен в Витим после года пути, проделанного в невыразимо тяжелых условиях. Бобрищев-Пушкин, переселенный из Средне-Колымска в Туруханск, душевно заболел. После его выздоровления, оказавшегося, как выяснилось потом, кратковременным, он был помещен по его просьбе в 30 верстах от Туруханска в монастырь, где было всего три монаха. Здесь в припадке душевной болезни он ранил игумена, разбив ему голову, и был переведен в Енисейскую больницу, а отсюда по выздоровлении помещен был в енисейский монастырь. Он просил выпустить его из монастыря, объясняя, что монастырская жизнь выше его сил, но царь в этом отказал¹.

В том же Енисейске сошел с ума и другой декабрист Шаховской, причисливший себя к «лику святых». Жена его просила царя перевести больного в одну из отдаленных от столицы деревень, но Николай I ограничился переводом Шаховского в тюрьму Спасо-Ефимьевского монастыря в г. Суздале. Он был переведен сюда 6 марта 1829 г., а жене его был разрешен присмотр за ним. Уже через два с половиной месяца по прибытии в Суздаль Шаховской умер².

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд канцелярии дежурного генерала, 1827, № 230. «О дозволении декабристу Бобрищеву-Пушкину вступить в монастырь».

² Тот же архив и тот же фонд, 1828, № 96. «Сумасшествие декабриста Шаховского».

Смерть Шаховского была одной из первых смертей декабристов. Вообще же смертность среди декабристов в Сибири была высокой, если принять во внимание их большей частью очень молодой возраст. В 1832 году было приказано отпечатать всего в сорока экземплярах в военной типографии «список государственных преступников, осужденных верховным уголовным судом». В этом списке — 120 фамилий, в том числе пять фамилий казненных. Из особой графы «где находятся» видно, что к этому времени из ссыльных умерло уже девять человек¹.

Декабрист Кривцов писал в своем письме: «Граница необитаемого мира, где льды и холод, подобно геркулесовым колоннам, положили предел человеку и говорят: *pes plus ultra*»².

К счастью для декабристов в их одинокую и однообразную жизнь ссыльнопоселенцев самых далеких пунктов Сибири вносили глубочайший интерес те ученые и путешественники, которые уже тогда пытались перешагнуть через запретную, казалось, недоступную черту льдов и раскрыть еще неведомое. Эти ученые находили в лице декабристов ценнейших помощников, обогащавших их коллекции и сведения о Сибири. Норвежский профессор Ганстеен, прусский ученый Эрман, норвежец-морьяк лейтенант Дуэ широко воспользовались помощью декабристов. Такое использование поселенцев с отлучкою от места принудительного жительства привело даже к началу дела о «виновниках» подобных «послаблений». Но можно себе представить радость общения декабристов в сибирской глуши с этими представителями научной и общественной мысли!

Отношение местной администрации и населения к поселенцам-декабристам в Сибири нередко было хорошим, за что на головы некоторых виновных в «послаблениях» обрушивались немалые кары. Были случаи командирования жандармов и ревизоров даже из Петербурга. Результатом одного из доносов был новый арест декабриста Лунина и отправка его без суда, по повелению царя, в суровый Акатуй, где он скоро и умер³.

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд канцелярии дежурного генерала, № 42. «О напечатании 40 экземпляров списков государственных преступников, осужденных верховным уголовным судом». Интересно, что в этом списке у фамилии Батенькова, проведенного, как мы знаем, в Алексеевском равелине 20 лет, напечатано, что срок наказания его сокращен до 15 и потом до 10 лет.

² Кубалов, Декабристы в Восточной Сибири, 1925, стр. 42; см. его же, Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах, Иркутск, 1925; Ф. А. Кудрявцев, Исторические памятники Иркутской области, Иркутск, 1949, стр. 20—33.

³ О каждом осужденном декабристе к царю поступали регулярные секретные донесения за все время, пока декабристы оставались в Сибири. В этих донесениях поступавших в III отделение собственной е. и. в. канце-

Впрочем, Николай I был осведомлен из жандармских донесений и о крайне тяжелом положении в ссылке на поселении. Царь, всегда быстро и решительно реагировавший на «послабления» наказаний, спокойно пропускал мимо ушей жандармские сообщения о таком тяжелом положении ссыльных декабристов, которое граничило с казнью голодной смертью. Образчик таких оставленных царем без последствий донесений попался мне в архивном деле 1828 года. Полковник корпуса жандармов Маслов, командированный в Сибирь, доносил, что декабристы «Враницкий и Бригген (бывшие полковники) водворены на поселение в заштатном городе Пелыме, Тобольской губернии, в отдаленном крае, обитаемом вогуличами и окруженном тундрами и болотами, препятствующими почти во всякое время года сообщению, даже промышленники редко проникают в сии пустыни. Суровый и сырой климат оказал на Враницкого самое пагубное влияние. Сей преступник повергнут в столь крайнее расслабление и уныние, что он с трудом оставляет постель... с некоторого уже времени пища его состоит только из черного хлеба и кваса. Хозяйка занимаемого им дома из сострадания оказывает ему попечение... Враницкий никогда не просит пищи, и когда хозяйка не приносит ему хлеба, он по целым суткам ничего не ест»¹.

Этот эпизод из жизни ссыльного декабриста, которого подкармливала кусочками хлеба его квартирная хозяйка, особенно красноречиво звучал в официальном донесении жандарма. Но Николай I оставался непреклонен и тверд. Жестокую политику в отношении декабристов-поселенцев царю было легче проводить, чем в отношении декабристов-каторжан. Каторжане были собраны в одном месте, способны были, как показывал опыт, к коллективной борьбе и к самозащите. Жены этих декабристов могли влиять своими письмами на общественное мнение в Петербурге.

Декабристы же на поселении, размещенные в самых глухих пунктах Сибири то в одиночку, то парами, оставались совсем без защиты: отдаленность их принудительного пребывания уже сама по себе прикрывала всякую жестокость и беззаконие. Возвращать декабристов из ссылки на поселение царь не

лярии, сообщалось и о смерти того или иного декабриста. Некоторые из таких дел об отдельных декабристах очень подробны и обширны. Так, в деле Завалишина 589 листов. В настоящее время эти дела хранятся в ЦГИА в Москве.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1828, № 29. «О поручении полковнику корпуса жандармов Маслову объехать сибирские губернии и о представленных им донесениях» (л. 236).

хотел ни в те годы, когда читал приведенное нами описание жандарма, и никогда позднее. Через 25 лет после приговора верховного суда по делу декабристов сибирский генерал-губернатор через шефа жандармов представил 48 декабристов-поселенцев к облегчению их участи и полагал, что две вдовы декабристов, умерших на поселении, могли бы быть возвращены в Россию. Но шеф жандармов наложил резолюцию: «Оставить в первобытном состоянии» всех, кроме четырех-пяти, которых также оставить по-прежнему в Сибири, но с правом проживания в ее пределах по желанию, под надзором полиции¹.

Царь был злопамятен и мстителен даже в мелочах. В 1838 году сибирский губернатор поддержал просьбу Волконских о разрешении получать от родных на воспитание детей, родившихся у них в ссылке, добавочно 2 тыс. руб. Царь ответил отказом с такой мотивировкой: «Учителей в Сибири не имеется, а потому воспитание детей не требует издержек, а одного попечения родителей»². Конечно, не вся Сибирь была без учителей. Мы знаем, что такими учителями в Сибири были и сами декабристы, открывавшие даже свои школы. Царь просто не хотел улучшения быта ссыльных декабристов.

Приведем и другой факт. В 1845 году, т. е. через 20 лет после декабрьского восстания, III отделение задержало перехваченный им портрет (дагерротип) Иосифа Поджо, посланный им дочери. Вернувшийся из Сибири художник француз Давиньон, будучи задержанным, показал, что он сделал такие же снимки также с Волконского с его женой и детьми, Трубецкого с женой и детьми, Давыдова с женой и детьми и Панова. Николай I приказал запретить снимать с государственных преступников портреты, имеющиеся же отобрать³.

За последние 20 лет царствования Николая I никаких общих манифестов об облегчении участи декабристов не было. Некоторые же из декабристов получали право поступления нижними чинами на службу на Кавказ. Из записок декабристов мы знаем, что попали на Кавказ Пущин 2-й, граф Коновницын, Бестужев 4-й, Веденяпин, Цебриков, Бодиско 2-й, Булгари, Корнилович, граф Чернышев, Бестужев-Марлинский, барон Розен, князь Одоевский, Лорер и др. Погибли на Кавказе князь Одоевский, Бестужев-Марлинский, граф Коновницын, Корнилович, Лихарев, Кожевников.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1850 № 185, ч. 7.

² Тот же архив, тот же фонд. Всеподданнейшие доклады (л. 42).

³ Тот же архив. Тот же фонд, 1845, № 182. «О художнике Давиньоне, который в бытность в Сибири снимал дагерротипные портреты с государственных преступников Поджо и других».

О пребывании декабристов на Кавказе нам известно очень мало. Тем больший интерес приобретают некоторые секретные документы, найденные нами в Центральном военно-историческом архиве. Это дело о посылке декабристов на Кавказ. Оно начинается с записки директора канцелярии военного министерства от 21 июня 1837 г. за № 244. В ней читаем об определении Розена и других декабристов «рядовыми в отдельный Кавказский корпус, назначив их в разные батальоны под строгий пригляд и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений».

В другом деле того же 1837 года столь же секретно сообщается повеление царя не назначать лиц, прикосновенных к происшествию 14 декабря 1825 г. и вообще к тайным обществам, на должности адъютантов и на нестроевые должности. Это разъяснение последовало по частному случаю назначения декабриста Толстого на должность батальонного адъютанта на Кавказе. Толстой был немедленно смещен.

В третьем деле упоминается о «высочайшем повелении» от июля 1832 года подробно означать в указах об увольнении офицеров, «сужденных верховным уголовным судом», как прикосновенность их к злоумышленным обществам и наказание, коему они за то были подвергнуты, так равно и запрещение въезжать им в обе столицы империи. В 1837 году это повеление было распространено по воле царя также и на тех офицеров, которые за их прикосновенность к событиям 14 декабря 1825 г. понесли наказание не по приговору суда, а по «высочайшему повелению».

Но наибольший интерес представляет секретное дело того же архива, касающееся жен и детей декабристов, переведенных из Сибири на Кавказ. В бумаге от 30 июня 1837 г. за № 264 военный министр уведомляет статс-секретаря Мордвинова: «Государь император... соизволил уведомить Вас, что жены государственных преступников Нарышкина и Розена могут выехать из Сибири за своими мужьями, но с тем, что им запрещается въезд в столицы, и с обязанностью уведомлять всегда местное гражданское начальство о месте своего жительства. Прижитых же в Сибири детей государственных преступников, поступивших ныне рядовыми в войска, почитать военными кантонистами и до определенного возраста оставить их при матерях».

Это «высочайшее повеление» находилось в полном противоречии с действовавшим тогда законодательством. Жены декабристов, как не подвергавшиеся суду и наказанию, не могли быть ограничены в праве передвижения; не имело правительство по закону права обращать детей декабристов в военных кантонистов

Рис. 18. Вывод декабристов на прогулку

Из третьего сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л., 1926

и отбирать их от матерей. Впрочем, эта воля царя о детях декабристов осталась без выполнения, но предварительные меры к выполнению ее были приняты: в том же деле имеется переписка между различными административными органами, выяснявшими наличие детей у декабристов и их возраст. Может быть не лишне будет указать здесь, что супруги Розен назвали родившегося у них в Сибири сына Кондратием, именем, которое носил повешенный декабрист Рылеев.

Только после смерти Николая I был издан манифест (26 августа 1856 г.) о помиловании декабристов и о разрешении им вернуться в европейскую Россию. К этому времени их оставалось в Восточной Сибири 21 человек и в Западной — 13. После объявления манифеста декабристам они узнали, что подлежат и после этого надзору полиции. Так как в манифесте о надзоре не говорилось ничего, то некоторые декабристы подали протесты в министерство внутренних дел. Министр секретно разъяснил губернатору, что было неудобно упоминать в манифесте о надзоре и начальники губерний должны были это скрыть от декабристов.

Проводы отъезжавших из Сибири декабристов принимали иногда характер настоящего события крупного размера и даже

Рис. 19. Декабристы Якушкин, Бобрищев-Пушкин и Кюхельбекер на Петровском заводе

Из третьего сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л., 1926

демонстрации населения. Декабристы оставляли о себе в населении самую добрую память¹.

Но немногим из них удалось вернуться в Россию: большинство за 30 лет ссылки умерло в разных местах поселения.

Несомненно, что срок жизни оказался сокращенным для многих из декабристов. По разработанным нами сведениям, 67 декабристов умерли в Сибири или на Кавказе и 56 — в европейской России (об остальных мы не могли найти указаний: 5 казенных не вошли в подсчет).

Для учета продолжительности жизни декабристов надо иметь в виду, как мы уже говорили выше, что возраст их ко времени восстания 14 декабря 1825 г. был у большинства декабристов очень молодым, а именно: у 36 осужденных он оказался до 24 лет включительно, и в том числе у одного — 19 лет; у 3 человек — 21 год; у 11 человек — 22 года; у 50 человек он

¹ См. Ф. А. Кудрявцев, «Исторические памятники Иркутской области XVII—XX вв.», Иркутск, 1949. В разделе «Памятники пребывания декабристов в Сибири» даны сведения о могилах декабристов, о домах, в которых они жили, и пр.

В научной библиотеке Иркутского университета имени Жданова хранятся книги, принадлежавшие декабристу М. С. Лунину, а в Иркутском областном музее хранятся несколько предметов, связанных с пребыванием декабристов в Сибири.

был 25—29 лет; у 20 человек — 30—34 года; у 13 человек — 35—40 лет и только у двоих — 40—45 лет (возраст некоторых остался неизвестен).

Как было уже указано, в Сибири и на Кавказе умерло 67 декабристов, в том числе 6 были убиты. Они умирали в местах их ссылки, большей частью не достигнув старости. Так, в возрасте 20—29 лет умерло 4, 30—39 лет — 13; 40—49 лет — 20; 50—59 лет — 18; 60—69 лет — 7 и 1 — 73 лет (возраст четверых неизвестен). Но среди вернувшихся в европейскую Россию оказались 25 человек, проживших более 70 лет, в том числе до 70—79 лет — 13, до 80—89 лет — 11, а 1 (М. И. Муравьев-Апостол) прожил даже до 93 лет. К числу умерших в европейской России нами отнесены и такие, как князь Шаховской, сошедший с ума и вывезенный из Сибири в тюрьму Суздальского монастыря, где он и умер, или Горожанский, без судебного приговора проведенный 4 года в Петропавловской крепости и умерший душевнобольным в Соловецком монастыре. Умерли в больнице для душевнобольных П. Бестужев и Поливанов; много было психически больных среди декабристов-поселенцев¹.

Некоторые декабристы, как, например, Кюхельбекер, Горбачевский и еще двое-трое, остались и после манифеста 1856 года жить в Сибири — один за отсутствием материальных средств для переезда в Россию, другие — в силу того, что потеряли за эти долгие годы в России родных и обзавелись новой семьей на месте ссылки. Часть декабристов была принята на службу в разные канцелярии на мелкие должности еще в период их жизни на поселении. Вернувшиеся же в Россию уже стариками иногда находили в себе достаточно бодрости, чтобы вновь начать работу: многие занимались литературным трудом, другие выдвинулись в годы реформ на общественном поприще в разных выборных должностях, третьи заняли административные должности, в том числе даже и высшие.

Судя по литературной работе декабристов, они в большинстве своем остались верными мирозерцанию и настроениям их молодости². Ярче других был в этом отношении Лунин, письма которого принимали характер политических памфлетов и находили большое распространение по Сибири, пока их автор не попал в Акатуй. По поводу захваченных жандармами стихов декабриста Чижиова велось расследование. Но и то, что появи-

¹ См. Максимов, *Сибирь и каторга*, 1891.

² Резким исключением явилось покаянное прошение декабриста Фролова, найденное в III отделении после революции (журнал «Дела и дни» 1920 г., стр. 415).

лось из-под пера декабристов в легальной печати либерального и радикального направления, говорит, что каторга и ссылка не дали ни Николаю, ни его преемнику результатов, которые их удовлетворили бы. В этом отношении интересна судьба декабриста Завалишина, оставшегося после амнистии в Сибири; его общественно-литературная деятельность там и критика им местной власти вызвали в августе 1863 года повеление Александра II выслать Завалишина из Сибири во внутренние губернии для проживания там под «бдительным полицейским надзором». В том же августе жандармы Александра II везли Завалишина по той же дороге, по которой 37 лет назад его везли жандармы Николая I, в обратном направлении, но тоже в ссылку¹.

Печатная литература о декабристах очень велика. Архивные материалы о них, сделавшиеся доступными нам после Великой Октябрьской социалистической революции, огромны. Но криминалисты интересовались ими пока очень мало. Следует надеяться, что в наши дни дело о восстании декабристов станет предметом исследования историков права и криминалистов во всей его полноте.

§ 22. ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

Верным своей двуличной политике остался Николай I и в вопросе о поездке жен декабристов за их осужденными мужьями в Сибирь. Он тщательно скрывал свою истинную роль в этом деле, но архивные документы разоблачили его. И перед нами встает тот же самый тюремщик сибирской каторги, каким мы уже его знаем в отношении Петропавловской крепости.

Но в деле жен декабристов такая роль царя производит еще более отвратительное впечатление, так как она вырисовывается на общем ярком фоне смелого и героического поведения женщин, имена которых вписаны в историю рядом с именами их мужей.

Вписаны имена этих женщин не как участников заговора и восстания 14 декабря 1825 г. Ни одна из них не была членом тайных обществ; в то время русские женщины стояли еще далеко от участия в политической жизни.

Совершенный ими подвиг следования за мужьями на каторгу был вызван не политическими мотивами, а объяснялся чувством долга, любви и самопожертвования русских женщин.

¹ См. Кубалов, *Декабристы в Восточной Сибири*, Иркутск, 1925, стр. 185.

Но мы считаем неправильным общераспространенный взгляд, что ни одна из этих женщин не знала о готовившемся восстании.

Многолюдные и бурные собрания декабристов происходили также и в квартирах женатых членов общества. Мы знаем, что собрания происходили, например, в квартире Рылеева, в имении Давыдовых — Каменке, затягивались далеко за полночь, и надо думать, что хозяйки дома, жены декабристов, не могли не слышать бурных споров. Об этом находим прямое признание в воспоминаниях жены Анненкова. В ее записках, составленных уже после возвращения из Сибири, читаем: «К нему (т. е. к мужу. — М. Г.) собиралось много молодых людей; они обыкновенно просиживали далеко за полночь. Из разговоров их я узнала, наконец, что они участвовали в каком-то заговоре. Это меня так сильно встревожило, что я решила сказать о моих подозрениях мужу и умоляла его ничего не скрывать от меня. Тогда он сознался, что участвует в тайном обществе»¹. Точно так же и Волконская узнала от мужа об аресте Пестеля и сама помогала мужу сжигать в камине бумаги².

Из напечатанных А. И. Герценом за границей записок декабриста Николая Бестужева видно, что Рылеев сам осведомил навестившую его мать о своем участии в заговоре. Знала об этом и жена его. Решительное собрание перед 14 декабря происходило в квартире Рылеева. Жена умоляла его не идти на гибель и, прощаясь с ним перед его уходом на площадь упала без чувств³. Не участвуя в заговоре активно, но зная о нем в той или иной степени, жены декабристов становились, говоря юридическим термином, «недоносительницами» и «укрывательницами» важнейшего государственного преступления. Не привлеченные к ответственности вместе с мужьями жены разделили с ними тяжесть ссылки на каторгу и на поселение, шли рядом с ними на всем протяжении их тернистого пути.

Русская передовая общественность расценила эту добровольную каторгу как великий подвиг русской женщины. Но иначе расценивала свое добровольное следование за мужем в далекую Сибирь жена одного из декабристов — княгиня Волкон-

¹ «Воспоминания Полины Анненковой с приложением воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой», с предисл. и прим. С. Гессена и А. Предтеченского, изд. 2-е, 1932, стр. 72.

² См. «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (биографический очерк и прим. П. Е. Щеголева), книгоиздательство «Прометей», 1914, стр. 23.

³ См. А. И. Герцен, «Кондратий Рылеев и Николай Бестужев» — «Музей революции», сб. I, 1923, стр. 1—3 и 5.

ская. Она не видела в этом ничего особенного и указывала, что 5 тыс. русских женщин идут ежегодно за осужденными мужьями в ссылку на рудники и поселение. Это были жены крепостных крестьян и рабочих. Нельзя не признать, что эти скромные слова в устах аристократки звучат в высшей степени подкупающе. Она говорила их, уже пройдя бесконечно долгую и тяжелую житейскую школу каторги и поселения не только с декабристами, но и с представителями общеарестантской простонародной массы.

Но подвиг жен декабристов в противоположность распространенному мнению состоял не только в акте их самопожертвования для облегчения участи дорогого, любимого человека, но и в широком общественном значении, во-первых, самого факта следования за политическими врагами царя и, во-вторых, в их работе в местах ссылки. Из чувства любви и жалости к мужу их поступок вырастал в большое дело политического и широкого общественного значения.

В. Н. Фигнер писала: «Духовная красота остается красотой и в отдаленности времен, и обаятельный образ женщины второй четверти прошлого столетия сияет и теперь в немеркнувшем блеске прежних дней. Их лишения, утраты и нравственные страдания роднят их с нами, женщинами позднейших революционных поколений»¹.

Но нам кажется, что роднят не только эти страдания и утраты, а роднит и то политическое значение, которое, помимо желания и намерения самих жен декабристов, получил их подвиг следования за мужьями.

Царь прекрасно видел политическое значение такой добровольной ссылки жен в Сибирь вслед за «государственными преступниками». Повесив одних и сослав на каторгу, на поселение и в дальние сибирские гарнизоны других, царь совсем не был заинтересован в возбуждении общественного внимания к личности осужденных. Их должны были забыть, и чем скорее, тем лучше... Между тем каждый отъезд из столицы той или иной представительницы родовой аристократии к лишенному прав, состоянию каторжнику вновь возбуждал внимание к делу, сданному в архив, и воскрешал в памяти кровавые события воцарения императора. Добровольная смена этими женщинами их роскошных особняков и дворцов на остроги и лачуги бесконечно далекой и страшной Сибири, отказ от всего, что дала культура, — все это превращало добровольное изгнание в высший подвиг,

¹ В. Фигнер, Жены декабристов, «Каторга и ссылка» 1925 г. № 8/21 стр. 229.

в общественное событие, своего рода демонстрацию. И к необычным новым обитателям каторги протягивались невидимые нити сочувствия и симпатии.

Каждый такой отъезд женщины говорил царю: «Ты сделал все, чтобы как можно сильнее унижить осужденных, ты лишил их прав состояния, ты на площади перед полками содрал с них их офицерские мундиры и одел в арестантские халаты, ты заковал их в кандалы и отправил умирать в Сибирь. Но они остаются для нас прежними. Ты не достиг своих целей».

Известно, что когда Волконская, добравшись в Нерчинский острог, была допущена на первое свидание с мужем, она, прежде чем обнять его, встала на колени и поцеловала кандалы на ногах мужа. Этот поцелуй кандалам был ударом по самому царю, по всей системе его расправы с декабристами. А за спиной Волконской невидимо стояли не только родные, близкие и друзья декабристов, но и многие другие, сочувствовавшие им.

Отсюда идет начало создания царем всяких препятствий для получения разрешений на выезд жен к мужьям-декабристам.

Для осуществления своего совершенно законного права быть при сосланных мужьях жены декабристов были поставлены в несравненно худшее положение, чем те 5 тыс. женщин, жен уголовных, о которых говорила Волконская. Им приходилось хлопотать об этом разрешении от самого императора, а он ничем не брезговал, чтобы не дать такого разрешения. Все пускалось в ход, чтобы отговорить от задуманной поездки в Сибирь. Больше всего и прежде всего сам царь и шеф жандармов старались охладить пыл сердца рвавшихся в Сибирь женщин указаниями на холод, на невероятные трудности и опасности пути и жизни в самой ссылке. Царь проявлял большое упорство в таких попытках отклонить жен декабристов от использования их законного права следовать за мужьями и уступал не с первого раза, а под натиском неоднократных просьб и слез при личных обращениях к нему или через приближенных.

До нас дошел текст собственноручного письма царя к Волконской в ответ на ее просьбу о разрешении поехать к мужу. Из этого письма видно, что Волконская уже лично обращалась с такой же просьбой к царю и что он отговаривал ее от поездки. Предоставляя ей свободу действий, он еще раз зловеще напоминал о том, что ожидает ее в Иркутске и о чем он предупреждал ее. Письмо помечено 21 декабря 1826 г. К этому времени царь уже «высочайше утвердил» секретную инструкцию генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского об использовании всевозможных средств иркутским губернатором Цейдлером для возвращения из Иркутска тех жен декабристов, которым удастся

добраться туда¹. Ниже мы остановимся на этом чрезвычайно интересном документе, а пока напомним, что царь грозил Волконской тем, что ожидает ее за Иркутском.

Была разработана целая система затруднений и препятствий для выезда жен к мужьям. Все это бесстыдно прикрывалось якобы «заботами» о женах и детях. Одним из самых тяжелых препятствий было запрещение матерям брать с собой детей. Только одна из матерей, Якушкина, получила разрешение взять с собой двоих детей, но и это разрешение было затем отобрано, прежде чем Якушкина успела его осуществить. Оставшись при детях, она умерла, не дождавшись возвращения мужа из Сибири.

В создании сети препятствий к поездке женщин в Сибирь царь нашел себе союзников и помощников в лице некоторых родных этих женщин. Отговоры, застрашивание, угрозы проклятием — все пускалось в ход, и все преодолевалось женами декабристов.

Едва ли может возникнуть вопрос о том, что Николаю не было безразлично отношение общества к его мероприятиям вообще и относительно декабристов в частности. От тайного надзора не были избавлены даже и дамы высшего света. В одном из донесений секретных агентов, между прочим, названы фамилии двух дам, связанных с декабристами. Это были княгиня Волконская и графиня Коновницына, мать жены сосланного декабриста Нарышкина. Доносчик писал 9 августа 1826 г.: «Между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат сосредоточением для всех недовольных, и нет брани более той, какую они извергают на правительство и его слуг»².

Этот донос поступил менее чем через месяц после казни декабристов, через три недели после отправки на каторгу первых 8 человек. Невольно возникает вопрос, не были ли эти «дамские частные кружки» порождением недовольства расправой с декабристами.

С этой точки зрения очень показательными являются те проводы, которые были устроены при проезде Марии Волконской через Москву на пути в Сибирь. Невестка Волконской устроила в честь ее прощальный вечер, на который собралась

¹ См. «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (биографический очерк и прим. П. Е. Щеголева), 1914, стр. 41.

² «Русская старина», 1881, сентябрь (цитировано по статье Щеголева из научно-литературного сборника «К свету», под ред. Летковой и Батюшкова, 1904, стр. 501).

интеллигенция Москвы, лучшие артистические силы и такие представители литературного мира, как А. С. Пушкин и поэт Д. В. Веневитинов. Артисты пели и играли для Волконской свои лучшие номера. Такие проводы являлись демонстративным выражением глубокого сочувствия к женам декабристов и к самим декабристам. Доказательством этого служит выраженное Пушкиным Волконской желание передать через нее «Послание узникам» для вручения его декабристам. Но Волконская уехала в эту же ночь, и потому Пушкин переслал эти стихи через Муравьеву, которая поехала в Сибирь немного позднее. Мы воспроизводим эти стихи как показатель отношения к декабристам не только Пушкина но и передовой интеллигенции того времени:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастно верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы,
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

Мы подчеркиваем, что Пушкин не останавливался перед секретной пересылкой этих революционных стихов через жен декабристов. Когда Пушкин пишет в этих стихах: «Любовь и дружество до вас дойдут сквозь мрачные затворы», он, думается, имел в виду и самих жен декабристов. Во всяком случае, Волконская, приводящая в своих записках целиком стихотворение Пушкина «Послание к узникам», отмечает «самое искреннее восхищение поэта перед поступком жен декабристов».

Та же Волконская помещает в своих воспоминаниях и ответ декабриста Одоевского Пушкину¹. Ответ Одоевского, интересный сам по себе как показатель настроений декабристов в Сибири, приобретает для нас еще и другой интерес, поскольку его воспроизводит в своих воспоминаниях жена декабриста уже после 30 лет ссылки. Этот факт для нас — показатель настрое-

¹ См. «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (биографический очерк и примечания П. Е. Щеголева), 1914, стр. 63.

ний и чувств также и жен декабристов: несомненно, что для них политика стала не чуждым делом. Вот эти стихи Одоевского:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард, цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обет святой пребудет с нами.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Получили разрешение поехать к сосланным декабристам всего 14 женщин. На каторгу уехали десять жен и одна невеста, а на поселение — одна мать и две сестры.

Интересен такой вопрос: какое количество из осужденных декабристов были к моменту ареста женатыми, и была ли поездка жен за ними на каторгу и на поселение явлением общим или редким. Для ответа на этот вопрос мы просмотрели биографии всех осужденных декабристов и таким путем выяснили, что среди декабристов женатых было лишь 18 человек. Это неудивительно, так как возраст самих осужденных был, как мы знаем, очень молодым: у 36 он был даже менее 24 лет. Напоминаем, что у жены Якушкина данное ей разрешение было отнято, а жену Иосифа Поджио лишили возможности уехать в Сибирь, заточив мужа секретно в Шлиссельбургскую крепость.

Таким образом, поездка жен за мужьями была явлением общего порядка.

Свои отъезды в Сибирь эти женщины совершили в период 1826—1830 гг., за исключением сестры Бестужевых, которая поехала к ним уже на поселение в 1847 году.

Нам известны следующие имена этих женщин: Трубецкая Екатерина Ивановна, Волконская Мария Николаевна, Муравьева Александра Григорьевна, Нарышкина Елизавета Петровна, Фон-Визин Наталья Дмитриевна, Розен Анна Васильевна, Анненкова Прасковья Егоровна, Ивашева Камила Петровна, Юшневская Мария Казимировна, Давыдова Александра Ивановна, Янтальцева Александра Васильевна, Бестужева Елена Александровна.

Возраст отъезжавших в Сибирь женщин был большей частью совсем молодой: одна была всего 21 года (Волконская), одна — 22 лет (Ивашева), две имели по 23 года, четыре были в возрасте 25—27 лет и четыре в возрасте около 40 лет.

Среди этих женщин были две природные француженки, родившиеся во Франции (Анненкова, урожденная Полина Гебль, и Ивашева, урожденная Ле-Дантю), одна имела отца-француза (княгиня Трубецкая, урожденная графиня Лаваль — дочь французского эмигранта) и одна — полячка (Юшневская Мария Казимировна).

Создавая всевозможные препятствия к отъезду жен декабристов к их мужьям, царь ставил условием такого отъезда оставление детей в европейской России. Может быть, из всех препятствий это было самое трудное и, конечно, самое жестокое. Шести женам пришлось пережить муки расставания с детьми. Эти 6 женщин оставляли 13 маленьких детей. Царь запрещал брать детей в Сибирь под предлогом заботы об их жизни и здоровье, но несколько из них в европейской России очень скоро умерли, и все они должны были расти без ласки и забот отца и матери. Если пагубно отражался на их здоровье отъезд матерей в Сибирь, то еще пагубнее отражались на жизни детей, родившихся в Сибири, условия каторги и поселения. Здесь почти каждая мать переживала горе утраты своих детей, умиравших в очень раннем возрасте. Так, по нашим изысканиям, у 7 матерей умерло 22 ребенка. Что же касается «забот» царя о детях, то его нисколько не смущала возможность проживания жен и детей вместе с декабристами в совершенно темных камерах Петровского острога, устроенных совсем без окон, и страшно сырых, а между тем, план этой «темницы», как уже известно, был утвержден самим Николаем. Если дети не попали в этот острог, то не по милости царя, а благодаря коменданту острога.

Не представляется надобности останавливаться на описании безмерных тягостей переезда в Сибирь. Надо признать, что только героические усилия и неиссякаемая энергия этих женщин дали им силу преодолеть расстояние в 7 тыс. верст и притом в зимние вьюги, стужу, при ужасном состоянии перевозочных средств и путей сообщения. А они мчались туда почти без остановок, как на крыльях. Волконская описывает, что она ехала, не останавливаясь ни днем, ни ночью, не вылезая из кибитки. Но в Иркутске их ждала принудительная остановка. Это был тот самый Иркутск, о котором так многозначительно предупреждал Волконскую царь, отговаривая ее от поездки. Однако все тягости новых испытаний в Иркутске обрушились сильнее всего на первую из приехавших сюда женщин — княгиню Трубецкую.

В поэме Некрасова «Русские женщины» имеется много строк, в которых очень ярко обрисована гнусная роль иркутского

губернатора, убеждающего Трубецкую вернуться обратно в Россию и не ехать к мужу. Он не останавливается ни перед чем: просит, убеждает, прибегает ко всяким проволочкам, но Трубецкая остается непреклонной в своем решении и выходит победительницей в этой неравной борьбе, в которой на стороне губернатора сам царь. В настоящее время доказано, что иркутский губернатор (Цейдлер) действовал весьма гнусно, в точности исполняя «высочайшую волю». В данном случае, закон был не на стороне царя, но правительство не постеснялось изменить его в отношении жен декабристов особым секретным предписанием. Это предписание, одобренное царем, было отослано из Москвы 1 сентября 1826 г., оно не содержало указания на «высочайшее» утверждение и, в целях еще большей маскировки, шло от имени генерал-губернатора Восточной Сибири. Документ этот настолько циничен, что такая маскировка «высочайшей воли» вполне понятна¹.

Основное содержание предписания сводится к совершенно прозрачному приказу — не останавливаться ни перед какими мерами, добываясь отказа жен декабристов от дальнейшего следования в Нерчинские рудники. Рекомендуются принимать меры, явно противозаконные, под видом забот об интересах самих женщин: «Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всей тщательностью, с каким пожертвованием сопрягается таковое их преднамерение, и стараться сколько возможно от оного предотвратить».

В качестве мер «внушения» рекомендовалось указывать, что эти женщины, следуя за мужьями, потеряют прежнее звание и будут признаваться лишь «женами ссыльнокаторжных», а прижитые в Сибири дети будут зачислены в «казенные крестьяне», что «ни денежных сумм, ни драгоценных вещей не будет дозволено взять с собою». Рекомендовалось не останавливаться перед прямою ложью и указывать, «хотя бы мнимо, на недостаток транспортных судов» для переезда через Байкал; предписывалось принимать «и прочие тому подобные учтивые отклонения»... «но, если окажутся в числе жен непреклонные в своих намерениях... переменить совершенно ваше с ними отношение и принять в отношении к ним, как женам ссыльнокаторжных, тон начальника губернии, соблюдающего строго свои обязанности».

Все жены оказались «непреклонными». У них производили обыски, с них брали тягостные подписки, которые они подписывали, не читая, и совершенно меняли «тон» обращения. Иркутский губернатор, например, ездил к Волконской сам и убеждал

¹ См. Щеголев, Исторические этюды, изд. 2-е, 1913, стр. 414—417.

ее отказаться от поездки, а когда она осталась «непреклонной» и пришла к нему за подорожной, он не пустил ее далее своей прихожей. В силу «подписки», текст которой содержал совершенно незаконные требования, жена декабриста становилась бесправной поднадзорной, стесненной и в праве передвижения, и переписке, и в праве распоряжения своими деньгами и имуществом. Вот некоторые пункты «подписки»:

«...3. Не должна никому писать и отправлять моих писем и других бумаг иначе, как только через коменданта.

4. Из числа вещей, при мне находящихся, и конх регистр имеется у коменданта, я не вправе, без ведома его, продавать их, дарить кому или уничтожать. Деньгам же моим собственным обязуюсь вести приходо-расходную книгу. В случае востребования г. комендантом, оную немедленно ему представлять.

...8. Не должна я сама никуда отлучаться от места, где пребывание мое будет, а равно и посылать куда-нибудь слуг моих по произволу моему без ведома коменданта»¹.

Эти требования, предъявленные к женам декабристов, ставили их в такое положение, как будто они сами были лишены всех прав состояния и приговорены к каторге. Для жен, последовавших за уголовными, таких ограничений не существовало. Но для жен декабристов было уготовлено еще и другое, еще более тяжкое беззаконие. В силу ст. 231 Устава о ссыльных 1822 года жены ссыльных имели беспрепятственное право возвращения к своим родным: «Женщины, по собственной воле пришедшие, в случае смерти мужа, имеют свободу вступать в брак с кем пожелают, с ведома местного начальства, остановиться там, где признают за лучшее, или возвратиться к своим родственникам без всякого препятствия». Этот текст ясен и не делает никаких исключений. Но у жен декабристов право возврата на родину было отнято; сам царь создал им непреодолимые препятствия. Вдовы декабристов, несмотря на их просьбы, всегда получали решительный отпор при всякой их попытке возвращения обратно и продолжали владеть одинокое существование в Сибири и после того, как похоронили там мужей.

Щеголев приводит интересное сообщение о затребованном «по высочайшему повелению» мнении министерства юстиции относительно права жен декабристов брать с собой детей при переезде в Сибирь к ссыльным мужьям и о праве этих же жен навещать мужей, не оставаясь там навсегда². Министр юстиции полагал, что брать с собой детей могут лишь крестьяне. Что же

касается дворянских детей, «то сие постановление не может быть на них распространено по тому уважению, что дети сии, принадлежа к высшему сословию в государстве, должны получить приличное роду их образование... отцы же, находясь в ссылке, не только лишены способов дать им воспитание, но еще могут подать им пример худой нравственности». Не говоря уже о том, что правительство брало на себя заботу оберегать только дворянских детей от «примеров худой нравственности», оно в данном случае ставило членов своего привилегированного сословия в худшее положение, чем крепостных крестьян. Здесь противозаконно, из политических соображений наступало поражение родительских прав неосужденной матери.

Министр юстиции (конечно, под диктовку Николая) ограничительно истолковывал возможности временных поездок в Сибирь жен декабристов и при разрешении второго указанного вопроса. Было разъяснено, что закон знает право жены следовать за мужем в ссылку навсегда, а не право временных пребываний при нем. Царь на этом разъяснении написал: «Согласен». Между тем, казалось бы, что если закон разрешает переезд навсегда, то тем более следует считать законным временные посещения женами их мужей.

В 1833 году царь, не считаясь с мнениями, высказанными министерством юстиции, Сенатом и комитетом министров, повелел разъяснить, что жены государственных преступников, не теряя прав наследования, не имеют права свободного распоряжения наследственным имуществом, пока находятся при мужьях. Вместе с тем было разъяснено (на этот раз уже не секретно, а совершенно официально), что жены декабристов и после смерти их мужей не имеют права возвращаться в европейскую Россию без «высочайшего» разрешения.

В стремлении создать для жен декабристов препятствия к их переезду в Сибирь царь, крепостник и «первый помещик», оказался «либералом» и «освободителем» для тех крепостных, которых брали с собой в дорогу жены декабристов. Со времени подписания в Иркутске женами декабристов их обязательств они теряли права на своих крепостных, которые получали свободу выбора — ехать или не ехать далее со своими господами.

В Иркутске женам декабристов наносились заранее подготовленные сокрушающие удары. Женщины не поддавались, насколько не сгибаясь под этими ударами. Но наступали моменты, когда силы им изменяли. Это были моменты их встречи с мужьями.

Когда Анненкова увидела мужа, бывшего блестящего кавалергардского офицера, в старом тулупе, с рваной подкладкой,

¹ «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (биографический очерк и примечания П. Е. Щеголева), 1914, стр. 69.

² См. Щеголев, Исторические этюды, изд. 2-е, 1913, стр. 420—421.

под конвоем солдат, и бросилась к нему, а солдат схватил Анненкова за грудь и отбросил его назад, — она не выдержала и лишилась чувств. Когда Трубецкая увидела впервые в расщелину острожного тына мужа в кандалах, в оборванном и грязном тулупчике, подпоясанном веревкой, с изменившимся лицом, обросшего волосами, она упала в обморок.

После минут слабости снова быстро приходили силы. А сил приходилось расходовать очень много. Трубецкая и Волконская на рудниках в Благодатском поселились в такой маленькой избушке, что, ложась на разостланном на полу матраце, они упирались головами в стену, а ногами в дверь. В окнах вместо стекол была вставлена слюда, а печь так дымила, что ее нельзя было топить. В первые месяцы связь с родными в Петербурге не была налажена, и приходилось страдать не только от холода, но и от голода; ели сами квас и хлеб, стараясь подкормить мужей.

Тут же в Благодатском и началась общественная работа Волконской и Трубецкой. Эта работа началась с первого же дня прибытия в Благодатское и притом сразу же с нарушения запретов администрации и собственноручно подписанных всяческих обязательств. Нисколько не считаясь с запретами, Волконская смело проникла в подземелье рудника, где работали декабристы, и, несмотря на окрики офицера, добежала до работавших там осужденных, передала им привезенные с собой письма. Декабрист Муравьев не без остроумия назвал этот спуск Волконской в рудник «сошествием в ад».

Так началась жизнь жен декабристов. Здесь в руднике их было всего две. Но как они, так и жены, прибывшие прямо в Читу, несли облегчение участи не только своих мужей, но и всех остальных декабристов. Так как самим осужденным было запрещено писать к родным, то приехавшие жены распределили между собой всех заключенных и стали писать о них к своим родным, а те передавали известия по назначению. Приехавшие женщины взяли в свои руки и все дело материальной и культурной помощи декабристам.

В Читинском остроге, где в сентябре 1827 года были собраны все каторжане-декабристы, и в Петровском, куда они были переведены в 1830 году, на имя жен декабристов получались газеты и журналы, даже и иностранные.

Такие состоятельные жены декабристов, как Муравьева, пренебрегая взятыми с них «подписками», получали от своих родных не только съестные продукты, но иногда и очень большие денежные средства, далеко превышавшие указанный царем для декабристов прожиточный минимум.

Некоторые из жен декабристов были физически не настолько сильны и здоровы, чтобы вполне акклиматизироваться в суровой Сибири. Менее всего оказались для этого способными рождавшиеся дети (мы уже знаем, что 7 матерей потеряли здесь 22 детей). Рано умерла Муравьева, простудившаяся при беготне из тюрьмы мужа на квартиру к детям. Она умирала также мужественно, как мужественно прожила годы ссылки жизни: в самые последние часы успокаивала и утешала мужа, продиктовала прощальное письмо родным, не захотела прощаться со своей маленькой дочерью, чтобы не разбудить ее. Она умерла в 1832 году, и к ней относятся строки Некрасова:

Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу.

Ни один декабрист не уезжал из Петровского острога, не простившись с этой дорогой для них могилой. На поселении умерли еще две жены (в 1839 году — Ивашева, 31 году от роду, и в 1854 году — Трубецкая). Три жены овдовели в Сибири; им было разрешено вернуться обратно лишь после общего помилования в 1856 году. Две жены последовали за мужьями из Сибири на Кавказ (Розен и Нарышкина), и три вернулись с мужьями после амнистии 1856 года (Волконская, Анненкова и Фон-Визин)¹.

Они вернулись политически более сознательными. Указания на это находим, например, в записках Волконской, которые она заканчивает словами о том, что «нельзя поднимать знамя свободы, не имея за собой сочувствия ни солдат, ни народа». Она писала это в те годы, когда, говоря словами Ленина, дворянский период в истории революционного движения сменялся разночинским, или буржуазно-демократическим. В этот период на арене революционной борьбы за свободу впервые выступает самостоятельно как равноправная и активная участница и женщина, рука об руку с товарищем-мужчиной идущая и в тюрьму, и на каторгу, и на эшафот.

¹ См. Н. И. Лорер, Записки декабриста (с комментариями М. В. Нечкиной), М., 1931.

Глава четвертая

ПЕТРАШЕВЦЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ, НА СУДЕ И В ТЮРЬМАХ

§ 23. ПЕТРАШЕВЦЫ

В 1825—1826 гг. казематы Петропавловской крепости были заполнены декабристами. В 1849 году те же казематы царизм заполнил новыми политическими борцами. Декабристы еще продолжали томиться в сибирской ссылке, а на арену борьбы с самодержавием пришла им молодая смена. Правительственное сообщение называло эту смену пренебрежительно «горстью ничтожных молодых людей», но действия, предпринятые всем аппаратом самодержавия для ликвидации этой «горсти», показывали, что эти «молодые люди» представляли собой опасную для царизма силу. В противоположность вооруженным декабристам они были безоружны, но страшны царизму своими революционно-демократическими идеями.

Среди них были не только представители узкой дворянской касты, но и разночинцы, интеллигенты. Никем еще ранее в России не обличалась с такой силой вопиющая разница в положении имущего и неимущего класса, как преемниками и продолжателями дела декабристов — петрашевцами. Один из них, Момбелли, писал в своих записках: «Что видим мы в России? Десятки миллионов страдают, тяготеют жизнью, лишены прав человеческих или ради плебейского происхождения своего, или

ради ничтожности общественного положения своего, или по недостатку средств существования, зато в то же время небольшая каста привилегированных счастливых, нахально смеясь над бедствиями ближних, истощается в изобретении роскошных проявлений мелочного тщеславия и низкого разврата, покрытого утонченной роскошью»¹.

Другой член кружка Петрашевского, Ахшарумов, на обеде, устроенном в память Фурье, горячими последователями учения которого петрашевцы являлись, говорил товарищам: «И рухнет и развалится все это дряхлое, громадное вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело». Оратор далее говорил о столице «безобразной, громадной, о чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом...» Он провозглашал: «Всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша».

В записной книжке Ахшарумова жандармы на первой же странице нашли перечисление того, о чем намеревался писать владелец этой книжки: «О невозможности улучшения человечества доселе принятыми средствами, религиею и ее предписываемыми правилами, проповедями священников, устройством суда и законов и о крайней необходимости изменить все, переделать во всех основаниях общество и всю нашу глупую, бестолковую и пустую жизнь; об уничтожении семейной жизни, труда, собственности в таком виде, как они теперь, государства никуда не годного с его министрами и государями и их вечной и бесполезной политикой, об уничтожении законов, войны, войска, городов и столиц, в которых люди тяготеют и не перестают страдать, проводят жизнь в одних мучениях и умирают в отвратительных болезнях»².

Все эти идеи волновали не одного Ахшарумова. Они напугали правительство Николая I. Но опасны они были не в тот момент, когда их провозглашали на собраниях своего кружка последователи социалиста-утописта Фурье. Их опасность для царизма лежала в будущем их распространении и в развитии их в научный социализм. Залогом этого будущего развития был только что перед этим опубликованный Коммунистический манифест 1848 года.

¹ «Дело петрашевцев», т. 1, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937; см. также В. Лейкина, Петрашевцы (М., 1924), В. И. Семевский, М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы (ч. I, М., 1922).

² Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний (1849—1851 гг.), со вступительной статьей Семевского, СПб., 1905, стр. VI.

Большинство членов кружка Петрашевского было далеко от революционных методов борьбы, хотя некоторые из них и мечтали о революции. На своих собраниях петрашевцы говорили свободно и смело, царя Николая I они называли богдыханом, а слова «действительный статский советник» (чин штатского генерала) употребляли вместо слова «дурак». Говорили о тяготах крепостного права, о цензуре, о свободе печати, о гласном суде. Этого было достаточно для создания жандармами политического процесса. Главный обвиняемый Бутаевич-Петрашевский в показаниях перед властями не особенно стеснялся в выражениях, характеризуя положение в России, но подчеркивал, что увлекавшая его теория Фурье не революционная. Он говорил: «Злоупотребления судебные и административные велики — это известно всякому, так что в устах народа стало значить слово чиновник почти то же, что мошенник или грабитель — официально признанный вор». Но теория Фурье есть лишь философская система, и ему, обвиняемому, не известны законы, запрещающие заниматься изучением философии. Он добавлял: «Отвечая на эту статью обвинения, скажешь: «Ну, можно ли после этого наукам процветать в России?» — и спросишь себя: «Неужели ты в Европе принадлежишь к кавказскому племени и живешь в середине XIX века?» Это обвинение в нашем веке чуднее обвинения в прежние времена всякого занимающегося естественными науками — в чернокнижии, волшебстве»¹.

Бутаевич-Петрашевский разошелся с правительством и судом в оценке возможности заниматься в России изучением философских систем социального переустройства. На нем и на его товарищах по процессу вполне оправдались те слова Рихелье, которые Петрашевский приводил царским следователям: «Напишите семь слов каких хотите, и я из этого выведу вам уголовный процесс, который должен кончиться смертной казнью».

Процесс петрашевцев закончился приговором военного суда в отношении 21 человека из обвиняемых к смертной казни, хотя и не приведенной в исполнение (она была отменена лишь на эшафоте).

§ 24. ПЕТРАШЕВЦЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Тайные агенты III отделения уже давно следили за членами кружка и даже проникали на собрания, где, впрочем, конспиративности почти и не было. Когда было признано, что материала

¹ «Дело петрашевцев», т. I, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937.

подобрано достаточно, произошли обыски и аресты нескольких десятков человек петербургской интеллигенции (в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г.).

Набег жандармов был совершен в буквальном смысле слова с благословения самого Николая I. Получив соответствующее донесение шефа жандармов, царь в письменной резолюции признал дело важным, выразил пожелание, чтобы аресты и обыски не получили огласки, и закончил резолюцию знаменательными словами: «С богом, да будет воля его»¹. Ближайший исполнитель царской воли — граф Орлов, вторя царю в своем письме к руководителю ночного похода Дубельту, призывал тоже имя божие: «Дай бог во всем успеха». Ближайший же успех «крестового похода» на интеллигенцию зависел от того, насколько сыщики, доносчики и провокаторы успели все подсмотреть, подслушать, уловить. Но здесь уже по давнему опыту было известно, что чем больше захватить людей, хотя бы и совсем не причастных к делу, тем лучше и тем выше будет награда за услуги и за старания. Агенты слежки занесли в свои списки 232 человека. Руководитель сыска Липранди, передал следственной комиссии четыре списка обреченных. Позднее следственная комиссия составила алфавитный список 252 человек (кроме арестованных), фамилии которых упоминались во время производства дела. В отношении каждого из внесенных в этот список наводились справки, делались заметки. Жандармский размах оказался слишком широким, и при всем старании следственной комиссии и суда пришлось этот список сокращать. В заседании 20 июля 1849 г. был рассмотрен список уже лишь 185 лиц, из которых в группу посетителей кружка Петрашевского и более активных лиц было отнесено 72 человека. Относительно других 25 человек был признан необходимым дополнительный допрос; относительно 55 человек было установлено, что они не посещали собраний; шестеро уже умерли или отбывали наказание по другим делам.

Образчиком приказа о производстве обыска и ареста является нижеследующий документ из архивного дела петрашевца писателя Ф. М. Достоевского. Предписание помечено 22 апреля 1849 г., подписано графом Орловым и адресовано на имя майора жандармского дивизиона Чудинова:

«По высочайшему повелению предписываю вашему высокоблагородию завтра в 4 часа пополудни арестовать отставного инженера-поручика и литератора Федора Михайловича Достоевского, живущего на углу Малой Морской и Вознесенского

¹ «К истории дела Петрашевского», «Былое» 1906 г. № 2, стр. 247.

проспекта, в доме Шилия, в 3-м этаже, в квартире Бремера, опечатать все его бумаги и книги и оные вместе с Достоевским доставить в III отделение соб. его импер. вел. канцелярии»¹.

Из общего числа петрашевцев 43 человека были заключены в казематы Петербургской крепости. В архивном деле III отделения даны сведения о фамилиях арестованных, о времени их заключения в крепость и месте заточения внутри крепости. Так как список этот не появлялся в печати, то воспроизводим здесь его содержание.

В Алексеевский равелин были направлены 23 апреля 1849 г.: титулярный советник Бутаевич-Петрашевский (каземат № 1), надворный советник Баласогло (№ 10), коллежский асессор Дуров (№ 16), капитан Кузьмин (№ 4), учитель Толь (№ 2), титулярный советник Головинский (№ 17), учитель Белецкий (№ 7), студент Филиппов (№ 8), отставной инженер-поручик писатель Ф. М. Достоевский (№ 9), мещанин Григорьев (№ 14), вольнослушатель Катенев (№ 11), студент Толстов (№ 15), титулярный советник Ястржемский (№ 12).

В Трубецкой бастион были заключены (также 23 апреля, кроме одного Европеуса, посаженного туда 7 мая) в каземат № 2: надворный советник Чириков (камера № 1), титулярный советник Кашкин (№ 2), ученик восточных языков Ахшарумов (№ 3), коллежский секретарь Щелков (№ 4), художник Бернардский (№ 5), вольнослушатель Модерский (№ 6), коллежский советник Дебу 1-й (№ 7).

В бастион Зотова заключены 23 апреля: губернский секретарь Достоевский (каземат № 1), художник Берестов (№ 2), коллежский асессор Ольдекоп (№ 3); а 24 апреля — коллежский асессор Серебряков (№ 5), отставной капитан Тимковский (№ 6).

В Никольскую куртину посажены 23 апреля: губернский секретарь Ламанский (камера № 1), чиновник 9-го класса Кайданов (№ 3), штабс-капитан Кузьмин (№ 4), студент Данилевский (№ 5), губернский секретарь Дебу 2-й (№ 6), поручик Момбелли (№ 7), поручик Григорьев (№ 9), подпоручик Пальм (№ 10), штабс-капитан Кропотов (№ 13), студент Утин (№ 14), помещик Спешнев (№ 15), сын коллежского советника Деев (№ 16); а 25 апреля — кандидат наук Михайлов (№ 12) и 29 апреля — репетитор химии Львов (в каземат № 2).

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения. 1 эксп., № 214. Донесения по делу о Бутаевиче-Петрашевском и его соучастниках. Часть 13 — «Об инженер-поручике Достоевском».

В куртине между бастионами Трубецкого и Екатерины I были посажены 2 мая студент Ханыков (№ 4), литератор Плещеев (№ 5) и 6 мая отставной подпоручик Достоевский М. М. (№ 7)¹.

Некоторые из арестованных были освобождены довольно быстро, в том числе оба брата писателя Достоевского. Весь процесс закончился публичным исполнением приговора 22 декабря 1849 г. Таким образом, заключенные провели в Петропавловской крепости восемь месяцев.

Мы имели основание надеяться найти значительные материалы в воспоминаниях петрашевцев о их пребывании в Петропавловской крепости и в других местах лишения свободы после приведения в исполнение над ними жестокого приговора суда. Основанием для таких ожиданий служило значительное число литераторов среди петрашевцев. Таковыми были: Бутаевич-Петрашевский, Федор Достоевский, поэт Плещеев, литератор Пальм; поэт и переводчик, сотрудник журналов «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и др. Сергей Дуров. Все они были приговорены к смертной казни, замененной другими наказаниями. Кроме того, побывали в местах лишения свободы известный автор исторических романов Григорий Данилевский и литератор и переводчик, сотрудник «Отечественных записок» Михаил Достоевский. Подвергались допросу по этому делу и ранее сосланные за свои литературные произведения поэт Аполлон Майков, сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин и др. Ни в одном политическом процессе не было замешано столько литераторов, как в этом. Однако описаний о пребывании их в Петропавловской крепости очень мало. Только Ф. М. Достоевский за всех своих товарищей по перу расплатился с царским правительством своими «Записками из мертвого дома». Если он с товарищами был выставлен на эшафот на час, то в «Записках из мертвого дома» он выставил на вечные времена к позорному столбу хозяев бесчисленных мертвых домов России.

Подробнее других описал пребывание в Петропавловской крепости Ахшарумов, также приговоренный к смертной казни, замененной заключением в арестантские роты инженерного ведомства.

Ахшарумов был доставлен первоначально, как это можно видеть из архивного дела, в каземат № 3 Трубецкого бастиона. Воспроизвожу его описание, ценное для нас как показатель состояния Петропавловской крепости в конце 40-х годов.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., № 46, «Об арестантах С.-Петербургской крепости».

Доставленный сюда ночью, он был переодет в изорванный халат серого солдатского сукна. «В комнате,— вспоминает он,— было одно окно большое. Когда я увидел при дневном свете мое новое жилище, глазам моим предстала маленькая грязная комната; она была узкая, длиною сажени $2\frac{1}{2}$ или менее, шириною сажени $1\frac{1}{2}$, с высоким потолком; стены, оштукатуренные известью, давно потерявшей свой белый цвет. Они были испачканы повсюду пальцем человека, не имевшего бумаги для обыкновенного употребления. С одной стороны было окно, очень большое (сравнительно с величиной комнаты), с мелкими клетками стекол, покрашенное все до верхнего ряда белою пожелтевшею масляною краскою. Верхний ряд стекол один только был не покрашен и оканчивался с правой стороны форточкою, величиною в три четверти листа писчей бумаги. За окном была железная решетка. С противоположной окну стороны дверь, массивная, окованная железом, и большое грязное зеркало изразцовой печи, затопляющейся снаружи. В комнате кроме кровати были стол, табуретка и ящик с крышкой; на площадке окна стояла кружка и догоревшая уже плошка».

Из этой камеры Ахшарумов был переведен в другую, более просторную, чем первая, с двумя окнами и сводчатым потолком. На этом не закончились его странствования по казематам крепости: его перевели в какую-то третью камеру. Она помещалась в узком коридоре, где камеры шли по обеим сторонам его. Коридор этот был более узкий, длинный и темный, чем в предыдущих помещениях. Новая его камера была «как зал», и он даже не думал, что такие «обитатели» существовали в царстве коменданта Набокова. Она была вдвое длиннее его последней кельи и шире ее, с двумя большими окнами, с форточкой в одном из них. Окна выходили на площадь, и мимо них проходили люди. В таком помещении, так приятно поразившем Ахшарумова, оказалось такое великое множество тараканов, какого он никогда ни ранее, ни позднее за всю свою жизнь не видал. Если вспомнить, что обилие тараканов поражало и декабристов, то придется признать, что истекшая четверть века не принесла санитарного улучшения казематов. Тараканы здесь были такими же постоянными обитателями, как и узники.

Не произошло за 25 лет, по-видимому, существенных изменений и в режиме заключенных. Все та же безмолствовавшая стража. Все так же заключенные страдали от безделья, получая для развлечения по-прежнему в первую очередь библию, а потом — разрозненные журналы. Все так же до суда их безвыходно держали в камерах, не допуская прогулок. О пище Ахшарумов ограничился замечаниями, что выдававшийся ему перво-

начально солдатский паек затем был заменен офицерским. Сам Ахшарумов был того мнения, что для узника, целиком поглощенного переживаниями темницы, пища так же мало значит, как для индийского брамина или дервиша. Зато его очень волновала невозможность общения с людьми. В первой же камере он сделал попытку разговора через форточку с другими заключенными и был за это вызван начальством, которое пригрозило ему забить у него форточку или упрятать в другой каземат, где ему будет не до разговоров. Но влечение к общению было непоборимо, и узнику в его третьей камере удавалось выбрасывать через форточку записки; он завязал сношения с родственниками — им была передана выброшенная записка, и они начали прохаживаться под окнами. Должно быть Ахшарумов содержался в этот раз в наименее строгих условиях. Тут ему были позволены свидания, разрешено было доставлять ему даже вино и фрукты. Как будто оба перемещения Ахшарумова в другие казематы сопровождалось некоторым улучшением условий его содержания. Впрочем, он отметил улучшения уже во время пребывания в первой камере, где ему выдали постельное и носильное белье более хорошего качества, чем вначале.

Общим бедствием для заключенных Петербургской крепости и в год пребывания там петрашевцев оставалось отсутствие книг. Семевский приводит по этому поводу размышление Кузьмина из его неопубликованных рукописей:

«Времени, следовательно, было в избытке, чтобы проникнуться всем нерасположением к безобразному порядку вещей, при котором могут хватать людей, ни в чем не повинных, населить ими казематы северной Бастилии, подвергнуть их одиночному заключению с прекращением всякого общения с внешним миром, одев в арестантскую сермягу, питая гадостью; одним словом, подвергнув заточению без суда и даже без всякой проверки, существуют ли хоть какие-нибудь данные для обвинения в таких тяжких преступлениях, которые подвергали бы заточению... Сознание совершенного бессилия против такого самоуправства, убеждение в том, что ежели захотят, то могут выбросить в Неву с камнем на шее или без камня, придушив предварительно, весьма естественно, заставляли подумывать, какой предпринять образ действия в случае допроса»¹.

Неизвестно, насколько условия содержания в Никольской куртине и Трубецком бастионе, описанные Ахшарумовым и

¹ В. И. Семевский. М. В. Бугаевич-Петрашевский и петрашевцы, 1922, стр. 47. Рукопись Кузьмина находится в бумагах Шильдера в рукописном отделе Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Кузьминым, были сходны с условиями содержания петрашевцев в других местах крепости.

В то время, как в Трубецком бастионе по архивному списку содержалось 7 петрашевцев, в отдельных казематах Никольской куртины было размещено их вдвое больше — 14 человек. Подробное описание камеры в Никольской куртине оставил Кузьмин: «Каземат состоял из большой комнаты в два окна, сделанные в стене почти саженной толщины; амбразуры окон в середине своей глубины имели железные решетки из дюймовых брусков и двойные рамы с мелким переплетом, замазанным грязно-белою краскою до половины верхних клеток, остальная часть была матовая от нечистоты; в одной из верхних клеток одного окна сделана форточка. Посредине комнаты — деревянная кровать, стол и табурет, в углу — деревянный ящик. Толстая дверь, отворяющаяся внутрь номера, покрыта листовым железом, окаймлена и перекрещена по диагоналям железом; в середине двери — небольшое четырехугольное окошечко со стеклом, завешанным со стороны коридора грязною тряпкою». Дверь камеры запиралась внутренним и висячим замками.

Кузьмин дал описание и других подробностей своего пребывания в Никольской куртине: «Мороз подирает по коже, когда вспоминаю впечатление, испытанное мною при переодевании в арестантское платье: рубашка из толстого холста, чуть ли не подкладочного или торбочного; вместо нижнего белья — широкие мешки, холщевые же, или, точнее сказать, состоящие из нескольких слоев заплат; мешки эти заменяли и чулки, но так как они были весьма широки и подвязок не было, то надобно было скручивать край и затыкать, чтобы мешки не сваливались; подштанников не полагалось. Обувь довершалась войлочными туфлями без задников, туфли старые и огромных размеров. Халат из толстого солдатского, шинельного сукна, совершенно старый, пожелтевший, с засохшими на нем пятнами... На кровати — соломенный матрац и подушка из торбочного холста, без простыни и наволочки, покрытый одеялом такого же материала, как халат, и такой же чистоты»¹.

Как и при декабристах, казематы Никольской куртины, Трубецкого бастиона и Алексеевского равелина, а вероятно, и других мест заключения Петербургской крепости освещались плашками с маслом. О таком освещении говорили Ахшарумов, Кузьмин и Петрашевский. На бумажном фитиле такого ночника быстро образовывался нагар. Тогда будили заключенного

и заставляли его снимать нагар. Петрашевский рассматривал это как своего рода пытку бессонницей.

Как мы уже знаем, Ахшарумов не распространялся о пище в Трубецком бастионе, считая этот вопрос второстепенным. Кузьмин же подчеркнул скудость питания в Никольской куртине; он получал в полдень на обед «мутного супа, ломоть черного хлеба и на второе кушанье — вываренной в супе говядины, искрошенной и приправленной густым соусом со специями, вероятно, для того, чтобы отбить запах в случае несвежести мяса. В 6 часов вечера разносили чай и ужин, состоящий из одного только супа». Имевшим свои деньги разрешалось улучшать питание за свой счет, покупать вино и табак.

Кузьмин за все время от ареста до высылки, т. е. за восемь месяцев, ни разу не мог помыться, и тело его покрылось «черно-грязной корой вроде шелухи».

Администрация и в этой куртине строго следила, чтобы не было разговоров через форточку и перестукивания, но заключенным удавалось общаться между собой. Никаких свиданий не разрешалось, и сам Николай I, осведомленный об отказе в таком свидании с одним из заключенных, одобрил этот отказ.

Конечно, наиболее строгие условия заключения были в Алексеевском равелине. Сюда были заключены, кроме самого Петрашевского, те, виновность которых предполагалась наиболеею. Впрочем, Спешнев и Момбелли, признанные виновными более, чем все остальные, находились в Никольской куртине.

Писатель Достоевский был заточен в Алексеевском равелине. О его пребывании там сохранилось немного сведений. Достоевский был в числе первых 34 арестованных. Из III отделения его перевели в Алексеевский равелин в камеру № 9, а впоследствии переместили в камеру № 7. В равелине он пробыл до 24 декабря 1849 г., когда комендант крепости сообщил графу Орлову особым рапортом, что закованные «преступники» Достоевский, Дуров и Ястржемский «сего числа вечером отправлены в Тобольск». Следовательно, Достоевский пробыл в равелине после обряда так называемой публичной казни до отправки на каторгу немного более двух суток, а всего в заточении провел восемь месяцев. Эти месяцы полностью или частично охватывали все четыре времени года. Тяжелее всего переносил Достоевский в равелине осенние дни. «Ненастные дни невыносимы, каземат смотрит суровее», — писал он об этом в одном письме из крепости. Конечно, много расписаться на эту тему не позволяли цензурные условия переписки. Достоевский проводил время в равелине за писанием, обдумыванием новых произведений. Строгость одиночного заключения он нарушал перестукиванием с соседями.

¹ «Из записок П. А. Кузьмина», «Русская старина» 1895 г. № 2, цит. по статье Семевского «Следствие и суд по делу петрашевцев», «Русские записки» 1916 г. № 11.

Насколько недоставало пищи для ума, видно из того факта, что во время 15-минутных прогулок он занимался пересчитыванием в садике рavelина 17 деревьев. Позднее Достоевский получил право переписки с братом, приславшим ему для чтения книги. Предоставление права пользоваться свечой по вечерам несколько сократило их томительность¹.

Уже через пять дней после ареста Достоевского имел место грозный симптом страшного для него несчастья — ограничения его прав как литератора. Следствие было еще только в самом начале и еще не было известно, как оно закончится, но III отделение, зная о наборе в печать в майском номере журнала «Отечественные записки» повести Достоевского, распорядилось не помещать под повестью имя ее арестованного автора². В тот самый день, 22 декабря, когда Достоевский в числе других осужденных переживал ужас предстоящей казни, испытал процедуру так называемого опозоривания, его обуревало беспокойство, что будет с ним как с писателем. Его страшил не сам по себе режим каторги, но как этот режим отзовется на его литературном труде, будет ли возможность что-либо писать, не иссякнет ли там сдавленный громадой острожных стен источник вдохновения, не потухнет ли во мраке каторги огонь творчества. Именно об этом писал он в этот знаменательный день своей жизни брату из крепости: «Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, что через четыре года будет возможность. Я перешлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу... Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заточения и перо в руках»³.

Петрашевский давал следственной комиссии смелые показания. Обвиняемый превратился здесь в обвинителя. Его первое показание интересно и потому, что оно пролило некоторый свет на условия содержания Петрашевского в Алексеевском рavelине. Он начал это показание так:

«Более месяца тому назад я был арестован. Причина моего ареста мне не объявлена. Ночью того же дня привезен в крепость и не как лицо, а как вещь казенная, сдан под расписку смотрителю каземата. Как вещь, ибо с тех пор именуют меня не по имени или фамилии, но № 1. Отведя в каземат, от меня отбирают одежду, дают халат. Со мною поступлено, как с вором

¹ См. Гроссман, Достоевский на жизненном пути, вып. I, М., 1928.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849, № 214, ч. 13. Указанное выше дело.

³ «Письма Достоевского Ф. М.», «Красный архив» 1928 г., т. 27.

и разбойником... как злодеем, совершившим тяжкое преступление. Жду с нетерпением, чтобы прошли третьи сутки, в надежде в четвертый день услышать обвинение, как этому следовало быть по закону; если не будет объявлена виновному в третий день причина его заточения, то он должен быть представлен в совестный суд и выпущен на поруки. Объявляю об этом смотрителю каземата — прошу его достать мне уголовное судопроизводство, чтоб убедить его буквою закона в том, что требование мое законно и справедливо. Прошу об этом его превосходительство, г. коменданта крепости — просьба моя остается без удовлетворения... Мертвое молчание кругом, безответность сторожей, еле слышный бой часов на Петропавловском соборе — вот развлечение. Полумрак и холод — вот удобства помещения. По ночам отмыкаются и запираются двери казематов, в отдалении слышу шаги арестантов, ведомых к допросу. Так проходит 23 дня»¹. Но другого режима Алексеевский рavelин не признавал никогда за все время своего существования.

§ 25. СЛЕДСТВИЕ ПО ПРОЦЕССУ ПЕТРАШЕВЦЕВ

В процессе петрашевцев правительство шло дорогой, проторенной процессом декабристов. Имелся уже значительный опыт, и не приходилось особенно задумываться над приемами следствия и суда. Оставался прежним и высший руководитель всего следствия и так называемого суда. Это был сам Николай I.

Как и за четверть века перед тем, учреждена была секретная следственная комиссия. Местом ее заседаний и теперь была избрана та же Петропавловская крепость. Петрашевцы не имели «чести» декабристов попадать на допросы к царю в Зимний дворец. Но весь ход следствия аккуратно докладывался царю, ему же сообщались на разрешение возникавшие вопросы.

Остались неизменными и приемы следствия. Повторялись при допросах каждого обвиняемого в одиночку убеждения во всем сознаться, уверения, что членам следственной комиссии «известны» все подробности, что другие обвиняемые сознались и т. д. Был тот же генеральский состав членов комиссии с той разницей, что она возглавлялась комендантом крепости генералом Набоковым. Правительство несколько не смущалось назначить председателем следственной комиссии начальника крепости, где помещались подследственные. Тюремщик стал

¹ «Дело петрашевцев», т. I, изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 7.

главным следователем; у него всегда была возможность менять тюремный режим узников в зависимости от характера их показаний. Сходство обеих следственных комиссий (1849 и 1825 гг.) было в их секретности и в процессе розыскной следственной работы. Как бы сговорившись между собой, декабристы и петрашевцы называли членов этих следственных комиссий инквизиторами.

Чего другого, а бумаги следственная комиссия не жалела. Она подсчитала, что ее следственное производство заняло более 9000 листов бумаги. Когда следствие было закончено, она вызывала, как это было в процессе декабристов, обвиняемых поодиночке и спрашивала, не желают ли они чем-нибудь дополнить следствие. Ястржемский позднее вспоминал, что ему не читали его показаний, а просто предложили подписать заранее заготовленный листок, в котором говорилось о признании им своей виновности. Отказавшись, он написал: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что никогда злоумышленником не был и никакой вины за собой не признаю». Тогда председатель язвительно сказал ему: «Так вы не виноваты? В таком случае ступайте и спите спокойно»¹.

Нельзя сказать, чтобы в комиссии все шло гладко и так, как этого хотелось руководителю сыска по делу петрашевцев и создателю процесса, чиновнику министерства внутренних дел Липранди. В его интересах было раздуть это дело до размеров всероссийского заговора, превратить случайные встречи посетителей кружков Петрашевского, Момбелли, Дурова и других в стройную революционную организацию. Но замыслы главного сыщика рушились с каждым допросом арестованных. Видя это, Липранди не остановился перед представлением в комиссию особой обширной записки в защиту своей выдумки. Однако отсутствие у петрашевцев оформленного «преступного сообщества» было слишком очевидным. Комиссия в заседании 31 августа 1849 г. пришла к заключению: «Отдавая полную справедливость оказанной г. Липранди важной заслуги — продолжительным наблюдением за Петрашевским и прочими лицами до передачи настоящего дела в комиссию, при самом внимательном рассмотрении сделанных им суждений, комиссия не могла с ним согласиться»².

Комиссия подчеркнула, что преступного сообщества не открыто и нет никаких указаний на действительное его существо-

¹ В. И. Семевский, Следствие и суд по делу петрашевцев, «Русские записки» 1916 г. № 11.

² Там же.

вание. Не доказал этого и тот агент, который вошел в кружок Петрашевского; не признались в этом и сами обвиняемые, несмотря на их многократные допросы, несмотря на «четырёхмесячное заключение их в казематах, сильно расстроившее здоровье и даже нервную систему некоторых из них».

Институт истории Академии наук СССР предпринял очень ценное издание материалов следственной комиссии по делу петрашевцев. Напечатанные документы и показания Петрашевского, Момбелли, Львова, Черносвитова и других с достаточной ясностью доказали отсутствие того общества заговорщиков, существование которого пытался доказать в своем служебном рвении карьерист Липранди.

Показания петрашевцев большей частью весьма обширны. Некоторые из них вылились в форму публицистических или научных статей и очерков и представили большой интерес для характеристики их авторов. Красной нитью через эти показания прошло глубокое и искреннее увлечение кружковцев утопическим социализмом. Необычным для того времени было указание петрашевцев на тяжелое положение неимущего класса. Выше мы привели некоторые выдержки этого рода из документов, отобранных у Момбелли и Ахшарумова. Еще шире подошел к вопросу сам Петрашевский. Он представил обоснование общественного мировоззрения петрашевцев, изложив теорию Фурье и отношение ее к социализму. Перед следственной комиссией он изложил свое мнение о необходимости нового судопроизводства, выразил готовность дать общую оценку уголовному уложению, развить проект освобождения от крепостного права и добавил: «Но быть может все это неуместно в России, и я родился... преждевременно; но зато, быть может, весьма вовремя для человечества — не лишайте же меня возможности быть ему полезным... Есть нравственная солидарность, взаимная нравственная связь и зависимость между всяким гражданским общежитием и целым человечеством, уважьте же ее»¹.

§ 26. РОЛЬ ЦАРЯ В ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА

16 ноября 1849 г. комиссия вынесла приговор. Она приговорила 15 человек к смертной казни, пятерых — к каторжным работам на заводах и двоих — оставить в подозрении. Кроме того, дело одного было выделено ввиду его болезни.

Вина приговоренных к смертной казни заключалась, по приговору суда, в покушении на составление преступного

¹ «Дело петрашевцев», т. 1, изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 121.

сообщества с революционными целями, заочном оскорблении царя, антиправительственной пропаганде, распространении письма Белинского, богохульстве и пр. Приговоренным к каторжным работам было поставлено в вину распространение письма Белинского к Гоголю, произнесение дерзких речей против правительства и религии, недонесение об этих речах и пр.

Через месяц, 19 декабря, генерал-аудиториат сделал заключение по поводу этого приговора и нашел его неправильным, приговорив к расстрелу 21 обвиняемого. В отношении Петрашевского были подчеркнуты отсутствие у него раскаяния, попытка склонить к заправительству других и употребление дерзких слов в своих объяснениях. Так расценил военный суд убеждение Петрашевского в своей невинности и смелый тон его объяснений без употребления жалких слов и без почтительных поклонов. Черносвитову ставился в вину свободный образ мыслей в объяснениях со следственной комиссией. При различии вины отдельных обвиняемых генерал-аудиториат на основании полевого уложения признал единственным наказанием смертную казнь для 21 осужденного. Но, учтя молодость осужденных, отсутствие вредных последствий и пр., генерал-аудиториат ходатайствовал о замене смертной казни другими наказаниями, начиная от каторжных работ в рудниках для Петрашевского без срока, Момбелли — на 15 лет, Спешнева — на 12 лет и т. д. и кончая ссылкой на жительство и переводом из гвардейского полка в армейский. Только в отношении шести осужденных царь согласился с генерал-аудиториатом, а в отношении остальных 15 человек уменьшил или увеличил наказание. Между прочим, он увеличил наказание тому Ястржемскому, которому ставилось в вину, что он называл царя богдыханом. Днем исполнения приговора назначено было 22 декабря, 9 час. утра.

Расправа с петрашевцами происходила по декларации правительства. Эта декларация была проредактирована самим царем, который внес в нее очень характерные поправки, как это будет видно ниже.

Указанная декларация в виде правительственного сообщения была напечатана в «Русском инвалиде» 22 декабря 1849 г. (№ 276). Она начиналась такими словами: «Пагубные учения, народившие смуты и мятежи по всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве»¹.

¹ «Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы», изд. Саблина, М., 1907, стр. 3.

Таким образом, разговоры молодежи на вечерах Петрашевского преподносились русскому читателю и, в частности, более консервативной части русского общественного мнения как эхо, как отзвук революционной палубы в странах, где имели место революционные выступления. Но, поугав благомыслящих российских обывателей, правительственные сообщения сейчас же успокаивали их написанием, что Россия — не заграница; в России, где «святая вера, любовь к монарху и преданность престолу основаны на природных свойствах народа», здесь «только горсть людей, совершенно ничтожных, большей частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности попрасть священные права религии, закона и собственности».

В приговоре по делу декабристов царское правительство явно стремилось дискредитировать и очернить поведение участников «заговора». В своем сообщении о петрашевцах правительство просто ругает их, называя совершенно «ничтожными» и «безнравственными».

Взявшись за роль цензора и редактора правительственного сообщения, царь остался недоволен той частью сообщения, где говорилось о намерении Петрашевского основать новый общественный строй на началах коммунизма и социализма. Царю совсем не понравились эти слова о коммунизме и социализме, и он собственноручно заменил их одним словом — «безначалие». Царь явно не хотел пропагандировать совершенно новые для громадного большинства слова «социализм» и «коммунизм». В таком же духе была и другая его цензорская поправка. Момбелли мечтал об учреждении «братства взаимной помощи прогрессистов». Царь заменил слово «прогрессистов» словами «людей превратных мнений». У читателя после такой цензуры получалось впечатление двойное: или Момбелли был не в своем уме, когда помышлял объединить в братство людей превратных мнений, или подобрал себе в компаньоны людей, мнения которых сам признавал превратными¹. Во всяком случае, для царского уха слово «прогрессисты» звучало очень неприятно, и царь не сомневался, что «прогрессисты» и «люди превратных мнений» — это синонимы. Здесь он как будто расплачивался с петрашевцами, для которых, как мы уже знаем, синонимами были слова «царь» и «богдыхан», «действительный статский советник» и «дурак»...

Правительственное сообщение заканчивалось перечнем 21 фамилии приговоренных к казни с заменой ее другими

¹ См. В. И. Семевский, Следствие и суд по делу петрашевцев, «Русские записки» 1916 г. № 11, стр. 43.

наказаниями (кроме того, один обвиняемый оставлен был в подозрении и об одном деле было прекращено вследствие его душевной болезни). Оставление в подозрении не помешало царю отправить Черносвитова в Кексгольмскую крепость.

Большинство обвиняемых было признано виновными в «злоумышленном намерении произвести переворот в общественном быте России», в покушении составить для этого тайное общество, в произнесении дерзких речей. Некоторым предъявлялись и другие обвинения, как, например, поручику Григорьеву — написание статьи «Солдатская беседа» или Достоевскому — прочтение письма Белинского, «наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти». Фамилия Белинского не была названа в правительственном сообщении. Здесь уместно припомнить, что Белинский в этом своем письме, полный негодования за поворот Гоголя в сторону правительства, писал ему: «Нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность, как истину и добродетель». В том же письме Белинский, полемизируя с Гоголем, давал оценку и царского правосудия: «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виновного. Да, это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления, и другая поговорка говорит тогда: «без вины виноват»¹.

На рассмотрение царя представлен был проект публичного исполнения смертного приговора путем расстрела 21 осужденного. Хотя смертная казнь и была заменена другим наказанием, но царь утвердил всю церемонию наказания с тем, чтобы заставить осужденного пережить весь ужас приговора к смерти. Известно, каковы были эти переживания, описанные Достоевским в его романе «Идиот».

В утвержденной царем церемонии казни все было предусмотрено до мельчайших подробностей: сколько столбов поставить на Семеновском плацу для прикрепления к ним приговоренных, как их поставить, батальонами и дивизионами каких полков окружить место казни, каким путем вести осужденных из Петропавловской крепости до плаца, под каким эскортом вести кареты рысью, как должен встретить их у эшафота священник в траурной ризе с крестом и евангелием в руках, как провести осужденных перед фронтом выстроенных войск, как

¹ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. 2, под общей ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой, 1948, стр. 512—522 (Письмо к Н. В. Гоголю 3 июля 1847 г.).

после этого бить в барабаны и прочесть приговор, как, затем, под барабанный бой с дворян снимать мундиры и ломать над их головами шпаги, как надеть на них саваны — белые длинные рубахи — и как после благословения священника прикрепить к столбам Петрашевского, Спешнева и Григорьева с завязанными глазами, поставив против каждого на расстоянии 15 шагов солдат...

В Центральном историческом военном архиве имеется весьма обширное дело о приведении в исполнение приговора над петрашевцами. Оно выявляет гнусную роль царя как главного распорядителя продуманного с жестокостью до мелочей обряда публичного наказания. В связи с решением царя объявить всем приговоренным о замене смертной казни другими наказаниями лишь на самом эшафоте, возник целый ряд чисто технических вопросов. Царь входил во все: при мстительной заинтересованности Николая I в том, чтобы заставить осужденных пережить все муки смертного приговора, он лично разрешал эти технические затруднения и недоумения. Наследник престола как командующий гвардейскими полками, назначенными присутствовать при казни, наметил для казни полдень 23 декабря. Но Николай горел нетерпением поскорее совершить расправу со своими врагами и повелел исполнить приговор без всякого отлагательства 22 декабря в 9 час. утра. Мы уже знаем, что сам царь наметил весь порядок казни вплоть до выбора ее места, маршрута пути к нему и пр. Но этого мало. В деле имеется целый ряд ответов на поставленные ему исполнителями казни вопросы, касающиеся подробностей казни. Из ответов этих ясно видно желание царя создать у всех осужденных убеждение, что смерти им не избежать. Например, ставился вопрос, следует ли подводить к осужденным, после того как их поставят к столбам, стрелков с ружьями или же просто объявить приговоренным о замене смертной казни другими наказаниями, не ставя против них взвода солдат. Последовал ответ: выполнить все так, как будто казнь действительно совершится. Было приказано срочно изготовить для всех приговоренных саваны (длинные белые холщевые рубахи), повязки для завязывания глаз.

Относительно заготовления при каждом столбе ямы для зарытия в ней трупов автор вопросов прямо указывал на неуместность этого уже по одному тому, что даже и в случае совершения казни трупы расстрелянных не могли бы быть зарыты на Семеновском плацу среди города. В силу этого осужденные были избавлены от зрелища заготовленных для них могил.

Петрашевец Пальм вместо казни подлежал по подтвержденному приговору переводу тем же чином в армейские полки.

Возник вопрос, надо ли его выводить на площадь для выслушивания смертного приговора, одевать в саван и т. п. Царь разъярился: вывести!¹

Все это было выполнено в точности. В официальное описание внес некоторые подробности Ахшарумов, переживший эту церемонию. Он вспоминал, что эшафот со входной лестницей на него был весь обтянут черным. Встречавший осужденных священник обратился к нему со словами: «Сегодня вы услышите справедливое решение Вашего дела, последуйте за мной». Он пошел вдоль фронта с крестом, а за ним по глубокому снегу шли один за другим 21 осужденный. Внимание приговоренных было устремлено на врытые в землю столбы недалеко от эшафота. Всех приговоренных расставили на эшафоте в два ряда и приказали снять шапки. Почти никто не снял, и приказ был повторен несколько раз. Услышав только здесь, на эшафоте, впервые о подтверждении всем им приговора к смертной казни, петрашевцы были поражены услышанным. Солдаты одевали всех в саваны. Священник у аналоя на эшафоте призывал приговоренных к покаянию перед смертью. Никто к нему не шел. На повторные призывы подошел один Тимковский. После этого сам священник обошел осужденных и сошел с эшафота. Трех осужденных, а именно Петрашевского, Момбелли и Григорьева, привязали к столбам. Солдаты по команде нацелились в них. Ахшарумов вспоминал: «Момент этот был поистине ужасен. Видеть приготовление к расстрелянию, и притом людей, близких по товарищеским отношениям, видеть уже наставленные на них почти в упор ружейные стволы и ожидать — вот прольется кровь и они упадут мертвыми, было ужасно, отвратительно, страшно... Сердце замерло в ожидании, и страшный момент этот продолжался с полминуты. При этом не было мысли о том, что и мне предстоит то же самое, но все внимание было поглощено наступающею кровавою картиною. Возмущенное состояние мое возросло еще более, когда я услышал барабанный бой, значение которого я тогда, как не служивший в военной службе, не понимал. «Вот конец всему»... Но вслед за тем увидел я, что ружья, прицеленные, вдруг все были подняты стволами вверх. От сердца отлегло сразу, как бы свалился тесно сдавивший его камень»². Только после этого было прочтено повеление Николая о замене смертной казни другими наказаниями.

¹ ЦГВИА в Москве. Министерство военное, департамент инспекторский, 1849, № 90. «О злоумышленниках Петрашевском, Спешнев и других» (л. 12).

² Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний (1849—1851 гг.), СПб., 1905, стр. 108—109.

Вся эта «высочайше» одобренная торжественная церемония приготовления к казни при участии войск, священника, двух палачей в цветных кафтанах и т. д. для всех осужденных была тягчайшей психической пыткой, а некоторых из них привела к расстройству здоровья.

Петрашевский, закованный в кандалы, перецеловавший товарищей по эшафоту, был отправлен с эшафота прямо в Сибирь. Прочих осужденных переодели в арестантское платье и возвратили в крепость, откуда разослали в назначенные им места для отбывания наказания.

§ 27. ПЕТРАШЕВЦЫ В ТЮРЬМАХ

Из десяти осужденных на каторжные работы пятеро были приговорены к работам в рудниках: Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Григорьев и Львов. Их отправили в Иркутск в распоряжение главного начальства Восточной Сибири, так как в Западной Сибири рудников не было. Ястржемского отослали на работы в Екатеринбургский винокурный завод, а Толля — на Керевский. Приговоренные к каторжным работам в крепостях писатели Достоевский и Дуров были отосланы в Омск. Остальные разосланы в арестантские роты или в полки в различные города: Дебу 1-й — на Аландские острова, Филиппов — в Измаил, Европеус — в Ставрополь, Головинский — в Оренбург, Тимковский — в Свартгольм, Дебу 2-й — в Килию, Ханыков — в Оренбург, Кашкин — в Ставрополь, Плещеев — в Оренбург, Ахшарумов — в Херсон, Пальм — в Одессу, Черносвитов — в Кексгольм¹.

Относительно исполнения приговора над Черносвитовым имеются интересные подробности. По конфирмации приговора он подлежал отправке на жительство под надзор полиции в Кексгольм. Но секретно было сообщено, что Черносвитов должен проживать не в городе, а в самой крепости под надзором плац-майора. Это со стороны самого царя было новым отягощением конфирмированного приговора. В первом донесении об

¹ ЦГВИА в Москве. Министерство военное, департамент инспекторский, 1849, № 90. «О злоумышленниках Петрашевском, Спешнев и других». В этом деле дано описание примет каждого осужденного. Относительно Достоевского записано: «Росту среднего, волосы светлорусые, глаза серые, нос обыкновенный, лицо чистое, белое, на лбу под левой бровью небольшой рубец» (л. 103, оборот).

исполнении этой царской воли сообщалось, что Черносвитову с его семьей отведены две комнаты «довольно теплых» в так называемом комендантском доме Кексгольмской крепости. Но уже в августе 1852 года крепостному начальству пришлось признать, что Черносвитов с семьей живет в самых невозможных условиях: дом полуразрушен, причем есть опасность, что часть здания может рухнуть. Пришлось признать наличие и холода, и сырости и констатировать «крайне вредное влияние» таких жилищных условий на здоровье Черносвитова и членов его семьи.

Из всех приговоренных задержалась отправка в Сибирь одного Момбелли. Задержка произошла из-за болезни Момбелли, о которой доктор сообщил как о препятствии к выезду в Сибирь в самый день предполагаемого вывоза осужденного из крепости. Такое заключение врача вызвало целую бурю негодования со стороны военного министра. Он предписал коменданту Петропавловской крепости «строжайше исследовать», действительно ли болен Момбелли. Министр добавлял: «Донесение о сем доктора, перед самым отправлением арестанта, показывает, что тут кроется непонятное упущение или еще худшая причина». В подлиннике министр подчеркнул слово «непонятное», тем самым еще более выявив свое подозрительное отношение к заключению доктора. Но отправка Момбелли в Сибирь все же была задержана на двадцать дней. Очевидно, боязнь нового министерского недовольства привела к более поспешной ссылке больного, чем это следовало бы. В результате Момбелли в пути так тяжело заболел, что в Тобольске пришлось поместить его в больницу. Тобольская врачебная управа нашла у Момбелли полное истощение сил, кровохаркание, костоед, жестокие костные боли, опухоль ног (он был отправлен из Петербурга закованным) и полную неспособность к ходьбе. Такое заключение врачей — настоящий обвинительный акт против центральной администрации, услужливо спешившей во что бы то ни стало ускорить рассылку осужденных по назначенным им местам.

Так началась новая полоса в жизни петрашевцев. В тех тюрьмах, острогах, арестантских ротах и казармах, куда они были водворены, жизнь была не у всех одинаковая, но одинаково тяжелая — у всех. Наиболее подробные сведения имеются о пребывании Достоевского на каторге.

По приговору, подтвержденному царем, Достоевскому предстояло провести на каторге четыре года. Опасения его, что нельзя будет писать, сбылись. Каторга оказалась много тяжелее даже Алексеевского равелина. Надо поражаться, как не погиб здесь писатель. До нас дошли письма Достоевского с описанием

его каторжной жизни. Это была не жизнь, а умирание. Достоевский писал брату: «Те четыре года (т. е. годы каторги. — М. Г.) считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу. Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготел как камень у меня на душе. Во все 4 года не было мгновения, в которое бы я ни чувствовал, что я в каторге. Но что рассказывать! Даже если бы я исписал к тебе 100 листов, то и тогда бы ты не имел понятия о тогдашней жизни моей»¹.

Но не сто страниц, а всего несколько десятков строк из другого секретно пересланного письма Достоевского описали с достаточной яркостью, чему подвергло царское правительство писателя, «вина» которого состояла в том, что он на собрании прочел письмо Белинского Гоголю. В конспиративном письме Достоевского к брату дано то основное, что составило содержание «Записок из мертвого дома». Вспомнив о кандалах, в которые его заковали перед отправкой из крепости в Сибирь, тепло отозвавшись о женах декабристов, согревших его своим участием в Тобольской тюрьме, он так писал о своей каторжной тюрьме в Омске: «Плац-майор Кривцов — каналья, каких мало, мелкий вор, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительного. Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело и обещался при первом проступке наказывать нас телесно. Он уже года два был плац-майором и делал ужаснейшие несправедливости... Он наезжал всегда пьяный (трезвым я его не видел), придирался к трезвому арестанту и драл его под предлогом, что тот пьян, как стелька. Другой раз, при посещении ночью, — за то, что человек спит не на правом боку, за то, что вскрикивает или бредит ночью. За все, что только влезет в его пьяную голову. Вот с таким-то человеком надо было безвредно прожить, и этот человек писал рапорты и подавал аттестации о нас каждый месяц в Петербург». Достоевский отмечал в письме и ту ненависть, которую питали уголовные к арестантам из дворян. Полторы сотни уголовных арестантов он называл врагами, не устававшими преследовать его и товарища. Они сделали из этого преследования для себя игру, забаву, развлечение. Ему пришлось испытать на себе силу той ненависти, которой эти арестанты «живут и дышат к дворянскому сословию»: «Жили мы в куче все вместе, в одной казарме. Вообрази себе

¹ «Достоевский — письма 1832—1867 гг.», под ред. А. С. Долинина (с примечаниями), Л., 1928.

старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что целый день почти нельзя читать. На стеклах на вершок льду. С потолков капель — все сквозное. Нас — как сельдей в бочонке. Затопят шестью поленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивал), а угар нестерпимый, и вот вся зима. Тут же в казарме арестанты моют белье и всю маленькую казарму заплескают водой. Поворотиться негде. Выйти за нуждой уже нельзя с сумерек до рассвета, ибо казармы запираются и ставится в сенях ушат и потому духота нестерпимая. Все каторжные воняют как свиньи и говорят, что нельзя не делать свинства, дескать «живой человек». Спали мы на голых нарах, позволялась одна подушка. Укрывались коротеньким полушубком, и ноги всегда всю ночь голые. Всю ночь дрогнешь. Блох, вшей и тараканов четвериками». Говоря о плохом питании и дурной одежде, Достоевский добавлял, что никто не выжил бы, если бы не добывал себе какими-либо путями сам добавочных средств на свое содержание.

Жалоба Достоевского на жестокое отношение всей каторжной массы из крестьян к политическим заключенным из дворян показывает, что Достоевский не сумел установить товарищеских отношений с этими арестантами. В чем искать этому объяснение? Этой стороны каторжного быта Достоевского касается в своих воспоминаниях ссыльный Шимон Токаржевский, участник польского восстания, дважды побывавший в Сибири и отбывавший каторгу в Омском остроге одновременно с Достоевским. В 1907 году, через семь лет после смерти в Варшаве Токаржевского, были опубликованы на польском языке его мемуары. В них автор, если верить ему, наряду с национализмом Достоевского отмечал также и его кичливость дворянством¹. Возможно, что арестантская масса когда-нибудь уловила нечто подобное.

Но, может быть, объяснение лежит и в некоторых послаблениях режима каторги, делавшихся по отношению к Достоевскому и его товарищу по процессу Дурову. Офицерская молодежь, несшая при остроге караульную службу, тюремный врач и главное начальство в лице командира-генерала считались с личностью обоих политических заключенных писателей. Оба они назначались на более легкие работы, кроме тех случаев,

когда сами хотели идти на работу с прочими арестантами за пределы острога. Работы же состояли в обжигании алебаstra, верчении колес ручных мельниц, сгребании снега, в окраске зданий и пр. Врач, по собственной инициативе, брал Достоевского и Дурова по очереди к себе в больницу и подправлял там их здоровье улучшенным питанием. Офицерская же молодежь призывала их в дежурную комнату, сообщала новости и снабжала книгами. Один из таких доброжелателей Достоевского рассказывал о тяжелом внешнем впечатлении, которое производил Достоевский на офицерскую молодежь. Ему как будто было неприятно гуманное отношение к нему лиц, интересовавшихся его судьбой и старавшихся ему помочь: «Он смотрел волком в западне». Вызванный в офицерскую комнату, он вел себя сдержанно, часто отказывался от приглашения отдохнуть и присесть и даже не брал предлагавшихся книг для чтения. И этот автор отмечает отчуждение Достоевского от арестантской массы, с которой он не вступал ни в какие отношения. «Всегда насупленный и нахмуренный, он сторонился вообще людей, предпочитая в шуме и гаме арестантской камеры оставаться одиноким, делаясь с кем-нибудь словом, как какой-нибудь драгоценностью, только по надобности»¹.

Эти воспоминания современника находятся в полном соответствии с уже известным нам письмом Достоевского о том, что за все четыре года «не было мгновения, в которое бы он не чувствовал, что он в каторге». И в самом деле, как он мог этого не чувствовать? Несмотря на участие со стороны караульной офицерской молодежи и тюремного врача, он знал, что находится под властью пьяницы плац-майора, обещавшего при первой же встрече с ним и Дуровым применить к ним телесные наказания. Цитированный уже мной автор воспоминаний рассказал о случае, когда Достоевский едва избежал порки. Неожиданно приехавший плац-майор, найдя Достоевского одного в тюремной камере лежащим на нарах, приказал отправить его в кордегардию и высечь. Пока Достоевского волокли туда, с ним случился эпилептический припадок, а дежурный офицер поспешил сообщить о происшествии коменданту-генералу. Тот немедленно приехал, отменил порку и сделал публичный выговор плац-майору с предупреждением не наказывать больных арестантов. Самодуру, пьянице и палачу плац-майору не удалось выпороть писателя и вписать в историю царской тюрьмы еще

¹ См. Бранловский, Достоевский Ф. М. в омской каторге и поляки, «Исторический вестник» 1908 г., апрель.

¹ П. К. Мартынов, В переломе века, «Исторический вестник» 1895 г. № 11 (по сборнику «Петрашевцы в воспоминаниях современников», составил Щеголев, М.—Л., 1926, стр. 244—249).

одну позорную страницу. В памяти автора воспоминаний остался внешний вид Достоевского: «Бледное, испитое, землистое лицо, испещренное темно-красными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой, а рот открывался только для отрывистых и коротких ответов по делу или по службе. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял вперед и глаза опускал в землю». Он и Дуров носили обычное арестантское платье, состоявшее из серой пополам с черным куртки с желтым на спине тузом, мягкой шапки без козырька, а зимой с наушниками, и полушубка, а на ногах — кандалы.

Поведение Достоевского на каторге наводило на мысль о боязни его отступить от тюремных правил и подвергнуться дисциплинарному наказанию. В одном отношении он решался от этих правил отступить — в вопросе о запретном писании. В тюремной больнице Достоевский, по словам автора воспоминаний, с разрешения тюремного врача Троицкого начал писать свои знаменитые «Записки из мертвого дома»; первые главы их долго хранились у фельдшера больницы.

То, что не досказал Достоевский о своем заточении в письмах и что не отметили свидетели четырех лет его каторги, он сам рассказал в «Записках из мертвого дома». История царской тюрьмы обогатилась первым по времени трудом этого рода. Перед русской общественностью раскрылись картины острожного быта и тюремного режима, построенного целиком на произволе тюремного начальства, на бесправии всех, кто попадал за острожные стены. Оговоримся, что это описание острога в Сибири за 1850—1853 гг. относилось к общеуголовным тюрьмам.

Ознакомление с условиями пребывания Достоевского на каторге показывает, как развился каторжный режим за 25 лет со времени декабристов. Правительство Николая I, во главе с ним самим и его министром внутренних дел и шефом жандармов, уже прошло долгую школу учебы расправ над политическими заключенными. За царизмом, начиная с 1825 года, т. е. с первого массового политического выступления в XIX веке, был уже четвертьвековой опыт борьбы с участниками революционного движения. Эта четверть века внесла нечто новое в методы такой борьбы. Вместо одиночных выступлений царское правительство имело перед собой целые организации или по крайней мере попытки организации. Казематов Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей уже не хватало для узников. Перед декабристами раскрылись двери сибирских тюрем. Но опыт пребывания там участников восстания 1825 года, по-видимому, не

удовлетворил Николая I, и для участников следующего по времени крупного политического процесса — петрашевцев — были созданы другие условия наказания. Не лишне проследить, в чем состояло различие условий кары, обрушившейся на декабристов и на петрашевцев. Осужденные в каторжные работы декабристы все были направлены в одну тюрьму. Осужденных петрашевцев разослали по разным крепостям, острогам и арестантским ротам.

Рассылка петрашевцев в одиночку по острогам в разные города севера, юга и Финляндии преследовала определенную цель — разобщить людей, связанных между собой общностью их идей. В то время как декабристы находили помощь во взаимной поддержке, в возможности коллективной защиты своих интересов, петрашевцы ставились лицом к лицу с тюремной администрацией в одиночку. Хуже того, они оказывались растворенными в общеуголовной арестантской массе.

Для декабристов была выстроена специальная тюрьма, назначена специальная администрация во главе с комендантом Лепарским. Петрашевцы попадали в отвратительные условия острогов и крепостей под начальство администрации общеуголовных тюрем вроде начальников, описанных Достоевским.

Декабристы фактически не несли каторжного труда, за исключением нескольких человек из них, работавших короткое время на рудниках. Петрашевцы же, наоборот, переносили на себе все тяготы тюремного режима, в том числе различных работ.

Декабристы носили собственное платье, а петрашевцы — арестантскую одежду с бубновым тузом на спине.

Пребывание декабристов на каторге было значительно облегчено приехавшими к некоторым из них женами, наличием связей в Петербурге, помощью родных, получением денег, продуктов и книг; петрашевцы ничего этого не имели. Правительство явно ставило своей задачей уравнивать каторжанина-петрашевца с уголовным арестантом.

Режим каторжной тюрьмы, описанный Достоевским, был тот же, что и в острогах других петрашевцев. Описание каторжной тюрьмы, данное петрашевцем Момбелли, является лишь вариантом описания Достоевского¹. Такой же характер носят и воспоминания петрашевца Львова о его пребывании в сибирских тюрьмах. Он описал, в частности, остроги в Тобольске и Акатуе².

¹ См. М. П. Хитрово, Воспоминание об одном из петрашевцев, «Русская мысль» 1909 г. № 7.

² См. Ф. Львов, Воспоминания ссыльнокаторжного, «Современник» 1861 г. № 9.

Не отличался от режима сибирских острогов и режим арестантских рот на юге, в Херсоне. Его описал в своих воспоминаниях петрашевец Ахшарумов. Встреча Ахшарумова с комендантом была в том же роде, что и у Достоевского в Омском остроге. Много лет спустя после своего освобождения Ахшарумов вспоминал «любезные слова» коменданта при первом свидании с ним и обыске вещей Ахшарумова: «Чай, сахар! Этого не полагается у нас в роте, мы тебе покажем, как живут арестанты! Эти-то все книги ни к чему тебе, да и нам что в них! Разве ты не знал, что брал их с собой? Мы тебя научим, как у нас живут»¹.

После такого приветствия Ахшарумову обрили полголовы так, что была выбрита передняя часть головы от уха до уха (у приговоренных пожизненно выбривали голову также на половину, но вдоль — от лба к затылку). Преображенный в арестанта политический заключенный был отведен в огромную полутемную и грязную общую камеру с нарами в два этажа, и здесь не потекла, а тягуче-медленно поползла его каторжная жизнь. Как и Достоевский, он находился под угрозой порки. Полновластный хозяин тюрьмы, фельдфебель считал пропавшим тот день, когда он не высек кого-либо из арестантов².

Петрашевский совершил путь от Тобольска до Нерчинска пешком в одной этапной партии вместе с товарищами по процессу — Спешневым, Львовым и Григорьевым, а от Нерчинска до Шилкинского завода (160—180 верст) вместе со Львовым. Здесь они прожили почти три года на частной квартире, не неся работ каторжников. Деньги зарабатывал Львов уроками. По доносу, гласившему, что петрашевцы содержатся с послаблением, администрация получила строжайший выговор, и Петрашевский и Львов были заперты под замок почти на восемь месяцев. Впрочем, за взятку в двугривенный они оплачивали каждый свой выход. Во время свирепого хозяйничанья начальника каторжных промыслов Разгильдяева Петрашевский и Львов по их просьбе были переведены на Александровский завод. Здесь Петрашевский также не был занят каторжным

¹ Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний (1849—1851 гг.), со вступительной статьей Семевского, СПб., 1905, стр. 138.

² Подробное описание Ахшарумовым быта херсонского острога в начале 50-х годов мы воспроизведем позднее, в главе об общеуголовных тюрьмах. Ахшарумова продержали в этом остроге более года и в 1851 году перевели рядовым на Кавказ, где за отличие он был произведен в унтер-офицеры, а потом — в прапорщики. Переводу в армию предшествовал отзыв об Ахшарумове с указанием, что он ведет себя «весьма хорошо и все то, что требуется от него по службе, исполняет с должным повиновением и усердием». ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849, № 214, ч. 17. «Об ученике Дмитрии Ахшарумове».

трудом и зарабатывал средства на жизнь уроками. В 1856 году его приписали как ссыльного поселенца к селению Кудинское, в 21 версте от Иркутска, но проживал он в Иркутске. Повеление Николая I, чтобы петрашевцы были «в полном смысле слова арестантами соответственно приговору», было выполнено по отношению не ко всем осужденным, причем случилось так, что осужденные на более продолжительные сроки оказались в менее тяжелых условиях. Напомним, что то же самое произошло и с декабристами, из которых приговоренные на поселение оказались в таком тяжелом положении, в сравнении с которым никак не шли условия каторги декабристов.

Пребывание петрашевцев в Сибири после истечения срока каторжных работ выходит за пределы темы нашей книги. Скажем только, что самому Петрашевскому пришлось тяжелее других из-за борьбы, какую он вел с местной администрацией. В 1864 году он на один месяц даже был заключен в Красноярский тюремный замок за именование себя потомственным дворянином¹.

Последние шесть лет жизни Петрашевского прошли в постоянной борьбе с местной администрацией, в безуспешных попытках добиться пересмотра его дела и в постоянных высылках из одной местности в другую. Его беспокойная и особенно тяжелая в эти годы жизнь внезапно оборвалась в конце 1866 года. В III отделении, вероятно, не без удовольствия прочли такое извещение: «Ссыльно-поселенец, злоумышленник Михаил Васильев Буташевич-Петрашевский, находившийся на жительстве Енисейского округа, Бельской волости в селе Бельском 6 настоящего декабря скоростречно умер». Он скончался всего 45 лет отроду. Почитатель утописта Фурье, мечтавший об устройстве для человечества дворцов-фаланстеров, умер одинокий, в грязной холодной лачуге. Позднее товарищи-ссыльные поставили над его могилой столб, напоминавший тот столб, у которого, привязанный, в белом саване, стоял на Семеновском плацу Петрашевский перед направленными на него ружьями. Тогда ему было всего 29 лет. Прожитые в Сибири 16 лет укоротили жизнь этого человека и оторвали от русской общественности крупную силу, сыгравшую свою роль в развитии у нас утопического социализма как предшественника научного социализма.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849, № 214, ч. 4. Дело «По розыскании Липранди и донесениям Антонелли о Буташевиче-Петрашевском и его сотоварищах. О титулярном советнике Михаиле Буташевиче-Петрашевском».

Глава пятая

ПИСАТЕЛИ — РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ 60-х ГОДОВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 28. ПЕРЕДОВЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В РЯДАХ БОРЦОВ С ЦАРИЗМОМ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ годы получили в буржуазной исторической литературе громкое название эпохи великих реформ. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, издание судебных уставов, законодательство о новом городском управлении и о земстве и другие законодательные акты следовали один за другим. Все они носили вынужденный характер, будучи продиктованы правительству новыми назревшими потребностями, глубоко изменившимися общественными отношениями, но вместе с тем все они были по их характеру компромиссными и являлись лишь небольшими уступками перед натиском новых общественных сил.

Ленин, характеризуя общественные условия 60-х годов, писал: «Если мы припомним еще прокламацию «Молодой России», многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся незаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского, то для нас ясна будет та общественная обстановка, которая породила земскую реформу»¹. Все три назван-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

ные Лениным фамилии (Михайлов, Обручев и Чернышевский) принадлежат узникам Петропавловской крепости, которым посвящены этот и следующие параграфы нашей книги.

В то время как буржуазные либералы, удовлетворенные тем, что получали, или тем, что у них оставалось неотнятым, рукоплескали «великим реформам», революционные демократы, представители трудящихся масс, прежде всего крестьянства, усиливали свою борьбу с царизмом. Это были годы начала широкой противоправительственной пропаганды. Передовые русские писатели оказались в этой борьбе на передовых позициях. Ими была использована легальная печать, поскольку это позволяли цензурные условия. Но печатное слово, прошедшее через горнило цензуры, не давало возможности революционно-демократическим писателям высказаться так, как они этого хотели. Отсюда возникло подпольное печатное слово, прокламации, нелегальные журналы.

Борьба происходила в слишком тяжелых политических условиях, при хорошо организованном секретном полицейском розыске, многочисленных агентах и доносчиках, с помощью которых царское правительство раскрывало тайные типографии, захватывало нелегальные журналы и прокламации и арестовывало авторов.

Стены тюрем заполнялись этими новыми политическими заключенными. Крупнейшие русские писатели, навсегда вписавшие свои имена в историю русской литературы, один за другим входили в одиночные казематы Петропавловской крепости и выходили оттуда на каторгу.

За три года, с 1861 по 1863 год пять русских писателей пополнили своими именами списки узников Петропавловской крепости.

Шестые под мрачные своды этого оплота самодержавия открыл поэт, непревзойденный переводчик Гейне, Гете, Шиллера, Беранже, Томаса Гуда и инициатор эмансипации русской женщины М. И. Михайлов. Он был заключен в крепость 14 октября 1861 г. Через три недели, 3 ноября, Алексеевский равелин принял в свои стены сотрудника журнала «Современник» В. А. Обручева. В июле 1862 года Петропавловская крепость поглотила одного за другим великих русских писателей, критиков и публицистов Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. В 1863 году сюда же попал крупный публицист Н. В. Шелгунов.

Из пяти названных писателей трое, а именно Михайлов, Обручев и Шелгунов, оставили нам описания их пребывания в крепости.

К сожалению, Писарев и Чернышевский таких описаний не оставили, но некоторые сведения об их пребывании в крепости мы имеем из других источников.

В начале 60-х годов режим Петропавловской крепости был исключительным по своей «мягкости». Такого не было ни ранее, ни позже в этой государственной тюрьме. Политические настроения в России за эти годы не позволяли отягощать режим и заставляли вносить в него смягчения в виде дозволения переписки, свиданий и разрешения писателям литературной работы для печати. Однако смягчение режима не мешало правительству вынести приговоры к ссылке в каторжные работы Михайлову, Обручеву и Чернышевскому и к административной ссылке Шелгунову.

§ 29. М. И. МИХАЙЛОВ В КРЕПОСТИ

Первым из писателей — революционных демократов под своды Петропавловской крепости вошел писатель, поэт Михаил Илларионович Михайлов. О пребывании его в крепости мы имеем различные архивные материалы и собственноручные «Записки» Михайлова, изданные уже после Октябрьской революции.

«Записки» Михайлова представляют для нас интерес по описанию в них не только Петропавловской крепости, но и тех сибирских тюрем, через которые пришлось пройти осужденному писателю и с которыми мы будем знакомиться в главе об общеуголовных тюрьмах.

В 1861 году, 3 сентября, у входных дверей некоторых квартир в Петербурге были обнаружены отпечатанные типографским путем прокламации «К молодому поколению». Содержание этого воззвания было признано высшей столичной администрацией настолько возмутительным, что на следующий же день после нахождения первых экземпляров этой прокламации была послана царю в Ливадию, где он тогда находился, шифрованная телеграмма об этом.

Жандармские поиски привели к аресту писателя М. И. Михайлова. Во «всеподданнейшем» докладе III отделения за 1861 год прокламация была названа «самым преступным и, можно сказать, безумным воззванием». В этом же докладе сообщалось, что автор воззвания показал на допросах: «Ему хотелось усилением тайного книгопечатания побудить наше правительство к ослаблению строгости цензуры; что негодование против высших сословий родилось в нем от того, что в по-

следнее время употреблялась военная сила при усмирении бывших помещичьих крестьян, в которых он не мог не принимать участия по своим семейным воспоминаниям: ибо дед его был крепостным и в начале нынешнего столетия пострадал при таком же военном усмирении его односельцев»¹. III отделение замаскировало выражением «пострадал» мучительную смерть деда арестованного поэта под розгами в борьбе за свое освобождение от крепостной зависимости.

Михайлов признал себя автором прокламации, действительным автором которой был не он, а Шелгунов. Михайлов же привез прокламацию из Лондона в количестве 250 экземпляров, отпечатанных в типографии Герценом и Огаревым. Михайлов признал свое авторство, так как опасался привлечения к делу Шелгунова и особенно жены последнего, которую Михайлов любил.

Арест М. И. Михайлова вызвал в Петербурге глубокое беспокойство среди литераторов. В архивном деле мы нашли их коллективное обращение к министру народного просвещения графу Путятину (под его руководством была в 1852 году экспедиция в Японию, описанная Гончаровым в книге «Фрегат Паллада»). Это обращение петербургских писателей, и в том числе крупнейших представителей русской литературы, явилось настоящим протестом их против политического произвола.

В означенном протесте было, между прочим, сказано: «Мы, нижеподписавшиеся редакторы и сотрудники Петербургских журналов, с глубоким прискорбием узнали, что вчера один из наиболее уважаемых литераторов подвергся аресту после вторичного обыска, произведенного у него на квартире полицией. Известие тем более поразило нас, что еще недавно обнародован был закон об отделении судебной власти от полиции, закон, по которому каждый из русских подданных огражден от произвольного вторжения полиции в его жилище. Вся литературная деятельность этого писателя направлена была к самым благородным и высоким целям и постоянно клонилась к уменьшению в человечности страданий и преступлений, а не к увеличению их». Авторы обращались к Путятину, «как к прямому и естественному защитнику русской литературы, с убедительнейшей просьбой принять под свою защиту дальнейшую участь г. Михайлова, как одного из лучших и благороднейших представителей литературы». Лытя себя надеждой, что граф «примет к сердцу глубокое несчастье, постигшее одного из лучших

¹ ЦГИА в Москве. Фонд, Всеподданнейшие доклады и отчеты III отделения собственной е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов за 1861 год.

наших товарищей», писатели просили содействовать освобождению Михайлова или по крайней мере о дозволении назначить «ему в помощь по нашему избранию депутата для охранения его гражданских прав во все время судебно-полицейского исследования поступков, в которых он обвиняется».

Заявление подписали следующие 30 человек: Николай Альбертини, Александр Афанасьев-Чужбинин, Григорий Благоветлов, Константин Бестужев-Рюмин, Николай Вессель, Александр Гиероглифов, Степан Громека, Владимир Зотов, Дмитрий Кожанчиков, Андрей Краевский, Валериан Крешнин, Василий Курочкин, Николай Курочкин, Григорий Елисеев, Николай Крон, граф Кушелев-Безбородко, Петр Лавров, Сергей Максимов, Дмитрий Минаев, Иосиф Паульсон, С. Н. Палаузов, Михаил Столпановский, Николай Степанов, Василий Толбин, Николай Добролюбов, Михаил Достоевский, Аполлон Майков, Алексей Писемский, Иван Панаев, Николай Некрасов.

Заявление литераторов было передано Путятину депутацией в лице трех из числа подписавшихся, а именно графа Кушелева-Безбородко, Громека и Краевского. Александр II, узнав об этом протесте литераторов, пришел в настоящее бешенство, и Путятину была прислана бумага не совсем приятного для него содержания. В ней сообщалось, что государь-император нашел письмо литераторов «совершенно неуместным» и поэтому высочайше повелел: «...если оно действительно подано Вам было, как дошло до сведения его величества, камер-юнкером графом Кушелевым-Безбородко, г-ном Громекою и г-ном Краевским, чтобы вы сделали сношение с подлежащими главными начальниками об исключении графа Кушелева-Безбородко из числа камер-юнкеров, увольнении г-на Громека от службы и выдержании г-на Краевского на гауптвахте в течение недели; прочим же лицам, подписавшим письмо, чтобы Вы сделали от имени государя-императора строгий выговор»¹.

Это повеление последовало через две недели после ареста Михайлова. Царь расправился с защитниками поэта за полтора месяца раньше, чем по его указу Сенат расправился с писателем.

Воззвание «К молодому поколению» было рассчитано на учащуюся и особенно на студенческую молодежь. Авторы его писали: «Не народ существует для правительства, а

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1861. № 274. «О розыскании виновных в распространении между народом и войском возмутительного воззвания под названием «К молодому поколению»» (лл. 44, 45, 46, 47, 48).

правительство для народа. Следовательно, очевидно, что правительство, которое не понимает народа, не знает его нужд и потребностей, которое, считая себя помещиком, действует исключительно в своекорыстных целях, которое, наконец, презирает народ, им управляемый, — недостойно этого народа»¹.

Прокламация была преисполнена чрезмерной веры в значение интеллигентской молодежи. Обращаясь к ней, воззвание говорило: «Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в Вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, — вы настоящая ее сила, вы вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сделанное нам императорской властью».

Приговор Сената обратил особое внимание на то место прокламации, где, говоря словами приговора, пропагандировалось «внушение презрения и ненависти к служебной и природной аристократии и ко всему дворянскому сословию и к так называемой дворянской партии, представленной скудоумною, своекорыстною и враждебною народу, с намеками, что жалеть эту партию нечего, как не жалеют вредные растения при расчистке огорода, что страна ничего не потеряла бы, если бы погибла вся аристократия, если бы для раздела земли между народом пришлось вырезать 100 000 помещиков».

Дело Михайлова рассматривалось в Сенате. Приговором этого судилища он был признан виновным в распространении сочинения, «направленного к потрясению основных учреждений государства; для чего средствами должны были служить — с одной стороны, обольщения народа и солдат, а с другой — возбуждение неуважения к верховной власти, ко всем правительственным властям и к высшему сословию в государстве, со внушением при том, что страна не потеряла бы ничего, если бы пришлось вырезать сто тысяч помещиков. Поэтому очевидно, что злоумышление в таких ужасающих размерах может обнять только тот закон, который заключает в себе определение бунта первостепенной важности». Но так как распространение воззвания «К молодому поколению» не произвело народных смятений, то Сенат смягчил наказание и назначил его по ст. 284 Уложения о наказаниях, т. е. приговорил Михайлова вместо смертной казни к каторжным работам в рудниках на 12 лет

¹ М. Лемке, Политические процессы в России в 1860-х годах, М.—П., 1923, стр. 63—64.

и 6 месяцев. По конфирмации же срок работы был уменьшен до 6 лет¹.

В Петропавловской крепости Михайлов провел два месяца, с 14 октября по 14 декабря 1861 г. В своих записках он не мог точно припомнить, был ли он посажен в каземат № 8 или № 6 в Невской куртине, крайний по правой стороне коридора. Из архивного дела мы узнали, что это был № 8. Прежде, чем войти в этот «длинный каменный коридор», вспоминает Михайлов, пришлось подняться по темной лестнице. Коридор тускло освещался фонарем, висевшим под сводами. Жалкая свистильня еще мерцала, как в уличных фонарях самых далеких и глухих петербургских захолустьев. По коридору медленно шагали или стояли в полумраке солдаты с ружьями. Часовой у входной двери, едва ступили мы в коридор, громко крикнул: «Старшего!». Возглас этот пронесся до самого конца коридора, и скоро навстречу нам шел, гремя ключами, с оплывшей сальной свечой в руке, унтер-офицер в каске, в шинели и при тесаке.

Из открытой тяжелой двери каземата на Михайлова пахнуло сырым затхлым воздухом, еще более скверным, но здесь пока не было того чада и копоти, какие были в коридоре. В камере свод шел от пола, образуя и стены, и потолок. Здесь просторно помещалось шесть кроватей, и в одной из стен в глубоких амбразурах было два довольно больших окна, замазанных снаружи, с мелким переплетом. Закоптевшие стены носили следы сырости, и со сводов бахромой висела паутина. По словам смотрителя, здесь была больница. По его приказанию лишние койки были вынесены, и две метлы загуляли по потолку, сметая на голову пыль, мел и паутину. Смотритель извинился, что у них нет теперь лучше помещения, так как «все битком набито» (в это время по всем куртинам сидели арестованные студенты)².

В камере Михайлову оставили ночник, из которого толстой черной струей подымалась копоть. На деревянной койке грязная простыня прикрывала парусиновый мешок, скудно набитый соломой, а из подушки торчали перья. Вторая подушка была соломенная. Одеяло из солдатского сукна было под-

¹ ЦГИА в Москве. Правительствующий Сенат 5-го департамента, особое присутствие правительствующего Сената, 1861, № 1. «Об отставном губернском секретаре Михаиле Михайлове, судимом за государственное преступление» (лл. 238—239). См. также А. Шилов, М. И. Михайлов и суд над ним, «Русское прошлое» 1923 г. № 2.

² См. М. И. Михайлов, Записки (1861—1862 гг.), ред. и вступит. статья А. А. Шилова, изд. «Былое», П., 1922, стр. 66.

Рис. 20. М. И. Михайлов в кандалах

С рисунка, находящегося в Государственном историческом музее в Москве

шито толстой холстиной. На столике у изголовья кровати помещалась оловянная кружка с водой. Это все, что было в камере.

Через полтора часа с Михайлова сняли его платье и белье и переодели в арестантское. Принесенное белье было почти мокро от сырости, и узник возлагал надежды, что отогрется в принесенной ему суконной серой солдатской шинели.

Михайлов с юмором описывал, как к нему в камеру принесли ужин: «В дверь вошла целая процессия вроде той, которая выходит из царских врат, вынося разные ложечки и пласечки... Один принес глиняную пустую кружку и налил ее, поставив на стол, чаем из черного от копоти большого медного чайника; другой, с корзиной в руках, вынул из нее и положил на стол белую булку, два куса сахара и два ломтя черного хлеба; третий принес оловянную чашку с куском жареной говядины и соленым огурцом; четвертый солонку».

За ночь дежурный солдат время от времени кричал через оконце двери приказание снять нагар с коптившего ночника. Темнота в камере была не только по ночам, но и днем, так как свет с трудом проникал через окна, и, по словам узника, промежутки времени в четыре-пять дневных часов здесь нельзя было назвать днем. Читать можно было только стоя у окна и только между 10 час. утра и 3 час. дня.

Особенно жаловался Михайлов на холод и воздух, который он называл ужасным: «Сырость и затхлость поражали при входе... Чад от ночника, вонь от коридорного фонаря, запах грязной воды от сырого пола — все это сгушалось так, что запах табаку (а я курил довольно) совершенно пропадал и оставался только дым. Крошечная форточка в одном окне совсем не освежала, а иногда в нее еще валил новый запах и чад кухонный, вероятно, из подвального этажа». На некоторое время улучшение воздуха наступало после поливания кваса на раскаленный кирпич и обрызгивания помещения дезинфицирующей жидкостью.

Плохо отзывался Михайлов об обеде. Почему-то считалось нужным придавать обеду «отчасти дворянский характер», а для этого, кроме щей и каши, давали макароны, суп, говядину с соусом из брюквы или говядину с картофелем. Иногда давали пирог с кашей. Но «суп обыкновенно не представлял никакого отличия от грязной горячей воды, говядина была похожа — по выражению Хлестакова — на топор, масло было горькое».

В Невской куртине Михайлов провел месяц с несколькими днями; после этого его перевели на главную гауптвахту, отстоявшую от крыльца Невской куртины шагов на полтора. Причиной перевода, вероятно, послужило переполнение Невской куртины арестованными студентами.

Одиночная камера на главной гауптвахте была меньше размером и с обычным потолком вместо того свода, который давил Михайлова в Невской куртине. Большое светлое окно за крепкими решетками было закрашено снаружи. Через большую форточку узник мог наблюдать Невские ворота, а также проходив-

ших и проезжавших через них. Та же форточка позволяла ему наблюдать и за студентами у крыльца Невской куртины и их посетителями при выходе из тюрьмы. Очевидно, в то время это наблюдение через форточку не было тем большим дисциплинарным проступком против тюремного режима, каким оно всегда считалось.

Чинами тюремной администрации на гауптвахте были те же лица, которые наблюдали за заключенными и в Невской куртине. Михайлов не только не жаловался на них в своих «Записках», но об одном из них отозвался очень тепло, назвав его добрым и милым. Это был плац-адъютант Пинкорнелли, через которого Михайлов вел сношения с волей. Наоборот, тюремного священника Михайлов охарактеризовал как полицейского агента, задававшего на исповеди перед обрядом публичной казни вопросы чисто сыскного содержания. После исповеди, происходившей в домовых церкви коменданта, последний поил узника у себя в квартире чаем с ромом. Для крепостного режима это чаепитие также не было обычным явлением. Послабление режима допускал и сам генерал-губернатор князь Суворов А. А.¹, навещавший узника и разрешивший перед ссылкой на каторгу посетить Михайлова в крепости многим его друзьям, в том числе писателям Н. А. Некрасову, Н. Г. Чернышевскому, Полонскому, Н. В. Шелгунову, будущему члену I Интернационала А. А. Серно-Соловьевичу и другим². Они посетили его уже после совершения над ним обряда публичной казни.

Обряд этот над Михайловым был совершен ранним утром 14 декабря 1861 г. Правительство позаботилось совершить позорное издевательство над писателем пораньше, чтобы избежать демонстрации протеста со стороны публики, которой по тем же соображениям не сообщили ни дня, ни часа публичной казни. Михайлова привезли на площадь перед Сытным рынком на Петербургской стороне в позорной колеснице, в арестантском платье. Над писателем проделали всю гнусную церемонию: ставили его на эшафоте на колени, ломали над его головой шпагу, выставляли его к позорному столбу.

¹ А. А. Суворов — граф Рымникский, князь Италийский был внуком знаменитого полководца А. В. Суворова.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1861, № 274. «О разыскании виновных в распространении между народом и войском возмутительного воззвания под названием «К молодому поколению»» (л. 126). Нам попалось это предписание Суворова, разрешавшего свидание с Михайловым в присутствии «управляющего» и мотивировавшего дозволение отсутствием у Михайлова родственников: кроме упомянутых в тексте, названы еще Пыпин и Пекарский.

В этот день, 14 декабря 1861 г., на Мытной площади не стреляли из пушек, как ровно за 36 лет перед тем стреляли на Сенатской площади, но перед царизмом теперь вырастал новый политический враг, черпавший свою силу в более широких слоях народа, чем декабристы-дворяне.

В архивном деле III отделения имеется следующее официальное извещение об этом позорном не для поэта, а для царского правительства обряде так называемой «гражданской казни».

«14 декабря 1861 г. Сего числа в 8 часов утра при исполнении преступнику Михайлову конфирмации, в присутствии гг. коменданта и обер-полицмейстера, находившихся на месте объявления 5 эскадрон лейб-гвардии Казачьего полка и С.-Петербургский батальон внутренней стражи. Приговор исполнен в 8 часов 10 минут, и преступник отвезен обратно в С.-Петербургскую крепость. Публики было незначительно, кончилось благополучно»¹.

Это последнее слово «благополучно» в официальном документе выдает с головой жандармерию: она вздохнула свободно, лишь совершив возмутительное издевательство над личностью поэта, публично выставив его у позорного столба.

По неизвестным причинам жандармы, увозившие закованного в кандалы Михайлова в Сибирь, завезли его на несколько часов в Шлиссельбургскую крепость. Перед тем как ввести его в здание секретной тюрьмы, кандалы обвязали полотенцами во избежание шума. По коридору, устланному толстым войлоком, в мертвой тишине его провели в одиночную камеру. Здесь, как вспоминал Михайлов, ему скоро «подали чай на прекрасной посуде, с хорошими булками, совсем по-домашнему, и к чаю пришел комендант и много говорил о Сибири, где он служил».

Я предполагаю, что такое необычайное внимание коменданта Шлиссельбургской крепости к осужденному в каторжные работы Михайлову объясняется распоряжением генерал-губернатора Суворова. Последний, очевидно, учитывая огромную популярность поэта, относился к нему совсем не «по-губернаторски» и допускал некоторые послабления тюремного режима. Так и в данном случае: специальный гонец в лице адъютанта генерала Суворова доставил коменданту Шлиссельбургской крепости собственноручное письмо Суворова в 3 час. ночи, за 3 час.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1861. № 274. «О разыскании виновных в распространении между народом и войском возмутительного воззвания под названием «К молодому поколению»» (л. 124).

до прибытия в крепость осужденного Михайлова. В архивном деле имеется соответствующее извещение коменданта Шлиссельбургской крепости Лепарского. Он извещал III отделение, что означенное письмо «его светлости» предложило ему принять арестанта, фамилия и звание которого не были названы, что он принял его в 6 час. утра и отправил по маршруту в 9 час. утра.

Дорога Михайлова в Сибирь, пребывание его в течение месяца в остроге Тобольска, где находился распределительный пункт, Тобольский приказ о ссыльных, а затем и порядок отбывания каторжных работ на месте наказания были также совсем необычными: допускались всякие послабления. В Тобольском остроге Михайлова посещало много гостей, ему приносили обильное угощение и цветы. Он жил в одной камере с осужденным поляком, у которого был свой самовар. Они хорошо питались и могли заказывать обеды по своему вкусу. Для отбывания каторжных работ Михайлов попал на Казаковские золотые прииски, где его родной брат занимал административный пост. В доме брата Михайлов и поселился. Он не исполнял работы каторжника. В Казаковском поселке он устроил школу для детей и занимался с ребятами. Михайлов писал здесь для Л. П. Шелгуновой свои «Записки». «Как я ходил из угла в угол в своих тюрьмах,— писал он,— так брожу я часто и здесь по саду и по террасе и почти с такими же мыслями. Не думаю, чтобы мне было тяжелее, если бы возился с лопатой или погонял лошадей на так называемом разрезе, т. е. на настоящей каторге, откуда до дому нашего доносится грохот бочки, промывающей золото, и журчание запруженной речки».

Через несколько месяцев к нему на Казаковские золотые прииски приехали Шелгуновы с намерением содействовать его побегу. Но здесь они были арестованы, а Михайлов вскоре был переведен в Кадаинский рудник, где 3 августа 1865 г. умер, всего на 36-м году жизни¹. Его свел в могилу туберкулез, усилившийся в годы ссылки.

Все представители местной власти в Тобольске, и в том числе прокурор, жандармский полковник, председатель городского правления и др., подверглись строжайшей репрессии за допущенные им послабления по отношению к Михайлову. Они были даже преданы суду и приговорены к различным наказаниям. Подвергся наказанию и брат поэта, инженер, на квартире которого проживал приговоренный к каторжным работам

¹ В ЦГИА, в фонде канцелярии коменданта Петербургской крепости, имеется дело о заключении в Петербургскую крепость для содержания оставшегося губернского секретаря Михаила Михайлова (1861, № 238).

писатель. Даже через 10 лет после смерти писателя приютивший его у себя брат получил отказ в ответ на просьбу о зачислении его на государственную службу по контролю. Отказ был мотивирован его политической неблагонадежностью, проявившейся в заботе о брате.

Ранняя смерть поэта, убитого царизмом, ни в какой степени не привела к забвению его творений. Одним из последних стихотворений, написанных в Петропавловской крепости и пересланных студентам, заключенным в ту же крепость, было его прощание, обращенное к «Молодому поколению». Оно имеется и в архиве III отделения, и под ним стоят три начальные буквы фамилии поэта «Мих.». Поэт писал:

Крепко дружно вас в объятья
Всех бы братья заключил
И надежду и проклятья
С вами б братски разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского круга
Гонит в снежные сугробы
В тьму и холод рудника.

Но и там на зло гоненью
Веру лучшую мою
В молодое поколение
Свято в сердце сохраняю.

В безотрадной мгле изгнания
Твердо буду света ждать
И душой одно желанье
Как молитву повторять.

Будь борьба успешней ваша
Встретить в бою победа вас
И минует вас эта чаша,
Отравляющая нас.

§ 30. В. А. ОБРУЧЕВ В КРЕПОСТИ

В то время как поэт Михайлов находился в Невской куртине и на главной гауптвахте Петропавловской крепости, литератор Владимир Обручев, сотрудник журнала «Современник», стал узником Алексеевского рavelина. Он был заключен сюда 3 ноября 1861 г. одновременно с тремя студентами — Свиричевским, Лобановым и Федором Данненбергом — по делу о распространении противоправительственного подпольного издания «Великоросс». Трое студентов отделались легко, а Обручев

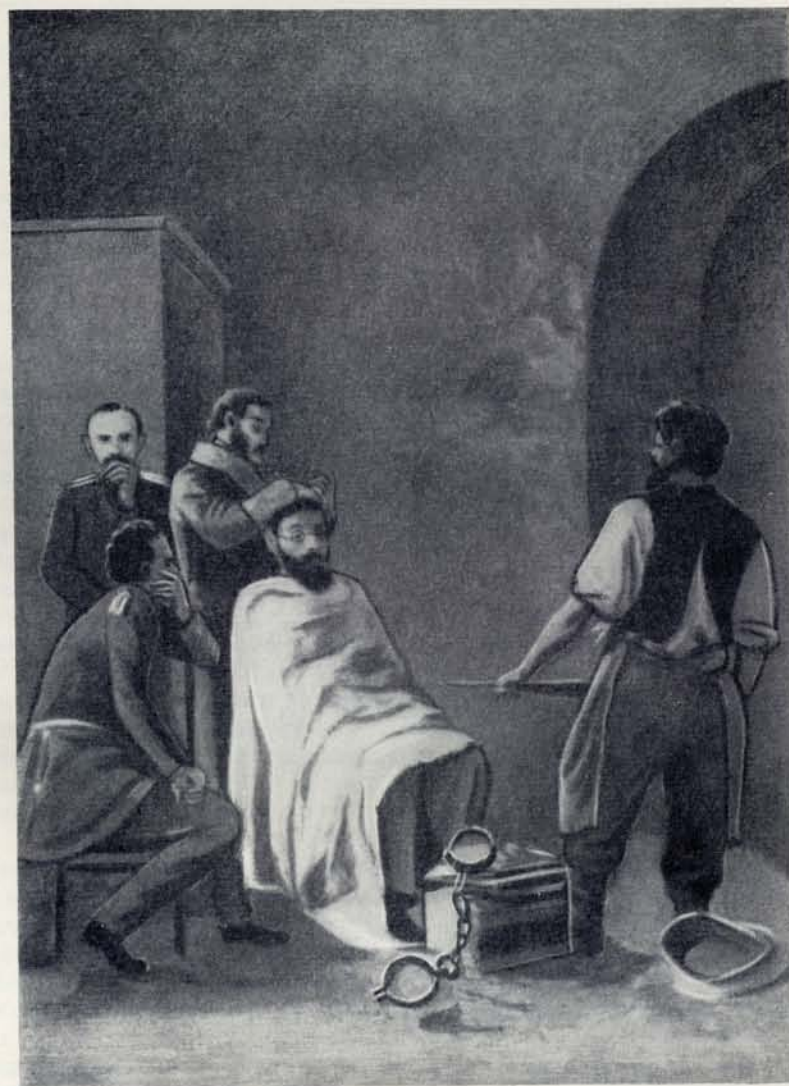

Рис. 21. М. И. Михайлов в Петропавловской крепости перед отправкой на каторгу

Из журнала «Былое» 1906 г. № 1

был приговорен к пяти годам каторжных работ с сокращением их по конфирмации до трех лет. Уже глубоким стариком, в 1907 году, он напечатал свои воспоминания о пребывании в Алексеевском равелине и об обряде публичной казни над ним.

Описания Обручева интересны вдвойне. Во-первых, они знакомят нас с условиями заключения в равелине самого автора, а во-вторых, позволяют предполагать, что, вероятно, таковы же были условия содержания в этих камерах Чернышевского, которого заключили в равелин через месяц после высылки Обручева в Сибирь.

Одиночная камера Обручева была окрашена в желтый цвет с красной каемкой по карнизу. Стекла оконной рамы, кроме верхних, были закрашены. Обстановку камеры составляли: кровать, стол, табурет и зеленый куб, т. е. судно. Помещение отапливалось изразцовой печью с топкой из коридора. Освещалась камера свечой или ночником. В двери было окошко, завешенное снаружи зеленой занавеской. Каждое утро начиналось приходом в восьмом часу фельдфебеля, ефрейтора и двух рядовых. Один из солдат очищал куб, другой — мыл шваброй пол, а ефрейтор подавал воду для умывания. Затем приносили чай в оловянном стакане с булкой. Обед приносили на деревянном подносе, без ножей и вилок, с деревянной ложкой. Вечером снова давали чай. На прогулку выпускали на треугольный дворик равелина, выдавая зимой для этого валенки, тулуп и старую фуражку смотрящего. На режим Обручев не жаловался. Комендант крепости приходил к нему для разговоров в камеру. Сначала не давали никаких книг для чтения, затем выдали библию; наконец, начали давать старые русские и иностранные книги.

Приговор Сената о лишении всех прав состояния был приведен в исполнение 31 мая 1862 г. Обручев вспоминал, как его медленно везли по улицам Петербурга на Мытную площадь в карете со священником. На Мытной площади был воздвигнут эшафот с позорным столбом. Здесь была проделана обычная процедура: прочтение приговора, преломление шпаги над осужденным, поставленным на колени, прикрепление его цепями к столбу, а потом одевание в арестантский халат с бубновым тузом на спине и в арестантскую шапку. После этого Обручева отвезли обратно в Петропавловскую крепость, где он имел в квартире коменданта прощальное свидание с сестрой. Как и Михайлова, его по дороге в Сибирь часа на два-три завозили неизвестно зачем в Шлиссельбургскую крепость. В Европейскую Россию из Сибири он возвратился только через десять лет¹.

¹ См. Обручев, Из пережитого, «Вестник Европы» 1907 г. № 5, стр. 141—151.

§ 31. Д. И. ПИСАРЕВ В КРЕПОСТИ

Через месяц после того, как Обручева увезли из Алексеевского рavelина в Сибирь, другой литератор, революционный демократ, крупнейший русский критик Д. И. Писарев 3 июля 1862 г. сделался узником Невской куртины. Он оставался здесь до 18 ноября 1866 г.

Писарев был осужден за составление для нелегальной печати статьи по поводу брошюры барона Шедо-Ферроти, написанной в защиту русского правительства от обвинений, выдвинутых против этого правительства Герценом.

Писарев начинал свою статью словами: «В действиях нашего правительства, подавляющего всякое проявление жизни, замечается новая черта — трусливая подлость иезуита. Не переставая ссылать, засекают, пытать, расстреливать, оно употребляет скрытые, подлые, но вполне достойные его меры там, где нельзя ничего сделать грубым насилием»¹.

Несмотря на продолжительный срок, проведенный Писаревым в крепости, до нас дошло мало материала о пребывании его в заточении. Объяснения этому лежат, с одной стороны, в преждевременной смерти писателя, а с другой — в том факте, что Писарев все долгое время своего заточения провел в непрерывавшемся литературном творчестве. Из списка, составленного Ершовым, видно, что Писарев написал в одиночной камере 25 своих лучших статей: «Поразительный факт: заключенный заживо в могилу, куда не проникали никакие впечатления жизни, не раздавался голос человеческий и даже шаги часовых заглушались толстым половиком, разостланным в коридоре, — Писарев создает произведения, проникнутые светлой бодростью, полные живой мощи и художественной яркости, произведения, чуждые хотя бы тени уныния и пессимизма. В них он призывает общество «к живой работе и живому наслаждению, к борьбе за разумные и справедливые формы жизни».

Точно так же биограф Писарева Евгений Соловьев изумлялся, что в крепости «ни на минуту не прекращалась работа мощного духа», что в написанных здесь произведениях нет ни уныния, ни тоски и «нравственное мужество 22-летнего литератора не было ни на йоту сломлено страшным испытанием»².

¹ Ершов, К. истории русской журналистики и общественности, «Образование» 1906 г. № 12, стр. 90.

² Евгений Соловьев, Д. И. Писарев, «Библиотека Павленкова», СПб., 1899. В крепости были написаны: «Наша университетская наука», «Реалисты», «Роман кисейной барышни», «Промехи незрелой мысли» и др. О литературных работах Писарева в крепости см. ЦГИА в Ленинграде,

Одно из архивных дел канцелярии III отделения передает отдельные факты, имевшие отношение к пребыванию Писарева в крепости. Через три недели после его заточения в каземат мать Писарева, не подозревавшая, что недели заточения превратятся в годы, подала в III отделение просьбу отправить ее сына в деревню, как только он будет освобожден, так как ему необходимо отдохнуть после пережитых волнений. Прошел почти год, прежде чем ей было разрешено свидание с сыном (29 апреля 1863 г.). Просьба ее об облегчении участи сына, поданная по истечении трех лет заключения, не дала ему свободы. Таков же был результат обращения в III отделение петербургского генерал-губернатора князя Суворова, который мотивировал свою просьбу указанием на то, что Писарев содержит «литературным трудом престарелую мать... Наказания налагаются законом не в виде возмездия за преступление, но в виде исправления»¹.

О том, как Писарев переносил наказание, было бы ошибочно судить только по его бодрым статьям. Разрешение писать их он получил не сразу, а, по словам Лемке, только через год. Если в своих письмах к матери он также совсем не высказывал обычных тюремных настроений, то, с другой стороны, имеются свидетельства о том, что он находился постоянно в состоянии возбуждения. Об этом говорил узнику рavelина Шелгунову протоиерей Петропавловского собора Палисадов, рассказывавший, как Писарев не только выгнал его из своей камеры, но и бросил в него книгой. Возможно, впрочем, что в состоянии раздражения приводили Писарева лишь посещения этого «духовного отца» и его попытка благочестивых назиданий. В письмах к матери мы находим косвенные указания на тягостные переживания Писарева, связанные с полной оторванностью молодого литератора от жизни. Сообщая матери о чтении книг из тюремной библиотеки, он добавлял, что охотно читает беллетристику, так как такая литература показывает ему жизнь людей, их любовь, чего не хватает в крепости: «Когда не сталкиваешься с людьми, тогда хочется, по крайней мере, читать об них, как они там живут, хлопчут, спорят, влюбляются и так далее»².

Но жизнь Писарева в Невской куртине проходила в творчестве. Некоторое представление о таком времяпрепровождении

дело № 272, 1864—1873 гг. О заключении в крепости разных лиц — ч. 4, Управление коменданта крепости.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1862, № 230, ч. 44. «О революционном движении народа в России и распространении по сему случаю возмутительных воззваний». «О литераторе Писареве, Лобанове и др.».

² «Письма Д. И. Писарева из крепости», «Красный архив» 1924 г. т. 5, стр. 257.

узника можно получить по составленному Лемке календарю представления рукописей из крепости на просмотр начальства и цензуры¹: 31 августа 1863 г. — «Очерки из истории труда»; 8 октября — их продолжение и статья «Мысли о русских романах» (последняя не была напечатана, так как посвящена разбору романа Чернышевского «Что делать?»)²; 27 ноября — «Исторические эскизы»; 11 января 1864 г. — окончание этой статьи; 27 января — «Цветы невинного юмора», 11 февраля — «Мотивы русской драмы»; 4 марта — «Прогресс в мире животных и растений»; 16 апреля — продолжение; 20 июля — окончание и еще два новых произведения: «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби» и начало «Реалистов»; 8 августа — конец «Реалистов», 16 сентября — «Картонные герои»; 4 ноября — «Промехи незрелой мысли».

Немного более чем через полтора года после выхода на свободу Писарев преждевременно погиб, утонув во время купанья.

В столетнюю годовщину со дня рождения Д. И. Писарева, 14 октября 1940 г., академик Е. Ярославский, отмечая заслуги Писарева перед русской общественностью, писал: «...мы с благодарностью вспоминаем сегодня об этом всегда молодом, талантливом писателе, вошедшем в историю русской общественной мысли как просветитель и революционный демократ». Ярославский привел также воспоминания Крупской о большой любви Ленина к Писареву, которым Ленин зачитывался и портрет которого он даже привез с собой в сибирскую ссылку³.

§ 32. Н. В. ШЕЛГУНОВ В КРЕПОСТИ

В 1863 и 1864 гг. Петропавловская крепость была местом заточения многих русских писателей: в различных ее казематах одновременно находилось — трое — Писарев, властитель дум моло-

¹ См. М. Лемке, Политические процессы в России в 1860-х годах, стр. 576. См. о пребывании Писарева в крепости также у В. Г. Горбачевского «Писарев Д. И. в Петропавловской крепости», «Историк-марксист» 1941 г. № 5/93, стр. 106—110. Автор сообщает, что комендант крепости добивался отправить Писарева после приговора в Шлиссельбургскую крепость (стр. 107), но генерал-губернатору С.-Петербурга удалось избавить от этого Писарева (стр. 106).

² См. Шаховский, Две цензуры, «Русский архив», 1897, стр. 336, 337. Цензура Сената нашла, что эта статья наполнена похвалами роману Чернышевского с его материалистическими воззрениями и социальными идеями.

³ См. Е. Ярославский, Просветитель и революционный демократ, «Правда» 13 октября 1940 г.

дежи — Чернышевский и Шелгунов. Последний провел в Алексеевском рavelине год и семь месяцев. Писарев сделался узником на девять с половиной месяцев ранее Шелгунова и вышел из крепости на два года позднее его, а Чернышевский пробыл там с 7 июля 1862 г. по 20 мая 1864 г. В течение одного года и одного месяца одни и те же своды и стены Алексеевского рavelина одновременно давили Чернышевского и Шелгунова.

Шелгунову военный суд предъявил обвинение в недозволенных сношениях с «государственными преступниками» Обручевым и Михайловым, в составлении и чтении прокламации «К солдатам» и в участии в составлении прокламации «К барским крестьянам». Все эти обвинения военный суд нашел недоказанными, но оставил Шелгунова «в сильном подозрении». Вопрос об обвинении Шелгунова в составлении прокламации «К молодому поколению» не был возбужден, так как автором ее, как мы уже знаем, признал себя Михайлов.

Процесс Шелгунова представляет для нас интерес как показатель того пути, которым шло царское правосудие. Военный суд, прежде чем вынести приговор, запрашивал мнение III отделения. Никаких доказательств виновности Шелгунова военному суду не было представлено, а потому, по мнению этого суда, Шелгунов должен был быть освобожден. Однако в секретном деле архива имеется документ, в котором генерал-аудиториат, ставя в известность III отделение об отсутствии доказательств виновности Шелгунова, добавлял: «Но, имея в виду, что независимо от чисто юридических соображений, может быть признано будет неудобным в видах административных оставить Шелгунова проживать на свободе, в особенности в столице, и без учреждения за ним особого надзора, аудиторский департамент считает долгом, предварительно окончательного разрешения вопроса об освобождении Шелгунова, покорнейше просить ваше высокоблагородие о доставлении по сему предмету заключения III отделения»¹.

III отделение отвечало, что Шелгунов не может быть оставлен в Петербурге даже под надзором. 26 октября 1864 г. царь утвердил приговор генерал-аудиториата: лишить Шелгунова мундира и пенсии и по постановлению министерства внутренних дел сослать в одну из отдаленных губерний.

В процессе Шелгунова была еще одна интересная подробность, выявленная нами из архивного дела. Комиссия военного

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения. 1 эксп., 1862, № 230, ч. 28. «О подполковнике Николае Васильевиче Шелгунове» (лл. 168 и 169, оборот). См. также В. Н. П., Процесс Н. В. Шелгунова, «Голос минувшего» 1915 г. № 6.

суда, не находя доказательств виновности Шелгунова, обратила внимание на подложный документ предателя Костомарова (подробнее об этом см. ниже, в нашем очерке суда над Чернышевским) и поинтересовалась пикантным вопросом: кто такой Соколов, к которому написано письмо Костомарова, и где он находится. Этот вопрос ставил III отделение в крайне затруднительное положение, так как адресата Соколова в действительности не существовало, а потому он и не мог быть найден. III отделение обошло этот вопрос молчанием, ограничившись указанием, что в деле имеются показания Костомарова. Не ответило оно и на вопрос, в каких действиях и сочинениях Шелгунова проявилось его противоправительственное направление.

Председатель следственной комиссии князь Голицын остался очень недоволен такими вопросами военного суда и просил устроить их на будущее время.

Следствие и суд тянулись долго, и Шелгунов во все время их производства, с 15 апреля 1863 г. до 24 ноября 1864 г., оставаясь узником Алексеевского равелина.

Как Писарев и Чернышевский, Шелгунов просил разрешить ему литературную работу для поддержания существования его семьи. В те годы такое разрешение давалось, и Шелгунов превратил одиночный каземат равелина в свою рабочую комнату. Он написал здесь много статей для печати, и в том числе по вопросам уголовного права, например, «Современное значение уголовного права в Западной Европе»¹.

В другой статье — «Одиночное заключение и смертная казнь» — Шелгунов дал материал, позволяющий нам угадать его собственные переживания в Алексеевском равелине. Свои теоретические рассуждения об одиночном заключении он дополнил описанием переживаний одиночника. В описании ясно виден ре-

¹ Из архивного дела, названного выше, мы почерпнули сведения о написании Шелгуновым в Алексеевском равелине следующих статей: «26 апреля 1863 г. написал статью о сибирском крае; 25 мая — «Условие прогресса» и «Отживающие слова»; летом того же года — «Новые люди», перевод всемирной истории Шлоссера на 123 листах; 20 августа — «Органическая жизнь»; 11 сентября — «Старый свет и новый свет» и «Литература и образованные люди»; 28 мая 1864 г. — статью «Начальные основания физики»; 5 июня — «Экономическое значение наших городов»; 11 июня — «Три народности»; 22 июня — «Древность и совершенствование человеческого типа»; 21 августа — «Статистика рождений и смертностей»; 8 и 18 сентября — «Болезни чувствующего организма»; 2 октября — «Главные моменты в истории Европы» и 29 октября — «Исторические очерки». В своих письмах из крепости Шелгунов жаловался на искажение его статей цензурой: «Я не на своей квартире и решительно не знаю теперешней цензуры»; Ершов, К истории русской журналистики и общественности, «Образование» 1906 г. № 12, очерк «Арест и судьба Н. В. Шелгунова».

жим Алексеевского равелина. Особенно волновало Шелгунова подсматривание за ним через оконце в двери камеры. Оно возмущало его еще сильнее, чем тишина и молчание стражи. «Вы слышите шорох у своих дверей, — писал он, — и затем видите не известно кому принадлежащий глаз, устремленный из-за чуть-чуть приподнятой занавески. Этот внезапно устремленный глаз корбит вас до бешенства и не дает вам покою целый день. Можно относиться, наконец, равнодушно ко всей таинственности и молчанию стражи, можно привыкнуть ко всему, пожалуй, даже к одиночеству, но глаз, выглядывающий одиноко из-за занавески, такая мучительная вещь, к которой привыкнуть решительно нельзя».

Из письма Шелгунова к жене, отправленного из равелина 1 декабря 1863 г., видно, что ему были разрешены свидания раз в десять дней¹. Они происходили у него с женой, сестрой и тещей.

Из воспоминаний Шелгунова о его пребывании в равелине мы узнаем, что он отметил как выдающееся событие приход к нему в камеру трубочиста. Тюремный сторож просил его никому не говорить об этом.

Узника повергал постоянно в недоумение равномерный мягкий звук, раздававшийся в одной из камер. После он узнал от брадобрея, что это заключенный Серно-Соловьевич упражняется игрой в мяч².

Для своих литературных работ Шелгунов нуждался в новых книжках и журналах, а потому и просил разрешить ему получение книг по «истории, политической экономии и юриспруденции», мотивируя просьбу отсутствием таких книг в библиотеке равелина.

На содержании этой библиотеки мы остановимся несколько ниже.

24 ноября 1864 г. Шелгунов был переведен из Алексеевского равелина в ордонансгауз, и в начале декабря прибыл в Вологду в административную ссылку. Затем он попал в Великий Устюг, позднее — в Никольское, снова в Вологду, потом в Калугу и так странствовал как подневольный странник под надзором полиции почти 17 лет. Он продолжал жить литературным трудом. Ему принадлежит честь одним из первых познакомиться русских читателей с положением пролетариата в Англии и во Франции и с трудами Энгельса. Он писал («Современник»

¹ См. Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого (переписка Н. В. Шелгунова с женой), СПб., 1901.

² См. Н. В. Шелгунов, Воспоминания, ред. и вступит. статья Шилова, М., 1923, стр. 151.

1861 г. № 10): «Имя это (Энгельс.— М. Г.) у нас совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего»¹.

Н. В. Шелгунов заявлял о том, что в библиотеке Алексеевского равелина он не находил литературы по нескольким отраслям знания. Возникает вопрос о содержании этой библиотеки. Стоит ли говорить, какое большое значение представлял для узников равелина состав книг библиотеки этого места заключения. Следует помнить, что при запрещении занятий физическим трудом и при разрешении литературных занятий лишь с соизволения царя чтение книг оставалось для большинства заключенных единственным средством времяпрепровождения. Между тем в нашей исторической литературе не появлялось никаких сведений о составе библиотеки Алексеевского равелина. Не оказалось их и в архиве дел Алексеевского равелина, за исключением только трех небольших дел. Первое дело — за 1864 год, т. е. тот самый год, когда в равелине содержались Чернышевский, Шелгунов, Серно-Соловьевич, Ветошников и др. Трое последних названных заключенных пополнили библиотеку предоставлением ей русских книг в количестве 17 названий и иностранных — в числе 11 названий. По-видимому, вся библиотека составила из таких случайных пожертвований. В архивном деле приведены названия книг лишь на русском языке, а относительно иностранных книг указано только их количество на том или другом языке. Далеко не всегда указаны годы издания книг. Полное отсутствие книг, изданных ранее 1822 года, и наличие в библиотеке всего трех книг издания 20-х годов и четырех книг, изданных в 30-х годах, явилось для нас показателем отсутствия научных книг в библиотеке равелина во всяком случае до 40-х, а может быть даже и до 60-х годов. Мы лишь знаем, что в более ранние годы и позднее узникам Алексеевского равелина предоставлялось для чтения всего охотнее книги так называемого «духовно-нравственного» содержания. В исследованной нами описи библиотеки за 1864 год таких духовных книг оказалось около 200 экземпляров, а различных названий — 38. С перечня именно этих книг и была начата опись библиотеки. По содержанию они не отличались разнообразием. Здесь были четьи-минеи, часословы, катехизисы, библии на русском, французском и немецком языках, жития святых мучеников, путешествия по святым местам, псалтыри и т. п.².

¹ Н. В. Шелгунов, Сочинения, изд. 3-е, СПб., стр. 10.

² ЦГИА в Москве. Фонд Алексеевского равелина, 1864, № 752. Опись инвентаря, имеющегося в равелине, и переписка. Два другие дела,

Из описи нельзя выяснить, приводится ли в ней число названий иностранных книг или число томов на иностранных языках. Вернее предположить последнее. В описи сказано, что книг на немецком языке было 28, на французском — 105, на английском — 4, на латинском — 2 и на еврейском — 1. Кроме того, Ветошников пожертвовал библиотеке свои 11 иностранных книг, которыми пользовался в заточении. К сожалению, как уже указано, названия иностранных книг в описи не приведены.

Что касается книг на русском языке, кроме религиозных, то их оказалось в библиотеке всего вместе с книгами, пожертвованными тремя заключенными в 1864—1865 гг., только 144 (74 названия).

Из 50 книг, годы издания которых были указаны, половина была издана в 50-х годах и 11 книг — в 40-х. Рассмотрение заглавий этих книг показывает, что библиотека составлялась совершенно случайно и находилась в самом жалком состоянии. В нее вошли разрозненные номера различных журналов (министерства внутренних дел, министерства государственных имуществ, «Библиотеки для чтения», «Морского сборника», «Русского вестника», «Вестника природы»), отдельные тома сочинений Пушкина, Дельвига, Карамзина, Достоевского, Грибоедова, Диккенса, Полежаева, Аксакова и писателей XVIII века — Сумарокова, Озерова, Фонвизина, Кантемира и др. Таким образом, набралось по belletristике всего 26 названий. Совсем бедно были представлены различные отрасли научного знания. По истории оказалось всего 11 названий, а между тем она после belletrистики заняла первое место. Из книг по истории отметим: Маколей, собрание сочинений — один том; Бокль — две книги; Устрялов, «История России» — один том; Полевой, «Русские полководцы с Петра I до Николая I» (1845); Раевский, «Воспоминания о походах 1813 и 1814 гг.» (Москва, 1822); неизвестного автора, «Опыт истории театров древних народов» (1849); Стойкович, «Нравы, обычаи и памятники всех народов» (1846); Погодин, «Похвальное слово Карамзину» (1845) и др.

Были книги научного содержания — по медицине (Валентини, «Физиология человеческого тела», 1851; Соколовский, «Об успокоении нервов», 1859, и пара других книг), по географии (Гастгаузен, «Закавказский край», 1857; неизвестного автора, «Год на Севере»; Чужбинский, «Очерки Днестра»), пара книг по ботанике и биологии (начальный курс ботаники Дакендола, М., 1838; Шаховский, «Краткая ботаника», СПб., 1853; Берви,

относящиеся специально к библиотеке, находятся в ЦГИА в Ленинграде, фонд Алексеевского равелина № 46 и 48, 1865 и 1869 гг.

«Физико-психологический взгляд на начало и конец жизни», Казань, 1858).

Слабое удовлетворение находил очень развитой в одиночных тюрьмах спрос на учебники иностранных языков. В библиотеке Алексеевского рavelина этот отдел был представлен всего пятью книгами: Гуро, «Книга для начинающих учиться французскому языку», СПб., 1842; «Руководство к изучению французского языка», М., 1842; «Французский язык, изложенный для русских», М., 1848, и словари: «Англо-русский лексикон», 1826, и «Русско-немецкий словарь» Шмидта.

В описи библиотеки отмечено также наличие двух экземпляров книги «Новейшие начертания о шахматной игре» Бурдоне, перевод с французского; к ним — два ящика с фигурами, М., 1853. Неизвестно, имелись ли в рavelине эти шахматы или их комплекты были обозначены лишь на обложке книги Бурдоне. Во всяком случае, нам не попадалось в воспоминаниях узников рavelина упоминаний о шахматах. Конечно, если шахматы и выдавались какому-нибудь заключенному, то лишь для игры с самим собой. Но мы знаем, что режим крепости едва ли мирился с таким развлечением.

Чтобы закончить сведения о библиотеке 1864 года, отметим книги, подаренные ей узниками при оставлении ими крепости. Так, Шелгунов при освобождении из рavelина оставил для библиотеки четыре тома Диккенса и 12 книг журнала «Русское слово» за 1863 и 1864 гг., когда в нем печатались его статьи, написанные в рavelине. Заключенный Ветошников, сосланный в Сибирь взамен каторжных работ за сношения с Герценом и Огаревым и за распространение нелегальной литературы, предоставил библиотеке рavelина «Растения» Шлейдена, «Популярные лекции о машинах», «Очерки Днестра» и «Очерки прошлого» Чужбинского, «Бедные дворяне» Потехина и 11 названий иностранных книг.

Такой случайный состав библиотеки не позволял заключенным заниматься углубленным изучением каких-либо вопросов. Только разрешение получать собственные книги выводило их из затруднения и давало возможность Писареву, Чернышевскому и Шелгунову развить их литературную работу в крепости до очень больших размеров.

Вероятно, нахождение в рavelине нескольких писателей поставило перед комендантом крепости вопрос о жалком состоянии библиотеки для узников этого рavelина. 9 ноября 1865 г. он обратился к шефу жандармов с особой бумагой, в которой писал: «Существующая с давнего времени при доме Алексеевского рavelина библиотека по незначительному числу книг, в особенности

исторических, находится в неудовлетворительном состоянии». Поэтому он предлагал закупить книги в числе 61 названия по представленному им списку. В списке стояли имена таких писателей, как Шлоссер, Гервинус, Соловьев, Устрялов, Костомаров, Бокль, Гумбольдт, Риттер и др., всего на сумму 315 руб. Прошло больше года, а ответа не приходило. Тогда комендант сам затратил 240 руб. и приобрел в январе 1867 года для библиотеки сочинения Шлоссера — 12 томов, Соловьева — 12 томов, Риттера «История земледелия» — три тома, Гончарова — два тома, много книг о путешествиях и подписался на «Вестник Европы» на 1867 год. Через два года было приобретено в книжном магазине Вольфа еще несколько книг на 67 руб., но списка их в деле нет. На этом исчерпываются сведения о библиотеке.

Использованное нами архивное дело 1864 года с описью библиотеки содержит опись вообще всего имущества рavelина и проливает некоторый свет на материальные условия существования заключенных в 60-е годы. Поэтому мы здесь воспроизведем из этого дела некоторые сведения.

В описи перечислено все имущество в камерах, на кухне и в кладовых. Большей частью число предметов определялось цифрой 21, в соответствии с количеством одиночных камер. Так, по 21 предмету было: столовых серебряных ложек, оловянных мисок, солонок, стаканов оловянных, стеклянных стаканов, умывальных, сосновых кроватей, тюфяков из оленьей шерсти, столов, стульев. Кроме того, было: 42 оловянные тарелки, т. е. по две на заключенного, 24 медных подсвечника, 20 чайных ложек, икон малых 20 и 4 больших в ризах и киотах красного дерева, ножных кандалов — 8, ручных — 5, кандалов шейных с цепью — 1, смирительная рубашка — 1, рукавицы смирительные — 1, чернилниц — 6, стульчаков — 20, шкафов — 4, дубовая ванна. Постельного белья было: наволочек — 120, простыней холщевых — 63, а столового белья — 60 скатертей и 60 салфеток. Относительно подушек в описи помечено, что они сделаны из перьев.

Некоторые из предметов тюремного обихода возбуждают у нас сомнение. Так, в описи записаны столовые серебряные ложки. Между тем никто из узников Алексеевского рavelина не говорит о них в своих воспоминаниях. Наоборот, Обручев определенно говорит о пользовании им деревянной ложкой. Удивительно, что до 1864 года в целости хранились кандалы с шейной цепью. Еще 31 марта 1826 г. состоялось распоряжение об уничтожении цепей, колодок и рогаток; но для Алексеевского рavelина этот закон не был писан. Коллекция из 8 ножных и 5 ручных кандалов, шейных цепей, смирительных рукавиц и рубашки на 21 заключенного была более чем внушительна.

Администрация рavelина имела в запасе для заключенных разного вида оков больше, чем чернильниц, которых было всего шесть. Это опровергает правильность свидетельства одного из чинов администрации рavelина в 60-е годы, Борисова, о том, что во всех камерах были оловянные чернильницы с гусиными перьями.

Этот Борисов сообщил в своей статье некоторые другие черты тюремного быта и крепостной обстановки заключенных. Они были одеты в белье и платье без всяких крючков, замененных тесемками. В качестве головного убора полагалась мягкая русская фуражка. Постельное белье должно было меняться каждую субботу, а сами они два раза в месяц отводились в баню в одном из номеров рavelина (очевидно, здесь стояла дубовая ванна, упомянутая в описи). Заключенные вызывали к себе дежурного стуком в стеклянное оконце двери камеры¹.

Вызывают у нас сомнения сведения о питании заключенных в рavelине в первой половине 60-х годов. Мы уже знаем, как отзывался о питании Михайлов, сидевший в Невской куртине. Он называл обед претендующим на «дворянский обед» и предпочитал бы щи и кашу. Нам попалось в фонде архива Петропавловской крепости специальное дело 1861 года — «Тетрадь о кушаниях, приготовляемых для лиц, содержащихся в доме Алексеевского рavelина»². Записи в тетради содержат названия блюд на каждый день ноября 1861 года. Записи так необычны, что совершенно расходятся с отзывами Михайлова о супе, как о грязной воде. Невольно возникает вопрос, что же именно из перечисленных яств доходило до желудка узников. Если бы стол действительно был так богат и разнообразен, как он описан в «Тетради кушаний», то заключенные, конечно, вспоминали бы его в своих мемуарах, а этого не было.

§ 33. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ

Весной 1864 года в результате подлогов и лжесвидетельства крупнейшему общественному деятелю, писателю, революционеру-демократу Николаю Гавриловичу Чернышевскому был вынесен обвинительный приговор, и он был выставлен у позорного столба с черной доской на груди с надписью: «государ-

¹ См. Ив. Борисов, Алексеевский рavelин в 1862—1865 гг. (Из моих воспоминаний), «Русская старина» 1901 г., декабрь.

² ЦГИА в Москве. Фонд Петропавловской крепости, 1861, № 585.

ственный преступник». Уже в те дни передовая русская общественная мысль видела у позорного столба не Чернышевского, а само царское правительство. На шее выставленного историей у позорного столба царизма болтается доска, на которой не может уместиться перечень его величайших преступлений и, в частности, его преступлений в процессе Чернышевского. Когда я говорю «преступление» царизма, я употребляю это слово не только в широком смысле, но и в самом узком его юридическом значении. Я имею в виду совершенные самим царским правительством гнусные подлоги, использование заведомо лживых подставных свидетелей, бесстыднейшее нарушение самим Александром II закона об исполнении наказания. Изменение царем приговора над Чернышевским в сторону увеличения наказания было вызвано намерением поставить Чернышевского в такие условия, где не только его таланту, но самой его жизни грозила смертельная опасность. Это было замаскированное покушение на убийство.

Не только эта юридическая сторона в процессе Чернышевского обязывает нас уделить ему возможно больше нашего внимания. Нас обязывает к этому и значение Чернышевского в истории русской общественности. Известно, как высоко расценивал Ленин литературную деятельность Чернышевского для русской революции. Он называл его русским великим социалистом домарковского периода¹, предшественником русской социал-демократии². Ленин особенно подчеркивал работу Чернышевского как революционера в эпоху 60-х годов, когда писатель вел беспощадную борьбу с либералами. Чернышевский вел эту борьбу в самых тяжелых условиях, когда, по словам Ленина, производились «...многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся незаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского...»³.

Для царского правительства Н. Г. Чернышевский был самым опасным революционером. Оно давно за ним следило. Чернышевский был арестован и заключен в Алексеевский рavelин 7 июля 1862 г.

На долю заключенных в Алексеевский рavelин никогда не выпадало такого напряженного внимания к их судьбе, какое было уделено демократическими кругами общества Чернышевскому. Имя его не сходило с уст молодежи, горячей его

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 52.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 342.

³ Там же, стр. 26.

почитательницы. Отражение этого внимания и любви к нему, исполненной вместе с тем глубокого уважения, имеется и на страницах архивного дела о Чернышевском в III отделении. Я имею в виду письма от его почитателей, о которых Чернышевский никогда не узнал и имена которых остались вшитыми и занумерованными в папке канцелярского дела.

Одно из этих писем было адресовано самому Александру II. Оно было подписано: «гимназистка С.-Петербургской Васильевской женской гимназии Любовь Коведяева». Обращаясь к царю, автор письма обнаружил величайшую наивность, вполне, впрочем, понятную в 17-летней девушке. Но письмо исполнено такой готовности самопожертвования, такой страстной мольбы о спасении Чернышевского, что стоит привести его: «Государь! Будьте отцом Ваших подданных — осчастливьте одну из них и потом, если нужно, отнимите у ней жизнь. Но так как я не дорожу жизнью и лишение ее не будет для меня особенным наказанием, то предлагаю Вам посадить меня в такую конурку, где бы я едва могла пошевелиться, морите меня голодом, лишите меня, наконец, моего единственного утешения, книг, делайте со мною все, что хотите, только спасите, спасите Чернышевского».

Стоило привести это письмо не только из-за его содержания, но и из-за той гнусной резолюции, которую «начертала» на нем царская рука: «Просьба эта не заслуживает внимания, но желая знать, в каких она была отношениях с Чернышевским». Известно было особое расположение Александра II к институткам старших классов. Именно так и понял этот запрос тот агент III отделения, который удовлетворял царское любопытство. Он сообщал, что Любви Коведяевой 17-й год, что она недурна собой, высокого роста, брюнетка, но не имела личных отношений к Чернышевскому, даже не знала его имени, назвав его Николаем Львовичем, а не Николаем Гавриловичем. Агент предполагал, что она начиталась произведений Чернышевского. Сообщение того же агента о посещении квартиры Коведяевых большим числом молодежи дает нам основание предполагать, что разговоры молодежи о крепостном заточении Чернышевского не остались без влияния на письмо этой гимназистки¹.

В том же архивном деле осталось не переданным Чернышевскому письмо другой женщины, на этот раз матери семейства. Оно наивно не менее письма гимназистки, так как его анонимный автор просит шефа жандармов, если он не может сам, то

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230, ч. 26. «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний».

испросив разрешения царя, передать ее письмо Чернышевскому, этому честному человеку, «чистому страдальцу, ожидающему еще больших мучений впоследствии». Не переданное по назначению письмо было такого содержания: «Благословение Вам, честнейший, благороднейший Николай Гаврилович, — благословение от женщины, за всех мужчин и женщин — от женщины, матери семейства, — от женщины, никогда вас не выдавшей, но хорошо вас знающей, потому что вас знают и сочувствуют Вам, благоговеют перед вами все люди мыслящие и честные. Где бы вы ни были, вас всюду сопровождать будет глубокое и задушевное сочувствие лучших людей, потому что ваши убеждения — их убеждения, их правила, их судьба». Письмо было помечено 30 апреля 1864 г. Оно показательно для нас по силе симпатий к Чернышевскому со стороны действительно лучших представителей массы демократической интеллигенции его времени¹.

К аресту Чернышевского различные круги русской общности отнеслись по-разному. Настоящее ликование наступило в кругах реакционеров. Для характеристики этих настроений приведем анонимное письмо одного из этих сторонников правительства. Автор, преисполненный злорадного торжества, писал в III отделение: «Спасибо Вам, что засадили Чернышевского, — спасибо от многих. Только не выпускайте лисицу — пошлите его в Солигалич, Яренск, что-нибудь в этом роде — это опасный господин, много юношей сгубил он своим ядовитым влиянием»².

Еще большее значение для характеристики той классовой ненависти, которой были проникнуты политические враги Чернышевского, имеет другое, также анонимное письмо. Мы нашли его в архивном деле следственной комиссии. Оно было адресовано к самому Чернышевскому и заполняло шесть с половиной страниц почтовой бумаги. Каждая строка его дышит глубочайшей ненавистью к писателю. Основной же мотив этого обширного письма сводится к брани по адресу передового писателя за его защиту интересов крестьянства и демократии во вред российскому дворянству. Классовая подоплека в деле расправы правительства с его бюрократией и с господствующей ролью дворянства над Чернышевским раскрывается этим письмом с полной откровенностью. Доказательством этого могут служить, например, следующие строки, обращенные к Чернышевскому:

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862 № 230, ч. 26. «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» (л. 211).

² Там же.

«Кого вы презираете? Лучшее сословие в России, дворянство. На кого вы надеетесь? На полудикое сословие мужиков, людей, религия которых заключается в одной еде и гимнастических упражнениях... Да, дворянство лучшее сословие: нашими деньгами поддерживается журналистика...» Письмо заканчивается: «Если действительно произойдет кровавое волнение, то мы найдем вас, Искандера или кого-нибудь из вашего семейства, и, вероятно, вы не успели еще запастись телохранителями»¹.

Царское правительство предпочло не дожидаться кровавых волнений и не откладывать расправу с Чернышевским. III отделение канцелярии его величества, правительствующий Сенат и сам Александр II поспешили расправиться с их врагом и упрятать его в каторжную тюрьму и в далекую сибирскую ссылку.

III отделение, разославшее своих сыщиков во все концы Петербурга, чтобы собрать сведения об авторах двух приведенных выше женских писем, не интересовалось узнать анонимного автора только что приведенного нами письма. В этом и не было нужды: слишком было очевидно, что письмо писано одним из представителей того крепостнического дворянства и той кормившейся у трона бюрократии, против интересов которых была направлена деятельность Чернышевского. Это письмо, насыщенное неукротимой злобой и вместе с тем исполненное страха перед революционизирующей силой слова Чернышевского, явилось настоящей программой действий царского правительства в процессе Чернышевского. Правительство, как мы увидим, особенно боялось упустить Чернышевского из своих рук и приняло ряд тягостных для него мер, незаконных даже с точки зрения царского законодательства, чтобы помешать возможному побегу Чернышевского. Автор анонимного письма предлагал упрятать Чернышевского в дальнюю ссылку, а правительство упрятало его на каторгу, в отдаленнейший пункт Сибири.

Правительству легче было расправиться с Чернышевским, когда он уже находился в Сибири, нежели во время его нахождения в Петропавловской крепости в самом Петербурге, где его имя было у всех на устах, как у политически близких ему людей, так и у врагов. Революционная молодежь представляла собой в столице такую силу, совсем не считаться с которой царское правительство все же не могло. Только этим можно объяснить льготный режим, установленный для писателя в Алексеевском равелине.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 112 оп. 13/37. Особое присутствие правительствующего Сената, 1862. Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии «Об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском» (л. 86).

лине. Льгота состояла в предоставлении ему свиданий с родными, переписки с ними и, что было особенно важно, в разрешении заниматься литературным трудом.

О литературных занятиях Чернышевского в Алексеевском равелине сказать совершенно необходимо по двум причинам. Во-первых, потому, что в занятиях литературным трудом прошли один год девять месяцев и две недели заточения в крепости. Почти вся жизнь в равелине у Чернышевского протекла за его тюремным столиком у решетчатого окна одиночной камеры в создании оригинальных творений и в написании переводов с иностранных языков. Во-вторых, литературная работа Чернышевского в равелине должна быть отмечена и потому, что она имела огромное общественное значение. Именно здесь, в самом надежном для царизма месте заточения, узник-литератор написал свой знаменитый роман «Что делать?». Именно отсюда был послан этот роман в редакцию журнала «Современник» и притом не тайком, а легально, через коменданта и всякие другие инстанции и учреждения. Впоследствии цензура запретила это произведение.

В стенах того же Алексеевского равелина было написано Чернышевским и «Введение к трактату политической экономии» Милля, примечания Чернышевского к которому обратили на себя внимание Маркса и привели его к самой высокой оценке Чернышевского, как великого русского ученого.

Историк Щеголев, которому история революционного движения в России обязана разработкой многих архивных материалов, дал очень интересный очерк о литературном творчестве Чернышевского в Петропавловской крепости. Он сделал кропотливую сводку всего того, что узник-писатель написал в каземате равелина. Нельзя не разделить удивления, высказанного Щеголевым, о поразительной продуктивности литературной работы Чернышевского. Действительно, за 678 дней заточения было написано такое количество переводов с иностранных языков, беллетристических и научных произведений и бумаг, связанных с судебным процессом, какого не знает мировая история тюрьмы при всем досуге одиночной тюремной камеры.

Не принимая в подсчет черновые редакции, Щеголев определил общее количество написанных автором рукописей грандиозным числом — около 205 печатных листов по 40 тыс. букв в каждом.

Из этого числа пришлось на беллетристику — 68 печатных листов, на научные работы — 12 печатных листов, на переводы иностранных языков — 100 листов, на автобиографию — 10 листов, на судебные показания и объяснения — 4 листа

и на компиляции — 11 печатных листов. Это составит $9\frac{1}{2}$ печатных листов на каждый месяц заточения. Если предположить, что это количество набело переписанных листов потребовало только 50 печатных листов-черновиков, то общее количество написанных листов достигает колоссальной цифры — $11\frac{1}{2}$ печатных листов на каждый месяц тюремного заточения¹.

Мысль Чернышевского не знала покоя. Она все время творила. Творчество было для него покоем и отдыхом. Без такой работы — страдание. Скажем здесь же, что когда Чернышевский, сосланный после каторжной тюрьмы в Вилуйск, был лишен возможности не только печатать, но и кому-либо читать написанное им, он писал и жег, писал и жег. Он горел огнем творчества. Сибирские снега не погасили этого пламени, а огонь печки в его остроге пожирал работу гениальной мысли и художественного творчества. Это была настоящая трагедия не только самого писателя, но и передовой русской общественности.

Я приведу здесь, чтобы дополнить картину пребывания Чернышевского в равелине, хронологическую табличку Щеголева о том, что и когда именно писал Чернышевский в равелине:

12 декабря 1862 г. Чернышевский закончил отделку переводов XV и XVI томов «Всеобщей истории» Шлоссера.

4 декабря 1862 г. начал и 4 апреля 1863 г. кончил роман «Что делать?».

5 апреля 1863 г. начал писать повесть «Алферьев — из воспоминаний о новых людях».

8 апреля 1863 г. отослал перевод в «Современник» в 20 листов «Истории XIX века» Гервинуса.

9 и 24 июля 1863 г. отослал перевод VII и VIII томов «Истории Англии» Маколей.

С 5 по 18 сентября и со 2 по 16 октября 1863 г. написал объемистую статью о Крымской войне.

21—27 ноября 1863 г. было сделано начало перевода Г. Л. Клик «Племена и народы».

8 июня 1863 г. начал писать автобиографию под заголовком: «Воспоминание слышанного в старине». По замыслу, это была огромная работа, но 28 октября он начал перечитывать написанное и в промежутки до 6 ноября написал новую, сокращенную редакцию автобиографии.

С 7 сентября по 20 ноября 1863 г. он писал беллетристическую вещь — «Повести в повести», переслал в III отделение 122 полулиста и позднее, между 28 ноября и 1 января 1864 г., еще

53 полулиста; кроме того, сохранилось черновиков 128 полулистов.

С 14 декабря 1863 г. по 4 января 1864 г. Чернышевский переводил «Историю Соединенных Штатов» Неймана и 22 января представил перевод в III отделение.

С ноября 1863 г. по 16 февраля 1864 г. переводил Руссо. Сохранились отрывки перевода на 43 полулистах и «Заметки для биографии Руссо» на 46 листах.

С 29 декабря 1863 г. по 11 марта 1864 г. Чернышевский писал «Введение к трактату политической экономии» Милля.

В 1864 году были выполнены следующие работы: 16 января — отрывки из «Мемуаров С. Симона»; с 29 января по 11 марта — отрывки из «Биографии Беранже»; с 21 февраля по 21 марта — 29 мелких рассказов; с 31 января по 14 апреля — «Заметки о состоянии наук», «Очерк истории элементов нашей цивилизации»; 30 марта — «Наша улица», «Корнилин дом» (отрывки к автобиографии)¹.

Такому продуктивному творчеству не мешали переживания, связанные с его судебным процессом, построенным на лжесвидетельстве и подлогах. Обширное объяснение Чернышевского в Сенат заняло три с половиной печатных листа и явилось плодом большой работы ясной логической мысли.

Некоторое объяснение такому огромному количеству написанных листов можно найти в своеобразной форме письма Чернышевского: он выработал свою сокращенную скоропись. Вначале он ходил на прогулки, полагая, что это необходимо для обысков в его камере за время его отсутствия. Позднее он не выходил из камеры на эти прогулки и сам говорил о себе, что знает только два положения: сидячее и лежащее. Размеры написанного материала показывают, в каком из этих двух положений больше всего находился Чернышевский.

Время в камере проходило не только за писанием, но и за чтением. Щеголеву удалось составить, вероятно, не исчерпывающий список авторов книг, находившихся в камере у Чернышевского. Здесь были сочинения Диккенса, Жорж Занд, Строна, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Тютчева, Фета, Беранже, Гейне, Помяловского, Горация, Овидия, Рейбо, Некрасова, Корель-Бея, Монтеня, Флобера, Лесажа, Смоллета, Фрейтага, Дарвина, Фохта, Гексли, Лайэля, Оуэна.

О пребывании Чернышевского в Алексеевском равелине сохранилось так мало сведений, что приходится дорожить каждой,

¹ См. П. Е. Щеголев, Чернышевский в равелине, «Звезда» 1924 г. № 3.

¹ См. П. Е. Щеголев, Чернышевский в равелине, «Звезда» 1924 г. № 3, стр. 75.

хотя бы небольшой, дошедшей до нас об этом вестью. Если не считать сведений о литературных трудах писателя в равелине, то больше всего мы нашли разрозненных черточек, проливших свет на его пребывание там, в письмах его родственницы Е. Н. Пыпиной к своему отцу в Саратов. Эти письма писались ею в то самое время, когда Чернышевский был заточен в Петропавловскую крепость. Пыпина не раз посещала здесь узника, писала ему сама и получала письма от него и обо всем этом сообщала в своих письмах к отцу. К сожалению, самые письма Чернышевского к Пыпиной до нас не дошли.

Мы не будем останавливаться на характеристике петербургских настроений в связи с арестом писателя, на разнообразных слухах по этому поводу. Для нас важнее те строки в письмах, которые сообщали что-либо об условиях заточения Чернышевского. Но заранее следует подчеркнуть уже установленный факт оптимистического настроения узника, поскольку оно было выражено в письмах. Несомненно, автор писем не хотел тревожить своих близких и спокойно, со свойственной ему твердостью переносил всякие большие и малые лишения. Так, в своем письме от 18 декабря 1862 г. Пыпина сообщала, что Чернышевский, по его словам, «сыт, тепел, здоров, гуляет, занимается и совершенно спокоен». Но из письма Пыпиной неясно, взяты ли эти слова Чернышевского из его письма от 2 декабря, дошедшего до адресата лишь 12-го, или из другого его, более раннего письма, которое Пыпина назвала первым.

В письме от 1 января 1863 г. Пыпина сообщала о только что полученном письме Чернышевского, в котором он «шутит и толкует о своих делах и рассказывает, что он делает... Просит нас не испугаться, когда мы увидим его, потому что он теперь похож на какого-нибудь льва, с рыжайшей бородой и усами, которые оказываются к тому же довольно густыми»¹.

В письме от 4 февраля 1863 г. Пыпина отмечала довольно частое получение писем от Чернышевского и добавляла, что они приходили по городской почте в конверте, надписанном его рукой.

Просьба Чернышевского писать ему в целях более скорого получения лишь короткие письма показывает на тревогу его при задержке писем.

¹ Чернышевская-Быстрова, Чернышевский в Алексеевском равелине, сб. «Н. Г. Чернышевский 1862—1864 гг. Незданные тексты, материалы и статьи», Саратов, 1928, стр. 303—304. См. также «Летопись жизни и творчества Н. Г. Чернышевского», изд. «Академия», М.—Л., 1933.

В то самое время, когда Чернышевский уверял в своих письмах, что все хорошо, и ни на что не жаловался, в действительности было совсем не так. Он был глубоко возмущен, что его содержат в тюрьме при полном отсутствии доказательств его виновности. Безрезультатность протестов привела его к решению прибегнуть к одному из крайних средств заключенных в целях добиться освобождения из места заключения или ускорения судебного разбирательства. Чернышевский начал голодовку в конце января и продолжал ее и в первых числах февраля. Еще 7 февраля 1863 г. III отделение сообщило в Сенат донесение врача Алексеевского равелина об отказе Чернышевского принимать всякую пищу и притом не вследствие отсутствия аппетита, а, по заявлению заключенного, «по своему капризу». Врач констатировал наступление «значительного ослабления арестанта».

В этот же день, 7 февраля, комендант крепости переправил петербургскому генералу-губернатору князю Суворову-Рымникскому письмо Чернышевского. Содержание этого письма дает основание предполагать, что Чернышевский еще ранее передал генерал-губернатору о своем решении прибегнуть к голодовке. На этот раз он писал: «Достаточно ли князь убежден в совершенной серьезности и твердости его воли, о которой он ему говорил, и если он не достаточно убежден, то он возобновит свое начатое, без всякой потери времени с прежним намерением идти, если нужно, до конца...» Томившийся в неизвестности узник крепости подчеркивал в своем обращении к Суворову, что приведение в исполнение решения его (Чернышевского) будет гибельной развязкой для заключенного, но вместе с тем и невыгодной для правительства.

По-видимому, Суворов дал Чернышевскому ответ в тот же день, так как в записке заключенного от того же 7 февраля Чернышевский снова просил генерал-губернатора дать ему ответ лишь одним из двух слов «да» или «нет». Он мотивировал свое новое обращение неясностью ответа Суворова через третье лицо.

Продолжавшееся заточение Чернышевского в Алексеевском равелине вызывало с его стороны гневные протесты. Один из таких протестов он адресовал генерал-губернатору князю Суворову. В нем он видел, по собственному его признанию, чело века, в котором соединяется «здравый смысл и знание правительственных интересов», в отличие от вершителей его судьбы — «глупцов», «людей тупого ума».

Чернышевский, негодуя на медленность производства, на недопущении к нему жены на свидание, предупреждал не о

возобновлении голодовки, а о готовности совершить самоубийство. Он не употреблял этих выражений, но определенно намекал на возможность самоубийства, когда говорил, что прибегнет теперь не к голодовке, которую проводил в конце января и в начале февраля, а к другому «тяжелому средству». Он советовал не производить у него обыска в поисках яда или кинжала: «...до таких штук он вообще не охотник»¹.

В архивном деле имеется письмо Чернышевского к генерал-губернатору Суворову от 12 марта 1863 г., представляющее выдающийся интерес. Оно ярко выявляет уверенность Чернышевского в том, что отсутствуют всякие доказательства его виновности. Оно вместе с тем обнаруживает, что таково же было в то время и сознание самой следственной комиссии и что она не была свободна в своих действиях.

Ввиду такого значения этого письма я привожу из него выдержку более обширную, чем обычно я делаю. Следует иметь в виду, что Чернышевский говорит о себе в третьем лице, называя себя по фамилии. Он писал: «Чернышевский имел разговор с некоторыми из членов комиссии. Чернышевский говорил им: «Как же это комиссия могла поступить со мною таким образом, каким поступила?» — Ему на это отвечали: «С вами поступали жестоко, но не кладите ответственность за то на комиссию, это действовала не она». — Чернышевский говорил: «Если вы полагаете, что я когда-нибудь мог верить, что против меня существовали какие-нибудь обвинения, то вы ошибаетесь». — Ему отвечали: «Это такой случай, как против меня (члена комиссии, отвечавшего Чернышевскому) могли бы быть подозрения в убийстве». (Чернышевский уверен, что действительно против лица, говорившего с ним, могли бы быть только вздорные подозрения в убийстве, из которых никак не могло бы произойти никакого обвинения, — ведь от подозрения до обвинения по законам о следственном производстве — очень далеко и от обвинения до ареста тоже очень далеко: чтобы арестовать, нужно бы, по закону, хорошенько рассмотреть солидность обвинения, а чтобы составить обвинение, нужно бы, по закону, рассмотреть основательность подозрений.) Чернышевский говорил: «Да когда же это кончится? Когда вы освободите меня?» — Ему отвечали: «Через несколько дней». Вообще, весь характер разговора (дружелюбного и веселого, по привычке Чернышев-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 112, оп. 13/37, 1862, Особое присутствие правительствующего Сената, Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. «Об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском» (л. 351).

ского до последней крайности выдерживать такой тон и заставлять других принимать его) был таков, что Чернышевский винил и укорял, а перед ним извинялись и слагали с себя ответственность на других.

Если бы кто-нибудь, по здравому смыслу, этого нельзя ждать, но с Чернышевским сделано довольно много такого, чего нельзя было ждать по здравому смыслу, — если бы кто-нибудь осмелился сказать, что Чернышевский не с совершенною точностью передает хоть одно из приводимых им слов разговора, или общий характер разговора, то Чернышевский бросает в лицо такому человеку название лжеца и требует очной ставки с ним, чтобы доказать, что справедливо клеймит его таким названием»¹.

Нет никакого сомнения в правдивости этого удивительного диалога между Чернышевским и членом следственной комиссии.

Доставленный из Алексеевского рavelина узник выступил перед следственной комиссией в качестве ее обвинителя, и она, припертая к стене, оправдывалась тем, что главным действующим лицом была не она, а некто другой (вероятно, сам царь). Чернышевскому была обещана свобода через несколько дней. Тогда еще не был выработан план раздобыть лжесвидетелей и совершить подлоги для осуждения Чернышевского.

Приведенные нами письма к Суворову показывают, как переживал заключенный литератор свое заточение, когда писал родным о своем полном спокойствии, скрывая свое истинное состояние.

Значительно позднее чем переписка начали происходить в крепости свидания Чернышевского с его родными.

Свидания с женой сначала не разрешались. Еще 11 января 1863 г. такой отказ был мотивирован «преждевременностью» свиданий, а 12 февраля новый отказ был объяснен «нездоровьем» заключенного. Это было, вероятно, репрессией за отказ Чернышевского от пищи².

Как можно видеть из письма Пыпиной от 26 февраля, свидание Чернышевского с приехавшей женой состоялось, вероятно, около 20-х чисел февраля и продолжалось два часа.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 112, оп. 13/37, Особое присутствие правительствующего Сената, Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. «Об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском» (л. 352).

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., № 230, ч. 26. «О революционном духе народа и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» (л. 65).

В письме от 14 мая 1863 г. Пыпина передавала одну из очень немногих жалоб Чернышевского на его положение в крепости: «Ведь почти год он оторван от всего белого света». Он просил поэтому «хотя понемножку знакомить его с живым миром».

По словам Пыпиной, свидания Чернышевского с родными за время пребывания его в Алексеевском равелине были довольно часты в 1863 году, но, как видно из письма Пыпиной от 27 января 1864 г., стали более короткими по времени и продолжались не более часу. Присутствовавший при свиданиях жандарм, по «простодушному» признанию его, был обязан записывать все разговоры Чернышевского с пришедшими к нему на свидание. Едва ли такие записи были по силам этому необычному секретарю. Должно быть, темы о литературных занятиях узника-писателя в его одиночной камере были наиболее частыми в разговорах его при свиданиях. Об этом можно предполагать не только на основании уже известного нам времяпрепровождения Чернышевского, но и из писем Пыпиной. Ее письмо от 10 февраля 1864 г. прекрасно иллюстрирует уже известные нам подсчеты Щеголева о литературной работе Чернышевского в крепости, с той разницей, что Пыпина не привела цифр, ограничившись сообщением своих впечатлений: «Говорил в последний раз, что начал писать большой трактат о политической экономии; откуда берется у него эта сила мысли — пишет роман, задумывает множество других подобных вещей, пишет ученую вещь, переводит для отдыха голове, читает разнообразнейшие книги — ведь это просто чудеса в том положении, в каком он находится»¹.

Другой темой разговора, кроме сообщений о литературной работе, были предположения и сообщения о ходе судебного процесса.

О Сенате, как о своем судилище, Чернышевский высказывался Пыпиной довольно резко. В своем письме к отцу (от 4 ноября 1863 г.) она передавала слова Чернышевского: «В его глазах дело тут в том, значит ли Сенат что-нибудь и сознает ли он свое достоинство, или же он такое же орудие, как последний жандарм».

В письме, вероятно, написанном под настроением свидания с заключенным, она сообщала о желательности скорейшего конца страшно затянувшегося дела и добавляла, что «ему

¹ Чернышевская-Быстрова, Чернышевский в Алексеевском равелине, сб. «Н. Г. Чернышевский 1862—1864 гг. Неизданные тексты, материалы и статьи», Саратов, 1928, стр. 313.

(Чернышевскому.— М. Г.) конец будет в тысячу раз лучше, чем пребывание в этой русской Бастилии. Когда побываешь там только на 2 часа, и то после все хочется стряхнуть с себя что-то, да не всегда это скоро удается».

4 мая 1864 г. приговор был объявлен в окончательной форме. К этому времени свидания с Чернышевским, по словам Пыпиной, стали почти ежедневными (письмо от 12 мая). Пыпина записала, что два последних свидания перед обрядом публичной казни и отправкой в Сибирь продолжались по целому дню и Чернышевский, как всегда, держался бодро, казался веселым. Он был спокойнее, чем осудившее его правительство.

§ 34. СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Самым опасным своим политическим врагом не только в Петербурге, но и во всей России правительство Александра II считало Н. Г. Чернышевского. В этом нас убеждают архивные документы III отделения. Шеф жандармов Долгоруков в его докладах царю с общим обзором политического положения и внутреннего состояния в России не только называл Чернышевского опасным врагом, но и ставил его имя всегда на первом месте. Он называл его 27 апреля 1862 г. первым и в том списке, в котором предлагал произвести в столице одновременно обыск у 50 различных лиц. Основание для обыска было сформулировано так: «Подозревается в составлении воззвания «Великорусс», в участии составления прочих воззваний и в постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству».

Впрочем, III отделение признавало буквально следующее: «Юридических фактов к обвинению Чернышевского в составлении возмутительных воззваний и в возбуждении враждебных чувств к правительству в III отделении не имеется. Но он подозревается в том на основании тех данных, которые поступили о нем в III отделение совершенно частным путем»¹.

Отсутствие юридических фактов не остановило обыска и ареста Чернышевского. Обыск и арест были произведены 7 июля 1862 г. В акте обыска не отмечено нахождения у него

¹ «Процесс Н. Г. Чернышевского», Архивные документы, ред. и прим. Н. А. Алексеева. Вводная статья члена-корреспондента Академии наук А. М. Панкратовой «Процесс Н. Г. Чернышевского и его значение», Саратов, 1939, стр. 27; см. также «Красный архив», 1928, стр. 176, т. 29.

каких-нибудь подозрительных бумаг или писем. Разбор их был поручен уже учрежденной в то время особой следственной комиссии. Надежды III отделения и комиссии, что обыск даст нужные доказательства виновности Чернышевского, не оправдались. Ни отобранные от разных лиц письма, ни дневник Чернышевского не раскрыли таких фактов, которые могли бы повести к его осуждению. Отсутствие у следственной комиссии всяких материалов привело к тому, что первый допрос Чернышевского состоялся почти четыре месяца спустя после его заключения в Алексеевский рavelин (30 октября 1862 г.).

Никаких юридических доказательств тому, что Чернышевский являлся автором прокламации «Барским крестьянам», в руках у следствия не было.

Задуманная правительством расправа с писателем готова была провалиться. Но на помощь пришел доносчик, готовый на подлог и лжесвидетельство. III отделение вступило с ним в постыднейшую сделку, подробности которой в настоящее время вскрыты архивными документами. Этот эпизод в процессе Чернышевского не может быть обойден молчанием. Он раскрывает перед нами не судебную ошибку, а судебный подлог, последствием которого было многолетнее лишение свободы Чернышевского.

Доносчик взялся доказать, что Чернышевский был автором прокламации «Барским крестьянам». В этой прокламации, между прочим, говорилось: «Ждали Вы, что даст Вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля. Хороша ли воля, которую дал вам царь, сами вы теперь знаете»¹. В простых и ясных словах прокламация разъясняла крестьянам значение мнимой «воли» и грозившую им нищету от безземелья и призывала к подготовке восстания. За авторство такой прокламации каторга была обеспечена.

Началась подготовка подложных документов и ложных свидетельских показаний. В истории царского суда за все годы его существования процесс Чернышевского явился едва ли не самым ярким показателем того, во что могло превратиться так называемое царское «правосудие». Бесчисленны были случаи вынесения приговора по политическим процессам под диктовку правительства, под прямым его давлением. Иного нечего было и ожидать от классового суда. Для сохранения показной справедливости таких приговоров суд пользовался иногда вынужденными оговорами обвиняемых, иногда вымученными

¹ Лемке, Политические процессы в России 1860-х годов по архивным документам, М.—Л., 1923, стр. 320 и сл.

признаниями подсудимых, а чаще всего — лживыми показаниями шпионов и провокаторов. Все это общеизвестно. Но в процессе Чернышевского организация самим высшим правительством подлогов и лжесвидетельства приняла формы, необычные даже и для царского правосудия, неразборчивого в средствах для достижения намеченных целей. III отделение «собственной его величества канцелярии» показало на этом процессе с полной несомненностью свою способность служить в качестве лаборатории подложных документов. Но этот же судебный процесс, как это теперь доказано архивными документами, выявил такую же роль и самого носителя верховной власти — Александра II. Его предшественник — Николай I проявил свои способности как сыщик и тюремщик в процессе декабристов.

В процессе петрашевцев Николай показал свое умение и опыт как организатор обряда публичной казни. Александр же II в деле Чернышевского документально доказал, что русский царь не брезговал лжесвидетелями и подлогами.

Обязанности лжесвидетеля обвинения принял на себя содержащийся в Алексеевском рavelине предатель по делу первой вольной типографии, отставной корнет Всеволод Костомаров. Между ним и правительством с одобрения Александра II состоялось омерзительное двустороннее соглашение. В этом соглашении одна сторона — в лице Костомарова — принимала на себя обязательство представить устные свидетельские показания и подложные письменные доказательства виновности Чернышевского и Шелгунова, другая сторона — в лице шефа жандармов и начальника III отделения Потапова — обязывалась в уплату за оказанные услуги исходатайствовать у царя для Костомарова помилование и денежную награду в виде ежегодной пожизненной пенсии его матери в сумме 1500 руб. и единовременного пособия ему самому в сумме 500 рублей. Обе стороны точно выполнили принятые на себя обязательства. Правда, в правильности всех таких сфабрикованных доказательств должен был бы разобраться суд. Но на этот счет у правительства никаких сомнений и опасений не возникало. На основании всей предшествующей практики у него была твердая уверенность в том, что суд будет послушным орудием в руках верховной власти и не будет интересоваться исследованием рискованных вопросов.

Почти столетие истекло со времени заключения этой двусторонней сделки. Почти полвека, как уничтожена одна из двух сторон этой сделки — сметен с лица земли сам царизм. И, несмотря на это, нет никакой возможности сохранить спокойствие,

когда знакомишься по подлинным архивным документам с подлейшей организацией самим правительством лжесвидетельств и подлогов.

В настоящее время в нашей историко-политической литературе эти подробности подлогов и лживых свидетельских показаний раскрыты с полной очевидностью. Монографии Лемке и других, документы, опубликованные Алексеевым, и графологическая экспертиза по сравнению почерков Чернышевского с Костомаровым не оставляют никаких сомнений в подложности.

Сам Чернышевский за все время следствия и суда с непоколебимой твердостью постоянно отрицал правильность показаний Костомарова и написание им, Чернышевским, документов, представленных Костомаровым.

Маркс в своем письме от 5 июля 1870 г. к Энгельсу писал по поводу приговора над Чернышевским: «...мнимые заговорщические конспиративные письма представляют собою очевидные *forgeries*¹ (что и было в самом деле)»².

Поскольку в печати уже выяснены подробности всех подложных махинаций в процессе Чернышевского, я скажу о них лишь очень кратко.

21 февраля 1863 г. председатель следственной комиссии князь Голицын сделал царю доклад об общем плане получения от Костомарова обещанной им правительству помощи. К этому времени начальник III отделения Потапов уже располагал проектом всех задуманных Костомаровым махинаций. Для их выполнения требовались деятельная помощь правительственных органов и царское разрешение. Являлись необходимыми освобождение Костомарова из Алексеевского рavelина, отправление его будто бы в штаб войска Кубанской области, остановка будто бы по болезни дня на три в Москве, а затем и в Туле. В Москве мнимо больной должен был иметь свидание с нужным ему человеком, а в Туле от него должно было быть отобрано его письмо, адресованное в Петербург до востребования на имя несуществующего адресата. В действительности же это письмо уже находилось в распоряжении следственной комиссии и текст его был заранее выработан и согласован с шефом жандармов. В означенном письме Костомаров возводил на Чернышевского и Шелгунова нужные для правительства «обвинения». Из Тулы Костомаров должен был быть возвращен в III отделение, чтобы помогать ему в качестве свидетеля. Докладная

¹ Подлоги.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 349.

записка Голицына заканчивалась ходатайством о компенсации Костомарову за его предстоящие услуги правительству. На этом позорном документе сделана собственноручная подпись царя с обещанием дать соответствующее распоряжение о денежном вознаграждении Костомарова. Весь этот план совместных действий предателя, лгуна, фальсификатора и шефа жандармов «с высочайшего одобрения» был выполнен в точности.

В Москве к Костомарову был вызван бывший его письмоводитель, пропойца Яковлев. Он написал под диктовку Костомарова подтверждение правильности того, что Костомаров уже изложил в заготовленном им письме, подлежащем отобранию от него лишь в Туле. Яковлев подтверждал посещение Чернышевским Костомарова, их разговор об изготовленной Чернышевским прокламации «Барским крестьянам», написание Чернышевским короткой записки о ее печатании, подложно составленной самим Костомаровым. Жандармский офицер, сопровождавший Костомарова, получив показания Яковлева, снабдил его деньгами и направил в III отделение в Петербург. Но по дороге, в Твери, пьяница Яковлев так напился, что был там арестован и возвращен за буйство в Москву, и здесь заключен в тюрьму.

Во время пребывания в тюрьме Яковлев рассказал все вышеизложенное находившимся в тюрьме пятерым студентам. Эти последние отнеслись недоверчиво к словам Яковлева, пока не увидели, что жандармы увозят его из тюрьмы и пока не услышали от него, что его увозят в Петербург. Тогда они написали коллективное письмо со своими подписями поэту Некрасову, издателю «Современника». В письме они подробно изложили все слышанное от Яковлева и выразили готовность подтвердить это своими личными свидетельскими показаниями.

Некрасов лично передал это коллективное письмо пятерых студентов начальнику III отделения Потапову. Однако никто из студентов допрошен не был. Никому из них не было устроено, казалось бы совершенно необходимой, очной ставки. Больше того, следственная комиссия и сам Александр II поспешили еще до суда над Чернышевским убрать Яковлева подальше: по повелению царя Яковлев был немедленно отправлен под надзор полиции в Архангельск. Лживые же его показания по подговору Костомарова не только остались при деле, но были использованы Сенатом в приговоре над Чернышевским.

Костомаров представил следственной комиссии два «документа», будто бы написанных Чернышевским. Одним из этих «документов» была короткая записка карандашом, содержащая просьбу о замене в печатаемой прокламации «Барским крестьянам» одних слов другими и подписанная одной буквой «Ч».

Другой «документ» представлял собой письмо на имя Плещеева и был подписан «Черныш». Это письмо также содержало указания на якобы существовавшую связь Чернышевского с подпольной типографией, где печаталось воззвание «Барским крестьянам». Костомаров объяснил, что в свое время он не передал письма Чернышевского к Плещееву, сочтя его потерянным, а позднее случайно нашел его в том же чемодане, куда он его положил.

Чернышевский отрицал подлинность обоих «документов». Допрошенный Плещеев опроверг обстоятельство, изложенное в подложном письме к нему. Была назначена экспертиза документов. Ее поручили восьми секретарям департаментов Сената, т. е. лицам без специальных графологических знаний и зависящих по их служебному положению от будущих судей по делу Чернышевского и от прокуроров.

Относительно карандашной записки мнения этих «экспертов» сильно разошлись. «Три эксперта признали, что сходство в общем характере почерка записки и бесспорно принадлежащих Чернышевскому бумаг нет, но имеется сходство многих отдельных букв (б, ж, з, р, л, д, я, т). Двое других, также отрицая общее сходство, признали сходными буквы «з», «ж», «б», «к», «д». Шестой, опять-таки, не находивший сходства в общем характере почерка, усмотрел в некоторых словах сходство букв «В», «Д», «з», «ж», «р». Наконец, два эксперта находили, что в почерках есть разница, но буквы «ж» и «з» писаны везде одинаково; способ писания букв «л», «я» также одинаков. На этом основании они пришли к убеждению, что записка написана умышленно извращенным почерком¹.

Сенат в своем приговоре использовал эти разногласия экспертов совершенно неправильно и с явной предвзятостью. Все восемь экспертов были согласны между собой относительно сходства только двух букв в записке с почерком Чернышевского. Сенат же, совершенно игнорируя разногласия экспертов, занялся сложением всех тех букв, сходство которых с почерком Чернышевского находили те или иные эксперты. В итоге таких сложений Сенат насчитал, что из общего числа 25 различных букв в записке 12 сходны с почерком Чернышевского. Такой вывод Сената из разногласия экспертов был настоящим извращением экспертизы и в своем роде судебским сенатским подлогом. Он достойно завершил подлоги Костомарова и начальника III отделения.

¹ См. «Решенный вопрос» (экспертиза по делу Чернышевского), «Красный архив», 1927, т. 25 (№ 6), стр. 138.

Что касается исследования письма к Плещееву, то те же эксперты-секретари без всякой мотивировки и без долгих рассуждений признали сходство почерка в этом письме с почерком Чернышевского.

Обвиняемый, считая автором подлога Костомарова, просил у суда увеличительную лупу и обещал доказать подложность письма, но в этом ему было отказано.

Редакция «Красного архива» образовала научную экспертизу особой комиссией под председательством специалиста-графолога Геркана и при участии представителей редакции. Она располагала большим числом разнообразных документов и применяла научные методы экспертизы. Журнал напечатал подробное и мотивированное заключение этой комиссии, признавшей оба документа подложными и составленными Костомаровым. (Фотографические снимки почерков Чернышевского и Костомарова из подложных документов иллюстрируют эту интересную статью и дают возможность читателю самому убедиться в правильности выводов этой научной экспертизы).

Таковы «доказательства», положенные Сенатом в основание обвинительного приговора по делу Чернышевского. Казалось бы, правительство должно было обставить суд над крупнейшим писателем хотя бы чисто внешними, чисто показными гарантиями правильности, а приговор над ним обосновать возможно глубже. Заранее можно было ожидать, что тогдашнее передовое общественное мнение не согласится принять обвинительный приговор без всякой критики, только на веру. Но правительство поступило как раз наоборот. Приговор по делу Чернышевского — образчик поразительного убожества юридической мысли, бездоказательности, при полной безалаберности построения. В нем, с одной стороны, было много лишнего, чтонисколько не служило доказательством правильности предъявленного обвинения, а с другой — ему недоставало полноты оценки тех фактов, которые были отмечены в описательной части приговора. В виде примера отметим некоторые бросающиеся в глаза неправильности приговора.

Сенат пользовался без всякой проверки анонимными письмами, неизвестно кем написанными и ни в какой степени не относившимися ни к одному из обвинений, предъявленных Чернышевскому. Таково было письмо в III отделение с требованием ареста Чернышевского как «коновода юношей, хитрого социалиста». Другое анонимное письмо, адресованное самому Чернышевскому, называло его «пропагандистом, социалистом, Маратом, желающим ниспровергнуть существующий порядок и учредить демократию». Сенатский приговор, приведя выдержки из

этих писем, не мог использовать их как материал для обвинения: они не содержали указаний на какие-либо факты. Сам Сенат не мог сделать из них никаких выводов: воспроизведение анонимных писем в приговоре совершенно противоречило судебной этике даже и царского суда и не отвечало формальным требованиям закона. Такой же характер носило и указание, что Чернышевский был одним из главных сотрудников журнала «Современник», временно закрытого правительством: ни одна из статей этого журнала не была поставлена в вину Чернышевскому.

Точно так же совершенно «впустую» указал Сенат в описательной части приговора нахождение при обыске у Чернышевского «алфавитного ключа из четырех картонных бумажек». Дальше указания на такую находку приговор не пошел, так как не мог доказать, что это действительно ключ какого-либо шифра, а объяснение Чернышевского по этому вопросу и требование вызвать свидетелей остались обойденными полным молчанием. Поэтому в резолютивной части приговора, где Сенат приводил доказательства виновности Чернышевского, «картонные бумажки» уже забыты и не упомянуты.

Обвинительный приговор оказался «основанным» только на уже известных нам подлогах и на лжесвидетельствах. До высшей степени бесстыдства дошел Сенат, придав веру показанию уже известного нам Яковлева и отказавшись верить заявлению пяти арестованных студентов, хотя они и изъявили готовность подтвердить свои показания присягой. Сенат придал веру показанию Яковлева, несмотря на то, что сам же отметил в приговоре его пьянство, буйство и безнравственное поведение. Показания же пяти студентов были отвергнуты Сенатом без их проверки под тем предлогом, что студенты желали спасти Чернышевского от наказания.

По обвинению Чернышевского в сношении с эмигрантами не было сфабриковано подложных доказательств, и Чернышевский по этому пункту обвинения был оправдан. Он был признан виновным в составлении воззвания «Барским крестьянам» и в приготовлении к возмущению и приговорен к 14 годам каторжных работ, срок которых по конфирмации был уменьшен до 7 лет. Этот приговор был прелюдией к тому манифесту об издании новых судебных уставов 20 ноября 1864 г., в котором столько же лицемерно, сколько торжественно провозглашалось: «Правда и милость да царствуют в судах».

После почти двухлетнего следствия и суда Чернышевский был превращен из обвиняемого в осужденного каторжника. Но прежде чем попасть в Сибирь, он должен был подвергнуться обряду публичной казни.

Рис. 22. Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского

С картины художника Ю. М. Козмичева, находящейся в Литературном музее в Москве

Рис. 23. Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского 10 мая 1864 г.

С картины художника Лехте. Из собрания Московского музея революции

§ 35. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

19 мая 1864 г. — знаменательный день в истории борьбы царизма с революционным движением в России. Старый дореформенный суд доживал свои последние дни. Через шесть месяцев, 20 ноября 1864 г., Александр II утвердил судебные уставы с их новым порядком судостроительства и судопроизводства. Процесс Чернышевского, рассмотренный в условиях полной безгласности, за толстыми стенами сенатского судилища, без допущения защиты, явился достойным завершением так называемого старого судебного порядка, не отразив ни в малейшей степени приближения судебной реформы. Он вместе с тем предрекал, во что превратятся «правда и милость» нового суда.

Безгласный суд завершился публичным выполнением обвинительного приговора. Позор неправого суда и обвинения, построенного на подлогах и лжесвидетельстве, должен был завершиться опозорением жертвы «правосудия». Но никогда в истории царской уголовной политики не выразился в такой сильной степени общественный протест против суда, как 19 мая 1864 г.

В этот день на Мытной площади в Петербурге передовое общественное мнение «кассировало» царский приговор. Царскому суду был противопоставлен суд если не самого народа, то, по крайней мере, суд борцов за права народа. Приговор передового общественного мнения вполне совпал с приговором истории.

Об этом исполнении приговора существует немало воспоминаний очевидцев и воспоминаний со слов очевидцев. Наряду с такими описаниями частных лиц имеются и официальные донесения агентов III отделения. При ознакомлении со всеми этими материалами обнаруживается несколько существенных противоречий. Одни из очевидцев отмечали подробности, не сообщенные другими. Кое-что касающееся степени полноты описания публичного наказания Чернышевского может быть объяснено близостью или дальностью нахождения зрителя от эшафота. Кое-что из противоречий может быть объяснено запечатыванием того или другого очевидца. Это тем более вероятно, что нередко воспоминания были записаны долгое время спустя после 19 мая 1864 г. Наконец, в официальных донесениях агентов III отделения могло быть допущено и сознательное искажение виденного ими в целях представить картину наказания в более желательном для правительства освещении¹.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1862, № 230, ч. 26. «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний».

Несмотря на противоречия и на различную полноту описаний, можно представить себе, как в столице, в центре культурной жизни страны, совершалось гнусное дело «опозорения», превратившееся в чествование писателя-революционера.

О дне и месте публичного выполнения приговора было объявлено в «Ведомостях с.-петербургской полиции» 17 мая, т. е. за два дня до казни. При тех громадных симпатиях со стороны передовой интеллигенции, какими пользовался Чернышевский, и при том внимании, с которым все следили за процессом, два дня были достаточным сроком для мобилизации обеих борющихся сторон — правительства и его противников, сторонников Чернышевского.

Относительно численности правительственных сил в виде войск, конных жандармов, пеших полицейских и тайных агентов в воспоминаниях нет противоречий: они были мобилизованы в большом количестве. Авторы воспоминаний согласно говорят об этом. Войска окружали эшафот со всех сторон. На некотором расстоянии от них были размещены конные жандармы. Один из очевидцев определил расстояние между войсками у эшафота и жандармами в 15—20 сажень. Полицейские, как это всегда бывало в подобных случаях, образовывали третью цепь заграждения, а сыщики разместились в самой толпе.

О численности толпы, пришедшей к эшафоту Чернышевского, даны самые противоречивые сведения в пределах от 400 человек до 5 тыс. Один из секретных агентов определил число собравшихся к эшафоту цифрой в 2—3 тыс. человек. Этот же агент определил и состав, отметил присутствие в толпе на одну треть «простого народа», а на две трети — «чиновного сословия». К последним он, по-видимому, отнес отмеченное им большое число студентов, особенно из военно-медицинской академии, а также литераторов и офицеров. Он добавлял: «Замечено много дам стриженных (нигилисток) (так и в подлиннике.—М. Г.); все они были в черных платьях и в черных башлыках». Другой агент отметил присутствие многих в «славянофильских костюмах, черных платьях и черных башлыках». Таким образом, если численность пришедших к эшафоту определена различно, то состав их охарактеризован обоими агентами сходно, с подчеркиванием присутствия представителей тех слоев, которые были известны своим отрицательным отношением к царизму.

Эшафот был построен посредине площади и представлял собой деревянный помост, высотой полтора — два аршина, выкрашенный черной краской. На эшафоте возвышался черный столб с железной цепью.

Народ собрался на площадь задолго до начала церемонии, несмотря на отвратительную дождливую погоду. К эшафоту подъехала карета с двумя палачами, а через несколько минут — вторая, под конвоем жандармов, с Чернышевским. Он был сейчас же возведен на эшафот, где чиновник читал приговор. Кругом стояла тишина. По сообщению анонимного агента, один мещанин, служивший приказчиком книжной лавки, приглашал народ снять шапки.

По единогласному утверждению авторов воспоминаний и агентов III отделения, Чернышевский вел себя на эшафоте с полным спокойствием. Во время чтения приговора он, по словам официального донесения, «стоял более нежели равнодушно, беспрепятственно поглядывал по сторонам, как бы ища кого-то и часто плевал». Агент добавлял, что это поплевание дало основание присутствовавшему на площади литератору Пыпину громко выразиться: «Чернышевский, плюет на все». По частным воспоминаниям, Чернышевский, стоя на эшафоте, протирап пальцами свои очки, смотрел на народ и кивал головой кому-то в толпу. Из рядов собравшихся к эшафоту был брошен не долетевший туда букет цветов. Об этом сообщил в своем донесении анонимный агент, назвавший эти цветы «хорошеньким маленьким букетом». Этот букет был брошен девицей Михаэлис, также известной агентам III отделения, как и литератор Пыпин. Она была тут же, на площади, арестована и вскоре выслана из Петербурга.

По словам одних, Чернышевский оставался у позорного столба четверть часа, а по словам других, едва ли соответствующим действительности, всего одну-две минуты. После этого палач снял с Чернышевского цепь, грубо сорвал с него шапку, бросил ее на эшафот, поставил писателя на колени и сломал над его головой шпагу, бросив ее обломки на эшафот в разные стороны. Чернышевский, встав с колен, надел на себя поднятую им шапку. По-видимому, и тут спокойствие не покинуло его. Он держался с тем «плевательским» настроением, которое так злило его палачей.

В приведенном описании выставление у позорного столба предшествовало преломлению шпаги. Закон же (ст. 541 книги второй т. XV Свода законов 1857 г.) устанавливал обратный порядок, т. е. преломление шпаги должно было предшествовать установке у позорного столба на 10 минут. Возможно, что в описании очевидцев вкралась неточность.

На этот раз на эшафоте наряду с палачами не оказалось другого неременного участника всех публичных казней —

священника. Агенты III отделения отмечали этот факт как грубое нарушение закона, сознательно допущенное петербургским военным генерал-губернатором Суворовым. С последним III отделение было в то время в междуведомственной борьбе и секретно доносило о нем совершенно неправдоподобные сведения, что он, «по слухам», — один из самых крупных подписчиков суммы в несколько тысяч рублей, будто бы собранных в пользу Чернышевского. Вероятнее же всего администрация побоялась пустить священника на эшафот, заранее будучи уверена в демонстративном отказе Чернышевского принять участие в лицемерной комедии покаяния и «напутствия». Но жандармский полковник Дурново подчеркнул в своем рапорте III отделению и еще одно отступление от правил публичного опозорения, а именно: Чернышевского оставили на эшафоте во время наказания и увезли с него после этого в своем собственном платье, не переодев в арестантское. Такая забывчивость также ставилась в вину Суворову. Нам кажется, что здесь была не забывчивость, а сознательное упрощение обряда опозорения из боязни поднять еще выше и без того приподнятое настроение собравшейся массы народа, и в том числе горячей студенческой молодежи. Обряд наказания мог закончиться совсем нежелательной для правительства массовой демонстрацией.

Демонстрация в действительности и произошла. Сдержанное волнение присутствовавших слишком чувствовалось в толпе. Оно проявлялось в глубокой тишине, в затаенном дыхании при обряде казни, в брошенных цветах, в громко произнесенном приглашении снять шапки... Оно прорвалось наружу, когда карета повезла Чернышевского обратно в Алексеевский рavelин. К карете рвались, за ней бежали и кричали Чернышевскому: «Прощайте, до свидания!»

Но Чернышевский никогда более в Петербург не вернулся. Прощальные пожелания — «до свидания» — сбылись не в столице, не на свободе, а в сибирских тюрьмах, где он свиделся с революционерами, такими же узниками, как он сам.

20 мая 1864 г., т. е. на следующий день после обряда публичной казни, жандармы увозили Чернышевского в Сибирь. Они увозили в ссылку революционера, но революции нельзя было ослабить. Правительство бессильно было заковать ее в кандалы, заточить в свои крепости и тюрьмы.

Жандармская тройка быстро мчала Чернышевского по сибирскому тракту, утоптанному миллионами ног ссыльных. Российская революция медленно, но неуклонно шла по направлению к победе тяжелым путем, в прокладке которого принял такое участие Чернышевский, умевший, по словам Ленина, и своими

подцензурными статьями «воспитывать настоящих революционеров...»¹.

III отделение, имевшее свои особые счета с генерал-губернатором Суворовым, упорно выставляло в своих секретных донесениях этого губернатора как лицо, сочувствующее Чернышевскому. Отчасти мы это уже видели. Сотрудники отделения поспешили отметить приказ губернатора от 20 мая с благодарностью полиции за порядок при объявлении приговора на Мытной площади. Агенты видели в этом приказе доказательство того, что нарушение законов о порядке производства публичной казни было не случайным² (Чернышевский доставлен был в карете, а не на позорной колеснице, в своем платье, а не в арестантском халате, священник отсутствовал). Самый же приказ Суворова с благодарностью полиции показывает, как беспокоил правительство вопрос, сойдет ли благополучно процедура опозорения. Очевидно, Суворов опасался более значительных событий в день 19 мая, нежели те, какие произошли.

Об увозе 20 мая Чернышевского из Петропавловской крепости в Сибирь было сообщено царю в тот же день. На донесении сделана пометка о прочтении его царем 21 мая.

Так закончилось «опозорение» Чернышевского.

Герцен в зарубежном «Колоколе» обращался к русскому правительству: «Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье Вам, проклятье — и, если можно, мечь!» Герцен спрашивал: «Неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба? Этот обличительный холст будет образом для будущих поколений и закрепит шельмование тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников». Уже после Октябрьской революции советские художники закрепили навеки «шельмование тупых злодеев».

§ 36. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ТЮРЬМАХ СИБИРИ

После обряда публичной казни Чернышевский провел в Петропавловской крепости более суток. Близкие ему люди хлопотали о разрешении отправить его в дальний путь в собственном экипаже и, получив соответствующее обещание, запаслись тарантасом, вовремя доставив его в крепость. Но генерал, который

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230.

должен был выдать разрешение, вовремя не приехал. Его прождали час и отправили Чернышевского с жандармами в обыкновенной почтовой телеге. Уже известная нам родственница Чернышевского Пыпина в своем письме к отцу в Саратов с сообщением о таком увозе Чернышевского из Петербурга выразила лишь маленькую частицу широко разлившегося среди передовой части петербургского общества негодования, когда она назвала совершившийся обман ненужной подлостью¹. Она добавляла к этому и гневные слова о чувстве омерзения к обманщикам в генеральских мундирах.

Впрочем, обман был вполне понятен: администрация не хотела еще более возбуждать общественное внимание к Чернышевскому и предпочла, воспользовавшись вечерней темнотой, отправить своего пленника с соблюдением всяких предосторожностей обычным порядком. Однако за 300 верст от Петербурга Чернышевскому удалось купить себе экипаж.

Предосторожности же в отношении перевоза Чернышевского были приняты необычные. Кроме жандармов, сопровождавших осужденного, за его телегой в расстоянии двух часов езды ехал вплоть до Ярославля жандармский поручик Малышкин. Это был, так сказать, особый резерв для помощи жандармам на случай каких-либо неожиданных происшествий.

Из архивного дела видно, как заботливо снарядили Чернышевского в дорогу его родные и друзья. Впрочем, администрация вмешалась и тут, указав, что большая часть вещей должна быть отправлена в Тобольск для выдачи их лишь там осужденному. Часть же вещей была оставлена для пользования ими в пути. В деле есть перечень всех этих вещей. Они состояли главным образом в носильном белье, а также постельном. Кроме того, Чернышевскому разрешили захватить с собой некоторые предметы туалета (мыло, одеколон, гребенки), письменные принадлежности (писчая и почтовая бумага, перочинные ножи и пр.). Были отправлены с Чернышевским и книги, среди них — сочинения Лермонтова, Кольцова, Теккерея. Цензура III отделения не пропустила сочинений Жорж-Занд, вычеркнув эту фамилию из списка. Неизвестно, кто постарался снабдить Чернышевского библией на французском языке и новым заветом на русском. Может быть, это было сделано для целей маскировки, но она не спасла от изъятия из чемодана сочинений Жорж-Занд. Обиль-

¹ См. Чернышевская-Быстрова, Чернышевский в Алексеевском равелине, сб. «Н. Г. Чернышевский 1862—1864 гг. Незданные тексты, материалы и статьи», Саратов, 1928, стр. 317; Об официальной переписке перед ссылкой Чернышевского см. М. Н. Чернышевский, К делу Н. Г. Чернышевского, «Былое» 1906 г. № 5.

нее всего Чернышевский был снабжен бумагой. Но запас ее едва ли находился в соответствии с потребностями Чернышевского. Увозил с собой изгнанник и портреты близких и дорогих ему людей, с которыми разлучился надолго или навсегда.

В Тобольск Чернышевского доставили 5 июня. Жандармы доносили, что они везли его, не останавливаясь для ночевки. Только по утрам и вечерам останавливались на станциях, и Чернышевский пил чай. Будто бы он просил проезжать большие города быстрее, чтобы случайные встречи со знавшими его людьми не привели бы к каким-нибудь осложнениям. Возвратившиеся в Петербург жандармы представили своему начальству короткое письмо Чернышевского Пыпину. В нем новый ссыльно-каторжный сообщал своему другу для передачи семье о прибытии в Тобольск «по добру, по здорову». Конечно, эти слова «по добру, по здорову» нисколько не могли соответствовать действительности после такой бешеной езды, когда и спать приходилось в экипаже, но не в характере Чернышевского было жаловаться на болезни, тягости и т. п. В этом же письме он просил выдать сопровождавшим его жандармам рублей 25. Последовал строгий приказ не передавать письма по назначению и отнюдь не навещать Пыпина. Такова была судьба первого письма Чернышевского из Сибири. В нем не было ровно ничего подозрительного или недозволенного. III отделение знало, как ждали в Петербурге этой вести о прибытии писателя в Тобольск, в каком положении находились его родные. Может быть, именно поэтому письмо и было упрятано в архивное дело. Такую же судьбу разделили и многие последующие письма Чернышевского из Сибири.

Хотя Чернышевского везли в Сибирь без оков, но его заковали в них при отправке 13 июля на солеваренный завод с одним жандармом. Здесь он пробыл очень недолго, и по распоряжению управляющего Иркутской губернии 23 июля был переправлен на Нерчинские рудники. Его поселили на границе с Монголией, в Кадае, в небольшом домике, холодном и плохо проконопаченном; живя в нем, Чернышевский зимой сильно страдал от ревматизма. Этот домик был зарисован одним художником. «В художнике не заметно особого таланта, но настроение безнадежности и тоски передано им превосходно. Унылый пейзаж, нависшие тучи, холодный, никуда не зовущий край горизонта, маленький домик, за стенами которого не чувствуется ни тепла, ни уюта и, как зловещее обещание, как символ отречения от мира — убогие кресты над могильными холмами»¹.

¹ «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», 1912, статья Ляцкого.

Сохранился чертёж этого домика, сделанный рукой Чернышевского с соответствующими надписями: «Комната его в этом «домике» была первой на правой стороне при входе в сени («моя комната» — надпись Чернышевского). Следующей на правой стороне была комната большего размера, где жили «Семен Рафаилович Стецевич и его друзья» (надпись Чернышевского). Налево от сеней была комната, где жил старик-архитектор»¹.

В Кадае Чернышевский прожил два года. Самым большим для него событием за это время было посещение его женой с восьмилетним сыном. Их приезд оказался крупным событием и для местной администрации, как это видно из архивного дела². Стоит остановиться на нем, чтобы отметить черточки, характеризовавшие отношения местных властей к Чернышевскому.

Жена Чернышевского приехала в Иркутск в сопровождении доктора Павлинова и немедленно заявила просьбу разрешить ей поездку в Кадай. Иркутский губернатор решил последовать примеру своего предшественника на губернаторском посту, за сорок лет перед тем, в 1826 году, когда к ссыльным декабристам желали выехать их жены. Ссылаясь на эти прецеденты, губернатор поставил перед Чернышевской дилемму: если она желает видеть мужа, то должна навсегда остаться в месте его ссылки, а в противном случае должна вернуться, не повидав мужа. Чернышевская, указав на состояние своего здоровья и на оставленных в России других детей, просила разрешить ей свиданье, хотя бы в присутствии начальства и при условии разговора с мужем лишь на русском языке. После двухмесячных хлопот Чернышевская с ребенком поехала к мужу. Вместо доктора Павлинова в спутники дали ей жандармского офицера Змелевского. В архивном деле имеются донесения этого жандарма не совсем обычного типа. В них он жаловался на притеснения его Чернышевской и вообще на ее поведение. Он донес, что, выезжая из ворот дома и увидя на крыльце его и полицмейстера, она сказала: «Вот черти, так и стоят и отправляют меня, как преступницу, под конвоем». Далее жандарм продолжал излагать обстоятельства в таком духе, что пострадавшим и стесненным лицом во время этой поездки была не конвоируемая им женщина, а он сам, конвоир-жандарм. И на самом деле, стеснения оказались для жандарма весьма существенными: во-первых, Чернышевская запретила ему курить в повозке, где он сидел рядом с ней, а во-вторых, она запретила ему на остановках пить водку. Лишь

только он захотел перед обедом выпить рюмку водки, Чернышевская закричала: «Вот, чорт возьми, чего недоставало, — терпеть не могу пьянства». На это жандарм вразумительно, будто бы, указывал: «Вы кушаете херес, я ничего Вам не говорю, и даже в уважение к Вам оставил курить в присутствии Вашем, она плюнула и сказала, что убирайтесь к чорту, фискал». Известно, лишил ли себя жандарм и этого последнего удовольствия — выпить рюмку водки, но, по-видимому, поездка с Чернышевской к ее мужу ему особого удовольствия не доставила. Энергичные выражения, будто бы употребленные Чернышевской, остаются на совести обиженного жандарма. Но еще менее испытывали удовольствие от присутствия жандарма супруги Чернышевские после более чем двухлетней их разлуки. Это присутствие было так тяжело, что Чернышевский сам настоял на отъезде жены уже через четыре дня ее пребывания в Кадае.

Через месяц после отъезда жены, в конце сентября, Чернышевский был переведен на Александровский завод, в 30 верстах от Кадая.

Из воспоминания каракововца Николаева известны некоторые подробности пребывания Чернышевского на Александровском заводе. Под тюрьму были заняты четыре небольших ветхих здания. Одно из них было известно под № 7, и в нем размещалось до 150 каторжан. Второе здание — «казармы» — на 100 человек. Третье называлось «контора», а четвертое — «полицейской». Это последнее здание было занято осужденными за государственные преступления. Именно сюда и был переведен Чернышевский, очутившийся в приятном для него обществе шести каракововцев.

Режим на Александровском заводе для Чернышевского не был узаконенным каторжным распорядком. Он, как и другие политические заключенные здесь, не выполнял каторжных работ. Только иногда налагались на них обязательства какой-либо общей работы. Попытки Чернышевского принять в этом участие отклонялись, по возможности, его товарищами по заключению. Не был строго регламентирован для Чернышевского и распорядок его тюремного дня. Он сам определял времяпрепровождение. Он очень много писал, в дневные часы очень много читал. По вечерам Чернышевский читал остальным заключенным свои произведения, а иногда, делая вид, что читает, на самом деле импровизировал¹.

¹ См. Ф. Майский, Н. Г. Чернышевский в Забайкалье, Чита, 1950.
² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1862, № 230, ч. 26, «О литераторе Чернышевском».

¹ См. П. Ф. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Н. Чернышевского в каторге в Александровском заводе, 1867—1872 гг., М., 1906.

Ляцкий очень удачно сопоставил два момента из воспоминаний слушателей Чернышевского. Он прежде всего рисует картину, как в комфортабельном кабинете Некрасова, редактора «Современника», в кругу близких товарищей по журналу, Чернышевский, прислонясь к камину, завлекал всех своей речью, насыщенной глубоким содержанием, то в виде критики экономических теорий, то в виде экскурсов в историю или философию. Ляцкий нарисовал и другую картину: в душной тюремной камере, тускло освещенной, где на нарах лежали каторжане, Чернышевский импровизировал и с настоящим вдохновением овладевал аудиторией¹.

Мы уже знаем, что за свой великий талант становиться властителем дум, всецело овладевать аудиторией и попал на каторгу этот революционный демократ. Правительству во что бы то ни стало, хотя бы и путем подлогов и лжесвидетельства, надо было отнять у Чернышевского его огромную аудиторию, тысячи его слушателей. Какую трагедию должен был переживать этот человек, оторванный от широкой общественно-политической работы! Но не в характере Чернышевского было жаловаться на свою судьбу. Наоборот, он никогда не жаловался и всегда находил слова ободрения и успокоения. Недаром он писал из сибирской тюрьмы жене: «Думая о других, — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитетности моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их»².

На Александровском заводе жизнь Чернышевского облегчалась близостью к нему других политических заключенных, исполненных глубокого к нему уважения. Наличие нескольких человек, близких друг к другу по своим политическим убеждениям, помогло легче переносить оторванность от мира. В целях уменьшить тюремное однообразие они устраивали и общие развлечения в виде постановки театральных представлений.

Пьесы для таких постановок писал Чернышевский.

В первый же год пребывания Чернышевского на Александровском заводе правительство сделало попытку увеличить бдительность надзора за Чернышевским в его тюрьме. После покушения Каракозова на царя в 1866 году шеф жандармов Мезенцев приказал «усугубить надзор за Чернышевским». В Александровскую тюрьму для выяснения условий содержания Чернышевского был командирован жандармский офицер. По его распоряжению

одну из дверей в камеру Чернышевского заделали так, что остался лишь один вход в камеру через караульную. Губернатор же в своем служебном рвении, стремясь успокоить министерство внутренних дел, доносил об отданном им распоряжении быть артиллерии (!) наготове¹.

Очень скоро наступили времена больших стеснений в режиме Чернышевского. Стеснение было тем чувствительнее, что оно наступило после двухмесячного проживания его за тюремной оградой на правах арестанта разряда испытуемых. Это было летом 1867 года. Чернышевский поселился в домике местного дьячка, имел возможность ходить на прогулки, купаться в реке и поздорвел. Однако после побега одного ссыльного он был вновь возвращен в острог. На этот раз его посадили не там, где он ранее сидел вместе с каракозовцами, а в корпус под названием «контора». Здесь содержались поляки, осужденные за участие в восстании. Впрочем, Чернышевский, как и ранее, имел здесь особую камеру. Она была устроена, по словам очевидца, так, что находилась между четырьмя расположенными крест-накрест дверями. В ней было холодно, и Чернышевский постоянно носил пальто на мерлушковом меху и легкую барашковую шапку. Кроме того, в камере Чернышевского не доставало света, проникавшего сюда только через стекла верхней части заколоченной двери. За этими стеклами была укреплена железная решетка. Дверь выходила на крыльцо с четырьмя колоннами, что еще более затрудняло доступ света². Это помещение было приспособлено для Чернышевского из бывшей передней или коридора. Как плохо оно ни было, оно давало узнику возможность заниматься в уединении. Впрочем, стены его камеры были так тонки, что полной тишины не было. Только внимание и заботы самих заключенных уменьшали шум от соседства большого числа арестантов. Общение Чернышевского с каракозовцами, помещавшимися в той части тюрьмы, которая носила название «полиция», не прекращалось. Он навещал их по вечерам, оставаясь у них по несколько часов, а иногда тут же и ночевал. Своих посетителей он угощал чаем и сам ставил самовар, раздувая угли в самоваре своим сапогом. Эти дошедшие до нас черточки тюремного быта Чернышевского показывают, что каторжного режима в его настоящем смысле Чернышевский избег, а окружавшие его уважение и любовь всех политических заключенных облегчали его положение.

¹ См. «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», 1912, статья Ляцкого, стр. 31.

² Там же, стр. 35.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230, ч. 26, «О литераторе Чернышевском» (л. 270—271).

² См. В. Н. Шаганов, Н. Г. Чернышевский на каторге и ссылке. Воспоминания, СПб., 1907, стр. 30—32.

Более всего он страдал от разлуки с горячо любимой им женой. Она собиралась навестить его в 1868 году, но министерство внутренних дел 18 октября 1868 г. предписало не давать ей разрешения на поездку, секретно мотивируя это опасением побега Чернышевского, будто бы подготовленного польскими эмигрантами. Через месяц после этого у Чернышевской даже был отобран ее паспорт и запрещен выезд из Петербурга.

Каких-либо сведений о подробностях пребывания Чернышевского на Александровском заводе за каждый из отдельных годов этого периода (1866—1871 гг.) не имеется. Опубликованные письма Чернышевского к жене с Александровского завода не дают никакого фактического материала на эту тему. Они носят один и тот же характер: автор писем успокаивал жену, что в тюрьме ему хорошо, что он всем доволен, что ни в чем не нуждается. Доказано, что такое содержание писем диктовалось автору стремлением не доставлять жене волнений и беспокойств.

Но из этих же писем, начиная с лета 1870 года, когда Чернышевский ожидал своего освобождения из каторжной тюрьмы, видно, как он ждал этого желанного дня. Еще за три-четыре года перед этим у него была отнята радость письменного общения с женой, так как, по словам Ляцкого, число допущенных к отправке из тюрьмы писем было сведено сначала даже до одного письма в год, а потом «увеличено» до двух. За три года (1868—1870 гг.) Чернышевский отправил всего восемь писем, из которых одно — секретно, со знакомой, оно дошло по адресу, а другое было задержано III отделением и осталось в архиве жандармов. Так правительство стремилось порвать эту единственную оставшуюся у Чернышевского форму сношений с самыми близкими ему людьми. Поэтому понятно нарастание в настроении Чернышевского чувства томительного ожидания приближавшегося срока освобождения.

Этого освобождения не произошло, и настоящая каторга началась для Чернышевского лишь с того времени, когда официально кончился ее срок и когда, по силе закона, он подлежал переводу на поселение. Правительство не допускало освобождения Чернышевского, так как опасалось увоза его революционерами и его влияния на передовую часть общественного мнения в России.

Правительство, начавшее судебный процесс с организации подлогов и лжесвидетельств, закончило свою расправу с великим писателем новым преступлением, столь же возмутительным. Нельзя без чувства величайшего омерзения и глубочайшего негодования перечитывать подлинные документы с перепиской

высших правительственных органов и повелениями Александра II.

По действующему тогда закону каторжанин, отбывший срок каторги, подлежал немедленному освобождению из места заключения и поселению в том или ином пункте Сибири на правах ссыльнопоселенца. Ему предоставлялась возможность некоторого передвижения, занятия тем или иным трудом и вообще жизнь

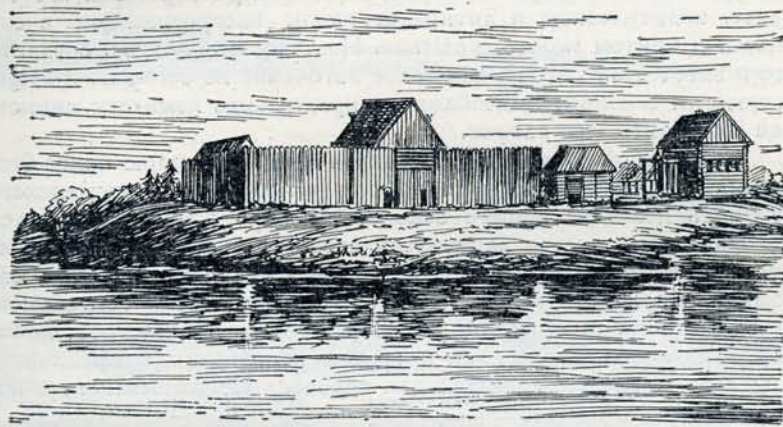

Рис. 24. Вилуйская тюрьма — местопребывание Чернышевского
Из журнала „Былое“ 1906 г. № 5

так сказать свободного человека, но с разными ограничениями. Однако министерство внутренних дел, шеф жандармов и сам Александр II не хотели даже и такой ограниченной «свободы» для жертвы своего «правосудия».

12 августа 1870 г. иркутские власти послали шефу жандармов шифрованную телеграмму такого содержания: «Срок работ Чернышевского кончился в августе. Закон требует отправить на поселение. По письму вашему № 1386 следует предварительно войти в соглашение. Если будет свободен, отвечать за целостность нельзя. Как поступить?»¹

Из этой телеграммы уже видно, что существовало запрещение шефа жандармов освобождать Чернышевского из каторжной тюрьмы без особого разрешения, несмотря на требование закона. Запрещение было безусловно противозаконным. Иркутские власти знали настроение верхов и отношение их к осужденному

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230 (л. 303).

литератору, а потому не преминули подчеркнуть опасность пребывания писателя на свободе.

Такое мнение местных властей подкрепляло позицию шефа жандармов, и 4 сентября 1870 г. граф Шувалов, управляющий III отделением, уже писал царю доклад самого циничного характера. Шувалов подробно развивал в этом докладе следующую основную мысль: хотя по силе двух манифестов Чернышевский и подлежал бы теперь освобождению, но при огромном его таланте, политическом и антирелигиозном настроении он очень опасен и притом может скрыться. Поэтому необходимо оставить его в заточении. Но так как такое заточение не согласно с существующим законом, то необходимо предложить комитету министров разрешить этот вопрос.

Само собой разумеется, Шувалов предлагал царю явное беззаконие: комитет министров не мог в отношении Чернышевского отменить действие общего закона. Но царь вполне согласился с Шуваловым, решив заручиться соответствующим постановлением комитета министров. Не могло быть никакого сомнения, что комитет министров разрешит все, что угодно шефу жандармов. И действительно, 26 сентября 1870 г. комитет министров, попирая законность, согласился с шефом жандармов и предложил изыскать надежные средства для перевода Чернышевского в поселенцы.

Шеф жандармов без всякого труда изыскал это надежное средство. Оно оказалось очень простым, проще и надежнее ничего нельзя было и придумать: шеф жандармов предложил царю сохранить за Чернышевским его звание ссыльнопоселенца лишь номинально, а фактически не прекращать его тюремного заточения. Пребывание узника в тюрьме Александровского завода должно было прекратиться только для того, чтобы заместиться заключением в тюрьме отдаленнейшего пункта Якутии, в г. Вилюйске. Царь вполне разделял правильность этого «мудрого» разрешения щекотливого вопроса и 1 января 1871 г. подтвердил это своим повелением.

Этот акт правительства добил Чернышевского, вырвал из его жизни еще одиннадцать лет с лишним и на столько же лет лишил его возможности непосредственно влиять на русское политическое самосознание. Это был настоящий удар по политическому развитию русского народа.

Отмечу одну мелкую, но характерную подробность всех этих распоряжений. Хотя для помещения Чернышевского была предназначена настоящая тюрьма, даже окруженная тыном, правительственные документы старательно и лицемерно избегали употреблять термин «тюрьма». Правительственное распоряжение

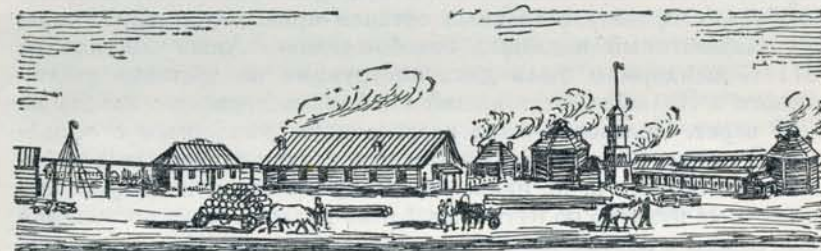
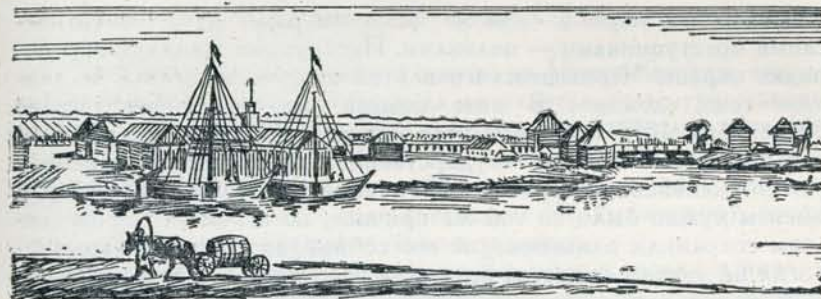

Рис. 25. Два вида солеваренного завода в Усолье, где в июле 1864 года содержался Н. Г. Чернышевский, закованный в кандалы

Рис. 26. Вид Кады, где Н. Г. Чернышевский прожил два года. Оригиналы рисунков хранятся в ЦГИА в Москве

называло эту тюрьму «домом», занятым ранее двумя политическими преступниками — поляками. Инструкция жандармам о порядке охраны Чернышевского в этой тюрьме называла последнюю тоже «домом». В акте обыска камеры Чернышевского 30 декабря 1873 г. назван этот острог «зданием», устроенным для помещения важных государственных преступников, а камера уютно именована «комнатой». Не называть тюрьму ее настоящим именем нужно было по той же причине, по какой за Чернышевским сохранили наименование его ссыльнопоселенцем. Терминология не меняла существа дела и не превращала острога в обычный жилой дом, тюремную камеру — в комнату, а арестанта — в поселенца.

Только в конце 1871 года прекратилась томительная для Чернышевского неизвестность его будущей судьбы. По исчислению самих правительственных органов прошло уже более года, как заключенный подлежал освобождению. Лишь 20 ноября 1871 г. жандармам была дана инструкция по доставке заключенного в Вилюйск, отстоявший от Александровского завода на 1700 верст. Перевозка была вверена двум жандармам с офицером. В случае болезни Чернышевского в пути разрешалось допустить к нему врача не иначе, как в присутствии жандарма. Из различных пунктов по пути следования должны были посылаться телеграммы с извещением о благополучном следовании арестанта.

Инструкция эта — обычного типа; больший интерес представляет инструкция о надзоре за Чернышевским в Вилюйске¹. Она предписывала «наблюдать, чтобы Чернышевский не выходил из своей квартиры без сопровождения жандармского унтер-офицера, чтобы посторонние лица посещали Чернышевского не иначе, как с разрешения унтер-офицера или исправника, чтобы в ночное время по очереди один из конвойных постоянно наблюдал Чернышевского, не обращая на это его внимания, и чтобы дом в продолжении ночи был заперт».

Особенно ярко выражали режим, установленный для Чернышевского, следующие статьи:

«...Ст. 15. О поведении Чернышевского и его здоровье доносить с каждой почтой генерал-губернатору и от него же получать разъяснения по всем случаям.

Ст. 16. Приставленный для постоянного наблюдения за Чернышевским жандармский унтер-офицер должен жить в одном с ним доме и сопровождать его в прогулках и вообще при отлучках из дома, но этот надзор он должен устроить незаметно, чтобы

не раздражать Чернышевского и не придавать ему вида арестанта».

Требование к жандарму следить за Чернышевским «незаметно» и «не придавать ему вида арестанта» было совершенно неисполнимо, так как Вилюйск с его немногочисленными постройками и малолюдством (не более 500 жителей) исключал всякую возможность секретности слежки. Смешно было требование к жандарму «не придавать вида арестанта» Чернышевскому, когда его само правительство превратило в такового.

Чернышевский был доставлен в Вилюйск в середине января 1872 года¹. Содержавшийся в Вилюйском остроге государственный преступник Огрызко был увезен оттуда в Якутск. Чернышевский должен был оставаться в этом пункте единственным политическим заключенным. Как и в других случаях, нельзя по его письмам судить о том, как в действительности протекала здесь его жизнь. Каждое его сообщение было проникнуто насквозь одним желанием заверить жену, что окружавшие его условия не только сносны, но даже и хороши, что он живет спокойно. Именно в этих целях он последовал примеру администрации, скрыв, что поселен в остроге. Он назвал этот острог лучшим домом в городе, с большим залом и пятью просторными чистыми и теплыми комнатами. Он пояснял, что поселился в этом доме так просто, чтобы дом не оставался пустым.

Сопоставление писем Чернышевского с жандармским донесением показало нам, как далеко уходил Чернышевский от истины в стремлении не беспокоить жену, а также, может быть, в стремлении не дать малейшего повода к задержке его писем тюремным начальством. В то время, когда в его письмах нет даже намека на тяжелое настроение, на какое-нибудь недовольство, жандармский офицер доносил о нем в марте 1872 года, что он все время находился в крайне раздраженном состоянии. В сентябре того же года III отделение было оповещено сначала телеграммой, а потом и подробным донесением, что Чернышевский сошел с ума. Жандармы видели признаки такого помешательства в целом ряде фактов из поведения Чернышевского. На прогулках, по их словам, он не ходил по прямой линии, а бегал из стороны в сторону. Он срывал щипцами замок с дверей, требуя показать бумагу: кто приказал запереть его на ночь? При разговоре с жандармами он трясся и заявлял, что ему ничего не стоит резать человека. Наконец, он предъявлял к жандармам требования становиться перед ним во фронт или отходить от него в сторону.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1862, № 230 (л. 362).

¹ О пребывании Чернышевского в Вилюйском остроге см. И. М. Романов, Н. Г. Чернышевский в Вилюйском заточении, Якутск, 1957.

Выставленные жандармами признаки будто бы наступившего сумасшествия Чернышевского не отличались убедительностью, но, во всяком случае, говорили, что удивительная уравновешенность и выдержанность узника были, наконец, нарушены. Вины в этом были только жандармы, или, правильнее сказать, само правительство, установившее для «поселенца» режим арестанта.

Когда он писал жене, что занял в Вилуйске дом в пять комнат и с большим залом, он не пояснил ей, что занимает в нем лишь одну комнату и что другие комнаты заняты жандармским унтер-офицером и двумя урядниками. Так, вместо прежних товарищей по ссылке и по политическим убеждениям, соседями оказались специально приставленные к заключенному жандармы.

Опостылевшие за десять лет заточения в разных тюрьмах дверные запоры и замки оказались и тут, в жилище «поселенца». Требования показать незаконное на этот счет распоряжение оставались неудовлетворенными. Открытый, на виду у всех, взлом такого замка превратился в глазах жандармов в акт сумасшедшего.

Видя за собой на прогулках постоянно хвост в лице жандарма, Чернышевский переставал ходить по прямой линии и начинал бегать из стороны в сторону. Конечно, за ним пришлось бегать и жандармам: «сумасшествие» Чернышевского повлекло за собой такое же «сумасшествие» и его охранителей.

Заявление Чернышевского будто бы о способности его убить человека, требования к жандармам стоять перед ним во фронт не отвечали характеру его. Если они имели место, то были словами человека, выведенного из терпения всем режимом тюрьмы. В другом официальном донесении, наоборот, отмечалось кроткое отношение узника к его церберам¹. Из частных же источников известны даже занятия Чернышевского с жандармами и обучение их грамоте, письму и счету².

В центре эти телеграммы и рапорты о сумасшествии Чернышевского не вызывали беспокойства. Или им не поверили, или вообще привыкли к случаям безумия узников, загубленных режимом заточения.

Мы нашли в архивном деле официальное описание камеры Чернышевского в Вилуйском остроге, приведенное в акте обыска у Чернышевского 30 декабря 1873 г.:

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230. Рапорт жандармского полковника Купенкова от 30 января 1874 г. (л. 446—451, оборот).

² См. «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», 1912, статья Ляцкого, стр. 50.

«Комната, в которой проживает Чернышевский, находится в здании, устроенном для помещения важных государственных преступников. Она имеет около 3¹/₂ сажень в длину и ширину и 4¹/₂ аршина высоты. В ней два окна, выходящих во двор, обнесенный палями. Окна снабжены железными решетками и двойными рамами, из коих в зимних стекла в два ряда. Печь голландская с топкой из соседней комнаты. В наружной стене устроен вентилятор. Мебель комнаты составляют: большой деревянный сундук, несколько столов и кроватей, оставшихся, вероятно, в ней от ранее содержавшихся здесь преступников. Температура около 14° по Реомюру при морозе в 38°. Вообще, как в этой комнате, так и во всем здании достаточно светло, воздух чист, сухо, и она вполне удовлетворяет санитарным требованиям. Кроме необходимых одежных вещей, и для хозяйства у Чернышевского в комнате найдено чай, сахар, табак, письменные принадлежности и разные книги научного содержания и периодические издания»¹.

Из этого описания видно, что администрация не позаботилась даже вынести из камеры лишние столы и кровати, хотя и поселила Чернышевского во всей тюрьме одного. Другими словами, обычный тюремный вид камеры был сохранен во всей его неприкосновенности. Не было ничего, что напоминало бы уют. Через два года после этого другой жандармский офицер снова производил обыск у Чернышевского. В секретном донесении он сообщал о неряшливости и крайнем беспорядке всей обстановки. По словам местного жандарма, Чернышевский не допускал уборки и мытья полов, заявляя, что от сырости у него болит голова. Чернышевский был одет в разорванный халат. По словам жандарма, он выглядел похудевшим и пожелтевшим от сидячей жизни, скупно расходовал присланные женой деньги, истратив из 450 руб. только 150 руб. за год. Он получал от казны 17 р. 12 к. в месяц. По словам того же жандарма, был умерен в пище, не пил ни вина, ни водки. С людьми был необщителен, странен и эксцентричен. О своих занятиях заключенный объяснил жандарму, что время он проводит в чтении и письме, излагая на бумагу сюжеты своих литературных трудов, и когда они укрепятся в его памяти, то уничтожает их. Сначала он написал до 15 романов, а теперь пишет очерки из всеобщей истории человечества².

Следует подчеркнуть противоречия в описаниях жилищных условий Чернышевского, сделанных жандармами и каракозовцем

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230, (л. 443 и 444).

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1862, № 230 (л. 446—451, оборот).

Шагановым. Каракозовцы Шаганов и Николаев, проводившие пять лет с Чернышевским в тюрьме на Александровском заводе, проезжали в апреле 1872 года через Вилуюск по пути к месту их поселения. Это были первые месяцы пребывания Чернышевского в Вилуюске. Обоим каракозовцам удалось посетить Чернышевского в его тюрьме два дня подряд и принимать его у себя. Описания Шаганова более ценны для нас, чем жандармские. Он не был заинтересован ни прикрашивать бытовые условия своего бывшего товарища по заключению, ни обрисовывать их хуже, чем они были на самом деле. При этом описание Шаганова в некоторых отношениях подробнее жандармских, так как оно охватило не только камеру Чернышевского, но и все здание тюрьмы. Воспроизведем описание Шагановым Вилуюского острога, интересное не только тем, что в этом остроге проживал Чернышевский, но и тем, что оно знакомит нас с типом сибирских тюрем 60-х и 70-х годов.

По словам Шаганова, тюрьма в Вилуюске, построенная в 1866 году из очень толстых бревен, представляла собой здание сажен 15 длины и сажен 10 ширины. Это здание, а также кухня и баня при тюрьме находились на тюремном дворе, обнесенном высоким частоколом. Частокол проходил перед самыми окнами тюрьмы на расстоянии двух или трех сажен от них.

Входное крыльцо в тюрьму находилось как раз против ворот, устроенных в частоколе. Через трое дверей, из которых двое первых были двустворчатые, а третья — внутренняя — решетчатая из толстых брусьев, посетители попадали в длинный коридор. Он освещался окном на конце, противоположном входной двери. По обеим сторонам коридора было расположено по три камеры. Чернышевский занимал с правой стороны от входа последнюю, третью камеру, а первая была предоставлена жандарму. Средняя камера с левой стороны была занята казачьим урядником. В коридоре у окна помещался служитель. В каждой камере имелась печь с топкой из коридора. Входные в камеры двери были обиты клеенкой. Это обстоятельство заставляет предполагать отсутствие в коридоре должного тепла, в противоположность жандармскому донесению. Шаганов находил комнату Чернышевского сырой, и, по его словам, Чернышевский в конце апреля не мог сидеть без валенок, так как начиналась ревматическая боль в ногах. Не нашел Шаганов в камере и достаточно дневного света, доступу которого в комнату через два высоких окна мешало близкое расположение тюремного частокола. Деревянная кровать заключенного стояла направо от входной двери; налево в углу — маленький столик. Посредине комнаты тянулся длинный, сажени в две, стол, на котором лежали книги, табак и разные мелочи.

Непонятно, почему Шаганов не отметил тех нескольких кроватей, которые оказались в камере Чернышевского год и восемь месяцев спустя, судя по донесению жандармского офицера от 30 декабря 1873 г. Остается предположить одно из двух: или Шаганов позабыл о них, или Чернышевский был переведен в другую камеру¹.

Правительство в Петербурге, иркутский генерал-губернатор и полицейские власти в Вилуюске находились под постоянным страхом побега Чернышевского или, вернее, возможности его похищения революционерами. Этот страх принимал размеры настоящего панического ужаса. При такой панике бессмысленные бредни и самые нелепые слухи становились в глазах перепуганной администрации реальными и сбыточными. Примером сказанного может служить шифрованная телеграмма иркутского генерал-губернатора в Петербург от 10 декабря 1873 г. Губернатор телеграфировал о получении им весьма секретного сообщения, будто бы Бакунин, Утин и Лопатин прибыли из-за границы в Вилуюск для освобождения Чернышевского. Они взяли с собой яды, револьверы, подложные подорожные и паспорта; они намерены поджечь город и, воспользовавшись смятением, похитить Чернышевского, спрятать его в землянке на три месяца и после этого увезти за границу. Донесение губернатора сопровождалось просьбой отпустить на экстренные секретные расходы по предупреждению побега 5 тыс. руб. или сколько можно.

Анонимный доносчик был прав только в одном отношении, а именно: в высокой оценке Чернышевского как революционной силы. Этой силой признавали Чернышевского и в России, и за границей. Воспроизведем дословно соответствующие строки доноса: «Содержащийся в г. Вилуюске преступник Чернышевский своей плачевною судьбою давно возбуждал сочувствие в русской эмиграционной молодежи за границей и в особенности в среде членов Интернационального общества рабочих и главы их Карла Маркса, который считает Чернышевского одним из талантливых представителей политической экономии. Мысль освободить Чернышевского постоянно находила себе горячих поклонников между людьми этой корпорации».

В остальном нелепость доноса была совершенно очевидна. Проникнуть в Вилуюск из-за границы и проживать там революционерам втроем было, конечно, немыслимо. Для всякого непредубежденного человека показалось бы бредом сумасшедшего это

¹ См. В. Н. Шаганов, Николай Гаврилович Чернышевский на ка-
торге и ссылке, СПб., 1907, стр. 35.

сообщение о предстоящем поджоге города, о заготовленной землянке, о намерении продержаться в ней Чернышевского не много не мало ровно три месяца и пр. и пр. Но администрация не была в данном случае склонна к скептицизму, будучи готова всему поверить и признать, что для революционеров нет ничего невозможного. III отделение благословило иркутского генерал-губернатора на принятие необходимых мер, но сделало оговорку, чтобы эти меры не были сопряжены со значительными расходами.

В Вилюйск был командирован для расследования и предупреждения побега жандармский полковник. Так как в доносе указывался даже дом мещанки Поповой, где будто бы поселились организаторы побега, то жандарму оставалось только найти этот дом. Но тут начались трудности. Анонимный доносчик, доверчиво собравший политические сплетни, или просто шутник, назвал домовладельца, у которого будто бы нашли приют революционеры, самой распространенной фамилией Поповых. Жандарм нашел в Вилюйске семь таких домовладельцев. Тщательные обыски в нескольких домах ничего не дали. Вероятно, эта безрезультатность жандармского розыска и личное знакомство жандарма с тем, что собой представлял Вилюйск, убедили его в невозможности описанного способа похищения Чернышевского. Но, конечно, он произвел обыск и у ссыльного писателя. Описание им камеры Чернышевского мы уже приводили. Так как о жизни Чернышевского в этом далеком сибирском углу известно очень мало, то приведем еще некоторые места из донесения жандарма о его встрече с писателем.

Нельзя предполагать, что этот полковник передал слова Чернышевского вполне точно. В его жандармском мозгу все должно было преломляться по-своему. Но, вероятно, сущность заявлений Чернышевского передана более или менее правильно. Так, например, протест его против незаконного содержания в Вилюйске и против запрещения писать для печати подтверждается всеми обстоятельствами дела. Вполне естествен и понятен был тот первый вопрос, с которым Чернышевский обратился к своему посетителю: привезено ли ему облегчение или отягчение участи? С одной стороны, Чернышевский писал жене о своих надеждах на перевод его из Вилюйска, а с другой — ему уже не раз приходилось испытывать все новые и новые отягощения.

На слова жандарма, что попытки друзей Чернышевского освободить его вредят ему, Чернышевский будто бы отвечал, что не считает их друзьями и никогда никого об этом не просил и узнал о таких попытках только из газет при чтении судебного отчета о процессе Нечаева. По состоянию сил он не способен

к побегу и ждет, когда его вернет правительство. В отчете жандарма приведены такие слова писателя: «Согласитесь, что вы никогда не забудете фамилии Пушкина, Гоголя и Лермонтова, так современная молодежь будет помнить мою фамилию, хотя я этого не ищу, потому что я также передовой человек в русской литературе. Если те идеи, которые я проводил десять лет тому назад, признаны преступными, то за них я потерпел довольно, подчиняясь суду, и не знаю, за что, после истечения срока каторги, отягчают мою участь содержанием здесь и воспрещением печатать мои сочинения». Он указывал, что такое запрещение не только лишает его возможности помогать своей семье, но приводит к необходимости получать деньги от нее¹. Известно, что в письмах к жене Чернышевский часто подчеркивал свое глубокое сожаление по случаю отсутствия у него возможности содержать семью.

Однако опасения центральной и местной администрации за прочность плена писателя в далеком Вилюйске имели под собой некоторые основания. Известны не только планы, но и попытки осуществления побега Чернышевского. Таковы были предприятия народовольцев, Лопатина, затем Мышкина, которому даже удалось под видом жандармского офицера добраться до Вилюйска. Чернышевский был живым знаменем революции. Мысли и чувства революционеров не могли примириться с захватом этого знамени царским правительством. Понятны их стремления вырвать его из рук палачей, предававших медленной смерти великий талант в мучительной ссылке. Хотелось, чтобы это знамя вновь развернулось, хотя бы за рубежом, и чтобы оно собрало вокруг себя, как в начале 60-х годов, молодые революционные силы.

Но этого не случилось. И проходили один за другим долгие годы острожной вилюйской жизни писателя, похожей на медленное умирание. При всей сдержанности Чернышевского, при его стремлении в целях успокоения жены скрыть суровую действительность в его письмах выявились тяжелые бытовые и моральные условия более чем одиннадцатилетнего вилюйского заточения.

Сам Вилюйск с его пятьюстами жителей состоял только из двух улиц с 40 жилыми постройками, из которых треть представляли собой юрты, а остальные две трети — дома. Вилюйск был окружен болотами. По образному выражению Ляцкого, «безнадежность и тоска жила в тюрьме, безнадежность и тоска царил над поселком, над его жалкими домишками, с жалкою ютящеюся

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1862, № 230.

в ней жизнью, над его болотами, поросшими низкорослым лесом, над его песками»¹. Сам Чернышевский писал, что здешний лес «совестно называть лесом, покрытые мохом ложбины никогда не просыхают». Бедной и скудной природе соответствовала общая бедность населения и его забитость, которые мучили Чернышевского еще более, чем суровость природы. В письме от 17 мая 1872 г. он писал жене, что нищета населения мутит его душу. Описывая, как местные жители — якуты за несколько шагов до встречи снимают с себя шапки, он спрашивал: «Люди ли это или хуже забитых собак?»

Разумеется, в Вилюйске Чернышевский не мог никого найти для живого общения. Обед он получал от семьи священника, и стол его состоял из каши, хлеба и чая.

Вся жизнь Чернышевского в Вилюйске проходила за чтением книг и за писанием литературных произведений, которые он, не имея права пересылать для печати, жег или рвал на мелкие клочки и топил в том озерке, на берегу которого читал и писал в устроенной им беседке из тальника и какого-то другого растения. Тут же он сам устроил себе лежанку из дерна и мха. Он писал жене с каждой почтой, но почта отправлялась из Вилюйска очень редко. В письме к А. Н. Пыпину от 28 марта 1875 г. он писал: «Мои письма к Ольге Сократовне — непрерывный ряд уверений, что все в моих обстоятельствах прекрасно», и признавался, что если бы «что-нибудь было и не совсем прекрасно», то он «все-таки писал бы ей превосходно»².

Между тем у Чернышевского были, конечно, самые тяжелые переживания за время его полного одиночества в Вилюйске. В одном из таких переживаний он признавался в письме к Пыпину, когда узнал о приближающейся смерти поэта Некрасова. Чернышевский просил Пыпина: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем». Автор статьи о пребывании Чернышевского в Вилюйске, сообщая приведенные выше строки, добавляет: «Через три месяца этот страстный крик заживо погребенной души донесся до слуха умирающего поэта: «Скажите Н. Г., — проговорил он едва слышным шопотом, — что я очень благодарю его; я теперь уте-

¹ Сборник «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», вып. I, СПб., 1912, стр. 42.

² Там же, стр. 156.

шен; его слова дороже мне, чем чьи-либо слова»». «О Некрасове я рыдал, — писал позднее Чернышевский Пыпину, — просто рыдал по целым часам каждый день целый месяц после того, как написал тебе о нем». Глухая тайга да жандармы за тюремной стеной были единственными свидетелями этих одиноких рыданий¹.

Попытки Чернышевского расширить содержание писем до размера рассказов детям на разные темы, до целых трактатов на естественнонаучные и философские темы были пресечены распоряжением шефа жандармов. Во исполнение такого распоряжения якутский губернатор 28 сентября 1878 г. предписал исправнику Вилюйска запретить Чернышевскому касаться в своих письмах посторонних вопросов, а писать «лишь о своем положении в приличных формах и выражениях, не касаясь вовсе рассказов о предметах совершенно посторонних»². Ровно через два месяца, 27 ноября, это запрещение было вновь подтверждено. В 1880 году 6 марта якутский губернатор доносил шефу жандармов об исполнении распоряжения шефа жандармов относительно содержания писем Чернышевского. Вместе с тем губернатор отмечал, что такое запрещение вызвало со стороны Чернышевского «придирики», и губернатор наложил на него дисциплинарное наказание в виде запрещения выходить с тюремного двора в течение трех дней. Протесты Чернышевского, по словам губернатора, не привели ни к чему, и, как хвастался губернатор, «без больших разговоров ворота острога были заперты».

Протесты Чернышевского были вполне законны. Формально он был не арестантом, а ссыльнопоселенцем: в числе дисциплинарных взысканий для поселенцев не значилось запрещение выхода со двора.

Нельзя не отметить совершенно неприличного тона официального донесения губернатора в Петербург о том, как Чернышевский перенес это новое над ним издевательство: «Лишенный возможности порисоваться угнетением такого ареста перед своими вилюйскими знакомыми, Чернышевский казался присмирившим и неудовольствие свое выражал только долгим неписанием обыкновенных писем к своей семье»³.

¹ См. Е. С. Козл., Чернышевский в Вилюйске, сб. «В Якутской неволе», М., 1927, стр. 66.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 3 эксп., 1876. Дело № 3 Вилюйского окружного полицейского управления «О государственном преступнике Чернышевском» (л. 186, оборот).

³ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1876. Дело № 1 Якутского областного управления «О государственном преступнике Чернышевском» (л. 73, оборот).

Такие выражения, как «порисоваться», «присмиривший», отнюдь не говорят о спокойном губернаторском настроении. На самом деле губернатор был очень рассержен и подверг наказанию Чернышевского не за содержание его писем, а совершенно по другому поводу. Инцидент этот так связан с условиями заточения Чернышевского в Вилюйске, что заслуживает быть отмеченным. Чернышевский подал официальное заявление губернатору, по-видимому, в связи с недопущением к нему посылки с лекарствами. Должно быть вилюйский узник писал в этом заявлении о желательности для правительства его смерти. Губернатор на это отвечал: «Объявить Чернышевскому, что доходящие до него слухи несомненно есть клевета, происходящая скорее от глупостей и неразвитости, нежели от какого-либо умысла». Вместе с тем губернатор добавлял, что разрешает Чернышевскому написать шефу жандармов. В ответ на такое сообщение изгнанник-писатель сделал на губернаторском сообщении такую собственноручную надпись: «Ни запрещать, ни разрешать мне писать к г. шефу жандармов якутский губернатор не имеет права. Он будет поступать хорошо, если прежде чем подписывать относящиеся ко мне бумаги, сочиняемые в областном якутском правлении, будет отдавать их на просмотр людям более сведущим в законах, нежели чиновники этого управления, очевидным образом плохо знающие законы»¹. Далее Чернышевский добавил: «Г. исправник, потрудитесь отослать эту бумагу якутскому губернатору. Н. Чернышевский».

Такая надпись на губернаторской бумаге в глазах губернатора напоминала «высочайшую резолюцию». Губернатор потерял душевное равновесие тем более, что и на самом деле он не имел права запрещать или разрешать писать к шефу жандармов. В результате он обрушился на исправника за передачу ссыльному в подлиннике секретной бумаги и выместил свою злобу на самом узнике.

Из архивного дела Якутского областного управления видны и другие факты тяжелых моральных условий жизни Чернышевского в Вилюйском остроге. Так, вилюйский исправник доносил начальству в 1882 году, что вновь назначенный для надзора за Чернышевским старший урядник Бродников раздражает его своим неумелым подглядыванием за ним из-за угла на улицах. Этот Бродников в жандармском усердии постоянно писал рапорты с сообщениями то об обнаруженном им подкопе через сортир на тюремном дворе, то о дальних прогулках узника в лесу

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1876. Дело № 3 Вилюйского окружного полицейского управления «О государственном преступнике Чернышевском».

для собирания грибов, то о необходимости снабдить его, урядника, вместо кремневого пистолета на всякий случай револьвером и т. д. Особенно беспокоили этого стража прогулки Чернышевского в лес: он о них упорно рапортовал не один раз; кончилось тем, что он надоед не только Чернышевскому, но и полицейскому начальству, и был смещен.

Не лучше были и материальные условия существования ссыльного писателя. Вилюйский исправник доносил в Якутск о совершенной недостаточности денежных средств, отпускавшихся на питание узника. По словам официального донесения, этих средств не хватало на мясо, и Чернышевский питался «хлебом, молоком и изредка чаем».

Очень редки были случаи проявления, хотя бы в самых ничтожных размерах, некоторого внимания к бытовым условиям заключенного. Когда он запротестовал в 1881 году против предположенной побелки стен и потолка, его камера была оклеена обоями, а потолок обит «ланкортом». Чернышевский просил светлых обоев, так как «он при темноте занимаемой им комнаты не может днем заниматься чтением». Губернатор поручил сообщить узнику, что при всем желании не удалось найти светлых обоев, и были присланы светло-дымчатые и полосатые.

Самым тяжелым лишением был отрыв Чернышевского от родной семьи и от культурной жизни. Только удивительная сила воли этого человека и переписка с родными, а также получение некоторых журналов и книг спасли его от безумия. Но празительство не один раз стремилось внести ограничения в содержание переписки, хотя она вся шла через III отделение и не касалась политических вопросов. Последнее из таких распоряжений шефа жандармов было сделано 26 августа 1882 г., когда III отделение снова потребовало от писателя, «чтобы в письмах к родным он извещал их о своем положении в приличных формах и выражениях, не касаясь посторонних обстоятельств, иначе письма его передаваемы не будут».

Для выяснения, какую степень умственного голодания переносил Чернышевский в Вилюйске, мы просмотрели в архивном деле Вилюйского окружного полицейского правления все препроводительные бумаги из Якутска с сообщениями о пересылке Чернышевскому корреспонденции. Оказалось, что за весь 1877 год он получил девять книжек журнала «Отечественные записки», восемь номеров «Вестника Европы», шесть книг «Знания», 23 письма, три посылки, шесть исторических книг Костомарова, две книги «Земледелие и землевладение» и одну книгу «Жизнь и переписка Белинского». В 1878 году Чернышевским было получено 11 номеров «Отечественных записок», 12 книг «Вестника

Европы», один номер «Знания», 13 иностранных и шесть русских книг (в том числе «Русские и сербы») и 21 письмо.

Вся корреспонденция шла через Якутск и доставлялась в Вилюйск очень неравномерно, через самые различные сроки, исчислявшиеся то днями, то неделями, то даже месяцами (например, 2 сентября пришли в Вилюйск из Якутска два письма и два журнала, полученные в Якутске еще 8 июля, и т. п.).

Конечно, не вся корреспонденция передавалась Чернышевскому. Так, например, ему не было передано какое-то письмо на английском языке из Нью-Йорка, посланное для перевода из Якутска в Иркутск и пересланное затем в III отделение. Не была вручена ему телеграмма от 15 июля 1881 г. такого содержания: «Твои сочинения исполнены мира и любви. Ты этого совсем не ждай (очевидно, здесь текст искажен телеграфом — *Ред. кол.*). Твой неизвестный ученик Витевский». Эта телеграмма врача Ставропольской земской больницы вызвала целое жандармское дознание»¹.

Не передавались по назначению и отдельные письма Чернышевского. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири доносил 22 апреля 1878 г. шефу жандармов, что ранее Чернышевский писал письма детям в виде назидания, теперь в восьми последних письмах он перешел от писем к настоящим сочинениям и переводам. Эти письма, пришедшие с тремя последними почтами, задержаны, так как возник вопрос, не противоречат ли они § 15 инструкции от 18 ноября 1871 г. III отделение разъяснило, что эти письма не подлежат передаче по назначению и приобщаются к делу III отделения, что государственные преступники могут писать лишь в три месяца раз и лишь о самих себе, о чем следует предупредить Чернышевского.

Никакие самые тяжелые, самые невыносимые материальные и моральные условия вилюйского заточения не сломили революционной гордости Чернышевского. Он не только не подавал сам просьб о смягчении своей участи, но отказался от такой подачи даже тогда, когда приехавший к нему жандарм Винников передал ему предложение подать прошение о помиловании. На этом предложении Чернышевский решительно и коротко написал: «Читал, от подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский»².

Летом 1883 года, по просьбе сыновей, Чернышевский был освобожден из Вилюйска с переводом в Астрахань под надзор

полиции с заменой лишения всех прав состояния лишением всех особенных прав и преимуществ. Вывоз его из Вилюйска в августе вызвал переписку полицейского начальства. По сообщениям вилюйского исправника в Якутск, Чернышевский отказался ехать верхом или в приготовленной для этого какой-то качалке. Поэтому решено было отправить его на дровнях, а чтобы вода не замочила его при переезде через болота, его снабдили высокими сапогами, в которых он и должен был стоять на дровнях. Этот эпизод показывает, каковы были средства сообщения с тем местом, куда царское правительство упряло писателя, где оно отняло у него столько лет жизни и где оно убивало великий талант и колоссальную энергию писателя.

Условия существования в тюрьмах Сибири сократили жизнь Чернышевского. Он прожил на свободе только шесть лет и лишь за четыре месяца до смерти получил возможность переехать в свой родной город Саратов. В 1889 году в ночь с 16 на 17 октября (по старому стилю) Чернышевского не стало. Местные губернские власти сообщили эту приятную для царского правительства весть в Петербург телеграфом. В те годы разгула политической реакции смерть писателя-революционера не могла быть должным образом отмечена. Россия смогла почтить память своего борца только молчанием. Зато освобожденный от эксплуатации и угнетения советский народ чтит память Николая Гавриловича Чернышевского в ряду великих русских ученых и революционеров.

Так сбылись слова Чернышевского, которые мы нашли в его письме к жене, находившейся тогда в Саратове. Он писал ей в одиночной камере Алексеевского равелина. Администрация признала невозможным переслать письмо по назначению. Оно до сих пор хранится в архивном деле и нисколько не утратило своего значения для характеристики личности его автора. Наоборот, выцветшие за десятки лет строки приобретают особый интерес для нашего времени. Если царизм не пропустил слов узника к его жене, то мы доводим их до сведения советского читателя. Чернышевский писал: «Наша жизнь принадлежит истории, пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям... так надо же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь»¹.

¹ См. «Каторга и ссылка» 1927 г. № 5 (34), стр. 183.

² «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», статья Ляцкого, 1912, стр. 53.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд особого присутствия правительствующего Сената, № 112, дело 13/17, 1862. Производство высочайше утвержденной в С.-Петербурге следственной комиссии. «Об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском» (л. 157).

Чернышевский не ошибся. Его имя вошло в историю русской революции. Полное признание огромного значения Чернышевского в истории русского общественного движения наступило через десятки лет, только при советской власти. Я посвятил свой очерк изучению жизни этого гениального человека в тюрьме и в ссылке. Это изучение показало, что Н. Г. Чернышевский остался верным своим идеалам, что многие годы заточения не заставили этого человека склониться перед его политическими врагами. Тем ниже склонимся мы перед его светлой памятью.

Глава шестая

УЗНИКИ БАСТИОНОВ И КУРТИН ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 37. УЗНИКИ БАСТИОНОВ И КУРТИН В 1825—1830 ГОДАХ

ИЗ НАШИХ очерков о декабристах и петрашевцах можно видеть, что, кроме Алексеевского равелина, местом заточения обвинявшихся в государственных преступлениях служили различные куртины и бастионы Петропавловской крепости. Если до настоящего времени в печати не было достаточно полных сведений по истории Алексеевского равелина и о его узниках, то приходится отметить совершенное отсутствие таких сведений о всех других местах заключения в этой крепости вплоть до устройства в ней в начале 70-х годов XIX века тюрьмы Трубецкого бастиона. Вот почему мы особо обратили наше внимание на собирание материалов о заточении в куртины и бастионы этой крепости. Надо признать, что в смысле полноты собранные материалы заставляют желать большего, так как они достаточно полны лишь в одном отношении: они дают сведения о числе узников, о причинах их заточения, о местах их пребывания в крепости. Но мы не нашли никаких указаний на подробности режима для различных групп заключенных. Поскольку сами доклады коменданта царю об этих заключенных говорили о различных их категориях, режим не

мог быть для всех одинаковым. Но и то, что нам удалось найти, во всяком случае, раскрыло некоторые подробности из истории Петропавловской крепости, которые оставались неизвестными.

Степень заполненности различных бастионов и куртин Петропавловской крепости за период с 1825 по 1870 год значительно менялась по отдельным годам. Сразу же после декабристов их места в казематах вновь заполнились участниками тайных обществ из Польши. Так, в промежуток времени с 25 января по 3 февраля 1827 г. сюда были привезены 27 арестантов из Варшавы. Их прибытию предшествовало повеление от 17 января 1827 г. приготовить все свободные места в крепости для приема новых заключенных. Они были размещены следующим образом: 10 человек — в Кронверкской куртине, 12 — в Невской, 3 — в Никольской и 2 — в Петровской куртине¹. В августе того же года ночами все эти узники партиями по четыре человека были увезены обратно в Варшаву².

Как ни кратко было пребывание в крепости этой первой партии узников из числа поляков, оно ознаменовалось крупными событиями. Двое заключенных поляков покушались на самоубийство. Один из них, содержащийся в Невской куртине, разрезал пружинной от карманных часов вену на руке, проглотил кусок стекла от разбитого зеркальца и принял внутрь ртуть, соскобленную с этого зеркальца. Врач, призванный на помощь, нашел положение самоубийцы не безнадежным. В другом случае поляк, содержащийся в Никольской куртине, сделал себе разрезы стеклом на шее, на руках и ногах, но был спасен доктором.

Очень крупным событием для Петропавловской крепости был арест 24 июня 1827 г. унтер-офицеров и нижних чинов, несших в ней обязанности стражи. В числе арестованных 10 человек несли службу при Невской куртине, 9 человек — при Кронверкской, 7 человек — при Никольской и 8 человек — в бастионе Зотова. Все они были рассажены по одиночным камерам в бастионах Екатерины и Трубецкого и в других местах крепости. Был посажен под арест и плац-адъютант Подушкин. Причина такого массового ареста из архивного дела не видна, но можно предполагать, что они допустили какие-либо послабления по отношению к заключенным полякам³.

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала. 1827, № 21. «О привезении из Варшавы 27 арестантов по делу о злоумышленных обществах».

² ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала. 1827, № 178. «Об обратном возвращении арестантов».

³ ЦГИА в Ленинграде. Фонд коменданта Петербургской крепости. 1827, № 8, входящие бумаги, ч. 1.

В этом же, 1827, году, но уже после увоза поляков, коменданту Сукину секретно сообщена воля царя — снимать со вновь прибывших заключенных платье, унося его для обыска, а врученные для чтения книги не выносить из камер и по два раза в день их просматривать¹.

В 1828 году в крепость были доставлены, начиная с 27 мая и по 30 июня, 30 новых заключенных из Варшавы, все по делу о тайных обществах. Среди них были графы Оссолинский, Тарновский, Ворцаль, Мошинский, князь Яблонский, три маршала, восемь помещиков, председатели главных судов в Минске и Волынке, несколько отставных военных, чиновников и др. Их разместили в трех куртинах: в Невской (15 человек), Кронверкской (10 человек) и Никольской (5 человек)². Дальнейшая судьба их нам не известна. Но в 1829 году многие поляки продолжали оставаться в заточении в крепости. За этот год в ежемесячных докладах коменданта царю выделены какие-то «особые арестантские покои и казематы» в куртинах Невской и Кронверкской и в бастионе Зотова. Общее число заключенных в этих казематах крепости, кроме Алексеевского рavelина, в марте 1829 года было 47 человек и, постепенно уменьшаясь, снизилось к 1 января 1830 г. всего до 11 человек. Среди заключенных были не только лица, обвиняемые в государственных преступлениях, но и пять учеников Сестрорецкого оружейного завода, обвинявшихся в выделке фальшивой монеты.

После короткого промежутка в 1830 — начале 1831 года, когда в казематах куртин заключенных не превышали в месяц полтора десятков человек, в 1831 году в Петербурге начались холерные беспорядки, и казематы всех куртин и бастионов снова заполнились.

§ 38. УЧАСТНИКИ ХОЛЕРНЫХ БЕСПОРЯДКОВ 1831 ГОДА В ЗАТОЧЕНИИ

Холерные беспорядки в Петербурге в 1831 году, сопровождавшиеся разгромом центральной холерной больницы на Сенной площади, убийством докторов и нападениями на повозки

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд коменданта Петербургской крепости. То же дело, ч. 2.

² ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала. 1828, № 82. «Дело о посадении из Варшавы в Петербургскую крепость арестантов».

Последующие цифровые сведения о числе заключенных взяты из дел этого же архива и фонда за 1830 г. № 3, 1831 г. № 1, 1833 г. № 11, 1834 г. № 16, 1835 г. № 16, 1836 г. № 23, 1837 г. № 4.

с холерными больными, развернулись не только на почве народной темноты, но и на основе недовольства масс своим положением и мероприятиями правительства. Организованные для заболевших приемные покои и центральная больница были так плохо оборудованы, что принудительно попадавшим в них беднякам грозила почти неминуемая смерть. Очевидец событий Никитенко записал в своем дневнике: «В городе недовольны распоряжением правительства, лазареты устроены так, что они составляют только переходное место из дома в могилу... Присмотр за больными нерадивый. Естественно, что бедные люди считают себя погибшими, лишь только заходит речь о помещении их в больницу. Между тем, туда забирают без разбора больных и холерою и не холерою, а иногда и просто пьяных из черни... Полиция наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательством, вместо усердия и деятельности, в эту плачевную эпоху только усугубила свои пороки. Нет никого, кто бы одушевил народ и возбудил в нем доверие к правительству. От этого в разных частях города уже начинаются волнения. Народ ропщет»¹.

Сам Николай I и вся аристократия поспешили покинуть столицу и окружить себя карантинами в своих дворцах и дачных особняках. Зрелище бесчисленных похоронных процессий волновало население, но паника еще более возросла, когда, по распоряжению царя, вместо дневных процессий начали возить гробы целыми обозами по ночам, при свете факелов, на специально устроенное холерное кладбище. В результате ропот народа, о котором писал Никитенко, перешел в народный бунт. Для его усмирения были вызваны два полка и приготовлена артиллерия. Это произошло 22 июня 1831 г.

В Петропавловскую крепость из числа арестованных на Сенной площади было заключено за четыре дня (23—26 июня) 172 человека. Кроме уже известных нам мест заключения в Невской и Никольской куртине, участники холерного бунта были размещены в бастионах Анны Иоанновны, Екатерины I, Зотова и Трубецкого, в Петровской куртине, на карауле у Петровских ворот и на гауптвахте у Невских ворот. По материалам Военного центрального архива число арестованных в крепости на 1 июля достигло 211 человек. Вместе с арестованными пришла в крепость и холера, сведшая в могилу многих из заключенных. Оставшимся в живых грозило суровое наказание за участие в холерном бунте.

¹ А. В. Никитенко (1804—1877 гг.), Моя повесть о самом себе, Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 214.

§ 39. ОСОБЫЕ ГРУППЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Уже с конца 20-х годов комендант крепости в своих донесениях царю различал среди заключенных в крепости, кроме узников Алексеевского равелина, две группы. Одна из них обозначалась в ежемесячных рапортах коменданта как заключенные «по открытым предписаниям», а другая — как заключенные в «особых казематах». По-видимому, в первую группу попадали преданные суду, содержавшиеся на военной гауптвахте, но также и в Невской и Никольской куртинах. Но известны случаи, хотя и более редкие, когда «по открытым предписаниям» содержались заключенные, судьба которых была разрешена без суда самим Николаем. Во вторую группу (в «особые казематы») заключенные попадали по «высочайшему» повелению, в основном за политические преступления и только в исключительных случаях — за уголовные. Так, например, в 1836 году был заключен в «бастион Зотова под аппарат в особый арестантский каземат № 1» чиновник Павлов, осужденный за убийство другого чиновника и приговоренный к каторжным работам. Николай I, утвердивший обряд публичной казни Павлова, предписал отправить его после опозорения прямо с площади на тройке в особый каземат Петропавловской крепости, заковав в кандалы и заменив вицмундир крестьянским армяком. Более чем странно было такое отягощение участи осужденного: царь мотивировал это «уклонением от объявления истинных причин, побудивших его (Павлова.— М. Г.) к убийству коллежского советника Апрелева». Имя Павлова попадает в списках заключенных до 1846 года включительно, когда он умер в крепости от нервной горячки¹.

Арестованные по открытым предписаниям содержались в Петербургской крепости также на гауптвахтах. Преимущественно это были офицеры. Но здесь же иногда содержались и обвиняемые в должностных и общеуголовных преступлениях. Среди узников-офицеров отметим секунданта А. С. Пушкина подполковника Данзаса. Из архивного дела о нем видно, что он был прислан сюда при бумаге генерал-адъютанта Мартынова от 11 марта 1837 г. с приказанием принять Данзаса и «шпагу его» на два месяца. В том же деле 1837 года указан присланный на гауптвахту учитель технологического института Александров.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд коменданта Петербургской крепости, 1836, № 28. Павлов вонзил кинжал в грудь Апрелева, когда тот после венца выходил из кареты.

Составив подложный документ о ссылке в Сибирь некоего Яковлева, он пытался получить от его отца до двух миллионов рублей будто бы для организации побега сына за границу, а на самом деле имел намерение убить его в пути и присвоить деньги¹.

Трудно выяснить, какие причины приводили к заключению на гауптвахту Петербургской крепости распоряжениями самого царя. Вероятно, здесь играла свою роль особая важность того или иного обвинения. Политического интереса дела этих арестантов не представляют. Обвиняемые в политических преступлениях заточались, по общему правилу, в казематы куртин и бастionedов, а в самых важных случаях — в Алексеевский рavelин.

В добавление к двум названным группам заключенных с мая 1836 года в ежемесячных рапортах коменданта крепости царю появилась новая группа — «подсудимых арестантов, по высочайшей воле содержащихся в С.-Петербургской крепости с обучением в рекрутской школе и с употреблением их в обыкновенные работы». Они содержались в общем заключении в Невской куртине. В мае 1836 года их было 96. Эта группа, состоящая из нижних чинов, указывалась постоянно в рапортах вплоть до 1868 года, заключенных в ней насчитывалось каждый месяц 50—90 человек. В ведомостях не указывалось ни фамилий этих рядовых, ни их преступлений, а также неизвестно, какое время они проводили в заточении. Немалый процент их находился в больнице. Но ясно, что срок пребывания был здесь небольшим, так как каждый месяц одни заключенные прибывали, а другие убывали из казематов.

Говоря об особых группах заключенных в Петропавловскую крепость, надо отметить, что 1843 и 1844 гг. в истории куртин и бастionedов Петропавловской крепости занимают совсем особое место. В эти годы казематы крепости заполнились в первый и последний раз не участниками восстаний и бунтов, не политическими борцами, а теми, кто в количестве нескольких сот человек вошел сюда под именем воров и мошенников. Направляло их в крепость министерство внутренних дел с «высочайшего» разрешения, вопреки желанию фактического хозяина этой крепости — шефа жандармов Бенкендорфа.

III отделение видело в этом заполнении крепости ворами настоящую ее профанацию, обесценивание, удар по «славе» ее как

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Петербургской крепости, 1837, № 33. «О содержащихся в крепости на гауптвахте подполковнике Данзасе и учителе Александрове».

политической тюрьмы. В одной из записок III отделения высказано опасение, что люди, забранные под видом воров и мошенников, расшатывают в народе тот страх, который внушает всем уже одно название Петропавловской крепости.

Специальное дело, заведенное в канцелярии III отделения по поводу осуществления разработанного министром внутренних дел Перовским плана искоренения воровства в Петербурге, представляет выдающийся историко-политический интерес. Оно вскрывает картины неограниченного произвола администрации и в таком их огромном числе, что сам шеф жандармов, специалист по этой части, счел необходимым сообщить царю: «Продолжительное заключение в крепости многих невинных, наконец, общий ропот вынуждают меня еще раз подвергнуть на воззрение Вашего величества все обстоятельства этого дела».

Необычайной была роль Бенкендорфа в качестве «борца» против произвола и угнетения невинных. Вся его служебная деятельность в течение двадцати лет состояла в произволе и насилии. Бенкендорф именно на произволе построил свою карьеру, а насилие во всех его формах связано с его именем. Поэтому отнюдь не борьба за законность воодушевляла этого царского слугу, когда он выступал в защиту невинных. В действительности это была его борьба с конкурентом по службе — с министром внутренних дел Перовским. Но для нас совсем не важны мотивы, которыми руководился Бенкендорф, а важные факты, раскрывшиеся при осуществлении плана Перовского об уничтожении в Петербурге воровства и мошенничества. На этих фактах мы и остановимся.

Воровство и мошенничество, как известно, принадлежат к числу преступлений, по которым значительная часть преступников остается необнаруженной. В Петербурге с его дворцами и особняками, с богатством, пресыщенностью и роскошной жизнью знатнейших дворянских фамилий, но вместе с тем нищетой и голодом основной массы столичного населения преступность достигала высоких размеров. В архивном деле, из которого мы берем все эти сведения, приведены интересные цифры. Оказывается, что в столице было арестовано полицией воров, беспаспортных и других преступников в 1840 году 22 276 человек, в 1841 году — 24 039 и в 1842 году — 25 409. У министра внутренних дел явилась «блестящая идея» — воспользоваться в борьбе с общей преступностью не общими законными и судебными средствами, а теми чрезвычайными и внесудебными, которые составляли специальность III отделения, хотя и не были, конечно, чужды всему аппарату царизма. Николай I одобрил предложение Перовского и 25 февраля

1843 г. утвердил «Инструкцию следственной комиссии, учрежденной для разбора пойманных особыми средствами воров и мошенников».

Первая статья инструкции определила контингент преступников, борьба с которыми подлежала ведению комиссии, словами: «воры, мошенники и разного рода подручники и помощники их».

На практике агенты министерства внутренних дел вышли далеко за пределы этого перечня и арестовывали даже по подозрению в скопчестве.

Комиссия была наделена широкими полномочиями и, как видно из ее отчета, не будучи судебным органом, отправляла признанных ею виновников на каторгу, на поселение в Сибирь, на водворение в другие губернии и щедро назначала шпицрутены, плети и розги, был использован и кнут.

Как видно из бумаг Бенкендорфа, полномочным распорядителем над свободой петербургских жителей сделался небольшой чиновник министерства внутренних дел Синицын¹, человек с безупречным прошлым, а через 12 лет — сам арестант Алексеевского равелина по обвинению в лжедонстве и вымогательстве взяток с богатых скопцов. Такому-то лицу Николай I передал свои права отправлять арестованных в Петропавловскую крепость.

Синицын устроил два арестантских помещения в доме, принадлежавшем сестре министра внутренних дел, в котором проживал он сам. Его ближайшими помощниками были привлеченные им преступники с различными судимостями в прошлом. Они получали от него очень высокую по тому времени плату — от 3 до 5 руб. в сутки — и обещания их безнаказанности. Арестованных бросали со связанными руками в подвальную тюрьму. Синицын сам производил допросы, отпускал одних и отправлял других в кандалах в Петропавловскую крепость.

Агенты Синицына и он сам не ограничивались арестами на площадях, на улицах, на народных гуляньях сразу по несколько десятков человек, но совершали лихие ночные набеги и на квартиры обывателей. Одними из их первых жертв сделались две незамужние женщины, проживавшие в разных кварталах города. Они были доставлены на квартиру Синицына, а после своего освобождения подали Бенкендорфу жалобу, прося довести ее до сведения царя и предать Синицына суду.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1843, № 53. «О задержании и арестовании разных лиц по распоряжению надворного советника Синицына».

В жалобе обе женщины рисовали картину их допроса Синицыным. Он требовал от них назвать фамилию скопцов в Петербурге и особенно тех из них, кто богат. Он производил допросы с насилиями и угрозами заковать женщин в кандалы, которые для их устрашения и были принесены в комнату допросов. Он грозил им: «Отправляю в крепость, засажу в холодную камеру, откуда не вырветесь». По его приказанию они были размещены при его квартире в разных арестантских помещениях, где и провели вместе с преступниками две ночи. Обе жалобщицы писали, что они провели эти две ночи «в холоде, голоде, нечистоте и всего для нас гнуснее — при всяком слышании от арестантов и казаков самых постыдных, скверных и всепротивных для слуха всяких женщин насмешливых слов и наглых выражений». Конечно, Синицыну эти безобразия сошли безнаказанно.

Приведенный случай не был единственным. Он начинал собой целый ряд других совершенно незаконных действий Синицына. Мы приводили выше название инструкции комиссии по «разбору» воров. Это название подчеркивало, что воров и мошенники пойманы «особыми средствами». Из жалоб потерпевших и черновых записок III отделения видно, что «особые средства» состояли в настоящей провокации воровства, в стремлении создать оговор одних задержанных другими арестованными. Так, Синицын при допросах несколько раз сек 12-летнюю девочку, вынуждая ее оговорить мать в воровстве. Одни из агентов уговаривали мальчиков 12—13 лет спрятаться под мостом для нападения на прохожих, и сами же там их арестовывали. Одна женщина, агент Синицына, нанимала мужчин снести ее вещи, а потом обвиняла их как похитителей этих вещей.

С купцом Курлановым Синицын совершил нечто столь же незаконное и преступное, как с указанными выше двумя женщинами. Курланов жил отдельно со своей женой, проживавшей в квартире Синицына, который вел ее бракразводное с мужем дело. Пользуясь своими неограниченными полномочиями, этот опричник министерства внутренних дел арестовал Курланова на его квартире, связал, а затем заковал и отправил в Петропавловскую крепость. Часть денег, найденных на квартире у Курланова, он передал его жене, несмотря на то, что их раздельная жизнь продолжалась уже семь лет. Никаких доказательств преступности Курланова не оказалось, и комиссия его освободила.

Один из докладов Бенкендорфа царю, описывая «подвиги» Синицына, подчеркивал, что и в самой Петропавловской крепости арестанты Синицына содержатся с различными

нарушениями закона. Так, например, Синицын приказывал обстригать арестованным мужчинам не только половину головы, но и полбороды. Между тем закон допускал лишь бритье полголовы и притом после приговора к более тяжелым наказаниям. На почве такой стрижки, когда один из подвергавшихся этому глумлению божился и кричал о полной своей невинности, в камере, заполненной восемьюдесятью арестантами, раздался призыв — не допускать этого издевательства.

Председатель комиссии докладывал министру внутренних дел о преступных действиях Синицына, но министр не только не внял этому донесению, но даже очень резко обвинил самого председателя за неправильную, по его мнению, оценку этого способного и «честного» чиновника. Председатель комиссии в ответ на такую защиту вновь подтвердил свои обвинения с просьбой довести их до сведения царя. Победителем вышел министр Перовский: Николай I не остановил преступлений Синицына. На общем фоне беззаконий они не резали царского глаза. В 1844 году, т. е. через год после начала действий комиссии, ее работа закончилась выражением всем членам «монаршего благоволения».

Царь, таким образом, завершил своей благодарностью разгул того произвола, жертвами которого сделались 436 человек, заточенных в крепость. Они, арестованные в большинстве случаев без законных оснований, пережившие за время заключения инквизиционные приемы сыска и глубочайшего надругательства над их личностью, подвергались без суда разнообразным наказаниям. Комиссия действовала с полной решительностью и не останавливалась перед назначением всех родов телесного наказания и всех видов лишения свободы. Дела только четырех лиц она передала в судебные органы, а с прочими расправилась сама. Эта расправа оставляла за собой тяжелый след надолго, и не раз поступали впоследствии в III отделение просьбы от родных наказанных о пересмотре их дел. Большинство из осужденных было подвергнуто телесным наказаниям в соединении с заключением в арестантские роты, высылкой в отдаленные губернии или на родину, со ссылкой в Сибирь, отдачей в солдаты и пр. За время производства дела, в течение одного года, из 436 арестованных умерло 38 человек. Этот громадный процент смертности показывает, в каких тяжелых условиях находились заключенные. Около 10% арестованных было освобождено от наказания и оставлено в Петербурге: в отношении их комиссия признала неправильность ареста.

§ 40. ОБВИНЯЕМЫЕ В АГИТАЦИИ ПРОТИВ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Холерный бунт 1831 года, заполнивший казематы бастионов и куртин Петропавловской крепости крестьянами и мещанами, хотя и был вызван политическим гнетом и экономическим положением мещанства и крестьянства, однако не выдвигал в открытой форме вопроса об освобождении от крепостного права. Но происходившие в разных местах империи крестьянские волнения не могли не отразиться на составе заключенных Петропавловской крепости. За ее стены в казематы бастионов также поступали узники, обвинение которых связывалось с борьбой против крепостного права. В 1831 году такими узниками были три лица духовного сословия, упорно отрицавшие свою вину. Через пять лет узниками в Петропавловской крепости оказалось несколько человек крестьян — рабочих с Пермского завода, действительно готовивших борьбу за свое освобождение.

В 1831 году в Муроме Владимирской губернии было начато расследование дела о разбросанных листках противоположительного содержания. Эти листки призывали на борьбу против крепостного права и содержали советы крестьянам искать помощь в войсках. В войсках служили дети крепостных крестьян. В подметных письмах крестьянам рекомендовалось писать солдатам о положении крепостных и призывать своих сыновей с оружием в руках свергнуть крепостное иго.

В разных местах Владимирской губернии были найдены подметные письма, содержание которых было разнообразным. Можно предполагать, что эти письма вызвали в населении не только сочувствие, но и подражание. Иначе трудно объяснить, зачем одному лицу или даже группе лиц понадобилось менять в значительной степени редакцию воззваний к народу. Большие размеры, какие приняло разбрасывание воззваний, и содержание их, очень взволновавшее царские власти, требуют от нас внимания к этому интересному явлению, относящемуся к самому началу 30-х годов XIX века. Внимание же, уделенное этому делу царским правительством, было огромным. Жандармское производство по этому делу разрослось до пяти больших томов. Много крепостных было привлечено к допросам, в разных местах производились обыски и аресты.

Содержание воззваний, приложенных в подлиннике и в копиях в архивном деле III отделения, затрагивало то более значительный круг вопросов русской жизни, то менее значительный. Авторы воззваний делали попытки наметить программу

действий. Из текста воззвания, упомянутого выше, видно, что в нем был прямой призыв к оружию. Призыв становился тем более опасным для самодержавия и крепостников-помещиков, что он исходил от крестьян и был обращен к солдатам, т. е. также крестьянам.

В другом воззвании, написанном печатными буквами, автор рассказывал о виденном им сне. Будто одна свеча зажгла тысячу других свечей, будто он слышал повеление говорить народу правду. Что ни один земной царь не может говорить другому человеку: «Ты мой», что рабство противоречит божьему закону и следует без всякой робости говорить об этом повсюду. Нашедшему подметное письмо рекомендовалось переписывать его и раздавать другим. В качестве выхода из создавшегося положения очень наивно рекомендовалось устройство при царе совета из дворянских депутатов. При депутатах войны не будет и правда воскреснет. Таким образом, протестуя против крепостного права, автор кончал предложением организации совета при царе из тех же крепостников.

В другой прокламации, наоборот, резко указывалось, что царь делает все то, что предлагают окружающие его дворяне, а их предложения идут не в пользу народа. В судах «заседают медленность и лихоимство». Воззвание заканчивалось предложением просить царя обратить свое внимание на то, «что негры в лучшем положении, чем мы»¹.

Получалось впечатление, что авторы прокламаций как будто вступали между собой в полемику. В подтверждение нашего предположения, что одни воззвания порождали другие, является текст найденной там же, во Владимирской губернии, новой прокламации обширного содержания.

Текст этой прокламации распадался на две части. В одной части вступительного характера обрисовывалось политическое положение и, в частности, указывалось: «Прошло уже 222 года, как мы невольники, и ни одна еще голова не смогла сказать правду». Царь окружен помощниками. Они не имеют понятия «о нуждах народа», «жаждут корысти». Во второй части, по примеру десяти заповедей ветхого завета, предложено десять политических заповедей-статей в виде основ конституции. Содержание первого пункта политической программы заставляет сильно сомневаться, чтобы ее автором был кто-либо из крестьян. В означенном пункте хотя и устанавливался новый зако-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1830, № 284, ч. 1. «О подкидывании во Владимирской губернии, Муромском уезде и в других местах возмутительных листов».

нодательный орган, но с большинством из представителей дворянства. От каждой губернии избиралось по два депутата из дворян и по одному от купечества. Представительство же других сословий, наоборот, было определено запрещено: «Крестьяне же, дворовые люди, мещане и солдаты к таковым выборам ни под каким видом не допускаются». Если кто-либо из людей этих сословий чувствовал бы себя способным к несению обязанностей депутата, он должен был бы, говорилось в проекте, перейти в купечество.

Проект конституции оставлял за царем председательствование в новом законодательном органе с правом трех голосов. Сумма на содержание императорского двора и войска не подлежала изменению (ст. 3). Срок солдатской службы сокращался до 20 лет (ст. 5).

Наибольший интерес представляла шестая статья, которая провозглашала: «Господские крестьяне и дворовые совершенно свободны и могут жить, где сами хотят». И далее: «Лучше умереть с оружием в руках, защищая свою свободу, нежели безвинно вечно жить рабом и невольником». Таким образом, поднимался вопрос о вооруженном восстании.

Седьмая статья проекта устанавливала право на определенное содержание духовенства малоимущих причтов. Этот пункт наводил жандармов на поиски автора прокламации среди духовенства тем более, что последовал анонимный донос на двух священников, Лекторского и Лавровского. Последнего из них доносчик называл богоотступником, ученым вольнодумцем, развратником, имеющим несколько любовниц-монахинь и в том числе игумению женского монастыря и пр. и пр. Автор грязного доноса считал Лавровского сочинителем прокламаций¹.

Но прокламации о крестьянской вольности продолжали разбрасываться по Владимирской губернии и после ареста подозреваемых Лекторского, Лавровского, а также и дьякона Комакина. Прокламации обнаруживались иногда целыми пачками. Содержание их продолжало резко меняться. Уже одно это обстоятельство говорило в пользу арестованных, отвергавших самым решительным образом всякую свою прикосновенность к составлению воззваний и их распространению. Но при всем разнообразии содержания прокламаций, при совершенном несхождении их языка у всех них было то общее, что они являлись протестом против крепостного права. Так, вновь найденная в апреле 1838 года прокламация начиналась словами: «Несчастные

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1830, № 284, ч. 1 (лл. 89 и 90).

и невольные рабы русские, Вас бью (вероятно, автор хотел написать «бьют».— М. Г.), секут, дочерей берут на ночь, хлеб обирают, а воровать посылают. Дети наши будут вечно невольниками и внучата». В дальнейшем изложении владельцам крепостных предлагалось в собственных интересах освободить их крестьян.

Начались новые поиски виновных, новые обыски и аресты¹. Разбухшее дело осложнилось новыми находками. Досужие посетители гостиниц и постоялых дворов сообщили о найденной ими «возмутительной надписи» на двери комнаты гостиницы для приезжающих в одном из сел. Надпись гласила: «Скоро настанет то время, когда свергнутся гнусные сластолюбцы, жаждущие и сосущие кровь своих несчастных подданных, будут истреблены самым жестоким образом и погибнут смертью тигров». Перепуганная администрация послала специально чиновника осматривать надписи на стенах и дверях постоялых дворов и гостиниц по всему тракту. Он нашел все двери исписанными стихами и прозой, но среди них только одна надпись оказалась недозволенного содержания. В то же время шли и поиски автора приведенной выше стеной надписи о предстоящей гибели сластолюбцев, сосущих кровь народа. Обыски и аресты не давали желаемых результатов. Шеф жандармов Бенкендорф писал во Владимирскую губернию жандармскому полковнику Маслову о новых находках прокламаций и высказывал предположения, что их автором является тот же неизвестный человек, который сделал преступную надпись на входной двери Казанского собора (ее содержание нам не известно). Он припомнил, что еще в 1827 году в присутственных местах Владимира были разбросаны революционные стихи о Николае I в виде оды под заглавием «Свобода». Бенкендорф пересылал текст этой обширной оды и поручал Маслову возобновить поиски ее автора в предположении, что он же составлял и прокламации крепостным крестьянам. В оде очень резкого политического содержания были строки о бесправии и о рабстве:

Мы все рабы один другого,
И ты один тиран у нас
.

Опомнись, дерзкий властелин,
Какая цель твоего владения?
Мы все рабы, ты господин,

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1830, № 284, ч. 3 (л. 70).

Но близок час, в умах волнение,
А петербургский заговор
Хотя разрушен злой рукою,
Но он не дым, не пылкий вздор.

Зовется вольности зарею,
Да и московская гроза
Не без причины зашумела¹.

Автор этого стихотворения подходил к вопросу о свободе много шире, чем прокламации о крепостной неволе, вспоминал восстание декабристов в Петербурге и процесс братьев Критских в Москве, о котором мы скажем далее (в главе об узниках Шлиссельбургской крепости).

В авторстве оды «Свобода» был заподозрен бывший семинарист Афинов только потому, что он был известен по своим стихам, сочинявшимся им по случаю разных торжеств и подносимых им архиерею. Розыск выяснил совершенную «благонадежность» автора поздравительных стихов и полную его непричастность к составлению прокламаций.

Не будем останавливаться на подробностях политического сыска по этому делу. Жандармы рыскали по всей Владимирской губернии.

Приказы об обысках, арестах и просмотре переписки (особенно с жителями западных губерний и Польши, откуда подозревали пропаганду) отдавались и в городах других губерний. Особенно доставалось тем крепостным, образовательный уровень и профессия которых выделяли их из общей крестьянской массы. В их числе оказались дворовый человек, обучавший помещичьих детей игре на фортепьяно, крепостной архитектор, крепостной учитель, обучавший игре на различных музыкальных инструментах своего барина, и др.

Трое из арестованных были перевезены в казематы Петропавловской крепости. Один из них, протоиерей Лекторский, заключенный 11 июля 1831 г. в каземат № 26 Невской куртины, был доставлен сюда из заточения в Суздальском монастыре, где он находился уже с 1816 года. Таким образом, Лекторский перед этим был узником уже 15 лет. По-видимому, это была совсем незаурядная личность. Он попал в монастырь за свою публичную исповедь перед народом в соборе. Перед его отсылкой в суздальское заточение, как безумного, он успел в целях самосохранения сжечь хранившиеся в его библиотеке сочинения

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1830, № 284, ч. 3 (л. 146).

Лекторского в Суздальский монастырь как страдающего припадком безумия, а двух остальных разослать в заточение по дальним монастырям.

В этом же архивном деле имеются указания на крайнюю сырость тех казематов, где содержались заключенные. Лекарь Элькин доносил о тяжелой болезни Конакина, сначала страдавшего цынгой, а потом горячкой. Лекарь полагал, что вследствие сырости казематов Конакина необходимо отправить для излечения в больницу. Из дела не видно, чтобы это предложение было выполнено.

Несмотря на полное отсутствие доказательств виновности всех трех арестованных, несмотря на энергичное отрицание ими всякой прикосновенности к делу, их судьба была решена царем так, как предлагал протоиерей Мысловский, считавший и сам их невиновными. Лекторского возвратили в Суздальскую монастырскую тюрьму, где он и умер, по словам донесения, после продолжительной болезни 9 апреля 1841 г. Конакин был отправлен на север, в Финляндию, в Валаамский монастырь, откуда освобожден в 1837 году и выслан на родину. Что касается Лавровского, то на его долю пришелся наиболее суровый приговор: его отправили в Соловецкий монастырь для заточения там в тюрьму. Здесь он находился в тяжелых условиях и постоянно взывал о своей невиновности, но только в 1839 году был освобожден и выслан на родину.

Дело Лекторского, Лавровского и Конакина, как узников Петропавловской крепости, превращенных волей царя в узников трех монастырских тюрем, представляет историко-политический интерес в трех отношениях. Во-первых, оно раскрывает перед нами эпизоды пропаганды против крепостного права путем распространения воззваний или прокламаций в самом начале 30-х годов прошлого века. Во-вторых, оно показывает нам, какую бешеную энергию развивало царское правительство в борьбе за сохранение крепостного права. В-третьих, оно обнаруживает широту произвола местной и центральной администрации, когда без формального следствия и без суда решалась судьба заподозренных и без улик и доказательств они становились узниками наиболее суровых мест заточения.

«Дело о подкидывании во Владимирской губернии, в Муромском уезде и в других местах возмутительных листов» было как бы прелюдией к другому делу, по которому в казематы Никольской куртины Петропавловской крепости в 1837 году поступили новые узники и борцы против крепостного права в лице самих крестьян — заводских рабочих.

§ 41. ЗАВОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В самом конце 1836 года и в январе 1837 года местная администрация в Пермской губернии и центральная власть в лице министра внутренних дел, шефа жандармов и самого царя были сильно взволнованы необычным для того времени событием: в Соликамском уезде на заводе Лазаревых было раскрыто тайное общество, членами которого были исключительно заводские крепостные. Обширное письменное воззвание и устав общества не оставляли никакого сомнения, что это тайное общество поставило своей целью ниспровержение помещичьей власти.

Через одиннадцать лет после восстания декабристов, революционеров-дворян, эти крестьяне сами решили взять в свои руки дело освобождения от крепостного ига. Во многих отношениях вновь открытый заговор представлялся даже страшнее усмирленного дворянского восстания. Было неизвестно, какие разветвления получил крестьянский заговор, какими средствами они располагали. Но было ясно, что царское правительство и его опора — дворянство — стоят перед попыткой самих крестьян вести организованную борьбу за свержение крепостного строя. Это было много опаснее отдельных случаев убийства крепостными их помещиков и страшнее разрозненных вспышек крестьянских волнений. Вот почему местная администрация и центральная власть проявили большое беспокойство, развил самую энергичную деятельность по раскрытию заговора и по его ликвидации.

Крестьянский заговор оказался в действительности менее страшным, чем он представлялся администрации, когда в ее руки в тот момент попали воззвания и устав тайного общества. Это не помешало произвести тщательную проверку губернаторского и жандармского дознания путем допросов арестованных крестьян в самом III отделении в Петербурге, куда их привезли из далекой Пермской губернии. В стенах Петропавловской крепости, в казематах Никольской куртины, 13 марта 1837 г. оказалось девять новых заключенных. Новыми были эти заключенные не только по времени их поступления, но и по характеру предъявленного к ним обвинения. Все они были из числа заводской крестьянской молодежи, в возрасте преимущественно от 17 до 22 лет, и самому старшему из них было 27 лет. Представителей крепостного заводского рабочего населения как борцов за освобождение от крепостного ига казематы Петропавловской крепости до того времени не знали.

Царь быстро расправился с этими новыми своими врагами. Уже через четыре месяца, в июле 1837 года, шестеро из них «высочайшим» повелением были превращены в узников солдатских казарм финляндских гарнизонов, а трое отправлены в кавказские батальоны.

Хотя я и не нашел сведений о подробностях пребывания этих заключенных ни в тюрьме III отделения, ни в казематах Никольской куртины, но нельзя не остановиться на этом деле с той подробностью, которую оно заслуживает. В истории царской тюрьмы нас интересуют не только тюремные стены, не только условия пребывания в них узников, но и сами узники, и за что, и как они попали внутрь крепостей и тюрем.

Дело девяти крестьян с завода Лазаревых вписало яркую страничку в историю революционного движения крепостных рабочих в России. Сто лет эта страничка оставалась непрочитанной в ворохе дел секретного архива III отделения. Стоит прочесть ее и вспомнить имена тех девяти рабочих, которые написали эту страницу.

Самое удивительное в этом деле — образовательный уровень крепостных крестьян, авторов подписанного ими воззвания и устава их тайного общества. И то, и другое было в настоящем смысле слова плодом их коллективного творчества. Конечно, уровень умственного и политического развития, вероятно, не у всех у них был одинаков. Но жандармское донесение в Петербург, отмечавшее принадлежность арестованных большей частью к числу учеников заводского училища, прямо подчеркивало, что они получили «очень хорошее образование». Их господа готовили из них себе приказчиков и других должностных лиц заводской администрации, а получили тайных врагов. Жандарм видел в этом деле черную мужицкую «неблагодарность» и в донесении писал о том, как эти крепостные «к сожалению обратили попечение их помещиков» ко вреду самих помещиков. Николай I быстро уяснил опасную сторону такого образования крепостных людей как для него самого, так и для всех помещиков. Как увидим ниже, он поднял вопрос о недопустимости такого образования в дальнейшем.

Начнем ознакомление с этим делом с приведения значительной части текста воззвания, на платформе которого должна была развернуться деятельность тайного крестьянского общества. Этот интереснейший документ обращает на себя внимание не только своим содержанием, но и формой его изложения. В нем было записано:

«Во всех известных странах света не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они люди. Но у нас в России, напротив, с издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей». Помещикам дано право наказывать своих людей. Свои права помещики передают управителям, и «притесняемые люди приходят в отчаяние, через что беднеют, развращаются, а после и совсем погибают; другие за малые вины наказываются жесточайшим образом — мучатся горными и другими тяжкими работами и, наконец, молодые отдаются в рекруты, которые в России во всеобщем презрении, а старые ссылаются на поселение, и все это происходит от крепостных же людей или таких же граждан. Господа же, принуждая к трудам своих людей, расточают без малейшего сожаления в поте лица приобретенное их людьми и через то разоряют себя и без того уже бедных крепостных людей, не заботясь о том, что последние часто не имеют и куска хлеба, для утоления мучающего их голода». Авторы воззвания с горечью отмечали слепое повиновение крепостных своим господам, сравнивая это с повиновением «скотины своему хозяину». Поставив вопрос: «Кто дал дворянам право поступать так с подобными себе», воззвание опровергает утверждение, что рабство установлено самим богом. Не без иронии опровергаются и ссылки на священное писание, где сказано, что рабы были и у Авраама. Авторы воззвания спрашивают, почему не сослаться и на Адама? Но, согласно священному писанию, был создан один Адам, а не два — один господин, а другой раб. Что же касается Авраама, то «разве Авраам не был такой же человек, как и наши дворяне? Разве он не захотел обогатиться и жить не на счет своих трудов? Так, это — правда. Он имел свои виды для держания рабов... Слепой случай и нахальство сильнейших сделало слабых невольниками...

Рассуждая таким образом, граждане образованных стран света все единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами». Россия отстала от других стран по образованности и, «не отряхнувшая еще мрака невежества», остается в рабстве.

«Конечно, есть люди и в России, которые, чувствуя всю тяжесть оков невольничества, стремятся к одной цели — к искоренению невольничества, но таковых еще очень мало...»

Подчеркивая, что величие государства зависит от свободы граждан, воззвание продолжало: «Посему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать

благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и о ускорении свободы. Для сего то, благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства! И таким образом, теперь, развязывая крепко завязанный до сего узел и достигая главной цели, могущей доставить притесненным гражданам России свободу, сделаем между собой заговор и приступим к начальному оного основанию».

За этим воззванием следовал текст устава общества в десять пунктов такого содержания:

«1) Основание общества должно состоять из нескольких членов, избранных из верных приверженцев свободы.

2) Члены сии должны по выслушании всех правил, своею рукою утвердить сие постановление и дать клятву... навсегда хранить начатое дело за величайшую тайну.

3) По подписании положений и по обязательству в исполнении таковых правил сие общество обязано избрать из членов своих:

а) председателя, имеющего большинство голосов и утверждающего мнение других членов,

б) префекта, имеющего осторожное и внимательное наблюдение за хранением тайны законов и о положении общества,

в) советников из составленных членов, имеющих право в присутствии давать мнение при начатии какого-нибудь дела. Дела же решать по большинству голосов,

г) секретаря, обязанность коего следующая: писать инструкции на языке общества, управлять денежною кассою (если она будет), писать письма также особенным языком в другие места сочленам общества и т. п.

4) По избрании тех первых лиц, общество с согласия всех членов и утверждения председателя и префекта поручает некоторым из образованных сочленов привлекать на свою сторону тех, которые еще чужды сему делу и которые могут быть полезными сочленами общества, но с тем однако же, чтобы не высказывать новоприсутствующим лицам всех положений общества, не уверовавшись, что они верны и что согласны подписать положение. Сим доверенным общества председатель оного имеет (право) давать инструкции для аккуратного действия по оным.

5) Члены общества должны всячески стараться разведывать все тайны, касающиеся не только до общества, но и до посторонних лиц — тайны, из которых бы общество могло извлекать что-нибудь для себя полезное.

6) Если общество по подозрению или по ложному доносу будет приговаривать безвинного к какому-нибудь наказанию и если хотя один из членов знает невинность подсудимого, то стараться защищать его всеми силами, доказывая невинность: ложно же обвинителя, разобравши дело, т. е. с намерением ли он обвинил или по незнанию сущности дела, судить так же строго, как должен был судиться и обвиняемый.

7) Если члены общества по какому-нибудь случаю будут разосланы в различные места, то они всячески обязаны стараться привлекать к себе тех, которые в случае могли бы быть полезны.

8) Когда что-нибудь касающееся до общества услышит член оного, то тогда же должен явиться к председателю. Председатель, услыша донос члена, немедленно должен назначить собрание. Члены же в назначенное место, в назначенный час обязаны немедленно явиться. Собрание должен назначить председатель, а в отсутствие его — член, заступающий должность председателя.

9) В случае, если будет нужно о каком-нибудь важном деле делать обществу постановление, то все члены оного непременно должны утверждать оное своею подписью; так же инструкции и т. п., писать же их должен секретарь, он же обязан подшивать их к постановлению и некоторым образом наблюдать за хранением положения; хранить его обязан председатель.

10) В случае измены какого-нибудь члена обществу (если оное будет открыто) прочие члены его всячески должны стараться, отыскавши изменника и разобравши дело, достойно наказать».

Под этим документом стоят подписи: Петр Поносов, Михаил Ромашев, Степан Десятов, Петр Мичурин, Андрей Михайлев и Федор Наугольных.

Кроме этих шести, приняли участие в тайном обществе Петр Ширкалин, Алексей Ширкалин, Михаил Поносов, а также и Степан Наугольных, который вошел в сношения с управляющим именем Лазаревых, обманом получил в свои руки приведенный выше документ и передал его управляющему. Этот последний немедленно арестовал всех подписавших документ, кроме Степана Десятова, находившегося в Петербурге. Управляющий помчался в Пермь к губернатору. Очень скоро губернатор и жандарм мчались из Перми в имение Лазаревых на Черномский завод. В Петербург уже летело губернаторское донесение. Арестованные сознались. Зачинщиком себя признал крепостной, сын приказчика, учившийся в училище при заводе,

Петр Поносов. Он отрицал всякое постороннее подстрекательство и влияние, заявив, что мысль об образовании такого общества у него возникла под влиянием чтения книг. В апреле или мае 1836 года свою мысль о свержении помещичьей власти он сообщил трем товарищам по учению. Они дали свое согласие на участие в обществе, пригласив в него еще пятерых, также из числа крепостных учеников заводского училища. На общем собрании они выработали устав или правила деятельности общества. Жандармы доносили в Петербург, что эти правила «были составлены сообразно мыслям Петра Поносова — Степаном Десятовым и Федором Наугольных, исправлены же Алексеем Ширкалиным (занимающим должность учителя в заводском училище). Начисто переписаны Михаилом Ромашевым».

Таким образом, члены кружка учащейся крепостной молодежи и один из учителей школы, также крепостной, каждый так или иначе приобщились к составлению устава задуманной организации.

Из приведенного текста воззвания и устава видно, каким чувством протеста против крепостного права была проникнута эта молодежь, готовая к борьбе против помещика, как усиленно билась ее сердца и как глубоко проникала молодая критическая мысль в сущность классового противоречия между баринами и его крепостными. Правда, устав тайного общества ничего не говорил о конкретных действиях по организации восстания против помещичьей власти и, собственно говоря, не шел дальше вербовки новых членов общества. Это было скорее всего общество пропаганды, но это не умаляет значения революционного кружка заводской крепостной молодежи. В уставе есть черты внешней обрядности, например, обязанность давать подписку и клятву. Есть в нем и черты некоторой «пышности» организации с ее председателем, префектом, советниками и секретарем. Но не надо забывать, что за десять лет перед тем у членов дворянских масонских лож эта обрядность и пышность вылились еще ярче.

Эта отмеченная нами сторона в тайной организации не ускользнула от внимания министра внутренних дел, находившего в ней некоторое для себя успокоение, когда он писал губернатору в ответ на его донесение: «Хотя предположение составителей общества есть, вероятно, лишь плод безрассудной мечтательности молодых людей, увлеченных чтением вредных книг и превратным понятием о своем состоянии, тем не менее должно обратить на себя бдительное внимание начальства». Однако министра беспокоило, не распространились ли эти

мечты, «превратное понятие о своем состоянии» и среди населения Черномского завода и в других местностях. Было предложено обследовать это и по окончании расследования переслать все дело и арестованных в Петербург. Это распоряжение показало, какое большое значение придавало правительство тайной организации крепостной молодежи. Недаром из Петербурга на Черномский завод был отправлен жандармский полковник, пробывший на месте расследования целый месяц.

Следственная комиссия при участии этого жандармского полковника через два месяца закончила следствие, придя к заключению: «Следственное дело ясно открывает, что предположение тайного общества возникло в Черномском г. Лазаревых заводе в апреле 1836 г., к чему первым руководителем был Петр Поносов от начитанности книг и превратного об оных и своем состоянии понятия. Других же тайных руководителей и подстрекателей не было и все общество состояло из 9 человек (из них один Степан Десятов находился в СПб.)».

Все обвиняемые сознались. К сожалению, в архиве III отделения не оказалось того следственного дела, которое производилось в Перми и в котором записаны показания обвиняемых. В найденном мной архивном деле III отделения помещены лишь переписка этого отделения с пермским губернатором, донесение жандармского полковника и показание арестованного в Петербурге Степана Десятова. Вероятно, поведение арестованных на допросах определило отношение к ним пермской администрации. Она заковала в кандалы Петра Поносова и Петра Мичурина. Произведенные ею обыски не дали никаких результатов, но было отмечено, что при этих обысках найдены стихотворения казненного декабриста Рылеева.

Самый интересный во всем этом деле вопрос, конечно, о том, как в глухом местечке Соликамского уезда, на Черномском заводе, могла зародиться среди крепостной молодежи мысль об организации тайного общества для ниспровержения крепостного права. Нет ничего удивительного, что следственная комиссия обратила на это свое внимание: «Черномский завод, — доносила она в Петербург, — состоит в Пермской губернии в Соликамском уезде, глухом месте, отдален от больших в сей губернии трактов, и разве по нарочитой надобности только можно быть в оном».

Но вместе с тем донесение комиссии отмечало, что в Пермской губернии заводские люди более образованные, чем в других губерниях, так как главные заводчики имеют много училищ, в которых «преподают науки по многим предметам, во все не нужным или лишним для людей крестьянского состояния,

как-то: основание российского права, русская словесность, всеобщая история и т. п. Есть училища, похожие более на гимназии и состоящие из пяти классов, в коих ученики, числом до 150, продолжают учиться до 17-летнего возраста».

В этом донесении, как видим, была прямая жалоба не только на количество заводских школ, но и на качество даваемого там образования, не соответствовавшего, по мнению авторов, званию крепостного человека.

Неизвестно, насколько соответствовало действительности это указание на значительное количество школ повышенного типа при заводах. Это же донесение сетовало на наличие при заводах приходских училищ с меньшей программой, но будто бы с весьма значительным числом учеников.

Особое внимание было обращено на Черномское училище, из среды учеников которого вышли арестованные. Оно было закрыто. Специальному обследованию подверглась библиотека, но неясно, находилась ли она при этом училище или при заводе, или в имении Лазаревых. Список книг этой библиотеки был приложен к делу и переслан вместе с ним из Перми в Петербург. К сожалению, как указано выше, ни этого дела, ни списка книг в архиве III отделения не оказалось. Размеры списка (на 32 листах) говорят о значительном богатстве библиотеки. Инициатор образования тайного общества Петр Поносков, заявивший о влиянии на него прочитанных книг, определенно назвал лишь одного автора — Куно фон Кибурга. Заглавие его книги не было названо в следственном деле, но сама книга была приобщена к следствию и переслана вместе с ним в Петербург.

Следственная комиссия, заинтересовавшаяся не соответствующим, по ее мнению, для крепостного рабочего Поносова уровню его образования, не упустила еще отметить, что «заводские люди вообще беспокойны и редко хорошей нравственности».

В оценке действий обвиняемых комиссия и исходила из этих двух предпосылок: во-первых, это люди, учившиеся в заводской школе со специальным горным классом, и, во-вторых, это вообще люди беспокойные уже потому, что они из семей горных рабочих!

В действительности они вышли из таких семей заводских крепостных крестьян, образовательный уровень которых был, вероятно, выше, чем у всей горнозаводской крестьянской массы, так как родители арестованных были большей частью работниками заводской канцелярии или мелкой администрации. У одного из них отец был конторщиком, у другого — писарем

(копиистом), у третьего — приказчиком, а у четвертого в должности приказчика служил дед. Но обвиняемые, как показало следствие, не были оторваны от рабочей крепостной заводской массы и жили ее интересами. Недаром в своем воззвании они говорили о помещиках, которые мучают крепостных горным трудом и всякими наказаниями.

В архивном деле III отделения имеется показание лишь одного Десятова, проживавшего в момент раскрытия тайной организации в доме своих помещиков Лазаревых в Петербурге, куда он был переведен с завода в качестве писаря. По донесениям из Перми роль его в создании организации состояла в выработке вместе с Федором Наугольных, «сообразно мыслей Петра Поносова», правил деятельности общества, или его устава. Подпись Десятова стояла на документе непосредственно за подписью Петра Поносова, а этот последний даже предлагал ему подписаться первым, как бы признавая тем самым не второстепенное значение Десятова. В своих показаниях Десятов подтвердил инициативу Петра Поносова в создании общества. На собраниях кружка говорилось о тягостях крепостного права. Но в донесениях не уточнено, кто именно и что говорил на этих собраниях. Должно быть, тема была слишком близка для всех и говорить мог каждый. Что же касается программы действий, то, по словам Десятова, члены кружка имели в виду впоследствии «просить правительство» об отмене крепостного права. Такое показание находится в противоречии со словами воззвания «о ниспровержении крепостного права». Само же воззвание и устав общества ничего не говорили о способах действия, ограничиваясь задачей привлечения новых членов.

Сведения о личности Десятова кратки. Ему было всего 19 лет. О своем образовании он сказал, что умеет читать и писать, обучался также арифметике, грамматике и священной истории. Учился в школе всего полтора года, до смерти его отца, крепостного Лазаревых, работавшего на заводе конторщиком. После школы он два года работал в канцелярии Черномского завода, переписывая бумаги. Господская воля перебрасывала его по этой должности из одного места в другое, пока он не попал в Петербург, а оттуда в заточение и на солдатскую службу в гарнизоне одной из финляндских крепостей.

Мы знаем, что такова же в общем была судьба и других восьми обвиняемых, судьей которых взялся быть сам Николай I. В одном из документов архивного дела была выражена надежда: «Должно полагать, что мер открытия и самое наказание преступных возмутителей послужат на долгое время уроком для

подобных зловредных людей не только по одному имению, но и по всем соседственным». Эти слова ясно показывали, что налицо был чисто классовый подход: крепостные противопоставлялись помещикам, и в деле девяти крестьян видели угрозу тому государственному порядку, в основании которого лежало крепостное право.

С рассылкой арестованных по полкам закончилось их дело. Но Николай I начинал другое дело. Его напугал образовательный уровень этой крепостной молодежи. Очень скоро шеф жандармов писал Сперанскому о повелении царя составить особый комитет с участием его, Сперанского, министра внутренних дел, министра народного просвещения и Бенкендорфа «для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения людей несвободного состояния, а также настоящих предметов преподавания как в сих заведениях, так и в принадлежащих партикулярным лицам, в которых воспитываются их крепостные люди». При этом добавлялось, что правила деятельности этого комитета передаст Сперанскому лично царь. Нельзя не видеть в этом особую заинтересованность Николая, задумавшего новые добавочные меры удушения крепостного крестьянства¹.

§ 42. УЧАСТНИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

За двухсотлетнее существование Петропавловской крепости ее казематы не один раз заполнялись сразу несколькими десятками арестованных по одному и тому же делу. Эти же казематы четыре раза заполнялись одновременно сотнями узников. Три таких случая мной уже отмечены. Первый из них имел место в 1820 году, при восстании солдат Семеновского полка, второй — через пять лет, при восстании декабристов, а третий — в 1831 году, при арестах по делу о холерном бунте в Петербурге. Так однородную солдатскую массу узников 1820 года сменила в 1825 году солдатская и офицерская масса, а в 1831 году — также однородная и компактная масса мещан и крестьян. Прошло еще 30 лет, и в 1861 году за стены твердыни самодержавия были доставлены сотни представителей

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 4 эксп., 1837, № 58. «О противозаконном обществе, открытом на заводе гг. Лазаревых в Пермской губернии». См. также Всеподданнейшие доклады по 4 эксп. III отделения, 1837 (л. 201 и сл.).

петербургского студенчества. Являясь большей частью детьми разночинцев, они вошли сюда как участники университетских волнений. Но было бы ошибочно видеть в них недовольных одними лишь университетскими порядками. Для многих из них университетский вопрос был тесно связан с общеполитическим положением в стране.

Хотя ближайшим поводом к студенческим волнениям послужило издание новых правил для студентов, закрытие студенческой кассы и библиотеки, запрещение сходов, повышение платы за обучение, но события осени 1861 года приняли явно политический характер. Из стен университета студенты демонстративно вышли на улицы. К ним примкнули сочувствующие не из числа студентов. Настроения в русском обществе вообще и в столице, в частности, в начале 60-х годов делали университетские «беспорядки» политическим выступлением. Так смотрела на эти события и передовая часть самого петербургского студенчества. Студенческая прокламация провозглашала:

«Мы легион, потому что за нас здравый смысл, общественное мнение, литература, профессора, бесчисленные кружки свободомыслящих людей, Западная Европа, все лучшее, передовое — за нами. Нас много, более даже, чем шпионов. Стоит только показать, что нас много. Теперь кто же против нас? Пять-шесть олигархов, тиранов, крадущих, подлых, отравляющих рабов, желающих быть господами, они теперь выворачивают тулупы, чтобы пугать нас, как малых детей. Главное, бойтесь разногласий и не трусьте решительных мер. Имейте в голове одно: стрелять в нас не смеют — из-за университета в Петербурге вспыхнет бунт»¹.

Эта прокламация, конечно, переоценивала силы студенчества: надежда на бунт в столице была совершенно эфемерна. Сочувствие студентам со стороны либеральной части столичного населения не пошло дальше одобрений, похвал, щедрого приношения съестных продуктов заключенным. Сопровождение демонстративного шествия студентов по улицам представителями учащейся молодежи из других учебных заведений, а отчасти и разными другими лицами увеличивало значение событий, но все это было еще очень далеко от пролога к бунту.

Материалы архива III отделения дали нам возможность выяснить количество студентов, заключенных в различные казематы Петропавловской крепости. Сводный отчет шефа

¹ Рафаил Выдрин, Основные моменты студенческого движения в России, М., 1908, стр. 16.

жандармов за 1861 год определил общее число их цифрой в 335 человек¹. Первоначальное число заключенных студентов, по словам того же отчета, было всего два-три десятка, но в октябре было сразу арестовано 240 человек. Из общего числа арестованных 240 студентов были переведены в Кронштадтскую крепость, а 80 оставлено в Петропавловской крепости до разбора дел о них особыми комиссиями. По повелению царя 4 декабря часть их была выпущена, часть получила разрешение вернуться в университет, другие — сосланы в северные губернии или высланы на родину.

Волнения продолжались, и 20 декабря университет был закрыт. Студенческие волнения перекинулись и в другие университеты².

Цифровые сведения можно почерпнуть также из ежемесячных докладов коменданта Петропавловской крепости царю о числе арестантов Петропавловской крепости. В списке секретных арестантов на 1 октября 1861 г. было показано 20 студентов, заключенных в Никольскую куртину, частью в одиночках, частью вместе. Среди них были, между прочим, Студенский, Николай Неклюдов, Николай Утин, фон-дер-Флит. Кроме студентов, среди арестованных было четверо в возрасте 13, 15, 16 и 17 лет (их вскоре отправили из крепости к обер-полицеймейстеру).

В списке на 1 ноября указаны фамилии 54 студентов, заключенных в Невскую куртину, и 36 — в Никольскую. На 1 декабря в Невской куртине значилось 90 заключенных и трое — в Алексеевском равелине (Сваричевский, Данненберг и Лобанов).

В течение декабря студентов освобождали, высылали или переводили в другие места, и на 1 января 1862 г. их оставалось лишь двое в Алексеевском равелине (Сваричевский и Данненберг) и один в Невской куртине (Кватц)³.

¹ Эта цифра совершенно сходится с цифрой, приведенной Т. В. Вольфсоном, и потому не соответствуют действительности его замечания о некотором расхождении моего и его цифрового материала (см. его статью «Петербургские студенты в Петропавловской и Кронштадтской крепостях в 1861 г.», «Вестник Ленинградского университета» 1949 г. № 1, стр. 135, сноски).

² ЦГИА в Москве, Всеподданнейшие доклады III отделения, 1 экзп., 1861 (л. 56).

³ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1861, № 409. «Об арестантах Петербургской крепости». Подробные сведения об участии студентов в волнениях см. в деле правительствующего Сената; ЦГИА в Ленинграде, № 6644, 1861. Заключение комиссии, учрежденной для разбирательства степени виновности студентов и других лиц, арестованных 12 декабря 1861 г. за противозаконные сборища и беспорядки.

Несмотря на огромное количество студентов, находившихся в Петропавловской крепости в последней четверти 1861 года, они не оставили в печати сведений о своем пребывании там. Не много сведений мы нашли об этом и в архивных материалах.

Готовясь к приему новых заключенных, администрация крепости распорядилась забелить окна в казематах снаружи, навесить занавески на стекла, вставленные в дверях камер, и приняла другие меры предосторожности. III отделение особенно взволновалось, получив от своих агентов сведения, что 40 офицеров военной академии при осмотре ими монетного двора вступили в сношение с арестованными студентами посредством знаков. Но крепостная администрация отвергла правильность этого донесения.

Само тюремное начальство в одном из своих секретных рапортов признало тот факт, на который обращали свое внимание авторы мемуаров о пребывании в крепости, начиная с декабристов: мы говорим о страшной копоты ночников в тюремных камерах. На этот раз мы имеем возможность привести дословное описание размеров этой копоты и вредного ее влияния на здоровье заключенных. Конопляное масло в ночниках «в продолжение ночи производит такую копоть, что у арестованных делается чернота в ноздрях, ушах и даже наружно на лице, белье грязнится в короткое время, комнаты чернеют, воздух в оных заражается и разрушительно действует на здоровье лиц, в оных заключенных, потому что они не выходят из комнат даже и для естественной надобности»¹.

Один из участников студенческих событий, не попавший в число арестованных, но посещавший товарищей в месте их заточения, — студент Сорокин оставил в своих воспоминаниях описание пребывания студентов в крепости. Он охарактеризовал это пребывание как исключительное для этой крепости по своей легкости. Ничего подобного не было никогда ни ранее, ни после. Это могло произойти только под напором поступившей в тюрьму огромной массы революционно настроенного студенчества и тех общественных настроений, которые были характерны для начала 60-х годов.

Сорокин вспоминал, что арест здесь не только не был тяжел для беззаботных юношей в такой огромной товарищеской семье, но даже весел. Студенты были размещены в больших общих камерах, прогуливались в крепостном саду. Кормили их

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд канцелярии коменданта Петербургской крепости, 1861—1862, № 237. Дело «О заключении в казематы Петербургской крепости студентов Петербургского университета» (л. 66).

довольно сносно, и родственники приносили все¹. Свидания происходили два раза в неделю в квартире коменданта, превращавшейся на это время в «огромный ресторан, кишущий ликующей молодежью». Несколько комнат наполнялось народом. Сидели даже на полу. Разговоры, смех, даже студенческие напевы раздавались здесь. «Оригинальные арестанты буквально пиршествовали». По утрам занимались, читали, а после обеда происходили вокальные упражнения, драматические сцены и даже сочинили оперу на студенческие события с действующими лицами в виде министра народного просвещения, попечителя учебного округа и других. Списки оперы ходили по городу².

С описанием Сорокина совпадают и воспоминания поэта Михайлова. Он находился в заточении в крепости одновременно со студентами. «Глядя из своей форточки, я часто видел арестованных студентов. Почти как раз против моего окна было крыльцо другого отделения Невской куртины, и на нем нередко собирались студенты, сидели, курили, уходили и вновь приходили... И раз явственно слышал, как они говорили, указывая на меня: «Это Михайлов, кажется». Дня за четыре до произнесения мне приговора на площади, я почти все утро простоял у форточки, глядя на распуск их по домам. Наехало пропасть мужчин и дам, верно, все родных, и студенты сновали по крыльцу, подбегая к подъезжавшим саням, пожимали руки и весело разговаривали. Некоторые из приезжающих родных или знакомых проходили на крыльцо, вероятно, с тем, чтобы посмотреть, как это содержатся люди в крепости. Слышались слова: «Можно? Идите, ничего... Можно. Да ведь нельзя, господа! и т. п.»³.

¹ В названном архивном деле даны за каждый день пребывания студентов сведения о продуктах их питания. Для примера берем сведения за 14 октября: «Подано на 335 человек чаю 4/8 фунта, сахару 18 фунтов, булок 335 штук по 3 коп. На обед говядины 7 пудов 20 фунтов, свежей капусты на 30 коп., крупы гречневой 3 четверика, овсяных круп 4 гарнца, кореньев на 15 коп., муки 3 фунта, масла русского 17 фунтов, огурцов 335 штук. На ужин чаю 4/8 фунта, сахару 18 фунтов, булок 335 штук, картофеля для жаркого 4 четверика, соли 10 фунтов, полубелого хлеба 1 пуд 37 фунтов, черного хлеба 9 пудов, 3 фунта русского масла, стеариновых свечей 2 фунта».

Сначала на продовольствие отпускалось по 7 коп. на день, а потом по 25 коп.

² См. Вл. Сорокин, Воспоминания старого студента, «Русская старина» 1906 г. № 11, стр. 462.

³ М. И. Михайлов, Записки 1861—1862 гг., «Былое», П., 1922, стр. 80—81. Студенты послали Михайлову стихи; см. Сергей Гессен, Студенческое движение в начале 60-х годов, 1932, стр. 84.

Из описаний Михайлова видно, что старая крепость в три-четыре последних месяца 1861 года была омоложена пребыванием в ней нескольких сот студенческой молодежи. Перед натиском огромного числа новых молодых заключенных сломался обычный суровый режим склепов с живыми покойниками. Общению заключенных нельзя было помешать. Нет ничего удивительного, что администрация поторопилась освободиться от таких узников. Оказывало свое влияние на режим и либеральное настроение начала 60-х годов, тем более, что господствующим мнением все же было убеждение в чисто университетском характере событий. Новый генерал-губернатор Петербурга князь Суворов, заменивший уволенного Игнатьева, при котором произошли студенческие волнения, посетил студентов в Петропавловской крепости. По словам автора книги «Русское студенчество в эпоху 60-х годов», Суворов обратился к студентам с краткой речью, в которой сказал им о своем уважении к горячим молодым головам и шутя отметил, что благодарен им, так как университетские события привели к переводу его из Риги в Петербург¹.

Университетские события привели не только к губернаторским перемещениям и новым назначениям. Печальнее для русской науки было увольнение из университета ряда крупных ученых — А. Н. Пыпина, Б. И. Утина, М. М. Стасюлевича, В. Д. Спасовича и др. Оставление университета этими профессорами взволновало и тех студентов, которые согласились взять установленные новыми правилами входные билеты, так называемые матрикулы. Уход ряда профессоров еще более придавал университетским событиям политический характер. Но уже самый факт заключения студентов в государственную политическую тюрьму поднимал студенческие волнения до уровня политического выступления. Если режим в крепости оказался для студентов необычно легким, то это оказалось совсем неожиданным: за крепостью была слава грозного царского застенка. Аресты следовали пачками, но не устрашали студентов. Сами арестованные сложили популярную в то время песню, начинавшуюся словами:

Честь и слава тем студентам,
Кто не брал матрикул,
Не страшился казематов
И не падал духом.
Без боязни слово правды

¹ См. С. Ашевский, Русское студенчество в эпоху 60-х годов, «Современный мир» 1907 г. № 9, стр. 85.

Скажем мы народу
И умрем мы, если надо,
За его свободу¹.

В этой песне слышны мотивы, которым предстояло развиваться несколько позднее, когда передовая часть студенчества явилась поставщиком кадров революционного народничества.

Царская Россия этого времени вступала в эпоху капитализма. Рушился ряд пережитков старого крепостного строя. Одним из таких пережитков был дворянский университет. Потребность в людях с высшим образованием привела к демократизации студенчества, в составе которого преобладающее значение получили разночинцы. Они внесли новые наслоения в среду так называемой политической преступности, а вместе с тем и в состав политических заключенных.

¹ См. В. Н. Орлов, Студенческое движение Московского университета в XIX столетии, М., 1934, стр. 144.

Глава седьмая

УЗНИКИ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

§ 43. СТАТИСТИКА УЗНИКОВ РАВЕЛИНА ЗА 1825—1870 ГОДЫ

В ПЕЧАТИ до настоящего времени не было сведений о числе заключенных в Алексеевском равелине за какой бы то ни было период. Между тем такая статистика представляет несомненный интерес. В такие годы, как 1825, 1849 и 60-е, Алексеевский равелин заполнялся заключенными до отказа и свободных камер не оставалось. Но не следует забывать, что в равелине было всего два десятка одиночных камер и что эта тюрьма была предназначена для заключения в нее в особо важных случаях. Кроме этого равелина, местом заключения по политическим обвинениям не в малом числе служили, как мы уже знаем, другие казематы той же Петропавловской крепости. Некоторые из заключенных в равелине оставались там по многу лет (Батеньков, как мы знаем, содержался в нем 20 лет).

За все время существования Алексеевского равелина не было сделано ни одной попытки статистического учета населения этого равелина, несмотря на представление ежемесячных ведомостей царю с фамилиями узников. Только в 1881 году департамент полиции составил алфавитный список заключенных в этот равелин за период 1808—1863 гг.¹ В списке, кроме фамилий,

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1881, № 8. Дело «По содержанию государственных преступников и по другим предметам, к сему относящимся».

даны сведения лишь о времени поступления в рavelин арестанта без указания времени его выбытия; при этом список был составлен с пропуском фамилий таких узников, имена которых были слишком хорошо известны и памяты правительству и навсегда остались в истории революционного движения. Так, оказались пропущенными фамилии Пестеля, Рылеева, Каховского. Мы проверили этот список на основании ежемесячных докладов коменданта крепости царю, но и они были составлены не с исчерпывающей полнотой. Возможно, что департамент полиции пользовался именно ими при составлении своего списка за годы, начиная с 30-х.

По списку департамента полиции за 1808—1863 гг. число узников рavelина несколько превышало 200 человек. За интересующие нас 1825—1870 гг. мы насчитали их в количестве 149.

Если принять во внимание годы поступления в рavelин, то наивысшая цифра пришлась на 1860 год, когда было заключено 20 человек; в 1849 году было принято в рavelин 19 человек; в 1825 году — 14, в 1862 году — 17 и в 1863 году — 15 человек.

За остальные годы число вновь принятых исчислялось единицами: в 1826 году — 7, в 1827 и 1846 гг. по 5; в 1833 году — 8; в 1847 году — 4; в 1852 и 1861 гг. по 5 человек. По 3 человека было заключено в годы: 1828, 1830, 1851 и 1866. В 1840 и 1854 гг. было вновь принято по 2 заключенных и по одному — в годы: 1831, 1834, 1836, 1839, 1842, 1844, 1848, 1855 и 1856.

В остальные, не перечисленные нами 24 года новых поступлений в рavelин ни в списке департамента полиции, ни по имеющимся ежемесячным докладам царю не указано. Количество одновременно находившихся в рavelине заключенных колебалось в пределах от одного человека до полного заполнения камер, но чаще всего их было от пяти до восьми.

В изучаемый нами период продолжительность пребывания в рavelине за редкими исключениями была невелика. Заключенные находились здесь большей частью лишь во время расследования дела и до решения его по суду или без суда. Более продолжительные сроки пребывания здесь пришлось на заключенных без суда.

По основаниям поступления в Алексеевский рavelин наибольшая часть за период с 14 декабря 1825 г. до 1870 года пришлась на заключенных по политическим делам.

Из составленного нами списка заключенных можно узнать более подробно, в чем именно состояли обвинения узников,

когда именно тот или другой обвиняемый был заключен в крепость, а в некоторых случаях установить и время выбытия его из крепости.

§ 44. СПИСОК ЗАКЛЮЧЕННЫХ В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН НАЧИНАЯ С ДЕКАБРИСТОВ И ДО 1870 ГОДА

Материалами для составления нашего списка послужили различные дела из архивов Алексеевского рavelина, III отделения и Центрального военно-исторического архива, а также VIII том издания Центрархива «Восстание декабристов», вторая часть 1 тома био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России» и, наконец, список заключенных в рavelин 1808—1863 гг., составленный в 1881 году департаментом полиции и указанный нами выше. Мы не воспроизводим из этого списка первые 83 фамилии заключенных до 14 декабря 1825 г.

В списке департамента полиции мы заметили ряд ошибок и пропусков, особенно по процессу декабристов. Однако наш материал не отличался исчерпывающей полнотой, и потому наш список нельзя считать безусловно полным. Но у него не было в печати предшественников, и потому он представляет интерес и значение.

СПИСОК

ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ПОСТУПИВШИХ В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН С 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА ПО 21 МАЯ 1866 ГОДА

1. Щепин-Ростовский Дмитрий, князь, штабс-капитан, 14/XII 1825 г. Декабрист.
2. Рылеев Кондратий, отставной подпоручик, 14/XII 1825 г. Декабрист.
3. Сутгоф Александр, подпоручик, 14/XII 1825 г. Декабрист.
4. Вишневский Федор, лейтенант, 15/XII 1825 г. Декабрист.
5. Арбузов Антон, лейтенант, 15/XII 1825 г. Декабрист.
6. Бодиско, мичман, 15/XII 1825 г. Декабрист.
7. Трубецкой Сергей, князь, 15/XII 1825 г. Декабрист.
8. Бестужев Николай, капитан-лейтенант, 15/XII 1825 г. Декабрист.
9. Оболенский Евгений, князь, 15/XII 1825 г. Декабрист.
10. Каховский Петр, отставной поручик, 16/XII 1825 г. Декабрист.

11. Бестужев Михаил, штабс-капитан, 17/XII 1825 г. Декабрист.
12. Пущин Иван, коллежский ассессор, 17/XII 1825 г. Декабрист.
13. Одоевский Александр, князь, 17/XII 1825 г. Декабрист.
14. Орлов 1-й, генерал-майор, 29/XII 1825 г. Декабрист.
15. Лорер Никита, майор, 3/I 1826 г. Декабрист.
16. Пестель Павел, полковник, 3/I 1826 г. Декабрист.
17. Фон-Визин Михаил, генерал-майор, 12/I 1826 г. Декабрист.
18. Якушкин Иван, капитан, 14/I 1826 г. Декабрист.
19. Волконский Сергей, генерал-майор, 15/I 1826 г. Декабрист.
20. Муравьев-Апостол Сергей, подполковник, 20/I 1826 г. Декабрист.
21. Завалишин Дмитрий, лейтенант, 4/IV 1826 г. Декабрист.
22. Константинов, надворный советник, 22/II 1827 г. Под чужим именем доносил царю о взятках полиции. Заключен в рavelин за лжедоносы, изветы и сутяжничество. Выслан в Каргополь 29/III 1827 г.
23. Пининский, помещик, 15/VI 1827 г. За тайную переписку с заключенным в крепость государственным преступником Мошинским. В марте 1830 г. сослан в Вологодскую губернию.
24. Мошинский Петр, граф, 15/VI 1827 г. За прикосновенность к польскому противоправительственному обществу. Лишен дворянства. Сослан 29/XII 1829 г. в Тобольск.
25. Горчаков, крестьянин, 15/VI 1827 г. Лжедонос политического характера. 17/I 1831 г. по приговору суда сослан в Сибирь.
26. Батеньков Гавриил, подполковник, 23/VI 1827 г. Декабрист. Сослан в Томск 14/II 1846 г.
27. Корнилович Александр, штабс-капитан, 15/II 1828 г. Декабрист. 15/XI 1832 г. переведен в ордонансгауз для отправки в Тифлис.
28. Аполлос, иеромонах, 9/III 1828 г. За отступничество от православия. 15/XI 1832 г. переведен в III отделение.
29. Ефимий Калашников, иеромонах, 12/III 1828 г. За ложный донос на игумена о растрате денег и политический лжедонос. В 1828 году сослан в Соловки.
30. Шамарин, надворный советник, 2/IV 1830 г. Переслан 16/IV 1831 г. в губернское правление СПб. За взяточничество по должности правителя канцелярии архангельского губернатора.
31. Иванов, чиновник, 4/IV 1830 г. Переслан 16/IV 1831 г. в губернское правление СПб. За взяточничество по службе в г. Архангельске.
32. Гежельинский, управляющий делами комитета министров, действительный статский советник, 22/XII 1830 г. Осужден Сенатом за объявление «высочайших» повелений не в подлинном их смысле, производил подкиски в журналах комитета министров. Осужден Сенатом в 1831 году к лишению дворянства и чинов и сослан в финляндские полки.
33. Ситников, штабс-капитан генерального штаба, 7/VI 1831 г. Судим военным судом «за сочинение и рассылку пасквилей и возмутительных писем». Поступил в Шлиссельбургскую крепость 29/IV 1832 г.
34. Сумерков, отставной поручик, 3/I 1833 г. Переведен в градскую тюрьму 20/II 1833 г.
35. Торопоглицкий, коллежский регистратор, 4/I 1833 г. Переведен в тюрьму 20/II 1833 г.
36. Плещеев, отставной коллежский секретарь, 4/I 1833 г. Переведен в тюрьму 20/II 1833 г.
37. Бояринов, отставной коллежский регистратор, 4/I 1833 г. Переведен в тюрьму 20/II 1833 г.
38. Горбатовский, отставной прапорщик, 4/I 1833 г. Переведен в тюрьму 20/II 1833 г.

39. Кант, сын отставного губернского секретаря, 4/I 1833 г. Переведен в тюрьму 20/II 1833 г.
40. Карпов, отставной канцелярист, 18/II 1833 г. Выбыл из списков в начале 1849 года.
41. Шиманский Марцелий, 3/XI 1833 г. По делам восстания в Польше. Прощен и освобожден 23/V 1834 г. и награжден 200 червонцами.
42. Волохов, комиссионер провиантского ведомства, 14/IV 1834 г. Передан военному суду и переведен 23/XII 1834 г. на гауптвахту.
43. Романов, бывший священник, 5/II 1836 г. За предсказание великих перемен в России, душевнобольной. Переведен 3/I 1842 г. в Шлиссельбургскую крепость.
44. Лямин, крестьянин, 17/VIII 1839 г. Выбыл в ноябре того же года.
45. Платер Казимир, граф, 22/VIII 1840 г. За укрывательство в своем имении беглых. Переведен в Динабург, где в октябре того же года предан военному суду. Приговорен к выссылке в Смоленск и взысканию штрафа в сумме 140 тыс. руб. ассигнациями.
46. Огинский, граф, камер-юнкер, 20/XII 1840 г. За помощь польским повстанцам. Освобожден на поруки 19/V 1841 г.
47. Добров, помещик, исключенный из духовного звания за пьянство, 21/XII 1842 г. За лжедонос о заговоре на жизнь царя. Переведен 26/I 1843 г. в Шлиссельбургскую крепость.
48. Порецкий, кадет горного института, 15/II 1844 г. За ложный политический донос. Вывезен 15/II 1846 г. в тюрьму Суздальского монастыря.
49. Свидзинский, польский эмиссар, 14/I 1846 г. По сговору с поляками прибыл из Константинополя узнавать дух русского народа, особенно на Дону. 21/I того же года отправлен в Новочеркасск для предания военному суду.
50. Яснопольский, медик-хирург, 10/VIII 1846 г. По подозрению составления подложного билета государственного банка на 1700 тыс. руб. 5/XII 1850 г. сослан в Якутск.
51. Ромашев Иван, чиновник 9-го класса, 31/X 1846 г. За составление проекта республиканского устройства в России и за подлоги банковых билетов. Переведен в Шлиссельбургскую крепость 6/XI 1846 г.
52. Ромашева Анастасия, первая жена Ромашева Ивана, 31/X 1846 г. Переписывала в течение 5 лет сочинения мужа. Отправлена в ноябре 1846 года в монастырь.
53. Ашкевич, девица, 31/X 1846 г. Жила с Иваном Ромашевым. Подозревалась в знании политических настроений Ромашева. В ноябре 1846 года сослана в монастырь.
54. Гулак, коллежский секретарь, 1/IV 1847 г. Украинofil. По делу Кирилло-Мефодьевского общества. Переведен 30/V 1847 г. в Шлиссельбургскую крепость.
55. Костомаров Николай, коллежский ассессор, профессор-историк. 30/V 1847 г. По делу Кирилло-Мефодьевского общества. 30/V 1848 г. переведен в III отделение и отсюда через 14 дней выслан в Саратов.
56. Кулиш Пантелеймон, украинский публицист и поэт, 30/VI 1847 г. Украинofil. По делу Кирилло-Мефодьевского общества. Выслан в Тулу 30/XII 1847 г.
57. Леонов, австрийский подданный, 29/VII 1847 г. Заключен как раскольник. Переведен 13/III 1854 г. в Шлиссельбургскую крепость.
58. Банников, инженер, поручик горного ведомства, 6/I 1848 г. «За самые дерзкие и возмутительные суждения о государе императоре и образе правления в России». Освобожден 1/I 1849 г.

59. Самарин Юрий, камер-юнкер, 6/III 1849 г. Освобожден 17/III 1849 г. Назначен на службу в Симбирск.
60. Шимков, студент, 9/III 1849 г.
61. Петров, губернский секретарь, 19/III 1849 г.
62. Хлопов, кандидат университета, 18/IV 1849 г.
63. Бутаевич-Петрашевский Михаил, титулярный советник, 23/IV 1849 г. За умысел «на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка».
64. Григорьев Николай, мещанин, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
65. Белецкий Петр, учитель, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
66. Баласоголо Александр, надворный советник, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
67. Головинский Василий, титулярный советник, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
68. Достоевский Федор, инженер-поручик, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
69. Дуров Сергей, коллежский ассessor, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
70. Катенев Василий, вольнослушатель университета, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
71. Кузьмин Алексей, отставной капитан-лейтенант, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
72. Толл Феликс, учитель, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
73. Толстов Алексей, студент, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
74. Филиппов Павел, студент, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
75. Ястржемский Иван, титулярный советник, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
76. Шапошников Петр, мещанин, 23/IV 1849 г. Петрашвец.
77. Черносветов Рафаил, отставной подпоручик, 22/VII 1849 г. Петрашвец.
78. Бакунин Михаил, 11/V 1851 г. За революционную деятельность. Переведен 11/III 1854 г. в Шлиссельбургскую крепость.
79. Трубецкой Сергей, князь, отставной штабс-капитан, 29/VI 1851 г. За похищение чужой жены с ее согласия, за похищение подорожной и намерение бежать за границу. Лишен дворянства и 12/II 1852 г. отправлен в армию на Кавказ.
80. Ген, надворный советник, 7/VIII 1851 г. Разделял демократический образ мыслей. Имел превратные понятия как наставник юношества. В ноябре 1851 г. отправлен в Тулу.
81. Лопатский, коллежский советник, 15/I 1852 г.
82. Постников, коллежский советник, 15/I 1852 г.
83. Юрьев, капитан, 15/I 1852 г. Передан 30/I 1852 г. плац-майору крепости для содержания под арестом.
84. Невдочин, губернский секретарь, 15/I 1852 г. Отправлен в III отделение 16/V 1852 г.
85. Никитин, полковник, 15/I 1852 г. Передан плац-майору для содержания под арестом 30/I 1852 г.
86. Синицын, надворный советник, 27/V 1854 г. За политические лжедоносы.
87. Гребницкий, коллежский регистратор, 5/IV 1854 г. Выбыл 25/X 1856 г. в III отделение.
88. Беляев, купец, 25/I 1855 г. За принадлежность к расколу. 11/I 1857 г. передан жандарму для отправки по назначению.
89. Каменский, губернский секретарь. 14/III 1856 г. За пропаганду среди крестьян. Переведен 27/VI 1857 г. в Шлиссельбургскую крепость.

90. Левченко Митрофан, студент, 22/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. 24/VI 1860 г. переведен в III отделение и выслан в Курск.
91. Завадский Петр, студент, сын священника, 22/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение для высылки в Олонецкую губернию.
92. Португалов Вениамин, студент, сын купца, 23/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение для выслушивания приговора со строгим внушением.
93. Юкельзон Зиновий, студент, 23/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
94. Ефименко Петр, обер-офицерский сын, 24/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение и выслан в Пермскую губернию.
95. Муравский Митрофан, дворянин, 24/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 25/VI 1860 г. в III отделение и выслан в Оренбургскую губернию.
96. Тышинский Александр, дворянин, землевладелец, 26/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
97. Зеленский Лев, сын купца, 27/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен в III отделение 24/VI 1860 г. для выслушивания строгого внушения.
98. Россинский Леонид, студент, 28/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
99. Шмулевич Яков, студент, 29/II 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
100. Кацен Иона, студент, 4/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
101. Лебедев Александр, студент, 5/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
102. Бекман Яков, студент, дворянин, 6/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение и выслан в Вологодскую губернию.
103. Розен Григорий, студент, 7/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
104. Стрижевский Яков, студент, 8/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
105. Марков Иван, студент, 11/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.
106. Ивков Владимир, дворянин, 12/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение и выслан в Вятскую губернию.

107. Оптовцев, студент, 14/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.

108. Шимков Андрей, студент, 9/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.

109. Хлопов Виктор, кандидат университета, 10/III 1860 г. За участие в студенческом обществе для совершения государственного переворота. Переведен 24/VI 1860 г. в III отделение.

110. Бейдеман Михаил, поручик, 29/VIII 1861 г. Задержан при возвращении из-за границы, где был наборщиком в лондонской типографии Герцена и стремился служить в войсках Гарибальди. При арестовании при нем найдено воззвание к крестьянам о их восстании. Переведен 3/V 1881 г. в Казань в больницу для душевнобольных.

111. Данненберг Федор, студент, сын майора, 3/XI 1861 г. За распространение нелегального журнала «Великоросс». Выслан 25/II 1862 г.

112. Лобанов Василий, сын полковника, 3/XI 1861 г. За распространение нелегального журнала «Великоросс». Освобожден 16/XII 1861 г. и отдан на поруки отца.

113. Обручев Владимир, отставной поручик, 3/XI 1861 г. За распространение нелегального журнала «Великоросс». 31/V 1862 г. отправлен в Сибирь на каторжные работы.

114. Сваричевский Михаил, дворянин, сын смотрителя больницы, 3/XI 1861 г. За распространение нелегального журнала «Великоросс». Переведен 22/III 1862 г. в Москву.

115. Чернышевский Николай, отставной титулярный советник, 7/VII 1862 г. За составление прокламации «К барским крестьянам» и за приготовление к возмущению. Отправлен 20/V 1864 г. в Сибирь на каторжные работы.

116. Серно-Соловьевич Николай, отставной надворный советник, 7/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Переведен 5/VI 1865 г. в пересыльную тюрьму для отправки в Сибирь.

117. Владимиров Николай, почетный гражданин, 14/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Переведен 5/VI 1865 г. в пересыльную тюрьму для ссылки в Сибирь на поселение.

118. Ветошников Павел, сын чиновника, 7/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Переведен 5/VI 1865 г. в пересыльную тюрьму для ссылки в Сибирь на поселение.

119. Петровский Николай, отставной штабс-капитан, 16/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Освобожден 9/XII 1863 г. на поруки.

120. Шебаев Иван, купец, 19/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. 5/VI 1864 г. освобожден на поруки.

121. Авдеев Михаил, дворянин, 22/VII 1862 г. Арестован в связи с перехваченными письмами о предполагавшемся побеге Михайлова из Сибири. Переведен 1/VIII 1862 г. в III отделение.

122. Котляревский Александр, дворянин, репетитор, 24/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Выбыл 12/X 1862 г.

123. Налбандов Михаил, армянский писатель (он же Налбандян), 27/VII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. 13/V 1865 г. отправлен к полицмейстеру для высылки в Камышин, Саратовской губернии.

124. Нос Степан, хирург, 3/VIII 1862 г. По делу «Земли и воли». 10/V 1864 г. освобожден под надзор полиции.

125. Белозерский Олимпий, отставной штабс-капитан, 4/VIII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Отдан 2/III 1863 г. на поруки брата.

126. Ничипоренко Андрей, коллежский регистратор, 7/VIII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Умер 7/XI 1863 г. в крепости.

127. Де-Траверсе Николай, маркиз, коллежский асессор, 8/VIII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Отдан 2/III 1863 г. на поруки жены.

128. А. Лин Пимен, коллежский регистратор, землевладелец, 20/VIII 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Освобожден 12/VI 1864 г. на поруки.

129. Стронин Александр, учитель, из бывших крепостных, 11/IX 1862 г. За малороссийскую пропаганду. 31/XII 1862 г. выслан в Архангельскую губернию.

130. Шевич Василий, учитель, 12/IX 1862 г. За участие в кружках «с исключительно малорусским направлением». 31/XII 1862 г. отослан к полицмейстеру.

131. Воронов Николай, учитель гимназии, 11/X 1862 г. За сношение с лондонскими пропагандистами. Освобожден 12/III 1863 г. на поруки.

132. Костомаров Всеволод, корнет, 22/I 1863 г. За распространение литографированных изданий сочинения Огарева. После организации подлогов по делу Чернышевского и оговора Михайлова 24/II 1863 г. переведен на главную гауптвахту.

133. Шмагович Эдуард, студент, 16/III 1863 г. По делу «Земли и воли». Отправлен 9/V 1863 г. в Динабург.

134. Шелгунов Николай, отставной полковник, 15/IV 1863 г. По обвинению в составлении прокламаций. Освобожден 24/XI 1864 г., сослан в Тотму, Вологодской губернии.

135. Мартынов Петр, мещанин, 15/IV 1863 г. За напечатание в «Колоколе» письма к Александру II. Отправлен 7/XII 1863 г. в Сибирь на каторжные работы.

136. Иваницкий Наполеон, штабс-капитан, 3/V 1863 г. За составление заговора в Казани для поднятия восстания и помощи восстанию в Польше. Отправлен 4/VI 1863 г. в Казань, где расстрелян по приговору военного суда.

137. Жеманов Семен, студент, 4/V 1863 г. За составление заговора в Казани для поднятия восстания и помощи восстанию в Польше. Отправлен 5/VI 1863 г. в Казань, где приговорен к каторжным работам.

138. Мрочек Александр, поручик, 10/V 1863 г. За составление заговора в Казани для поднятия восстания и помощи восстанию в Польше. Отправлен 6/VI 1863 г. в Казань, где расстрелян.

139. Кувязев Владимир, подпоручик, 10/V 1863 г. За распространение воззваний «Земли и воли». Отправлен 15/X 1866 г. в комендантское управление СПб.

140. Вейде Михаил, студент, 14/V 1863 г. по делу тайной типографии «Земли и воли». Выслан 22/VI 1863 г. в Динабург.

141. Издебский Станислав, студент, 18/V 1863 г. По делу тайной типографии. Отправлен 24/VI 1863 г. в Динабург.

142. Мосолов Юрий, дворянин, 15/VI 1863 г. По делу общества «Земля и воля». Переведен 25/V 1866 г. в городскую тюрьму СПб.

143. Андрущенко Иван, коллежский регистратор, 2/VIII 1863 г. По делу «Земли и воли». Переведен 4/XII 1863 г. в III отделение. Вторично в Алексеевском равелине с 15/IV 1864 г. Умер в госпитале 6/IX 1864 г.

144. Пусторский Петр, студент, 15/IX 1863 г. По делу «Земли и воли». Освобожден 5/IX 1864 г. на поруки.

145. Шатилов Николай, дворянин, 15/IX 1863 г. По делу «Земли и воли». Переведен 25/V 1866 г. в городскую тюрьму СПб.

146. Столпачков Алексей, штабс-ротмистр, 10/XII 1863 г. По делу «Земли и воли». Переведен 5/VI 1864 г. в ордонансгауз.

147. Каракозов Дмитрий, дворянин, 19/IV 1866 г. За посягательство на жизнь Александра II. 3/IX 1866 г. повешен.

148. Ишутин Николай, потомственный почетный гражданин, 21/V 1866 г. За посягательство на Александра II. Передан 4/IX 1866 г. полицмейстеру для казни, замененной каторжными работами.

149. Худяков Иван, учитель, 21/V 1866 г. За знание существования общества для цели царубийства. Передан 4/X 1866 г. обер-полицмейстеру для отправки в Сибирь на поселение.

§ 45. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ В РАВЕЛИНЕ

Как было указано выше, заключенные в Алексеевский равелин по политическим делам составляли наибольшую часть узников этого равелина. За период 1825—1870 гг. через одиночные камеры этой тюрьмы прошли представители всех течений политической мысли тогдашней России. Они проходили через равелин, чтобы выйти из него на смерть, на каторгу, на поселение, в Шлиссельбургскую крепость, на высылку в северные и другие губернии.

Декабристы, по словам Ленина, лучшие представители дворянского периода революции, перебивали в Алексеевском равелине в количестве 23 человек. Дело украинского всеславянского общества дало в 1847 году равелину трех своих представителей. Петрашевцы, первые в России утописты-социалисты, находились в камерах равелина в количестве 15 узников. Восстание 1830—1831 гг. в Польше дало равелину лишь несколько узников, но тысячи их прошли через польские крепости, Киевскую цитадель, Бобруйскую крепость и несколько человек попали в Шлиссельбургскую крепость. Три года (1851—1854) был заперт в Алексеевском равелине Бакунин и оттуда переведен в Шлиссельбургскую крепость. Писатели — революционные демократы вписали несколько имен в список узников Алексеевского равелина, в том числе и имя Чернышевского. Пробуждение в середине 50-х годов интереса к политическому состоянию России среди студенчества привело к организации тайного студенческого общества, основанного в Харькове в 1855 году для ниспровержения существовавшего строя, но только через пять лет, когда организация уже распалась, 20 ее бывших членов попали в равелин. Рост революционной пропаганды как средства политической борьбы привел к заполнению камер

равелина 13 обвиняемыми в сношениях с лондонскими пропагандистами, 9 землевольцами и рядом других, в том числе 2 обвинявшимися в организации покушения на жизнь Александра II. Эти двое были предтечами многих других узников равелина уже следующего периода.

С наиболее крупными представителями заключенных в Алексеевский равелин мы ознакомились в нашем предшествующем изложении, в наших очерках о декабристах, о петрашевцах и о писателях — революционных демократах 60-х годов. Из других политических узников равелина в период 60-х годов выделяются своей мученической судьбой двое — Бейдеман и Каракозов.

Бейдеман, сведенный с ума, содержался потом в условиях полной изоляции в казанском доме для душевнобольных, пока смерть через шесть с половиной лет не избавила его от страданий. Каракозов оставался узником равелина всего четыре с половиной месяца, но пережитые им за это короткое время физические пытки и психические страдания были так велики, что мы причисляем и его имя к именам мучеников Алексеевского равелина. Его молодая жизнь оборвалась в петле царской виселицы. Таким образом, второй период истории Алексеевского равелина, начатый казнью пяти декабристов, и закончился казнью — повешением Каракозова.

Пребывание в равелине обоих названных нами заключенных освещено в специальных очерках Щеголева¹. Отсылая к ним тех из наших читателей, которые пожелают подробно ознакомиться с заточением Бейдемана и Каракозова, мы ограничимся описанием условий пребывания этих двух революционеров в равелине.

Когда 19 апреля 1866 г. Каракозов был помещен в камеру № 6 равелина, Бейдеман уже в течение 4 лет и 9 месяцев (с 29 августа 1861 г.) был обитателем такой же одиночной камеры № 15 в том же равелине.

После 3 сентября 1866 г., когда палачи увели Каракозова на казнь, Бейдеман еще 15 лет оставался в той же тюрьме. Близкие по духу, товарищи по общей судьбе, почти соседи по месту их пребывания, эти два человека не знали, что они находились так близко один от другого.

Бывший поручик Михаил Бейдеман был заключен в равелин двадцати лет отроду и, так сказать, «закрепощен» на всю жизнь в том самом 1861 году, когда состоялась отмена

¹ См. П. Е. Щеголев, Алексеевский равелин, М., 1929. См. очерки «Д. В. Каракозов в равелине» и «Тайный узник» (М. С. Бейдеман).

крепостного права актом 19 февраля, поднявшим на еще большую высоту революционные настроения Бейдемана.

В собрании «всеподданнейших докладов» по III отделению за 1861 год сказано: «Сын бессарабского помещика Бейдеман по окончании военного училища в 1860 г. тайно уехал за границу в разные государства. При возвращении он был арестован в Финляндии и при обыске в Алексеевском равелине у него найдены клочки «возмутительного манифеста». В написанной им в равелине записке в III отделение он обнаружил «самый преступный образ мыслей», признавшись в намерении совершить цареубийство и переворот. Шеф жандармов выражал сомнение в психической нормальности арестованного. Повелением царя Бейдеман был оставлен в равелине впредь до особого распоряжения, а предполагавшееся предание его военному суду отсрочено¹.

Таково краткое содержание доклада. Его краткость и сухость не находятся ни в каком соответствии с тем значением, какое было придано аресту Бейдемана, найденному при нем «манифесту» и его записке с изложением его намерений. III отделение было повергнуто этими документами в состояние чрезвычайного удивления.

«Манифест» составлен от имени «императора Константина I», сына Константина Павловича. Объявляя Николая I и его сына Александра II преступно захватившими престол и грабителями народа, «манифест» призывал народ подняться на «весь окаянный род» царя, взять в свое владение всю землю помещиков.

В записке же Бейдеман объяснил, что причиной его откровенного заявления является желание высказать всю его ненависть и все его презрение к правительству царя. Он вернулся на родину для мести за все ее страдания, за «мерзкое рабство, в которое погрязли и несчастный русский народ, и русское общество... за пролитую и проливаемую кровь бедных крестьян, кругом ограбленных и обворованных гнуснейшим правительственным произволом... за то возмущающее душу равнодушие и презрение к народу, и к его нуждам, и к его стремлениям, которые царят всюду, начиная с закоулков Зимнего дворца и кончая теми притонами грабежа и разврата, которые называются правительственными установлениями». Он объявлял своей целью свергнуть ту власть, за которой скрывается вся мерзость и гнусность «самодержавного произвола» и которая «за

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1861. Всеподданнейшие доклады по III отделению.

либеральными фразами, вроде реформ сверху, скрывает явную неспособность к решительному социальному, гражданскому и политическому перевороту».

В столь же сильных выражениях Бейдеман бичует уродливую реформу — освобождение крестьян без земли, бездарность и произвол администрации, деятельность III отделения, гнет цензуры и состояние народного образования, на долю которого оставлены ничтожные крохи, жалкие остатки от громадных пышных бюджетов императорского двора.

При личных показаниях начальнику III отделения в равелине Бейдеман подтвердил свое намерение лишить жизни Александра II. В своем донесении этот начальник признавался, что прибегал «к различным уловкам» узнать от Бейдемана о его сообщниках, но тот отрицает их существование. В результате этого коменданту было приказано принять по отношению к Бейдеману строжайшие меры надзора. Позднее Бейдеман признался в желании отправиться служить в революционных войсках Гарибальди в Италии, куда он, однако, не мог доехать за недостатком средств, так как его заработок наборщика в лондонской типографии Герцена был незначителен. Но он действовал по собственному почину без посторонних влияний.

За первые годы Бейдемана не раз посещал начальник III отделения. Немало узник и сам писал в равелине. Его высказывания с течением времени теряли свою резкость. В написанном им проекте конституции Бейдеман уже не проявил прежнего революционного настроения. Он заявил, что в действительности не имел намерения лишить жизни царя, и обратился к нему даже с письмом (12 января 1863 г.). В письме он проявляет себя сторонником монархии с представительным учреждением от народа. Впрочем, еще в начале 1862 года он считал акт 19 февраля 1861 г. «подлым ниже всякой подлости, скверным ниже всякой скверности, мерзким ниже всякой мерзости, нелепым ниже всякой нелепости и гадким ниже всякой гадости».

В половине 1864 года начальник III отделения в особой бумаге царю писал об изменениях в настроениях узника в сторону смягчения его прежней резкости. Трехлетнее заключение сильно изменило его внешность, он почти потерял все волосы, и наружный вид его стал безжизненным, — так сообщал начальник III отделения. Он добавлял, что по закону Бейдеман подлежал бы смертной казни, но участь его была решена царем, и заканчивался доклад словами: «Впрочем, что бы ни ожидало Бейдемана по суду, казалось бы, что закон и справедливость были бы более удовлетворены, если бы заслуженное им наказание, хотя и смертная казнь, совершено было бы над ним в силу

закона, а не исполнялось бы над ним от внешних причин заточения, оказывающих разрушительное влияние на его организм».

Царь выбрал для узника смертную казнь в ее замаскированной форме. Он оставил узника в том самом равелине, где разрушался весь его организм.

Шли долгие годы. 18 октября 1868 г. Бейдеман, уже два года бывший единственным узником во всем равелине, снова обратился к Александру II с письмом. Это был стон, который впервые вырвался из его уст. Стон донесся до Зимнего дворца, но царь остался к нему глухим. В 1869 году, в июле, этот стон вторично и с удвоенной силой вырвался из той же груди, но царское ухо вторично осталось глухим. И в одиночной камере Бейдемана начались несмолкающие вопли сошедшего с ума человека. Об этом писал в 1880 году директор департамента полиции узник равелина Нечаев; он сообщил об этом же в секретном письме товарищам на волю в таких выражениях: «Несчастный узник, томящийся в заключении более 20 лет и утративший рассудок, бегаёт по холодному каземату из угла в угол, как зверь в своей клетке, и оглашает равелин безумными воплями». Еще и 30 января 1879 г. комендант доносил в III отделение, что, по словам часовых, Бейдеман по ночам рыдал, лежа в постели.

Только 20 июня 1881 г. по докладу директора департамента полиции царь Александр III приказал сослать Бейдемана в далекие и малолюдные места Сибири, если он того пожелает. Вместо этого узник был в июле того же года переведен в дом для душевнобольных в Казани¹. Здесь он содержался безвыходно отдельно от других. 5 декабря 1887 г. многострадальная жизнь Бейдемана окончилась.

Подведем итог. 20 лет изо дня в день жестокий режим полного одиночного заключения, сырость и недоедание медленно высасывали, как вампир, из Бейдемана его физические и психические силы. Он был заточен в возрасте цветущей молодости. В возрасте сорока с небольшим лет его перевезли в одиночную палату для душевнобольных. Это был худой старик с облысевшей головой — волосы остались лишь на висках и на затылке, с поседевшей белокурой бородой, с беззубым ртом, с разрыхленными цингой деснами, с бледной кожей, со значительно атрофированной мускулатурой, без подкожного жирового слоя.

¹ Комендант крепости, сообщая об исключении 1 июля 1881 г. Бейдемана из списков заключенных равелина, добавлял, что вещи его за ветхостью сожжены, а металлические вещи разломаны на куски и брошены в реку Неву. — ЦГИА в Ленинграде. Фонд коменданта по Алексеевскому равелину, 1861—1881, № 96. Дело «О заключении Бейдемана».

Вместо прежней речи, которая бурным потоком выливалась в горячих заявлениях Бейдемана III отделению, едва слышались его невнятные ответы, какой-то скороговоркой, врачам больницы. Он отказывался от книг и от бумаги для письма и рисования. Но он не забывал Алексеевского равелина — своего гроба, где была похоронена его жизнь и где был потушен огонь его энтузиазма¹.

Так отомстил царизм человеку, вина которого состояла лишь в его революционных намерениях.

Если Бейдеману ставилось в вину намерение лишить жизни Александра II, то Каракозов был осужден за «покушение на цареубийство». Таким образом, обоих этих заключенных Алексеевского равелина объединяла одна и та же тактика индивидуального террора как средства политической борьбы с царизмом. Как известно, позже эта ошибочная тактика получила свое наибольшее развитие в деятельности народовольцев, а затем социалистов-революционеров и принесла большой вред революционному движению, так как сковывала активность народных масс и направляла развитие освободительного движения по ложному пути.

Но независимо от этого общеполитического значения тактики террористов борьба с ними для царя и представителей высшей бюрократии являлась вопросом личного самосохранения. Поэтому покушение Каракозова подняло на ноги весь аппарат политического сыска и развило в нем энергию до высшего предела.

Каракозов, скрывавший свою фамилию и назвавшийся крестьянином Петровым, был доставлен после ареста 4 апреля 1866 г. в III отделение. На следующий же день шеф жандармов князь Долгоруков в докладе царю писал: «Все средства будут употреблены, дабы раскрыть истину». Это звучало злое. Действительно, следственная комиссия уже 5 апреля предложила начальнику III отделения заковать узника, именуемого себя крестьянином Петровым. На следующий день Долгоруков сообщил царю, что арестованного «допрашивали целый день, не давая ему отдыха, — священник вещевал его несколько часов». Еще через день тот же Долгоруков докладывал: «Из прилагаемой записки Ваше величество изволит усмотреть то, что сделано главной следственной комиссией в течение второй

¹ П. Е. Щеголев в статье «Таинственный узник» (М. С. Бейдеман), помещенной в сб. «Алексеевский равелин», М., 1929, привел большие интересные выдержки из истории болезни Бейдемана. Лист этой истории найден им после Октябрьской революции в архиве больницы для душевнобольных в Казани.

половины дня. Несмотря на это, преступник до сих пор не объясняет своего настоящего имени и просит меня убедительно дать ему отдых, чтобы завтра написать свои объяснения. Хотя он действительно изможден, но надобно еще его истомить, дабы посмотреть, не решится ли он еще сегодня на откровенность»¹. 8 апреля председатель следственной комиссии писал царю: «Запирательство преступника вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания». Это писал вновь назначенный председателем комиссии тот граф Муравьев, который стяжал себе вечную «славу» жестокого усмирителя польского восстания, и поэтому его слова об «энергичных мерах» говорят сами за себя.

Кропоткин в «Записках революционера» передал слышанный им в крепости рассказ жандарма, сторожившего Каракозова в камере: при заключенном неотлучно находилось по два стражника, менявшиеся через каждые два часа. По приказанию начальства они не позволяли Каракозову заснуть. Как только он, сидя на табуретке, начинал дремать, жандармы встряхивали его за плечи.

Кроме физического мучения бессонницей, к Каракозову были применены тяжелые для него особые «психологические приемы». Ему передавались от любимого им и также арестованного его двоюродного брата Ишутина письма, написанные, очевидно, под диктовку жандармов или по их принуждению. В письмах Ишутин умолял Каракозова сказать всю истину, назвать соучастников и тем самым дать свободу ему, Ишутину.

В роли мучителя и агента III отделения выступил и священник Палисадов. Ему было предписано посещать Каракозова и выведывать от него сведения для III отделения. Палисадов действовал по особому выработанному им плану, донимая Каракозова в его камере церковными службами, проповедями и хитрыми беседами частного характера. Обо всем услышанном от узника Палисадов сообщал начальству. Протоиерей Палисадов совершал свои религиозно-розыскные визиты в камере Каракозова 21, 22, 24, 27, 29 апреля и 1 мая, а кроме того, еще 5, 6 и 12 апреля терзал заключенного в III отделении. Посещения Палисадова продолжались от полутора до двух часов, причем во время богослужений измученный бессонницей и допросами Каракозов должен был оставаться на ногах. Интересен сообщаемый Щеголевым факт молебствия с водосвятием 22 апреля в камере Каракозова. Впоследствии Палисадов совершал аналогичные богослужения уже не в камере, а в домово́й церкви комен-

данта, в присутствии последнего, а также Каракозова и двух других заключенных в рavelин по тому же делу (Ишутина и Худякова). И здесь продолжались проповеди и увещания.

Не одни мучения лишением сна и многочасовыми допросами в обстановке, близкой к пытке, составляют особенность этого одного из первых после судебной реформы процессов. Есть основания предполагать, что к Каракозову было применено и мучение лишением его пищи. Таких оснований два. Во-первых, в напечатанной проповеди одного священника, видевшего Каракозова в первые дни его содержания в III отделении, имеется указание, что Каракозов будто бы сам отказывался от пищи и питья в продолжение первых пяти суток его заключения. Объяснение этому проповедник видел, между прочим, в желании Каракозова унести с собой в гроб свою тайну. Таким образом, мы имеем указания на голодание Каракозова. Не было ли оно таким же «добровольным», как и его бессонница?

Во-вторых, в архивном деле о каракозовцах содержится прямое указание на ограничение пищи несколькими каракозовцам. Прежде чем привести соответствующую выписку из архивного дела, считаю не лишним подчеркнуть, что она находится в полном соответствии с рассказом, слышанным автором настоящей книги от отца, который по делу Каракозова также был заключен в Петропавловской крепости (в Невской куртине, а потом сослан в Вологодскую губернию). Отец рассказывал, что председатель комиссии по расследованию дела Каракозова, усмиритель польского восстания Муравьев-вешатель, оставшись недоволен ответами отца на допросах, приказал ограничить его питание в крепости. В архивном деле имеется распоряжение Муравьева коменданту крепости «изменить продовольствие» Гернету, Никольскому, Орлову, Николаеву и еще пятерым каракозовцам, давая им обед из двух блюд лишь через день¹. При этом было определено указано, что эти два блюда должны состоять из щей или супа и какого-нибудь кушанья на второе блюдо, подававшегося также и на ужин.

Для того, чтобы учесть реальное значение такого «изменения пищи», припомним слова каракозовца Худякова, который

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта Петербургской крепости, 1866, № 296. О заключении в крепость лиц по распоряжению высочайше утвержденной следственной комиссии. В этом же деле дана ведомость о заполнении крепости арестованными по делу Каракозова, а именно: в Екатерининской куртине были заняты все 19 секретных камер, в Никольской из 12 камер — 10, в Трубецком бастионе были заняты все 9 номеров, а в Невской куртине — 15 камер были временно заняты военно-подсудимыми из нижних чинов.

¹ П. Е. Щеголев, Алексеевский рavelин, 1929, стр. 54.

говорил: «В крепости кормили такой пищей, которой не поза-видовали бы многие собаки»¹.

При таком отвратительном питании очень знаменательным является найденное нами в архиве обращение коменданта Петропавловской крепости в III отделение с просьбой не принимать, по возможности, от родных арестованных белья и продуктов для передачи в крепость, мотивируя достаточным количеством белья в крепости и отсутствием помещения для хранения продуктов².

Несомненно, что за этим распоряжением коменданта крепости скрывалось желание создать для заключенных по делу Каракозова более тяжелый режим: для хранения продуктов не требовалось особого помещения, так как принесенные предметы питания передавались в камеру заключенных.

При изнуренном физическом состоянии узников III отделение не останавливалось перед угрозой и настоящей пыткой. Об этом рассказал в своих воспоминаниях Худяков. Следовательно передавали Худякову повеление Александра II применить к нему пытку, а если он немедленно не сознается, то объявить его вне закона и расстрелять.

Заседания верховного суда, которому был предан Каракозов, происходили все в той же Петропавловской крепости, где судили декабристов и петрашевцев. Стены крепости были надежнее других стен. Хотя процесс Каракозова велся уже по новым судебным уставам, но он проходил «по-старому» во многих отношениях. Остались прежними не только место суда в пределах крепости, но и те влияния, без которых, конечно, не мог обойтись разбор этого дела. Так, Александр II пожелал, чтобы процесс был закончен в самом непродолжительном времени. Поэтому пошла такая судебная гонка, которая отнюдь не благоприятствовала правильному и всестороннему рассмотрению дела. Неизбежны были и всякие влияния со стороны высокопоставленных заинтересованных лиц. Обер-секретарь верховного суда Есипович в своих записках об этом суде отмечал влияние таких вельмож, которые «всякое отступление или уклонение от своего безапелляционного приговора считали чуть не изменою государю и государству»³.

¹ И. Худяков, Записки каракозовца — «Молодая гвардия», 1930, стр. 127.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1866, № 100, ч. 3. «О покушении на жизнь государя императора. Общие распоряжения об арестовании лиц, прикосновенных к сему делу».

³ «Записки сенатора Есиповича», «Русская старина» 1909 г., январь, стр. 137.

Воспоминания Есиповича, который сам стоял на верхних ступеньках служебной лестницы, в чине штатского генерала, а впоследствии и сенатора, приобретают для нас особый интерес. Ему было прекрасно известно все, что творилось и говорилось за кулисами суда. Он знал и ту борьбу, которую вели за пределами суда разные лица, в том числе Муравьев-вешатель. Сторонники поголовной казни всех привлеченных к суду находили, что дело верховного уголовного суда — в опасных руках, что председатель его попал под влияние революционной партии в лице секретаря суда (т. е. Есиповича). Вся же «революционность» этого секретаря сводилась только к попыткам провести заседание суда по этому первому процессу, разбиравшемуся на основе судебных уставов 1864 года, с соблюдением требований закона.

В состав суда были введены лица, беспощадная жестокость которых была известна заранее. Таковы Панин и Корниолин-Пинский, полуживой 90-летний старик, которого вносили в зал суда на носилках. Есипович вспоминал, как члены суда задолго до приговора разыскивали статьи закона с наиболее суровыми карами. Обвинителем в процессе был министр юстиции Замятин, который, по словам Есиповича, никогда не отстаивал своих личных твердых убеждений по той, может быть, простой причине, что он их не имел. Председателем суда был князь Гагарин.

Совсем не бесстрастное судейское настроение его вылилось наружу в самом начале процесса, когда он заявил секретарю суда, что будет обращаться к Каракозову на «ты», так как «такому злодею нет возможности говорить «вы»». Впрочем, секретарю удалось убедить его обращаться к подсудимому на «вы».

Во время самого суда до сведения председателя было доведено желание царя ускорить окончание процесса. «Если казнь Каракозова не будет совершена до 26 авг., то государю императору неудобно, чтобы она произошла между 26 (днем коронации) и 30 авг. (днем его тезоименитства)». Так подсказывался приговор. Он и был вынесен. Его вынесению предшествовало частное совещание членов суда на квартире председателя, где было решено казнить одного Каракозова. Член суда Панин согласился с этим очень неохотно, говоря, что, «конечно, двух казнить лучше, чем одного, а трех лучше, нежели двух».

Каракозов, совсем надломленный следствием и судом, дал обширные показания. Он подал просьбу о помиловании. Министр юстиции, он же обвинитель по процессу, доложил ее царю, о чем впоследствии рассказывал: «Какое ангельское

выражение было на лице государя, когда он сказал, что он давно простил его, как христианин, но, как государь, простить не считает себя в праве». Так, лицемерно, пышной фразой царь, неограниченный монарх, ограничивал себя в праве избавления от виселицы осужденного!.. Мы уже знаем, что этот «ангел» заранее решил отдать Каракозова палачам.

2 сентября председатель суда вызвал Каракозова из рavelины в здание, где проходил суд. Караков вошел с таким светлым лицом, что, по-видимому, ждал помилования, но услышал об утверждении приговора, и весь свет исчез с его лица, оно потемнело и приняло суровое и мрачное выражение. Осужденному пришлось ждать казни целые сутки. Он был публично повешен на Смоленском поле.

Кроме Каракозова верховный уголовный суд судил по его же делу еще 35 других обвиняемых, разбитых на две группы. В первую группу были отнесены вместе с Караковым 11 человек, а во вторую — 25 обвиняемых. Кроме того, с частью арестованных по тому же делу правительство расправилось без суда, в административном порядке.

Значительная часть арестованных была заключена в куртины и бастии Петропавловской крепости, и трое (Караков, Ишутин и Худяков), как сказано выше, содержались в Алексеевском рavelине. Впрочем, Худяков был заключен в рavelин не сразу, а переведен сюда из Никольской куртины.

В вину обвиняемым ставилась та или иная форма прикосновенности к покушению на Александра II и участие в организации, ставившей своей целью государственный переворот и водворение новых социальных начал. Большинство членов кружка не шло далее попыток организации артелей и производственных товариществ, дальше намерений пропаганды при помощи библиотек и школ. Обвинительные акты в первую очередь выдвигали обвинение против участников общества под названием «Ад», в котором убийство царя как средство переворота было предметом обсуждения.

Большинство обвиняемых на следствии и в суде не стояли на высоте положения революционера и после осуждения их на каторгу и поселение подавали просьбы о помиловании. Подавал просьбу о помиловании уже после казни Каракозова и Ишутин, приговоренный к повешению. Он был помилован по совершении над ним всей церемонии публичной казни вплоть до одевания в саван и надевания петли на шею. Это стоило ему потери душевного здоровья.

По своему социальному составу каракозовцы были большей частью представителями той группы разночинцев, которая в

истории революционного русского движения пришла на смену дворянам. Возрастной состав осужденных был очень молодой — в пределах 19—26 лет. Приговор к суровым наказаниям не мог остановить роста революционного движения в стране.

§ 46. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛЖЕДОНОСЧИКИ И УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ В РАВЕЛИНЕ

В системе внутреннего управления и охраны самодержавия, православия и политики национального гнета видное место занимал донос. Несмотря на всероссийскую организацию государственного шпионажа, огромное число жандармов и официальных агентов III отделения, несмотря на широчайшие объемы перлюстрации всякой корреспонденции, царское правительство щедро поощряло и добровольных политических доносчиков. Из целого ряда дел III отделения можно видеть, в какие разнообразные формы выливалась «высочайшая» благодарность им. Для богатого и знатного доносчика, каким был, например, Коковницын в деле Ромашева, такая благодарность выражалась объявлением «монаршего благоволения». Доносчику из числа крепостных крестьян даровалось освобождение от крепостной зависимости. Состоящим на военной или гражданской службе предоставлялись чины, ордена, бриллиантовые перстни. Предателя декабристов Шервуда, осыпанного всякими милостями, наградили прибавкой к его фамилии приставки «Верный» и дворянским гербом в виде протянутой из-за облаков к нему руки с пальцами, сложенными так, как это требовалось для присяги. Предоставление денежных наград в размерах, всегда далеко превышавших Иудины 30 сребренников, было обычным и наиболее распространенным явлением.

Успешность доноса, как одного из средств всей системы охраны существовавшего государственного строя, требовала, чтобы он если не вполне, то хотя бы частично соответствовал истине. Лживый донос создавал для правительства лишнее беспокойство, вызывая ряд ненужных действий, приводил к непроизводительным расходам денежных средств, сил и времени, мешал правильному ходу дела наблюдения, розыска и охраны «порядка и спокойствия». Поэтому правительство в своих собственных выгодах относилось к политическим лжедоносчикам сурово.

Свод законов содержал целый ряд статей, определявших условия доноса и гарантии его правильности. Для доноса о государственных преступлениях по так называемым двум первым

пунктам закон раскрывал самые широкие пути и отказывался от запрета принимать доносы от детей на родителей и от крепостных на их помещиков (т. XV, ст. 921, 1842 г.). За лжедонос закон грозил доносчику тем наказанием, которому подлежал бы оговоренный им человек, если бы донос был правильным.

Среди заключенных Алексеевского рavelина и Шлиссельбургской крепости было несколько политических лжедоносчиков. Заточение их в государственной крепости происходило не только по указанному выше принципу возмездия, но и из желания правительства убрать подальше с глаз тех людей, связь с которыми компрометировала государственную власть.

Мы приведем для примера в этой главе дело Порецкого, заключенного в Алексеевский рavelин, а потом в тюрьму Суздальского монастыря. В главе о Шлиссельбургской крепости мы познакомимся с другим, более ловким лжедоносчиком — Медоксом. Они не похожи один на другого. Один из них был почти подросток, другой — человек с уголовным прошлым и с 14-летним стажем пребывания в Шлиссельбургской крепости. Но в их делах имеется та общая черта, что III отделение и Николай I оказывались на некоторое время, так сказать, одураченными. В этом и заключается специфический интерес всех дел политических лжедоносчиков.

Донос Порецкого — настоящая фантазия, отнести к которой с доверием мог только тот, кто находился под постоянным страхом, что он окружен заговорщиками, готовыми лишить его трона и жизни.

В 1844 году, в день дворцового маскарада, кадет горного института Порецкий явился ко дворцу с желанием открыть тайну самому царю. Здесь он рассказал совершенно невероятную историю, как на мосту он нашел письмо, из которого узнал о предстоящем собрании заговорщиков на Семеновском поле, как, вооружившись пистолетом, он зарылся там в снег и подслушивал разговоры заговорщиков, пока один из них не наступил ему на руку; как он бежал оттуда под выстрелами преследовавших его заговорщиков и пр. и пр. Свой донос кадет подтвердил клятвой перед образом. Расследование показало вымышленность всего рассказа от начала до конца. Николай I приказал посадить Порецкого на год в Алексеевский рavelин, а потом заточить, как клятвопреступника, на два года в Валаамский монастырь.

Фантазия у кадета Порецкого за время его пребывания в одиночной камере крепости разыгралась еще более. Он сделал новое показание: будто неизвестными людьми он был сам во-

влечен в их организацию. В доме, который он не может указать, он присутствовал на собрании заговорщиков в бархатных масках. Их было человек 25; в роскошно освещенном зале он давал заговорщикам свои ответы и затем целовал крест и евангелие, согласившись явиться к царю под видом доносчика и убить его. Ответом на это фантазирование было повеление Николая содержать кадета Порецкого в рavelине до тех пор, пока «не восчувствует вину свою». Почти через два года царь распорядился переправить Порецкого в Суздальский монастырь. Здесь Порецкий, рассказывая одному из заключенных, за что он сюда переведен, снова говорил о желании раскрыть заговор при условии назначения его адъютантом шефа жандармов. Он говорил о необходимости собрать в Петербурге полки донских, черноморских и уральских казаков и артиллерию. В ответ на это последовало распоряжение из Петербурга перевести Порецкого в арестантское отделение монастыря. Такое распоряжение прекратило не только пылкое фантазирование кадета, но и его жизнь: он отравился мышьяком. На допросах перед смертью он сказал только два слова: «Вот несчастье»¹.

Довольно редкими узниками Алексеевского рavelина за период 1825—1870 гг. были обвиняемые по уголовным делам. Мерилом для отбора их из общей огромной массы уголовных преступников служили или размеры имущественного вреда, или особенности положения их, как это было в деле князя Трубецкого (о котором скажем ниже), личная заинтересованность Николая I.

Медик-хирург Яснопольский содержался в рavelине в 1846—1850 гг. по подозрению в составлении подложных банковских билетов на сумму 1700 тыс. руб. По-видимому, администрация не собрала достаточных доказательств виновности Яснопольского, и царь посадил его в рavelин, «пока он не сознается». Такое вымогательство признания продолжалось четыре года, кажется, без всякого успеха, и заподозренного отправили без судебного приговора в Якутск.

Правитель канцелярии архангельского губернатора Шамарин и другой чиновник оттуда же занимались вымогательством взяток и после кратковременного пребывания в рavelине были отправлены по месту жительства для суда над ними.

В конце 1830 года в рavelин поступил заключенный, совершенно особый по его служебному положению. Это был управляющий делами комитета министров, действительный статский советник Гежелинский. В описи имущества, составленной при

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849, № 215. «О кадете горного института Порецком».

принятии этого штатского генерала в крепость, значится: звезда, лента, орден Владимира, мундир, шпага, треугольная шляпа. Получается впечатление, что его доставили в тюрьму во всей парадной форме. Преступление же его состояло в подлогах бумаг той канцелярии комитета министров, которой он управлял. При этом он объявлял «высочайшие повеления» с искажениями. В ответ на его просьбу отпустить его на поруки комендант отвечал, «что не было еще примера, чтобы какой-либо арестант, содержащийся в Алексеевском равелине, был отпущен на поручительство до решения дела». Довольно редким случаем оказался и исход по этому делу: генерал оказался без чинов и орденов в финляндских полках.

Особое место среди заключенных равелина занимает князь Сергей Трубецкой. Он был помещен сюда за такое уголовное преступление, за которое в Петропавловскую крепость за все время ее существования не попадал ни один другой заключенный. Это преступление состояло в «похищении» чужой жены с ее на это согласия. Трубецкой и не попал бы сюда за это, если бы в данном случае не было особой заинтересованности императора Николая I.

Трубецкой был доставлен в равелин 29 июня 1851 г. из Тифлиса после ареста в Редут-Кале перед самым его отплытием за границу вместе с бежавшей с ним женщиной. Хотя ему не ставилось в вину никакого государственного преступления, в архиве III отделения о нем имеются три дела. Все они с такой подробностью обработаны Щеголевым, что можно ограничиться лишь краткой передачей сущности этого случая, показывающего нам, как ничтожны могли быть причины заточения в важнейшую государственную тюрьму и как безграничен был царский произвол даже в делах, представлявших не какой-нибудь государственный интерес, а лично царский.

Вся вина Трубецкого состояла только в том, что он с помощью своего товарища увез замужнюю женщину, Жадимировскую, с ее согласия. Для розыска скрывшихся была пущена в ход вся машина государственного аппарата. Высочайшие резолюции следовали одна за другой. Шеф жандармов, начальник III отделения, общая полиция сочли делом своей чести исполнить волю царя о поимке скрывшейся пары полюбивших друг друга людей.

Конечно, в истории столицы это был не первый случай нарушения «супружеской верности» и побега жены из дома мужа, но на этот раз был задет сам Николай I. Щеголев сообщает: «...есть определенное свидетельство о том, что красавица Жадимировская на дворянском балу обратила (на себя)

высочайшее внимание, в заведенном порядке была уведомлена о царской «милости»... но, вопреки заведенному порядку, она не пришла в восхищение от мысли, что ее телом будет владеть русский император, а оскорбилась и ответила резким отказом на вождение. Царь будто бы поморщился и промолчал, но, когда до него дошли вести об увозе Жадимировской, он остро почувствовал, что ему предпочли другого, вознегодовал и дал волю своему гневу»¹.

Трубецкой в своем первом показании объяснил, что ему хорошо были известны условия выдачи замуж Жадимировской против ее воли и истязание ее мужем. Он показывал: «Я люблю ее без памяти; положение ее доводило меня до отчаяния; я был как в чаду и как в сумасшествии, голова ходила у меня кругом». Царь предал Трубецкого военному суду. Суд приговорил: за похищение Жадимировской с ее согласия, за похищение по дорожной и намерение ехать с Жадимировской за границу лишить Трубецкого чинов, орденов, дворянства, княжеского достоинства, оставить в крепости еще на шесть месяцев и отправить рядовым на Кавказ. Николай этот приговор утвердил.

12 февраля 1852 г. истек срок шестимесячного заключения Трубецкого в Алексеевском равелине по приговору военного суда, и он был отправлен на Кавказ. Только в 1857 году Трубецкой был восстановлен в своем прежнем звании. Он проживал в своем имении, куда к нему переехала на жительство и Жадимировская. Их совместная жизнь очень скоро оборвалась, так как Трубецкой в 1859 году умер. Жадимировская после этого уехала за границу.

Мы подчеркиваем в деле Трубецкого произвол и месть царя, когда для удовлетворения его желаний слепыми исполнителями его воли явились чины высшей администрации, военный суд, Алексеевский равелин и военное начальство кавказской армии.

¹ П. Е. Щеголев, Алексеевский равелин, Книга о падении и величии человека, 1929, стр. 27 (статья «Любовь в равелине»).

Глава восьмая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 47. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ В 1825—1870 ГОДАХ

МЕСТА заточения в Шлиссельбургской крепости были сложены из кирпича, камня и железа, как и вся крепость. Проходили одно за другим десятилетия, а Секретный дом и верхние номерные казематы продолжали стоять как будто по-прежнему прочно и крепко. Но так было лишь по внешнему виду. В действительности дело обстояло иначе. Здания, замкнутые в тесном кругу, окруженные стенами, затруднявшими вентиляцию, не допускавшими солнечного света, подвергались разрушительному действию сырости. О размерах этой сырости нам уже известно из первого тома «Истории царской тюрьмы». Не выдерживали этой сырости деревянные части построек, а еще более не выдерживали ее сами заключенные. Администрация крепости заботилась о поддержании тюремных помещений главным образом постольку, поскольку это было необходимо в целях недопущения побегов.

Интересующий нас период в истории Шлиссельбургской крепости начался с ремонта Секретного дома. Впрочем, дело было не столько в серьезном ремонте, сколько в корыстных хлопотах коменданта генерал-адъютанта Плуталова, намеревав-

шегося пополнить свои карманы за счет ремонтных средств. Это было блестяще доказано рядом официальных документов, но ничто не помешало Плуталову получить с особого разрешения царя как раз ту самую сумму, которую он назвал и правильность которой была поставлена под сомнение центральным контрольным органом.

18 февраля 1826 г. Плуталов обратился в центр с ходатайством возратить ему свыше 14 тыс. руб., будто бы затраченных им из собственных средств на ремонт Секретного дома, бани и погреба. При этом он указывал, что начиная с 1806 года и по 1826 год никаких средств на ремонт Секретного дома правительством не отпускало. Такое ходатайство как будто показывало заботы коменданта о поддержании в порядке тюремных зданий. Он и ставил себе в заслугу то, что они не пришли в упадок и ветхость. В действительности же оказалось, что пришли в упадок средства самого Плуталова отнюдь не из-за затрат на ремонт крепости.

Из Петербурга ему указали на ошибочность его заявления о неотпуске сумм на ремонт Секретного дома: такие средства отпускались трижды — в 1812, 1817 и 1822 гг. Указали Плуталову также и на неправильность его счетов: цены в них на материалы обозначены более высокие, чем были в действительности за те годы, когда он будто бы производил ремонт. Этот официальный документ вполне подтверждает отзыв декабриста Бестужева о Плуталове как о воре и мошеннике. Тем не менее Николай I, закрыв глаза на очевидные подлоги коменданта государственной тюрьмы, удовлетворил его просьбу и приказал отпустить ему эти тысячи рублей. Вместе с тем было решено отпускать ежегодно на ремонт Секретного дома 799 р. 77½ к. Эта точность даже в полукопейке особенно смешно выглядит при сопоставлении с аппетитами Плуталова, получившего 14 тыс. руб. без надлежащих доказательств действительной их затраты¹.

Если Плуталов «плутал», требуя «возврата» ему 14 тыс. руб., то надо думать, что более правильны были его сведения, относившиеся к размерам Секретного дома. Таково было, например, определение им площади полов в здании в 84½ квадратных сажени, а числа окон — цифрой 48. Впрочем, нет уверенности, что эти цифры относятся ко всей тюремной площади.

В том же 1826 году Плуталов умер. Его преемник, новый комендант Фридберг, произвел ремонт Секретного дома. В чем

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., № 134. «Об отпуске суммы ремонтной на содержание Секретного дома в Шлиссельбургской крепости».

состоял ремонт — неизвестно. Но декабрист Бестужев писал в своих воспоминаниях о ремонте камер и их побелке. Напомним, что говорил об этом ремонте другой декабрист, Пущин (в его перехваченном письме): «Комендант на чудо отделал казематы». По-видимому, Пущин писал иронически, потому что тут же добавлял: «Благодарю бога, что из них (т. е. казематов. — М. Г.) выбрался, хотя и с цепями».

Подтверждением отсутствия надлежащего ремонта Секретного дома за очень долгие годы, более чем за четверть века, служит донесение коменданта крепости царю от 1838 года: «В секретном замке на каменном арестантском доме железная крыша пришла в такую ветхость, что во многих местах пропускает течь, и по ветхости стропил должно опасаться, чтоб не снесло ее внезапным ветром; что не видно из дел, когда эта крыша сделана заново; исправляема же была она в 1812 г.» При таком состоянии крыши, год устройства которой терялся в каких-то незапамятных временах и которая не ремонтировалась 26 лет, нет ничего удивительного, что узники страдали от сырости: вода проникала к ним сверху через потолки. Размеры суммы, отпущенной на исправление крыши, — 6849 руб. — показывают, в каком антисанитарном состоянии находились казематы узников¹.

В первой половине 1849 года разрабатывался проект о расширении арестантских помещений в Шлиссельбургской крепости. Возможно, что царь, как это было в процессе декабристов, был озабочен своевременным заготовлением тюремных камер для обвиняемых по новому крупнейшему политическому процессу — петрашевцев. Возникло предположение об устройстве второго этажа над Секретным домом, но архитектор Сорокин признал это невозможным, так как фундамент не выдержал бы новой добавочной нагрузки. Был и второй проект: пристроить новое здание к стене замка; но в таком случае еще более уменьшился бы и без того небольшой двор для арестантских прогулок. Поэтому архитектор предложил для увеличения двора занять часть плаца от Колокольной башни до кузницы, обнести добавочную площадь стеной, а намеченное пристройкой к крепостной стене двухэтажное здание предназначить для 25 арестантов. Царь с этим проектом не согласился.

Выдвигал Сорокин и третий проект. В тот момент так называемые номерные казармы не были заняты арестантами. Из объяснения Сорокина видно, что верхний этаж этого двухэтаж-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 2 эксп., 1838, Всеподданнейшие доклады (л. 19).

ного здания был занят под цейхгауз, а нижний — под жилые части инвалидной команды; в нижнем этаже, кроме того, была и церковь.

Сорокин предполагал перевести цейхгауз в башню Головина, а в нижнем этаже номерных казарм разместить всю роту солдат целиком. Во втором же этаже он проектировал поместить исключительно арестантов. Подробное описание обоих этажей номерных казарм найдено мной в архивном деле 1794 года и приведено в I томе этого труда; в деле номерные казармы именуются Секретным домом. В объяснении Сорокина добавлено, что при казематах верхнего этажа имелись карaulьни, «освещавшиеся небольшим окном на галерею».

Этот третий проект расширения арестантских помещений также не получил осуществления, что, вероятно, объяснялось тем, что к середине 1849 года надобность в добавочных арестантских помещениях временно миновала, так как число обвиняемых по процессу Петрашевского уменьшилось до двух с половиной десятков¹.

Ознакомление архитектора Сорокина в 1849 году с состоянием здания Секретного дома вновь показало малую пригодность для проживания в нем узников без самого большого ремонта дома. В январе 1850 года этот вопрос и был поставлен на очередь. По представленной в марте смете расход был исчислен в 3299 руб.

Приходилось производить работы такого рода, которые совершенно исключали возможность оставления арестантов на время ремонта в их камерах. Заключение были выведены из Секретного дома и, как говорится в рапорте, размещены в «верхних казематах», по примеру прежних таких же случаев. В августе 1850 года ремонт был закончен, и 16 августа III отделение разрешило перевести заключенных обратно в тюрьму, названную в одном из этих рапортов «домиком для секретных арестантов». Это «уютное» название мало вяжется с режимом каменной твердыни.

Совершенно особенной перестройке подверглась одна из камер (№ 1) в 1852 году. Внутри камеры была устроена поперечная решетчатая перегородка с такой же дверью, а на последней была укреплена «надежная задвижка с висячим замком». Эта перегородка лишала заключенного возможности подходить к окну, которое он «беспрерывно разбивал, производя криком своим большое беспокойство». Входную дверь в камеру

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849, № 215. «Об инструкции для Шлиссельбургской крепости».

оковали железом¹. Очевидно, здесь содержался человек, потерявший рассудок.

Иных сведений о строительстве в крепости за интересующий нас период мы не нашли.

К периоду 60-х годов относится описание Шлиссельбургской крепости и Секретного замка, сделанное узником этой крепости, участником польского восстания и членом центрального комитета восстания Брониславом Шварце. Это самое обстоятельное и полное описание крепости самим ее заключенным. Оно настолько ценно для истории Шлиссельбургской крепости, что я приведу подлинный текст целиком.

Шварце был доставлен на остров, на котором воздвигнута Шлиссельбургская крепость, к кордегардии.

«От кордегардии тянулся длинный крытый коридор, состоящий из аркад, расположенных вдоль глубоко выложенного камнем рва; на коридор выходили двери и окна тюремные или другие, какие — этого я тогда разобрать не мог, а через ров на расстоянии несколько десятков шагов друг от друга были перекинуты сводчатые мостки... Высоко над валом развевался желтый штандарт с царским двухглавым орлом. Перешли через мост, и тут я увидел знакомый мне по Европе, но редкий в России, средневековый «секретный замок». Две круглых гранитных серо-желтых башни с узкими бойницами, такая же гранитная стена, а посередине чернели огромные ворота со сводами, перед ними, над завораживающимся рвом, висел новый помост, больше прежних. Все указывало на то, что некогда здесь был мост подъемный, совершенно так, как и в старых замках Франции или Германии. Узкий поросший травой сток отделял стены от канавы... Низкий одноэтажный флигель перегораживал замкнутое пространство на-двое и неприятно резал глаза той казенной грязно-желтой краской, которой отличаются русские остроги, казармы и больницы; его окна, с толстыми железными решетками, были довольно велики, но почти все заслонены остроумными «щитами», пропускавшими свет только сверху и не позволявшими несчастному узнику видеть того, что происходило на дворе. Вершина кровли доходила до уровня окружающих замок стен, а громадный чердак сквозился маленькими полукруглыми оконцами; там и сям торчали белые трубы, а прилепленные с двух сторон дома деревянные пристройки с будками указывали, что здесь и находится кордегардия.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1851. № 52. Переписка о ремонтных работах в зданиях секретных арестантов Шлиссельбургской крепости (л. 25).

Все это — и старые гранитные стены, и желтый флигель, и почерневшие кордегардии, и полосатые будки, и деревянные барьеры, тянувшиеся перед всеми постройками, и какая-то полуразрушенная конура в углу двора рядом с железной дверью, — было серо, угрюмо, жестоко и мертво»¹.

Шварце рисует подробный план Секретного замка: «Тюрьма была невелика; она состояла всего из десяти одиночек, или номеров, с коридором посередине. Три номера — 8-й, 9-й и 10-й — выходили окнами во двор; камеры отделялись друг от друга пустыми промежутками, выходившими на коридор; на них отворялись двери одиночек. Другие семь номеров были обращены окнами в противоположную юго-западную сторону, т. е. в палисадник, находившийся между тюрьмой и стеною замка; туда могли входить только солдаты. В семи номерах было только по одному окну, в 1-м, 4-м и 7-м номерах — по два. Один ряд камер имел то преимущество, что там можно было разговаривать с соседом, конечно, если он имелся; другая же сторона отличалась тем, что иногда сюда заглядывало солнце, а из окон открывался вид на двор, если только никто по нему не гулял, потому что во время прогулки окна заслоняли щитами. В конце коридора, ближе к воротам, были сени с кухней и кордегардией для крепостных служителей; в другом его конце находилась такая же казарма для солдат»².

Этот же узник сделал очень точное описание тех двух камер Секретного дома, в которых протекали семь лет его шлиссельбургского заточения. Сначала он был помещен в камеру № 3. Этот номер был написан на кожаном фартуке, который закрывал оконце во входной в камеру двери, окрашенной в темно-зеленый цвет. В этот же цвет были окрашены вещи внутри камеры, где стояли крохотный зеленый столик, зеленый табурет и грязно-зеленого цвета койка с тощим матрацем, покрытым серым больничным одеялом. Стоявшая в углу параша довершала меблировку. Столик стоял под довольно высоко расположенным окном с решеткой изнутри камеры из дюймовых полос железа. Между полосами решетки было такое пространство, что легко могла бы пролезть голова ребенка. Окно не было ни закрашено, ни заслонено, и заключенный видел сквозь стекла часть гранитной стены и часового с ружьем. Подоконник был деревянный, широкий, так как толщина стен была, вероятно, в аршин. Белые стены с широкой темной полосой внизу подпирали белый потолок. Белая каменная печь,

¹ Б. Шварце. Семь лет в Шлиссельбурге, перевод Верхоянского, СПб., 1906, стр. 9—10.

² Там же, стр. 27—28.

выступавшая в углу, у двери, с топкой в коридоре отапливала сразу две камеры: эту и соседнюю. Пол был окрашен в красную краску. Размер камеры — 3 на 6 шагов, или 2 квадратных сажени. У Шварце составилось впечатление, что здесь все освещалось, белилось и мылось, но «тесная и темная камера была невыразимо угрюма и мертва». Так как солнце почти совсем не попадало в камеры, то разводилась большая сырость. От сырости у Шварце развилась цинга и выпали все зубы, кроме четырех.

Из камеры № 3 узник был переведен в № 1. Здесь было два окна, и размер камеры — 6 на 6 шагов. Позднее он был переведен на южную сторону, в камеру № 7. В ней ранее содержался, как ему сказали, Бакунин, которому была предложена лучшая камера. Отсюда Шварце пытался устроить побег посредством пролома потолка, через чердак. Это вызвало устройство железных решеток на слуховых окнах чердака.

Приведенные нами сведения о строительстве в Секретном доме — последние по времени за период 1825—1870 гг.

В 1870 году, когда единственным узником Секретного замка являлся Шварце, возник вопрос о закрытии Шлиссельбургской государственной тюрьмы. В приказе по военному ведомству 12 августа 1870 г. было указано на повеление Александра II от 8 августа: Выборгскую военно-исправительную роту в полном ее составе переместить в здание упраздненной Шлиссельбургской крепости и затем именовать Шлиссельбургской военной исправительной ротой. Было приказано числить по штату в этой роте 200 арестантов, помещение же приготовить на 600 мест.

Но секретная тюрьма в Шлиссельбурге оказалась закрытой не навсегда. Через полтора десятка лет здесь было отстроено новое здание, и начался в истории этой тюрьмы новый страшный период. В промежутки же времени, когда Шлиссельбург не принимал за свои стены заключенных по делам политического характера, их принимала в широких размерах вновь отстроенная в начале 70-х годов тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.

§ 48. ИНСТРУКЦИЯ 15 ИЮНЯ 1849 ГОДА ПО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Шлиссельбургская крепость существовала уже почти 150 лет. Через ее казематы за эти полтора века прошло множество людей. При доставке сюда заключенных комендант крепости получал, но далеко не всегда, краткие указания об

условиях содержания в казематах того или другого из присланных арестантов. В отдельных случаях такие указания выливались в форму как бы специальных инструкций. Примеры таких инструкций мы приводили в I томе нашей работы. Но, как это ни удивительно, общей инструкции об условиях содержания узников не было до середины 1849 года. Ближайшим поводом к составлению такой инструкции послужил побег из Секретного дома Ивана Ромашева вместе с охранявшим его солдатом.

Отсутствие общей инструкции по управлению местами заключения в Шлиссельбургской крепости гармонировало с существовавшим порядком заточения в эту важнейшую государственную тюрьму. В большинстве случаев сюда попадали люди не по приговору суда, а по повелению самого царя, без какой бы то ни было мотивировки, без указания статей закона. Произвол и царское усмотрение определяли самый факт заточения в эту крепость, а усмотрение коменданта определяло в значительной степени условия содержания заключенных.

Побег Ромашева встревожил и Николая I, и шефа жандармов, и все III отделение. При этом выяснился любопытный факт: никто не знал, существуют ли какие-либо законы или правила, определяющие условия содержания узников в Шлиссельбургской крепости. III отделение записало буквально следующее: «В делах III отделения имеется высочайше утвержденный доклад 1 декабря 1808 г. с весьма строгими правилами для содержания арестантов в Алексеевском равелине, но имеются ли подобные правила для Шлиссельбургской крепости, неизвестно»¹.

Когда выяснилось отсутствие каких-либо правил и инструкций по охране арестантов Секретного дома, Николай I немедленно поручил их составить генералу Анненкову под наблюдением начальника III отделения. Через два месяца Шлиссельбургская крепость получила это генеральское творчество, утвержденное царем к руководству 15 июня 1849 г.

Было утверждено сразу две инструкции. Одна из них предназначалась для коменданта крепости, а другая — для особой команды при секретных арестантах. На той и другой инструкции сказано, что побег Ромашева опасен перед возможностью повторения таких побегов. Собственно, к полному устранению возможности побегов и сводится содержание обеих инструкций.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849. «Об инструкции для Шлиссельбургской крепости».

Статья 1 инструкции коменданту подчеркивала значение Шлиссельбургской крепости как оплота охраны царизма. Она гласила: «Так как Шлиссельбургская крепость имеет исключительным назначением содержать секретных арестантов, то Шлиссельбургский комендант обязан прилагать постоянное попечение, чтобы строгим исполнением порядка гарнизонной службы, и в особенности личною бдительностью как самого его, так и всех чинов его управления, удалена была от арестантов всякая возможность не только к побегу из крепости, но и ко всякого рода сношениям в крепости и вне оной, за исключением тех, кои разрешены высшим начальством».

Так снова и снова напоминалось, что узники Шлиссельбургской крепости умирают для внешнего мира с момента, когда они переступали за порог Секретного дома.

Статья 2 требовала точного исполнения тех специальных инструкций, с которыми препровождались из III отделения в крепость те или другие узники. Прикрывая гуманными фразами самую отвратительную жестокость, эта статья требовала от коменданта: «Его священный долг принимать в отношении к арестантам меры, указываемые человеколюбием, к сохранению их жизни и здоровья и к нравственному их улучшению, но вместе с тем строго наблюдать, чтобы оказываемые им снисхождения были в точности основаны на означенных инструкциях III отделения». Комендантскому человеколюбию ставились грани инструкциями III отделения: прежде всего точное исполнение инструкций III отделения, а потом, по мере возможности, человеколюбие и сохранение жизни и здоровья заключенных. А насколько жизнь и здоровье заключенных охранялись в Шлиссельбургской крепости, показала вся история этой крепости.

Статья 3 уточняла, в чем должно проявляться комендантское человеколюбие. «С целью удостовериться в попечении об арестантах и человеколюбивом с ними обращении, он обязан навещать каждого из них по крайней мере раз в неделю; причем тщательно их расспрашивать, все ли положенное до них доходит, и лично осматривать их пищу, белье и все предметы довольствия. Вместе с тем он обращает внимание на нравственное их состояние и на направление их мыслей; обо всем том, что при таковых осмотрах признает заслуживающим особого внимания, он обязан доносить прямо его императорскому величеству через III отделение собственной его величества канцелярии».

Как видно, ст. 3 не особенно обременяла коменданта, требуя от него посещения арестантов один раз в неделю. Наряду

с обязанностью заботиться о здоровье арестантов комендант обязан был следить и за нравственным их состоянием, и за образом их мыслей. Надо признать большие трудности этого дела — следить за образом мыслей тех, кто оставался в полном одиночестве, кто не имел права разговора даже с тюремными сторожами, кто не получал ни клочка бумаги для письма. При таких условиях комендант мог узнавать образ мыслей, только прибегая к провокации, вызывая узника на разговор на темы, интересные для III отделения. Известно представление комендантом царю ежемесячных ведомостей об узниках крепости. Через мои руки прошло много сотен таких ведомостей. Их содержание всегда ограничивалось перечнем фамилий узников, начальных сроков их заточения и не всегда указанием причин заключения. Никогда в них не отмечалось ни состояние здоровья заключенных, ни перемены в их нравственном состоянии, ни образ их мыслей. Редчайшими исключениями были сообщения о душевных заболеваниях отдельных узников, несмотря на далеко не редкие такие случаи. Образ же мыслей узника освещался в тех случаях, когда вставал вопрос, не пора ли его перевести из крепости на поселение в Сибирь. Тогда комендант оповещал об этом образе мыслей, и его отзыв решал судьбу узника.

Возможности коменданта влиять на так называемую нравственную сторону жизни узника по инструкции 1849 года были весьма ограничены, как они были ограничены и за все предшествующее время. Никакого труда для заключенных в крепости не допускалось: безделье было их страшным уделом. Единственно, что допускалось, — это чтение, а в каких пределах оно допускалось, видно из ст. 4 инструкции: «Он (комендант.— М. Г.) может дозволить арестантам читать книги, но не иначе как по собственному его назначению, преимущественно избирая для сего книги священные и строго наблюдая, чтобы в числе даваемых арестантам книг не было зараженных превратными политическими понятиями».

Очень характерным явилось это требование превратить коменданта в цензора книг, уже прошедших через горнило царской цензуры. Как будто могли проникнуть за стены Секретного дома книги, «зараженные превратными политическими понятиями». Если вспомнить, что сами узники были зачислены нередко в разряд людей, «зараженных» такими понятиями, что они попадали сюда на неопределенные сроки, то это требование добавочной комендантской цензуры показывало величайшую настороженность III отделения.

Статья 5 инструкции, самая обширная, посвящалась обязанностям коменданта по организации охраны узников, устройству сторожевых постов в различных местах крепости и пр. Статья перечисляла в семи пунктах «допускаемые отступления от устава о службе в гарнизоне». Эти пункты расширяли права коменданта по охране Секретного дома; Николай I лично внес изменения в один из них, включив требование о снабжении караульных боевыми патронами.

До каких подробностей был предусмотрен порядок охраны всей крепости вообще и Секретного дома в особенности, видно, например, из того, что отдельные пункты названной ст. 5 учитывали особенности в расстановке караульных постов в летнее и зимнее время, в зависимости от начала судоходства или его прекращения, в зависимости от темноты осенних ночей и пр.

Особый раздел инструкции содержал статьи об обязанностях плац-майора и особый же раздел — об обязанностях дежурных по караулам.

Сверх обязанностей, обычных для плац-майоров по каждой крепости, плац-майор по Шлиссельбургской крепости имел главной своей обязанностью непосредственный надзор за арестантами Секретного замка и других крепостных помещений. Инструкция поясняла, что этот надзор касается как хозяйственной, так и всех других сторон тюремного заключения арестантов. Являясь ответственным перед комендантом крепости, плац-майор в нужных случаях испрашивал у него «наставлений и приказаний» и отчитывался перед ним по службе.

Особенно подчеркивалось требование следить за тем, чтобы солдаты караула не общались с секретными арестантами, и смотреть за ними зорко не только во время их службы, но и вне ее: «при малейшем сомнении в благонадежности кого-либо из них он (плац-майор.— М. Г.) тотчас докладывает о том коменданту, который обязывается немедленно распорядиться удалением того человека из команды».

Подробности порядка внутренней охраны арестантов перечислены в ст. 8 инструкции. Из этой статьи выясняется оригинальная особенность этой охраны в Шлиссельбургской крепости. В каждой камере арестанта был свой особый замок, ключ от которого мог отпирать только этот замок. С приближением ночи солдат запирает такой ключ в особый сундук, имевшийся при каждой камере. Ключи же от всех запертых сундуков хранились в одном общем сундуке, находившемся в распоряжении унтер-офицера. Так в суровой действительности сбывалась сказка о крепкой охране за семью дверями, за семью замками. Без унтер-офицера ни один караульный солдат не мог входить

в камеру заключенных. Плац-майору предписывалось озаботиться такой расстановкой часовых при секретных арестантах, чтобы один и тот же часовой возможно реже ставился на пост у одной и той же камеры. Это требование, очевидно, имело целью затруднить установление сношений между часовым и заключенным.

Само собой разумеется, что плац-майору предписывалось следить и за недопущением каких бы то ни было разговоров между солдатами и арестантами. Такие требования выражены в самой категорической форме.

Так называемые в инструкции дежурные по караулу не касались Секретного дома и имели своей обязанностью надзор за караулом на гауптвахте и за часовыми как на наружных постах крепости, так и «в верхних казематах». Ключи от этих казематов также на ночь запирались в особые сундуки. Согласно инструкции часовой должен был ежедневно за час до вечерней зари и утром через час после зари убеждаться в наличии арестанта внутри каземата. Ключи от казематов, хранившиеся в особых запертых сундуках, находились в распоряжении дежурного офицера. Только с его разрешения в ночное время был возможен вход в каземат к арестанту, и о каждом случае такого вхождения в каземат дежурный офицер обязан был докладывать коменданту, «что в такой-то номер, по такому-то случаю входил к арестанту надзорный рядовой в присутствии надзорного унтер-офицера». Комендант был обязан проверить это особым дознанием. На обязанности дежурного офицера лежали запирание и отпирание ворот Шлиссельбургской крепости и ворот Секретного замка и наблюдение за тем, «чтобы в коридорах и казематной галерее в продолжение всей ночи горели лампы и фонари, дабы свет, и в особенности в темные ночи, не погасал ни на минуту». В этих словах — «ни на минуту» — слышится обычный для этой инструкции ее категорический тон.

Изложенный проект инструкции, утвержденный Николаем 15 июня 1849 г., был подписан генерал-лейтенантом Дубельтом и генерал-лейтенантом Анненковым.

Возникает вопрос, что представляли собой к половине XIX века упомянутые выше верхние, или крепостные, казематы. Некоторые указания на их устройство дали следующие строки, заимствованные мной из того же архивного дела об инструкции: «Крепостные казематы пристроены к крепостной стене. Окна их выходят на галерею, где стоят часовые, а двери их выходят в караульную. Каждые два каземата разделяются караульнями, при каждом каземате имеющимися. А караульная —

общими сенями. Караульни и сени так темны, что и днем хоть глаз выколи: ничего нельзя увидеть без огня. На два каземата, так неловко устроенных, полагается один надзорный, который гнездится в одной из караулен»¹.

Одновременно с изложенной инструкцией коменданту Шлиссельбургской крепости была утверждена «инструкция особой команде при секретных арестантах Шлиссельбургской крепости».

В ней всего 11 статей. Статья 1 определяла, с одной стороны, назначение команды, а с другой — ее состав. Назначением команды были охрана секретных арестантов и их обслуживание. Она была сформирована из солдат инвалидной команды при Шлиссельбургской крепости. Отбор 30 рядовых и 6 унтер-офицеров был поручен коменданту с условием избрать «испытанных в усердии к службе и в хорошей нравственности». Эти отборные служаки, сохраняя форму солдат инвалидной роты (мундир, каска, португеза и пр.), совершенно обособлялись от этой роты. Они жили особо, получали улучшенное питание и повышенное жалование. Непосредственным начальником этой команды был плац-майор. Постоянный надзор за командой поручался одному из 6 унтер-офицеров на правах фельдфебеля, а заботы по Секретному дому — другому унтер-офицеру на правах смотрителя.

Для охраны арестантов, а вместе с тем и для их обслуживания, конечно, очень упрощенного, назначалось 10 человек команды. Караульные солдаты назначались с таким расчетом, что в Секретном доме один караульный приходился на троих арестантов, а в крепостных казематах — один караульный на двоих заключенных.

Обязанности караульных определялись ст. 8. Но она, потребовав от солдат оставаться на своих местах «денно и ночью безвыходно», ничего не говорила о порядке обслуживания ими заключенных. Не говорила об этом и ни одна из других статей инструкции. На время отлучки караульного для естественной надобности, для обеда и ужина его заменял унтер-офицер. Таким образом, караульный пост ни на одну минуту не оставался без охраны. Примечание к названной статье предусматривало назначение особого караульного к арестанту, если арестант «особенно беспокоен или болен».

Инструкция особой команде повторяла уже известные нам правила хранения ключей от казематов: днем они находились

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1849. «Об инструкции для Шлиссельбургской крепости» (ал., 122—123).

у унтер-офицера, а в остальное время запирались в особые сундучки.

Совсем не об услугах караульных заключенному говорила ст. 10, предписывавшая караульным обыскивать арестанта и предупреждавшая караульных не поддаваться «ласкательным просьбам и угрозам» заключенного. Один из пунктов этой статьи специально оговаривал обязанность караульного на дворе, под окнами камер, следить, чтобы арестанты не вступали в сношение между собой путем разговоров через окна. Другой пункт запрещал караульным передавать арестантам какие бы то ни было вести. При выходе из крепости караульный подлежал обыску — не выносил ли он чего-нибудь недозволенного.

Следующие пункты ст. 10 устанавливали надзор за арестантами Секретного дома во время их прогулок по двору и за арестантами крепостных казематов во время их прогулок по галерее около их камер. Инструкция не определяла времени прогулок и условий их совершения, но устанавливала посещение бани два раза в месяц. Сомнительно, чтобы это правило выполнялось, — указаний на это в воспоминаниях узников нет.

Ко времени утверждения описанной нами инструкции особой команде относится возбуждение вопроса о расстановке по коридору Секретного дома и крепостных казематов кроватей для караульных. III отделение испрашивало у военного министра денежные средства на покупку 15 кроватей. Проявив такую заботу о караульных, III отделение попало впросак, и военный министр не упустил это заметить. Он сейчас же поставил вопрос, не отзовутся ли эти кровати на бдительности караульных? Запросив администрацию Алексеевского равелина, III отделение узнало, что таких кроватей там нет. Не получили их и караульные Шлиссельбургской крепости.

Приведенные нами инструкции продолжали действовать в течение последующих двух десятков лет, т. е. до 1870 года, когда в существовании государственной Шлиссельбургской тюрьмы наступил перерыв.

Инструкция 1849 года не охватывала всех сторон тюремного быта Секретного замка Шлиссельбургской крепости. При ее неполноте урегулирование этих других сторон происходило или на основании специальных распоряжений царя и III отделения, или по усмотрению тюремной администрации на основании установившейся практики. Примером последнего может быть такой случай. Как видно из рапорта коменданта о смерти арестанта Барковского в 1827 году от «паралича», не требовалось никаких медицинских актов о причинах смерти: в деле

о них нет никакого упоминания. Стоит ли отмечать всю неправильность и недопустимость такой практики? Смерть могла оказаться неестественной. Она могла последовать от побоев, попыток самоубийства. Все это оставалось скрытым. Как видно из того же рапорта, тело умершего вынесено из камеры и погребено ночью на «кладбище Преображенской горы»¹.

Отсутствие медицинских актов о смерти заключенных позволяло скрывать и случаи смерти от истощения, от антисанитарной обстановки камер без достаточного света и воздуха, но с большой сыростью, при полном отсутствии прогулок или крайней их ограниченности. На питание отпускались различные суммы начиная от 10 коп. на прокормление заключенного из крестьян. Этот гривенник был совершенно недостаточен, на что указывали иногда и коменданты. В 1852 году комендант считал недостаточным отпуск по 18 коп. в день на арестанта (таких заключенных было трое) и просил ввиду слабости их здоровья и долговременного заключения увеличить отпускаемую сумму до 30 коп., чтобы иметь возможность давать заключенным иногда мясо, табак, рюмку водки и чашку чая. В 1865 году комендант указывал на крайнюю недостаточность суммы, предназначенной для питания двух крестьян, Николаева и Загуляева, по 10 коп. в сутки, и просил отпускать на них по 30 коп. Читатель увидит далее из нашего очерка о графе Потоцком, насколько большую роль играла классовая принадлежность в вопросах питания в Секретном замке: самые роскошные яства и самые дорогие вина не сходили со стола его одиночной камеры, превращенной в какой-то будуар. Отметим мы ниже и предоставление дворянину Нилусу права держать в Секретном замке своего повара. Точно так же полковник Бок получал добавочное питание в размерах, вызывающих удивление и заставляющих предполагать воровство администрации. Наше предположение о воровстве подтверждается оценкой декабристом Бестужевым коменданта того времени, как вора. В самом деле, в ведомостях расходов на Бока отмечено приобретение для него в июне 17 фунтов сахара, в следующем месяце — 30 фунтов и т. д. Удивляет также закупка для Бока по две пары в году сафьяновых сапог и, кроме того, починка их дважды в году: неужели узник одиночной камеры мог так изнашивать обувь?²

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1827, № 359. «Об умершем в Шлиссельбургской крепости преступнике Барковском».

² ЦГВИА в Москве. По секретной части коменданта Шлиссельбургской крепости, 1828, № 25. «Об отпуске суммы на продовольствие содержащихся в Шлиссельбургской крепости секретных арестантов».

К скудости питания части арестантов присоединялось ограничение до крайних пределов прогулок по двору Секретного замка. При сдаче дел крепости, в середине XIX века, одним из комендантов другому было отмечено повеление царя, «чтобы ни один арестант без высочайшей воли не шагнул не только из крепости, но даже из каземата»(!).

На питание и на режим заключенного оказывало влияние его подданство. Когда в 1863 году в Секретный замок прислали иностранца Мейкше, коменданту было предложено избрать для арестанта один из более удобных номеров и отпускать по 50 коп. «для возможно лучшего содержания его». Через семь месяцев Мейкше был выслан за границу.

При отправке заключенных в монастыри, в Сибирь или в полки сопровождавшие их жандармы получали особую инструкцию. Содержание ее менялось в зависимости от важности узника. Образцом менее строгой инструкции является, например, наказ жандарму, отвозившему освобожденного из крепости в полк: «В дороге ты должен иметь с графом Ефимовским благопристойное и вежливое обращение, снисходя на его требование пробыть на станции несколько времени более, нежели сколько нужно для перемены лошадей, или переночевать в случае его усталости или же болезни. Но обязан смотреть, дабы со стороны его не происходило каких-либо вольностей, т. е. напрасной остановки, ссоры и пр.»¹. Из нашего очерка о декабристах мы уже знаем, насколько более строгим был порядок пересылки декабристов в Сибирь на каторгу и поселение.

Утверждение в 1849 году инструкции для содержания арестантов в Секретном замке не прекратило обыкновения прежних лет препровождать при арестанте инструкцию об условиях его содержания в крепости. Так, при доставленном 12 марта 1854 г. старообрядце Леонове комендант крепости получил предписание: «Леонов есть один из важных арестантов. Соблюдайте относительно него бдительнейшее и строжайшее наблюдение, так чтобы самая бытность его в замке была сохранена в величайшей тайне»².

Как я уже говорил, особое внимание на режим крепости было обращено в 1849 году, когда произошел побег из крепости заключенного Ромашева с его часовым. Специальный осмотр крепости установил, что «казематы устроены так хорошо, что арестант никоим образом выйти из них не может без посторонней

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала, 1829, № 56. «Дело недоросля графа Ефимовского».

² ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской крепости, 1854, № 55. Секретное дело Шлиссельбургского комендантского управления.

воли». Однако признавалось необходимым заменить замки на дверях камер другими, с особыми механизмами¹.

В том же 1849 году царь приказал быть караулу Секретного замка с боевыми патронами. Это поставило коменданта в большое затруднение. Оказалось, что производившая сторожевую службу инвалидная рота до 1842 года не получала совсем ружей, что пороку не имеется и что инвалиды вообще стрелять не умеют. Поэтому коменданту пришлось начать с просьбы о доставлении в крепость патронов для учебной стрельбы.

В том же году царь запретил происходивший ежегодно наплыв богомольцев в собор Шлиссельбургской крепости на церковный праздник. Несмотря на изолированность Секретного замка, стечение большого числа народа в крепость было признано недопустимым и навсегда прекращено.

Распоряжением этого же года было запрещено и практиковавшееся раз в году посещение католическим ксендзом заключенных в крепости католиков-поляков для исповеди.

Обращение особого внимания на режим в Шлиссельбургской крепости в 1849 году было вызвано, вероятно, не только побегом Ромашева, но и событиями революционного характера на Западе и процессом петрашевцев в России.

Такое же обострение внимания к режиму в Секретном замке вызвало в 1863 году восстание в Польше. В январе 1863 года комендант крепости получил предписание, вызванное дошедшими до военного министра сведениями о будто бы допускаемых в крепостях послаблениях к политическим заключенным. Царь приказал «отнюдь не допускать никаких для них послаблений»².

Вопросы об облегчении участи узников Секретного замка возбуждались редко. Они относились или к отдельным заключенным, или ко всем, но такое облегчение участи узников за период 1825—1870 гг. произошло лишь два раза (по случаю 25-летия царствования Николая I и в 1858 году).

Вопросы такого рода возбуждались по просьбам самих заключенных, их родственников и по инициативе коменданта крепости. Нам известен только один случай, когда вопрос об облегчении участи троих узников был поставлен самим Николаем I, но он же сам и снял этот вопрос, получив неблагоприятные для узников ответы коменданта (в 1836 г.).

Царь получал списки заключенных Секретного замка ежемесячно. Его повеление об этом состоялось 5 февраля 1826 г.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской крепости. Об инструкции военных караулов и пр., 1849, № 46.

² ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской крепости, 1863, № 64. Секретное дело Шлиссельбургского комендантского управления (л. 1).

В представлявшихся ему ведомостях сообщали фамилии заключенных с указанием времени поступления в крепость и причин такого поступления; но, как говорилось выше, причины часто коменданту крепости не указывались и в ведомостях соответствующая рубрика оставалась незаполненной. Проходили многие годы, менялись шефы жандармов, и забывалась причина заключения в крепость. Бывали случаи переписки с поисками в делах причин заточения в крепость.

Не только причина заключения в крепость, но и поведение заключенного влияли на решение вопроса об облегчении участи. Коменданты обычно бывали очень жестки в характеристиках узников. Когда в 1858 году был поднят вопрос о пересмотре всего списка заключенных, комендант, очевидно, опасаясь упреков в либерализме, давал о каждом заключенном самые отрицательные отзывы. Например, Лукасинского, просидевшего в крепости к тому времени уже 28 лет, он называл «закоренелым преступником, два раза обвиненным в важных преступлениях». Якукевича, сидевшего уже 18 лет, комендант характеризовал как «человека неисправимого и неимоверно злого». О раскольнике Николаеве он напоминал, что Николаев «при допросе обнаружил не только упорство в своем заблуждении, но объявил, что он не признает государя императора, а почитает его за антихриста». При этом комендант подчеркивал, что Николаев заключен «только» в 1852 году, а «высочайше» повелено было заключить его навсегда. О другом раскольнике, Загуляеве, тот же комендант напоминал о переводе его в крепость из арестантских рот «за ожесточение и закоснелость в расколе» и о том, что комендант крепости в 1853 году отмечал упорство Загуляева в заблуждениях. Он прямо подчеркивал опасность освобождения трех других сектантов и т. д. Наоборот, отзывы и характеристики, дававшиеся в 60-х годах комендантом Лепарским, носили более мягкий характер.

Облегчение участи заключенного, кроме его освобождения из крепости с высылкой в какой-либо пункт, с переводом в монастырь, с назначением на службу в армии, с помещением в больницы, могло состоять также в предоставлении ему права переписки с родными, а в исключительных случаях и свиданий с ними, в возможности письменных занятий. Для разрешения всего этого требовалось повеление самого царя. Оно требовалось и для улучшения питания узников.

Глава девятая

УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 49. МАТЕРИАЛЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СПИСКА УЗНИКОВ

ПОСЛЕДУЮЩЕЕ изложение истории Шлиссельбургской крепости в настоящем томе будет состоять в ознакомлении с узниками этой крепости за период 1826—1870 гг. Нас интересует, с одной стороны, режим заточения этих узников, а с другой — те обстоятельства, которые привели их к заключению в эту важнейшую государственную тюрьму.

Не один раз нам придется увидеть, насколько неодинаков был этот режим для отдельных заключенных, то достигая высшей степени суровости или даже изощренной жестокости, то ослабляясь в некоторых немногих случаях до превращения одиночной тюремной камеры в какую-то палату санатория. Классовая принадлежность и особые обстоятельства, приведшие к заточению, накладывали свою печать на условия содержания в этой крепости.

Иногда даже при самых тщательных поисках в материалах различных архивов не удавалось раскрыть причины заточения в Шлиссельбургскую крепость отдельных узников. Но когда нам удавалось в таких случаях выяснить в той или иной мере обстоя-

тельства дела, то почти всегда приходилось признать, что дело было совсем не банальным, не шаблонным. Самые разнообразные причины могли вызвать повеление царя о заключении в крепость, и притом почти всегда без указания срока. Это могли быть обвинения в государственных, религиозных и уголовных преступлениях. Чаще всего такие обвинения формально и не предъявлялись заключенным: было совершенно достаточно одного подозрения против них и сведений, собранных всякими путями, кроме законных.

Почти каждое отдельное дело о том или ином заключенном в Шлиссельбургскую крепость, раскрываемое нам ставшими теперь доступными архивами, является страничкой из истории самого царизма. Эти странички ярки не только тогда, когда речь идет о политическом узнике, но даже и тогда, когда заключенный был чисто уголовным преступником. Из дел Медокса, Шервуда-Верного читатель увидит, как подчас совершенно стиралась грань морального различия между этими уголовными преступниками и самим правительством.

Частые случаи заключения в крепость без суда объяснялись нежеланием правительства придать делу какую бы то ни было огласку. Такая огласка могла быть иногда для царского правительства неприятнее, чем само дело того или другого заключенного.

За последний период продолжительностью всего около 50 лет среди узников Шлиссельбургской крепости было немало политических врагов самодержавия. Читатель встретится с именами, всем известными в истории русского революционного движения. Но он встретит также фамилии, очень мало или совсем неизвестные. Дела некоторых из них были, с точки зрения их политической оценки, весьма незначительны. Но расплата за них была так велика, так тяжела, что и они заслуживают внимания.

За весь период 1826—1870 гг. почти никогда не переводились среди заключенных крепости задержанные по делам веры. Специальные места заключения для них были уготованы царским правительством в монастырских тюрьмах Суздаля и на Соловках, но в отдельных случаях им предоставлялся правительством «гостеприимный» приют в одиночных камерах Шлиссельбурга. Правительство постоянно находилось в нерушимом согласии с высшей церковной администрацией, обмениваясь с ней заключенными, оно посылало узников Шлиссельбурга в тюрьмы Суздаля и на Соловки и получало оттуда заключенных в Шлиссельбург.

Уголовные преступники среди заключенных крепости стали в этот период довольно редким явлением. Только при наличии исключительных обстоятельств они попадали в эти казематы.

В одних случаях, как, например, в деле Бринкена, сам царь скрывал за крепостными стенами позор мелких мошенничеств дворянина, гвардейского офицера. В других случаях, как в деле Шервуда-Верного и Медокса, правительство прятало от общественного мнения позор своей связи с этими чисто уголовными элементами.

Если нам не удалось раскрыть обстоятельства, приведшие многих узников в Шлиссельбург, то нам удалось составить исчерпывающий по своей полноте список тех, кто перебывал в казематах крепости за период 1826—1870 гг. Список этот появляется в печати впервые. В его основу легли материалы архивов III отделения, Шлиссельбургской крепости и Центрального военно-исторического архива. Большой частью это были ежемесячные донесения коменданта. Они представлялись царю одновременно через III отделение и через дежурного генерала. Известно, для чего требовалась эта двойная отчетность. Но это позволило нам восполнять пробелы, обнаруженные в тех или иных отчетах.

Уже один список заключенных в Шлиссельбургскую крепость — красноречивая история этой государственной тюрьмы. К сожалению, наряду с отсутствием сведений о причинах заточения остаются иногда неизвестными и причины выбытия из казематов; но время выбытия удавалось установить всегда по исчезновению той или иной фамилии в ежемесячной отчетности коменданта. Удивительно, что комендант ограничивался представлением списка арестантов за тот или иной месяц и, за редчайшими исключениями, не сообщал фамилий выбывших за этот месяц арестантов.

Фамилия узника, например, за январь, вносилась в список этого месяца, хотя бы заключенный и выбыл уже 5 января. Только с февраля эта фамилия исчезала без всяких пояснений.

Сведения списка о времени поступления арестантов в казематы и выбытия из тюрьмы дали нам возможность определить срок содержания в крепости каждого заключенного и составить по этому вопросу особую таблицу. Довольно полны сведения о социальной принадлежности узников, их сословии или профессии.

Прежде чем приводить эти сведения и список заключенных, следует отметить существование в исторической литературе работы «К 200-летию юбилею Шлиссельбургской крепости». Книжка вышла из-под пера протоиерея Флоринского в 1902 году. Уже одно заглавие книги, огромный двухсотлетний период, охваченный автором, и юбилейный характер издания должны были привлечь к себе внимание читателя. Но история бывает разная.

В «труде» этого протоиерея читатель найдет только одно единственное имя заточенного — краткое упоминание об Иоанне Антоновиче. Как будто здесь не было сотен других заключенных за эти 200 лет. От протоиерея, конечно, не приходится требовать описания всего того, чему была свидетельницей Шлиссельбургская крепость. Кровавой истории этой твердыни самодержавия для него не существовало. Он составил особый хронологический перечень «важнейших событий» в крепости с 1702 по 1892 год. К «важнейшим событиям» отнесены и посещения крепости членами царской семьи и самими царями. Они отмечались очень аккуратно. Оказалось, что императоры и члены их семейств не один раз «осчастливили» своим посещением этот остров живых мертвецов. За время с 1715 по 1892 год я насчитал 17 таких посещений при 31 посетителе. В 1719 году посетил Петр I, а в 1762 году — Петр III; следующие посещения были в годах: 1817, 1834, 1835, 1842, 1844, 1850, 1858, 1863, 1866, 1870, 1880, 1883, 1884 и 1892. Отнюдь нельзя сказать, что посещения были очень редки. Крепость посетил в 1842 году Николай I, в 1866 году — Александр II, в 1883 году — Александр III, а Николай II был здесь еще наследником, в 1883 году¹. Неизвестно, что влекло этих посетителей на остров, что именно они здесь посещали, что осматривали, о чем расспрашивали хозяина крепости — коменданта. Только о Петре III известно, что он посетил секретную тюрьму и ее узника Иоанна Антоновича. Посещение Шлиссельбургской крепости Александром III в 1883 году совпало как раз со временем интенсивной постройки той новой одиночной тюрьмы в Шлиссельбурге, которая предназначалась царем для перевода в нее узников из Петропавловской крепости. Трудно допустить, чтобы поездка на остров вызывалась одним лишь желанием посетить крепостную церковь и чтобы визиты трех царей и наследника ни в какой степени не касались секретной тюрьмы. Внутри ее они, конечно, не заглядывали: на это нет ровно никаких указаний. Вероятно, дело не шло дальше осмотра тюрьмы издали. Любопытство было праздным, а царскую мысль приятно щекотало сознание, что тут, на этом острове, находятся враги самодержавия, совершенно изолированные от мира и потому безопасные.

Составленный нами список включает в себя 95 фамилий. Два человека (Медокс и Ромашев) поступали в крепость дважды: один из них был возвращен в крепость после семи лет свободы, а другой — через три месяца.

¹ См. Флоринский протоиерей, К 200-летию юбилею Шлиссельбургской крепости 1702—1902 гг., Шлиссельбург, 1902.

§ 50. СВЕДЕНИЯ ОБ УЗНИКАХ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

В приводимом ниже списке почти с исчерпывающей полнотой даны сведения не только о фамилиях заключенных, но и о сроках их заключения в Шлиссельбургской крепости. Так же полно указаны сроки выбытия из тюрьмы. Наоборот, сведения о причинах заключения и о причинах выбытия из крепости не удалось выяснить с желательной подробностью.

Более половины всех заключенных, а именно 54 человека, было заточено в крепость по обвинению в государственных преступлениях. За религиозные преступления было заключено 10 человек, а по обвинению в общеуголовных преступлениях — 12. Причины заключения остальных 18 заключенных нам не известны.

По сословному составу наибольшую часть представляли дворяне. Их было 56 человек: среди них — 23 офицера, 20 чиновников и 13 неслуживших дворян; кроме того, в числе заключенных было 4 студента, вероятно, также из дворян. К крестьянскому и мещанскому сословиям принадлежало 12 заключенных. Духовного звания, почетных граждан и купцов было всего 6.

По срокам пребывания более трети, а именно 38 человек, пробыли менее года, но из этого числа 14 человек были декабристами, которых по неизвестной причине завозили сюда перед отправкой в Сибирь на каторгу. От 1 года до 2 лет в крепости провели 11 человек, от 2 до 3 и от 3 до 4 лет — по 7 человек. Двое провели здесь от 4 до 5 лет, один — 6 лет, 8 человек — от 7 до 10 лет, 7 — от 10 до 15 лет, 6 — от 15 до 20 лет. Якуевич оставался узником 22 года, Мошинский — 28, Михайлов — 31, Медокс — 36 (в два приема) и Лукасинский — 38 лет.

Относительно 31 заключенного известно, что они были из крепости сосланы в Сибирь, на Север, на Кавказ и в другие места, переведены в монастыри, назначены рядовыми в полки. Относительно 11 человек найдены определенные указания, что они умерли в крепости, и столько же человек сошло с ума и переведено в дома для душевнобольных. Причина выбытия из крепости остальных заключенных нами не выяснена.

Приведенные цифры смертности и душевных заболеваний (22 случая на 96 человек) очень велики. Несомненно, что в действительности они были и еще более значительными; в особенности относится это к душевным заболеваниям. Безумие было для узников почти неизбежным уделом при более длительных

СПИСОК УЗНИКОВ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
1. Соковнин (Медокс) сын театрального антрепренера	3/VI 1813 г.	За подлоги и мошеннический сбор ополчения	Переведен в Петербургскую крепость 20/XII 1826 г.
2. Калинин	12/X 1814 г.	«За вредные для общества намерения»	Выслан 30/V 1826 г. в Сибирь
3. Бок, полковник	12/V 1818 г.	За дерзкие выражения в бумаге на имя царя	Переведен в Петропавловскую крепость 29/X 1826 г.
4. Бабетинский	1819 г.	—	Выбыл в июне или июле 1826 года
5. Мошинский, ротмистр польской службы	20/VIII 1821 г.	За стихи на Александра I	Умер 6/XII 1848 г.
6. Бельшинский	20/VIII 1821 г.	За дерзкие выражения против правительства	Выбыл в июне 1831 года
7. Якушевич, рядовой	15/X 1822 г.	—	Выбыл 23/III 1826 г.
8. Раевский Григорий, корнет	7/V 1822 г.	«Фальшивый поступок и попытка поездки к арестованному брату»	Выбыл в сентябре 1826 года
9. Вишневецкий, регистратор	28/V 1823 г.	За дерзкие выражения против правительства	Выбыл 11/VIII 1826 г. в больницу для душевнобольных, где умер 8/IX 1826 г.
10. Бурялин, крепостной	18/VIII 1824 г.	—	Выбыл в ноябре 1826 года
11. Сергеев, крепостной	17/III 1825 г.	Юродивый, за религиозные нелепости	Выбыл в ноябре 1826 года
12. Котельников, есаул	2/VIII 1825 г.	За отступление от православия	Выбыл 11/III 1826 г. в Архангельск
13. Кустова, дочь Котельникова	2/VIII 1825 г.	То же	То же

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
14. Безобразов, прапорщик	17/XII 1825 г. из Алексеевского равелина, где был с 1811 г.	Обронил записку подозрительного содержания	Выслан в Вологду 11/VI 1826 г.
15. Абрамов, унтер-офицер Черниговского гарнизонного батальона	16/IX 1825 г.	—	Выбыл в 1826 году
16. Побединский	17/XII 1825 г.	—	Выбыл в 1826 году
17. Градовский	17/XII 1825 г.	—	Выбыл 29/IV 1826 г. в Витебск
18. Янчевский, дворянин	17/XII 1825 г.	—	Выбыл в 1826 году
19. Барковский	10/I 1826 г.	—	Умер 7/X 1827 г.
20. Андреевич Яков, подпоручик	24/VII 1826 г.	По делу восстания 14/XII 1825 г.	Выбыл в октябре 1826 года
21. Юшневский Алексей, генерал-майор	24/VII 1826 г.	То же	То же
22. Пущин Иван, сын сенатора	30/VII 1826 г.	То же	То же
23. Пестов Александр, поручик	30/VII 1826 г.	То же	То же
24. Дивов Василий, мичман	9/VIII 1826 г.	То же	То же
25. Бестужев Михаил, штабс-капитан	9/VIII 1826 г.	То же	То же
26. Бестужев Николай, капитан-лейтенант	9/VIII 1826 г.	То же	То же
27. Конов, чиновник	22/III 1827 г.	За государственную измену	Выбыл 9/VIII 1827 г.
28. Горбачевский Иван, подпоручик	23/IV 1827 г.	По делу восстания 14/XII 1825 г.	Выбыл в октябре 1827 года

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
29. Спиридов Михаил, майор	23/IV 1827 г.	По делу восстания 14/XII 1825 г.	Выбыл в октябре 1827 года
30. Барятинский Александр, штабс-ротмистр	23/IV 1827 г.	То же	То же
31. Кюхельбекер Вильгельм, коллежский ассессор	25/IV 1827 г.	То же	То же
32. Поджио Иосиф, отставной штабс-капитан	25/IV 1827 г.	То же	Выбыл в 1834 году в Сибирь
33. Вадковский Федор, прапорщик	25/IV 1827 г.	То же	Выбыл в ноябре 1827 года
34. Попов, студент	24/XII 1827 г.	За участие в злоумышленном обществe	Выслан в Соловки в январе 1828 г.
35. Тюрин, канцелярист кремлевской экспедиции	24/XII 1827 г.	То же	Отправлен в 1840 году в армию на Кавказ
36. Критский Василий, студент, 17 лет	18/I 1828 г.	То же	Умер 21/V 1831 года
37. Ефимовский, граф, недоросль, 16 лет	24/VII 1829 г.	Государственное преступление	Выбыл 27/IX 1829 г.
38. Стейнгардт	19/VIII 1829 г.	За уголовные преступления	Выбыл в 1836 году
39. Черновский, минский помещик	4/X 1829 г.	—	Выбыл в 1834 году в Архангельскую губернию
40. Якушкевич	4/X 1829 г.	—	—
41. Илличевский, студент	7/X 1829 г.	—	Выбыл в 1832 году
42. Лукасинский, офицер из царства Польского	24/XII 1830 г.	За организацию противоправительственного общества	Умер в феврале 1868 года
43. Шикер, шляхтич	26/I 1831 г.	За государственное преступление	Выбыл в Бобруйскую крепость 9/I 1831 г.

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
44. Коженоский, дворянин Минской губернии	20/V 1831 г.	За укрывательство бунтовщиков	Освобожден в 1831 году
45. Барткевич, польский пленный	20/V 1831 г.	За участие в восстании	Освобожден в 1831 году
46. Жуба, виленский уроженец	20/I 1831 г.	За государственное преступление	Выбыл в Тобольск в ноябре 1850 года
47. Ситников, штабс-капитан	29/IV 1832 г.	За распространение противоправительственных пасквилей	Выбыл в ноябре 1835 года
48. Нимзе, отставной чиновник	21/XII 1832 г.	За неосновательные доносы	Освобожден в августе 1834 года
49. Карпов, рядовой Преображенского полка	29/III 1833 г.	За неосновательные доносы	Выбыл в 1834 году
50. Деканор, отставной генерал	4/IV 1833 г.	За связь с дочерью	Выбыл 18/X 1833 г.
51. Монстович, шляхтич	1/X 1833 г.	За написание возмутительного воззвания	Выбыл в феврале 1836 года
52. Окропир, грузинский царевич	9/I 1833 г.	—	Выбыл 23/I 1833 г.
53. Михайлов, отставной подпоручик	23/X 1833 г.	За превратные религиозные толки	В 1862 году переведен в дом душевнобольных
54. Бринкен, подпоручик	19/XI 1833 г.	За подлоги и мошенничества	Переведен 8/XII 1833 г. в Митаву
55. Медокс, разжалованный в рядовые	4/VIII 1834 г.	За обман III отделения	Выслан в имение брата в 1856 году
56. Уткин, коллежский регистратор	12/IV 1835 г.	Государственные преступления	Умер 22/VIII 1836 г.
57. Соколовский, титулярный советник	12/IV 1835 г.		Выбыл в ноябре 1836 года
58. Ибаев, отставной поручик	12/IV 1835 г.		—

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
59. Шумилов, священник из Казани	21/V 1835 г.	Юродивый, подозрительное отношение к вере и правительству	Выбыл в 1835 году
60. Пустановский, адвокат	30/VI 1835 г.	—	Выбыл 16/IX 1835 г. в Архангельскую губернию
61. Токарев, чиновник 9-го класса	4/VIII 1835 г.	—	Выбыл в январе 1836 года
62. Шлыков, титулярный советник	4/VIII 1835 г.	—	Выбыл в ноябре 1835 года
63. Ярошинский, помещик Подольской губернии	1/I 1836 г.	«За буйство против местного начальства, правительства и верховной власти в выражениях и поступках»	Умер 6/XII 1839 г.
64. Юрковский, прапорщик	29/V 1838 г.	—	—
65. Давид Лурий, купец	26/VI 1838 г.	«За записку, открытую у него с подписью неблагонамеренного содержания»	Освобожден в октябре 1838 года
66. Александров, бывший учитель.	29/IX 1838 г.	—	Выслан в апреле 1841 года в Вятку
67. Домбровский, дворянин	24/X 1838 г.	«За найденные возмутительного содержания бумаги»	Выслан 27/I 1842 г. в Тифлис
68. Якукевич, магистр права	15/V 1840 г.	«За буйство и прочие государственные поступки»	Переведен в больницу в 1862 году душевнобольным
69. Раевич, канцелярист	18/VIII 1840 г.	«За распространение политических разных вымыслов»	Отправлен в госпиталь 17/VI 1847 г.
70. Жеребцов, отставной губернский секретарь	19/VII 1840 г.	—	Выслан в Пермь 23/I 1841 г.

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
71. Фролов	1841 г.	—	Выслан в черноморский линейный батальон 10/V 1843 г.
72. Романов, священник	4/I 1843 г.	Политические предсказания	Умер душевнобольным 10/IV 1843 г.
73. Добров, помещик Ярославля, бывший священник	28/I 1843 г.	Политический лжедонос	Умер 7/III 1844 г.
74. Налепинский, контролер польского банка	9/II 1843 г.	Подлоги	Выслан в Вологду в 1860 году
75. Аделът, контролер польского банка	9/II 1843 г.	Подлоги	Выслан в Вятку в 1860 году
76. Краевский, контролер польского банка	9/II 1843 г.	Подлоги	Умер 15/IX 1843 г.
77. Никто-Полеон, сын почетного гражданина Полевого	23/VIII 1845 г.	—	Выпущен 22/II 1846 г.
78. Ромашев, чиновник	6/XI 1846 г.	«За сочинение бумаг возмутительного содержания, за распространение и переделку билетов кредитных учреждений»	Переведен 21/VII 1864 г. в Бабаевский монастырь, а 12/XI того же года возвращен в крепость и через 2,5 года переведен в Кирилло-Белозерский монастырь
79. Вещитский, дворянин	1/IV 1847 г.	За подговор к возмущению	Умер 16/VIII 1857 г. душевнобольным
80. Миллер, австрийский подданный	29/VI 1847 г.	За раскол	Сошел с ума. Выслан за границу в 1857 году
81. Нилус	16/V 1847 г.	Карточный шулер	Умер 10/XI 1848 года
82. Гулак, коллежский секретарь	30/V 1847 г.	За участие в составлении украино-славянофильского общества	Выбыл в июне 1850 года

Фамилия и звание	Время поступления	За что заточен	Время выбытия
83. Иванов, крестьянин	29/VII 1847 г.	Закоснелый раскольник	Сошел с ума. Переведен в монастырь в 1857 году
84. Жигарев, помещик Москвы	14/II 1849 г.	—	Выбыл в ноябре 1856 года в Суздальский монастырь
85. Олейничук, крестьянин	15/XII 1849 г.	«За вредный образ мыслей»	Умер в 1852 году
86. Потоцкий, граф	1851 г.	За побег с места высылки	Выбыл в 1853 году
87. Николаев, крестьянин	8/IV 1852 г.	За раскол	Выбыл в апреле 1867 года в дом душевнобольных
88. Загуляев Яков, крестьянин	2/VIII 1852 г.	За раскол	—
89. Петров, отставной рядовой	19/XII 1853 г.	За бродяжничество и другие поступки	Сослан в апреле 1867 года в Вологду
90. Леонов	13/III 1854 г.	За раскол	Выбыл в апреле 1868 года в монастырь
91. Бакунин	12/III 1854 г.	Государственное преступление	Выбыл 5/III 1857 года
92. Каменский, губернский секретарь	27/VI 1857 г.	Пропаганда среди крестьян	Выбыл в дом душевнобольных 16/IV 1862 г.
93. Шварце	24/VI 1863 г.	Государственное преступление	Выбыл 17/IX 1870 г.
94. Мейкше, иностранец	29/X 1863 г.	—	Выслан за границу 25/V 1864 г.
95. Сунгуров, студент	9/XII 1863 г.	За распространение возмутительных воззваний	Выбыл 25/VI 1864 г. Отправлен в больницу для душевнобольных
96. Ишутин, потомственный почетный гражданин	8/X 1866 г.	Государственные преступления	Выбыл в январе 1868 года

сроках пребывания в крепости. Но представители верховной власти, от которых зависело разрешение перемены крепости на больницу, предпочитали держать в крепости явно безумных.

Мы располагаем самыми разительными примерами беспощадного отношения императоров к заключенным в крепости, потерявшим рассудок.

В 1843 году в Шлиссельбургской крепости умер заключенный Романов. Он был переведен сюда из Алексеевского рavelина после рапорта коменданта от 24 декабря 1842 г. Комендант доносил о Романове, что этот арестант «решительно сумасшедший», «нельзя описать всех подвигов этого несчастного сумасброда, так они гадки и отвратительны. Каждый почти день надо мыть и его самого и комнату, потому что и при самых строгих наблюдениях он всячески успевает вымазать себя с ног до головы собственными испражнениями». Он плюется, ругается, толкается, «неугомонный крик и порывы все бить, ломать, коверкать с избытком становятся тяжки. Посему позволю себе смелость доложить вашему сиятельству, что ему нужно постоянное лечение»¹.

Для представления ходатайства о переводе заключенного в больницу комендант крепости надо было набраться смелости. Как ни было убедительно это ходатайство, Николай I повелел перевести Романова вместо больницы в Шлиссельбургскую крепость, где тот через три месяца и умер.

В 1858 году комендант Шлиссельбургской крепости Лепарский (племянник того Лепарского, под ведомством которого находились в Сибири декабристы) доносил Александру II о сумасшествии трех узников крепости: Якукевича, Михайлова и Каменского. О последнем он добавлял, что узник молчит, постоянно просит мать на свидание к нему, слыша, что она будто бы находится за стеной рядом, проводит целые ночи в разговоре с ней, часто плачет. Только через четыре года царь разрешил произвести экспертизу. В акте от 6 марта 1862 г. врач писал о Каменском, что он имеет 36 лет от роду, все время говорит о матери, которая содержится будто бы тут же, и труп отца он также «перевез» сюда. Пытается бежать всякий раз, когда отворяют дверь его камеры. По вечерам молится, умоляя мать о прощении. По словам врачей, возвращение больного Каменского к матери может привести его к излечению. Но Александр II повелел, не возвращая Каменского к матери, перевести его в дом для душевнобольных.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1829, № 190. Об исключенном из духовного звания бывшем священнике Николае Романове.

В том же акте те же врачи нашли безумными Михайлова и Якукевича. О последнем (ему было 62 года) они записали: он утверждает, «что все высшие власти во все время безвинного его заключения всегда были благосклонны к нему, что множество было высочайших повелений и сенатских указов об его освобождении... Как единственной милости ждет или быть освобожденным, или лишенным жизни... Шумит, глаза сверкают и заметно, что язык не может выразить вдруг всего навала мыслей, клонящихся к одной только цели, — к его освобождению». Этот Якукевич освобождения не получил, а другое его желание — быть лишенным жизни — исполнилось: в 1867 году он умер в больнице для душевнобольных.

III отделение строго наблюдало за переведенными из Шлиссельбургской крепости в дом для душевнобольных. Здесь они были размещены в одиночных помещениях, совершенно разобщены между собой и назывались не по фамилиям, а по номерам их палат. Напрасно почетный опекун больницы обращался к Александру II с просьбой разрешить этим трем больным общение, мотивируя свою просьбу возможностью ухудшения их здоровья под влиянием пребывания в одиночках. Царь ответил резолюцией в одно слово: «Повременить». Через три года просьба была повторена, и только на этот раз ее удовлетворили.

Самым молодым заключенным этого периода был, не достигший 16 лет граф Ефимовский. Он был заключен сюда как государственный преступник. Но его «государственное преступление» — прекрасный показатель внутреннего политического состояния в России, при котором даже ребенок мог попасть в самую страшную государственную тюрьму за явно детский поступок. Года за три перед тем Ефимовский вместе с другими воспитанниками был исключен из пажеского корпуса за какие-то шалости и высечен. Он затаил в своем сердце обиду за это наказание, которое он считал несправедливым. Однажды он придумал для себя герб в виде щита с изображением на нем ока, сломанного скипетра, меча с надписью на щите перефразированных слов поэта: «На обломках самовластья напишем имена свои». Мальчик отдал рисунок придуманного герба граверу, крепостному человеку, с тем, чтобы тот смастерил его наподобие клейма. Ефимовский хотел наложить это клеймо неизгладимым знаком на свое тело, а после, когда подрастет, образовывать тайное противоправительственное общество и отомстить за неправильное исключение его из учебного заведения. При расследовании к делу был привлечен швейцарец-гувернер Ефимовского, внушавший ему мысли, направленные против крепостного права, против самодержавного правительства, и о преимуществах республиканского

образа правления. По решению Николая I иностранец-губернатор был выслан за границу, а мальчик заключен на год в Шлиссельбургскую крепость с тем, чтобы по выходе оттуда быть отправленным солдатом на Кавказ. Только по просьбе знатных родителей срок заключения в крепости был сокращен, а ссылка на Кавказ последовала тотчас же, как было намечено¹.

Ефимовский, повторяем, был самым молодым узником крепости за период 1825—1870 гг. Но в крепости у него были почти сверстники, лишь очень немногим старше его. Таковы были Григорий Раевский, поступивший в крепость 17 лет, Критский Василий — 17 лет, Попов — 18 лет. Их «преступления» точно так же не соответствовали тяжести постигшей их участи. Читатель увидит далее, какой чисто ребяческой выдумкой, какой игрой в заговор были фантастические разговоры Тюриня, Попова и Критского. Все политическое преступление Григория Раевского состояло в желании увидеть арестованного брата. Но Николай I, если дело хотя в какой-нибудь степени касалось его священной особы, не считался ни с возрастом, ни с состоянием здоровья и рассудка того, кто помыслил против него. В таких случаях он предпочитал следовать заветам «Домостроя» XVI века — «сокрушить детям ребра в юности». Так и было с юными заключенными. Семнадцатилетний Раевский сошел с ума и больным был отдан родителям, а семнадцатилетний Василий Критский через три с половиной года умер в крепости.

Молодым был и возраст большинства той московской студенческой молодежи, которая привлекалась к ответственности за пение противоправительственных песен. И тут тяжесть кары не находилась в соответствии с обвинением. Из трех человек, заключенных за эти песни в Шлиссельбургскую крепость, молодой Уткин уже через четыре месяца был скошен там смертью.

Вообще возраст узников Шлиссельбургской крепости, заключенных сюда по обвинению в государственных преступлениях, был в большинстве случаев молодым. Наоборот, возраст заключенных за религиозные преступления был более зрелым.

Среди заключенных за государственные преступления значительную часть составили кратковременные обитатели крепости — декабристы. Только Поджио, проведенный здесь 7 лет, составил в этом отношении исключение. Но с условиями пребывания в крепости декабристов мы уже знакомы из предшествующего изложения.

Вторую по численности группу составили привлеченные по делам восстания в Польше. Наиболее видному участнику этих

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1829, № 72. «О недоросле графе Ефимовском».

восстаний, ветерану Шлиссельбургской крепости Лукасинскому, проведенному здесь 38 лет (1830—1868 гг.), ниже мы посвятим особый очерк. Надо предполагать, что за прикосновенность к организации первого восстания был также арестован минский помещик Черновский, на трагической судьбе которого мы также остановимся особо. По делам первого польского восстания провел в крепости 19 лет (1831—1850 гг.) уроженец города Вильны Жуба. Сосланный в Тобольск после почти двух десятков лет пребывания в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, он уже через два месяца умер в тобольской острожной больнице.

Дело Жубы представляет для нас интерес как показатель тех условий, при которых человек мог превратиться в узника самой страшной государственной тюрьмы. Жуба за «намерение» совершить покушение на жизнь великого князя Константина был взят 3 апреля 1827 г. в варшавский ордонансгауз, затем переведен на гауптвахту (27 сентября 1827 г.) и оттуда — в Бобруйскую крепость. Комендант этой крепости, когда сдавал жандармскому фельдъегерю Лукасинскому для отправки его в Шлиссельбургскую крепость, выразил свое мнение, что надо бы отправить туда еще одного узника, не назвав даже его по имени. Фельдъегерь, отвезя Лукасинского в Шлиссельбург, вернулся в Бобруйск за этим вторым заключенным. Комендант вручил ему шляхтича Шикера. Комендант доносил в Петербург, что это «тот самый, о котором я говорил... Он поведения весьма неодобрительного»: он вымогал по своей должности от шинкарей-евреев и крестьян овец и деньги и говорил о предстоящей войне. Тем временем в Шлиссельбургской крепости шли приготовления к содержанию этого «важного» государственного преступника самым секретным образом. Он прибыл сюда 6 января 1831 г. Уже через три дня Шикер был отправлен из Шлиссельбургской крепости обратно в Бобруйскую как арестант, не нужный Шлиссельбургу. Тогда-то комендант Бобруйской крепости передал фельдъегерю о находящемся у него уже три года Жубе. Николай I решил, что этот арестант более важный, чем Шикер, и затребовал его к себе. Так началось пребывание Жубы в Шлиссельбургской крепости. Интересно, что его освобождение из крепости было мотивировано так: он — человек мало образованный, не знающий никаких языков, даже плохо говорящий по-польски, не представляет никакой опасности для государства¹. Таким образом, вершителем судьбы

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1831, № 303. «О вильском уроженце Жубе». См. также ЦГВИА. Фонд дежурного генерала, 1830, № 80. «О переводе Жубы из Бобруйской крепости в Шлиссельбургскую».

Жубы явился комендант Бобруйской крепости: не удалось выслужиться на Шикере, выслужился на Жубе.

Поляки, поступавшие в Шлиссельбургскую крепость, обычно переводились сюда из других крепостей. Так, например, из Бобруйской крепости сюда был переведен в 1831 году взятый в плен в сражении с поляками Барткевич, из Вильны в 1833 году — Монстович, из киевской цитадели в 1847 году — Вещитский. Первый из названных пробыл в крепости всего несколько месяцев. Он оправдывался, ссылаясь на такое свое русофильство, что будто бы поляки отказывались служить вместе с ним. Царь не только освободил его, но и отпустил с заграничным паспортом в Пруссию, пожаловав ему сто червонцев¹.

Второй из названных заключенных, Монстович, провел в крепости 2 года 4 месяца. Он был арестован за воззвание «К русской церкви», прибитое им на дверях православной церкви. В воззвании он оскорблял русских царей, начиная с Екатерины, говорил о национальном гнете, об отобрании католических монастырей и в заключение призывал литовцев к мести за угнетение и порабощение польского народа и за многие жертвы, погибшие во время войны и отправленные в ссылку². Причины его выбытия из крепости неизвестны.

Третий узник, Вещитский, переведенный из киевской цитадели за подговор к возмущению и за «упорный и отчаянный характер», провел в крепости 10 лет. Уже на четвертом году комендант писал о душевной болезни Вещитского. Назначенная экспертиза подтвердила эту болезнь и требовала перевода больного в дом для душевнобольных. Шеф жандармов отказал в таком переводе и прислал для больного «смирительный камзол». В 1857 году, 16 августа, безумный арестант умер, вероятно, в «смирительном камзоле»³.

Также в одиночной камере Шлиссельбургской крепости умер на 28 году пребывания в ней ротмистр польской службы Мошинский. К этим 28 годам шлиссельбургского заточения надо прибавить еще 7 лет его заточения в Алексеевском равелине, откуда он и был переведен в Шлиссельбург в 1820 году. Таким образом, весь срок его пребывания в одиночке достиг 35 лет. Можно подумать, что это был чрезвычайно опасный для царизма враг. На самом деле все преступление Мошинского было совер-

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала, 1831, № 73. «О капитане Барткевиче и других».

² ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала, 1833, № 127. «О шляхтиче Монстовиче, осужденном военным судом за оскорбление пасквильным сочинением высочайших особ».

³ ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской крепости, 1847, № 57. «Об арестанте Вещитском».

шено лишь при помощи его пера. Его несчастья начались с его обращения к Александру I с жалобой на притеснения, каким он подвергался в родном городе Каменец-Подольске. Присланному для расследования обер-прокурору Мошинский наговорил каких-то «грубостей». Судебные дела Мошинского перешли в Сенат, который «нашел Мошинского человеком беспокойным, дерзким и возмутительным» и полагал сослать его в Сибирь на поселение. Освобожденный по манифесту от наказания, Мошинский прислал в Сенат бумаги, оскорбительные для чести царя, и был заключен в Алексеевский равелин, «пока переменит беспокойный нрав свой». По словам коменданта крепости, он здесь не исправился и показывал, что в нем «нет ни нравственности, ни религии... Временами приходил он даже в бешенство, не унимаясь притом и от оскорбительных выражений и покушаясь в самой крепости на сочинение пасквилей». В 1819 году было решено заключить его навсегда в Шлиссельбургскую крепость¹.

Через 20 лет пребывания Мошинского в Шлиссельбургской крепости Николай I поинтересовался узнать, как ведет себя заключенный. Комендант отвечал ему, что Мошинский ведет себя хорошо, но остается «вольнодумцем и атеистом». Конечно, одиночный узник Секретного замка мог проявлять свое вольнодумство и свой атеизм только перед тюремной администрацией, но и это решило его дальнейшую судьбу. Он был оставлен в крепости, где после продолжительной болезни умер 6 декабря 1848 г.

В продолжение 21 года оставался узником Шлиссельбургской крепости мелкий чиновник, смотритель городского училища Иван Ромашев, переведенный сюда из Алексеевского равелина. Ему было поставлено в вину не только составление проекта конституции с республиканским устройством России, но и уголовное преступление в виде подлога ценных бумаг. Однако решающее влияние на выбор в виде наказания заключения Ромашева в Шлиссельбург оказало, конечно, составление им проекта конституции.

Ромашев был человек сильной воли. За XVIII и XIX вв. он был единственным человеком, которому удалось, хотя и на два часа, бежать из Секретного замка Шлиссельбургской крепости. Он бежал отсюда в ночь с 4 на 5 апреля 1849 г. при помощи часового рядового Дудкина, который также бежал вместе с ним².

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала, 1826, № 178. «О разных лицах, содержащихся в Шлиссельбургской крепости».

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1849, № 232. «О побеге чиновника Ромашева с подговоренным часовым рядовым Дудкиным из Шлиссельбургской крепости».

Поимка беглеца после двух часов свободы и заключение его вновь в еще более тяжелые условия содержания в Секретном замке не сломили его энергии. Он составляет здесь целый ряд проектов по разным отраслям хозяйства, и в том числе по военному ведомству. Его проекты скорострельной пушки (1856 г.) и особых щитов для ограждения солдат (1862 г.) вызвали одобрение военного министерства. Эти проекты и огромная объяснительная записка к одному из них поставили даже вопрос об облегчении его участи. Но III отделение не могло забыть его побега. Неволья очень тяготила Ромашева. В 1864 году он подал записку с раскаянием и просьбой перевести его в монастырь. Он испытал величайшую радость от удовлетворения его просьбы, и летом 1864 года жандармы увозили его в монастырь из трех крепостных стен Шлиссельбурга, которые он за 15 лет перед тем самовольно оставил на два часа. Но через три месяца жандармы вновь вводили его в ненавистный Секретный замок Шлиссельбургской крепости. Такова была воля Александра II в ответ на жалобу игумена монастыря, который опасался, что сильный волей Ромашев может оказать вредное влияние на монахов и с их помощью бежать из монастыря. Нетрудно представить себе, что должен был переживать Ромашев, не понимавший, зачем над ним было проделано это издевательство. Через два с половиной года узник был вновь переведен в монастырь, уже в другой. Он писал отсюда в III отделение, что его свобода протекает здесь как будто за тысячью замками, в голодной нужде, без возможности найти работу. III отделение отделялось присылкой в год по 50 руб. Деньги эти пришлось высылать недолго: Ромашев умер в монастыре 1 мая 1873 г.¹ При других условиях, этот энергичный человек и изобретатель, может быть, оставил бы по себе иной след в истории родной страны.

Одним из последних политических заключенных в Секретном замке за исследуемый нами период был каракозовец Ишутин (октябрь 1866 г. — январь 1868 г.). Из зашифрованных телеграмм и других бумаг видно, что Ишутин в исполнение смягченного приговора уже был отправлен на вечные каторжные работы, но с пути из Москвы возвращен для помещения в Шлиссельбургскую крепость пожизненно. Было предписано его «содержать в заключении с строжайшим соблюдением всех правил, установленных для секретных арестантов, и с сохранением в совершенной тайне имени его». Не довольствуясь этим предписанием, III от-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1846, № 232, ч. 1. «О чиновнике 9-го класса Ромашеве, о противозаконных его действиях и о заключении его в Шлиссельбургской тюрьме».

деление отправило коменданту крепости телеграмму о содержании Ишутина самым строгим образом. Комендант отвечал уведомлением о принятии Ишутина в крепость в 2 час. утра 8 октября и о применении к нему самого строгого ареста.

Надо предполагать, что замена каторжных работ заключением в Шлиссельбургской крепости последовала по инициативе III отделения. В архивном деле имеется черновик бумаги, предназначенной к подаче от имени верховного суда с такой надписью, принадлежащей, по-видимому, шефу жандармов: «Предложенная мною, но не принятая редакция по прошению Ишутина о помиловании». В этом проекте верховный уголовный суд должен был под диктовку шефа жандармов, между прочим, просить царя: «Мы, как верноподданные ваши, не можем без содрогания думать об ужасных последствиях злоумышления Ишутина и о том горестном впечатлении, которое малейшее послабление к сему преступнику произведет на всех благомыслящих россиян»¹.

Итак, коменданту было внушено дать Ишутину почувствовать режим Секретного замка во всей его строгости. Уже истерзанный III отделением во время предварительного следствия и суда, Ишутин не выдержал. Через полгода «самого строгого» заточения узник написал шефу жандармов письмо с просьбой разрешить ему дать откровенные показания. Разрешение пришло, и его показания были пересланы в следственную комиссию. Этим Ишутин заслужил перевод из Шлиссельбургской крепости в Сибирь, в Нерчинский рудник. В особой бумаге было указано, что такая ссылка назначена ему в виде особой милости, и рекомендовано, по слабости его здоровья, допустить для него некоторые послабления в каторжных работах, «не требуя от него точного и строгого исполнения». В октябре 1874 года врачебная комиссия признала Ишутина страдающим «мрачным умопомешательством». Он умер 5 января 1879 г. в Нижне-Карийском лагере. О смерти его было доложено царю.

Заключение в Шлиссельбургскую крепость по уголовным делам вызывалось или политическими соображениями, или особой важностью уголовных преступлений.

Примеры дел первой группы читатель найдет ниже, в очерках о Медоксе, Шервуде-Верном, Бринкене, графе Потоцком.

Среди уголовных преступников второй группы находятся контролеры польского банка Налепинский и Адельт и счетчик Краевский. Они при помощи подлога при розыгрыше польской

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1866, № 239 «О государственном преступнике Николае Ишутине».

лотереи выиграли 217 500 руб. серебром. По повелению Николая I они не только были навечно заключены в Шлиссельбургскую крепость, но приказано было забыть о них навсегда. По важности преступления им были запрещены переписка и получение денег. В 1844 году, через год после их заключения в крепость, в ответ на просьбу о переписке с женами было подтверждено, что они должны быть решительно забыты. Еще через год было повелено «принять строжайшие меры, дабы от жены Адельта скрыты были самые следы, кои могли бы обнаружить место заключения мужа ее». Еще через 10 лет на запрос родных, живы ли заключенные, последовал утвердительный ответ (счетовод Краевский, впрочем, умер уже после 7 месяцев заточения). Через 17 лет после заточения Налепинский был сослан в Вологду, Адельт — в Вятку с запрещением им объяснять причины их ссылки и с запретом переписки с жителями царства Польского¹.

К этой же группе принадлежат отставной генерал Деканор, арестованный за связь со своей дочерью, и помещик поручик Нилус, карточный шулер (годы заключения 1847—1848). Этому, последнему, дворянину и в Шлиссельбургской крепости была предоставлена возможность пользоваться услугами собственного его повара с тем, впрочем, чтобы этот крепостной человек не входил ни в какие сношения со своим господином.

Немалую группу среди заключенных составляли арестованные по религиозным делам. Это были сектанты, старообрядцы и баптисты. Нередко отступление от православия у них соединялось с отрицанием царской власти и принципиальным неповиновением властям. Единственная женщина, побывавшая в Шлиссельбургской крепости за период 1825—1870 гг., Кустова — дочь есаула Котельникова, была заключена сюда вместе с отцом за отступление от православия и пробыла здесь 7 месяцев, до ее отсылки в монастырь. При заключении отца и дочери было повелено содержать их в крепости так, чтобы они не знали, что находятся в одном и том же месте заключения.

Среди задержанных за религиозные преступления, соединенные с отрицанием царской власти, военной службы, наибольшее число приходится на крестьян. Историк Щеголев, посвятивший им специальную статью «Крестьяне в Шлиссельбургской крепости»², писал: «Надо отдать память, воздать должное этим

¹ ЦГИА в Москве. Фонд шлиссельбургского коменданта, 1843, № 32. Дело «Об арестантах Налепинском и Адельте».

² Щеголев, Крестьяне в Шлиссельбургской крепости, «Звезда» 1928 г. № 4 и 5.

безвестным русским мужикам, настоящим героям духа, заплатившим чудовищной ценой за стойкость и преданность своим убеждениям». Обращает на себя внимание факт частого душевного заболевания заключенных по религиозным делам. Так, сошли с ума Николаев, Загуляев, Михайлов, Миллер.

Отношение администрации к религиозным преступникам отнюдь не было менее суровым, чем к чисто политическим. На них смотрели, как на очень опасных. Например, в 1856 году, когда возник вопрос об облегчении участи заключенных, комендантом дана была очень жесткая характеристика узников, он высказался против освобождения Иванова, Миллера и Леонова на том основании, что если раскольники Белокрыницкого монастыря узнают об их освобождении, то могут ходатайствовать о возвращении их в Австрию.

Насколько могли быть неопределенны, а вместе с тем и широки основания для заключения в крепость в качестве религиозного правонарушителя, видно из повеления Николая I. Военный министр 1 мая 1835 г. передал коменданту крепости, что государь-император, «получив сведения об юродивом и подозрительном в отношении к вере и правительству поведении священника Троицкой церкви в Казани Шумилова», повелел отправить его в Шлиссельбургскую крепость.

В одно и то же время в разных камерах Секретного замка сидели, иногда совсем не подозревая друг о друге, заключенные сюда по политическим, религиозным и уголовным делам.

В литературе не было точных сведений о количестве заключенных в Шлиссельбургскую крепость. Я имею возможность представить эти сведения за период с 1828 по 1870 год. Для составления помещенной ниже таблицы я воспользовался ежемесячными рапортами коменданта крепости царю с указанием того количества узников, на содержание которых требовалось предоставление денежных сумм. Эти рапорты не содержат перечня фамилий, ограничиваясь лишь указанием ежемесячного числа узников. За период 1828—1843 гг. рапорты за некоторые месяцы не были найдены, а с 1844 по 1870 год эти сведения оказались исчерпывающей полноты, без всяких пропусков. Через мои руки прошло 455 таких ежемесячных рапортов, относящихся к периоду 1828—1870 гг. На каждом из них имеются надписи о прочтении их царем или отметка «к сведению».

Так как было бы слишком громоздко помещать всю составленную нами таблицу целиком, с указанием числа заключенных на каждый месяц периода в 43 года, то дадим за каждый год только три цифры, а именно: наименьшее число заключенных за какой-либо из месяцев данного года, наибольшее число и среднее

число заключенных за данный год. Среднее число заключенных определялось нами путем деления суммы ежемесячно содержавшихся заключенных на число месяцев¹.

Из этой таблицы видно, что за некоторые годы, особенно за 40-е и 50-е, среднее число арестантов превышало 10 человек; между тем из описания Секретного замка заключенным Шварце и из планов этого замка видно, что число одиночных камер было всего десять. Очевидно, некоторые заключенные размещались в других местах крепости. В самом деле, в 1864 году, 23 ноября, комендант крепости Лепарский на сделанный ему запрос ответил III отделению, что в его распоряжении, кроме камер Секретного дома и одного помещения для беспокойных, находится еще 17 арестантских помещений в крепости². Вероятно, такими помещениями были так называемые верхние казематы. Известно также, что поляк Лукасинский содержался в Светличной башне. В том же 1864 году Лепарский указывал на содержание в крепости, кроме секретных, еще двоих студентов, а ранее, по его словам, таких арестантов было шестеро. Наше предположение о помещении некоторых заключенных в этот период в верхние казематы подтверждается прямым указанием на заключение туда в 1863 году отставного подпоручика Певцова, осужденного уголовным судом в крепость на три года за нанесение раны. У коменданта возникло сомнение в необходимости запрещения переписки этому арестанту как несекретному. III отделение признало за заключенным право переписки. Нам также известно о переводе в верхние казематы заключенных Секретного дома на время ремонта последнего. Во всяком случае, в период до 1870 года число заключенных в Шлиссельбургской крепости в противоположность Петропавловской было незначительно, исчисляясь за год не более, чем 16.

Одной из последних находок по истории тюрьмы в Шлиссельбургской крепости явилось обнаружение в Ленинградском военно-историческом архиве трех десятков дел за период с 1811—1852 гг. Это — журналы входящих секретных бумаг по крепости. В журнале довольно подробно обозначалось содержание поступивших бумаг с указанием, от кого они были направлены коменданту крепости. В числе отправителей встретились имена начальника главного штаба князя Волконского и дежурного управляющего министерства внутренних дел князя Кочубея, гра-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1829, № 469. «Об отпуске 3 тыс. руб. на содержание секретных арестантов Шлиссельбургской крепости».

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1864, № 37. «Об арестантах Шлиссельбургской крепости».

СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КРЕПОСТЬ ЗА 1828 — 1870 ГОДЫ

Годы	Минимум	Максимум	Среднее	Годы	Минимум	Максимум	Среднее
1828	5	5	5	1850	13	16	15
1829	5	5	5	1851	12	13	12,3
1830	8	8	8	1852	12	13	12,6
1831	9	10	9,2	1853	13	13	13
1832	8	9	8,1	1854	14	16	15,5
1833	9	13	10,9	1855	16	16	16
1834	9	12	10,5	1856	13	16	14,6
1835	9	14	11,3	1857	12	13	12,2
1836	7	11	9	1858	11	11	11
1837	7	7	7	1859	11	11	11
1838	6	9	8	1860	11	11	11
1839	8	9	8,9	1861	9	9	9
1840	8	10	9	1862	5	9	6,5
1841	9	10	9,1	1863	6	8	6,7
1842	8	9	8	1864	6	8	7
1843	10	13	11,2	1865	7	7	7
1844	10	11	10,2	1866	7	8	7,2
1845	10	11	10,3	1867	4	8	5,4
1846	10	11	10,2	1868	1	4	1,6
1847	11	16	13,4	1869	1	1	1
1848	15	16	15,6	1870	1	1	1
1849	14	15	14,9				

фа Аракчеева, Дибича, Бенкендорфа, военного министра, обер-полицеймейстера, генерал-губернатора С.-Петербурга, генерал-лейтенанта III отделения Дубельта и много бумаг из III отделения «канцелярии его величества»¹.

Я использую эти журнальные записи, поскольку они дали некоторые добавочные сведения к уже сообщенным мною выше.

Среди заключенных встретилось новое имя, ранее ускользнувшее от нас при составлении общего списка узников. Это был грузинский царевич Окропир. 9 января 1833 г. военный министр предписал коменданту крепости грузинского царевича Окропира «содержать в Шлиссельбургской крепости... в приличном помещении преимущественно против других арестантов... не позволяя иметь ни с кем письменных сношений или свиданий с посторонними лицами». Другой документ от 23 января того же года

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Фонд 437, дела № 1—32. Комендатура Шлиссельбургской крепости. Журнал входящих секретных бумаг. В № 17 1833 г. — о заключении грузинского царевича Окропира.

сообщал разрешение Николая I царевичу Окропире «прибыть в столицу и остановиться в С.-Петербурге в частном доме... дозволить ему тотчас отправиться в С.-Петербург без всякого за ним в пути надзора». Таким образом, этот узник содержался в крепости на льготных условиях и его пребывание в ней было кратковременным.

Окропир был одним из участников заговора грузинского знатного дворянства начала 30-х годов XIX столетия, когда родовитые грузины поставили целью отделение Грузии от Российской империи и образование самостоятельного грузинского царства. Характеризуя это национальное движение, И. В. Сталин писал в 1904 году: «Существовал, например, у нас так называемый дворянский «национальный вопрос», когда — после «присоединения Грузии к России» — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический «национализм»¹.

Заговор грузинских дворян был обнаружен, было начато расследование, многие из заподозренных были арестованы. Предварительное следствие давало материалы и относительно деятельности царевича Окропира. Он готовился при первых известиях о восстании выехать во Францию и действовать оттуда. Царизм не был склонен раздражать грузинских дворян и действовал умеренно. Хотя военный суд и приговорил 10 февраля 1834 г. несколько человек к четвертованию, но всем им это наказание было заменено другими мерами и не было применено даже лишение свободы. В административном порядке последовали высылки в различные города. Царевич Окропир был сослан в Кострому².

С новой силой среди оснований заключения в государственную тюрьму Шлиссельбурга выдвигалось и ранее встречавшееся указание на душевную болезнь заключенного или заподозренного в неблагонадежности. Так, например, 17 мая 1838 г. военный министр писал коменданту крепости: «За необыкновенно дерзостные поступки против начальства, правительства и даже вер-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 32.

² См. Г. В. Хачапуридзе, К истории Грузии первой половины XIX века, изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1950, стр. 411.

ховной власти прапорщика Юрковского, которого по таковым его поступкам нельзя признать в здравом рассудке, без явной опасности и в дом умалишенных поместить его невозможно», отправить в Шлиссельбургскую крепость и содержать секретно. Его дальнейшая судьба осталась нам неизвестной.

Сходный случай имел место и в 1843 году, когда бывший священник Николай Романов, «замеченный с 1827 г. в бродяжничестве, буйстве и сильным пьянстве, от которого впал в помешательство, признанный неизлечимым, требующий строгого за ним надзора», был заключен в Шлиссельбургскую крепость с приказанием «содержать по буйному его нраву отдельно».

Если душевная болезнь служила основанием для заточения в крепость, то заболевание там, по общему правилу, не изменяло участи заключенного. Мне попало на эту тему не лишнее интересное по своему содержанию и по форме сообщение крепостного штаб-лекаря коменданту крепости о болезни какого-то узника под № 6: «Арестант № 6 страждет родом падучей болезни, происшедшей, как видно по расспросу больного, и по печальной его физиологии от продолжительной печали, которому никакие лекарства, кроме спокойствия духа и развлечения по характеру, не нужны».

Нам не известно, чтобы душевная болезнь узника Шлиссельбургской крепости служила основанием для смягчения по отношению к нему режима заключения. Конечно, Секретный дом этой крепости не располагал никакими средствами лечения душевно и нервно заболевших. Для этого не было и медицинского персонала. Тюремной администрации была прислана из Петербурга смиренная рубашка для буйных больных. Вот все, чем располагало тюремное начальство, прекрасно учитывавшее, что его высшее начальство, заточавшее безумных в крепостные стены, ничего не требует от коменданта крепости для этих несчастных, кроме «смирительного камзола».

Однако эта же высшая администрация умела подходить к узникам крепости совсем иначе, когда этого требовали ее интересы, и в частности цели политического сыска. Привожу для характеристики этого следующий пример. В июле 1840 года в крепость был доставлен отставной губернский секретарь Жеребцов с указанием, что он препровожден в крепость на полгода. Через 4 месяца после его заключения шеф жандармов Бенкендорф сделал коменданту довольно гнусное предложение. Глава политического сыска высказывал предположение, что за истекшее долгое время заточения Жеребцов имел возможность обдумать свои поступки, которым предавался по «безрассудности своей». Дело в том, что Жеребцов обвинялся в разглашении за границей о

существовании в России политического заговора и его принадлежности к нему. Поэтому Бенкендорф рекомендовал коменданту крепости особый подход к Жеребцову, который, при его допросе в III отделении, может быть скрыл некоторые подробности. Шеф жандармов предписывал: «...в частных беседах с Жеребцовым стараться сблизиться с ним... употребить средства, как надежное орудие привести его в чувство раскаяния... и таким образом вызнать от него все действия его за границей... на счет составления заговора». Предписание заканчивалось указанием, что Жеребцов «увлекается ко лжи более по дурной привычке и сильному воображению, чем по испорченности сердца, и посему лишь через особенное внимание можно извлекать из речей его истину». Мы не знаем, каких успехов достиг комендант и удалось ли ему войти в доверие своего узника. Мы лишь знаем, что 23 января 1841 г. Жеребцов был выслан в Пермь¹.

В дальнейшем изложении мы отводим отдельные очерки тем из заключенных, которые представляют более значительный политический интерес.

§ 51. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО БРАТЬЕВ КРИТСКИХ

Сказать, что общество братьев Критских было тайной организацией молодежи, было бы неточно: возраст участников «злумышленного общества» был совсем молодым. Двое из участников организации были всего в возрасте 17 лет, а один даже 16 лет, четверо — 18, один — 19 и самому старшему из них было 24 года.

Не только по возрасту участников, но и по своему характеру это была организация юношей. Мечтая об истреблении царской семьи во главе с царем, они откладывали исполнение этого плана не менее чем на 10 лет. Конечно, к этому времени они успели бы подрасти. Но откладывали они исполнение этого, конечно, не в ожидании некоторыми из них своего совершеннолетия, а в расчетах, что к тому времени окрепнет и вырастет их организация. Однако они с гордостью показывали свое смертоносное оружие для убийства царя: то были турецкий ятаган, кинжал и охотничье ружье. Какой из этих видов оружия должен был быть пущен в дело, еще не было решено, но в их глазах все могло быть использовано. В кармане одного из них (Лушников) была

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Фонд коменданта Шлиссельбургской крепости, № 437. Журнал входящих секретных бумаг с 1811—1852 гг. с № 1 по 32.

найдена записка с нарисованной на ней пером печатью с громким девизом: «Вольность и смерть тирану».

Лушников предлагал написать прокламацию к жителям Москвы и положить ее на памятник Минина и Пожарского: такое место, как памятник национальным героям, по его мнению, увеличивало значение прокламации. Другой участник организации, канцелярист Алексей Шихмарев, в свое оправдание заявлял, что ему очень хотелось получить прибавку к своей фамилии «Верного», как это было сделано с фамилией предателя декабристов Шервуда. Он, Шихмарев, и вступил в организацию с целью выведать ее тайны. Прибавки к своей фамилии он не заработал, но от наказания был освобожден.

Следственная комиссия по делу Критских и других была учреждена в Москве в августе 1827 года. Еще не улеглось волнение в обществе, вызванное процессом декабристов. К делу было привлечено свыше полутора десятка человек, частью мелких служащих, частью студентов. На допросах они давали откровенные показания и некоторые из них сознавались в сочувствии декабристам, в осуждении суровой расправы с ними, в разговорах о необходимости для России конституции. Были в их среде разговоры и о «цареубийстве» и даже об истреблении всей царской фамилии, в том числе и малолетнего наследника — «змееныша». Не обошлось и без чтения так называемых пасквильных, т. е. противоправительственных, стихов:

Когда бы вместо фонаря,
Что светит тускло в непогоду,
Повесить деспота царя,
То заблестал бы луч свободы.

На всех привлеченных к дознанию в той или другой степени сказывалось влияние идей декабристов. Михаил Критский откровенно называл декабристов великими, а Петр Критский добавлял, что «любовь к независимости и отвращение к монархическому правлению были возбуждены в нем чтением творений Пушкина и Рыльева. Следствием этого было, что погибель декабристов родила в нем негодование и сожаление, возбуждив желание подражать им»¹.

Если сами члены тайного кружка признавали влияние на них процесса декабристов, то также расценивали дело и наиболее консервативные круги в Москве. Один из секретных агентов доносил шефу жандармов Бенкендорфу о толках в связи с арестами

¹ «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских», изд. Саблина, М., 1907, стр. 255.

по делу Критских: «Как-то и где будут этих бездельников наказывать? Я думаю,— сказал некто,— что их повесят, да и хорошо бы было; это послужило бы примером нынешним ученым. Вот вам просвещение. Если бы кончили воспитание Критских русскою грамотою да арифметикою и пошли бы они по той же дороге, по которой шел отец их, кондитер, то этого бы им в голову не пришло. Нет,— сказал другой,— я бы не стал их вешать; это слишком коротко; а сколько есть в Москве перекрестков, то на всяком давал бы им по несколько ударов розгами или плетью, чтоб подолее прожили и подолее помучились, а между тем и всякий бы то увидел»¹.

Мнение самого царя относительно постановки образования и пагубного его значения совпало с приведенным мнением «некоего лица» из Москвы. Царь приказал обратить особое внимание на пансион Горна, откуда вышли два-три участника кружка Критских, и если обнаружится неподходящее в преподавании, то закрыть этот пансион. Было отдано соответствующее приказание министра народного просвещения о наблюдении за преподаванием в университетах.

Следственная комиссия находила дело несущественным, полагала, что по недостатку фактов невозможно предавать суду привлеченных к дознанию, и предлагала вменить им в наказание содержание под стражей во время следствия. Но царь поступил более сурово. Он повелел заточить Попова и Тюрину в Шлиссельбургскую крепость, Лушников и Петра Критского — в Шварцгольмскую крепость, Михаила и Василия Критских — в Соловецкий монастырь. По словам Лемке, решено было исправить ошибку царя и не помещать обоих братьев Критских в тюрьму Соловецкого монастыря вместе. Василия отвезли из Соловков в Шлиссельбургскую крепость, а Попова поместили на его место в Соловки.

Василий Критский, переведенный в Шлиссельбургскую крепость, прожил здесь недолго и умер в каземате, как видно из архивного дела, 21 мая 1831 г. «от изнурительной лихорадки»².

О Данииле Тюрине известно, что после 11-летнего заточения в крепости, куда он вошел 19 лет, его перевели в 1839 году

¹ Лемке, Тайное общество братьев Критских, «Былое» 1906 г. № 6, стр. 43—44. Эта статья написана на основании архивных дел III отделения, 1 экз., 1827 г. № 269 и 1828 г. № 203. [Из последних работ: Л. И. Носонкина, К вопросу о революционном движении студенчества Московского университета (кружок студентов Критских), «Вестник Московского университета» 1953 г. № 4.—Ред. кол.].

² ЦГВИА в Москве, 1835. По канцелярии инспекторского департамента военного министерства.

на службу рядовым в кавказскую армию. В 1843 году он был переведен под надзор полиции в Коломну, в 1855 году переехал в Одессу и только в 1856 году был освобожден от полицейского надзора. За время заточения Тюрин в Шлиссельбургской крепости его сестра хлопотала о нем. В архивном деле III отделения имеется ее просьба, в которой она изложила гнусную историю: в расплату за обещание помочь освобождению арестованных представитель родовой княжеской фамилии Юсупов требовал от нее ее тела. В подкрепление своего заявления Тюрин просила допросить священника, которому тогда же все рассказала на исповеди. III отделение предпочло не давать этому заявлению Тюринной никакого движения, признав просительницу душевнобольной.

Как было указано, в Шварцгольмскую крепость были заточены Лушников и Петр Критский. Мне попало архивное дело об ужасном состоянии этой крепости как раз ко времени прибытия туда этих заключенных. Секретный дом существовал здесь с 1819 года, когда, по повелению Александра I, в нижнем этаже двухэтажного каменного здания три каземата были приспособлены для пребывания арестантов. На содержание Секретного дома ежегодно отпускалось 3700 руб., но ни одного арестанта до 10 апреля 1827 г. в Секретном доме не содержалось. Между тем это арестантское помещение пришло в состояние ветхости. Два каземата в нем были заложены кирпичами. Были также заложены кирпичами и два окна. От этого в помещении развелась страшная сырость и распространился удушливый запах гнили.

Комендант предлагал сделать два заложённых кирпичом каземата снова жилыми. 6 июля 1826 г. царь приказал сделать этот ремонт. Через год в бумаге от 10 апреля 1827 г. комендант вновь просил на ремонт 3443 руб., указывая, что на содержание дома израсходовано с 1819 года по 1 января 1827 г. 23 577 руб., не считая 7430 руб. расходов на приспособление дома под тюрьму, а ни одного арестанта гражданского ведомства в Секретный дом он не получил.

7 июня 1827 г. царь велел должность смотрителя Секретного дома сократить, команду расформировать, дом вернуть инженерному ведомству, а если понадобится караул для арестантов, то командировать команду¹.

В конце 1827 года комендант Шварцгольмской крепости, наконец, дождался арестантов. Он получил Лушников и Петра

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., № 46. «Шварцгольмский секретный замок».

Критского, а в марте 1828 года в крепости, кроме них, уже содержались еще трое — Киреев, Митьков и Громоницкий¹. По неизвестной причине Лушников и Критский были переведены отсюда 28 апреля 1828 г. в Выборгский шлосс, но и оттуда были вывезены в мае того же года в Кексгольмскую крепость, а через год из этой крепости переведены в Нейшлотскую крепость. Таким образом, они перебивали в нескольких финляндских крепостях.

О пребывании в крепостях Лушникова и Петра Критского в Центральном Государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) сохранилось специальное дело. В нем мы нашли письмо Лушникова на имя Николая I в виде исповеди. Оно интересно тем, что обрисовывает нравственную личность Лушникова. Он не только не оправдывался, не сваливал «вину» на кого-либо другого, но признавал себя инициатором всего дела. Отмечая свое политическое настроение в 1827 году, он писал: «В этом мрачном расположении чувств я узнал несчастных братьев Критских, исполненных возвышенной любви к отечеству, но еще чистых, испорченных от тех преступных замыслов, которые сожигали мою душу тайным пламенем. Сходство нравов, склонность к просвещению и любовь к добру всеобщему, хотя сначала различно нами понимаемому, скоро сблизили меня с ними; прошло несколько времени и я, к несчастью, успел своими стараниями, ревностью возмутить их неопытное сердце и заставить решиться, подобно мне, принести себя в жертву мнимой пользе общества и восстать против самого монарха»².

Под влиянием этого письма царь как будто бы склонился смягчить участь узников и приказал заменить заключение в крепости службой в пехотных полках. Но генерал Закревский, от которого зависело приведение в исполнение резолюции Николая I, указывая на пылкость страстей молодых осужденных, находил более удобным «повременить».

Это «повременить» свелось к 4 годам пребывания узников по-прежнему в Нейшлотской крепости. За эти 4 года Николай передумал и решил отправить Лушникова и Петра Критского вместо военной службы в рядах армии в заключение в арестантские роты, Лушникова — в Ревель, а Критского — в Финляндию, что и было выполнено в апреле 1834 года. На этом скитания и мытарства узников не закончились. Лушникову пришлось в виде

¹ ЦГВИА в Москве. По секретной части канцелярии дежурного генерала, 1828, № 29. «Об отпуске сумм на продовольствие содержащимся в Шварцгольмской крепости арестантам».

² ЦГВИА в Москве. По секретной части канцелярии дежурного генерала, 1834, № 46. «О Николае Лушникове и прочих» (л. 9).

наказания служить матросом во флоте, потом в Оренбургском батальоне солдатом, и только после этого он получил право поступить на гражданскую службу.

Что касается судьбы Михаила Критского и Николая Попова, заключенных в монастырскую тюрьму на Соловках, то мы знаем лишь о переводе Попова через 8 лет, в 1835 году, из Соловков в Мингрелию на службу рядовым.

Отметим тяжелую судьбу еще одного человека в связи с процессом братьев Критских. Я имею в виду солдата, который, зная Петра Критского, согласился передать от него из-под ареста при полицейском участке во время следствия записку к его матери. За передачу этой записки несчастный солдат был прогнан сквозь строй в тысячу человек четыре раза и сослан в Бобруйск. Четыре тысячи шпицрутеносов равнялось замаскированной смертной казни.

§ 52. УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ПО ДЕЛУ «О РАСПЕВАНИИ ПАСКВИЛЬНЫХ ПЕСЕН»

В список узников крепости 12 апреля 1835 г. было записано три новых заключенных: коллежский регистратор Уткин, титулярный советник Соколовский и отставной поручик Ибаев. За три недели перед тем их и еще нескольких молодых людей собрали из полицейских участков, где они находились под арестом, к председателю следственной комиссии. Тот объявил им, что за их преступление (за пение пасквильных песен) они подлежали бы по силе законов смертной казни или наказанию кнутом и ссылке на каторжные работы, но по милости царя они не предаются суду.

Царь повелел без суда заточить троих на неопределенный срок в Шлиссельбургскую крепость, а шестерых разослать по разным губерниям на житье и на службу. В числе этих шести оказались два человека, не распевавших «пасквильных песен», но заподозренных в политической неблагонадежности. Фамилии этих двух молодых людей впоследствии вошли в историю русского революционного движения. Это были два друга — Герцен и Огарев.

Версия о замене судебного разбора царским усмотрением, как об акте монаршей милости, была совершенной ложью. Из архивных материалов видно, что царское правительство просто не желало предавать гласности это дело. В случае судебного рассмотрения, говорится в одном из документов следствия, «пасквильные песни должны быть предъявлены судилищу... При

строжайшем соблюдении канцелярской тайны во время суда стихи сии более или менее должны огласиться между судьями и производителями дела к явному оскорблению нравственного чувства людей благонамеренных и соблазну легкомысленных, пройти в инстанциях и явиться в самих приговорах»¹.

Таким образом, боязнь, что революционные песни получат распространение из зала суда, была единственным основанием мнимой монаршей милости. Впрочем, милостивое заточение в Шлиссельбургскую крепость закончилось для молодого Уткина смертью в крепости уже через год и четыре месяца, а болезнь другого узника, Соколовского, в условиях тюремного заточения так развилась, что он был переведен в больницу; в 1839 году он умер в Ставрополе, куда его выслали.

Поставленные в вину песни не отличались глубиной революционного содержания. Но для начала политического дела этого и не требовалось. Достаточно того, что песни дерзко отзывались о членах царской фамилии. Их распевали довольно свободно на вечеринках, за выпивкой. Доносчик собрал у себя на угощение певцов, пригласил сюда же переодетых полицейских, которые прослушали «пасквильные песни» и тут же арестовали певцов.

Общее число привлеченных достигло 21 человека. Но следственная комиссия не нашла признаков преступной организации, так как вечеринки студентов и другой молодежи носили случайный характер.

Некоторые из привлеченных песен не пели. Огареву было поставлено в вину распевание «Марсельезы».

Председатель следственной комиссии предполагал назначить менее суровые кары, но царь решил иначе.

С условиями пребывания Герцена в московских местах заключения мы познакомимся в главе об общих уголовных тюрьмах.

Однако здесь же укажем, что обнаруженная переписка Герцена и Огарева выявила перед членами следственной комиссии политический облик Герцена. В одном из документов мы прочли следующие строки: «Служащий в Московской дворцовой конторе титулярный советник Александр Герцен, молодой человек, пылкого ума и хотя в пении песен не обнаруживается, но из переписки его с Огаревым видно, что он смелый вольнодумец, весьма опасный для общества»².

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1834, № 239, ч. 1. «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи».

² Там же.

§ 53. МИХАИЛ БАКУНИН В ЗАТОЧЕНИИ

Около шести лет провел в заточении Михаил Бакунин.

Бакунин попал в Петропавловскую крепость после приговора его к смертной казни судами двух зарубежных государств и после заточения в нескольких тюрьмах этих государств. В одной из этих тюрем он даже был прикован цепями к тюремной стене. Таким образом, о нем можно сказать, что он «видел всякие виды». Однако, когда во время его заключения в Дрезденскую тюрьму тюремная стража ночью вошла за ним в его одиночную камеру, он весь задрожал. У него явилась мысль, что саксонские власти собираются выдать его правительству Николая I. Бакунин говорил тогда: «Я готов к смерти, но не к выдаче», и успокоился лишь после заверения, что его переводят в тюрьму крепости Кенигштейн. Но Бакунина не миновала и выдача царскому правительству. Николай I принимал все меры, чтобы заполучить к себе этого дважды приговоренного к смерти революционера. Российский император, этот мировой жандарм, испытывал некоторый «конфуз», что его подданный восставал с оружием в руках против установленного государственного строя и против «властей придержащих». Сам Николай I распорядился заковать Бакунина в ручные и ножные кандалы при получении его от Австрии.

5 мая 1851 г. Бакунин, на котором австрийские кандалы были заменены российскими, был доставлен в Краков. Уже через шесть дней за ним замкнулись двери страшного Алексеевского рavelина. Не знаем, как пережил Бакунин этот момент, но Николай на докладе о заключении этого нового арестанта в рavelин начертал радостное слово, вырвавшееся у него со вздохом облегчения, — «Наконец!».

За этим словом «наконец» поползли для Бакунина один за другим шесть долгих лет заточения. Из них два года десять месяцев были проведены в Алексеевском рavelине и три года без недели в каземате Шлиссельбургской крепости.

Тюремщиками Бакунина были сначала Николай I, а затем его сын — Александр II. Сын получил Бакунина в наследство от отца вместе с его стывом об этом заключенном: «Он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти».

Не один раз оба императора отказывали в удовлетворении ходатайств об освобождении Бакунина, пока Александр II не уступил его мольбам. Царь написал резолюцию: «Другого для него исхода не вижу, как ссылку в Сибирь на поселение». Вероятно, Александр II скоро пожалел, что не выполнил заветов отца и раскрыл перед Бакуниным тюремные двери.

За шесть лет своего заключения Бакунин потерял здоровье, динга лишила его всех зубов, но он не стал «беззубым» в своей борьбе против царизма. Сосланный в Сибирь, он употребил всю энергию, чтобы самому раскрыть двери на свободу из дальней ссылки. Ему это удалось. Начав летом 1861 года осуществлять свой план побега из Сибири, он в декабре того же года обнимал в Лондоне других русских эмигрантов — Герцена и Огарева.

Бакунин купил свою свободу дорогой ценой унижения перед носителями верховной власти в России. Он об этом не сказал никому. Не сказано об этом и царское правительство.

Николай I, заполучив своего врага, скованного по рукам и по ногам, и запрятав его в тюрьму Алексеевского равелина, прислал к нему специального посланца в лице графа Орлова с предложением написать, «как духовный сын пишет к духовному отцу», свои показания о немецком и славянском движениях за границей, в которых он принимал участие. Бакунин выполнил волю царя, представив ему свою «Исповедь».

«Исповедь» написана в верноподданнических выражениях, автор и закончил ее словами: «Потеряв право назвать себя верноподданным вашего императорского величества, подписываюсь от искреннего сердца — кающийся грешник Михаил Бакунин».

Напомню, что Николай I, как искусный сыщик, обольстил некоторых декабристов своей лживой ролью царя-реформатора, готового дать счастье русскому народу. Мы уже знаем, что царь-следователь, слушая исполненные горячей любви к родине слова Рылеева и Каховского, умел вызвать даже и слезы на свои глаза. Так и в деле Бакунина он предложил своему плененному врагу увидеть в императоре своего «духовного отца» и высказаться перед ним, «как сын его». Николай I сознательно играл ту же самую роль, которую с таким успехом сыграл за 25 лет перед тем в деле декабристов. Но психология Бакунина совсем не была похожа на настроение декабристов. Он был очень далек от искренности декабристов. Как и сам император, он так же выступил в роли актера и начал искусное соперничество с ним.

Царь являлся перед ним в роли отца, — и Бакунин предстал перед ним в роли сына. Он так и писал: «Стою перед вами, как блудный, отчуждившийся, развратившийся сын перед оскорбленным и гневным отцом».

Так была разыграна замечательная комедия, или, вернее, настоящая трагедия. Один из актеров был во дворце — всемогущий монарх, державший в своих руках жизнь, смерть и свободу всякого своего подданного. Другой актер играл свою роль в тем-

ном каземате Алексеевского равелина за маленьким столиком с пером в руках и с пронумерованными листами выданной ему бумаги. Главным действующим лицом оказался именно этот узник. Надо признать, что Бакунин сыграл роль великолепно. Он не стеснялся в выборе самых резких слов для осуждения самого себя. Он называл себя великим преступником, не заслуживающим помилования. Он писал царю: «Государь! В этой «Исповеди» я не скрыл от вас ничего, ни одного греха, ни одного преступления; я обнажил перед вами всю душу, вы видели мои заблуждения, видели, как я впадал из безумья в безумье, из ошибки в грех, из греха в преступление...».

По словам Бакунина, он обнажил перед царем всю свою душу. Но царь больше хотел не этого, а выдачи политических врагов царизма за границей. На это Бакунин не пошел. Он прямо заявил в своей «Исповеди»: «Молю вас, государь, не требуйте от меня, чтобы я вам исповедывал чужие грехи. Ведь на духу никто не открывает грехи других, только свои». Конечно, эти слова не понравились царю. Он подчеркнул их и сделал на полях надпись, что оговорка Бакунина «уничтожает всякое доверие; ежели он чувствует всю тяжесть своих грехов, то одна чистая полная исповедь, а не условная, может почтиться исповедью».

Однако общее впечатление от «Исповеди» Бакунина получилось у царя благоприятное. Напоминаем отзыв Николая о Бакунине, как об «умном и хорошем малом». Если ясно, что у императора были все основания разглядеть в «Исповеди» ум Бакунина, то остается тайной, что заставило царя признать Бакунина «хорошим малым».

Бакунин писал и о политическом внутреннем состоянии России, о тяжелом положении крестьянства, о возраставших в России воровстве, неправде и притеснении, о развращенной администрации и о том, что в России «главный двигатель — страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души». Все это придавало письму Бакунина характер искренности. Придавали ему этот характер и сказанные кстати слова Бакунина об объединении славян и о его личном отношении к немцам, которые ему так опротивели, что ни с одним не мог говорить равнодушно (Николай подчеркнул эти последние слова, написав на полях: «Пора было»).

Не будем останавливаться подробнее на «Исповеди» Бакунина. На этом документе стоят написанные Николаем I и обращенные к наследнику престола слова: «Стоит тебе прочесть, весьма любопытно и поучительно». Не приходится оспаривать, что «Исповедь» является «любопытным» документом. Она

богата фактическим и психологическим материалом. Она должна была быть особенно любопытна для носителей верховной власти в России, знакомя их со страничкой политической борьбы и революционного движения за пределами нашей страны, борьбы, затрагивавшей интересы и ее самодержавного правительства. Однако неясно, в чем именно видел Николай «поучительность» «Исповеди» Бакунина. Неизвестно, какой практический вывод сделал из нее монарх, кроме решения держать взаперти этого опасного человека.

Я хочу сказать несколько слов о моем предположительном объяснении написания Бакуниным его позорной «Исповеди». Бакунин своей «Исповедью» хотел добиться свободы в надежде продолжить борьбу. Ему была страшна тюрьма потому, что она обрекла его на бездеятельность. Об этом он писал еще после приговора его к смертной казни 14 января 1850 г. в Саксонии, когда до него дошли слухи о возможности замены казни пожизненным заключением. В письме к своему другу (Рейхелю) он высказывал желание умереть, но не быть заживо погребенным. Он находил, что одиночное заключение — «пенсильванская система» — самая возмутительная моральная пытка и могла быть придумана только протестантами». Когда Бакунин писал эти строки своему другу, он был искренен. И, конечно, он был не менее искренен, повторяя эту же мысль в письме к Николаю: «Молю же вас, государь! Если по законам возможно и если просьба преступника может тронуть сердце вашего императорского величества, государь, не велите мне гнить в вечно крепостном заключении. Не наказывайте меня за немецкие грехи немецким наказанием. Пусть кааторжная работа самая тяжкая будет моим жребием, я приму ее с благодарностью, как милость, чем тяжелее работа, тем легче я в ней позабудусь. В уединенном же заключении все помнишь и помнишь без пользы; и мысль, и память становятся невыразимым мученьем, и живешь долго, живешь против воли и, никогда не умирая, всякий день умираешь в бездействии и в тоске!».

Трудно подобрать более сильные слова, чем употребленные Бакуниным для выражения тяжести страдания одиночного заключения. Николай I остался непреклонным.

Бакунин заканчивал свою «Исповедь» просьбой разрешить ему свидание с родными. Такие разрешения были в истории Петропавловской крепости редкими исключениями, но Бакунину было позволено свидеться с его 84-летним отцом. Вместо больного старика было допущено свидание с братом. Оно состоялось менее чем через полгода после заключения Бакунина в крепость. В следующем году произошло свидание с сестрой, а в январе 1854 года, за два месяца до перевода в Шлиссельбургскую кре-

пость, Бакунин получил третье свидание одновременно с братом и сестрой. Кроме свиданий, была разрешена и переписка. Известно, что она проходила через руки самого царя Николая I и что Бакунин заранее учел эту царскую цензуру. Но стало также известным, что Бакунин, рискуя положением сестры и брата, сумел секретно передать им на свиданиях свои записки, имеющие большой интерес.

Второе письмо Бакунина к родным из Алексеевского равелина не было отправлено по назначению ввиду того, что оно превышало допущенные размеры и достигало величины печатного листа. В нем автор выставляет себя переродившимся и договаривается до одобрения телесных наказаний, до советов сесть крепостных крестьян. Конечно, не эти ретроградные высказывания Бакунина помешали отправлению письма по назначению. Вероятно, этому помешали вставленные на французском языке фразы о тюремном одиночном заключении. Он сравнивал свою жизнь в заточении с жизнью «курильщика опиума, вечный сон, иногда дурной сон в духе Гофмана». Он сообщал об однообразии своего существования, об отказе исполнить советы отца заниматься переводами с иностранного языка, так как потерял любовь к деятельности и проводит время за курением сигареток, чтением романов и рассказывает сам себе сказки. Отмечая огромное значение переписки с родными, Бакунин и здесь подчеркивает свой интерес лишь к семейной жизни и просит позволить «по-прежнему предаваться своим фантастическим мечтам и сосредоточить то, что во мне осталось от жизни, способностей и действительности, на Вас и на Вашем семейном благополучии...».

Не спасли положение Бакунина его письма, восхваление им всего тюремного начальства и условий его заточения. Сравнивая пребывание в заграничных тюрьмах с тюремной жизнью в равелине, Бакунин писал: «Нигде я не встречал такого гуманного обращения, такой деликатной доброты. Я решительно ни в чем не нуждаюсь; я живу здесь как бы в семейной обстановке».

В своих письмах Бакунин не только восхвалял тюремную администрацию, но часто высказывал резкое осуждение заграничных порядков и похвалу отечественным, не останавливаясь перед комплиментами носителям верховной власти. Взяв на себя роль «кающегося грешника», он упорно продолжал выступать в этой роли. Но насколько она была далека от истинного настроения узника, показали его письма, секретно переданные родным при свидании с ними в крепости. В них автор не только не восхваляет тюремного режима, но пишет о настоящем ужасе переживаний в одиночке, в оторванности от политической деятельности.

Так, Бакунин писал в этих секретных записках: «Ах, мои дорогие друзья, поверьте, всякая смерть лучше этого одиночного заключения, столь восхваляемого американскими филантропами!». Его более всего страшит опасность утери умственных способностей: «Заприте самого великого гения в такую изолированную тюрьму, как моя, и через несколько лет вы увидите, что сам Наполеон отупеет, а сам Иисус Христос озлобится... Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе во всякую минуту дня и ночи: я раб, я уничтожен, сделан бессильным к жизни; слышать даже в своей камере отголоски назревающей великой борьбы, в которой решаются самые важные мировые вопросы, — и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым». Он говорит о тяжести своих переживаний в тюрьме от сознания невозможности служить своим идеям: «Чувствовать себя полным самоотвержения, способным ко всяким жертвам и даже к героизму для служения тысячекрат святому делу — и видеть, как все эти порывы разбиваются о четыре голые стены, единственных моих свидетелей, единственных моих поверенных! Вот моя жизнь!».

Но тюрьма оказалась бессильной изменить убеждения узника, и следующие слова подтверждают, что его «Исповедь» и другие его слова в письмах, проходивших через руки жандармов, были лишь притворством, что он был лишь искусным актером: «Вы не знаете, насколько надежда стойка в сердце человека. Какая? — спросите вы меня. Надежда снова начать то, что привело меня сюда, только с большей мудростью и с большей предусмотрительностью, быть может, ибо тюрьма, по крайней мере, тем была хороша для меня, что она дала мне досуг и привычку к размышлению. Она, так сказать, укрепила мой разум, но она несколько не изменила моих прежних убеждений, напротив, она сделала их более пламенными, более решительными, более безусловными, чем прежде, и отныне все, что остается мне в жизни, сводится к одному слову: свобода».

Для правильной оценки тюремного режима Бакунина следует иметь в виду ряд послаблений, далеко не свойственных обычным условиям заточения в Алексеевском равелине. Так, например, ему были переданы присланные родными халат на беличьем меху, сапоги и панталоны и не раз пересылались книги, в том числе в 1852 году отдельные номера за этот год журналов «Отечественные записки», «Москвитянин», «Библиотека для чтения». От тюремной администрации он получал французские и немецкие романы, научную литературу (по математике, физике и геологии), газету «Русский инвалид». 12 марта 1854 г. Бакунин был переведен из Алексеевского равелина в Шлиссельбургскую кре-

пость с предписанием коменданту предоставить заключенному лучшую камеру, но со строгим наказом: «Так как Бакунин есть один из важнейших арестантов, то соблюдать в отношении к нему всевозможную осторожность, иметь за ним бдительнейшее и строжайшее наблюдение, содержать его совершенно отдельно, не допускать к нему никого из посторонних и удалять от него известия обо всем, что происходит вне его помещения, так, чтобы самая бытность его в замке была сохраняема в величайшей тайне».

Из этого предписания труднее всего было для коменданта предоставить новому арестанту «лучшую камеру». Все камеры были так скверны, что признать какую-либо из них «лучшею» было прямо невозможно. Но было очень легко выполнить приказ содержать Бакунина, как «важнейшего арестанта», иметь за ним «бдительнейшее и строжайшее» наблюдение, изолировать его от внешнего мира, говоря иначе, заживо похоронить его в Шлиссельбургской крепости, в этом склепе живых покойников. В этом отношении у коменданта крепости был большой опыт. Однако следует признать, что по распоряжению самого правительства были допущены различные отступления от обычного режима, установленного в Шлиссельбургской крепости. Мы уже говорили о нескольких свиданиях Бакунина с родными за время его пребывания в Алексеевском равелине. Тем более явились исключительными в истории Шлиссельбургской крепости разрешения ближайшим родным Бакунина навещать его в крепости. За три года заточения Бакунина в Шлиссельбурге было дано четыре разрешения на свидание с членами его семьи. При этом каждое из этих разрешений предусматривало не однократные свидания, а многократные. Так, например, в 1854 году мать и брат Бакунина прожили в крепости несколько дней и пять дней виделись с заключенным в присутствии коменданта и в квартире последнего. В 1856 году родные Бакунина трижды приезжали в крепость, в том числе на срок даже более недели.

За время пребывания Бакунина в Шлиссельбургской крепости продолжалась переписка с родными, начатая еще в его бытность узником Алексеевского равелина. Свидания и переписка не удовлетворяли Бакунина. Был страх за сохранение здравого рассудка. Впоследствии он писал: «Страшная вещь — пожизненное заключение, — влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса. Каждый день говорить себе: «сегодня я поглупел, а завтра буду еще глупее». Для поддержания своих духовных сил он подбадривал себя повторением в своей одиночной камере легенды о Прометее, прикованном к скале по воле Зевса.

Не только моральные, но и материальные условия заточения Бакунина переносились им тяжело. Недостаточное и неправильное питание привело к сильнейшему заболеванию цынгой. В результате заболевания Бакунин потерял все зубы и мог питаться лишь одними щами.

По просьбе Бакунина его родные возбуждали ходатайства об его помиловании. После начала войны Франции и Англии с Россией четыре брата Бакунина вступили в ряды добровольцев, и мать заключенного просила царя о разрешении сыну также принять участие в войне добровольцем. Все эти просьбы отклонялись.

В феврале 1857 года Бакунин получил разрешение подать просьбу Александру II о прощении. Она была передана царю 16 февраля через III отделение.

«Всепоподданнейшее прошение» напоминает своим содержанием «Исповедь»: оно исполнено лести и написано в тоне глубочайшего раскаяния. Я воспроизвожу из него строки, имеющие прямое отношение к истории царской тюрьмы и несомненно отличавшиеся искренностью и правдивостью на общем фоне лести и низкопоклонства.

Бакунин писал: «Государь! Одинокое заключение есть самое ужасное наказание; без надежды оно было бы хуже смерти: это смерть при жизни, сознательное, медленное и ежедневно ощущаемое разрушение всех телесных, нравственных и умственных сил человека; чувствуешь, как каждый день более дервенеешь, дряхлеешь, глупеешь, и сто раз в день призываешь смерть как спасение».

На этот раз просьба Бакунина об освобождении из крепости была удовлетворена: одиночное заключение было заменено ссылкой в Сибирь на поселение. Он мог приступить к осуществлению плана побега из Сибири за границу. Для этого ему приходилось преодолевать те влияния, которые произвела на его психику тюрьма и на которые он жаловался в своем письме матери из Омска. Он писал тогда, что за восемь лет пребывания в иностранных и русских тюрьмах он отвык «от всякого самостоятельного существования».

История одиночного заключения, — в частности история заточения в Шлиссельбургскую крепость, — знает примеры, когда вышедшие на свободу люди настолько сильно чувствовали себя отвыкшими от самостоятельного существования и отставшими от политической борьбы, что кончали жизнь самоубийством. Бакунину удалось преодолеть такое влияние тюрьмы. Эмигрировав за границу, он развернул там политическую борьбу, однако повел ее во вред рабочему классу.

§ 54. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

В царских крепостях и тюрьмах было загублено не только много жизней, но и много талантов. Одним из таких загубленных талантов, который при других условиях может быть увековечен бы свое имя в области подводного судоходства, был узник сначала Петропавловской, потом Шлиссельбургской крепости, некто Черновский. Неизвестно, за что и когда его заключили в Петропавловскую крепость. Мы знаем о нем только, что он был минский помещик.

Его имя встретилось нам впервые в 1829 году в деле Центрального военно-исторического архива, под таким оригинальным названием: «Дело по просьбе содержащегося в С.-Петербургской крепости минского дворянина Черновского об испытании изобретенного им подводного судна».

Идея сооружения подводной лодки была в те годы новой не только для России, но и для заграницы. В начале XIX века эта идея встречала большое внимание к себе лишь во Франции, где производились даже и опыты с изобретенными подводными лодками. Но для России это было совсем новое дело, и Черновский был едва ли не первым, кто заинтересовался вопросом о сооружении подводного судна.

Несомненно, мысль об изобретении подводной лодки зародилась у Черновского не в крепости, а на свободе: он уже до крепости был знаком в той или иной степени с этим вопросом. Условия одиночного заключения оборвали работу изобретателя и привели его, как мы увидим, к попытке кончить жизнь самоубийством.

Начав работать над изобретением подводной лодки еще в 1825 году, Черновский в 1829 году, уже будучи узником Петербургской крепости, написал письмо царю. Он предложил сделать в довольно короткий срок такое подводное судно, которое было бы пригодно как для военных целей, так и для промышленных и научных. Он указывал на возможность использования его подводной лодки для взрыва неприятельских кораблей, для тайных высадок десантов на территории других стран, на собирание с морского дна жемчуга, морских трав и пр. Автор письма не просит себе ни свободы, ни денег. Он, охваченный творческой идеей, мечтал только о ее воплощении в практическое дело.

Так поступило к царю это безумно смелое для того времени предложение — овладеть простором океанских глубин, поступило

от человека, запертого под замок на пространстве нескольких квадратных аршин одиночной камеры. Черновскому было предложено представить письменное изложение своего проекта. Он изложил его подробно на 32 листах.

Ознакомление с подробностями проекта выходит за пределы нашей задачи: нас интересует не проект сам по себе, а тюремная трагедия его автора как страничка истории царской тюрьмы. Скажем только, что проект не был бредом человека, сошедшего с ума в одиночной камере Петропавловской крепости. Объяснительная записка Черновского была передана на заключение генералу корпуса инженеров путей сообщения Базену. Сделав ряд критических замечаний, Базен, по-видимому, не зная, что автором проекта является заключенный в крепости, закончил свой отзыв такими словами: «Впрочем, я не могу не признаться, что хотя описанная в записке подводная лодка не удовлетворяет всем желаемым условиям, однако изобретение ее делает честь сочинителю, и должно полагать, что его усердие и практические знания могли бы быть полезны при дальнейших исследованиях и производстве решительных опытов для введения и усовершенствования подводного судоходства в Российской империи»¹. Добавлю, что Базен был образованный инженер.

Казалось бы, что лестное мнение Базена о неизвестном ему авторе проекта обязывало правительство дать этому автору возможность дальнейшей работы в интересах государства. Но царское правительство отнюдь не было расположено менять условия заточения узника-изобретателя. Наоборот, он был поставлен в еще более тяжелые условия, так как в том же, 1829, году, 4 октября, по неизвестной причине его перевели из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую.

Прошло десять месяцев. Их можно вычеркнуть не только из жизни Черновского, но и из истории развития идеи подводного судоходства в России, так как комендант крепости отобрал от Черновского доставленные при узнике чертежи и записки, в точности соблюдая правила крепости, запрещавшие давать заключенным бумагу и возможность работы. Наконец, из Петербурга пришел запрос с предложением Черновскому представить свои возражения на критические замечания Базена. Сообщая 30 августа 1830 г. о согласии Черновского дать пояснения по

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд канцелярии дежурного генерала, 1829, № 60. «Дело по просьбе содержащегося в Петербургской крепости минского дворянина Черновского об испытании изобретенного им подводного судна» (л. 19). Часть материалов этого дела опубликована М. М. Семинным с моей вступительной статьей в «Красном архиве» (1941 г. № 1, стр. 249—257) и в моей статье «История одного изобретения» («Известия» 23 июня 1940 г.).

поводу замечаний Базена, комендант просил разрешения снабдить заключенного бумагой и чертежными принадлежностями. Разрешение было дано.

Но узника-изобретателя постигла общая участь всех заключенных в Шлиссельбургской крепости: забыли его самого, забыли и его проекты. Шли месяцы за месяцами. Закончился 1830 год, прошел и весь следующий, прошло еще четыре месяца, и только 11 мая 1832 г. военный министр запросил, в каком положении находится работа Черновского. Комендант ответил сухой канцелярской отпиской, из которой, однако, нетрудно разглядеть, какую трагедию узника-изобретателя прикрывала официальная канцелярщина. Комендант сообщал, что заключенный принялся за работу сначала охотно, но, сделав 12 черновых планов, «показал себя не так прилежным и становился задумчивым, наконец, июля 5 дня прошлого года (1831) сделал покушение на свою жизнь». Он нанес себе перочинным ножом рану в шею и принужден был девять месяцев пролежать в кровати. По словам коменданта, заключенный сам просил убрать от него чертежные принадлежности.

Но были отобраны и бумаги, возвращенные заключенному после упомянутого майского запроса из Петербурга. Без чертежных принадлежностей работа была совершенно невозможна: комендант крепости запросил Николая I, можно ли дать их Черновскому. Царь не порадовал своим ответом ни узника, ни самого коменданта: он предоставил коменданту такое снабжение Черновского чертежными принадлежностями, но за полной ответственностью самого коменданта. Нет ничего удивительного, что комендант нашел для себя более спокойным и удобным не давать их узнику.

При таких условиях было трудно работать над проектом. У заключенного не было ни книг, ни инструментов, ни возможности обменяться с кем-нибудь мыслями, с кем-либо проконсультироваться. Его по-прежнему давили крепостные стены, с той разницей, что вместо одной крепости он физически и психически погибал в другой. Его блестящий проект не обеспечил ему ни на секунду проблеска в темноте, окутывавшей его в одиночной камере. Ему не подали на малейшей надежды на улучшение его положения.

В сентябре 1832 года военный министр вновь запрашивал коменданта крепости о работе Черновского. Комендант отвечал, что инструментов он заключенному не дал, но убеждал его работать. Однако заключенный работает с большой леностью, жалуюсь на свое болезненное состояние. Он начертил лишь план,

сопроводив его описанием. Что же касается ответа на критические замечания Базена, то Черновский его не дает, по словам коменданта, «из упрямства или не надеясь на свои способности».

Из этого ответа коменданта видно, что огонь вдохновения, которым горел изобретатель, был уже потушен условиями заточения. Нет прежнего Черновского. Вместо энергии его охватила обычная тюремная апатия.

Новый отзыв прежнего эксперта, Базена, о плане и объяснительной записке Черновского был очень подробным и обстоятельным. Это снова говорит о том, что проект о подводном судне не был плодом одной фантазии, а заслуживал критического рассмотрения эксперта-инженера. Общее заключение Базена было на этот раз менее благоприятно, так как уже не содержало прежнего решительного указания на необходимость использовать способности автора в деле подводного судостроения. Может быть, Базен учитывал, что его совет использовать эти способности автора проекта, данный им за три года перед тем, совсем не был принят во внимание. Во всяком случае, эксперт отметил: «Нельзя не признать, что сочинитель имеет много воображения и даже сведений, приобретенных им практикою или чтением книг, но что его проект служит новым доказательством, что воображение, не управляемое основательными познаниями в науках, не в состоянии произвести полезного изобретения».

В архивном деле, обнаруженном в Ленинградском филиале военно-исторического архива, нам попались строки, из которых мы узнали, что Черновский был отправлен из Шлиссельбургской крепости на далекий север — в Архангельскую губернию¹. Дальнейшая судьба русского изобретателя подводной лодки неизвестна. На нем снова повторилось обычное отношение царского правительства к тем русским людям, которые выступали со смелыми проектами, способными двинуть вперед русскую науку, русскую промышленность. Царская бюрократия была глуха к смелым речам новаторов. Она осталась глуха даже тогда, когда слышала слова одобрения ученого специалиста и его советы о продлении научного изыскания автора проекта о подводном судне, его производстве надлежащих опытов. Сам царь предпочитал держать за крепкими замками автора проекта, нежели открыть перед ним возможность научно обосновать свое смелое предположение. Так, в данном случае император Николай I одновременно душил узника-изобретателя и прогресс русской науки.

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Фонд коменданта Шлиссельбургской крепости № 437, дело № 19. Журнал входящих секретных бумаг за 1834 год.

§ 55. ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ (ЛУКАСИНСКИЙ)

За время существования Шлиссельбургской крепости не было ни одного узника, который по продолжительности пребывания в этой твердыне самодержавия мог бы сравниться с Лукасинским. В морозный день 24 декабря 1830 г. к воротам крепости жандармы привезли Лукасинского. Эти ворота закрылись и никогда уже более перед ним не открывались. В морозный день зимы 1868 года железная лопата и лом глубоко долбили промерзшую землю Шлиссельбургского острова: рыли могилу для умершего в стенах этой крепости Лукасинского. Он провел здесь более 37 лет. За эту треть XIX века один комендант крепости сменял другого, сменялись чины крепостной администрации и сторожа секретной тюрьмы, сменилось много десятков секретных арестантов, а Лукасинский оставался бессменной жертвой царского правительства.

История его пребывания здесь началась с получения комендантом такого приказа от 21 декабря 1830 г.: «Предписано имеющего быть присланного государственного преступника Царства Польского содержать самым тайным образом, так, чтобы кроме Вас никто не знал даже его имени и откуда привезен»¹.

Первый год пребывания Лукасинского в Шлиссельбургской крепости не был первым годом его заточения в царских тюрьмах: оно началось с октября 1822 года, т. е. за 8 лет до перевода его в Шлиссельбург. За организацию патриотического польского общества для борьбы с российским царизмом он был заточен в новую политическую тюрьму в бывшем кармелитском монастыре в Лешне. Ему было тогда 36 лет. После двух лет следствия и предварительного заключения он в октябре 1824 года был выведен из тюрьмы не для освобождения, а для исполнения над ним публично приговора военного суда. Его выставили на площади первым в ряду осужденных. Кругом стояли войска и народ. Главный палач, высокий широкоплечий мужчина, весь в черном, срывал, начиная с Лукасинского, погоны и знаки отличия, а потом мундиры с заключенных. Обрив им головы и заковав в кандалы, их заставили каждого везти ручные тачки вдоль всего фронта войск, поставленных четырехугольником. Под оглушительный барабанный бой Лукасинский, путаясь в ножных кандалах, весом 22 фунта, в арестантском халате, вез впереди

¹ ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской крепости, 1830, № 1. «Дело об арестантах Лукасинском и Жубе».

всех свою тачку. Он шел, гордо подняв голову. Прямо с лошади его отвезли в крепость Замостье, где его содержали в течение 7 лет.

За попытку организации восстания в крепости он был приговорен к смертной казни. Наместник Варшавы, брат царя Константин, заменил казнь Лукасинскому и другому осужденному телесным наказанием. По словам биографа Лукасинского, телесному наказанию был подвергнут лишь второй арестант: в 1825 году в присутствии Лукасинского он получил 400 ударов палками. Но в архивном деле есть утверждение коменданта крепости и шефа жандармов, что телесному наказанию подвергся и сам Лукасинский¹. Срок нахождения в крепостных работах ему был удвоен, т. е. доведен до 14 лет. Хотя он и дал обширные показания, но был переведен в крепость Гуру. Переведенный затем для заключения в казармы Волинского полка в Варшаве, он содержался в глубочайшей тайне в маленькой полутемной конуре, во втором этаже, с окном, забитым с боков и сверху досками так, что свет проникал в камеру через небольшое отверстие. Отступавший из Варшавы русский полк увел его с собой.

«Последний раз Лукасинского видели во Владове. В жалкой сермяге, с бородой по пояс, он шел пешком на веревке под конным конвоем, с обнаженными саблями. Его вели таким способом до Белостока, откуда он был передан в Бобруйскую крепость». Отсюда, по повелению Николая I, он был перевезен в Шлиссельбургскую крепость².

Повеление Николая содержать Лукасинского в Шлиссельбургской крепости «самым тайным образом» было выполнено в точности. Он был заключен отдельно от всех прочих узников в нижний подземный этаж Светличной башни, довольно обширный подвал, но «очень низкий, придавленный гранитными сводами, на утрамбованной голой земле, мрачный, холодный, погруженный в молчание, как кладбище». В официальных документах мне не попадалось указание, где именно был заточен Лукасинский в период с 1830 по 1861 год. Но имеются два подтверждения правильности сообщения биографа Лукасинского, Шимона Аскенази, о содержании узника совершенно отдельно от прочих заключенных. Одним из таких подтверждений являет-

ся ходатайство о переводе Лукасинского в виде облегчения в 1862 году в нижний этаж казематов. Другим подтверждением служит прямое указание Бакунина, содержавшегося в Шлиссельбургской крепости с 1854 по 1857 год. Он увидел во время прогулки неизвестного ему сгорбленного старика с длинной бородой под охраной особого офицера, не позволявшего приближаться к узнику.

Бакунин узнал от расположенного к нему другого офицера фамилию узника: это был Лукасинский. Он ходил медленным размеренным шагом. Через несколько недель Лукасинский был выведен на прогулку под охраной того самого офицера, который назвал Бакунину фамилию этого заключенного. По заранее сделанному сговору с офицером Бакунин подошел к Лукасинскому и тихо назвал его фамилию. Тот вздрогнул всем телом и спросил: «Кто?» Бакунин ответил: «Заключенный в этом году». Лукасинский задал три вопроса: «Который теперь год? Кто в Польше? Что в Польше?» Бакунин ответил ему, и старик пошел в другую сторону с опущенной головой. После этого Бакунин более не видел Лукасинского. От офицера он слышал, что Лукасинский после разговора с ним был беспокоен и бредил несколько дней. Офицер объяснил особые условия содержания этого узника.

Первые по времени архивные сведения более подробного характера о Лукасинском встретились мне в деле 1850 года. До этого же года его фамилия встречалась в каждом ежемесячном списке заключенных Шлиссельбургской крепости, представлявшемся комендантом царю. Таким образом, на глаза царю фамилия Лукасинского до 1850 года попадалась 240 раз, если он только эти списки заключенных прочитывал. У него никогда не возникало желания отпустить этого узника. Когда в 1850 году по случаю предстоявшего юбилейного празднования 25-летия царствования Николая I возник вопрос об амнистии, были составлены списки политических заключенных. В списки попало и имя Лукасинского с подробной выпиской о его прошлом. Комендант крепости высказал мнение, что Лукасинский по долговременности его заключения и хорошему поведению заслуживает облегчения участи. Шеф жандармов написал против этого мнения только одно слово: «Нет». После этого Николай, а затем и преемник его Александр II еще 204 раза могли видеть фамилию Лукасинского в ежемесячных списках заключенных Шлиссельбургской крепости. Так было до 27 февраля 1868 г., когда фамилия Лукасинского перестала упоминаться в списках ввиду его смерти.

Однако в положении Лукасинского за 6 лет до его смерти наступило облегчение. Комендант Лепарский, как говорилось

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1850, № 185, ч. 7. «О милостях по случаю 25-летия царствования Николая Павловича».

² См. Л. Я. Круковская. Шлиссельбургский узник Валериан Лукасинский по книге проф. Шимона Аскенази «Лукасинский», П., 1920, стр. 53, 62 (Szumon Askenazy, Lykasinski, Warszawa, 1908, I и II).

выше, племянник того Лепарского, которому была вверена охрана декабристов в Сибири, добился вывода Лукасинского из Светличной башни; 25 февраля 1862 г. он был помещен в комнате нижнего этажа каземата¹. Биограф Лукасинского отмечает, что Лепарский подчеркнул в своем ходатайстве 75-летний возраст Лукасинского, пребывание его в крепости более 31 года, дряхлость, слабость, потерю слуха, наличие каменной болезни.

Перевод узника в новое помещение рассматривался как его освобождение, и его иногда именовали «бывшим арестантом». Он получил право передвижения по крепости в сопровождении караула. В камере он мог писать, читать, иногда даже и газеты, а Лепарский принимал его у себя в доме. Аскенази привел в своей книге письма Лукасинского к Лепарскому и использовал записки Лукасинского, которые последний начал писать в Шлиссельбургской крепости. В этих записках иногда заметно помрачение рассудка, что и неудивительно. Аскенази правильно выявляет душевное потрясение узника:

«Единственный в своем роде психический процесс происходил в человеке, который как бы вставал из гроба после сорока лет и на ум и сердце которого нахлынула слишком сильная волна фактов и впечатлений, глубоко потрясающих его мысль и чувство. Такая внезапная и обильная событиями и переживаниями волна, обрушившаяся на бедный, высохший, испепеленный от мучений мозг, заставила его, правда, произвольно зажечься лихорадочной жизнью, но вместе с тем и проявить свои изъязны, тут и началось помешательство Лукасинского»².

Заимствуем дальнейшие сведения у Аскенази: «В июне 1865 г. Лукасинский перенес первый апоплексический удар. Весной 1866 г., по свидетельству студента-медика Степут, который тогда мимоходом видел в Шлиссельбурге Лукасинского, он еще был на ногах, говорил на смешанном русско-польско-французском языке и не терял надежды на получение свободы. С 1867 г. нет никакого живого следа о Лукасинском. Ходатайства о свидании с ним, возбужденные у властей поручиком Эдуардом Рашевским от имени оставшейся семьи, встретили отказ. Кажется в это самое время он совершенно потерял сознание».

27 февраля 1868 г. Лукасинский умер. Его тело зарыли на территории крепости. Шлиссельбург был для него при жизни могилой с лишним 37 лет, Шлиссельбург же укрыл его навсегда.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской крепости, 1830, № 1. «Дело об арестантах Лукасинском и Жубе».

² Шимон Аскенази, Лукасинский, 1908, стр. 297.

§ 56. АГЕНТ III ОТДЕЛЕНИЯ РОМАН МЕДОКС

Шлиссельбургская крепость, как и Алексеевский рavelин, служила местом заточения, хотя и в редких случаях, также и для уголовных преступников и провинившихся агентов-провокаторов. Это всегда были очень крупные «дельцы», суд над которыми, даже негласный, представлялся для правительства невыгодным и нежелательным.

Среди таких заключенных Шлиссельбургской крепости, проведших в казематах Секретного дома очень продолжительные сроки, выделяется своей судьбой Роман Медокс, или, как он себя ложно именовал, адъютант Соковнин. На его долю выпало дважды войти в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости и пробыть в ней первый раз — с 3 июля 1813 г. до 1827 года, т. е. 14 лет, а во второй раз — с 4 августа 1834 г. до 1856 года, т. е. 22 года, а всего 36 лет. До заключения в эту крепость он короткое время провел в казематах Петропавловской крепости, куда впервые попал всего 18 лет отроду. Так определяют возраст Медокса он сам и документы III отделения, но определялся он и иначе, а именно: старше лет на шесть. Более правдоподобным считается, что Медокс родился в 1793 году.

В архивном деле преступление Медокса описано так: «В 1812 году, имея 17 лет от роду, назвался адъютантом генерала Балашева и отправился на Кавказ. Там собрал кавказское горское ополчение для содействия изгнанию французов из России, и когда план его приводился в исполнение, сам донес о своем предприятии императору Александру I»¹. Совершенно непонятно, почему в такой степени обрушился на этого юнца гнев Александра I. Биограф Медокса говорил о разных преступлениях, совершенных Медоксом при наборе ополчения, и, между прочим, о похищении 2 тыс. руб.². Но и эти преступления не были так велики, чтобы заточить молодого самозванца и афериста в самую суровую государственную тюрьму. Вероятно, он был забыт в Шлиссельбургской крепости. В самом деле, в 1826 году министерство внутренних дел само не знало причины заточения Медокса и запрашивало об этом коменданта крепости³. Вскоре после этого, в 1827 году, заключенный был

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., № 185, ч. 7. «О милостях по случаю 25-летия царствования Николая I» (черновые списки содержавшихся в Алексеевском рavelине и в Шлиссельбургской крепости в 1850 году).

² См. С. Я. Штрайх, Роман Медокс. Похождение русского авантюриста, М., 1930.

³ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., № 144.

освобожден и отправлен на службу рядовым в сибирские линейные батальоны.

В последний месяц своего пребывания в Шлиссельбургской крепости Медокс завязал сношения с привезенными туда в 1826 году декабристами. Двое из них, а именно Пестов и Юшневский, оказались его соседями по камере справа и слева. С ними он сносился посредством перестукивания. Он знал о заключении в крепость также декабристов братьев Бестужевых, Пушина, Дивова. Об этом он сам писал царю, предлагая свои услуги использовать его знакомство с декабристами для целей секретной информации о них. Это предложение пришлось по сердцу царю и Бенкендорфу. Новоявленному сыщику и шпиону была предоставлена возможность поездки к каторжанам-декабристам в их тюрьму на Петровском заводе. В официальной справке о Медоксе за этот период его жизни коротко сказано, что он донес из Иркутска в 1832 году о существовании тайной переписки декабристов с их родственниками в России. Для разъяснения этого будто бы и было повелено доставить Медокса в Петербург, но он с дороги бежал, был пойман и заключен снова в Шлиссельбургскую крепость.

В действительности дело обстояло не совсем так. Медокс допел не о тайной переписке, а о подготовке нового заговора друзьями декабристов в Москве. Для раскрытия этого заговора он, как агент III отделения, прибыл в Москву. Сведения, собранные им за время посещения в Петровском заводе каторжан-декабристов, совсем не относились к какому-нибудь заговору и носили невинный характер, рисуя условия жизни декабристов в ссылке. На таких сведениях Медоксу нельзя было заработать ничего. С. Я. Штрайх, автор обширной специальной монографии о Романе Медоксе, на основании архивных документов вполне доказал его провокаторскую деятельность с попыткой создать дело о новом заговоре декабристов. Авантюрист рассчитывал создать себе карьеру. Он обнаружил большой талант в искусном комбинировании имевшихся у него действительных сведений о самих декабристах и их знакомых с совершенно вымышленными фактами. Николай I, боявшийся повторения чего-либо похожего на дело декабристов, попался на удочку Медокса и был одурачен так же, как и шеф жандармов Бенкендорф. В наши задачи не входит знакомить читателей со всеми «подвигами» Медокса, сумевшего получить в счет будущих своих заслуг от III отделения значительные денежные средства.

Дело Медокса раскрывает перед нами страничку политического сыска и провокации в 30-х годах XIX века. В грязной сделке между царем и Бенкендорфом, с одной стороны, и Медок-

сом — с другой, проигравшей и обманутой стороной оказались всероссийский самодержец и «всемогущий» Бенкендорф. Не затраченных государственных средств на обманщика было им жаль, а обидно и досадно было, что он каждого из них так долго водил за нос, что он заставлял царя переживать минуты и часы того самого ужаса и волнения, которые были так памяты ему с 14 декабря 1825 г. Вот почему Медокс снова очутился в каземате Шлиссельбургской крепости. Вот почему даже просьбы коменданта крепости об освобождении Медокса встречали отказ. Только смерть Николая I открыла перед Медоксом ворота крепости через 22 года его вторичного заточения.

Сведения о пребывании Медокса в Шлиссельбургской крепости выходят за рамки обычных. Режим его заточения был менее суров, чем у многих других узников. Он довольно часто получал от брата письма и денежную помощь. Ему самому разрешалось писать письма к брату и сестре; с братом он имел личные свидания в крепости в 1842, 1846 и 1856 гг. Медокс занимался в крепости каким-то литературным трудом, и ему даже было разрешено переправить брату для издания в печати, но без упоминания фамилии, рукопись под названием «Выдержки из моей живописной портфели физической географии». По словам Штрайха, Медокс занимался «сочинением раскрытия русского языка с приложением корнесравнительного словаря на шести главных языках древних и новых». Он занимался переводом одной книги с французского языка. По-видимому, он получал в крепости значительное число книг (по крайней мере, в архивном деле имеются указания на получение им двух ящиков книг «энциклопедического лексикона») ¹. Как можно судить по языку его доносов и писем, он обладал хорошим слогом и не лишен был литературных способностей. Удивительно, когда он успел получить образование в той степени, в какой он им обладал, тем более, что он попал в одиночку государственной тюрьмы, по его собственным словам (и на этот раз правдивым), юношей. Правда, он сам писал царю, что первые четырнадцать лет заточения были для него четырнадцатью веками. Но, поскольку эти «четырнадцать веков» прошли в одиночной камере, они не могли обогатить заключенного знаниями. Вместе с тем в одном из своих писем к Бенкендорфу он заявлял, что может похвалиться той своей силой духа, с которой он перенес четырнадцать лет заточения

¹ ЦГИА в Москве. Дело Шлиссельбургской крепости. Журнал входящих и исходящих бумаг, 1841, № 31, и дело «Об арестанте Медоксе» (1834, № 29). См. «Русская старина» 1882 г., сентябрь. «Самозванец Медокс», сообщил А. Зиссерман.

в годы его «нежной юности», в то время как другие узники сходили с ума (он назвал фамилии трех таких заключенных, действительно потерявших рассудок). Нельзя не признать удачной его попытку объяснения царю своего побега из Вятки, куда он был прислан в 1827 году после освобождения из крепости. Медокс сравнил свои переживания после заточения с чувствами дикого зверя, выпущенного на свободу: ему хочется бежать и бежать. При характере Медокса, при его живости, активности, страсти к авантюрам одиночное заключение в крепости должно было быть особенно тяжело для него, а 36 лет заточения не находились ни в каком соответствии ни с законом, ни со степенью его вины как афериста.

В одно время с Медоксом содержался в Шлиссельбургской крепости и другой шпион и провокатор — Шервуд-Верный.

§ 57. ПРЕДАТЕЛЬ ДЕКАБРИСТОВ — ШЕРВУД-ВЕРНЫЙ В ЗАТОЧЕНИИ

12 января 1844 г. в Шлиссельбургскую крепость поступил новый заключенный, носивший громкую и в некоторых отношениях прославленную фамилию Шервуд-Верный. Мы уже знаем историю прибавки к его фамилии лестного для него эпитета «Верный», происшедшую за 19 лет перед тем: это было актом царской благодарности за предательство участников заговора 14 декабря 1825 г. Ценой жизни пяти казненных, ценой свободы 115 осужденных, ценой разнообразных административных наказаний, дисциплинарных взысканий сотен других членов тайных обществ этот шпион купил себе царское благоволение и создал служебную карьеру.

Великобританский подданный, далекий от тех интересов России, которыми были воодушевлены декабристы, он втерся в их среду как шпион, предатель и провокатор. Наградой ему была не только прибавка к фамилии «Верный», но его также перевели юнкером в лейб-гвардии драгунский полк, а через семь лет он был уже кавалерийским подполковником. На этом его карьера оборвалась. Уже в следующем году он был в отставке, а еще через восемь лет оказался узником той самой Шлиссельбургской крепости, в которой перебивало 13 человек его жертв. Конечно, нужны были совершенно исключительные обстоятельства, чтобы та самая «царская рука», которая осыпала Шервуда-Верного милостями, подписала повеление о заточении его в Шлиссельбургскую крепость. Эти обстоятельства не имели никакого отношения к политике. В ежемесячных ведомостях коменданта крепости

к царю против фамилии Шервуда-Верного, в графе о причине заточения, стояли слова: «За злостные доносы». Такое грязное преступление редко приводило виновных к наказанию вообще, а тем более к такому суровому, как заточение в Шлиссельбургскую крепость. И на самом деле: не одни злостные доносы превратили Шервуда-Верного в узника Шлиссельбургской крепости. Правительство решилось на эту меру не сразу и прикрывало предателя декабристов не один раз, прежде чем запрятало его в каземат Секретного дома. Там вместе с ним царское правительство скрывало и свой позор: слишком грязен был человек, фамилию которого царь украсил приставкой слова «Верный». Пусть секретные архивные дела расскажут нам о «подвигах» этого «верного» слуги самодержавия.

Неизвестно, когда начались эти «подвиги» в действительности, но первый из них, зафиксированный в секретном деле Шервуда-Верного, относится к 1833 году. Вновь назначенный подполковник кавалерии Шервуд с места в карьер принялся спаивать одного помещика, поселив его у себя на квартире. Было установлено, что такое спаивание имело целью преступным путем заполучить в свою пользу имение этого дворянина. В официальном документе, в котором описан этот «подвиг» Шервуда, было указано буквально следующее: «Недобросовестные действия Шервуда, как офицера, заслужившего имя «Верного», были оставлены негласными для публики». Но служба его в полку должна была прекратиться.

Находясь в отставке, Шервуд, по-видимому, продолжал употреблять свой досуг на занятия различными аферами. К 1840 году относится архивное дело, в названии которого действия Шервуда скромно названы «неблаговидными поступками». Из дела видно, что Шервуд в соучастии с канцеляристом Робушем выманили у одной купчихи 16 тыс. руб. При содействии свахи Шервуд сосватал этого канцеляриста, обманно выдав его за коллежского асессора, с дочерью купчихи. Жених, получив до брака 16 тыс. руб. приданого, бежал с деньгами из Москвы, но в пути был пойман. Из дела не видно, чем оно закончилось для Шервуда, но, кажется, и здесь его спасло имя «Верного»¹.

Следующий «подвиг», зафиксированный в личном деле Шервуда, также чисто уголовного характера, относился к 1843 году. Шервуд пытался похитить из портфеля у одного чиновника, при помощи подкупленного служителя, некоторые тяжёлые документы. И на этот раз правительство, не желавшее компрометировать

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экзп., 1840. «О неблагоприятных поступках канцеляриста Робуша и отставного подполковника Шервуда-Верного».

себя преданием Шервуда-Верного суду, решило отправить его в административную ссылку в Олонецкую губернию. Но, учитывая оказанные ранее услуги, царь ограничился высылкой Шервуда под надзор полиции в имение его жены в Смоленскую губернию.

Обкрадывать и обманывать, проживая в имении жены, Шервуду-Верному было затруднительно, и он вспомнил то, с чего началась его «слава». Он опять принялся за доносы. Темы их были те же самые, что и почти 20 лет тому назад: обвинения в государственных преступлениях, сообщения о готовящейся в Российской империи революции. Неизвестно точно, сколько он приврал в своем первом доносе в 1825 году о заговоре декабристов, но в новых доносах он совершенно заврался и проявил себя совсем неумным человеком. Говоря словами официального документа, Шервуд «клеветал на многих высших сановников, выставя всех злоумышленниками против правительства». В число таких злоумышленников он записал и митрополита Филарета. Он строчил один донос за другим. Говоря словами того же документа, так «как одни из донесений Шервуда относились до особ, известных своею благонамеренностью, а другие по справкам оказались совершенно ложными, то он и был заключен в Шлиссельбургскую крепость».

Вероятно, упрятать Шервуда в Шлиссельбургскую крепость постарались те самые высшие сановники, которых он превращал в «революционеров». Но в донесениях Шервуда были еще и другие мысли, послужившие во вред их автору. Запугивая царское правительство будто бы готовившейся революцией, он сам заговаривал языком, слышанным им на собрании декабристов. Он писал: «судопроизводство в России основано на одном корыстолюбии судей и притеснениях; министры, занимающиеся одними мелочами, при выборе чиновников нисколько не обращают внимания на их нравственные качества; состояние государственных крестьян дошло до величайшей крайности, и они готовы к возмущению, все сословия и правительственные лица, как бы соглаясь, совокупно действуют к разрушению благосостояния России»¹.

В Шлиссельбургской крепости Шервуд провел семь лет и был освобожден в 1851 году по случаю 25-летия царствования Николая. Интересно, что комендант крепости в совершенно одних и тех же выражениях представил в III отделение свое мнение

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1842, № 273 «О противозаконных действиях отставного подполковника Шервуда-Верного». См. также И. М. Троцкий, Жизнь Шервуда-Верного, М., 1931.

о Лукасинском, уже проведенном в крепости 20 лет, и о Шервуде с его семилетним крепостным стажем. О том и другом он писал: «По долговременному содержанию в крепости и хорошему во все это время поведению заслуживает облегчения участи». Относительно Лукасинского был дан ответ «нет», а о Шервуде-Верном последовала резолюция: «На родину безвыездно, но под призором полиции»¹.

Освобождение Шервуда, конечно, было вызвано памятью о его роли в деле декабристов: провокатор и царь одновременно праздновали свои юбилеи: Шервуд праздновал 25-летие своего предательства, а Николай — своего царствования. Уголовные преступления Шервуда и его лживые доносы были забыты. После освобождения из крепости он часто получал денежные пособия, испрашивая их под самыми разнообразными предлогами, то по случаю поступления сына в университет, то на похороны жены и пр. В период с 1858 по 1862 год он выпрашивал такие пособия ежегодно. Бесславная жизнь этого бесчестного человека прекратилась в ноябре 1867 года.

§ 58. ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПОДПОРУЧИК МОШЕННИК БРИНКЕН

На редкость кратковременным обитателем Шлиссельбургской крепости оказался курляндский дворянин и подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Бринкен. Он был посажен в крепость 19 ноября 1833 г. и уже через месяц, в декабре, увезен отсюда. Тем не менее нельзя обойти молчанием этот случай заточения: он очень красочно характеризует классовую юстицию царизма.

В деле Бринкена не затрагивались ни основы государственного порядка, ни устои господствовавшей православной церкви. Тем не менее негодование царя, вызванное преступлениями Бринкена, было очень велико. К негодованию присоединилось чувство оскорбления «за поруганную дворянскую честь». В обращении самого Николая I к курляндскому дворянству преступление Бринкена названо «самым постыдным и беспримерным в корпусе офицеров российской императорской гвардии». Стояло же это преступление в незамысловатом мошенничестве. Бринкен, называясь вымышленными именами, одетый в военную форму то одного полка, то другого, выдавая себя за графа,

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1850, № 185, ч. 7. «О милостях по случаю 25-летия царствования Николая I» (черновые списки, составленные из списка всех начальников губерний).

выбирал в различных магазинах отрезки дорогого сукна и в сопровождении приказчика уходил с неоплаченной покупкой будто бы к себе на квартиру. Под разными предлогами ему удавалось скрыться от приказчика и таким образом воспользоваться товаром без всякой оплаты.

Царю неприятно было предавать огласке случай мелкого мошенничества офицера гвардейского полка, и он решил обойтись без суда. Он передал Бринкена для внесудебной расправы с ним по месту его происхождения курляндскому дворянству. Самый акт такой передачи был объявлен знаком особого «благоволения» царя к дворянскому сословию. Стоит привести несколько строк из обращения царя к курляндским дворянам. Напыщенные фразы царя прикрывают царское беззаконие:

«Душевно соболезнуя о принадлежности сего преступника к сословию курляндского дворянства столь же знаменитого непоколебимою своей верностью, преданностью и усердием к престолу и отечеству, сколько истинным благородством чувств своих и правил, его императорское величество в новое доказательство особенного и постоянного своего к дворянству сему благоволения за благо признать изволил: не предавая Бринкена осуждению установленным порядком предоставить судьбу его решению предводителей курляндского дворянства».

Вместе с тем приказано было рассмотреть поступки Бринкена в полной тайне, без всякой огласки. Курляндские дворяне выполнили желание царя полностью. Они высказывались за лишение Бринкена дворянства, отдачу его в солдаты без выслуги и перемену фамилии Бринкена на фамилию Егорова. Царь это решение утвердил. Впрочем, решение было им же самим пред-указано. Одновременно кара постигла и подневольного соучастника преступлений Бринкена, его дворового человека. С ним расправа была короткая: так же без суда его отправили в арестантские роты. В то время как этот крепостной человек совершал тяжелые переходы этапным порядком по пути в острог, его барин, с разрешения того же Николая, катил в назначенный ему полк на перекладных в сопровождении жандарма¹.

В описанном случае характерно желание царя, этого «первого дворянина», скрыть от общественного мнения мошеннические проделки человека его сословия. Превращение дворянина в мелкого мошенника казалось царю обидным. Крупные же мошенничества дворян оставались безнаказанными.

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд дежурного генерала, 1833, № 147. «О поручике лейб-гвардии Семеновского полка Бринкене, изобличенном в умышленном похищении вещей из петербургских магазинов».

§ 59. МИЛЛИОНЕР ГРАФ ПОТОЦКИЙ — «УЗНИК» КРЕПОСТИ

В казематах Шлиссельбургской крепости со второй половины 1851 и до 1852 года содержался граф Потоцкий. На нем мы видим разительнейший пример того, во что могли превращаться обычные условия содержания в Секретном доме Шлиссельбургской крепости.

Граф Потоцкий был очень далек от борьбы с царизмом и попал на полтора года в крепость за целый ряд проделок, за которые всякий другой российский подданный, не обладавший ни многомиллионным состоянием, ни знатностью, расплатился бы много дороже, чем этот граф.

Пребывание Потоцкого в Секретном доме было кратковременным, что редко случалось в этой крепости. Дело же о нем в III отделении — одно из самых объемистых и включает не один том. Бумаги было исписано такое количество, которое не находится ни в каком соответствии с конечными результатами дела. Но дело это представляет собой выдающийся интерес с общественно-политической точки зрения для характеристики продажности всей центральной и местной администрации.

Когда перечитываешь в архиве III отделения «записку о всех действиях графа Потоцкого и сделанных на счет его распоряжениях» (она помечена 28 июня 1856 г.), то перед читателем проходят одна за другой картины русской жизни николаевской эпохи за целую четверть века. Сила всемогущей взятки вставала на всем протяжении этих лет во весь ее колоссальный рост. Для миллионера графа Потоцкого не было никаких препятствий, которые он не преодолел бы с помощью своих денег. Чем значительнее было препятствие, тем больше, конечно, требовалось средств. В отдельных случаях пускались в ход суммы в несколько сот тысяч рублей, чаще же достаточно было нескольких тысяч. Но граф всегда находил за ту или другую сумму продавцов своей чести, своего служебного долга. Он трижды предлагал взятку самому руководителю III отделения Дубельту.

Записка составлена так, что заставляет сделать предположение о подкупе предшественника Дубельта, графа Бенкендорфа. Покровительство, постоянно оказывавшееся Бенкендорфом Потоцкому, выдает руководителя III отделения.

Эта записка охватывает период с 1830 по 1856 год. Прежде чем описать «подвиги» графа Потоцкого, опишем, как он расплатился за них в каземате Секретного дома Шлиссельбургской крепости. Начнем, таким образом, не с 1830, а с 1851 года.

Архивное дело, из которого я беру сведения, носит, казалось бы, совсем неинтересное название: «О возврате коменданту Шлиссельбургской крепости денег за продовольствие графа Потоцкого». Оно все сплошь состоит из записей ежедневных расходов на содержание Потоцкого. С внешней стороны это — скучнейшая бухгалтерия. Но она с бухгалтерской точностью вскрывает то обстоятельство, что Потоцкий находился в каземате Шлиссельбургской крепости, как в санатории. Подобная запись расходов показывает, как Потоцкого кормили, поили, во что преобразилась его одиночная камера в Секретном доме, как он проводил время.

По «высочайшему» повелению дозволено было содержать Потоцкого в крепости «на хорошем столе, не допуская, впрочем, роскоши». Понятие о роскоши очень относительное, и питание этого узника во много раз превзошло уже известные нам из I тома книги заботы коменданта крепости о столе другого узника в 1807 году, графа Разумовского. Истекшие полвека насколько не сгладили различий в отношении к заключенным общего типа, обычного для Шлиссельбургской крепости, и к таким исключительным «узникам», как графы Разумовский и Потоцкий. Я выписал названия продуктов, подававшихся в тюремную камеру Потоцкого. Граф не мог пожаловаться на их однообразие. Вот, например, перечень его вторых блюд: телятина, куры, цыплята, утки, рябчики, дупели, рыба и пр. Ему несли в камеру кофе, сливки, чай, сахар, лимоны, варенье, масло, сыр, сардинки, яйца, ягоды, фрукты, овощи, булки. Ему несли туда в изобилии бутылки со всякими винами, водками, ликером, пивом и пр. Вот пример записи покупок крепких напитков. В октябре 1851 года доставлено графу: 3-го числа — водки четверть ведра, 14-го — пива 10 бутылок, рому 1 бутылка; 24-го — водки четверть ведра; 29-го — 15 бутылок пива и 31-го — 1 бутылка рому. 4 мая 1852 г. ему доставлено сразу 3 бутылки рому, 6 бутылок портю, 2 бутылки шато-лафит, 2 бутылки шато-марго, 2 бутылки ликера. Можно подумать, что в камере Потоцкого собрались и перепились все заключенные Секретного дома. Между тем они оставались крепко замурованными в одиночных камерах, и к ним мог доноситься лишь только запах этой жареной дичи, кофе, рома, сыра и пр. Из камеры Потоцкого распространялся также запах доставлявшихся ему в изобилии сигар, одеколону.

До неузнаваемости изменился и внутренний вид камеры, где помещался Потоцкий. Над окном висели шторы, стены были оклеены обоями, на них виднелись портреты. Пол был устлан ковром, тюремная табуретка заменена креслом. Из записей расходов видно, что это кресло обили материей, а затем сафьяном.

Жесткий арестантский обычный матрац был заменен вновь купленным волосяным, и его прикрыла лосиная кожа.

Запись расходов дает указания и на времяпрепровождения Потоцкого. Не один раз для него закупались колоды игральные карт, причем иногда сразу по шесть полных колод. Известно, что в то время игра в карты в тюрьмах была строго запрещена, но для графа Потоцкого закон не был писан и в Шлиссельбургской крепости. Неизвестно, кто из чинов администрации заходил в камеру Потоцкого, чтобы перекинуться в картишки за стаканом хорошего вина, раскуривая сигары. Известно, что тюремные правила запрещали в тюрьмах всякие забавы и игры. Потоцкий развлекался там разными играми, очевидно, с гимнастическими целями. Ему был куплен резиновый мяч, шнур для прыгания, бильбоке (особая ручная игра)¹.

Потоцкий не только объедался в тюрьме, не только развлекался там картами, мячом и т. д., он получал туда иностранные книги и журналы. Не в пример огромному большинству заключенных ему дозволялась и переписка.

Так совершенно исключительно протекала в Шлиссельбургской крепости жизнь Потоцкого. Как было сказано выше, уже через полтора года поистине гостеприимные для него двери крепости открылись, выпуская его на свободу. Санаторное пребывание в крепости закончилось при благосклонном содействии того самого начальника III отделения Дубельта, которому он ранее трижды предлагал взятки почти в полмиллиона рублей².

Теперь расскажем о «подвигах» графа Потоцкого. В качестве богатейшего и знатнейшего помещика он совершенно ни с кем и ни с чем не считался и делал все, что хотел. Ни суда, ни расправы на него не было.

В одной Подольской губернии в различных присутственных местах производились и тянулись без конца 52 дела с жалобами на него, что он «своевольствовал в своих имениях, ссорился с соседями, отнимал и удерживал за собою их собственность, выгонял из своих имений арендаторов без всяких расчетов, насильственно отбирал от них все имущество и, разоряя их, наносил оскорбление чиновникам земской полиции». Жаловалась на Потоцкого его жена за жестокие с ней поступки. В результате

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., № 190, ч. 21. «О возврате коменданту Шлиссельбургской крепости денег за продовольствие графа Потоцкого». Этот отчет помещен в общем деле 1837 года, хотя и относится к 1851—1852 гг.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1851, № 51. Дело «Об арестанте графе Потоцком». В этом деле также имеются сведения о питании Потоцкого.

расследования он был выслан на жительство в Саратов. Добиваясь возвращения в Киев, он широко раздавал взятки. Цитируемая мною докладная записка III отделения установила подкуп Потоцким управителя канцелярии киевского военного губернатора. Этот управитель вскоре был назначен олонецким гражданским губернатором. Потоцкий выдал ему огромную сумму. Так как желанного решения не последовало, то Потоцкий направил своего доверенного в Петербург с заданием подкупить начальника III отделения. Дубельту предложено было 400 тыс. руб. С разрешения царя Дубельт дал согласие принять эту сумму и получил первый взнос в количестве 295 тыс. руб. Казалось бы, что такое предложение взятки должно было повлечь за собой для Потоцкого самые тяжелые последствия. Однако этого не случилось. По повелению царя ему целиком были возвращены эти деньги с указанием, что миллионы недостаточно для изменения его участи. Тогда Потоцкий решил действовать самостоятельно и стал готовиться к побегу из Саратова. За подготовку такого побега он был переведен на жительство в Воронеж.

В 1848 году Потоцкий делает вторую попытку подкупа управляющего III отделением через действительного статского советника Комарова, предложив Дубельту от 200 до 300 тыс. руб. серебром. Официальная записка подчеркивает, что и за это вторичное предложение взятки он не был подвергнут законной ответственности и ему было только внушено, «что все миллионы его не поколеблют честности и самого младшего из чиновников III отделения». Эти деликатные внушения не ослабляли энергии Потоцкого, и он сделал третью попытку подкупа того же Дубельта. На этот раз он просил своего прибывшего в Петербург заграничного банкира о посредничестве, но тот, незнакомый с российскими порядками, испугался и переслал письмо Потоцкого в III отделение.

В том же 1848 году выяснилось намерение Потоцкого бежать за границу и напечатать там имевшиеся у него письменные документы о взяточничестве всероссийской администрации. Надзор за ним был усилен. Однако в 1850 году он скрылся из Воронежа, но был задержан на 180 версте. После этого его перевели в Вятку. Вера в силу взятки отнюдь не ослабла у Потоцкого. Наоборот, в Вятке она окрепла, так как Потоцкий здесь удачно, всего за 5 тыс. руб., подкупил вятского полицмейстера и за 3 тыс. одного из его частных приставов. К подготовленным им материалам о взяточничестве чиновников в России прибавились еще два: соответствующие расписки полицмейстера и частного пристава.

Побег Потоцкого из Вятки произошел при курьезных обстоятельствах. Его сопровождал, сидя в одном с ним экипаже, подкупленный им полицейский пристав. Впоследствии Потоцкий показывал о своем старании отделаться от своего спутника, который возбудил у него подозрения в намерении отравить или усыпить его с целью отобрать от него расписку в получении взятки. Для таких подозрений у Потоцкого, знавшего, на что способна полиция, были свои большие основания: во все время пути он держал в кармане наготове оружие и ночи не спал. Поэтому он и расстался с этим ненадежным помощником на одной из станций. Вскоре Потоцкий был задержан, а вятский полицмейстер и пристав преданы суду.

Дело Потоцкого дает любопытный материал и для характеристики ближайшего царского помощника и вершителя судьбы многих тысяч людей, душителя свободы мысли и слова — Бенкендорфа. Он был настоящим покровителем миллионера Потоцкого на протяжении многих лет вплоть до своей смерти. Так, еще в 1830 году наместник Варшавы Константин Павлович запретил Потоцкому выезд за границу, но тот уехал во Францию, получив заграничный паспорт. Никаких неприятных последствий эта поездка за границу для него не повлекла. Мало того, Бенкендорф вновь испросил разрешение царя о поездке Потоцкого за границу.

В 1837 году Потоцкий был выслан в Воронеж за похищение жены барона Закомельского; но уже через 4 месяца Бенкендорф сообщил о праве его жить в своем имении. Несмотря на запрещение царя, Потоцкий выехал из имения и даже уехал за границу, а Бенкендорф объяснил, «что за новыми разрешениями, данными Потоцкому, прежнее высочайшее повеление должно считаться отмененным».

Должно быть, во внимание ко всем этим «подвигам» графа Потоцкого Бенкендорф представил Николаю I просьбу о зачислении Потоцкого на службу по министерству юстиции и о пожаловании ему придворного звания. В это время Потоцкий находился за границей, а Николай наложил такую резолюцию: «Определить (на службу) можно, когда воротится, а ко двору, когда заслужит». Отвратил Бенкендорф от Потоцкого и грозившую ему неприятность за перевод им за границу в иностранные банки громадной денежной суммы. Впоследствии выяснилось, что эта сумма превышала 13 млн. руб. Когда об этом донесли Бенкендорфу, он разъяснил, что Потоцкий вправе распоряжаться своими деньгами¹.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1837, № 190. «О графе Михаиле Потоцком». Здесь помещена «Записка о всех действиях

Так Бенкендорф явился блюстителем «законности», с которой он вообще не очень считался, но в данном случае законность совпадала с интересами покровительствуемого им миллионера.

После смерти Бенкендорфа Потоцкий лишился влиятельного заступника. Впрочем, он не остался совсем без покровительства. Следует удивляться, что тот самый Дубельт, которого Потоцкий пытался подкупить и который так громко говорил ему, что нехватит и миллионов за подкуп чинов III отделения, не нашел никаких неудобств в поддержке хлопот об освобождении Потоцкого из Шлиссельбургской крепости. Освобожденный отсюда Потоцкий был выслан в Пензу, потом переведен в Москву, а в мае 1856 года за нарушение запрета утруждать царя просьбами о пересмотре его дела выслан в Кострому. Надо думать, что на нем оправдалась старая русская поговорка: «С деньгами везде хорошо». Если с такими деньгами не было плохо даже в Шлиссельбургской крепости, то, вероятно, не было плохо и в Костроме. На этом обрываются сведения о бывшем «узнике» Шлиссельбургской крепости.

графа Потоцкого и сделанных на его счет распоряжениях». Другое дело в том же архиве, 1837, № 190, ч. 21, «О побеге графа Потоцкого из города Вятки и о заключении его в Шлиссельбургскую крепость».

Глава десятая

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ

§ 60. ИЗ СЕКРЕТНЫХ АРХИВНЫХ ДЕЛ О МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЬМАХ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В ИСТОРИИ царской тюрьмы монастырским тюрьмам, т. е. местам заключения при монастырях, принадлежат тяжелые страницы. Нам хотелось бы поделиться с читателями сведениями из секретных дел бывших царских архивов, характеризующими тех, кому вверялось дело исправления и перевоспитания других. Я не ставил своей задачей исчерпать их все без исключения, а брал только очень немногие в виде примера, для иллюстрации, чтобы показать, до каких пределов могли доходить те, кому доверялись нравственное воспитание и человеческая свобода.

В исследуемый нами период 1825—1870 гг. монастырская тюрьма применялась без судебных приговоров — по «высочайшему повелению» и по определению Синода. Она применялась по религиозным и политическим делам, а также за «дурное поведение», за пьянство и разврат лиц из православного духовенства.

Как и в предшествующий период — за вторую половину XVIII века и за первую четверть XIX столетия, так и в этот второй период продолжали заключать в тюрьму Суздальского

монастыря душевно заболевших обвиняемых почти исключительно духовного звания. Однако этим не исчерпывалось применение монастырского заточения. Изучение архивных материалов выявило случаи — хотя и редкие — заточения в монастырские тюрьмы без суда по обвинению в уголовных преступлениях. Уделив далее ознакомлению с монастырскими узниками особый параграф (см. § 63), я теперь же для характеристики произвола монастырского заточения приведу пример такого заточения без суда по уголовному делу. Правительство приняло особые меры для сохранения в полной тайне этого случая возмутительного произвола по «высочайшему» повелению в интересах одного из представителей высшей бюрократии.

Монастырские стены помогали правительству и господствовавшему классу прятать за них и свои собственные преступления, и свой разврат. С этой точки зрения в высшей степени показательным явилось архивное дело о заключении в монастырь унтер-офицерской вдовы Ершовой. Ее тюремное заточение началось в 1847 году и закончилось в дальнейшем екатеринбургском Новотихвинском монастыре лишь через 20 лет. Оно протекало в таких условиях, что только через 10 лет ей было позволено выходить из кельи в церковь и для прогулок по монастырю. Никто из монастырского начальства и из местных властей Екатеринбурга не знал причины заточения этой молодой женщины. Сама она была связана «высочайшим» повелением никогда и никому не объявлять, за что она заключена в монастырь. За нарушение этого запрета царское повеление грозило ей немедленной ссылкой в Сибирь.

Вполне понятен интерес, который пробуждала к себе эта таинственная узница. Можно было бы подумать, что перед нами какая-то очень важная «государственная преступница». В действительности ничего подобного не было. Ее упрятали на 20 лет в монастырскую тюрьму только для того, чтобы оградить репутацию одного аристократа, важного чиновника.

Исследуемое нами архивное дело начинается с секретного распоряжения шефа жандармов жандармскому полковнику Станкевичу в Москве — разыскать и немедленно арестовать Ершову. В бумаге от 21 августа 1846 г. с пометкой «весьма секретное и нужное» III отделение сообщало в Москву: «В Москве у Тверской заставы в приходе Василия Кесарийского в доме купца Сечкина живет молодая женщина, именем Юлия. Приметы ее: хороша собой, 30 или 32 лет, роста высокого, стройная, полная, волосы имеет черные, глаза голубые, ресницы длинные, лицо круглое, бела, бледна, нос правильный, но с небольшим горбом, рот маленький, губы тонкие, верхняя губа немного впе-

ред, зубы очень хорошие». Предписывалось арестовать эту красавицу и отправить ее в III отделение.

Казалось, что описание сделано с увлечением, такими яркими и сочными красками, и образ стройной брюнетки с голубыми глазами нарисован такими приметными чертами, что было бы нетрудно ее разыскать. Но найдена она не была и, вернее всего, не могла быть найдена, так как не существовала в действительности. Но если она в действительности не существовала, то во всяком случае существовала в воображении высокопоставленного чиновника, тайного советника Обрезкова. Весьма сомнительную репутацию именно этого чиновника, богатого человека, и оберегало царское правительство.

Рассмотрение архивного дела убеждает в том, что тайну дела Ершовой знали только царь и шеф жандармов Орлов. Подробности дела выяснились только при освобождении Ершовой из монастыря. Они заключались в следующем.

В 1842 году тайный советник Обрезков получил анонимное письмо с предложением свидания с одной дамой; в качестве посредницы была указана унтер-офицерская вдова Ершова. Надо полагать, что анонимному автору этого письма были известны те качества тайного советника Обрезкова, которые навели на мысль предложить ему устройство любовного свидания. Автор письма не ошибся в расчетах. Обрезков разыскал Ершову и, узнав от нее, что неизвестная дама, предложившая интимное с ним свидание, носит графский титул, воспламенился еще более. Началась переписка. В продолжение шести месяцев переписка носила лишь интимный характер, нисколько не затрагивая материальных вопросов. Но затем начались пожелания материального характера. Обрезков их удовлетворил, а обещанное свидание под разными предлогами откладывалось. Проходили месяцы и годы, — и, как дословно говорится в секретном документе, Обрезков, «увлекаемый таинственностью и подстрекаемый выражениями в непрерывно получаемых им письмах, все более и более вдавался в обман. Ездил неоднократно, повинуюсь указаниям, делаемым ему в письмах, за границу и жертвовал значительные суммы. В продолжение трех с половиной лет передал он Ершовой в наличных деньгах и частью вещами 133 тысячи рублей ассигнациями».

Так продолжалось с 1842 по 1846 год, когда, по собственному признанию Обрезкова, он понял, что стал жертвой обмана. Не приходится удивляться, что Обрезков для расправы с обманщицами вместо суда обратился во всемогущее III отделение. Ему неловко было выносить на суд и свое пристрастие к интрижкам в духе сомнительного адольтера, и то, что он был одурачен.

Ершова призналась, что выступала в роли посредницы от некоей Юлии, которая осталась неразысканной. Николай повелел заточить Ершову в монастырь, приказав ей держать «в непроницаемой тайне» все это дело.

Так начались долгие годы заточения. Просьбы о помиловании, в том числе поданная игуменией монастыря, оставались без удовлетворения. Брат заключенной в своем ходатайстве об освобождении сестры с полным основанием указывал, что преступление сестры неизвестно, но если бы оно было самым тяжелым, то по закону оно уже искуплено наказанием, которое за истекшие годы подлежало сокращению по манифестам. Но правительство оберегало репутацию Обрезкова. Опасаясь, что раскрытие дверей монастырской тюрьмы раскроет тайну походов этого одуроченного чиновника, оно предпочитало не выпускать узницу¹.

Раскрытые Октябрьской революцией бывшие царские архивы проливают свет на состояние монастырских тюрем. Приведенные выше факты дают некоторый материал для общей характеристики условий монастырского заточения. Отдельные же дела о том или другом лице, заточенном в монастырь, показывают, до каких невероятных пределов доходил и здесь произвол церковной и светской администрации.

§ 61. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РЕЖИМЕ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НА СОЛОВКАХ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

В главе о Шлиссельбургской крепости я отмечал, что уже через две-три недели после своего воцарения Николай I осведомлялся у коменданта крепости относительно возможности размещения в Секретном замке новых арестантов. Точно в то же самое время он распростер свои заботы и на монастырскую тюрьму в Соловках. Архангельскому генерал-губернатору поручалось выяснить вопрос о возможности устройства там новой тюрьмы. Это видно из найденного мною в Центральном военном историческом архиве секретного дела 1826 года². Таким обра-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1847. Дело об унтер-офицерше вдове Афанасии Ершовой, содержащейся в екатеринбургском Новотихвинском монастыре.

² ЦГИА в Москве. Канцелярия дежурного генерала. Связка 43, дело № 98. «Об исправлении здания, занимаемого в Соловецком монастыре арестантами, о составлении инструкции для воинского над ними начальника и употребление некоторых из них в монастырскую работу».

зом, означенное дело по времени его возникновения совпало как раз с началом интересующего нас периода в истории тюрьмы.

Уже 1 марта 1826 г. архангельский военный губернатор сообщал царю некоторые предварительные сведения по вопросу об устройстве в Соловках новой специальной тюрьмы. Он указывал на подведомственность Соловецкого монастыря исключительно Синоду, на трудность сообщения с островом и на наличие в монастырской тюрьме уже 28 арестантов под охраной инвалидной команды из 27 рядовых, двух унтер-офицеров и одного обер-офицера. Личный осмотр монастыря губернатор смог произвести лишь летом, и о результатах этого осмотра поспешил донести Николаю в июне. К докладу были приложены план всего монастыря и профиль того монастырского здания, которое комиссия в лице губернатора, игумена и инженера предполагала превратить в особую тюрьму. К сожалению, в деле не оказалось ни этого плана, ни профиля здания, намеченного под тюрьму.

Во время осмотра губернатором монастырской тюрьмы в ней оказалось 32 заключенных, которые были размещены в двух этажах каменного здания. При условии помещения в нижнем этаже по два человека в каждой камере число арестантов могло быть увеличено до 40.

Отмечая, что казна отпускает по 120 руб. на каждого арестанта, — здесь содержались преимущественно скопцы и раскольники — цитируемый доклад подчеркивал, что никакие работы заключенных в тюрьме не практикуются. Губернатор считал такое заключение в монастыре «не чувствительной мерой наказания», так как большая часть заключенных — «люди самого низкого состояния». Поэтому он предлагал перевести 20 отобранных арестантов в монастырские кельи с употреблением их на черные работы. Это давало царю 20 свободных арестантских мест на Соловках.

Но губернатору были известны более значительные «аппетиты» Николая I. Поэтому он развил проект приспособления под тюрьму еще двух других монастырских зданий с размещением в одном из них 40 арестантов, а в другом — 22. Приспособление этих зданий, устройство стены и пр. требовали расходов в сумме 13 379 руб.

Угадывая желание царя размещать в Соловецкой тюрьме государственных преступников, губернатор понимал, что оставлять заведывание такой специальной большой государственной тюрьмой за игуменом монастыря невозможно. Поэтому он подчеркивал неудобство такой картины, свидетелем которой он

был, когда начальник конвойной стражи рапортовал архимандриту о состоянии тюрьмы. Это казалось несовместимым ни с военной дисциплиной, ни с духовным званием игумена в роли начальника тюрьмы.

Намерение царя создать на Соловках новую государственную тюрьму по образцу Секретного дома Шлиссельбургской крепости и Алексеевского рavelина доказывается фактом его поручения генералу Сукину, коменданту Петропавловской крепости, составить для Соловецкой тюрьмы особую инструкцию.

Царь сделал это распоряжение в октябре 1826 года одновременно с разрешением вопроса о переустройстве Соловецкой тюрьмы. Сукин в глазах царя был большим специалистом по части содержания обвиняемых и осужденных за государственные преступления. Он, так сказать, блестяще выдержал экзамен по процессу декабристов. Именно этих декабристов, конечно, и хотел Николай упрятать в Соловки. Но так как с задачей размещения каторжан-декабристов в Сибири царь очень скоро справился, то у него и миновала надобность в переустройстве Соловецкой тюрьмы. Вот почему он и приказал «по ненадобности предполагавшейся перестройки дело сие оставить без дальнейшего производства».

Отпала надобность и в особой инструкции по образцу правил Алексеевского рavelина. Литературное творчество Сукина оказалось напрасным «трудом». Это и было лучше для узников монастырской тюрьмы. Но знакомство с проектом Сукина, не осуществленным на практике, представляет для нас двойной интерес. Во-первых, мы узнаем кое-что о готовившемся режиме для будущих новых узников. Во-вторых, этот проект, несомненно, отражал на себе содержание действовавшей в то время инструкции для Алексеевского рavelина. Поэтому приведем содержание проекта инструкции хотя бы в его основных чертах.

В инструкции всего четыре статьи. Автор проекта исходил из наличия в тюрьме двух групп арестантов, а именно — секретных и несекретных. Только последние могли быть известны по их фамилиям администрации тюрьмы, и их разрешалось даже допускать в церковь. Наоборот, секретных арестантов даже в баню предлагалось водить с покрытым лицом или по вечерам, чтобы их никто не мог видеть. Большая часть правил относилась к секретным арестантам. Им запрещалось называть свое имя и говорить о причинах их заточения. Строго воспрещалось, как это было и в Алексеевском рavelине и в Шлиссельбургской крепости, солдатам, офицерам и доктору входить одним в камеры

заклученных. Стража должна была наблюдать за заключенными через оконце в двери. Особое примечание к этому параграфу поясняло неудобство прежнего порядка, когда дежурный солдат помещался внутри камеры заключенного. Как и в Алексеевском рavelине предписывалось в каждой камере всю ночь иметь огонь.

При приеме арестанта в тюрьму надлежало его обыскать, отобрать от него лишнее одеяние, часы, перстни, металлические вещи, шнурки, порошки и табак. Рекомендовалось переодевать заключенных в арестантское платье, с оговоркой — если таковое платье в монастыре имелось. По примеру других инструкций тюремной страже на бумаге лицемерно внушалось не причинять заключенным «никаких огорчений» или каких-либо насильий «под опасением строжайшего за то наказания».

Наконец, как и в Алексеевском рavelине и в Шлиссельбургской крепости, предписывалось представлять ежемесячно списки заключенных.

Особенностью этих правил было оставление широкого простора для усмотрения и произвола тюремной администрации. Тюремный режим был определен не в подробностях, а в самых общих чертах.

Отказ царя от намерения использовать тюрьму Соловецкого монастыря для декабристов не был своевременно сообщен ни архангельскому военному губернатору, ни игумену Соловецкого монастыря, а потому и тот, и другой спешили с ремонтом. Они начали его, не получив соответствующих сумм. Вероятно, в 1826 году или в начале 1827 года в Соловках здание бывшего цейхгауза было перестроено под квартиру штаб-офицера и под помещение для караула. Арестантский двор был отгорожен кирпичным забором, а в монастырской стене заложены амбразуры.

Усердие игумена, поспешившего с ремонтом, пошло ему не только не на пользу, а во вред: он совсем не рассчитывал затрачивать на тюремное строительство монастырские деньги. Чтобы добиться возврата этих сумм, он принялся за описание состояния его тюрьмы, не законченной ремонтом. По его словам, в одиночных камерах (или так называемых чуланах) вместо одного арестанта содержалось по три-четыре человека, 39 человек были размещены в 13 чуланах. В октябре 1828 года в Петербурге решили ограничиться устройством на Соловках помещения для арестантов только офицерского звания. Однако решение это не было приведено в исполнение. Все дело ограничилось ремонтом арестантского дома.

Произведенный ремонт с устройством между арестантскими камерами кирпичных стен вместо деревянных перегородок не представляет для нас интереса. Но в том же, 1830, году, когда производился прием ремонта, тремя месяцами позднее, а именно 24 сентября, было составлено подробное описание Соловецкого острога. Так как это описание официальное и единственное, попавшее мне за исследуемый период, то я извлеку из него сведения о состоянии Соловецкой тюрьмы в 1830 году.

Документ этот носит такое название: «Описание каменным зданиям Соловецкого острога для арестантов и находящейся для караула инвалидной с обер-офицером команды и о разных потребностях для них».

К указанному времени тюрьма в Соловецком монастыре занимала уже совершенно обособленное место. Она была расположена в северо-западном углу территории монастыря, внутри монастырских стен. Этот тюремный участок оказывался огороженным со всех четырех сторон. С северной и западной сторон его окружали старинные монастырские стены, при пересечении которых, в северо-западном углу, стояла большая башня. С южной стороны этот острожный земельный участок отделялся от прочих монастырских владений кирпичной стеной, устроенной лишь в 1826 или в 1827 году. С восточной стороны тюремный двор был отгорожен большим монастырским домом и бывшим цейхгаузом, перестроенным под квартиры караульного офицера и нижних чинов. Между этими двумя зданиями находились «створчатые, обшивные деревянные ворота», покрашенные масляной краской.

Здание острога представляло собой «большой двухэтажный корпус». В нижнем этаже находилось 11 арестантских камер, в верхнем — 16, т. е. всего 27 камер. Это число камер было значительно меньше числа арестантов, которые поэтому должны были частью содержаться по-двое. Караульная стража помещалась внутри здания. Документ, из которого я взял эти сведения, не содержит никаких указаний на размеры всего здания или отдельных его частей. В нем указано лишь общее число окон в доме, а именно 39, и 32 двери с какими-то «часовыми и висячими замками». Число окон на 12 превышало число камер, называемых в акте чуланами. Неизвестно, было ли в некоторых камерах выше чем по одному окну или эти лишние 12 оконных рам приходились на отмеченные в акте сени и две уборные. Над дверью каждой камеры имелось отверстие со вделанной в него железной решеткой, должно быть, для вентиляции и отопления. Удивительно, что в акте отмечено наличие только четырех больших печей с дверцами и вьюшками. Полы повсюду были доща-

тые. Остается неясным, был ли занят под острог упомянутый в акте «собственно монастырский дом» на восточной стороне тюремного участка или какое-либо другое здание на дворе этого участка.

Что касается здания, занятого квартирой штаб-офицера и солдатской казармой, то офицеру были предоставлены в верхнем этаже четыре комнаты; тут же находились кладовая и другие служебные помещения; внизу разместили солдат. Пять амбразур в старинной монастырской стене были использованы для разных надобностей; в одной из амбразур была устроена солдатская кухня с очагом, в трех — размещены солдатские кладовые. О пятой амбразуре сказано, что она употреблена «для литья нечистоты». Все эти амбразуры были снабжены дверями.

Акт отмечает и еще одно солдатское караульное помещение с печью, в три окна, «у святых ворот», т. е., вероятно, при входе в монастырь. Кроме того, отмечено устройство еще четырех сторожевых солдатских будок.

При отсутствии каких-либо других сведений о Соловецком остроге за 1830 и другие годы этого же периода приходится удовольствоваться приведенными, хотя они и заставляют желать большей полноты и большей ясности.

В архиве бывшего Синода мной просмотрен целый ряд дел в виде ежегодных рапортов игумена Соловецкого монастыря с отчетами о строительстве в монастыре на Соловках за тот или другой истекший год. В большинстве случаев это строительство состояло в ремонте и украшении церквей. Что же касается монастырской тюрьмы, то она по большей части обходилась полным молчанием. Украшение церквей, очевидно, не оставляло ни времени, ни желания заботиться о помещении для арестантов¹.

Только в 1836 году игумен поднял вопрос об устройстве нового здания казармы для инвалидной команды острога. Из его отчета видно, что к этому времени караульная стража пребывала внутри острога, а между тем переполнение острога вредно отзывалось на здоровье заключенных и команды, так как воздух там был сперт и удушлив.

¹ См. ЦГИА в Ленинграде, дела бывшего Синода. Дело № 954, по рапорту соловецкого архимандрита о постройках. Такие же рапорты за 1833, 1834, 1835 и 1836 гг. — «Об устройстве в Соловецком монастыре особой казармы на острожном дворе», дело № 1037 1839 г. по рапорту о починках и строениях за 1839 год; дело № 376 1840 г. — «О распространении арестантских помещений в Соловецком монастыре»; дело № 1426 1838 г. — «О постройках и починках» (на неизвестной нам «арестантской башне» сделан новый фонарь и покрыт чешуей). В 1851 году побелено в остроге 6 коридоров и 28 арестантских келий.

В 1837 году для команды выстроили на острожном дворе новое двухэтажное здание. Теснота в остроге привела в 1841 году к надстройке над этим старинным и сырым зданием третьего этажа. На этом строительство и прервалось на десятки лет.

Что касается режима в монастырском остроге на Соловках, то он остался в основных чертах таким же, каким мы характеризовали его в первом томе «Истории царской тюрьмы». Это доказывается отдельными фактами, сведения о которых лишь с большим трудом пробивались из-за толщи монастырских стен, с далекого острова на Белом море. Туман окутывал остров. Тайна окутывала все, что там творилось. Только очень крупные события время от времени разрывали эту завесу тайны. Одним из таких событий было убийство заключенным солдата-стражника, последствием чего было назначение в 1835 году ревизии в монастыре. Производивший ее жандармский подполковник Озерецковский, казалось бы, привыкший к картинам самого тяжелого арестантского жита, нашел положение заключенных весьма тяжелым, а ряд раскрытых злоупотреблений привел даже к смене архимандрита. Озерецковский в своем докладе пришел к выводу, что «многие арестанты несут наказания, весьма превышающие меры вины их». В результате ревизии 15 заключенных были переведены из монастырской тюрьмы на военную службу, трое освобождены с острова, двое переведены из тюрьмы в монастырские кельи, один слепой переведен в больницу Петербурга, один принят в послушники монастыря¹.

К этому же времени (1834 г.) относится один интересный документ. Он ярко характеризовал положение в Соловецком монастыре крестьян и рабочих, которые не были арестантами. На их долю выпало несчастье быть приписанными к монастырю для работы в нем. Эксплуатация их труда монастырем не знала предела. Терпение их истощилось, и 25 человек послали жалобу царю.

Они указывали, что служили в монастыре, оторванные от родного селения, по 30 и по 40 лет, до изнеможения сил. Не зная, когда окончится срок их пребывания в монастыре, они, по их словам, несли свои «отяготительные» работы при самом скудном питании. В летнее время они начинали свой каторжный труд в 3 час. утра и кончали его в 9 час. вечера. Даже в праздничные дни они не освобождались от работы, не имея, по их словам, времени на починку платья и обуви. Получая в год от 40 до 80 руб. жалованья, они за каждый день болезни подвергались

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1835, № 21151. Дело «О ссылке в Соловецкий монастырь по высочайшему повелению».

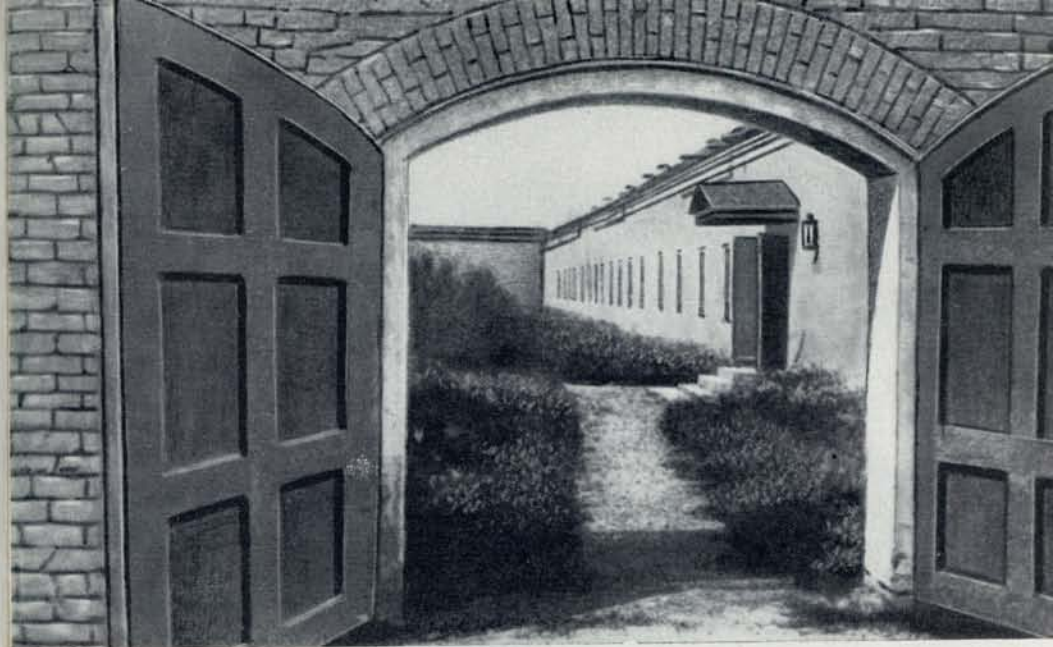

Рис. 27. Входные ворота во двор тюрьмы Спасо-Евфимьевского монастыря в г. Суздале

Из книги «Суздаль и его достопримечательности», изд. Владимирской губернской архивной комиссии, 1912

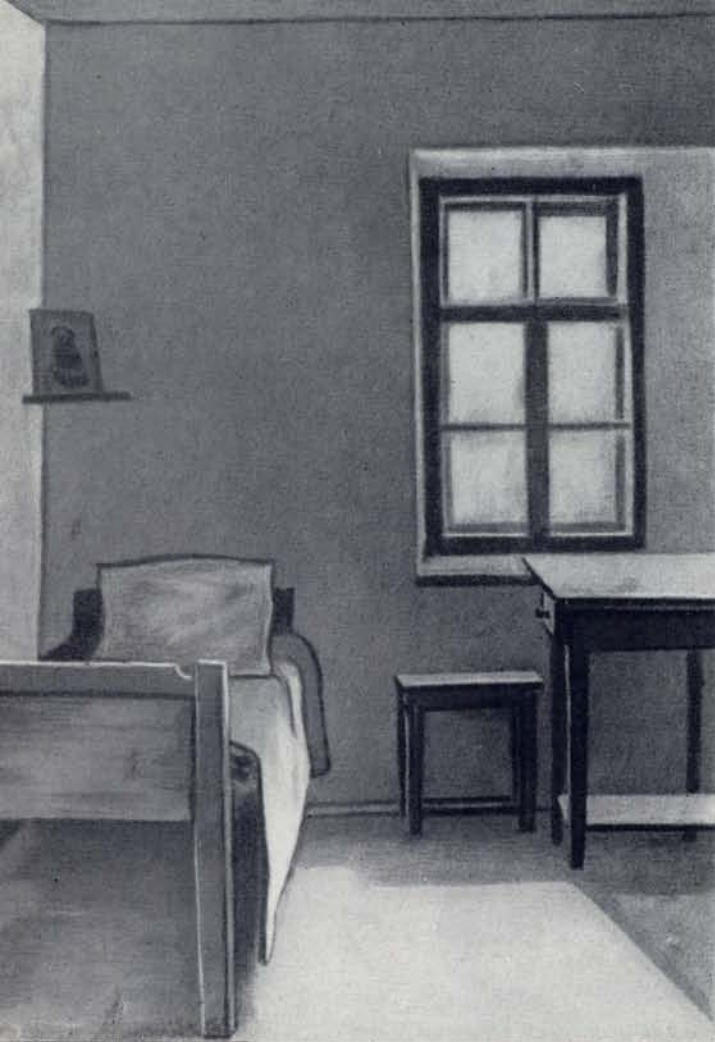

Рис. 28. Внутренний вид камеры в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря в г. Суздале

Из книги «Суздаль и его достопримечательности», изд. Владимирской губернской архивной комиссии, 1912

штрафу в размере 30 коп. Только через три-пять лет их отпускали на побывку в родные семьи. Их дети мужского пола по достижении совершеннолетия забирались в монастырь на работы, и семьи оставались совсем без работников. Когда же они сами, уже неспособные к труду и состарившиеся, возвращались в родной дом, их не освобождали от уплаты налогов.

Таково основное содержание этой крестьянской жалобы на монастырь. Нельзя не признать, что для того времени она была смелым актом, — подписавшие ее рисковали очень многим. Но на этот раз Синод, куда III отделение переслало жалобу, встал перед лицом таких фактов, которых не удалось опровергнуть и самому настоятелю монастыря. Ему было предложено не доводить впредь рабочих до ропота и жалоб. Конечно, не этого ждали жалобщики, и не очень много от этого они выиграли.

Если таково было положение в монастыре рабочих, то тем тяжелее была участь арестантов, совершенно лишенных возможности куда-либо жаловаться¹.

В самом деле, что можно было ожидать от архимандрита, если сам Синод, прислав к нему 11-летнего мальчика Понасенко за убийство восьмимесячной девочки, приказывал игумену держать этого маленького мальчика в течение 15 лет «под крепким караулом, с употреблением во всякие монастырские тяжелые работы»?² Этот самый юный арестант Соловецкой тюрьмы не мог жаловаться на игумена, как бы тот ни изнурял его непосильным трудом: игумен исполнял волю Синода.

Другим событием, вскрывшим условия арестантского бытия на Соловках, было покушение на самоубийство одного из заключенных в 1835 году. Монах-эконом, чтобы скрыть свое преступление, ложно обвинил двоих заключенных в краже вина и избил их немилосердным образом. Один из пострадавших покушался на самоубийство. На этот раз даже Синод усмотрел проявление «жестокости монашествующих Соловецкого монастыря»³.

Очень тяжело на режиме заключенных сказывалось совместное содержание здоровых и душевнобольных арестантов. При монастыре не было больницы для душевнобольных. Психические заболевания в монастырской тюрьме были неизбежны, но бывали случаи доставления сюда уже заболевших. Указанный

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1834, № 1031. Об определении времени для работ и отдыха служителям Соловецкого монастыря.

² Тот же архив. Тот же фонд, 1829, № 583. «О присылке в числе арестованных в Соловецкий монастырь малолетнего казачьего сына Понасенко Ивана».

³ Д. Венедиктов, Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики, 1930, стр. 84—85.

нами выше факт убийства солдата-стражника арестантом был совершен последним в состоянии полного безумия. Вопли, стоны, неистовые крики и брань потерявших рассудок людей, ожесточенных тюремным режимом, оглашали коридоры тюрьмы. В одном из своих донесений в Синод игумен писал: «Федор Рабочий непрестанно почти кричит, все ломает: окно, двери, полы, скамейку, на чем спит, всякую посуду с пищею, ибо особенно для него делают оную; даже помет свой кладет в пищу и оную употребляет, всегда чулан его заперт, а ежели бы он нечаянно вышел, то многих бы мог перебить и ныне всех вообще беспокоит»¹.

Охрана заключенных была вверена особой воинской команде под начальством офицера, но с подчинением ее настоятелю монастыря. Численность этой команды доходила до 50 человек. С течением времени военное министерство нашло такое количество излишним для Соловков, и в 1866 году численность команды была уменьшена до 20 человек².

Крупным событием в жизни тюрьмы на Соловках был отказ 13 заключенных в 1855 году принять присягу на верность новому царю Александру II. Из них семеро приняли ее лишь на старинном евангелии и старообрядческом кресте, а шестеро отказались от присяги совсем. Синод, зная, что нет силы, которая сломила бы стойкость этих людей, ограничился предложением убеждать их присягнуть³.

За год перед этим отказом от присяги, так взволновавшим монастырское начальство, произошло очень крупное событие в жизни монастыря и заключенных в нем арестантов. 7 июля 1854 г. перед островом появились английские корабли. Сделав несколько выстрелов из пушек по монастырю, англичане потребовали, чтобы он сдавался. Архимандрит ответил отказом. Возобновившийся на следующий день обстрел монастыря продолжался, по словам донесения архимандрита, с 5 час. утра до 5 час. вечера. Обитатели монастыря, в том числе узники его тюрьмы, организовали защиту острова, установив батарею из трех орудий. Меткая стрельба из этих орудий заставила неприятельские корабли отойти на более отдаленное расстояние, выстрелы с которого были менее действенны. Вскоре английский флот удалился. По предложению архимандрита, пятерым

¹ Д. Венедиктов, Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики, 1930, стр. 84.

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1866, № 172. «Об упразднении находящейся на Соловецком острове местной команды».

³ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1855, № 3463. «Об отказе принять присягу в Соловецком монастыре».

заключенным, участникам обороны монастыря, была смягчена участь в виде перевода их из арестантов в иноки, освобождения и пересылки в другие монастыри¹.

§ 62. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РЕЖИМЕ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ В СУЗДАЛЕ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

Незадолго до начала интересующего нас периода встал вопрос об устройстве для заключенных особого здания тюрьмы в монастыре Суздаля. В 1819 году игумен монастыря просил у владимирского губернатора о предоставлении средств на приспособление для тюрьмы здания бывшей семинарии. Однако такое ходатайство, по-видимому, не имело успеха, так как 20 мая 1821 г. архимандрит писал в министерство внутренних дел о переполнении тюрьмы и об отсутствии какой-либо системы размещения арестантов: «Как умалишенные, так и за развратное поведение люди содержатся в одной, хотя и довольно обширной, горнице, и с тем вместе больные и слабые, помещаясь тут же, не могут пользоваться должным спокойствием»². Через полтора месяца тот же архимандрит добавочно указывал, что в общей палате арестантов две печи, в которых и готовится пища. Еще через месяц, 7 августа 1821 г., Александр I одобрил предложение министра внутренних дел об устройстве в Суздальском монастыре особого помещения для арестантов, с тем «дабы каждый арестант имел одну небольшую комнату» и чтобы в одном покое ни под каким видом не находилось по несколько человек.

Смета на ремонт и на пристройки была составлена в монастыре на сумму 80 700 р. 35 к. Но министерство внутренних дел увеличило эту сумму до 109 586 руб. Планы переустройства были представлены в департамент государственного хозяйства и публичных зданий (смета утверждена царем 10 февраля 1823 г.), но нам не пришлось ознакомиться с ними. Уже через полтора года сообщалось, что строительство «корпуса арестантских казарм» приходит к окончанию, 10 комнат совсем отстроены и 18 сентября 1824 г. заняты арестантами. Очевидно, с размещением арестантов в новом корпусе очень спешили, так как губернатор в рапорте добавлял о своем распоряжении перевести

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1854, № 412. «О действиях англо-французского флота в Белом море. О бомбардировании Соловецкого монастыря в июле 1854 года и о награде отличившихся при этом арестантов».

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1821, № 303. «Об арестантах суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря».

арестантов в другие помещения, если занятые ими камеры окажутся сырыми¹. Окончательная приемка здания с 24 камерами состоялась в апреле 1826 года. По словам Венедиктова, теперь в монастыре имелось два больших тюремных корпуса и один флигель, насчитывалось семь больших палат, 30 одиночных «чуланов», десять «секретных покоев» и одна большая палата на 20 человек.

Но такого большого числа арестантов в этой монастырской тюрьме никогда не содержалось, как это видно из просмотренных нами ежегодных ведомостей о заключенных. Из сметы же одного архивного дела 1833 года видно, что арестантами были заняты два здания, одно из которых было одноэтажное, а другое — двухэтажное, и в первом из них помещалось 13 арестантских номеров. К этому году уже требовалось значительное исправление отдельных камер. Так, например, указывалось, что в двух камерах полы настолько прогнили «от мокроты арестантов», что требовалась их перестилка. Неизвестно, в каком именно году всех арестантов начали размещать уже в одном корпусе. В историческом описании «Суздаль и его достопримечательности» мы нашли следующее указание: «Во второй половине XIX столетия все заключенные были сосредоточены в одном низком и длинном каменном здании, в котором устроена была для них и особая домовая церковь. Здание это обнесено особой высокой каменной оградой с крепкими воротами. Когда открываются эти ворота, перед вами открывается узкий продолговатый двор, в котором заключенные могли совершать свои прогулки. На этот двор выходил дом для заключенных своей южной стороной. Внутри дома по южной стене тянется длинный коридор. В восточном конце здания находится домовая церковь, далее следуют помещение для караула, кухня и камеры для заключенных; в западном конце здания находится камера для «секретных арестантов». Двери всех камер выходят в общий коридор и имеют отверстия («глазок») для наблюдения за арестантами. Камеры — небольшие комнатки с одним окном и необходимой мебелью — столом, стулом и кроватью. Окна камер смотрят в другой садик, идущий вдоль северной стены здания. Этот садик отделен от монастырского сада также высокой стеной. Из-за этого сада и высокой стены недостаточно света проникало в камеры, и они осенью и зимой были особенно мрачны»².

¹ См. Д. Венедиктов, Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики, стр. 60, 1933.

² «Суздаль и его достопримечательности», изд. Владимирской губернской архивной комиссии, 1912, стр. 34—36.

Несомненно, именно этот корпус имеет в виду Венедиктов, говоря в своей работе, что последнее расширение Суздальской тюрьмы относилось к 1889 году, когда под тюрьму был отведен каменный флигель в 46 сажен длины с 22 одиночными камерами. Но едва ли это можно назвать расширением тюрьмы, если помнить приведенный тем же автором перечень тюремных зданий и числа камер в 1826 году.

Особенностью этого здания была крайняя недостаточность в нем света. Как уже было отмечено в цитированном нами издании «Суздаль и его достопримечательности», тюремные камеры были особенно мрачны осенью и зимой. Но недостаток здания заключался не только в темноте его камер. Об этом свидетельствует очень интересный документ, сообщаемый Венедиктовым, — официальная переписка министерства внутренних дел и Синода по поводу арестанта-священника Золотницкого. Он содержался в монастырской тюрьме в Суздале с 23 декабря 1865 г. до 3 апреля 1897 г., т. е. 32 года. Министерство внутренних дел сообщало Синоду, что, по дошедшим до него сведениям, этот арестант содержался в таких условиях, «которых, по отзыву врача, ни один организм не выдержит». В частности, отмечалась и темнота в тюремной камере.

Сведений о режиме в монастырской тюрьме в Суздале за вторую и третью четверти XIX века очень мало. Официальные донесения хранили об этом молчание, и лишь как редкое исключение нам попадались на эту тему случайные материалы. Что же касается описаний, сделанных самими заключенными, то они совершенно отсутствуют. Это до известной степени объясняется именно режимом этой монастырской тюрьмы: часть заключенных здесь состояла из душевнобольных, а другие хотя и являлись нормальными, душевноздоровыми людьми, однако были совершенно изолированы от внешнего мира.

По указу Екатерины II от 1767 года в Суздале должны были содержаться лишь душевнобольные преступники. Этого не соблюдали, и очень скоро в одних и тех же камерах оказались вместе здоровые и больные заключенные. За исследуемый нами период это подчеркнул Брянчанинов, командированный сюда в 1829 году для ознакомления с условиями содержания здесь декабриста Шаховского и для выяснения действительного его душевного состояния. Брянчанинов, подтвердив несомненную душевную болезнь Шаховского и хорошие условия его содержания в предоставленных ему трех комнатах, вместе с тем доносил о совместном пребывании в этой тюрьме душевнобольных и здоровых арестантов. Со слов игумена монастыря он сообщал, что условия содержания заключенных различны в

зависимости от имеющихся у них денежных средств и это вызывает среди них ссоры. Наличие душевнобольных вызывает резко отрицательное отношение арестантов к игумену, по словам которого, «всякий раз его посещение их ознаменовано бывает ругательствами»¹. Не справляясь с заключенными, архимандрит просил назначить начальником тюрьмы кого-либо из офицеров. Царь ограничился повелением не отправлять в эту тюрьму никого, кроме духовных. Но и это повеление не было выполнено, так как присылка сюда различных сектантов не из числа духовных неизменно продолжалась.

В 1835 году была образована особая комиссия для обследования заключенных монастырской тюрьмы в Суздале с точки зрения их душевного и физического здоровья. Однако этот вопрос разрешался также и с учетом политического момента. Поэтому членом комиссии, кроме врача и архимандрита, был назначен и жандармский полковник. Комиссия знакомилась как с делами заключенных, так и с ними самими. Она нашла 11 человек «совершенно поврежденными в рассудке», но оставила их в тюрьме, так как находила их «заблужденными вредными». Другими словами, тюрьму предпочли больнице по соображению политического характера. Из других заключенных комиссия перевела двоих в больницу, двоих передала родственникам, а четырех перевела в другие монастыри².

Такое же обследование душевного здоровья узников было повторено в 1838 году. На этот раз комиссия была составлена, кроме врачебного инспектора из «благонадежного архимандрита и штаб-офицера корпуса жандармов»³.

Содержание в одной тюрьме Суздальского монастыря душевнобольных и здоровых арестантов продолжалось и в последующие годы. В этом отношении здесь проводилась та же самая политика, что и в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях и в монастырской тюрьме на Соловках. Даже самые тяжкие душевнобольные арестанты оставались здесь, несмотря на всю очевидность их безумия, на тяжесть их соседства для нормальных заключенных, на трудности их пребывания в тюрьме для администрации. Перевод душевнобольных в больницы был редким явлением и обставлялся разными предосторожностями.

Одним словом, царское правительство, считая, что политические и религиозные «преступники» в здоровом состоянии для

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1829, № 214. О содержавшихся в Суздальском монастыре Мошанове и других.

² ЦГАДА, 1835, № 15. Фонд Суздальского монастыря.

³ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1821, н. сл. № 303. Об арестантах суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря.

него опаснее, предпочитало обрекать их на безумие, содержать за тюремными засовами без врачебной помощи, нежели лечить в больницах.

Но монастырская тюрьма в Суздале имела в этом отношении некоторые особенности: сюда направляли заведомо душевнобольных. Число их пополнялось здесь еще и теми, которые сходили с ума уже в заточении. В первом томе книги мы знакомим читателей с первой инструкцией 1766 года, предусматривавшей содержание в этой тюрьме лишь душевнобольных арестантов.

Несмотря на очень большое увеличение числа заключенных за счет здоровых людей, никакой другой инструкции не было даже и в середине XIX века. Только в 1850 году инструкцию 1766 года признали устаревшей, и игумену монастыря, как начальнику монастырской тюрьмы, предложено было представить соображения о содержании арестантов. Игумен, которому и больные и здоровые арестанты доставляли много беспокойства и который за управление тюрьмой особой прибавки к жалованью не получал, отметил, что не приличествует духовному лицу стоять во главе такого дела. Он проектировал возложить обязанности по заведению тюрьмой с административной и хозяйственной стороны на особое лицо военного или гражданского ведомства, а за игуменом оставить «нравственное воздействие» на арестантов¹.

Проект инструкции, разработанный двумя членами владимирской консистории, предусматривал еще большее облегчение для игумена, предполагая поручить административное и хозяйственное заведение тюрьмой особому лицу военного или гражданского ведомства, а нравственное воздействие — кому-либо из монахов монастыря. За игуменом же оставалось общее руководство при условии назначения ему за это особой платы. Размеры этой платы игумену проектировались очень щедро — в сумме, равной жалованью обоих названных выше его помощников².

Но высшее духовное начальство в Петербурге в лице Синода совсем не было расположено подпускать к монастырской тюрьме какое-либо военное или гражданское лицо. Поэтому оно не согласилось с проектом инструкции и потребовало ее переработки. Через пять лет был выработан новый проект

¹ ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря, 1850, опись № 6, дело № 18.

² См. Д. Венедиктов. Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики, 1933, стр. 68.

тюремной инструкции. Он отвечал намерениям высшего духовенства: власть по-прежнему оставалась в руках Синода.

В основных чертах содержание проекта инструкции 1855 года сводилось к следующему:

Статья 1 подтверждала незыблемость того порядка управления монастырской тюрьмой, который был провозглашен за 90 лет перед тем инструкцией 1766 года. Во главе тюрьмы оставался по-прежнему игумен. Отношение его к гражданской власти было определено как его «право» (а не обязанность) обращаться к местному губернатору в случае нужды за распоряжениями и пособиями.

Статья 2 в самой категорической форме подтверждала всю полноту власти игумена в тюрьме: «В совершенном подчинении архимандриту состоят смотритель арестантского отделения, военная стража и служители».

Герцен, посетивший монастырскую тюрьму в Суздале между 1837 и 1840 гг., вспоминал картину, как караульный унтер-офицер рапортовал игумену, что в тюремном замке обстоит все благополучно и арестантов столько-то, а игумен в ответ на это благословлял тюремного стража. Кстати отметим, что этот начальник тюрьмы в монашеской рясе не пустил Герцена дальше тюремного двора¹.

У монастырского начальства уже твердо выработались обычаи и навыки заправских тюремщиков. Поэтому совсем лишним было распоряжение Синода, сделанное по инициативе министерства внутренних дел 12 сентября 1847 г., чтобы был воспрещен осмотр арестантских помещений в монастыре, а свидания с заключенными допускались бы только лицам, получившим на то разрешение².

Через 35 лет после Герцена писатель Немирович-Данченко, посетивший монастырскую тюрьму на Соловках, с фотোগрафической точностью воспроизвел картину рапортования тюремной стражи соловецкому игумену³. «Трогательное» единение меча и креста продолжало оставаться в полной силе.

Статья 4 инструкции явилась как результат чуть ли не вековой монастырской тюремной практики. Опыт показал, что сильные волей и крепкие своими убеждениями монастырские узники способны оказывать влияние на тюремных стражников. Из Суз-

¹ А. С. Пругавин, В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем, СПб., 1909, стр. 165.

² ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря, 1847, № 21.

³ См. В. И. Немирович-Данченко, Соловки, СПб., 1875.

дальской тюрьмы были даже случаи побега вместе с узниками и стражи. Названная статья рекомендовала профилактику против такого влияния узников на стражу, требуя периодической смены состава чинов инвалидной сторожевой команды для устроения «вредного сближения между нею и арестантами». Кроме того, игумен имел право требовать, чтобы заподозренные им неблагонадежные стражники не допускались в монастырскую тюрьму.

Инструкция делала игумена полным хозяином монастырской тюрьмы. Тюремный смотритель ставился в полное ему подчинение и не имел права отлучаться из тюрьмы. Игумену принадлежало право налагать на заключенных различные дисциплинарные наказания, в числе которых было ограничение пищи хлебом и водой. Не указывалось ни числа этих голодных дней, ни, перерыва их днями с выдачей горячей пищи. Но тот же игумен получил право заковывать по собственному усмотрению узников в кандалы, также без ограничения этого наказания каким-либо сроком. Он был лишь обязан доносить о таких случаях архиерею и губернатору.

По образцам инструкций Алексеевского равелина и Шлисельбургской крепости вход тюремного стражника в камеру заключенного допускался лишь при условии одновременного входа туда караульного офицера.

В ночное же время такой вход допускался лишь в «экстренных случаях», причем инструкция требовала немедленно уведомлять об этом игумена.

Таким образом, настоятель Спасо-Евфимьевского монастыря приравнялся к комендантам Петербургской и Шлисельбургской крепостей. Но приравнялся он к ним не во всех отношениях: к нему предъявлялись и кое-какие добавочные требования, не лишние интереса. О них мы узнаем из доклада жандармского подполковника, носившего оригинальную фамилию Деспота-Зеновича. Произведя ревизию Суздальской монастырской тюрьмы после побега из нее в 1850 году одного арестанта-сектанта вместе с тюремным стражником, ревизор нашел игумена неподходящим для должности заведующего арестантским отделением.

Жандарм нарисовал такой идеал духовника-тюремщика: «На этом месте необходимо иметь характер кроткий, обладать некоторым даром слова и быть знакомому с приличиями света, чтобы назидательными наставлениями успевать образумлять заключаемых в монастыре лиц, нередко образованных и хорошей фамилии, но увлеченных заблуждениями и ложными понятиями; основательно знать догматы св. веры, дабы

действовать с успехом к обращению на путь истины закоснелых раскольников»¹.

История монастырской тюрьмы показала нам, что, по общему правилу, настоятелям монастырских тюрем никогда не была свойственна кротость, а дара слова у них хватало лишь на угрозы. Что касается увещаний, нравственного воздействия монахов на арестантов, то сам игумен Суздальского монастыря расписался в полной непригодности для этого всей его монастырской братии.

В 1867 году владимирская консистория запросила Суздальский монастырь, не найдется ли среди монахов кто-нибудь, желающий безвозмездно обучать арестантов грамоте, вести с ними нравственные беседы и служить всенощные. Монастырь ответил отказом, так как у него нет способных обучать грамоте, нет и иеромонахов для богослужения, а когда они найдутся, он «вменит себе в непременный долг быть полезным ближним»². Трудно допустить, чтобы среди монахов не оказалось способных обучать даже грамоте и совершать церковные службы. Вернее всего отказ «быть полезным ближним» был вызван условием делать это безвозмездно.

Мы можем привести несколько примеров той «кротости», с которой относились к заключенным в Суздальской монастырской тюрьме за исследуемый нами период. В 1847 году присланный в этот монастырь под надзор магистр и профессор духовной академии иеромонах Иосиф жаловался обер-прокурору Синода, что настоятель запрещает всякое общение братии с ним и не допускает к нему даже сапожника, что, несмотря на кровотечение из горла, к нему не допускают лекаря; создан такой режим, что к нему бояться принести воды или дров, и он, «корчась на койке и дрожа от стужи, нередко просит господ бога, чтобы умереть, чем так мучиться»³.

Ярким показателем различного отношения игумена к заключенным являлись его письменные предложения о дальнейшей судьбе узников. Среди арестантов были, так сказать, согласно священному писанию, овцы и козлища. К первым, прегрешения которых игумен готов был простить, принадлежали духовные, заключенные за пьянство и распутство, а ко вторым, которым не было прощения, — сектанты. Давая, например, такого рода

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1850, № 2938. «Касательно составления новых правил относительно надзора и содержания арестантов в суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре».

² ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря, 1867, № 166. Дело № 2. «Об обучении арестантов».

³ Тот же архив. Тот же фонд. Дело № 28, 1847 г.

сведения о 26 узниках, игумен допускал освобождение только троих из них; эти трое были духовные и заключены за пьянство и неблаговидное поведение. Наоборот, ни одного раскольника он не признал заслуживающим свободы. Мотивировки были при этом такие: «исступленный и дерзкий противник всякой законной власти не может быть освобожден без явной опасности для общественного порядка»; «из опасения, чтобы он не сообщил противных православной церкви мыслей другим, и не может быть освобожден»; «по самовольному и гордому направлению ума заключение полезно, доколе не придет в чувство христианского самосознания в преступлениях». Последняя из приведенных мотивировок особенно откровенна: свобода религиозной мысли вела к лишению свободы тех, кто решался свободно мыслить¹.

Для характеристики режима монастырской тюрьмы в Суздале нелишне отметить, что сюда попали не только по указу царя, но и по определению Синода. Так, например, из 15 содержащихся в 1868 году было прислано в тюрьму по царским указам 5 человек, а по определению Синода — 10; в 1870 году из 16 узников было заключено в тюрьму «по высочайшему повелению» 4 человека, а по определению Синода — 12. При этом Синод направлял сюда не только за пьянство, за разврат, но и по таким же обвинениям, по которым сюда поступали узники в порядке распоряжений самого царя. Например, в 1868 году Синод послал в Суздальский монастырь одного за дерзкие отзывы о русском правительстве и буйный характер, другого — за религиозную мечтательность и за распространение между крестьянами ложных идей, третьего — за сношение с раскольниками «к явному соблазну чад православной церкви». Но в большинстве случаев Синод заключал в монастырскую тюрьму лиц духовного звания за пьянство, неповиновение епархиальному начальству и т. д.

Если Синод сажал в монастырскую тюрьму за дерзкие отзывы о правительстве, то царь посылал сюда оскорбителей православной церкви и ее противников. Например, в 1868 году среди узников, присланных по повелению царя, находился один, заключенный сюда «за нелепые и неблагонамеренные умышления против св. веры и церкви», трое — за принятие епископского сана у старообрядцев за границей, и т. д.².

¹ ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря. Дело № 2. 1864 г. «О преступниках, сосланных в монастырь».

² ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря, 1867, № 166. Дело № 1, 1866 г.

Добавим, что заточение в тюрьму Суздальского монастыря всегда происходило на неопределенный срок или пожизненно. Для значительного большинства узников опасность умереть в этой тюрьме была тем более велика, что их возраст чаще всего был старческий или близкий к старости. Например, из 15 заключенных в 1868 году 9 человек было в возрасте 60—71 года. Режим для отдельных заключенных разнообразился в зависимости от различных условий. Мы уже ранее видели, что одним из таких условий в царских тюрьмах была степень материальной обеспеченности узников. Другим таким условием была степень опасности или вины заточенного. В более важных случаях применялось строгое одиночное заключение. В таких случаях не допускалось никакого общения с другими узниками, даже прогулки совершались отдельно от других. Так, например, в отчете игумена мы нашли образцы краткого описания режима отдельных заключенных: 1) «по причине лжепророчества, вредных и беззаконных мнений против правительства и стремления к возмущению прочих арестантов, находится в строжайшем заключении. При бдительном же надзоре дозволяется ему иметь уединенную прогулку в коридоре и по двору, каковою и пользуется, когда пожелает»; 2) «содержится с особой свободой. Имеет прогулки, когда пожелает»; 3) «по причине злохулений св. церкви и вредных мнений о правительстве находится в строгом заключении. Дозволяется ему прогулка с надлежащими предосторожностями»¹.

Отсюда видны три типа режима, а именно: «строжайшего», «строго» и с различными отступлениями от строгого режима в сторону его смягчения. Впрочем, нам не известен в подробностях каждый из этих режимов.

Мы уже говорили, что полугодовые отчеты монастырской тюрьмы в Суздале за ряд лет давали сведения о тех мерах так называемого перевоспитания, которые применялись к каждому арестанту.

Эти меры состояли прежде всего в требовании посещать церковь. Понятно отвращение к такому посещению со стороны тех, кто был заключен сюда православным духовенством по делам веры. Поэтому мы постоянно встречаем в отчетах указания на отказ посещать церковь или отметки: «церковь посещают, но не молятся».

Вторым средством воздействия было снабжение арестантов книгами для чтения. Вопрос об устройстве библиотеки для арестантов

¹ ЦГАДА Фонд Суздальского монастыря. Дело № 1, 1841—1849 гг. «Об арестантах, находящихся в монастыре».

стантов был поднят лишь через 80 лет после основания этой тюрьмы. Инициатива исходила не от самого монастыря а от владимирского губернатора. Синод дал свое разрешение с большой неохотой и поставил условие, чтобы в библиотеке находились лишь священные книги и издания самого Синода¹. Неудивительно, что при таком составе библиотеки даже тюремная тоска не заставляла сектанта брать в руки книгу. В отчете игумена образчиком такого отказа от книг была, например, пометка о молоканине: «книг никаких не имеет, ничего не читает и читать не желает». Если же такой читатель и брал книгу, то, как видно из отметок игумена, толковал ее «превратно и по своему мудрованию», а это совсем не входило в расчеты «просветителей».

Третьим средством перевоспитания заключенных было их увещание. Оно было столько же бесполезным, сколько и мучительным для арестантов, так как раздражало их, всегда являясь непрошеным вторжением в их духовный мир. Сам игумен расписывался в своих отчетах в полном провале миссионерской проповеди его и всей его братии. Например, об одном из узников он писал: «Увещания предлагаются ему почти ежедневно, но совершенно бесплодно, потому что он к ереси столь привержен, что о истинах христианской веры равнодушно слышать не может».

Или о другом узнике: «весьма часто получает увещания и духовное утешение, но никогда ничему не внемлет. Сам любит всякого учить, лжемудрствуя и превратно толкуя св. писание в подкрепление всегда нелепых мнений, притом всячески домогается их сообщить другим».

Венедиктов привел в виде примера случай, когда такое увещание довело узника до настоящего бешенства. Он разбил все стекла в окне камеры, разорвал свое платье и постель, сломал кровать. В результате «увещания» узник был прикован к стене цепью.

В одном из только что приведенных примеров настоятель монастыря отметил стремление заключенного распространять

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1844, № 1448. Об улучшении содержания арестантов Суздальского монастыря. Кроме открытия библиотеки, губернатор считал необходимым улучшить питание арестантов, организовать для них работу и устроить при остроге лазаретное отделение на три койки. Это дело началось по жалобе заключенного московскому генерал-губернатору на условия содержания в тюрьме. Хотя ревизор не согласился с жалобщиком, но было предложено улучшить эти условия (в частности, пищу) и дозволить по праздничным дням чай (ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря, 1841—1849, № 1, «Об арестантах, находящихся в монастыре»).

свое толкование священного писания. Этого администрация боялась больше всего и для борьбы с этим принимала энергичные меры. В 1847 году у заключенных были отобраны разные их записки и тетради. Ознакомившись с ними, владимирский епископ нашел, что тетради наполнены разной клеветой, нелепыми мудрствованиями и бессмысленными предсказаниями. Он предписал прекратить это зло, происходящее «по потворству стражи»¹. В 1869 году игумен жаловался властям на почтмейстера, отказавшегося исполнить его незаконное требование пересылать игумену всю корреспонденцию, которая идет из монастыря и в монастырь. Ретивый настоятель, очевидно, не был доволен перлюстрацией корреспонденции гражданской администрацией и хотел в дополнение к своим обязанностям тюремщика совершать и эту операцию во славу своего монастыря, своей тюрьмы и властей предрежащих².

Таковы основные черты режима монастырской тюрьмы в Суздале за период 1825—1870 гг. По сравнению с режимом общеуголовной тюрьмы он был значительно суровее. Заключение в Суздале отягощали неопределенность или даже пожизненность срока пребывания здесь и ненавистные «увещания». Строгость разобщения некоторых узников с внешним миром сближала монастырскую тюрьму с Петропавловской и Шлиссельбургской крепостями.

§ 63. УЗНИКИ МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЕМ В СУЗДАЛЕ И НА СОЛОВКАХ

Среди архивных материалов из фонда Суздальского монастыря за период после 1825 года мне попалось довольно значительное количество списков заключенных в тюрьме этого монастыря за разные годы. Такие списки представлялись два раза в году, по полугодиям. За период 1826—1870 гг. в архиве сохранилось 38 именных ведомостей, составленных иногда за целый год, а большей частью по полугодиям. Наиболее полно сохранились такие отчеты за 30-е, 40-е и 50-е годы XIX века.

Так как за взятый нами период в печати не было сведений о численности заключенных монастырской тюрьмы в Суздале, то я воспроизвожу составленную мною таблицу с цифрами таких узников за найденные нами годы.

¹ ЦГАДА. Фонд Суздальского монастыря 1847, № 26. «Рапорт настоятеля Иоакима».

² Тот же архив. Тот же фонд, 1869, № 22.

ЧИСЛО УЗНИКОВ В СУЗДАЛЬСКОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ

Годы	Количество заключенных	Годы	Количество заключенных
1831, второе полугодие . . .	30	1847, второе полугодие . . .	11
1833, за весь год . . .	27	1848, второе » . . .	12
1834, второе полугодие . . .	24	1849, первое » . . .	13
1835, первое » . . .	23	1850, первое » . . .	13
1835, второе » . . .	19	1850, второе » . . .	13
1836, первое » . . .	22	1851, первое » . . .	15
1837, первое » . . .	22	1851, второе » . . .	13
1838, первое » . . .	16	1853, второе » . . .	17
1838, второе » . . .	18	1855, за весь год . . .	23
1842, первое » . . .	14	1856, » » » . . .	26
1842, второе » . . .	12	1857, » » » . . .	22
1843, первое » . . .	13	1858, » » » . . .	21
1843, второе » . . .	14	1859, » » » . . .	25
1844, первое » . . .	15	1861, первое полугодие . . .	20
1844, второе » . . .	15	1862, первое » . . .	23
1845, первое » . . .	15	1862, второе » . . .	19
1845, второе » . . .	16	1863, первое » . . .	22
1846, первое » . . .	17	1863, второе » . . .	28
1847, первое » . . .	11	1864, первое » . . .	27

Из таблицы видно, что число заключенных было более значительным в 30-е годы, во второй половине 50-х и в 60-е годы и снижалось за 40-е годы. Эти числа вообще не были большими: в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря было место лишь для таких узников, которые по тем или другим основаниям считались более важными и опасными.

Полугодовые списки заключенных содержали сведения не только об их фамилиях, но и некоторые другие. Программа вопросов несколько менялась. Так, ведомость, за 1834 год содержала ответы на вопросы: 1) звание, чин, имя, отчество, фамилия; 2) сколько лет; 3) с какого времени содержится; 4) в уме ли находится и как себя ведет. В 1836 году к этим вопросам были добавлены еще три других, но лишь в отношении вновь прибывших в тюрьму. Эти вопросы выясняли: содержался ли заключенный в общем заключении с другими или «особо», откуда или от кого он был прислан и «за какую вину или что сказано в предписании насчет преступления и содержания». С 1842 года эти более обширные сведения давались обо всех заключенных, а не только о вновь поступивших. С 1846 года и по 1850 год вопросы в ведомостях были значительно расширены и даны в такой новой редакции, проливающей некоторый свет на режим тюрьмы: «1) По чьему распоряжению, кто прислан,

когда, по какой причине. 2) Сколько имеет от роду лет. 3) В каком находится состоянии здоровья. Содержится ли в строжайшем заключении или пользуется хотя некоторым облегчением, как-то: прогулкой и т. п. 4) Имеет ли книги для чтения и какие. 5) Бывает ли на божественных службах. 6) Часто ли получает увещания и духовное утешение. 7) В каком положении его рассудок и вообще степень умственных его понятий, также как себя ведет и чувствует ли свое преступление или заблуждение». С 1853 года вместо вопросов об отдельных мерах воздействия на заключенного (увещание, посещение церкви, чтение книг) поставлен общий вопрос: «какие меры предписаны для исправления» и каков был их результат. Вопросы же о режиме, о поведении и состоянии здоровья отпали. Отсутствие единой программы вопросов в ведомостях о заключенных не позволяет рассмотреть эти списки в одном и том же объеме за весь взятый нами период.

К началу интересующего нас периода, т. е. к 1825 году, в тюрьме Суздальского монастыря находилось 28 заключенных. Из этого числа двое были заключены еще в XVIII веке, а именно в 1795 и 1798 гг. Они были освобождены лишь 19 декабря 1829 г., т. е. один из них провел в заключении 34 года, а другой — 32 года. Причины их заключения в монастырскую тюрьму нам не известны. Один из них был иеродьякон Виталий, а другой — губернский регистратор Мамонов. Следующими по старшинству пребывания в монастыре были: узник с 1804 года, двое заключенных с 1810 года, двое — с 1811 года, трое — с 1813 по 1815 год, трое с 1816 по 1820 год. У остальных стаж их тюремного заключения к 1825 году исчислялся менее чем 5 годами.

Из 46 отчетных лет только за 11 у нас не оказалось сведений о числе вновь поступивших арестантов. За остальные 35 лет число вновь поступивших колебалось в пределах от одного до пяти человек в год.

Таким образом, устойчивость состава монастырских узников объясняется длительностью сроков пребывания их в тюрьме. Это вполне подтвердилось нашей разработкой сведений о 58 заключенных из числа 124, фамилии которых мы установили по архивным материалам. Относительно этих 58 человек мы знаем точно сроки их поступления в монастырь и выбытия из него.

Из 58 человек у пятерых срок пребывания оказался короче восьми месяцев, но только потому, что трое из них умерли, четвертый был переведен в Соловки и только пятый освобожден. Большая часть заключенных, наоборот, провела в монастырской тюрьме длительные сроки, а именно: один — 34 го-

да, один — 32 года, один — 27 лет, двое — по 25 лет (умерли в тюрьме), один — 22 года, трое — от 17 до 19 лет, 6 человек от 11 до 15 лет, двое — по 10 лет, 9 человек — от 6 до 8 лет, 11 человек от 4 до 5 лет и 15 человек от 1 до 5 лет. В общей сложности эти 58 заключенных провели в монастырской тюрьме почти 500 лет.

Относительно сроков пребывания в монастырской тюрьме Суздаля мы можем представить и другие сведения о более значительном числе узников. Сведения эти мы нашли в архивном списке 102 заключенных. Список был составлен за период с 1772 года по 1835 год в порядке восходящей нумерации узников, но в нем не оказалось фамилий первых 20 номеров, вследствие чего он начался лишь с номера 21. В список вошли лишь те заключенные, которые по тем или другим основаниям выбыли из монастыря не позднее 1837 года. В него вошли 20 заключенных, начиная с 1825 по 1835 год (сроки пребывания их в тюрьме включены в нашу разработку, сообщенную выше).

Мы составили таблицу сроков пребывания узников в монастырской тюрьме с указанием, сколько из них умерло в тюрьме:

ТАБЛИЦА
СРОКОВ ПРЕБЫВАНИЯ В МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ СУЗДАЛЯ

Срок пребывания	Количество заключенных	Из них умерло
От 26 до 53 лет	6 человек	3
» 21 » 25 »	6 »	3
» 16 » 20 »	5 »	3
» 11 » 15 »	15 »	11
» 6 » 10 »	24 »	6
До 5 лет	46 »	13

Обращает на себя внимание большое число умерших в тюрьме: из 102 человек, вошедших в тюрьму, 39 заключенных из нее уже не вышли, найдя свою смерть в тюремных камерах. Заключенные здесь в громадном большинстве случаев не знали сроков предстоявшего им заточения, будучи направлены сюда без указания времени лишения свободы или пожизненно. Во всяком случае, Суздальская монастырская тюрьма была не краткосрочной, а долгосрочной. Мы подсчитали, что в общей сложности эти 102 заключенных провели в тюрьме 932 года.

Нам уже известно, что с момента своего основания тюрьма при Суздальском монастыре предназначалась для безумных. Постепенно она теряла такое свое назначение, но за исследуемый нами период пятая часть всех заключенных попала в эту тюрьму как безумные. Таких из 124 человек оказалось 25, причем из

этих 25 только 4 были недуховного звания. Нет никакой уверенности, что эти узники были все действительно душевнобольными. Наоборот, несомненно, что некоторые из них были здоровыми людьми, но пребывание их на свободе признавалось по тем или другим причинам нежелательным, и они без суда и следствия упрятались в монастырскую тюрьму под предлогом их безумия. При изменении обстоятельств эти арестанты, заточенные как безумные, освобождались. Нам попались случаи такого освобождения «безумных» заточенных, иногда через очень короткие сроки, а чаще через настолько продолжительные, что, казалось бы, за это время в монастырской тюрьме скорее можно было сойти с ума, нежели выздороветь. Так, были случаи освобождения «безумных» через 34 года, 27 лет, 17 лет и т. д.

Возникает вопрос: чем руководствовалась церковная и светская администрация, когда держала на тюремном положении одних из этих узников и освобождала или переводила в больницу для душевнобольных других арестантов. Некоторый свет на такого рода уголовную политику проливает, например, следующее объяснение причин заточения в монастырь: «по иступлению ума, дабы не могло впредь произойти от него больших беспорядков и соблазна народного». Сходное с ним другое объяснение: «За рассуждения не сообразные с здравым рассудком и даже опасные при нахождении его на свободе». Здесь явно сквозит опасение администрации перед возможностью нежелательной пропаганды.

Такими же соображениями руководствовалась в 1835 году комиссия по обследованию узников монастыря. Она, как мы видели выше, оставила в монастырской тюрьме 11 заключенных, хотя и нашла их «совершенно поврежденными в рассудке». Она оставила их именно потому, что находила их заблуждения вредными.

Предположения о причинах такой политики правительства при отборе ненормальных обвиняемых для содержания их в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря нашли себе полное подтверждение в разысканной нами на этот предмет инструкции от января 1838 года.

Инструкция предписывала «стараться правильнее изыскать причины помешательства заключенных: происходили ли они от заблуждений в религиозном или политическом отношении или по другим частным обстоятельствам». Другой параграф обязывал выяснять, «в какой степени видимо помешательство, не возбуждают ли речи или поступки их соблазна нетерпимого и опасного в обществе или же, напротив, заключая в себе явную

бессмысленность, не могут быть вредны даже и для людей необразованных»¹.

Отсюда ясно, какое значение придавала администрация моментам государственной опасности с политической и религиозной точек зрения при рассмотрении самого содержания безумия. Интересы церкви и классового государства расценивались здесь совершенно одинаково.

Неизвестно, чем руководствовалась администрация, направляя в монастырскую тюрьму некоторых лиц, не принадлежавших к духовенству, совершивших общеуголовные преступления в состоянии душевной болезни, как, например, убийство. (Впрочем, эти случаи были исключительно редки.)

В некоторых случаях игумен монастыря, он же начальник монастырской тюрьмы, отмечал в своих периодических отчетах, что присланный к нему как безумный ведет себя нормально, — как здоровый человек. Но обычно такие отметки не приводили к освобождению арестантов.

Случаи заключения в монастырскую тюрьму гражданских лиц за уголовные преступления, вероятно, вызывались стремлением не передавать дела в суд или желанием назначить преступникам менее суровую кару. По большей части эти лица принадлежали к привилегированному классу. Так, например, сюда попал отставной полковник Лисевич «за жестокие поступки с крестьянскими женками», капитан Балле — за противозаконный разврат, чиновник Фриш — за сожительство с родной сестрой, чиновник Константинов — «за разные противозаконные поступки и весьма беспокойный нрав, склонный к клевете, козням и проискам всякого рода», чиновник Молчанов — за покушение на жизнь отца и предосудительный образ жизни. Но в этой же группе оказался сын дьячка, заключенный сюда на 10 лет за покушение на убийство с целью ограбления крестьян, убивший свою десятимесячную дочь и удавившийся через семь лет заключения.

Самую большую группу среди заключенных в монастырской тюрьме составляли узники по религиозным делам. Их оказалось 44 человека из общего числа 124. Трудно охарактеризовать эту группу, до того разнообразны ее представители. Сюда вошли последователи различных вероучений, так называемые отступники от православия, оскорбители догматов господствовавшей церкви, представители тех учений, которые были порождены гнетом и темнотой.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Канцелярии обер-прокурора Синода, 1837—1856, № 23765. «О рассмотрении дел касательно заключенных в Суздальском монастыре» (л. 39).

Уже одни названия различных сект говорили о том, в какой степени эти секты были порождены политикой царско-помещичьего гнета и условиями экономической нужды. Известный исследователь раскола А. С. Пругавин¹ составил обширный указатель литературы к материалам для изучения религиозно-бытовых движений в среде русского народа. В своей книге он дал сведения об очень значительном числе сект, в том числе о сектах, известных под такими, например, названиями: дырники, дыропеки, нетовцы, лучинковцы, липаки, или липняки, рябиновцы, калиновцы, медальщики, не-наши, странники-бегуны, воздыханцы, секачи, обнищеванцы, неплательщики и другие. Все эти сектанты представляли угрозу в той или другой степени православной церкви и тогдашнему государственному строю. Они попадали в ссылку, в общие уголовные тюрьмы, в монастыри и в крепости. В наши задачи не входит хотя бы и кратко выявлять сущность этих вероучений. Одни из них были прямо направлены против политики угнетения податного сословия налогами, воинскими наборами, а другие — против догматов православия. В том и другом случае светская и духовная власти объединялись в борьбе с этими вероучениями.

Совершенно исключительным эпизодом была ссылка в различные монастыри, и в том числе в тюрьму Суздальского монастыря, нескольких представителей родовой аристократии и высшей бюрократии в 1837 году. Это были жена статского советника Татаринова и ее последователи. Порожденная увлечением мистикой 20-х годов XIX века секта Татариновой пользовалась покровительством Александра I, который сам побывал на молитвенном собрании и слушал пророчества Татариновой. Собрания сопровождалось кружением в белых одеждах. В те годы покровительством Александра I пользовался и главный учитель скопцов Селиванов. У подъезда купеческого особняка, где проживал Селиванов и куда полиция не имела права входа, можно было видеть запряженные четверками и шестерками лошадей кареты знатных барынь². После смерти Александра I

¹ См. А. С. Пругавин, Раскол-сектантство. Материалы по изучению религиозно-бытовых движений русского народа, вып. I. Библиография старообрядчества и его разветвлений, М., 1887.

² Как было указано в первом томе «Истории царской тюрьмы», Селиванов был помещен в Суздальский монастырь в 1820 году. Его доставили сюда со всякими удобствами в экипаже, стоившем казне 1700 руб. (см. статью Дубровина «Наши мистики-сектанты», «Русская старина» 1895 г., октябрь). Александр I, посетивший скопца на его квартире, представил на его содержание в Суздале по 600 руб. в год, т. е. в десять раз больше высшей ставки (ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., № 303).

отношение к Татариновой изменилось. В 1830 году Бенкендорф потребовал от Татариновой прекратить у себя молитвенные собрания и сообщил, что отныне ее дом должен быть открыт «по примеру всех прочих обывательских домов» для входа полиции¹. Через семь лет полиция обнаружила, что собрания секты Татариновой продолжаются. Был установлен факт, что один из главных последователей Татариновой, генерал Попов, жестоко истязал свою дочь за отказ вступить в секту. Полиция нашла дочь Попова запертой в чулане; от побоев палками она из цветущей превратилась в скелет, обтянутый кожей. Такова была реальность генеральской мистики: служитель сокровенного духа заделался самым настоящим палачом своей дочери. Попова сослали в казанский Зилотов монастырь, Татаринову — в Кашинский монастырь, ее последователя Пилецкого — в Суздальский.

После сказанного нами о заключенных в монастырской тюрьме в Суздале не приходится много говорить об узниках Соловецкой монастырской тюрьмы. Основная часть всех заключенных здесь, как и в Суздале, составлялась из жертв религиозной нетерпимости и политики гнета, характерной для господствовавшей церкви за весь интересующий нас период.

Поскольку эта монастырская тюрьма на Крайнем Севере была более суровой, чем при Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале, сюда направлялись более опасные для православия его противники. По той же причине сюда не отсылали, как общее правило, тех духовных лиц, вина которых состояла не в отступлении от православия, а в разврате, пьянстве, неповиновении духовному начальству. Поэтому же в Соловецкую тюрьму преимущественно направлялись заключенные по делам смешанного религиозно-политического характера или даже чисто политического свойства (например по делу братьев Критских, описанному нами в главе о Шлиссельбургской крепости).

В 80-х годах в журнале «Русская старина» появилось несколько статей о значительном числе узников Соловецкой тюрьмы за период начиная с XVI века и до конца 50-х годов XIX века. Автором их был Колчин, служивший в монастыре фельдшером. Статьи его, не раз использованные нами, богаты фактическим материалом. В 1933 году опубликовал свою работу о Соловецкой тюрьме Венедиктов-Бизюк (также нами не раз цитированный), сообщивший сведения о различных узниках

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1830, № 81.

этой тюрьмы за разные годы. Нет надобности подробно знакомиться со всеми этими узниками ввиду общего сходства положения дел в Соловках с положением дел в Суздале.

Монастырская тюрьма на Соловках всегда содержала значительно больше заключенных, чем Суздальская. В найденном нами списке за наиболее ранний из годов интересующего нас периода, а именно за 1826 год, мы насчитали 30 заключенных. По другому архивному списку за вторую половину 1830 года заключенных было 45 человек, а в 1832 году — 43 человека; по напечатанному Колчиным списку за 1835 год — 50 человек, а за 1855 год — 19 человек.

Из рассмотрения этих списков начиная с первого за 1826 год обнаруживается черта, особенно свойственная соловецкому заточению. Я имею в виду очень большую продолжительность содержания здесь заключенных. Так, например, в числе заключенных, фамилии которых обозначены в списке за 1826 год, были арестанты, содержавшиеся в 1807, 1808, 1812 гг.¹ В списке 1855 года мы встречаем узников с 1812, 1818, 1822 и других ранних годов. Ветераном был крестьянин Шубин, заточенный в тюрьму в 1812 году за старообрядчество и богохульство. Он пробыл в заточении 63 года, достигнув 108-летнего возраста.

Из 30 человек, фамилии которых стоят в списке 1826 года, 29 были заключены за разные религиозные преступления, в том числе большинство за скопчество. Из 45 заключенных, которые находились в тюрьме в 1830 году, 36 человек были заточены за религиозные преступления, за уголовные преступления — 5, за политические — 3 и 1 — за «сварливый нрав»². Из 19 заключенных 1855 года за религиозные преступления содержались 18 человек и только 1 — за религиозные и уголовные.

Громадное большинство среди содержавшихся по религиозным делам составляли скопцы. Но были и такие, как, например, Сергеев, содержавшийся «за крещение себя старообрядчески двуперстным сложением, рассказы нелепостей, происходящих от религиозного испуга». Следует подчеркнуть, что крестьянин Сергеев за крещение себя по-старообрядчески двумя перстами и за рассказы «нелепостей» сидел в тюрьме в 1855 году уже 25 год.

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд канцелярии дежурного генерала по секретной части, 1826, № 98. «Об исправлении здания, занимаемого в Соловецком монастыре арестантами».

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1830, № 961. Рапорты архимандрита Соловецкого монастыря Досифея за вторую половину 1830 года.

Нередко основанием к заключению по религиозным делам служили присоединявшиеся сюда политические моменты начиная от неодобрительных отзывов о царе и кончая отрицанием всякого повиновения власти. Примером случаев первого рода служит заточение хорунжего Шулепова в 1830 году за раскол и за слова его, что цари вместо церквей возлюбили театры и трактиры. Примером узников второй группы служит заключенный в 1830 году и умерший, «не раскаявшись», Иванов. При задержании, когда ему было 65 лет, он назвал себя и одновременно задержанную с ним его жену «христовыми странниками»¹. Он странствовал по целому ряду иностранных государств: побывал в Турции, Молдавии и в различных германских государствах. Он и жена его открыто заявили о непризнании ими никаких гражданских и духовных властей. Жена его заявила, что она отца не имела и не имеет, кроме отца небесного, и, кроме царя небесного, никакого не признает — ни государя, ни гражданской, ни духовной власти². Хотя от такого «непризнания» земных властей этими странниками, казалось бы, церковной и гражданской властям не грозило никакой опасности, тем не менее они были заточены по монастырским тюрьмам, где и закончили свои земные странствования.

Заключенным в тюрьму, как уже было упомянуто, «за сварливый нрав» был иеромонах Иероним. Его сначала заточили в Петропавловскую крепость за неисполненное обещание «поведать тайну» и перевели в Соловки лишь по обнаружении его «сварливого характера». В его деле отмечено проектирование им памятника Рюрику. Это не спасло его от заточения в Соловки по воле того, кто считал себя потомком Рюрика³.

Даже во второй половине XIX века монастырские тюрьмы на Соловках и в Суздале не были единственными местами заключения при монастырях, куда направляло своих заключенных не только духовное ведомство, но и III отделение. В архиве этого отделения имеется дело 1850 года, когда в связи с 25-летием царствования Николая I собирали сведения о таких заключенных по разным монастырям. Среди узников монастырских тюрем оказались заключенные по весьма различным основаниям, и в том числе довольно оригинальным, даже при всей «оригинальности» обычных поводов заточения в крепости и монастырские тюрьмы.

¹ Об этой секте см. И. Пятницкий, Секта странников и ее значение в расколе, 1906.

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1830, № 635. «О хорунжем Шулепове». См. также дело № 74 «О христовых странниках».

³ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Синода, 1830, № 233. «Дело о иеромонахе Иерониме».

Приведем примеры. В 1837 году в Рыльский монастырь был заключен крепостной крестьянин Ефим Никитин «за сумасбродные вымыслы о преобразовании государственного управления». В отзыве о нем отмечено, что, будучи здесь в заточении, он в 1847 году «занимался нелепыми вымыслами по устройству машин». Впрочем, духовное начальство находило в 1850 году возможным освободить его под надзор полиции и духовного лица.

С десятилетнего возраста в течение девяти лет был узником Старо-Лутвинского монастыря Сергей Иванов за убийство своего брата по собственной просьбе последнего, видевшего в своей смерти единственное средство избежать побоев помещика.

Другой мальчик 11 лет в 1829 году был заточен за убийство ребенка в тюрьму Соловецкого монастыря сроком на 15 лет. За «противоестественную ненависть к детям» в Соловчинском монастыре Рязанской епархии находился в заключении отставной штаб-ротмистр Алексей Огарев. Ряд лиц по «высочайшей воле» и в порядке удовлетворения просьб их родителей содержались в заточении в Белозерском монастыре, по монастырям Новгородской епархии и в Соловецком монастыре — за неповиновение родительской власти и т. п. Впрочем, роль монастырских тюрем, кроме Соловецкой и Суздальской, была в это время невелика.

Глава одиннадцатая

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

§ 64. МАТЕРИАЛЫ О СОСТОЯНИИ ТЮРЕМ В 1825—1870 ГОДАХ

МАТЕРИАЛЫ по истории русской тюрьмы в занимающий нас период разнообразнее и богаче, чем за все предшествующее время. Правительство, продолжая за эти годы свою прежнюю политику хранения в секретных архивах сведений о тюрьмах, поставлено было в необходимость опубликовывать некоторые из них в печати. Тюремное дело настолько разрасталось, что нельзя было обходиться без издания циркуляров по управлению местами лишения свободы.

Привлекало больше внимания к себе состояние тюрем и в периодической печати. Это объяснялось попытками правительства реформировать уголовное законодательство вообще и тюремное в частности. Не осталось без влияния и появление юридических факультетов, и развитие преподавания русского уголовного права.

Начали появляться в печати описания тюрем их очевидцами и самими бывшими заключенными. Правда, таких мемуаров было еще очень мало, но они представляли тогда большой интерес новизной. Именно к этому времени относится издание Достоевским его «Записок из мертвого дома», одного из крупнейших произведений не только русской, но и мировой литературы.

К сожалению, из самой миллионной массы общеуголовных преступников за этот период их голоса до нас не доходили. И это очень жаль. Эти люди могли бы рассказать очень многое. Глубоко прав был Герцен, когда писал: «Чтобы знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, для этого надо быть мужиком, дворовым, мастеровым или мещанином. Политических арестантов, которые большей частью принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбой бедных бородачей. С такими полиция не церемонится...»¹.

Официальные печатные материалы о тюрьмах состояли, во-первых, из циркуляров министерства внутренних дел, во-вторых, из отчетов министра юстиции, давших нам возможность в главе о тюремном законодательстве выявить изменения роли тюрьмы в общей репрессии, и, в-третьих, из собранных — в связи с предполагавшейся реформой тюрем — сведений о местах заключения. Эти последние сведения позволили нам, как ниже будет видно, нарисовать картину состояния тюремных замков, острогов и тюрем в конце 50-х и в начале 60-х годов XIX века.

Сведения о местах заключения, исходившие от частных лиц, относятся к различным годам. Они исходят почти исключительно от осужденных по крупным политическим процессам. Эти осужденные проходили свой страдальный путь рука об руку с уголовными преступниками и оставили нам ценные описания условий содержания в общеуголовных острогах и тюрьмах. Такова была, например, работа Колесникова, присужденного в 1827 году за причастность к заговору декабристов к четвертованию, которое было заменено ссылкой в каторжные работы. Он совершил часть этого пути во много тысяч верст, из Оренбурга в Сибирь, пешком. Он шел в кандалах, прикованный вместе с другими к металлическому пруту; на жаргоне тюрьмы арестанты называли тогда этот прут «канатом». Декабрист Штейнгель обработал для печати его записки. По времени написания этот труд о русской тюрьме, принадлежащий арестанту, является первым, но опубликован он был лишь в 1914 году².

Из петрашевцев, кроме Достоевского, еще и Ахшарумов оставил нам описание быта острога конца 40-х и начала 50-х го-

¹ А. И. Герцен, *Былое и думы*, изд. «Academia», 1932, т. I, стр. 157.

² См. В. П. Колесников, *Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату*, ред. и вступ. статья Щеголева, СПб., 1914.

дов. Поэт Михайлов в своих записках запечатлел много моментов из жизни сибирских тюрем. Вообще начиная с 60-х годов эта литература, вышедшая из-под пера обитателей тюрьмы или ее случайных посетителей, все больше и больше находит себе место в журналах.

К одним из наиболее ранних описаний мест заключения во второй четверти XIX века принадлежат краткие воспоминания об этом А. И. Герцена. Они относятся к 1834 году и интересны для нас тем, что рисуют содержание под арестом при полицейской части и в каземате Крутицких казарм, находившихся в ведении жандармов. Нам не известны никакие другие воспоминания за этот период о таких местах заключения.

В последующем изложении мы выделим и рассмотрим особо места предварительного заключения, этапные помещения и тюрьмы.

§ 65. МЕСТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Обычным местом предварительного заключения служили арестные помещения при полицейских управлениях. Через них проходила почти вся масса задержанных по обвинению в преступлениях, проступках и мелких нарушениях. Несмотря на громаднейшее количество людей, перебивавших в этих местах арестантами, до нас почти совсем не дошло частных их описаний. Из первого тома книги нам известно их состояние около 20-х годов XIX века (из доклада Венинга). Есть все основания предполагать, что реформа не коснулась их ни в какой степени за весь последующий период 1825—1870 гг. Вместо руки реформатора, вместо новой стройки или даже простого несложного ремонта — их разрушала рука времени.

Немногие дошедшие до нас описания арестантских камер при полицейских частях показывают, что даже в Петербурге их состояние десятилетия спустя оставалось почти таким же, каким оно было около 1820 года. При осмотре арестантского помещения при полицейской части в Петербурге в 1842 году там было найдено такое количество арестованных, что они не могли не только лежать, но и сидеть, проводили время стоя на ногах. Из приказа генерал-губернатора по полиции от 22 марта 1843 г. видно чрезвычайное переполнение камер арестантами, принужденными помещаться даже под нарами, вплотную друг к другу. Предложение увеличить площадь этих арестантских помещений за счет уменьшения квартир приставов и других чинов полиции, конечно, не было выполнено. Приказ называл положение арестантов «неприличным, оскорбительным для человечества».

Рис. 29. Обложка журнала А. И. Герцена «Полярная звезда»
Подлинник хранится в Государственном историческом музее в Москве

цейская расправа. Из полицейских участков дела и люди после отсева их полицией направлялись в другие места, более близкие к центру.

В полицейских участках царили гоголевские держиморды. Здесь был первый этап, где вымогалась взятка и где начиналась волокита.

Герцен, сказавший: «надо быть мужиком, чтобы знать полицию», не мог дать описаний условий содержания в полиции ни с должной полнотой, ни с должной точностью. Для него как представителя привилегированного класса условия содержания были иные. Его поместили на первую ночь не в арестантскую камеру, а в комнату канцелярии со столами, заваленными бума-

Стоит ли говорить, что этот приказ ни в какой степени не изменил положения арестантов в полицейских участках? Никитин, у которого мы почерпнули сведения о приведенном выше циркуляре, констатирует совершенную безрезультатность циркуляра и приводит ряд примеров по-прежнему отвратительного состояния арестантских помещений за ряд последующих лет¹.

Когда в самом начале 60-х годов правительство получало из всех губерний европейской и азиатской России ответы о состоянии мест лишения свободы, полицейские участки всегда оказывались худшими из худших².

Надо помнить разнообразную роль полицейских управлений. Это были те первые места, где чинились суд и полицейская расправа.

В полицейских участках царили гоголевские держиморды. Здесь был первый этап, где вымогалась взятка и где начиналась волокита.

Герцен, сказавший: «надо быть мужиком, чтобы знать полицию», не мог дать описаний условий содержания в полиции ни с должной полнотой, ни с должной точностью. Для него как представителя привилегированного класса условия содержания были иные. Его поместили на первую ночь не в арестантскую камеру, а в комнату канцелярии со столами, заваленными бума-

¹ См. В. Н. Никитин, Тюрьма и ссылка, 1880, стр. 152—155. Автор приводит указания на систематическое обкрадывание арестантов чинами полиции.

² Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 1866 года (3-й части). По моему подсчету, в 32 губерниях оказалось при полиции камер: одиночных — 255, общих — 673, всего на 4512 человек.

гами, с грязными стульями, с тусклым ночником. Явившийся сюда утром на работу писарь «был пьяным со вчерашнего дня; фигура чахоточная, рыжая, в прыщах, с животной развратностью выражением на лице». Затем явились «заспанные и не проспавшиеся квартальные» и сам частный пристав. Герцена перевели в камеру «под каланчой» Пречистенской части. Привезший его сюда унтер-офицер предупредил, что пайка не будут давать еще дня два и так как он состоит из 3 или 4 копеек на день, то хорошие арестанты представляют его в экономию», т. е. в казну, а в действительности, вероятно, в руки полицейских. В полицейских помещениях Герцен видел сидевших и лежавших на полу скованных арестантов «из мужиков». Из своей камеры он слышал, как их секли и били при допросах, слышал «их вопль, крик, просьбы, визг, женский стон вместе с резким голосом полицмейстера и однообразным чтением письмоводителя»¹.

За время предварительного содержания Герцена в Пречистенской полицейской части один из таких избиваемых арестованных, не стерпев истязаний, признал себя виновником поджогов по Москве, к которым в действительности не имел никакого отношения. Полиция в этом деле проявляла особое «усердие», так как царь был недоволен безуспешностью поисков поджигателей. Приговоренный к каторге, кнуту и клеймению мнимый преступник перед публичным его наказанием апеллировал к собравшемуся народу, клялся в своей невиновности и показал свою истерзанную спину. «Стон ужаса пробежал по толпе», но приговор был выполнен в точности. Впоследствии, — вероятно, немалое время спустя, — Герцен прочел в газетах о реабилитации этого осужденного и его соучастника и о выдаче им по 200 руб. за каждый удар кнутом. Конечно, в этот счет

¹ А. И. Герцен, Былое и думы (подбор иллюстраций Пцеховской), изд. «Молодая гвардия», 1933, стр. 129—130.

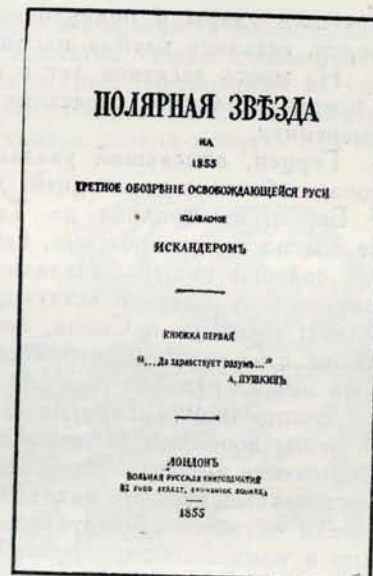

Рис. 30. Титульный лист журнала А. И. Герцена «Полярная звезда»
Подлинник хранится в Государственном историческом музее в Москве

не вошли удары в полицейской части. И навсегда, до самой смерти, остались клейма на лицах невинно осужденных.

На много десятков лет в практике полицейского дознания и предварительного следствия оставалась пытка, официально отмененная.

Герцен, описавший указанный случай и сам слышавший стоны избиваемых полицией, добавлял: «И во всей России — от Берингова пролива до Таурогена — людей пытаются; там, где опасно пытать розгами, пытаются нестерпимым жаром, каждой, соленой пищей... Начальство знает все это, губернаторы прикрывают, правительствующий Сенат мирволит, министры молчат; государь и Синод, помещики и квартальные — все согласны с Селифаном, что отчего же мужика и не посечь. Мужика иногда надобно посечь!»¹.

Воспоминания Герцена о его пребывании в полицейской части мы дополним сведениями из архивного дела, не попадавшими мне в печать. Эти сведения подтверждают еще раз, что арестованные дворяне находили в полиции совсем иной прием, нежели «мужики». Квартальный после одного из допросов Герцена в комиссии на возвратном пути в тюрьму завел последнего к его отцу. Это сделалось известным, и был возбужден вопрос о предании квартального суду. Другой квартальный вместе с арестованным по одному с Герценом делу Ибаевым совершали из-под ареста прогулки, как сказано в деле, «к публичным девкам»².

Такие случаи нарушения правил предварительного содержания в полицейских участках, разумеется, не были единственными. Конечно, здесь оказывала свое влияние взятка: перед арестованными из дворян двери полицейской камеры раскрывались для свидания с родными, для прогулок и для разгула.

Мы обязаны Герцену описанием и другого места предварительного заключения в Москве в 30-х годах. Из арестантской камеры под каланчой Пречистенской части он был переведен в тюрьму жандармского управления. Она помещалась в Крутицких казармах, в здании бывшего Крутицкого монастыря, за Симоновым монастырем.

«Длинный коридор освещался фонарем; по обоим сторонам коридора были небольшие двери. Одну из них отворил дежур-

ный жандармский офицер. Она вела в крошечную кордегардию, за которой оказалась небольшая комнатка, сырая и холодная, с запахом подвала». «В монашеских кельях, построенных за триста лет и ушедших в землю, устроили несколько светлых келий для политических арестантов. В камере стояла кровать без тю-

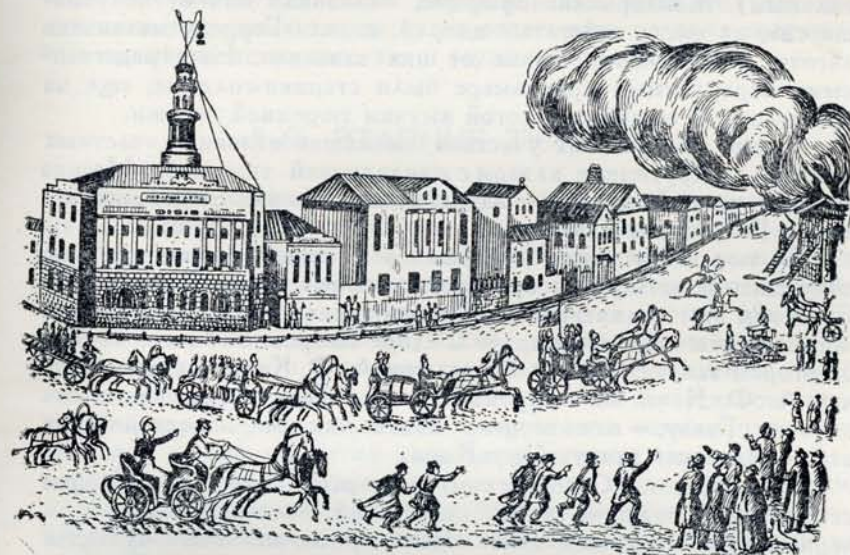

Рис. 31. Пречистенская полицейская часть в Москве. Под каланчой в одиночной камере содержался арестованный А. И. Герцен
Из книги А. И. Герцена «Былое и думы», 1933

фяка. Жандарм обещал принести сено. Убранство камеры состояло, кроме кровати, из стула и стола с кружкой воды на нем. В большом медном шандале горела тонкая сальная свеча. Сырость и холод проникали до костей. В камере была масса тараканов. Топка печей сопровождалась таким угаром, что Герцен лишился сознания. Часовые с двух сторон коридора каждые четверть часа протяжно и громко кричали: «Слу-у-у-шай!»

Сначала содержание в этой жандармской тюрьме было, по словам Герцена, довольно строгим. В 9 час. вечера, по сигналу вестовой трубы, жандарм тушил в камере свечу и запирали дверь на замок. Через несколько недель полковник Семенов позволил оставить свечу, запретив, чтобы чем-нибудь завешивали окно, которое было ниже двора, так что часовой мог видеть все, что делается у арестанта, запретил кричать в коридоре «слушай».

¹ А. И. Герцен, *Былое и думы* (подбор иллюстраций Пшеховской), изд. «Молодая гвардия», 1933, стр. 129—130.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения. 1 эксп., 1834, № 239, ч. 1. «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи».

Позднее были разрешены прогулки, в камере дали возможность писать. Прогулки происходили по двору в сопровождении жандарма и офицера. Листы писчей бумаги выдавались счетом и подлежали проверке. Кормили сносно, но брали за это по 2 руб. ассигнациями в сутки (для малоимущих такой расход был непосильным). Жандармские офицеры, «мало или ничему не учившиеся», из числа небогатых дворян, делали Герцену маленькие льготы и облегчения, какие от них зависели. Непосредственными караульными при камере были старики-солдаты, еще не прошедшие в то время строгой выучки тюремной стражи.

Кроме полицейских участков, носивших название «частных домов», и Крутицких казарм с жандармской тюрьмой, в Москве местами предварительного заключения служили тюремный замок и Петровские казармы.

В тюремном замке содержался главный обвиняемый по делу распеваания противоправительственных песен Соколовский. С именем этого заключенного Герцен связал свои воспоминания об известном тюремном враче Федоре Петровиче Гаазе, память о котором запечатлена его биографом А. Ф. Кони. Удивительно, что А. Ф. Кони не воспроизвел строк Герцена, посвященных доктору Гаазу, — они всецело подтверждают характеристику этого человека, данную ему Кони.

Гааз прислал Соколовскому в тюрьму свое белье. Герцен вспомнил о Гаазе: «Старый, худощавый, восковой старичок, в черном фраке, коротких панталонах, черных шелковых чулках и башмаках с пряжками, казался вышедшим из какой-нибудь драмы XVIII столетия». Каждую неделю он приезжал на Воробьевы горы в этапную тюрьму для проводов арестантской партии в ссылку. Он осматривал их и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств, грецких орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин. Это возбуждало гнев и негодование благотворительных дам, боявшихся благотворением сделать удовольствие, боявшихся благодетельствовать более, чем нужно, чтобы спасти от голодной смерти и трескучих морозов. На упреки за баловство Гааз отвечал барыням-благотворительницам, что кусок хлеба и грош арестантам дает всякий, а конфетку и апельсин никто, поэтому он доставляет им это удовольствие.

Об арестном помещении при полиции в 40-х годах XIX века оставил короткое воспоминание историк профессор Костомаров. Он описал свою арестантскую камеру в подольской полицейской части Киева как «отвратительную и грязную». Он был посажен сюда под охраной двух полицейских. Явившийся утром полицмейстер злобно говорил, потирая руки: «Каково тут

Вам, г. профессор, не совсем удобно? Оно было бы приятней дома с молодой женой»¹.

Подследственными местами заключения, кроме полицейских участков, являлись также общеуголовные тюрьмы, в которых обвиняемые, находившиеся под следствием и судом, содержались вместе с осужденными. Таким образом, наше последующее описание уголовных тюрем будет охватывать условия содержания как подследственных, так и осужденных арестантов.

§ 66. ЭТАПНЫЕ ТЮРЬМЫ

Так называемые этапные тюрьмы были разбросаны по всему громадному пути, по которому шли ссыльные в Сибирь. Так как ссылка в Сибирь до издания Уложения о наказаниях 1845 года даже вытесняла тюрьму, то эти этапы и полуэтапы были необходимой принадлежностью системы ссылки. На полуэтапах ссыльных останавливали для ночевки, а в этапных тюрьмах — для ночевки и в дневное время для отдыха в пути, который они совершали пешком. Уже известный нам Колесников, прошедший через множество этапов и полуэтапов, оставил ценное их описание и даже вычертил план зданий тюрем этого типа. Для исследуемого нами периода это не только первое по времени, но и единственное по своей подробности описание таких тюрем. Обнаруженное нами в архиве III отделения секретное описание постройки этапных тюрем почти совпало по времени с тем 1827 годом, когда Колесников шагал в кандалах, прикованный к металлическому пруту, по сибирскому тракту. Таким образом, мы получили возможность использовать два источника — частный и официальный.

Официальное донесение по постройке этапных тюрем исходило в 1828 году от командированного в Сибирь полковника корпуса жандармов Маслова. Оно раскрывает картину самых безудержных хищений со стороны чиновной администрации. По донесению Маслова, подрядчик по устройству этапных тюрем был подставным лицом, за спиной которого скрывались губернские чиновники и сам губернатор. Местная администрация незаконно заставляла крестьян бесплатно свозить лесной материал и производить другие работы. Постройка всех

¹ «Автобиография Н. И. Костомарова», под ред. Котельникова, М., 1922, стр. 198. Такое же описание арестантской камеры при полицейской части в Петербурге за 60-е годы дал Л. П. Никифоров в своей статье «Мои тюрьмы», «Голос минувшего» 1914 г. № 5.

этапных и полуэтапных тюрем была произведена только что перед осмотром Масловым этих новых зданий. Оказалось, что не было «ни одного этапа, выстроенного с надлежащей прочностью, и они уже начали приходить в разрушение». Он нашел потолки провисшими, и для их поддержания пришлось ставить подставки. Печи были сложены частью даже из необожженного кирпича и ко времени приезда Маслова уже разваливались. Крыши, сделанные из сырого теса, рассохлись, и дождь лил сквозь них на арестантов. Из такого же сырого леса были сложены и стены тюрьмы, они осели, ветер свободно гулял в помещении, «все покорибилось, и стропила погнулись»¹.

Грандиозное воровство губернатора и его чиновников привело к тому, что измученные тяжелым пешеходным путешествием ссыльные не находили отдыха ни на этапах, ни на полуэтапах, не укрывавших их ни от холода, ни от ветра, ни от дождя.

Прежде чем приводить описание этапных тюрем Колесниковым, скажем, что три декабриста из числа членов Южного общества — Соловьев, Сухинов и Мозалевский, — прошедшие, как и Колесников, в том же, 1827, году весь путь в Сибирь пешком, сравнивали этапные тюрьмы в Сибири с тюрьмами европейской России. Как ни были ужасны сибирские этапные тюрьмы в описаниях жандарма Маслова, эти декабристы находили тюрьмы в европейской России еще хуже. Им пришлось пройти с партией арестантов из Василькова в московскую пересыльную тюрьму через города Козелец, Нежин, Глухов, Орел и Калугу. С их слов декабрист Горбачевский передает, что никакое перо не может изобразить тягостей этого пути и «самое пламенное и самое мрачное воображение не в состоянии представить себе страданий» арестантов. Остановки на ночь в этапных тюрьмах были для них настоящим «истязанием». Со слов тех же троих декабристов Горбачевский описал тюрьму в городе Кромах Орловской губернии. Проведенная здесь ночь была для них настоящей пыткой. Две маленькие комнатки были битком набиты арестантами обоего пола. Здесь находились женщины, последовательницы скопчества, вырезавшие себе груди. Они были оставлены без всякой помощи. Тела их были почти полусгнившие: смрад был такой, что к ним близко никто не подступал. Жар, дурной запах и теснота делали пребывание в этой тюрьме невыносимым. Соловьев провел всю ночь у маленького тюремно-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1828, № 29. «О поручении полковнику корпуса жандармов Маслову объехать сибирские губернии и о представленных им донесениях».

го окошка. Его товарищи спали под нарами по очереди, так как места не хватало. Все трое декабристов заболели тифом¹.

В таких же красках описал этапные тюрьмы и Колесников. Обыкновенно они оказывались недостаточными для помещения пришедшей партии арестантов: «На нарах теснятся так, что едва могут ворочаться; некоторые помещаются в ногах у других, на краю нар, остальные на полу и под нарами. Можно себе представить, какая тут духота, особливо в ненастную погоду, когда приходят все мокрые, в своих грязных рубашках! К этому еще на ночь ставится так называемая «параша», т. е. просто деревянный ушат, исполняющий должность необходимой ночной мебели. Смрад от этой параша нестерпимый. Вообще филантроп найдет здесь полное отсутствие идеи человеколюбия, резко философской, как и христианской; но зато и несчастные, как бы соревнуясь такой жестокости, стараются как можно более выказывать отвратительную сторону своего человечества. Они, так сказать, закаливаются здесь во всех пороках. Между ними всегда шум, крик, карты, кости, ссора или песни, пляска... Боже! Какая пляска!.. Одним словом, тут истинное подобие ада»².

Колесников, характеризуя тюремную администрацию на этапах, рассказывает, что она выжимала из арестантов деньги за все. Она пыталась присвоить себе монополию торговли на этапах съестными продуктами. Была установлена такса в 2 коп. с человека за освобождение на время перехода между этапами от прикрепления к пруту или канату. За отсутствием денег у самих заключенных офицер — начальник этапа — удерживал эти деньги из кормовых сумм. За деньги же арестантам доставлялась водка, разрешалась азартная игра в карты, допускались мужнины в женские камеры. По словам Колесникова, на полуэтапах женщин помещали на ночь в одной комнате с конвойными солдатами.

Воспроизведем подробное описание устройства этапных тюрем по сибирскому тракту, сделанное Колесниковым.

«В каждом этапе выстроено по два отдельных корпуса, один для офицеров и команды, другой для арестантов или колодников. Первый фасадом на улицу. С крыльца вход в коридор или сени, которыми все здание разделяется на две половины; налево две комнаты для офицера, с прихожей и кухней; а направо две казармы — ближайшая ко входу для инвалидов солдат, а другая для конвойных казаков. Другой корпус той же

¹ См. И. И. Горбачевский, Записки декабриста, с приложениями и со вступ. статьей Сыроечковского, 1916

² В. П. Колесников, Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату, СПб., 1914, стр. 96—97.

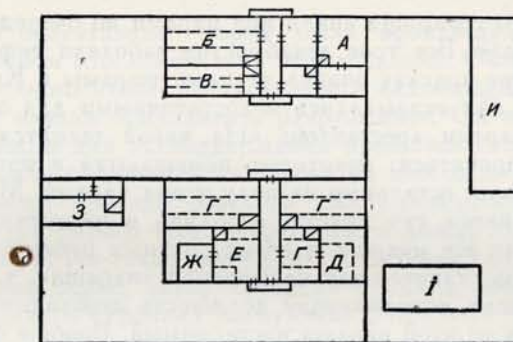

Рис. 32. Чертеж полного этажа в 1827 году
Из книги В. П. Колесникова «Путешествие в Сибирь по канату», СПб., 1914

длины, и совершенно против первого на дворе — разделен также на две половины, и в каждой по две казармы, из которых две первые направо и налево для посельщиков, третья направо для одних женщин, разделена поперечной стеной на две, из коих дальняя назначена для следующих в каторжную работу, а ближняя — для назначенных на поселение. В эту казарму вход с особого двора. Четвертая налево, точно так же разделена на две казармы: дальняя для каторжных, а ближняя для посельщиков, если в первых двух казармах не поместятся. Поправее этого корпуса, на отдельном женском дворе устроена баня, а на особом совершенно дворе, влево от обоих корпусов, находятся конюшни и кладовые. Все эти здания обнесены высоким тыном, примыкающим к передней стене первого корпуса, по обоим сторонам которого находятся двое ворот; правые на главный двор, а левые на двор с конюшнями. На приложенном чертеже все это яснее видеть можно. Все строения деревянные. Главные корпуса на каменном фундаменте, обиты тесом и выкрашены желтой краскою. Вообще наружность содержится в чистоте и опрятности».

Автор оставил описание также и полуэтапов: «Полуэтапы устроены гораздо проще. Четырехугольный двор, огороженный сплошным и высоким тыном, в который входят одни ворота с калиткою. По правую сторону ворот, внутри, в самом углу караульня для солдат; по левую, также в углу, конюшня; по середине двора — казарма с коридором или продолговатыми сенями, в которых четыре двери: две направо и налево в большие номера, и третья прямо в меньший номер, кои все три назначены для посельщиков; четвертая дверь направо в узенькие сенцы,

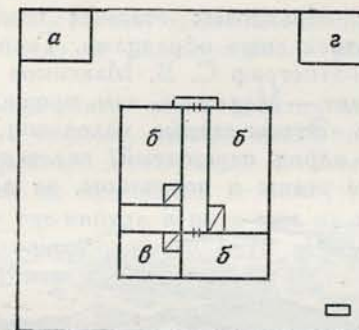

Рис. 33. Чертеж полуэтапа в 1827 году
Из книги В. П. Колесникова «Путешествие в Сибирь по канату», СПб., 1914

из которых уже дверь в четвертый номер, куда запирают кандалников, т. е. идущих в каторжную работу, так что они проводят ночь за двумя замками»¹.

Приведенное описание этапных тюрем полностью подтверждается официальными документами, например, кратким их описанием в отчете министерства внутренних дел за 1837 год. Добавим, что число арестантов, принужденных совершать путешествия из одной тюрьмы в другую, было всегда очень велико. Названный нами отчет определял цифру арестантов 31 губернии в России за 1837 год в 121 573, а пересыльных — в 132 743².

Если припомнить приведенный нами выше доклад Маслова о преступной практике при постройке этапных тюрем в 1827 году, то легко себе представить, какими они стали через несколько лет.

Из секретного донесения начальника штаба отдельного корпуса внутренней стражи от 1839 года видно, что все попытки этого начальника добиться исправления этапных помещений не приводили ни к каким результатам: «Неоднократно делали сношения с гражданскими губернаторами о приведении в надлежащую исправность всех неисправных этапов и ночлежных помещений, но при всем том не предвидится к этому никакого успеха»³. Хотя 1 декабря 1841 г. и были

¹ В. П. Колесников. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату, СПб., 1914, стр. 92—93.

² См. Отчет министерства внутренних дел за 1837 год, стр. 17—21.

³ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента полиции исполнительной, 1839, № 166. «Дело о наблюдении исправления этапных помещений».

утверждены планы образцовых этапных помещений¹, но они продолжали оставаться лишь образцами. Такими их описал за 50-е годы писатель-этнограф С. В. Максимов и еще через несколько десятков лет — Мельшин, сам прошедший через них. Максимов записал: «Этапы старые, холодные; их не починяют; солдаты на них — народ перемытый, перетертый, их не сменяют... Деревянные этапы и полуэтапы, за долгое стояние со

Рис. 34. Конвоирование осужденных в Сибирь в первой половине XIX века
С гравюры на дереве из собрания Дашкова в Государственном историческом музее в Москве

времени постройки своей, производившейся в Сибири между 1824—1830 годами, пришли в такую ветхость, что современный ремонт дает возможность исполняющим строительские обязанности, класть большие деньги в карман и большие, но дешевые заплатки на старые и гнилые прорехи»². Автор находил только один выход из этого положения — «совсем уничтожить эти утлые, гнилые и холодные сараи». Через неделю после ремонта он находил в десяти этапах в углах камер снег, а в одной этапной тюрьме — даже груды снега вдоль всей стены под нарами. «Не помешали ветру и дощатые заплатки, не помешали злу и надзор комиссии и ревизии ее. Предатель-ветер выдает

¹ См. Сборник циркуляров и инструкций министерства по 1 октября 1853 г., т. 7, ч. XIII и XIV, СПб., 1858, стр. 452.

² С. В. Максимов, Сибирь и каторга, изд. 3-е, СПб., 1900, стр. 21.

дело в наготу». На состоянии тюремных этапов отразилось незаконное взяточничество и казнокрадство российского чиновничества.

В таком же виде описал через десятки лет Мельшин этапные и полуэтапные тюрьмы, разбросанные через каждые 20—40 верст на пространстве 3 тыс. верст от Томска до Сретенска. Автор везде нашел их мрачными, ветхими, веющими холодом, одиноко стоящими где-нибудь в поле или на краю села¹. Только прокладка железнодорожного пути через Сибирь нанесла удар сибирским этапам, сократив в них надобность.

§ 67. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В 30—40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Лишь с начала 30-х годов XIX века центральная власть начала знакомиться с состоянием общеуголовных тюрем. До того времени это ознакомление носило совершенно случайный характер или, правильнее сказать, совсем не имело места. Образование Попечительного о тюрьмах общества оказало свое влияние на такое ознакомление, но лишь преимущественно в столицах и более крупных городах. В 30-е же годы, по-видимому, правительство ввело ревизию мест лишения свободы в систему управления ими. За названные годы я нашел в архиве министерства внутренних дел и III отделения одиннадцать дел с докладами об осмотре ревизорами мест лишения свободы в очень значительном количестве губерний и городов в различных частях России. Чаще всего обязанности ревизоров возлагались на специально для этого командированных флигель-адъютантов. Реже доклады о состоянии острогов присылались в результате осмотра их губернаторами и другими чиновниками. Наконец, из архивных дел видно, что тюрьмы осматривал и сам Николай I, например, в Тифлисе, Смоленске, Воронеже, Рязани и Полтаве. В 40-е годы обревизование тюрем (как можно думать на основании ознакомления с архивом министерства внутренних дел) стало производиться значительно реже. Между тем сведения о самом тяжелом положении тюрем продолжали поступать из очень многих местностей. Обширнейшее донесение об этом командира отдельного корпуса внутренней стражи охватило почти всю Россию.

Ревизоры мчались по губерниям, писали доклады, получали крупнейшие суммы прогонных и суточных денег, а тюрьмы

¹ См. Л. Мельшин, В мире отверженных. Записки бывшего каторжника, СПб., 1896, т. I, стр. 11.

по-прежнему оставались рассадниками болезней, очагами физической и нравственной гибели заключенных. Получается такое впечатление, что ревизоры как будто вступили между собой в соревнование, кто из них обрисует в самом неприглядном свете российские остроги, кто из них найдет самый скверный во всех отношениях тюремный замок. Только в редких случаях они отмечали состояние той или другой тюрьмы как хорошее. Но и такую оценку надо принимать не в буквальном ее значении, а лишь относительно, сравнительно с состоянием мест заключения вообще. Например, ревизор дословно так донес о тюрьме в Костроме: «Тюрьма довольно хороша, но в камерах ощутительна сырость. Рамы весьма ветхи и форточки так малы, что воздух освежать в камерах весьма трудно. Отхожие места очень ветхи, и дурной запах от них распространяется по всем камерам»¹. Непонятно, что тут ревизор нашел хорошего; рамы сгнили, в тюрьме — сырость и зловоние! Добавим, что в этой же тюрьме не нашлось ни одной пары кандалов узаконенного веса, и все они оказались тяжелее шести фунтов. Зарисовки же «с натуры», сделанные Тарасом Шевченко, дали для истории царской тюрьмы наглядный документ пользования кандалами, кляпами и пр. (см. рис. № 37 и рис. № 38).

В 1832 году ревизор Апраксин доносил о тюрьме в Новгороде: «Убийцы, воры и самых гнусных пороков люди содержатся в одних палатах, спят на одних нарах вместе с бродягами и (заключенными) за неважные проступки, находящимися временно в остроге... Сии последние от праздности, дурных примеров и рассказов, освободившись впоследствии времени, могут легко развратиться и предаться всем пороком»². Если другие ревизоры не писали этого, то такой же вывод вытекал сам собой из их описаний тюрьмы.

В 30-х и 40-х годах, как видно из найденных нами архивных дел, были осмотрены тюрьмы в 105 городах. Но возможно, что нам попались не все такие дела. Осмотр замков производился в губерниях Костромской, Ярославской, Рязанской, Нижегородской, Саратовской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Тамбовской, Орловской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, Харьковской, Тульской, Курской, Одесской, Смоленской, Тверской, Киевской.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента полиции исполнительной, 1842, № 568. Дело «Об отношении графа Бенкендорфа об обозрении тюремных помещений Костромской, Ярославской, Рязанской и других губерний».

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд собственной е. и. в. канцелярии, 1832, № 5701. «О постройке тюремного замка в г. Новгороде и новой тюрьмы в г. Твери, а также о порядках в тюрьмах».

Из уездных городов этих губерний ревизоры посещали очень небольшие, в которых тюремные помещения содержали всего по два, по три десятка арестантов.

Не представляет труда обобщить сведения об этих более чем ста тюрьмах, до того в них мало разнообразия. Остроги и тюремные замки отличались друг от друга лишь размерами и отчасти внешним их устройством, но отнюдь не их состоянием. Были ли они каменные или деревянные, были ли они рассчитаны на небольшое число заключенных или на сотни их, — почти все они находились в состоянии разрушения, были сыры, холодны и ветхи. Очень немногие тюрьмы имели два этажа, но не один раз ревизоры отмечали, что второй этаж не может быть занят, так как он угрожает обрушиться на первый. Так было в городе Челябине (1837 г.), в городе Стерлитамаке (1834 и 1837 гг.). В первом из названных городов, по словам ревизора, тюрьма пришла в совершенную ветхость и грозит падением; стены до того худы, что в 11 местах образовались трещины сверху донизу; своды покачнулись в разные стороны и едва держатся при помощи лесов, подпирающих их изнутри казематов; казематы тесны и до того переполнены арестантами, что на каждую квадратную сажень приходится почти по четыре человека, т. е. по одному квадратному метру на арестанта.

В таком же положении оказалась двухэтажная деревянная тюрьма и в Стерлитамаке: из-за опасения провала потолка второй этаж оставался необитаем. Из этой дырявой тюрьмы бежали арестанты. Ревизия 1837 года повторила данные ревизии 1834 года. После побега из тюрьмы восьми арестантов вместо заделки дыр этой развалины администрация прибегла к более дешевому способу борьбы с побегами. Она, по словам ревизора, заковывала каждого арестанта независимо от характера совершенного им преступления. В таком же положении оказались тюрьмы в других семи городах Оренбургской губернии, построенные одним и тем же купцом-подрядчиком. Был поднят вопрос о предании его суду. Из доклада жандарма Маслова о сибирских этапных тюрьмах, построенных за спиной подставного подрядчика самим губернатором и его чиновниками, мы уже знаем, что сибирская администрация воровски наживалась на тюрьмах для воров, морозила и гноила арестантов, обворовывая казну.

Не ради человеколюбия, а из-за опасения арестантских побегов командующий отдельным корпусом внутренней стражи в 1842 году писал министерству внутренних дел о ветхости и ненадежности острогов. Он составил ведомость о состоянии каждой тюрьмы по очень большому числу городов империи. Эта ведомость — повесть о сплошном разрушении тюремных

зданий. В перечне идут один за другим тюремные замки и остроги с провисшими потолками, с прогнившими полами, рамами, косяками, с развалившимися печами, с разбитыми стеклами, с исчезнувшими тюремными оградами, с успешными перерезать тюремными железными решетками и и пр. и пр.¹

Этот доклад имел лишь один несомненный результат, плачевный для арестантов. До этого во многих тюрьмах топки печей были устроены внутри камер; арестанты не только могли погреться у огня, но и приготавливали себе в этих топках пищу. По докладу командира отдельного корпуса внутренней стражи был издан 23 июля 1842 г. циркуляр главного управления путей сообщения и публичных зданий об устройстве печей в арестантских камерах с топкой из коридоров.

В редком докладе ревизора в 30-е и 40-е годы не встречалось указаний на отсутствие больниц для арестантов. Часто больные не только не были выделены в особые камеры, но лежали на одних койках с еще не заболевшими. В городе Ливнах подсудимые помещались в нижнем этаже здания присутственных мест, и здесь — в тесноте, грязи и духоте — 11 больных арестантов лежали не только на койках вместе со здоровыми, но и на полу (1834 г.). Неудивительно, что при таких условиях тиф и другие эпидемические болезни находили в тюрьмах самую благоприятную почву для своего распространения. В 1834 году, например, в Каменец-Подольской тюрьме заболело «горячкой» (вероятно, тифом) до 100 человек².

Распространению болезней способствовало и плохое питание. Там, где заключенные не получали совсем или получали мало «подаваний», их положение оказывалось особенно тяжелым. Один из отчетов отмечал это и указывал, что из 7 коп., получаемых в сутки, арестанты затрачивали 6 коп. на покупку фунта черного хлеба, а горячей пищи иметь уже не могли.

Не нужно думать, что в губерниях совсем не делалось попыток испросить из центра соответствующие суммы на ремонт тюрем или на устройство новых острогов. Выше уже отмечались случаи, когда такие попытки увенчивались успехом, но отпущенные средства разворовывались. Чаще же такие ходатайства оставались без всякого удовлетворения, хотя и повторялись.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента полиции исполнительной, 1842, № 559. Дело «По отношению командующего отдельного корпуса внутренней стражи об исправлении недостатков в тюремных помещениях».

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд собственной е. и. в. канцелярии, 1834, № 5886. «Дело об арестантах (бродягах) и мерах к искоренению бродяжничества в империи».

Например, генерал-губернатор в Слободской Украинской губернии (в которую входили губернии Харьковская, Полтавская и Черниговская) в 1837 году просил средств. Он писал, что тюремные помещения в Черниговской губернии находятся большей частью в самом жалком положении: из 15 городов только в двух тюрьмы находятся в удовлетворительном состоянии. Та же картина была и в других названных губерниях. Через пять лет тот же генерал-губернатор доносил царю, что «неудобства в тюрьмах этих губерний дошли до крайности»: пришлось переводить арестантов в наемные дома, но и там оказалось крайне плохо. Во многих тюрьмах сыро и холодно, нет бань и кухонь. Он подчеркивал, что давно просит денежных средств на постройку новых тюрем¹.

Отказы и проволочки под разными предлогами в выдаче денег на тюремные надобности носили систематический характер. Даже при желании что-то исправить и построить без денег этого сделать было невозможно. Поэтому надо рассматривать как бумажную отписку циркуляр министерства внутренних дел от 7 апреля 1843 г., в котором сообщалось о состоянии различных учреждений, и в том числе тюрем, в Псковской губернии. Царь, оставшись недоволен таким состоянием, сделал губернатору «замечание», предложил привести все в должный вид не позднее шестимесячного срока и разослать это его повеление всем губернаторам². Распоряжение царя не было выполнено не только по недостатку средств, но и по несвойственности для российской бюрократии таких темпов.

Не наступало улучшение даже и в тех случаях, когда Николай I видел состояние тюрем собственными глазами. В уездные города он не заглядывал, а в губернских городах заранее знали о предстоявших его приездах и готовились к ним. Тем не менее он нашел тюрьмы в Рязани и Воронеже «весьма дурно устроенными и в самом запущенном виде», а в Смоленске и Полтаве юные арестанты не были выделены от прочих (1832 г.). Губернаторы этих губерний сваливали всю вину на своих предшественников.

Если вспомнить, что во многих тюрьмах проваливались крыши, трескались стены, рассыпались печи, то совсем комично звучит оправдание одного из этих губернаторов, что замеченное

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента полиции исполнительной, 1837, № 406 и 1842, № 564. Дело «О неудобстве тюремных помещений в Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниях».

² Тот же архив. Тот же фонд, 1843, № 1066. Дело «Об обозрении тюрем начальниками губернии и другими чиновниками».

царем разбитое стекло в окне тюремной рамы было разбито перед самым входом царя в тюрьму¹.

Утвержденные Николаем I в 1846 году нормальные проекты тюрем (см. рис. 35 и рис. 36) остались лишь на бумаге.

В 30-х, 40-х и 50-х годах в тюремных замках и острогах работы для арестантов вводились в самых редких случаях. В 1834 году поступило предложение покончить с праздностью арестантов. Это предложение было сделано царю принцем Гольштейн-Ольденбургским, осматривавшим тюрьмы в разных городах. Предложение интересно не только по положению того, от кого оно исходило, но и по своему содержанию. Принц под влиянием иностранных образцов предложил ввести в русских тюрьмах так называемые ножные мельницы, с тем чтобы заключенные приводили их в движение ногами. Расписывая выгодные стороны своего проекта, принц особенно подчеркивал, что эти ножные мельницы настолько утомительны, что ни один из арестантов «не может долго выдержать работы, и после нее требуется продолжительный отдых». Вместе с тем принц утверждал, что работа на ножных мельницах не вредна для здоровья². Уже через два года, при учреждении работного дома в Москве в 1836 году, автор проекта мог торжествовать: он не напрасно ломал свою голову над прекращением безработицы в русских тюрьмах, было решено ввести в названном московском доме «ступальную мельницу», приспособив ее для молотбы крупы, муки и пр.³. Неизвестно, была ли такая мельница действительно устроена и мог ли автор проекта если не видеть сам, то слышать, что более уже нет в тюрьме арестантов, не измученных «утомительной работой». Во всяком случае, ручные мельницы для молотбы зерна были кое-где введены. Их видел ревизор в 1835 году в одесском тюремном замке, на них же работали, как мы уже знаем, декабристы в Сибири.

В целях борьбы с переполнением тюрем царь придумал заменять тюремное заключение отдачей в солдаты. Это было совершенно незаконным и страшным отягощением участи осужденных, так как солдатчина была почти пожизненной. В архиве мне попало такое дело за 1830 год. Из разных губерний царю посылались списки арестантов, осужденных за разные преступ-

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд департамента полиции исполнительной, 1832 г. № 547. «О замеченных государем в разных тюремных замках неисправностях».

² См. Варадинов, История министерства внутренних дел, ч. II, стр. 599.

³ См. «Об учреждении работного дома в Москве», — «Журнал министерства внутренних дел» 1836 г. № 10, стр. XII.

ления, кроме убийства, поджога, грабежа и святотатства. Возраст осужденных должен был быть не старше 35 лет. Царь назначал их в солдаты, и притом одних после предварительного телесного наказания, а других без такового. Малолетних преступников он отправлял в кантонисты, т. е. для подготовки в солдаты. В архивах мне попались упоминания на таких детей в возрасте от 9 и даже от 7 лет. Ребята же, достигшие 17 лет, назначались прямо в солдаты¹. Эта николаевская мера находилась в полном соответствии с его казарменным направлением, с его стремлением военизировать борьбу с преступностью. Поскольку лишь осужденные за самые тяжкие преступления не попадали под действие этого распоряжения Николая I, возможность превратиться из арестанта тюрьмы в узника солдатской казармы открывалась для очень значительного числа осужденных — к великому несчастью для них и для их семей.

Представляет интерес выяснение состава тюремного населения в этот период. Нам попался в Московском областном архиве поименный список заключенных в московской тюрьме за 1827 год с указанием совершенных преступлений. Он дает сведения на 4 июня этого года относительно 312 арестованных мужчин и 61 женщины.

Хотя список содержит перечень заключенных только на одно определенное число месяца, но он удивительно отражает крепостнический строй России того периода. Особое внимание привлекают к себе несколько заключенных, около фамилии которых не указано никаких совершенных преступлений. Нам ни разу не приходилось встречать в криминологической литературе указаний, что в разнообразной и густой массе арестантов могли быть и такие заключенные, о которых мы сейчас говорим. Это были крепостные крестьяне и дворовые помещиков, взятые под стражу за долги их господ. Так, например, в списке стояло: «Федор Матвеев г-жи Гнетевой крестьянин за неплатеж в казну госпожою денег» или: «Василий Новиков г-жи Филипповой в продажу за неплатеж в казну денег». Надо полагать, что эти крепостные были описаны за долги их господ так же, как описывались лошадь, корова и разное имущество, но описанные люди забирались в тюрьму, чтобы они не сбежали. Они попадали в общую массу арестантов.

Впрочем, в этой массе было несколько человек таких, присутствие которых в тюрьме оправдывало предосторожность

¹ ЦГИА в Ленинграде, 1830, № 11. Дело собственной е. и. в. канцелярии. «О назначенных в солдаты арестантах».

крепостников. Говоря это, я имею в виду несколько человек крепостных, вина которых была оригинально обозначена словами: «за отыскание свободы» или «отбывающие от рабства». Это были дворовые и крестьяне, бежавшие от своих помещиков.

Крепостное право находило свое отражение на составе арестантов и в других отношениях: здесь были заключенные по воле самих помещиков, был заключенный за намерение убить своего господина. Было очень большое число арестованных за неимение видов на жительство, т. е. тоже беглых. Вообще арестантская масса состояла почти исключительно из представителей именно того класса, который «отбывал от рабства» и «искал свободы». Здесь были заключены мать с тремя детьми за нищенство, много осужденных за воровство, всего один за взяточничество и т. д.¹ Наличие в тюрьме этого единственного взяточника не находилось ни в каком соответствии с колоссальным развитием взяточничества в царской крепостной России и особенно с его процветанием в Москве как центре хозяйственной жизни страны.

§ 68. БЫТ ТЮРЬМЫ В 50-х ГОДАХ XIX ВЕКА

О состоянии русских тюрем в 50-е годы мы имеем такие документы, как бессмертные «Записки из мертвого дома» Достоевского и малоизвестные широким кругам читателей воспоминания Ахшарумова. Оба названных автора были осуждены по процессу Петрашевского. Ахшарумов попал в арестантские роты в городе Херсоне, а Достоевский — в омский острог. От обоих этих авторов мы впервые получили возможность ознакомиться с бытом русской общеуголовной тюрьмы. Один из них описал тюрьму на юге России, другой — на севере. Много тысяч верст отделяло одну из этих тюрем от другой. Однако в их режиме и в быте заключенных было так много общих черт, что можно подумать об одной общей, прикрывавшей их крыше. Не приходится этому удивляться: такой общей крышей был политический режим николаевской России.

Ахшарумов пробыл в херсонском остроге время в четыре раза более короткое, чем Достоевский в омском остроге. Он не имел таланта Достоевского, но у него были чуткость и наблюдательность. Впрочем, та жизнь, которая раскрылась перед Ахша-

¹ Московский областной архив. Фонд московского генерал-губернатора, 1827, № 113149. «Об осмотре тюремных замков по губернии и об изыскании способов к лучшему содержанию арестантов».

румовым, когда он переступил острожный порог, была для него так необычна, что неизбежно бросалась в глаза и навсегда запечатлевалась в памяти. Он вспоминал, как, пораженный представившейся перед ним картиной, он остановился на пороге «мрачного жилища людей, и скольких людей, живущих, движущихся, говорящих и смеющихся в этой обители скорби и неволи»¹.

Каменное здание острога, очень старое, стояло на крутом берегу Днепра. Его окружали высокие каменные стены. Острог, вмещавший около 200 арестантов, представлял собой казарму с небольшим числом маленьких окон в одной из его стен. Окна ограждались снаружи железной решеткой и пропускали мало света. Внутри здание было перегорожено пополам на две камеры с выходами из них в общие сени, где стояли умывальники, ушаты, кадки для воды и пр. По словам автора, стены внутри здания были закоптелыми. Внутренность камер загромождалась нарами в два яруса. Нары были устроены на толстых столбах с зарубками на них для влезания на верхний ярус. «Освещение было самое плохое. К столбам, которые были без зарубок, прибиты были полочки, и на них горели какие-то грязные, масляные, первобытного устройства лампы». Нары частью были голые, а некоторые с грязными тюфяками. По словам автора, вначале у каждого арестанта был тюфяк и постельное белье и в остроге было вообще лучше; но, как рассказывали, Николай I «посетил одну роту и, увидев такое тихое и мирное житие, нашел, что им лучше, чем в полках солдатам», и приказал ухудшить положение арестантов. На дворе находились кухня и «солидное для стольких жителей ретирадное место».

Острожный двор скрашивался большим старым деревом акации. Арестанты любили это душистое дерево, и, вероятно, поэтому начальник острога приказал его срубить. В ответ на просьбы заключенных оставить дерево, пьяный начальник арестантской роты кричал: «Молчать! Я отвечаю за вас, мерзавцы! Нужна им еще акация!.. Руби!..».

В этом коротеньком эпизоде выявилась основная черта острожного режима: гнет и издевательство внутри тюремных стен, постоянное оскорбление личности заключенного и подчеркивание всемогущества чинов тюремной администрации. Всемогущим сознавал себя и фельдфебель арестантской роты — настоящий держиморда; потирая руки, он говаривал: «Эх, прекрасная погода, да бить некого».

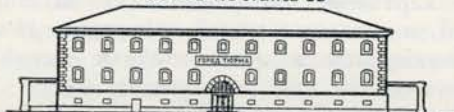
¹ Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний (1849—1851 гг.), со вступ. статьей Семевского, 1903, стр. 140.

Высочайше утверждено
Юля 30го дня 1846го года

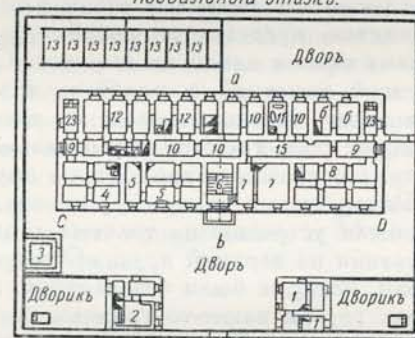
к № 20, 261, а

Нормальный проект тюремного замка
въ уездныхъ городахъ, на 100 чел. арестантовъ.

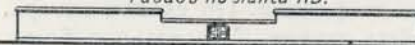
Фасадъ по линіи СД

Подвальный этажъ.

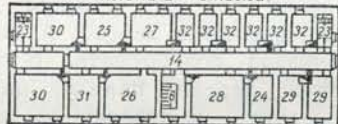
Фасадъ по линіи АВ.

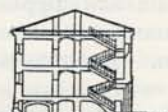
Планъ 1го этажа.

Планъ 2го этажа.

0 1 2 3 4 5 10 саж.

Описание:

1. Квартира Смотрителю.
2. Баня.
3. Педникъ.
4. Прачешная.
5. Гауптвахта.
6. Лѣстница.
7. Комната для приема арестантовъ.
8. Квартира сторожамъ.
9. Сѣни.
10. Кладовыя.
11. Ванная.
12. Кухня и Пекарня.
13. Одинокыя двори.
14. Коридоры.

Камеры для арестантовъ
мужескаго пола

15. Одинокыя камеры.
16. Для заключаемыхъ по судебному приговору.
17. Для маловажныхъ преступниковъ изъ дворянъ.
18. Для таковыхъ же преступниковъ и бродягъ изъ простолюдиновъ.
19. Для уголовныхъ преступниковъ изъ дворянъ.
20. Для таковыхъ же преступниковъ изъ простолюдиновъ.
21. Для перевсильныхъ арестантовъ.
22. Лазаретъ.
23. Ретирадъ.

Камеры для арестантовъ
женскаго пола.

24. Для заключаемыхъ по судебному приговору.
25. Для маловажныхъ преступниковъ изъ дворянъ.
26. Для таковыхъ же преступниковъ изъ простолюдиновъ.
27. Для уголовныхъ преступниковъ изъ дворянъ.
28. Для таковыхъ же преступниковъ изъ простолюдиновъ.
29. Для перевсильныхъ арестантовъ.
30. Лазаретъ.
31. Лѣтняя.
32. Одинокыя камеры.

Рис. 35. Нормальный проект тюремного замка в уездных городах на 100 арестантов, утвержденный Николаем I 30 июля 1846 г.

Напечатан в томе приложений ко второму полному собранию законов

Высочайше утверждено:
Юля 30го дня 1846го года.

к № 20, 261. а.

Нормальный проект тюремного замка
въ губернскихъ городахъ, на 300 ч. арест.

Фасадъ по линіи СД

Разрѣзь по линіи а в.

Фасадъ по линіи АВ

Планъ 1го этажа.

0 1 2 3 4 5 10 саж.

Камеры для арестантовъ
мужескаго пола.

18. Одинокыя камеры.
19. Для осужденныхъ къ наказан.
20. Для бродягъ.
21. Для уголовныхъ преступниковъ изъ дворянъ.
22. Для уголовныхъ преступниковъ изъ простолюдиновъ.
23. Для несовершеннолетнихъ преступниковъ изъ дворянъ.
24. Для несовершеннолетнихъ преступниковъ изъ простолюдиновъ.
25. Для менше значительныхъ преступниковъ изъ дворянъ.
26. Для менше значительныхъ преступниковъ изъ простолюдиновъ.
27. Для заключаемыхъ по судебному приговору изъ дворянъ.
28. Для заключаемыхъ по судебному приговору изъ простолюдиновъ.
29. Для перевсильныхъ арестантовъ.
30. Для дождливъ арестантовъ.
31. Арестант. рабоч. камеръ.
32. Лазаретъ.
33. Ретирадъ.

Рис. 36. Нормальный проект тюремного замка в губернских городах на 300 арестантов, утвержденный Николаем I 30 июля 1846 г.

Напечатан в томе приложений ко второму полному собранию законов

Заключенные арестантских рот занимались несложными работами, большей частью по строительству. В Херсоне не было спроса на арестантский труд. Некоторое разнообразие в работу вносило наступление весны: начинался ремонт крепости, производилась очистка улиц, переносился строительный материал, подвозился песок в тачках, красились крыши, налаживалось производство кирпича.

Требования санитарии и гигиены здесь совершенно игнорировались. Даже в баню арестантов водили редко. Отметим, кстати, что Ахшарумову приходилось видеть в этой бане арестантские спины, навсегда сохранившие на себе следы ударов плетью и шпидерутенами. Одну из таких спин он описал: «Она была вся изрыта, исполосована поперек идущими глубокими рубцами, которые в местах перекрещивания полос представляли узлы безобразно заживших ударов». Достоевский, описывая баню также вспоминал исполосованные спины арестантов. На расперенной спине следы рубцов от ударов палками и плетью выступали особенно ярко. «Страшные рубцы! — писал Достоевский. — У меня мороз прошел по коже, смотря на них».

Современному читателю трудно представить себе, какова была баня арестантов. При омском остроге не имелось собственной острожной бани, и заключенных водили в частную — грязную, ветхую и тесную. Арестант получал одну шайку горячей воды и маленький кусочек мыла размером в двухкопеечную медную монету. Достоевский вспоминал: «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад. Представьте себе комнату шагов в двенадцать длиною и такой же ширины, в которую набилось может быть до ста человек разом, и уж, по крайней мере, наверно, восемьдесят, потому что арестанты разделены были всего на две смены, а всех нас пришлось в баню до двухсот человек. Пар, застилающий глаза, копоть, грязь, теснота до такой степени, что негде поставить ногу. Я испугался и хотел вернуться назад. Места и под лавками были все заняты; там тоже копошился народ. На всем полу не было местечка в ладонь, где бы ни сидели скорчившись арестанты, плескаясь из своих шаяк. Другие стояли между них торчком и, держа в руках свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала с них прямо на бритые головы сидевших внизу... Все орало и гоготало при звуке ста цепей, волочившихся по полу. Иные, желая пройти, запутывались в чужих цепях и сами задевали по головам сидевших, падали, ругались и увлекали за собой задетых. Грязь лилась со всех сторон»¹.

¹ Ф. М. Достоевский, Записки из мертвого дома, 1935, стр. 144.

Эти строки Достоевского надо иметь в виду, читая донесения тюремных ревизоров о наличии или чаще об отсутствии бани при остроге. Тем не менее и такая баня доставляла заключенным великую радость. Они в ней не только как будто смывали грязь, но и находили развлечение от скуки тюремного однообразия.

Из записок Ахшарумова и Достоевского мы узнаем и о других развлечениях заключенных середины XIX века. В донесениях тюремных ревизоров о них не попадает ни одной строчки. Флигель-адъютанты и чиновники министерства внутренних дел видели лишь тюремные стены, но для них оставалась совершенно скрытой арестантская жизнь внутри этих стен. Только тот, кто жил общей жизнью с тюремным миром, мог правдиво рассказать о внутреннем быте острога. Достоевский и Ахшарумов сделали это ранее всех других.

Лозунг всего тюремного управления того времени требовал делать острог местом одних только лишений, страданий, больших и малых ограничений. По мысли законодателя, тюрьма должна была быть мертвым домом, кладбищем живых. Если бы тюремной администрации удавалось проводить этот лозунг до конца, то кладбища живых стали бы кладбищами мертвецов. Инстинкт самосохранения обитателей тюрьмы не мог с этим примириться.

В тюремных замках, в острогах и арестантских ротах велась упорная борьба за жизнь. В одном отношении победителями всегда выходили арестанты: мертвой тишины в этих мертвых домах никогда не бывало. По всякому поводу и при всякой возможности тишина сменялась настоящей бурей звуков. Никакие кандалы и цепи не могли наглухо сковать жизнь арестантской массы. В этом отношении разительный пример описал Ахшарумов. Я имею в виду картину, по существу страшную и дикую, — пляску в кандалах.

Ахшарумов удивительно красочно передал картину пляски в остроге под песни зрителей и бряцание кандалов. Бурным вихрем носился танцор, ловко выкидывая ноги с цепями на них. Кандалы не мешали ему плясать даже вприсядку. Толпа арестантов аккомпанировала плясуну, возбуждала его и еще более сама возбуждалась. Все это творилось в том самом остроге, по правилам которого в нем не допускались ни музыкальные инструменты, ни шум, ни смех, ни песни, ни «всякие резвости»...

Не будем здесь воспроизводить описание Достоевским тюремного спектакля, устроенного самими арестантами. Страницы эти — самые светлые в картине тяжелой жизни мертвого дома.

Их не перескажешь, их надо самому перечесть. Но приведем заключительные слова писателя к этой прекрасной главе его книги. Описав совершенно преображенное после спектакля настроение каторжан, Достоевский добавлял: «Ссор не слышно. Все как-то непривычно довольны, даже как будто счастливы, и засыпают не по всегдашнему, а почти с спокойным духом, — а с чего бы кажется! А между тем, это не мечта моего воображения. Это правда, истина. Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, пожить хоть час не по-острожному, и человек нравственно меняется, хотя бы то было на несколько минут...»¹.

Но постоянным правилом острога было именно не допускать арестантов «пожить по-своему, повеселиться по-людски». В результате острог вынужден был веселиться совсем не по-людски, создавать свои острожные развлечения такого характера, каких не знала жизнь на свободе. Эти развлечения были грязны и противостественны в такой же степени, как был грязен сам острог и как был противостествен весь его режим. Таковы были игры со вшами, которых их обладатели использовали как рысаков для состязания в быстроте бега. Такова же была охота на других постоянных обитателей тюрьмы — клопов, которых тюремный жаргон называл «бекасами», а потому и охота на них была известна под заманчивым названием «охоты на бекасов». Уничтожение клопов выливалось в формы, напоминавшие настоящую охоту с облавой зверя, с расстановкой цепи охотников и пр. Многие из игр в тюрьме носили жестокий или отвратительно-грязный характер. Таковы были, например, «присяга», которую заставляли принимать вновь прибывшего заключенного, или свадьба, когда тюремный разврат облакался в форму театрального представления с пением, с пляской, с переодеванием и пр. Жестоки были игры в «ложки», когда заключенные били друг друга деревянными ложками по оголенному животу, сначала поплевав на него, или «жмурки», с беспощадным битьем жгутами, «банки», когда наносились удары по оттянутой с живота коже, и пр.

Все это было неизбежным порождением тюремного режима. Здоровые развлечения не допускались в тюрьму, и никакие музыкальные инструменты не имели туда доступа. Но тюрьма не могла обойтись без песни и музыки. Она создала свой музыкальный инструментальный и свою песню. Знакомство с ними не входит в задачу настоящей работы².

¹ Ф. М. Достоевский, Записки из мертвого дома, 1935, стр. 246.

² См. М. Н. Гернет, В тюрьме. Очерки тюремной психологии, М., 1925, стр. 47—72 и 2-е изд., 1930, стр. 62—100.

Продолжая наше ознакомление с тюремным режимом по воспоминаниям самих узников общеуголовной тюрьмы, мы особенно подчеркнем отличительную черту этих мемуаров сравнительно с отчетами ревизоров. В этих отчетах за самые различные годы мне ни одного раза не попались какие-либо строки не только о быте арестантов, но и о тюремной администрации. Получается такое впечатление, что эта администрация отвечала всем требованиям и была на высоте положения. Между тем авторы воспоминаний описали ее с самой худшей стороны — как жестокую, постоянно пьяную, отличавшуюся своеволием и самодурством. По словам Достоевского, начальник острога «бросался на людей», «он только озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками». Он сек арестантов буквально за все, даже за то, что они спали на правом боку, бредили во сне. Этого не записал ни один ревизор. А сколько сотен, тысяч заключенных находилось под властью таких деспотов? Как много могли бы рассказать об этом сами узники, если бы они оставили свои воспоминания по примеру Достоевского и Ахшарумова!

Достоевский оставил описание военного госпиталя, куда направляли больных арестантов. После острога больница казалась чистой. Но в палате стоял чрезвычайно удушливый, больничный запах, воздух был заражен разными зловонными испарениями и запахом лекарств. В деревянной кровати водились клопы; постельное белье было сомнительной чистоты, больничный же халат был пропитан мазями, примочками, кровью и гноем. На ночь в палату ставили ушат для естественных надобностей, хотя уборная была в коридоре в нескольких шагах от палаты. Разделения больных по роду болезни здесь не практиковалось, и венерические больные содержались тут же, рядом с теми, кого приводили или приносили сюда после наказания шпицрутенами с окровавленными спинами. Справедливость требует сказать, что врачебный персонал пользовался любовью каторги за человеческое отношение к заключенным, которых иногда принимали сюда не для лечения, а просто для отдыха. Впрочем, по словам Достоевского, ни один из этих врачей никогда не подумал возбудить ходатайство о снятии кандалов даже с умиравших арестантов.

Так описывал тюремную больницу сам арестант. Этого не следует забывать, перечитывая строки докладов флигель-адъютантов царю о наличии больницы при той или иной тюрьме. Но пусть эти больницы изобиловали клопами и вшами, окровавленными халатами, вонючими ушатами, грязным бельем, смешением заразных болезней с незаразными — туда все-таки стремились больные арестанты, а иногда и здоровые, искавшие

возможности хоть немного отдохнуть от тяжелой острожной жизни. Больниц же было очень мало, и, как мы видели из отчетов ревизоров, часть больных оставалась лежать в самой тюрьме, на грязном холодном полу.

Записки Достоевского и Ахшарумова являются совершенно необходимым дополнением к официальным отчетам о состоянии тюрем, так как касаются важных сторон тюремного быта, обходных молчанием в докладах ревизоров.

§ 69. АНКЕТА О СОСТОЯНИИ ТЮРЕМ В КОНЦЕ 50-х И НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Состояние тюрем на всем пространстве России впервые было обследовано в конце 50-х и начале 60-х годов XIX века. Впервые же вскоре после этого (1865 г.) опубликован был обширный том с результатами этого обследования под заглавием «Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России». Это был единственный случай, когда русской общественности дали возможность узнать, что представляли собой места лишения свободы в России. Удивительно, что русская криминологическая наука — и в особенности наука русского тюремоведения — обошла эти материалы о состоянии тюрем в России почти полным молчанием. Значение их для изучения истории тюрем в России очень велико. По одной и той же или по крайней мере по сходной программе были собраны сведения о количестве тюремных помещений, числе общих и одиночных камер, количестве арестантов в них, о помещении тюрем в собственных зданиях и в частных домах, о состоянии этих зданий и пр. Общая характеристика положения мест лишения свободы в каждой губернии сопровождалась описанием состояния и отдельных тюрем.

Однако использование богатейших материалов анкеты представляет для исследования значительные трудности. Описания тюрем даны по каждой губернии в отдельности, в виде более или менее обширного текста разнообразного содержания. Но общие итоги обследования по России отсутствуют. Они подведены лишь в отношении числа тюрем, их вместимости, переполнения, состава заключенных, состояния работ в тюрьмах и материальных средств тюрем. Для получения общего итога о состоянии мест лишения свободы нам самим пришлось подвергнуть собранные сырые материалы специальной обработке.

При оценке качества этих материалов о состоянии тюрем не надо упускать из виду, что они собирались официальными орга-

нами, ответственными за состояние тюрем. Можно думать, что такая ответственность приводила к смягчению отрицательных сторон и, наоборот, к подчеркиванию положительных качеств тюремного дела в той или другой губернии. И все же общее положение тюрем во всех губерниях без исключения было обрисовано как самое неприглядное, а иногда как такое, которое не могло быть долее терпимо. Несомненно, далеко не вся правда была сказана; но и сказанного было достаточно, чтобы обратить внимание правительства на этот участок его хозяйства. Может быть, признание фактов отвратительного состояния мест лишения свободы, сделанное с непривычной откровенностью, не было добровольным. Оно вынуждалось двумя причинами: с одной стороны, местная администрация знала, что ее отчеты подвергнутся опубликованию, а с другой — состояние тюрем было так широко известно в каждой губернии, что невозможно было совсем скрыть истину.

Названный нами том материалов заканчивается огромной цифровой таблицей. В ней по каждой из губерний приведены среднегодовые итоги за три года — с 1857 по 1859 год. Мы обнаружили в этой таблице несколько несомненных ошибок и неточностей. Тем не менее окончательные итоги, подведенные в этой таблице по всем губерниям, следует признать в той или иной степени показательными для положения тюрем в России в названный период. Воспроизведем некоторые из этих итогов.

В 1857—1859 гг. насчитывалось 2209 помещений для общего содержания заключенных и 1365 одиночных, или, как их тогда называли, секретных, камер. Все эти помещения были рассчитаны на содержание 38 908 заключенных. Но тюрьмы были переполнены, и наибольшее количество арестантов достигало 64 358 человек.

Главная масса заключенных составлялась из подсудимых, число которых почти в 30 раз превышало количество срочных, т. е. осужденных. Ежегодно через места заключения проходила огромная масса людей, превышавшая 150 тыс. человек, не считая громадного числа пересыльных. Надо запомнить эту цифру, чтобы правильно учесть размеры разрушительного влияния царской тюрьмы на здоровье многих тысяч людей. Как видно из названной таблицы, почти вся эта полуторастысячная армия заключенных изнывала от безделья, лишенная возможности каким бы то ни было заработком поддерживать себя в тюрьме и улучшить свое скудное там питание; самими простыми и случайными работами было занято всего 12 699 человек, заработавших лишь 16 866 руб., т. е. приблизительно по 1 р. 30 к. на рабочего за год в период 1857—1859 гг.

Трагизм положения арестантской массы, переполнявшей тюрьмы на несколько десятков тысяч человек свыше нормы, голодавшей, изнывавшей от безделья, еще более увеличивался для арестованных без вины. Последних оказывалось громадное число: из 150 тыс. человек, прошедших за год через тюрьмы, на 37 472 осужденных пришлось 30 302 освобожденных из тюрьмы без всякого осуждения и наказания. Из них было освобождено от суда почти 20 тыс., а 11 124 были оставлены в подозрении, так как суд не нашел достаточных улик для их осуждения. Но и из 37 472 осужденных половина была приговорена к так называемому исправительному наказанию — к розгам, т. е. предварительное заключение в тюрьме для них было ничем не оправдываемой мерой. По всей России на каждых 53 осужденных арестантов приходилось 47 выпущенных из тюрьмы без наказания, т. е. арестованных понапрасну. По некоторым губерниям этот процент был еще выше. Так, по Бессарабии 84% арестантов сидели напрасно, по Витебской губернии — 74, по Вологодской — 70, по Могилевской — 63, по Курляндской — 59, по Орловской — 56% и т. д.¹

Автор статьи, приведший эти вычисления, объясняет громадные цифры арестованных, которых суд вынужден был освободить от наказания, произволом местной администрации: она арестовывала без всякой осторожности и без достаточных оснований. Добавим, что такой произвол администрации отнюдь не исключал и произвола самого суда, организованного на классовом начале из представителей господствующего класса и не отличавшегося снисходительностью к обвиняемым из крестьян и рабочих.

Не лишены интереса сведения о расходах на содержание тюрем. За трехлетие 1857—1859 гг. расходовалось в год на питание арестантов 883 505 руб., на арестантскую одежду и обувь — 201 436 руб., на отопление, освещение, покупку кандалов, ковку и расковку и мелкие расходы — 419 931 руб., на оплату тюремной администрации — 257 864 руб. и на содержание больниц и лечение арестантов — 327 842 руб. Общий расход превысил 2 млн. руб. в год.

При среднесуточном числе арестантов за год в 50 тыс. человек стоимость полного содержания каждого заключенного определялась в год всего в 40 руб.

За эти четыре десятка рублей в год — или за три рубля с половиной в месяц — арестантов морили голодом, морозили,

¹ См. Т. З., Неудобство русского острога и мнения о преобразовании его — сб. «Луч», т. I, СПб., 1866.

гноили и душили в ужасных тюремных помещениях, развращали до мозга костей, заковывали и перековывали, секли розгами, били плетью и клеймили на эшафоте, исповедовали и причащали, лечили и заражали в переполненных тюремных больницах или просто на грязном полу камеры.

Тюремный бюджет сводился с дефицитом. Расход превышал приход на 200 тыс. руб., несмотря на помощь частной благотворительности. На тюрьму собирали кружками, жертвовали по подписным листам, оставляли суммы по духовным завещаниям (в общей сложности 115 тыс. руб. в год). Доходов от труда заключенных поступало всего 3359 р. 78 к. в год. Цитированный мной автор статьи в сборнике «Луч» определил размер убытков государственному хозяйству от безделья арестантов за время немного более полувека в 5 318 500 тыс. руб. при возможном заработке каждого арестанта в 100 руб. в год. Убытки же от незаконного содержания в тюрьме за то же время достигли 35 035 тыс. руб., если определить стоимость содержания всего в 3 коп. в день. Кроме этих миллионов, надо учесть тяжелые последствия отрыва от труда, от семьи, влияние тюремного заключения и пр.

На основании обработки данных отчетов по каждой губернии я попытался выяснять годы постройки различных тюрем. Это удалось сделать лишь в редких случаях, так как большей частью годы постройки их не указаны. Тем не менее и немногие найденные нами сведения показывают, что постоянно встречающиеся указания на ветхость тюремных зданий подтверждаются давностью их постройки.

ВРЕМЯ ПОСТРОЙКИ ТЮРЕМНЫХ ЗДАНИЙ

В 1785, 1803, 1811 и 1813 гг. построено по одной	
тюрьме, а всего 4	
За период 1820—1829 гг. построено 16	тюрем
" " 1830—1839 гг. " 5	"
" " « 1840—1849 гг. " 7	"
" " 1850—1859 гг. " 15	"
" " 1860—1864 гг. " 10	"

По-видимому, большинство тюрем было построено так давно, что местная губернская администрация не могла установить года их постройки. Отчет по Петербургской губернии признал это, указав, что большая половина тюремных зданий в этой губернии была воздвигнута во второй половине XVIII века.

Эти первые (а вместе с тем и последние) опубликованные в 1865 году правительством сведения о состоянии тюрем должны были произвести на читателя самое отвратительное впечатление. Он не мог не знать, как скверны тюрьмы его родного города,

но он, быть может, не предполагал, что таковы тюрьмы повсеместно на всем великом пространстве России — «от хладных финских вод до пламенной Колхиды».

Использованные нами секретные донесения ревизоров начиная с 30-х годов подготовили нас к восприятию самой отвратительной картины состояния тюрем в 60-х годах: остроги и тюремные замки, остававшиеся без ремонта десятки лет, могли лишь ухудшиться. Но надо признать, что описание некоторых тюрем переносит нас даже в XVII век. Например, администрация Киевской губернии донесла, что арестантские помещения в уездах при станковых квартирах находятся даже в погребах и землянках. В отчете употреблены именно эти названия, но, к сожалению, нет описаний, что представляли собой эти земляные тюрьмы-погреба. Правда, не так трудно себе это представить, если принять во внимание, что в Москве, в этой второй, по-тогдашнему, столице империи, арестантское помещение при Екатерининской богадельне было устроено в подвалах, из-под полов которых выступала вода. Пожалуй, не лучше, а еще хуже обстояло дело в первой столице, Петербурге. Сенатор Волоцкой обнаружил в камере тюремного замка для тифозных больных такую сильную течь, что пол был покрыт водой. Он написал министру внутренних дел, а последний ответил, что ему все это известно и еще в прошлом году он трижды писал об этом военному генерал-губернатору. Министр юстиции подтвердил, что и он видел течь. После этого комитет министров распорядился привести тюрьму в лучший вид. Такова история «дыры» в тюремной крыше: сенатор, два министра (причем один из них — трижды), генерал-губернатор и комитет министров связали свои имена с этой историей наводнения в тюрьме¹. «Дыре» этой повезло; а сколько тюремных крыш продолжало протекать, оставаясь вне взора «недреманного ока» комитета министров?!

Подобная же картина была в подвальной одесской тюрьме, где подвал был пропитан сыростью, а своды и потолки потрескались и грозили падением, окна сгнили, полы были проломаны и изгрызаны крысами...

Не нужно думать, что подвальные тюрьмы были редким явлением в конце 50-х годов. Указания на них встречаются не один раз, хотя и без описания их «прелестей». Такие тюрьмы существовали, например, в большей части полицейских участков Воронежской губернии.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд министерства юстиции, огд. 4, 1865, № 4800. «О посещении министром юстиции Петербургского тюремного замка».

За полным отсутствием специальных помещений тюрьмы устраивались в частных наемных домах, совсем не приспособленных для содержания заключенных. В таких случаях приспособление ограничивалось устройством железных решеток на окнах и иногда изгороди. Переполнение мест заключения доходило до того, что арестанты размещались по коридорам, кухням, баням и даже прямо на дворе.

Так, размещение арестантов по кухням и на дворе происходило в одном из значительных городов Симбирской губернии — в Сызрани. В восьми городах этой губернии устройство тюрем относилось к первой четверти XIX века. За полвека тюрьмы пришли в такую ветхость, что из их стен вываливались гнилые бревна, а частоколы подпирались подставками. В результате администрация губернии должна была признать «довольно значительную смертность» среди арестантов. Соседка Симбирской губернии — Саратовская губерния сообщила об 11 своих тюрьмах такой общий отзыв: везде теснота, душный спертый воздух, неудобства, ветхость, доходящая до крайности.

В Калужской губернии — 11 острогов, и все, кроме одного, ветхи, в неудовлетворительном состоянии: остроги эти сделались «не местами исправления, а рассадниками преступлений».

В северной Вятской губернии некоторые арестантские полицейские помещения представляли собой «темные чуланы», а арестанты, приговоренные к смирительному и рабочему дому, содержались частью в замке, частью в кухне, частью в прачечной богоугодных заведений.

В Тверской губернии — 12 тюремных замков. Все они сырые и холодные, с плохо устроенными печами, дверями и рамами, с плохой вентиляцией. Зловоние распространено по тюрьмам, так как из ретирадов жидкость растекается по полу. Никаких мастерских нет. Полицейские арестные помещения в Твери сыры, темны, холодны, зловонны и грязны, зимой в них промерзают стены. Арестанты валяются на полу, не получают горячей пищи, сидят по несколько месяцев в ожидании допросов. По селам арестантские помещения станковых управлений обычно размещены в банях или ветхих избах. Всюду холод и голод.

По многим губерниям отмечалось отсутствие тюремных больниц, и заболевшие оставались среди здоровых. Отсутствие мастерских для работ было почти общим явлением. Наблюдалось даже смещение заключенных обоего пола в одной тюрьме (город Чебоксары Казанской губернии).

В большинстве губерний состояние тюрем характеризовалось словами: «жалкое», «неудовлетворительное», «крайне неудовлетворительное», «совершенно неудовлетворительное» и т. п.

Как редкое исключение попадаются удовлетворительные характеристики для отдельных тюрем, но не было ни одной тюрьмы, которая была бы признана в прекрасном состоянии или даже в хорошем. Высший балл оценки был — удовлетворительно.

Из отчетов с мест можно заключить о сложной и развитой системе тюремного заключения. Для примера приведем наименование мест лишения свободы в Москве. Их был целый десяток: 1) тюремный замок, или острог, 2) пересыльный замок, 3) смиренный дом, 4) рабочий дом, 5) новая временная тюрьма, или «яма», 6) отделение в здании присутственных мест, 7) арестное помещение при Екатерининском богадельном доме, 8) тюремное помещение при мещанском обществе, 9) арестантские роты гражданского ведомства и 10) арестантские помещения при полицейских частях города. Однако не только стройной системы лишения свободы, но вообще никакой системы не существовало. Названий мест заточения было много, но в действительности различий между тюремным режимом этого десятка тюрем было мало. Рабочий дом не отличался от смиренного. Тюремный замок, или острог, и арестантские роты гражданского ведомства не были между собой глубоко различны. Преимущественно целям предварительного содержания служили арестные помещения при полиции, но не исключительно. Специальным целям служила пересыльная тюрьма как центральный этап. Малоблагозвучное название «яма» служило вывеской долговой тюрьмы для несостоятельных должников. Назначение других названных мест заключения не было определено точно, и они служили целям как предварительного заключения, так и наказания. На практике здесь должны были возникать затруднения и путаница.

Не будем приводить других официальных материалов о состоянии тюрем, чтобы не повторяться. К сожалению, описания, принадлежащие самим бывшим заключенным, за 60-е годы почти совсем отсутствуют. Припомним приведенные в начале этой главы слова Герцена о том, что настоящую тюрьму, русский суд и русскую полицию знают лучше всего мужик, дворový, мастеровой и мещанин. Представители «низших» классов населения после ограбления крестьян в результате реформы 19 февраля 1861 г. потекли в остроги, арестантские роты, тюрьмы и арестные дома настоящим потоком. Поток этот прошел через всевозможные места заключения, не оставив, к большому сожалению, никакого следа в литературе по истории тюрьмы.

За 60-е годы русская тюрьма не имела такого историка, каким был за 50-е годы Достоевский, а за 80-е и начало 90-х го-

дов — Мельшин. Поэт, переводчик и романист Михайлов оставил в своих записках описание сибирских острогов в 1862 году. Но это были картины, виденные им мимоходом, когда его везли в Сибирь. Они совершенно совпадают с общей, уже известной нам по результатам правительственной анкеты картиной состояния тюрем. Лишь вместо сухого языка чиновничьего донесения в них слышен негодующий голос возмущенного человека. В тобольском остроге Михайлов совершил обход различных помещений, в том числе кандалного отделения. Он ходил по острогу как по страшным кругам дантовского ада. Говоря о своих впечатлениях от такого осмотра переполненной тюрьмы, Михайлов писал: «Как бы ни были преступны и черны душой все эти несчастные, набитые тут, как звери в клетку, в душе не возбуждается ничего, кроме жалости к ним. Христианское законодательство наше не понимает, что оно только портит и нравственно ухудшает своими мерами преступников, вселяя в них ожесточение и ненависть к человеческому обществу»¹.

У Данте самым страшным кругом ада был девятый, глубже всех лежавший. В тобольском остроге таким девятым кругом оказался чердак тюрьмы с клейменными и закованными в кандалы каторжанами. «Кроме сырости, помещения кандалных лишено всяких удобств. Под низкими сводами, где только можно распрямиться стоя, не устроено даже нар. Это чердачное отделение состоит из нескольких комнат, большей частью небольших, соединенных между собою арками сводов. Это еще хорошо: будь тут двери, которые бы затворялись, воздух был бы ужасный. Он уж и теперь никуда не годится. В других отделениях устроены хоть отдушины, которые его очищают немного, а здесь и этого нет. Все арестанты помещаются на полу. Из опасения ли драки или просто из пренебрежения к этим несчастным тут нет ни стола, ни стула. У редкого подостлан под себя потник или войлок. В любом зверинце лучше содержатся звери... Духота, жалкий полусвет, грязь, голодание, нищета, унижение, все эти исправительные меры нашего законодательства являлись тут в полном своем значении»².

Эти «исправительные меры» в виде голодания, грязи, нищеты, унижения были неразлучны с царским острогом за все время его существования. Они перешли и в последующий период истории царской тюрьмы.

За четыре года до сделанного Михайловым описания кандалного отделения в тобольском остроге здесь была обнаружена

¹ М. И. Михайлов, Записки 1861—1862 гг., «Былое», П., 1922, стр. 129.

² Там же, стр. 129—130.

еще более тяжелая картина — приковывание арестантов к стенам острога на много лет. Об этом я узнал из любопытнейшего архивного дела, в котором оказалось совершенно необычное подложное заявление шефу жандармов, сыгравшее большую роль в деле освобождения нескольких человек от приковывания их к острожным стенам.

В ноябре 1857 года в III отделение поступило письмо за подписью епископа тобольского Феоноста с просьбой довести его сообщение до сведения императора. Епископ писал, что в тобольском остроге содержатся одиннадцать арестантов, осужденных к приковыванию на разные сроки к стене, а затем к пожизненному заключению в ножных кандалах. Эти несчастные болеют и безвременно умирают, а местное начальство, несмотря на неоднократные обращения к нему епископа, не принимает никаких мер к облегчению участи арестантов. Было произведено расследование, и после доклада царю было повелено облегчить участь 15 таких арестантов: способные к труду были отправлены в Нерчинск, а неспособные должны были содержаться лишь в ножных оковах, с учетом времени их приковки к стене и с определением сроков ношения ножных кандалов. Из приложенного списка видно, что приковывание к стене цепями произведено в период 1843—1855 гг. на сроки от четырех до десяти лет за убийство, побег с каторги и бунт. Когда епископу было сообщено о «монаршей милости» арестантам в удовлетворение его ходатайства, он поспешил ответить, что никогда и никому такой просьбы не писал. Очевидно, пастырь, твердо помня текст священного писания: «несть бо власть, аще не от бога» и «всяких властем предержащим да повинуются», спокойно проходил мимо прикованных к стене людей. Однако подлог достиг цели: признано было неудобным снова сажать на цепь арестантов, освобожденных от нее¹.

До нас дошло описание ужасного зрелища людей, прикованных цепями к тюремной стене. Оно составлено одной посетительницей острога в Тобольске за несколько лет до привоза в этот город поэта-каторжанина Михайлова. Тогда острог помещался в другом старинном здании, по соседству с которым была выстроена новая тюрьма, описанная Михайловым.

Автором воспоминаний, которые мы сейчас приведем, является некая Францева; ей показывал тюрьму ее отец. Мы приведем слова Францевой не в пересказе, а в подлиннике, чтобы полнее и точнее передать впечатления автора:

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 экз., 1857, № 352. Дело «По представлению епископа Феоноста».

«Проходя по полутемному коридору, по бокам которого были устроены отдельные в три аршина каморки, я видела, что у прилоков каждой из них стояли, точно мертвецы, бледные, исхудалые, несчастные заключенные, смотревшие на нас тупым безжизненным взглядом, как бы спрашивая: «да зачем это вы явились в наши живые могилы?». Внутренность каморки вмещала кровать и деревянную табуретку. Привинченная же одним концом тяжелая цепь к углу каморки, а другим концом к ноге несчастного заключенного давала ему возможность делать лишь три шага до порога своей каморки. В одной из них лежал больной водянкой, и грубая цепь все-таки не выпускала его из своих оков. Повиснув тяжело с ноги несчастного, она лежала частью на полу, и при малейшем его движении не давала ему забыться. Несчастные так и умирали тут. Одна только смерть освобождала их от этих вечных уз. До сих пор, хотя прошло уже более 30 лет, не могу без особенно тяжелого чувства вспомнить этих заживо погребенных существ»¹.

Так на десятки лет запечатлелась в памяти очевидицы эта страшная картина величайшего издевательства над человеком. Автор мог дать описание лишь внешнего вида прикованных к тюремной стене людей... К сожалению, мы никогда не узнаем об их внутренних переживаниях. Это были осужденные из числа крестьян и рабочих, которые не писали своих тюремных воспоминаний.

Но показателями этих внутренних переживаний являются тюремные бунты на почве сопротивления заковыванию в кандалы, приковыванию к стене, бритью половины головы и пр. Уже в первом томе книги я приводил пример такого бунта целой тюрьмы в защиту шести арестантов, посаженных на стальные шейные цепи (т. I, § 42). В середине XIX века арестанты оказывают сопротивление применению к ним уже и менее тяжелых мер. Так, например, в 1854 году херсонский губернатор доносил Николаю I о вооруженном сопротивлении всей тюрьмы в городе Сумах, когда администрация задумала обрить головы нескольким заключенным². Тюремная стража вынуждена была в полном своем составе бежать из тюрьмы. Тюрьма была приведена в покорность в результате настоящего похода на нее, в котором приняли участие вооруженная инвалидная команда, чины городской

¹ М. Д. Францева, Воспоминания, «Исторический вестник» 1888 г., т. XXXII, стр. 619—620.

² ЦГИА в Ленинграде, 1854, № 1347. Дело «По донесению начальника Харьковской губернии о бунте арестантов в сумском городском остроге».

полиции, наличные члены Попечительного о тюрьмах общества, два священника, предводитель дворянства, губернатор. В другом случае готовилось убийство генерал-губернатора за его приказание обрить арестанта¹.

Царизм всегда очень крепко держался за всякие цепи, кандалы и оковы разной формы и различных названий. Он торговался за их тяжелый вес и очень неохотно сбавлял этот вес по фунтику под напором общественного мнения и протестов самих арестантов. Царское правительство видело в стальных острожных цепях, в ручных и ножных кандалах, в железном пруте и цепи для ссыльных свою силу и опору.

Показателем такого отношения к кандалам служит наложение их вопреки закону на декабристов, петрашевцев и на других государственных преступников из числа дворян: царизм открыто и нагло попирает свои законы из опасения побега его врагов. Что же касается рабочих, крестьян и вообще так называемых «неизъятых от телесных наказаний», то для них кандалы применялись до конца существования царизма: только с его свержением спали оковы с их ног и рук².

§ 70. СТАТИСТИКА ТЮРЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Тюремное население за период 1825—1870 гг. интересует нас с двух точек зрения: во-первых, мы ставим себе задачей выяснить его численность за разные годы, во-вторых, определить его состав по классовой принадлежности, по преступлениям и по видам лишения свободы.

Ответы на эти вопросы покажут, какая многотысячная армия проходила через места заключения империи, становясь жертвой описанного нами тюремного режима. Вместе с тем мы

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданнейшие доклады III отделения, 4 октября 1847 г. (л. 49).

² Показателем крепкой веры царей в кандалы служит не лишнее повеление Александра II в 1857 году. Это повеление устанавливало лишь один случай возможного освобождения от приковывания к стене и к каторжной тачке и снятия кандалов — на те короткие минуты, когда арестанты христианского вероисповедания совершали религиозный обряд причастия.

Таким образом, нехристиане никогда не расставались со своими цепями. При этом указательно предупреждал не допускать такого освобождения для многих арестантов сразу (ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1857, № 268).

Рис. 37. «Арестованные скованы по ногам общей короткой цепью»

Рисунок Т. Г. Шевченко

Рис. 38. «Наказанный прикован к стене шейной цепью. Во рту вставлен кляп»

Рисунок Т. Г. Шевченко

узнаем, представители каких социальных групп и за что именно направлялись сюда классовой юстицией и произволом царской администрации.

В таком объеме проблема изучения тюремного населения для исследуемого нами периода не ставилась вовсе. Вся литература вопроса исчерпывается монографией Анучина «Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь» (1866 г.) и статьей «О преступности государственных крестьян» (за 1834—1845 гг.). Но первая из названных работ изучает не статистику тюрьмы, а статистику ссылки, вторая же охватила лишь один десяток лет, причем не в разрезе изучения тюрьмы.

Статистические материалы, которыми мы пользовались в этом очерке, состоят из отчетов Попечительного о тюрьмах общества и из ежегодных отчетов министерства юстиции. Регулярное опубликование этих последних началось с 1834 года, хотя отдельные отчеты вышли и за немногие более ранние годы. Начиная же с указанного, 1834, года ежегодные отчеты министерства юстиции охватили весь период до 1870 года без пропусков. Вероятно, вследствие нежелания правительства предавать сведения о преступности и о деятельности судов широкой огласке отчеты оставались совсем неиспользованными ни в научной литературе, ни в публицистической печати как во время их выхода в свет, так и в более позднее время, когда уже появились признаки пробудившегося интереса к уголовной статистике.

Конечно, эти первые отчеты министерства юстиции со статистическими таблицами очень далеки от совершенства. Совсем не на высоте положения стояло дело собирания цифрового материала и его обработки в таблицы.

Уголовная статистика делала тогда свои первые шаги, и программа собирания сведений еще не была твердо установлена.

Изменение этой программы в различные годы не позволяет единообразно рассмотреть тюремную статистику за весь период 1834—1870 гг. Но недостатки этой статистики не лишают ее интереса и значения для нас как источника хотя бы неполного ознакомления с населением мест лишения свободы в России.

Приводимые цифры сразу напоминают нам о том, что дело «правосудия» в царской России находилось в руках дворян и вся юстиция носила ярко выраженный классовый характер. Привилегированным сословием сходило безнаказанно то, за что представители трудящихся масс несли тяжелую ответственность. Это прекрасно видно из следующей нашей таблицы:

КОЛИЧЕСТВО И ПРОЦЕНТ ОПРАВДАНЫХ И ОСУЖДЕННЫХ
ПО РАЗЛИЧНЫМ СОСЛОВИЯМ ЗА 1834 — 1845 ГОДЫ¹

Название сословий	Оправдано	Осуждено	Всего	% оправданных	% осужденных
Дворяне	23678	18183	41861	56,5	43,5
Почетные граждане и купцы	7112	3901	11013	64,6	35,4
Ремесленники и мастера-вые казенных заводов	2325	3868	6193	37,5	62,5
Крестьяне государственных	110260	141932	252192	43,7	56,3
Крестьяне помещичьи	82997	117562	200559	41,4	58,6

Высшие проценты оправданных приходятся на дворян и купцов, и среди последних оправданных оказалось даже больше, чем среди дворян. Можно предположить, что имущественное положение купечества при чрезвычайно развитом взяточничестве судей спасало их от осуждения даже больше, чем дворян их родовитость. Процент оправданий среди государственных крестьян на 13% ниже, чем среди дворян. Он еще ниже среди помещичьих крестьян. В действительности он был еще ниже, так как со многими сотнями тысяч помещичьих крестьян помещики расправлялись сами, без суда. Среди ремесленников и мастеровых казенных заводов процент оправданий оказался наименьшим (37,5%).

Значение классовой принадлежности с еще большей яркостью обнаруживается из рассмотрения процента осуждений по различным преступлениям.

Из отчета министерства юстиции за 1834 год мы взяли такое преступление, как злоупотребление помещичьей властью, которое совершалось представителями господствовавшего имущего класса, и такие, как неповиновение крестьян помещикам и бродяжничество, которые совершались крепостными крестьянами и вообще представителями класса угнетенного и неимущего. Разница в процентах осужденных и особенно оправданных между той и другой социальными группами очень велика. Несмотря на то, что помещики попадали на скамью подсудимых за жестокое обращение с крепостными только в исключительных и несомненных случаях нарушения закона, лишь половина из них признавалась виновными. Наоборот, процент осуждений крестьян за неповиновение помещикам достигал почти 72, а за бродяжничество — даже 88. Процент совершенно оправданных помещиков превышал 42, а

¹ Материалы статистики России, собранные по ведомству государственных имуществ, вып. VI, СПб., 1871, «Статистические ведомости» № 2.

оправданных крестьян, обвинявшихся в неповиновении помещикам, был ниже более чем вдвое (18,5%). Процент вполне оправданных по обвинению в бродяжничестве совсем ничтожен — 5,3.

КОЛИЧЕСТВО И ПРОЦЕНТ ОПРАВДАНЫХ И ОСУЖДЕННЫХ
ЗА РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА 1834 ГОД

Название преступления	Оправдано	Оставлено в подозрении	Передано в иные инстанции	Приговорено к наказанию	Всего
Злоупотребление помещичьей властью (число привлеченных)	59	5	6	70	140
(процент привлеченных) %	42,1	3,6	4,3	50,0	100
Неповиновение крестьян помещикам (число привлеченных)	163	48	38	630	879
(процент привлеченных) %	18,6	5,5	4,3	71,7	100
Бродяжничество (число привлеченных)	156	43	146	2604	2949
(процент привлеченных) %	5,3	1,4	5,0	88,3	100

Таким образом, классовая принадлежность совершенно не одинаково определяла для обвиняемого шансы выйти из суда оправданным или осужденным, попасть или не попасть в тюрьму. Конечно, она еще более влияла на привлечение или непривлечение к суду лиц разных сословий в качестве обвиняемых.

Сведения по министерству юстиции за 1834—1840 гг. составлены по программе, не сравнимой с программой таблиц за последующие годы. При этом сведения даны о деятельности лишь уголовных палат. Общее число осужденных этими палатами и приговоренных к различным наказаниям в 1834 году было 59 092. Общее же число обвиняемых в этом году было 110 806. Так как арест являлся весьма распространенной мерой пресечения уклонения от следствия и суда, то без ошибки можно предположить, что в 1834 году не менее нескольких десятков тысяч обвиняемых в уголовных палатах прошло через тюрьмы. Еще выше должна была быть эта цифра для низших судов, но она в отчете не приведена. Некоторым показателем величины этой цифры служат сведения, взятые мной из отчетов Попечительного о тюрьмах общества. За 1834 год по тюрьмам только 30 губернских городов и 20 уездных содержалось подследственных арестантов 27 960. Но эта цифра составляет только незначительную часть всей массы заключенных, так как сюда надо добавить еще 46 401

человека, содержащихся при полиции, и 68 878 пересыльных арестантов. Таким образом, общее число заключенных в тюрьмах 30 губернских и 20 уездных городов достигало 144 222 человек. По словам отчета, эти 30 губерний составляли по количеству населения немного более одной шестой части населения всей империи. Очевидно, тюремное население во всей империи в несколько раз превышало приведенную цифру (144 222). Если мы увеличим ее только в три раза, то получим для всей империи за 1834 год более 400 тыс. человек тюремного населения. Мы увеличиваем названную цифру лишь в три раза, а не в шесть, принимая во внимание, что преступность на окраинах была значительно меньшей, чем в центральных губерниях, сведения о которых вошли в отчет. Из отчетов того же Попечительного о тюрьмах общества за 1836 год по 39 губернским городам и 31 уездному видно, что общее число заключенных достигло 174 052, а за 1838 год по 46 губернским городам и 61 уездному — 236 644.

Наибольшее количество заключенных проходило через арестные помещения при полиции. Так, за 1838 год из приведенной выше общей суммы заключенных (236 644) содержалось при полиции 101 867 человек, а в тюрьмах — 45 416, кроме того, было пересыльных 89 361 человек. Место содержания пересыльных в отчетах не указывалось, но, вероятно, значительная их часть проходила через тюрьмы. Впрочем, такое соотношение заключенных по трем названным группам не было постоянным и резко менялось по неизвестным нам причинам. Например, в 1841 году содержалось при полиции 57 108 человек, в тюрьмах — 51 177, а пересыльных было 117 977 человек.

Наоборот, из года в год твердо выдерживалось распределение арестантов по преступлениям. Сведения о преступлениях сообщались в отчетах лишь относительно обвиняемых, заключенных в тюрьмы. Три вида преступлений давали огромную часть тюремного населения; поставщиками же обвиняемых по этим трем видам преступлений были нищета и крепостное право. Так, в 1844 году из 56 014 арестантов тюрем содержалось за кражу и мошенничество 13 496, за неимение видов, за просрочку их и за побег — 11 455, за прошение милостыни и бродяжничество — 8 149 человек. Беспаспортность и бродяжничество были тесно связаны с условиями крепостного права и являлись одним из наиболее типичных для этой эпохи преступлений. Другим таким преступлением было сопротивление и неповиновение крестьян власти помещиков. В 1844 году за это преступление содержался в тюрьмах 1361 человек. Приблизительно такое же соотношение арестантов в тюрьмах по их преступлениям было в 1836, 1838 и других годах.

Конечно, указанная нами цифра обвиняемых в неповиновении помещикам не является исчерпывающей: значительное число крестьян за неповиновение помещикам входило в группу пересыльных, так как помещики ссылали их в Сибирь без привлечения к суду на основании своей господской власти.

Эти участники крестьянских волнений составляли в общей арестантской массе за период 1825—1870 гг. немалую прослойку. По подсчетам историков, в царствование Николая I, за 1826—1854 гг., волнения происходили в 712 имениях, т. е. в среднем ежегодно в 24 имениях. За разные годы указанного периода волнения захватили 43 губернии.

За период 1855—1860 гг. насчитывалось 474 крестьянских волнения¹. Некоторые из них захватывали много тысяч человек. Так, например, в 1841 году в Оренбургской и Пермской губерниях казенные крестьяне восставали в количестве 40 тыс., и для их усмирения было послано 10 тыс. солдат при десяти орудиях.

В 1861—1863 гг. крестьянские волнения охватили уже, по данным III отделения, 1962 помещичьих имения.

Очень большое число узников в разные тюрьмы дали восстания военных поселян. Так, например, в 1831 году в Новгородской губернии число восставших и арестованных исчислялось многими тысячами. За недостатком свободных мест в тюрьмах их отправляли, между прочим, на парусиновую фабрику в Новгород. Здесь, закованные в кандалы, они в числе более 400 человек совершенно переполнили помещение и содержались почти четыре месяца до суда и наказания в таких условиях, что их не могли узнать увидавшие их затем оставшиеся на свободе односельчане². Эти измученные условиями тюремного заключения люди были подвергнуты разнообразным наказаниям в числе 3960 человек. При исполнении наказания было забито насмерть 129 человек³. Имеется еще одно указание о содержании военных поселян в особых камерах старорусского этапного двора. Без различия возраста и пола они были так набиты в камеры, что «могли лежать только вповалку, всякое свободное движение было невозможно. Кормили их заплесневевшим хлебом и селедкой. Перед вечером являлись солдаты, надевали на истязуемых арканы и вели по городу к реке на водопой. Тут их заставляли становиться на четвереньки и пить воду прямо ртом из реки»⁴.

¹ См. И. И. Игнатович, Борьба крестьян за освобождение, М.—Л., 1924, стр. 210.

² См. П. П. Евстафьев, Восстание новгородских военных поселян, М., 1934, стр. 201—202.

³ См. там же, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 107.

Комиссия по расследованию причин восстания военных поселян Новгородской губернии в 1831 году обнаружила лишь одну причину, а именно распространение среди поселян слухов, что огромная смертность их в тот год происходит не от холеры, а от действий начальников, решивших истребить «нижний класс народа» посредством отравления. Однако тысячи поселян подняли восстание и заселили тюрьмы и каторгу не только потому, что верили слухам об отравлении колодцев, но и потому, что были проникнуты классовой ненавистью к своим угнетателям. Это ясно видно, например, из слов одного из участников восстания. Он говорил: «Для дураков яд да холера. А нам надобно, чтобы вашего дворянского козьего племени не было»¹.

Особенно значительное число арестантов в тюрьмы, ссыльных на каторгу и поселение, прогнанных сквозь строй, наказанных розгами и убитых при усмирении дало восстание крестьян в 1861 году в селе Бездне Казанской губернии и в Чембарском уезде Тамбовской губернии. Волнения охватили 26 селений. В одном из селений крестьяне выдержали с поднятыми кверху руками три залпа по их толпе, так как верили, что после этого им дадут «билеты на вечную волю». Александр II предоставил генералу-усмирителю право самому наказывать крестьян вплоть до ссылки в каторжные работы и на поселение. Генерал это право широко использовал. Новые каторжане-поселяне по пути в Сибирь прошли через разные тюрьмы².

Поэт Михайлов на пути в каторжные работы слышал от очевидца в тобольском остроге о прохождении через этот острог партии крестьян, сосланных за участие в восстании в Казанской губернии в 1861 году: «Пятьдесят семей тут гнали — по бунту... Без всякого, говорят, без суда. Баб-то, детей-то, девок-то! Шли не мало — из Казанской губернии, а все, видно, привыкнуть не могли. Пришли — вой да стон стоит, пошли — еще хуже того, Старухи-то с причетами воют, бабы так голосят. Дети малые, на них глядя, тоже рев этакий подняли. Потому — раззорены, как есть, в конец. Надзиратель наш смотрел, смотрел в воротах, да и ушел поскорее: слеза прошибла. Говорил я с ними тоже — вина-то их какая! Объявили фальшивую волю, они и пошли помещика спрашивать, как он, значит, царский манифест скрыл. Помещик

¹ П. П. Евстафьев, Восстание новгородских военных поселян, М., 1934, стр. 5 (предисловие М. Константинова).

² См. «Кандеевское восстание в 1681 г.», «Красный архив» 1939 г. № 1(92). См. также П. Маслов, Крестьянское движение в России, ч. 1, М., 1923. В селе Бездне было убито залпами 55 человек и ранен 71 человек. Автор сообщает количество крестьян — 466, сосланных в период 1835—1843 гг. в Сибирь за убийство помещиков (стр. 29).

за войском. Стали стрелять: убито сколько! А этих кого в кандалы, кого так, да в каторгу. И суда, говорят, никакого не было»¹.

Произвести точный учет количества крестьян, прошедших через места заключения за участие в восстаниях, нет возможности. Но размеры крестьянских волнений и разрозненные сведения о репрессиях за них дают основание предполагать, что такая прослойка в населении тюрем была значительна.

Во всяком случае, указанная нами выше цифра 1361 содержащихся в тюрьмах за неповиновение власти помещиков является неполной: в отчеты министерства юстиции значительная часть обвиняемых и осужденных не попадала, так как согласно повелению Николая I от 20 июля 1826 г. участники крестьянских восстаний подлежали не гражданскому, а военному суду, отчеты же военного министра начали печататься лишь с 1859 года. Насколько могли быть неполными по некоторым преступлениям отчеты министерства юстиции, видно на примере 1863—1866 гг., когда действовали военные суды по делам восстания в Польше. Число подсудимых в этих судах за государственные преступления в 1862 году равнялось только 79, а в 1863 году резко поднялось до 5691, в 1864 году — до 12 834; в 1865 году это число равнялось 4217, в 1866 году — 1696 и только в 1867 году оно вновь снизилось до 267 человек. Эти многие тысячи участников польского восстания заполняли общеуголовные тюрьмы во время следствия, а после осуждения попадали в каторжные тюрьмы, на поселение, в арестантские роты и подвергались различным другим наказаниям. Например, в 1864 году из числа 11 503 осужденных 60% были приговорены к лишению свободы в местах заключения, а именно: 19,5% (2243 человека) попали на каторгу и 40,6% (4666 человек) — в арестантские роты².

Размещение осужденных повстанцев по тюрьмам европейской России повышало население этих тюрем на многие тысячи человек. Министерство внутренних дел в 1863 году для размещения поляков, приговоренных в арестантские роты, наметило занять винные подвалы в Вятке, уплотнить тюрьмы в Перми на 200 человек, в Казани — на 200, в Рязани — на 250, в Симбирске — на 250 и т. д. В Архангельске для 800 заключенных было предположено отвести бывшие морские казармы. Были вновь учреждены арестантские роты в Полтаве³. В поисках возможностей для размещения осужденных администрация не стеснялась

¹ М. И. Михайлов, Записки 1861—1862 гг., П., 1922, стр. 114.

² См. Отчеты военного министерства за 1862—1867 гг. Статистическая ведомость о нижних чинах и лицах гражданского ведомства, выбывших из-под суда.

³ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1863, № 23, ч. 341. Правила распределения политических преступников по арестантским ротам.

назначать сотни добавочных мест в уже заполненных тюрьмах, но в действительности сюда направляли арестантов в еще большем количестве (например, жандармский полковник из Вятки сообщал, что вместо назначенных 290 человек ожидается до 400).

Наибольшее количество арестованных по первому польскому восстанию (1830 г.) и по второму (1863 г.) проходило через тюрьмы Киева, Минска, Смоленска, Москвы и некоторых других городов. В Москве для пересыльных поляков была отведена тюрьма на Остоженке — Колымажный двор. По воспоминаниям бывшего офицера, несшего обязанности караульного в тюрьме Колымажного двора, арестованных поляков «прибывало ежедневно такое множество, что то и дело приходилось принимать, сортировать, размещать, так что и офицер и солдаты к вечеру уже были буквально без ног»¹. В партии ссыльных в эту тюрьму 11 ноября 1864 г. прибыл Домбровский, будущий знаменитый генерал Парижской Коммуны, погибший в бою с версальцами. Осужденный царским правительством на 15 лет каторжных работ, он удачно бежал из тюрьмы Колымажного двора, где в числе других 130 поляков находился в отведенном под тюрьму флигеле. Этот побег поднял на ноги всю московскую полицию и доставил III отделению в Петербурге много безуспешных хлопот².

Не приходится удивляться огромным цифрам арестованных по польскому восстанию 1863 года. Усмиритель восстания Муравьев с цинизмом признавался: «Очень часто я сажаю мятежников без малейшей вины, даже подозрения нет; ну, в таком случае я всегда решаю: посидит под замком, да подолее, быть может, что-нибудь и отыщется. И что же вы думаете? Я был так счастлив, что всегда что-нибудь за сидельцем-то моим и отыскивал. Ну, тогда и подай его сюда». Начальник штаба Муравьева рассказывал, что Муравьев не терпел просьб о смягчении участи осужденных и, выхватывая из рук бумагу, быстро ее подписывал, причем слова «повесить, расстрелять» выходили у него всегда разборчивее других³.

За недостатком мест в крепостях и тюрьмах арестованные поляки размещались под караулом в монастырях. Так было при восстаниях 1830 и 1863 гг. При восстании 1830 года монастыри становились местом заключения, особенно для женщин. Еще в 1833 году усмиритель Паскевич доводил до сведения царя о

¹ О. Еленский, Мысли и воспоминания поляка, «Русская старина» 1906 г., октябрь, стр. 224.

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., № 9(28). «Следственное дело о побеге из Москвы польского арестанта Ярослава Домбровского». В этом же архиве имеются об этом побеге еще два дела: дело III отделения, 4 эксп. (№ 164, 1864 г.), и III отделения, 3 эксп. (№ 17, 1871 г.).

³ См. П. Е. Щеголев, Декабристы, 1926, стр. 129.

своем решении помещать в женские католические монастыри женщин, заподозренных в сочувствии восставшим, «а более виновных из них ссылатъ в Сибирь»¹.

Среди различных фамилий повстанцев, попавших на каторгу, наше внимание обратило на себя имя того самого Петра Высоцкого, которому принадлежала выдающаяся роль в создании тайного общества. В начале восстания, 29 ноября 1830 г., Высоцкий с вооруженным отрядом ворвался во дворец наместника Польши Константина Павловича с криками: «Смерть тирану!» Взятый в плен, он был осужден на 20 лет каторжных работ и вместе с пятью другими поляками бежал с каторжного Александровского солеваренного завода в 1835 году. Беглецы были быстро пойманы и прикованы к тачкам. Через 12 лет начальство каторги просило об освобождении Высоцкого от оков вследствие его болезни и хорошего поведения — если не навсегда, то по крайней мере на время пребывания в госпитале. Последовал короткий отрицательный ответ с запрещением освобождать от оков даже на время пребывания в госпитале².

Мы указывали, что в населении тюрем огромную его часть составляли обвиняемые и осужденные за бродяжничество, являвшееся типичным преступлением для всей эпохи крепостного права. Для характеристики этой группы мы приведем два-три примера из архивных дел канцелярии III отделения.

Одно из таких дел 1848 года свидетельствует, что шеф жандармов получал интересные сведения о побегах крестьян при каждом объявлении рекрутских наборов. По образному выражению официального источника, при объявлении таких наборов «деревни становились пустыми». Забранных рекрутов препровождали партиями на сборные пункты под конвоем солдат и под охраной из пеших и конных крестьян. Рекруты бежали с пути и с остановок в одиночку и целыми отрядами, и был случай, когда такой побег совершили сразу 77 человек с криками «ура». В другом донесении сообщалось о побеге 126 человек. Хотя за каждого бежавшего забирали двоих других, а пойманных прогоняли сквозь строй, такие меры не помогали, и, по словам жандармского донесения, сами крестьяне нападали на стоянки рекрутов, отбивая их силой³. Разумеется, таким беглецам не было

¹ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1833, № 173. «Об отправлении в Сибирь на поселение и в монастыри женщин Царства Польского».

² ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 1 эксп., 1835, № 180. «О побеге и поимке польских мятежников, сосланных в каторжную работу».

³ ЦГИА в Москве. Фонд III отделения, 4 эксп., 1849, № 158. «О побеге рекрутов».

возврата в деревню: без паспортов они, на официальном языке, превращались в бродяг.

Другой случай, отмеченный в использованных нами архивных материалах, относится к 1847 году, когда полторы сотни крестьян Витебской губернии без разрешения ушли от своего помещика, направившись с топорами и кольями к царю, чтобы просить его сделать их вместо помещичьих крестьян государственными. По дороге к ним присоединились другие, и общее число их возросло до 500 человек. Вняв увещаниям губернатора, они побросали топоры и колья, но решительно отказывались вернуться к помещикам¹. На юридическом языке это было не только самовольное оставление местожительства, но и неповиновение властям.

В третьем деле шеф жандармов сообщал царю о побеге из имения Трубецкого и других помещиков 530 крестьян: они пыта-

КОЛИЧЕСТВО ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ ЗА 1843 ГОД ПО ГУБЕРНИЯМ²

Губернии и области	Число арестан- тов, содержа- щихся в тече- ние года	Число пере- сыланных на од- ного места в другое	Число осужден- ных, следующих в Сибирь на крепостные, портовые и дру- гие работы
Ярославская губерния	1423	1823	66
Черниговская »	5457	2971	1103
Эстляндская »	1351	220	46
Владимирская »	1326	1415	3927
По городу Одессе	2431	1748	39
Вологодская губерния	1747	818	143
Кавказская область	1785	715	1142
Виленская губерния	3819	2389	481
Пермская »	5261	6058	51509
Грузино-Имеретинская губерния	3788	128	232
Московская губерния	37735	9893	9284
Тобольская »	2871	8818	17327
Саратовская »	6392	4204	2248
Иркутская »	659	1040	3230
Таврическая »	3074	4807	1327
Орловская »	5645	3494	1424

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданейшие доклады по III отделению, 4 эксп., 1847 (л. 71).

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд. 1286. Опись 9, 1844—1846, № 707.

лись пробраться на Кавказ, где ошибочно думали получить свободу от крепостной зависимости¹. Эти сотни беглецов также включались в число тех, кто подпадал под действие закона о бродягах.

Снова возвращаясь к вопросу о численности тюремного населения в период 40—50-х годов, мы приведем встретившиеся нам цифры министерства внутренних дел за 1843 год и сведения из ряда отчетов министерства юстиции за 1842—1859 гг.

Больше интереса представляет составленная нами сводная таблица по материалам министерства юстиции о числе обвиняемых в уголовных палатах, совестных судах и низших судах за 1842—1859 гг.

ВЕДОМОСТЬ ПО ДОНЕСЕНИЯМ НАЧАЛЬНИКОВ ГУБЕРНИЙ О ЧИСЛЕ АРЕСТАНТОВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ТЮРЬМАХ В 1843 ГОДУ

Губернии и области	Число арестан- тов, содержа- щихся в тече- ние года	Число пере- сланных на одного места в другое	Число осуж- денных, следу- ющих в Сибирь на крепостные, портовые и другие работы
Бессарабская область	4011	3092	2826
Измаильск. градоначальство . . .	1186	298	34
Костромская губерния	2305	1923	181
Нижегородская »	3109	2453	4434
Лифляндская »	13173	908	281
Киевская »	11231	12134	1009
Томская »	2179	939	6347
Астраханская »	757	388	56
Пензенская »	2509	3110	5802
Калужская »	1291	1385	117
Гродненская »	2227	2044	293
Олонекская »	465	98	20
Оренбургская »	5113	2549	859
Вятская »	1288	702	7021

Начиная с 1842 года, когда общее число обвиняемых в этих судах составляло 200 985 человек, количество подсудимых почти непрерывно поднималось и в 1859 году достигло 327 878 человек. Напоминая наше предположение о самом широком применении предварительного ареста к обвиняемым, мы считаем, что через места заключения проходило их в 50-е годы свыше 200 тыс. человек в год.

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданейшие доклады по III отделению, 4 эксп., 1848 (л. 159).

Такое предположение подкрепляется сведениями, собранными министерством внутренних дел за 1857—1859 гг. по всей империи, когда среднегодовое число заключенных только в тюрьмах (кроме полицейских участков) равнялось 156 107 человекам. Лишь очень незначительная часть этого числа составлялась из уже осужденных к лишению свободы, а остальная масса комплектовалась из обвиняемых в различных преступлениях. Для получения приблизительной цифры тюремного населения за один год мы должны добавить к предположенной нами цифре (200 тыс.) еще около 100 тыс. пересыльных (мы знаем точно эту цифру по значительной части империи за 1854 год — 91 199 человек). Получающееся таким образом число в 300 тыс. человек еще не исчерпывает всего количества заключенных, так как в него не входят очень многие тысячи арестованных на короткие сроки полицией и разными административными органами, а также лишенные свободы помещиками в сельских местностях на основании предоставленного им права лишать свободы их крепостных. Сюда не вошли также те обвиняемые, которые содержались в местах лишения свободы военного ведомства по делам военной подсудности. Число обвиняемых в военных судах за 1859—1870 гг. колебалось в пределах от 7500 до 29 961 (1854 г.)¹. За этот же период число подсудимых в судах военно-морского ведомства колебалось лишь в пределах от 414 (1862 г.) до 1163 (1870 г.)². К сожалению, мы не располагаем никаким материалом для определения хотя бы очень приблизительно того числа арестованных по деревням и селам помещичьих и государственных крестьян, которое, быть может, было самым крупным слагаемым в общей сумме тюремного населения в России за интересующий нас период.

В самом начале этого параграфа мы поставили себе задачей выяснить размеры применения различных видов лишения свободы. Уголовная статистика позволяет нам сделать это с полной ясностью лишь за последний десяток лет интересующего нас периода.

Отчеты министерства юстиции, разрабатывавшие материалы уголовной статистики за 1860—1868 гг. по одной и той же программе, позволили нам сделать попытку выявить в цифрах роль различных видов лишения свободы за эти годы. За этот период было четыре крупных законодательных акта, оказавших свое влияние, с одной стороны, на общие размеры судебной репрес-

¹ Цифры взяты нами из отчетов военного министерства за указанные годы.

² Там же.

сии, а с другой — на изменение характера этой репрессии. Этими актами были закон 19 февраля 1861 г., закон 17 апреля 1863 г. об отмене некоторых видов телесных наказаний, утвержденные 20 ноября 1864 г., новые судебные уставы и изданное в 1866 году Уложение о наказаниях в новой, значительно измененной редакции.

Судебные уставы 1864 года, а именно Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, вводились в действие в различных судебных округах лишь постепенно. Первые опубликованные сведения о деятельности новых судов относятся к 1866 году и лишь к трем округам судебных палат — Петербургской, Московской и Харьковской. Эти сведения за 1866—1868 гг. не включены в помещенную нами ниже таблицу.

Уложение о наказаниях 1866 года включило в себя дополнения и изменения законов, вызванные указанными выше узаконениями. Из помещенной ниже таблицы можно усмотреть значительные изменения характера репрессий начиная с 1866 года.

Повышение числа осужденных происходило непрерывно до 1865 года включительно. Понижение цифр в 1866—1868 гг. объясняется тем, что в эти годы вместо дореформенных судов были введены новые суды в целом ряде губерний и отчетность по этим новым судам не вошла в приведенную таблицу. Что касается наказаний, то за все годы громадный процент приходился на приговоренных, говоря словами таблицы, «к другим, менее тяжким наказаниям». Сюда отчет «спрятал» приговоренных к розгам. Вместе с менее значительным количеством присужденных к выговору, денежным пеням и другим, менее важным наказаниям они в первый год составили почти три четверти общего числа осужденных; но и в 1868 году они продолжали составлять очень крупную величину.

Обращаясь к рассмотрению роли различных видов лишения свободы, мы замечаем громадный рост применения тюремного заключения: с 3,8% в 1860 году назначение тюрьмы по приговорам судов выросло до 23,5% к 1866 году. Возрастание шло непрерывно, но особенно резкие повышения произошли в 1863 году (т. е. в год издания закона 17 апреля) и в 1866 году (т. е. со времени введения судебных уставов). Арестантские роты за весь период назначались почти в одних и тех же процентах. Резкое падение процента назначения работного дома в 1867 и 1868 гг. объясняется победой тюрьмы над работным домом. На одном и том же уровне удержалась ссылка в каторжные работы, а ссылка на поселение и водворение уменьшилась почти в четыре раза. Заключение в крепость и смиренный дом применялось крайне

ПРИГОВОРЕННЫЕ К РАЗНЫМ НАКАЗАНИЯМ ВСЕМИ ДОРЕФОРМЕННЫМИ
СУДНЫМИ МЕСТАМИ ИМПЕРИИ ЗА 1860 — 1868 ГОДЫ

Годы	Приговорено (человек)										
	Всего	К каторге	На по- селение	На подво- рение	В аресто- вые роты	В рабочие дома	К военно- й службе	К крепо- сти	В смир- ительный дом	В тюрьму	К другим, менее тяж- ким нака- заниям
1860	72 489	1 097	2 914	3 260	5 942	3 029	823	25	342	2 771	52 286
	100%	1,5%	4,0%	4,5%	8,2%	4,2%	1,1%	0,03%	0,5%	3,8%	72,2%
1861	80 580	1 106	3 640	3 758	6 093	3 467	98	14	354	3 202	58 848
	100%	1,4%	4,6%	4,7%	7,6%	4,3%	0,1%	0,02%	0,4%	4,0%	72,9%
1862	83 449	1 068	2 946	3 773	6 122	4 269	81	10	478	3 683	60 989
	100%	1,3%	3,5%	4,5%	7,3%	5,2%	0,1%	0,01%	0,6%	4,4%	73,2%
1863	88 738	1 232	2 120	2 522	7 398	5 641	68	19	864	8 975	59 899
	100%	1,4%	2,4%	2,8%	8,3%	6,3%	0,1%	0,02%	1,1%	10,1%	67,5%
1864	93 613	1 193	1 755	2 022	7 278	4 871	52	38	1 028	10 367	65 009
	100%	1,3%	1,9%	2,1%	7,8%	5,2%	0,1%	0,04%	1,1%	11,1%	69,4%
1865	93 974	1 376	1 803	2 216	8 110	5 685	38	21	828	10 730	63 167
	100%	1,5%	1,9%	2,4%	8,6%	6%	0,04%	0,02%	0,9%	11,4%	67,2%
1866	83 262	1 293	1 432	1 292	6 917	4 782	30	6	803	15 180	56 527
	100%	1,5%	1,6%	1,5%	7,8%	5,4%	0,03%	0,0%	0,9%	17,2%	64,1%
1867	71 124	1 151	963	1 132	5 404	1 585	18	14	589	15 887	44 381
	100%	1,6%	1,4%	1,6%	7,6%	2,2%	0,02%	0,02%	0,8%	22,3%	62,5%
1868	71 474	992	1 102	834	5 410	1 506	23	15	496	16 777	44 319
	100%	1,4%	1,5%	1,2%	7,6%	2,1%	0,03%	0,02%	0,7%	23,5%	62,0%

1 Судебная реформа введена в России в разных губерниях в разное время.

редко. В качестве общего вывода можно подтвердить, что колос-
сальное возрастание роли тюремного заключения увеличило слу-
чай ее назначения более, чем в шесть раз.

Приведенные сведения относятся к репрессиям вообще по всем
преступлениям. Еще ярче выявляется увеличение роли тюремного
заключения при рассмотрении репрессий за отдельные преступ-
ления. Это особенно следует сказать о «воровстве-краже».
В 1860—1862 гг. тюрьма назначалась за воровство-кражу лишь
3,9—4,1% осужденных. В 1863 году этот процент сразу возрос
до 15,1%, а в год введения судебных уставов (1866) — до 36,7%:
в 1867 году он достиг 48,4, а в 1868 году — 55,8. Естественно
возникает вопрос: какие же карательные меры применялись
в 1860—1862 гг. за кражу, если процент приговоренных к тюрь-
ме не превышал 4,1. Вероятно, чаще всего назначались телесные
наказания, скрытые в графе «других, менее тяжких наказаний»:
более половины всех осужденных попало в эту графу. Арестант-
ские роты получали более или менее постоянный процент осуж-
денных. Однако этот процент был достаточно высок (в 1860 г.—
19, в 1868 г.—17).

Роль работного дома была неодинаковой. За первые три
года он назначался за кражу в два-три раза чаще, чем
тюрьма, а за последние два года — в девять раз реже, чем
тюрьма. Победа тюрьмы над работным домом была полная и
окончательная.

Из других наказаний за кражи в первые годы
исследуемого периода применялись чаще других ссылка на посе-
ление (4,6—6,6%) и ссылка на водворение (7,7—8,8%). Оба эти
наказания к концу периода почти совсем исчезли из обихода (на
поселение 0,8% и на водворение — 0,6% в 1868 г.). Таким обра-
зом, тюрьма одержала победу не только над работным домом,
но также над смирительными домами, над ссылкой на поселение
и на водворение.

Приблизительно такую же картину пришлось бы нарисовать
и в отношении репрессий за грабеж и за «воровство-мошенниче-
ство». Отметим лишь, что за мошенничество применение тюрьмы
возросло за 1860—1868 гг. с 5,4 до 48,5%. За грабеж применение
тюрьмы увеличилось с 3,1 до 29,8%.

Увеличение роли тюрьмы выявляется и по другим преступле-
ниям. Так, за убийство тюрьма в 1860 году назначалась 6%
осужденных, а через восемь лет — 40,9%. Точно так же за нане-
сение ран и за причинение увечья тюремное заключение
в 1860 году назначалось 8,2% осужденных, а в 1868 году —
47,6%. Таким образом, и здесь роль тюрьмы возросла в не-
сколько раз.

ИЗМЕНЕНИЕ РЕПРЕССИЙ В 1868 ГОДУ СРАВНИТЕЛЬНО
С 1860 ГОДОМ И УВЕЛИЧЕНИЕ РОЛИ ТЮРЬМЫ (в%)¹

Годы	Всего	К каторге	На поселение	На водворение	В арестантские роты	В работные дома	К военной службе	В крепость	В смиренный дом	В тюрьму	К другим, менее тяжким наказаниям
------	-------	-----------	--------------	---------------	---------------------	-----------------	------------------	------------	-----------------	----------	-----------------------------------

Сопrotивление и неповиновение властям

1860	100	0,8	1,0	0,0	2,7	0,5	0,3	0,0	1,6	7,7	84,8
1868	100	—	0,04	0,04	0,6	1,6	—	—	3,7	27,4	66,6

Бродяжничество и укрывательство беглых

1860	100	1,7	17,1	15,3	14,4	3,0	4,3	—	0,1	2,1	42,0
1868	100	4,2	11,4	13,0	32,0	3,2	—	0,1	0,0	9,8	27,4

Смертоубийство

1860	100	27,0	5,2	3,1	2,2	2,1	0,1	0,1	1,1	6,0	53,1
1868	100	31,0	5,5	0,9	2,4	1,4	—	0,2	7,1	40,9	11,2

Нанесение увечья, ран

1860	100	1,0	0,9	1,6	4,8	1,8	0,3	—	1,1	8,2	80,3
1868	100	—	1,4	0,2	8,7	1,2	0,1	—	5,8	47,6	33,4

Грабеж

1860	100	10,6	11,9	7,6	17,6	3,1	0,6	—	0,2	3,1	45,3
1868	100	11,1	14,7	0,5	16,6	4,4	—	—	0,3	29,8	22,6

Воровство-кража

1860	100	0,3	4,6	7,7	19,0	8,2	1,8	0,0	0,2	3,9	54,3
1868	100	0,0	0,8	0,6	17,0	6,1	—	—	0,1	55,8	19,6

Воровство-мошенничество

1860	100	0,5	3,6	4,1	12,3	14,4	1,1	0,3	0,5	5,4	57,8
1868	100	—	1,2	0,8	6,9	2,6	—	—	0,1	48,5	39,9

¹ Проценты вычислены нами по отчетам министерства юстиции 1860 и 1868 гг.

Из преступлений против общественного порядка мы сейчас рассмотрим таким же образом: 1) сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение властям и 2) бродяжничество и укрывательство беглых. Применение тюремного заключения возросло и по этим преступлениям, а именно за первое из названных преступлений — с 7,7% в 1860 году до 27,4% в 1868 году, а за второе — с 2,1 до 9,8% за эти же годы.

Приводимая выше таблица наглядно показывает изменения в 1868 году в политике репрессий по отдельным преступлениям сравнительно с 1860 годом. По всем взятым нами преступлениям мы можем не только проследить возрастание роли тюрьмы, но и выяснять, за счет чего оно происходило.

Из этой таблицы видно не только громадное возрастание роли тюрьмы, но и почти столь же значительное уменьшение процента назначения «менее тяжких наказаний», в число которых входили телесные наказания.

Таким образом, к концу 60-х годов не только возрастала численность тюремного населения, но и резко изменялось соотношение между его двумя составными частями: процент арестантов, отбывавших наказание лишением свободы, конкурировал с процентом подсудимых арестантов. Как мы уже знаем, в предшествующий период число осужденных к лишению свободы в тюремных замках было в общей массе тюремного населения совсем ничтожно.

Что касается состава тюремного населения по преступлениям, то в 60-е годы он мало изменился сравнительно с предшествующим тридцатилетием. Заключение за имущественные преступления и за бродяжничество занимали по-прежнему первые места по своей численности. Однако с отменой крепостного права бродяжничество, как и следовало ожидать, пошло на убыль: среди осужденных в 1860 году бродяги составляли 11%, а в 1865 году — только 5,7%. Наоборот, имущественная преступность возросла и достигла в абсолютных числах огромных размеров. Так, например, число обвиняемых только по одному из видов имущественных преступлений, а именно за кражу, поднялось с 104 718 в 1860 году до 131 858 в 1865 году. В общей массе обвиняемых за все преступления эта группа в 1860 году составляла 33%, а в 1865 году — 35%.

Надо предполагать, что почти вся эта группа обвиняемых подвергалась лишению свободы в виде меры воспрепятствования уклонению от следствия и суда.

Следует отметить одно существенное изменение в составе обвиняемых, связанное с отменой крепостного права: глубокое недовольство крестьянства актом 19 февраля 1861 г. на почве

нищенских земельных наделов, выкупа и т. д., повысило число обвиняемых за неповиновение и сопротивление властям с 5650 в 1860 году до 9697 в 1865 году.

Что касается распределения арестантов по полу, то по анкете 1857—1859 гг. женщины составляли среди заключенных приблизительно одну пятую часть.

Уголовная статистика исследуемого нами периода оставила без всякого ответа очень многие важные и интересные вопросы тюремной политики. Той отрасли уголовной статистики, которая носит название тюремной, еще не существовало, а были лишь совершенно случайные и разрозненные сведения из этой области. Это объясняется тем, что лишение свободы как один из видов наказания только начинало играть ту исключительно большую роль, которая принадлежала ему при царизме, начиная с конца 60-х годов XIX века.

Не сообщалось никаких сведений о сроках пребывания в тюрьмах, о работе, о национальности, о возрасте, о половом составе заключенных, об их заболеваемости и о многом другом. Не сообщалось потому, что все эти стороны тюремного быта не интересовали администрацию, а труд заключенных, тюремные больницы, тюремные библиотеки отсутствовали. Тюремный режим сводился к беспощадному и самому широкому применению плетей и розог. Учитывать эту сторону тюремного быта не входило в расчеты ни местной администрации, ни центрального правительства: это стеснило бы безграничный произвол тюремного начальства. Напоминаем слова Достоевского, бывшего очевидцем того, как начальник острога порол арестантов только за то, что они спали не на том боку, на котором он приказывал им спать.

Эти стороны тюремной жизни «мертвых домов» не поддавались учету и вследствие их обилия: им не было числа. Об этом мы можем судить не по официальным данным, а по воспоминаниям Достоевского, Ахшарумова, Герцена, Михайлова и других бывших узников общеуголовных тюрем и случайных их посетителей.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Первый по времени опубликования проект плана губернской темницы. Напечатан в 1791 году в журнале «Театр судопроизводства»

Рис. 2. Клеймо «ВОР», введенное в 1754 году и отмененное в 1846 году. Подлинник хранится в областном музее г. Калинин

Рис. 3. Клеймо «КАТ», введенное в 1846 году и отмененное в 1863 году. Подлинники хранятся в Московском историческом музее и в музее г. Ярославля

Рис. 4. Фотография с портрета клейменного Петра Алексеева, убийцы корабельника Лошкова. Писал с натуры в тюрьме в ноябре 1858 года академик Н. Тютрюмов. Подлинник хранится в Государственном музее этнографии в Ленинграде.

Рис. 5. Фотография с клейменной головы. Голова в заспиртованном виде хранилась в 1905—1908 гг. в Харьковском музее судебной медицины

Рис. 6. Из руководства палачам о способе наложения клейм на преступников по указу 21 июля 1845 г.

Рис. 7. Аппарат для клеймения присужденных к каторжным работам с буквой «К»

Рис. 8. Кладка фундамента тюрьмы Трубецкого бастиона. Фотография 1870 года, хранящаяся в Ленинградском музее революции

Рис. 9. Кладка стен тюрьмы Трубецкого бастиона. Фотография 1870 года, хранящаяся в Ленинградском музее революции

Рис. 10. Одинокая камера в одной из куртин Петропавловской крепости. Зарисована Зубковым, заключенным по процессу декабристов в январе 1826 года

Рис. 11. Выборгский замок — место заточения декабристов и других заключенных. Из книги М. А. Лялина «Очерк истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия», СПб., 1908

Рис. 12. Вид Читинского острога декабристов. Рисунок сделан с натуры декабристом И. А. Анненковым

Рис. 13. Лунная ночь в Чите. Тюрьма декабристов. Рисунок декабриста Н. А. Бестужева. Из собрания Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина

Рис. 14. Петровский железный завод. Тюрьма декабристов (внешний и внутренний вид). Рисунок декабриста Н. А. Бестужева. Из третьего сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л. 1926.

Рис. 15. Петровский железный завод за Байкалом. Акварель Н. А. Бестужева. Из второго сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л. 1926

Рис. 16. План Петровского острога для декабристов, зарисованный декабристом Розеном

Рис. 17. Декабристы идут на работу. Из книги «Декабристы», изд. «Прибой», Л. 1926

Рис. 18. Вывод декабристов на прогулку. Из третьего сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л. 1926

Рис. 19. Декабристы Якушкин, Бобрищев-Пушкин и Кюхельбекер на Петровском заводе. Из третьего сборника «Памяти декабристов», изд. Академии наук, Л. 1926

Рис. 20. М. И. Михайлов в кандалах. С рисунка, находящегося в Государственном историческом музее в Москве

Рис. 21. М. И. Михайлов в Петропавловской крепости перед отправкой на каторгу. Из журнала «Былое» 1906 г. № 1

Рис. 22. Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского. С картины художника Ю. М. Козмичева, находящейся в Литературном музее в Москве.

Рис. 23. Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского 10 мая 1864 г. С картины художника Лехте. Из собрания Московского музея революции

Рис. 24. Вилуйская тюрьма — местопребывание Чернышевского. Из журнала «Былое» 1906 г. № 5

Рис. 25. Виды солеваренного завода в Усолье, где в июле 1864 года содержался Н. Г. Чернышевский, закованный в кандалы. Оригиналы рисунков хранятся в ЦГИА в Москве

Рис. 26. Вид Кадая, где Н. Г. Чернышевский прожил два года. Оригинал рисунка хранится в ЦГИА в Москве

Рис. 27. Входные ворота во двор тюрьмы Спасо-Евфимьевского монастыря в г. Суздале. Из книги «Суздаль и его достопримечательности», изд. Владимирской губернской архивной комиссии, 1912

Рис. 28. Внутренний вид камеры в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря в г. Суздале. Из книги «Суздаль и его достопримечательности», изд. Владимирской губернской архивной комиссии, 1912

Рис. 29. Обложка журнала А. И. Герцена «Полярная звезда». Подлинник хранится в Государственном историческом музее в Москве

Рис. 30. Титульный лист журнала А. И. Герцена «Полярная звезда». Подлинник хранится в Государственном историческом музее в Москве

Рис. 31. Пречистенская полицейская часть в Москве. Под каланчой в одиночной камере содержался арестованный А. И. Герцен. Из книги А. И. Герцена «Былое и думы» 1933. Подбор иллюстрации Пцеховской

Рис. 32. Чертеж полного этапа в 1827 году. Из книги В. П. Колесникова «Путешествие в Сибирь по канату», СПб., 1914

Рис. 33. Чертеж полуэтапа в 1827 году. Из книги В. П. Колесникова «Путешествие в Сибирь по канату», СПб., 1914

Рис. 34. Конвоирование осужденных в Сибирь в первой половине XIX века. Гравюра на дереве. Собрание Дашкова в Государственном историческом музее в Москве

Рис. 35. Нормальный проект тюремного замка в губернских городах на 100 арестантов, утвержденный Николаем I 30 июля 1846 г. Напечатан в томе приложений ко второму полному собранию законов

Рис. 36. Нормальный проект тюремного замка в уездных городах на 300 арестантов, утвержденный Николаем I 30 июля 1846 г. Напечатан в томе приложений ко второму полному собранию законов

Рис. 37. «Арестованные скованы по ногам общей короткой цепью». Рисунок Т. Г. Шевченко

Рис. 38. «Наказанный прикован к стене шейной цепью. Во рту вставлен кляп». Рисунок Т. Г. Шевченко

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

- Абрамов — 398
 Авдеев, Михаил Васильевич (1821—1876) — 356
 Авраам — 140
 Адауров, Алексей Петрович (1758—1835) — 140
 Адслунг, Фридрих (1768—1843) — 19
 Адельт — 402, 411, 412
 Александр I (1777—1825) — 20, 99, 100, 116, 130, 131, 409, 421, 441, 467, 484
 Александр II (1818—1881) — 79, 93, 94, 199, 244, 265, 266, 268, 277, 279, 281, 285, 297, 359, 360, 361, 362, 363, 366, 368, 395, 404, 405, 410, 425, 432, 439, 466, 534
 Александр III (1845—1894) — 121, 362, 395
 Александров — 401
 Алексей Михайлович (1629—1676) — 149, 150
 Альбертини, Николай Викентьевич (1826—1890) — 244
 Андреев 2-й, Андрей Николаевич (1799—1831) — 189
 Андреевич 2-й, Яков Максимович (1800—1840) — 111, 131, 168, 398
 Андрущенко, Иван Алексеевич (1840—1864) — 357
- Анна Иоанновна (1693—1740) — 85, 318
 Анненков — 381, 385
 Анненков, Иван Александрович (1802—1878) — 104, 210
 Анненкова, Прасковья Егоровна (1800—1876) — 104, 200, 206, 209
 Анучин, Дмитрий Гаврилович (1833—1900) — 529
 Апрельев — 319
 Аполлос — 352
 Апраксин — 504
 Аракчеев, Алексей Андреевич (1769—1834) — 415
 Арбузов, Антон Петрович — 111, 136, 144, 172, 351
 Афанасьев, Александр Николаевич (1826—1871) — 244
 Афинов — 329
 Ахшарумов, Дмитрий Дмитриевич (1823—1910) — 213, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 225, 230, 231, 238, 490, 510, 511, 514, 517, 518, 546
 Ашкевич — 353

Б

- Бабетинский — 397
 Базен, Петр Петрович (1783—1838) — 434, 436

- Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — 6, 14, 354, 358, 380, 403, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 439
 Баласогло, Александр Пантелеймонович (род. в 1813 г.) — 216, 354
 Балашов, Александр Дмитриевич (1770—1837) — 35, 140
 Балле — 483
 Банников — 353
 Баранов, Дмитрий Иосифович (умер в 1834 г.) — 140
 Барковский — 387, 398
 Барткевич — 400, 408
 Барятинский, Александр Петрович (1798—1844) — 114, 169, 170, 171, 399
 Басаргин, Николай Васильевич (1799—1861) — 114, 115, 117, 120
 Батеньков, Гавриил Степанович (1793—1863) — 20, 89, 97, 115, 135, 136, 163, 164, 165, 166, 167, 171, 349, 352
 Батюшков, Павел Львович — 140
 Башмаков, Флегонт Миронович (1775—1859) — 111
 Башуцкий, Павел Яковлевич — 140
 Безобразов — 398
 Безродный, Василий Кириллович (1768—1847) — 140
 Бейдеман, Михаил Степанович (1840—1887) — 356, 359, 360, 361, 362, 363
 Беккариа, Чезаре (1738—1794) — 18, 19, 20, 35, 130
 Бекман, Яков Николаевич (1836—1863) — 355
 Белецкий, Петр Иванович (род. в 1819 г.) — 216, 354
 Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 226, 228
 Беллингсгаузен, Иван Федорович (1757—1820) — 20, 22
- Белозерский, Олимпий Михайлович — 357
 Бельшинский — 397
 Беляев — 354
 Беляев 1-й, Александр Петрович (1803—1885) — 114, 115, 117, 120
 Беляев 2-й, Петр Петрович (1804—1864) — 114, 115, 120, 121
 Бенкендорф, Александр Христофорович (1783—1844) — 123, 127, 161, 162, 164, 185, 320, 321, 322, 323, 328, 342, 415, 417, 418, 419, 442, 443, 449, 453, 454
 Бентам, Иеремия (1748—1832) — 18, 19, 24, 25, 34, 130
 Берестов, Алексей Иванович (род. в 1814 г.) — 216
 Беркопф — 154, 156
 Бернардский, Евстафий Ефимович (род. в 1819 г.) — 216
 Бестужев, Александр Александрович (1797—1837) — 97, 129, 130, 133, 178, 187, 190, 194
 Бестужев, Михаил Александрович (1800—1871) — 115, 116, 117, 120, 169, 170, 352, 375, 398
 Бестужев, Николай Александрович (1791—1855) — 109, 111, 115, 117, 120, 159, 165, 169, 170, 178, 180, 181, 200, 351, 398
 Бестужев, Петр Александрович (1801—1840) — 194
 Бестужева, Елена Александровна — 205
 Бестужев-Рюмин, Константин Николаевич (1829—1897) — 244
 Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович (1803—1826) — 95, 111, 148
 Бесчаснов, Владимир Александрович (1802—1859) — 130, 171

¹ Составлен А. В. Гернет.

Биньон, Луи-Пьер-Эдуард (1771—1841) — 130
 Бистром, Карл Иванович — 140
 Благосветлов, Григорий Евлампиевич (1824—1880) — 244
 Блудов, Дмитрий Николаевич (1785—1864) — 126, 134, 138
 Бобринцев-Пушкин 1-й, Николай Сергеевич (1800—1871) — 111, 189
 Бобринцев-Пушкин 2-й, Павел Сергеевич (1802—1865) — 178, 191, 197
 Богданович (урожд. Михаэлис), Мария Петровна — 287
 Богучарский, В. Я. (псевдоним) (см. Яковлев В. Я.) — 12
 Бодиско 1-й, Борис Андреевич (1800—1828) — 114
 Бодиско 2-й, Михаил Андреевич (1803—1867) — 194, 351
 Бок, Тимофей Эбергард — 388, 397
 Болгарский, Василий Иванович (1771—1848) — 140
 Болотников, Алексей Ульянович (1760—1828) — 140
 Борисов, Т. В. — 91, 92, 264
 Борисов 1-й, Андрей Иванович (1798—1854) — 101, 111, 130, 131, 158, 172, 175
 Борисов 2-й, Петр Иванович (1800—1854) — 99, 101, 128, 130, 158, 172, 175
 Боровков, Александр Дмитриевич (1788—1856) — 97, 98, 100, 123, 126, 134, 138
 Бороздин, Николай Михайлович (1777—1830) — 140
 Боткин, Сергей Петрович (1832—1889) — 15
 Бояринов — 352
 Фон-дер-Бригген, Александр Федорович (1792—1859) — 193

Бринкен — 394, 400, 411, 447, 448
 Бродников — 310
 Бронницкая — 154
 Брычанников — 469
 Булатов, Александр Михайлович (1793—1826) — 135
 Булгари, Николай Яковлевич (1803—1841) — 194
 Булгари, Спиридон Николаевич — 110
 Булгари, Яков Николаевич — 110
 Бурнашев, Тимофей Васильевич — 176
 Бурмин — 397
 Буташичев — Петрашевский, Михаил Васильевич (1821—1866) — 7, 213, 214, 216, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 238, 239, 354

В

Вадковский, Федор Федорович (1800—1844) — 114, 169, 171, 399
 Варадинов, Николай Васильевич (1817—1886) — 53, 54
 Васильчиков, Алексей Васильевич (умер в 1854 г.) — 140
 Васильчиков, Алексей Васильевич (1777—1847) — 140
 Васильчиков, Николай Александрович (1799—1864) — 122
 Веденяпин 1-й, Апполон Васильевич (род. в 1801 г.) — 189
 Веденяпин 2-й, Алексей Васильевич (1803—1847) — 194
 Вейде, Михаил Карлович — 357
 Велю, Иван Осипович (род. в 1830 г.) — 69, 70
 Венечанский, Семен — 23, 24
 Венинг, Вальтер — 491

Г

Вессель, Николай Христофорович (1834—1906) — 244
 Ветошников, Павел Александрович (род. в 1831 г.) — 260, 262, 356
 Вещитский — 402, 408
 Виллерме, Людовик-Рене (1782—1863) — 32, 33
 Винников — 312
 Вистицкий, Григорий Степанович (1765—1836) — 140
 Виталий — 480
 Витевский — 312
 Вишневский (умер 1826) — 397
 Вишневский, Федор Гаврилович (умер в 1863) — 351
 Владимиров, Николай Михайлович (род. в 1839 г.) — 356
 Воинов, Александр Львович (1770—1830) — 103, 140
 Волконская, Зинаида Александровна — 203
 Волконская, Мария Николаевна (1806—1863) — 175, 184, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 210, 211
 Волконский, Петр Михайлович (1776—1852) — 414
 Волконский, Сергей Григорьевич (1788—1865) — 107, 122, 158, 160, 172, 175, 176, 194, 352
 Волохов — 353
 Волоцкой — 522
 Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — 20, 130, 330
 Вольф, Фердинанд Богданович (1799—1854) — 178, 185
 Воронов, Николай Ильич (род. в 1832 г.) — 357
 Воронцов, Михаил Семенович (1782—1856) — 140
 Ворцаль, Станислав (1799—1857) — 317
 Враницкий, Василий Иванович (умер в 1832 г.) — 189, 193
 Высоцкий, Петр — 537

19 М. Н. Гернет, т. II

Гаазе, Федор Петрович (1780—1853) — 496
 Гагарин, Иван Алексеевич (1771—1832) — 140
 Гагарин, Павел Павлович (1789—1872) — 367
 Галкин — 77
 Гангеблов, Александр Семенович (род. в 1801 г., умер в конце 80-х годов) — 105, 106, 116
 Ганстеев — 192
 Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — 14, 361
 Гежельнский — 352, 371
 Ген — 354
 Гервинус, Георг Готфрид (1805—1871) — 263, 270
 Герен, Арнольд Герман (1760—1842) — 130
 Гернет, Николай Александрович (1843—1910) — 365
 Герцен, Александр Иванович (псевдоним Искандер) (1812—1870) — 7, 14, 96, 200, 243, 289, 361, 423, 424, 426, 472, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 524, 546
 Гиероглифов, Александр — 244
 Гладков, Иван Васильевич (1766—1832) — 140
 Говард, Джон (1725—1790) — 19, 26, 27, 28, 29, 35
 Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852) — 226, 228, 233, 271
 Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич (1772—1843) — 123
 Голицын, Александр Николаевич (1773—1844) — 123
 Голицын, Валерьян Михайлович (1803—1859) — 189
 Голицын, Сергей Павлович (1815—1887) — 258, 280, 281

- Головинский, Василий Андреевич (род. в 1829 г.) — 216, 231, 354
- Гольдштейн — Ольденбургский — 508
- Гончаров, Иван Александрович (1812—1891) — 243, 263
- Горбатовский — 352
- Горбачевский, Иван Иванович (1800—1869) — 169, 170, 171, 180, 182, 188, 198, 398, 498
- Горлов — 172, 175
- Горн — 420
- Горожанский, Александр Семенович (умер в 1846 г.) — 198
- Горчаков — 352
- Градовский — 398
- Гребницкий — 354
- Грибоедов, Александр Сергеевич (1795—1829) — 128, 261
- Григорьев, Николай — 216, 354
- Григорьев, Николай Петрович (1822—1886) — 216, 228, 229, 230, 231, 238
- Громека, Степан Степанович (1823—1877) — 244
- Громницкий, Петр Федорович (1798—1851) — 172, 422
- Грушецкий, Владимир Сергеевич — 140
- Гулак, Николай Иванович (1822—1899) — 353, 402

Д

- Давид, Лурин — 401
- Давиньон — 194
- Давыдов, Василий Львович (1792—1855) — 158, 159, 172, 175, 194, 200
- Давыдова, Александра Ивановна — 205
- Даламбер, Жан Лерон (1717—1783) — 330

- Дамиан, Франциск Руперт — 21
- Данзас, Константин Карлович (1801—1870) — 319
- Данилевский, Григорий Петрович (1829—1890) — 217
- Данилевский, Николай Яковлевич — 216
- Денненберг, Федор Ростиславович (род. в 1842 г.) — 252, 344, 356
- Дашков, Андрей Яковлевич (умер в 1836 г.) — 18
- Дебу 1-й, Константин Матвеевич (1810—1868) — 216, 231
- Дебу 2-й, Ипполит Матвеевич (1824—1890) — 216, 231
- Деев, Платон Алексеевич (род. в 1824 г.) — 216
- Деканор — 400, 412
- Деспот-Зенович — 473
- Десятков, Степан — 337, 338, 339, 341
- Дестю де-Трасси, Антуан Луа Клод (1754—1836) — 130
- Дибич, Иван Иванович (1785—1831) — 123, 141, 146, 152, 415
- Дивов, Василий Абрамович — 114, 136, 169, 170, 398, 442
- Дивов, Павел Григорьевич (1765—1841) — 140
- Дидро (Дидерот), Дени (1713—1784) — 20, 330
- Диккенс, Чарльз (1812—1870) — 261, 262, 271
- Добров — 353, 402
- Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861) — 244
- Долговязов, Пантелей — 122
- Долгоруков, Василий Андреевич (1803—1868) — 277, 363
- Домбровский — 401
- Домбровский, Ярослав (1836—1871) — 536
- Достоевский, Андрей Михайлович (1825—1897) — 216

Ж

- Жеманов, Семен Яковлевич (1836—1903) — 357
- Жеребцов — 401, 417, 418
- Жигарев — 403
- Жуба — 400, 407, 408

З

- Завадский, Петр Васильевич (род. в 1835 г.) — 355
- Завалишин, Дмитрий Иринархович (1804—1892) — 100, 103, 109, 113, 114, 130, 136, 158, 185, 187, 188, 199, 352
- Загорский — 11
- Загуляев, Яков — 391, 403, 413
- Закки, Николай Федорович (1801—1833) — 189, 190
- Закревский, Арсений Андреевич (1783—1865) — 140, 422
- Замятин, Дмитрий Николаевич (1805—1881) — 367
- Зеленский, Лев Моисеевич (род. в 1834 г.) — 355
- Змелевский — 292
- Золотницкий — 469
- Зотов, Владимир Рафанлович (1821—1896) — 244
- Зотов, Никита Моисеевич (1644—1718) — 85, 318
- Зубков, Василий Петрович (1799—1862) — 113, 117, 121

И

- Ибаев, Лев Константинович — 400, 423, 494
- Иваницкий, Наполеон-Казимир Людвигович (1835—1864) — 357
- Иванов — 403, 413
- Иванов, Сергей — 488
- Иванов — 487
- Иванов — 352
- Ивашев, Василий Петрович (1794—1840) — 114, 122

Е

- Достоевский, Михаил Михайлович (1820—1864) — 217, 244
- Достоевский, Федор Михайлович (1821—1881) — 215, 216, 217, 221, 222, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 261, 354, 489, 490, 510, 514, 515, 516, 517, 518, 524, 546
- Дубельт, Леонтий Васильевич (1792—1862) — 215, 385, 415, 449, 451, 452, 454
- Дубенский, Николай Порфирьевич — 140
- Дудкин — 409
- Дуров, Сергей Федорович (1816—1869) — 216, 217, 221, 224, 231, 234, 235, 236, 354
- Дуэ — 192
- Дюмон, Пьер-Этьен-Луи (1759—1829) — 20, 24
- Евгений (Е. А. Болховитинов) (1767—1837) — 140
- Европеус, Александр Иванович (1826—1885) — 216, 231
- Екатерина I (1684—1727) — 85, 92, 318
- Екатерина II (1729—1796) — 26, 59, 65, 142, 145, 150, 181, 469
- Елизавета Петровна (1709—1761) — 145, 150
- Елисеев, Григорий Захарович (1821—1891) — 244
- Ершова, Афанасья — 456, 457, 458
- Есипович, Яков Григорьевич — 366, 367
- Ефименко, Петр Саввич (1835—1908) — 355
- Ефимовский, Петр Андреевич — 399, 405, 406

- Ивашева, Камила Петровна (1808—1839) — 205, 206, 211
 Ивков, Владимир Васильевич (род. в 1832 г.) — 355
 Игнатъев, Павел Николаевич (1797—1879) — 347
 Иевлев, Павел — 122
 Иероним — 487
 Издебский, Станислав Ромуальдович (род. в 1841 г.) — 357
 Иллчевский — 399
 Иоанн Антонович (1740—1764) — 142, 169, 395
 Иосиф — 474
 Искрицкий, Демьян Александрович (1803—1831) — 122
 Ишутин, Николай Андреевич (1840—1879) — 358, 368, 403, 410, 411

К

- Казадаев, Александр Васильевич (умер в 1854 г.) — 140
 Кайданов, Николай Иванович (1821—1894) — 216
 Калинин — 397
 Каменский, Лаврентий Ипатьевич (род. в 1826 г.) — 91, 354, 403, 404
 Кант — 353
 Капнист, Алексей Васильевич (1796—1867) — 115, 117
 Каракозов, Дмитрий Владимирович (1840—1866) — 294, 358, 359, 363, 364, 365, 366, 367, 368
 Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826) — 261
 Карпов — 400
 Карпов — 353
 Карцов, Петр Кондратьевич (1750—1839) — 140
 Катенев, Василий Петрович (1830—1856) — 216, 354

- Каховский, Петр Григорьевич (1797—1826) — 18, 95, 97, 98, 105, 106, 112, 114, 129, 156, 157, 182, 350, 426
 Кацен, Иона Зинделевич (род. в 1839 г.) — 355
 Кашкин, Николай Сергеевич (1829—1914) — 216, 231
 Кватц, Эдуард Иванович (род. в 1841 г.) — 344
 Кельчевский — 184
 Кожанчиков — 244
 Киреев, Иван Васильевич (1803—1866) — 172, 422
 Коведяева, Любовь — 266
 Кожевников, Нил Павлович — 114, 144, 194
 Коженковский — 400
 Коковницын — 369
 Колесников, Василий Павлович — 490, 497, 498, 499
 Колчин М. А. — 485
 Комаров — 452
 Комаровский, Евграф Федорович (1769—1843) — 140
 Конакин — 327, 330, 331, 332
 Кони, Анатолий Федорович (1844—1927) — 496
 Конов — 398
 Коновницын, Петр Петрович (1802—1830) — 190, 194
 Констан, Бенжамен (1767—1830) — 130
 Константин — 360
 Константин Павлович (1779—1834) — 98, 152, 360, 438, 453, 537
 Константинов — 483
 Константинов — 352
 Корнилов (1764—1835) — 140
 Корнилович, Александр Осипович (1795—1834) — 115, 165, 167, 178, 179, 187, 194, 352
 Корсаков, Николай Дмитриевич — 94
 Косаговский — 70

- Костомаров, Всеволод Дмитриевич (1837—1865) — 258, 279, 280, 281, 282, 283, 357
 Костомаров, Николай Иванович (1817—1885) — 263, 353, 496
 Котельников, Евлампий (род. в 1774 г.) — 397, 412
 Котляревский, Александр Александрович (1837—1881) — 356
 Кочубей, Виктор Павлович (1768—1834) — 20, 98, 414
 Краевский, Андрей Александрович (1810—1889) — 244
 Краевский — 402, 411, 412
 Краинский, Дмитрий Васильевич — 60
 Краснокутский, Семен Григорьевич — 189
 Крешнин, Валериан — 244
 Кривцов — 233
 Кривцов, Сергей Иванович (1802—1862) — 192
 Критский, Василий (1810—1831) — 399, 406, 420, 422
 Критский, Михаил (1809—1836) — 419, 420, 423
 Критский, Петр (род. в 1806 г.) — 419, 420, 421, 422, 423
 Крон, Николай — 244
 Крон — 158
 Кропотов, Дмитрий Андреевич (1818—1875) — 216
 Крупская, Надежда Константиновна (1869—1939) — 256
 Крюков, Николай Павлович (1800—1860) — 113, 114, 116
 Кувязев, Владимир Сергеевич — 357
 Кузьмин, Алексей Алексеевич (1812—1885) — 216, 354
 Кузьмин, Анастасий Дмитриевич — 135

- Кузьмин, Павел Алексеевич (1819—1885) — 216, 219, 220, 221
 Кулиш, Пантелеймон Александрович (1819—1897) — 353
 Де-Кулон — 24
 Куракин, Алексей Борисович (1759—1829) — 140
 Куракин, Борис Алексеевич (1783—1850) — 140
 Курланов — 323
 Куртнер — 18
 Курочкин, Василий Степанович (1831—1875) — 244
 Курочкин, Николай Степанович (1830—1884) — 244
 Кустова — 397, 412
 Кутайсов, Иван Павлович (1759—1834) — 140
 Кушелев-Безбородко, Григорий Александрович (1832—1870) — 244
 Кушников, Сергей Сергеевич (1765—1839) — 140
 Кюхельбекер, Вильгельм Карлович (1797—1846) — 99, 131, 169, 170, 171, 197, 198, 399

Л

- Лавинский, Александр Степанович (1776—1844) — 161, 202
 Лавров, Иван Павлович (1768—1836) — 140
 Лавров, Петр Лаврович (1823—1900) — 244
 Лавровский, Андрей — 327, 330, 331, 332
 Лазаревы — 333, 334, 337, 339, 340, 341
 Ламанский, Порфирий Иванович (род. в 1824 г.) — 216
 Ланской 1-й, Василий Сергеевич (1762—1831) — 140
 Ланской 2-й, Павел Сергеевич (умер в 1831 г.) — 140
 Лаппа, Матвей Демьянович — 114, 144

Лебедев, Александр Сергеевич — 355
 Левашев, Василий Васильевич (1783—1848) — 103, 104, 105, 107, 108, 123
 Левченко, Митрофан Федорович — 355
 Лекторский — 327, 329, 330, 331, 332
 Лемке, Михаил Константинович (1872—1923) — 255, 256
 Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870—1924) — 7, 96, 240, 288
 Леонов — 353, 389, 403, 413
 Лепарский, Станислав Романович (1754—1837) — 161, 179, 180, 182, 184, 185, 187, 237, 439
 Лепарский — 251, 391, 404, 414, 440
 Ливен, Карл Андреевич (1767—1844) — 140
 Л. Лин, Пимен — 357
 Липранди, Иван Петрович (1790—1880) — 215, 224, 225
 Лисевич — 483
 Лисоконенкова, Мария — 10
 Лихарев, Владимир Николаевич (1800—1840) — 194
 Лобанов, Василий Васильевич (род. в 1842 г.) — 252, 255, 344, 356
 Лобанов-Ростовский, Яков Иванович (1760—1831) — 140
 Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — 307
 Лопатский — 354
 Лопухин, Петр Васильевич (1753—1827) — 140
 Лопухин, Иван Владимирович — 23
 Лорер, Николай Иванович (1795—1873) — 167, 168, 177, 194, 211
 Лошак, Давид — 110

Лукасинский, Валериан (1786—1868) — 391, 396, 399, 407, 414, 437, 438, 439, 440, 447
 Луни, Михаил Сергеевич (1787—1845) — 114, 131, 137, 138, 160, 170, 172, 192, 198
 Лушников — 418, 419, 420, 421, 422
 Львов, Федор Николаевич (1823—1885) — 216, 225, 237, 238
 Де-Лямберт, Карл Осипович (1773—1843) — 140
 Лямин — 353
 Ляцкий, Евгений Александрович (род. в 1868 г.) — 291, 294, 296, 302

М

Маврин, Семен Филиппович (умер в 1850 г.) — 140
 Мадзини, Джузеппе (1805—1872) — 14
 Майборода, Аркадий Иванович — 157
 Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897) — 244
 Макнавелли, Николо ди Бернардо (1469—1527) — 130
 Маколей, Томас Бабингтон (1800—1859) — 270
 Максимов, Сергей Васильевич (1831—1901) — 244, 502
 Мамонов — 480
 Мамонов (Дмитриев-Мамонов), Матвей Александрович (1790—1863) — 135
 Мансуров, Павел Александрович (1759—1834) — 140
 Марков, Иван — 355
 Мартынов, Павел Петрович (умер в 1838 г.) — 319
 Мартынов, Петр — 357
 Маслов — 193, 497, 498, 505
 Матвеев, Федор — 509

Медокс, Роман (род. в 1793 г.) — 179, 394, 396, 397, 400, 411, 441, 442, 443, 444
 Мезенцев, Николай Владимирович (1827—1878) — 294
 Мейкше — 389, 403
 Мельшин, Л. (псевдоним) (см. Якубович П. Ф.) — 502, 503, 525
 Мертенс, Василий Федорович (1762—1839) — 140
 Мечников, Евграф Ильич (1770—1836) — 140
 Мещерский, Петр Сергеевич (1779—1859) — 180
 Миллер — 402, 413
 Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — 94
 Минаев, Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — 244
 Мириан — 140
 Минович, Василий Яковлевич (1740—1764) — 142
 Митьков, Михаил Фотиевич (1791—1849) — 133, 172, 422
 Михаил Павлович — 123
 Михайлов — 396, 400, 404, 405, 413
 Михайлов, Александр Михайлович (род. в 1822 г.) — 216
 Михайлов, Михаил Илларионович (1829—1865) — 5, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 251, 253, 257, 264, 265, 346, 347, 525, 526, 534, 546
 Михайловский (Михайловский - Данилевский), Александр Иванович (1790—1848) — 140
 Михалев, Андрей — 337
 Мишурин, Петр — 337, 339
 Модерский, Александр Тимофеевич (род. в 1825 г.) — 216
 Мозалевский, Александр Евтихиевич (1803—1851) — 498

Модзалевский, Николай Осипович (1801—1844) — 189
 Молчанов — 483
 Момбелли, Николай Александрович (1823—1902) — 212, 216, 221, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 232, 237
 Монстович — 400, 408
 Монтежье, Шарль Лун (1689—1755) — 19, 130
 Мордвинов, Александр Николаевич — 195
 Мордвинов, Николай Семенович (1754—1845) — 140, 150
 Мосолов, Юрий Михайлович (1839—1889) — 357
 Мошинский, Петр Игнатьевич — 317, 352
 Мощинский, Игнатий — 396, 397, 408, 409
 Мрочек, Александр — 357
 Муравский, Митрофан Данилович (1837—1879) — 355
 Муравьев, Артамон Захарович (1794—1846) — 111, 112, 158, 159, 172, 175
 Муравьев, Александр Николаевич (1792—1863) — 190
 Муравьев, Александр Михайлович (1802—1853) — 113, 114, 115, 117, 118, 119, 122
 Муравьев, Михаил Николаевич (1796—1866) — 364, 365, 367, 536
 Муравьев, Никита Михайлович (1796—1843) — 101, 122, 128, 130, 178
 Муравьева, Александра Григорьевна — 186, 205
 Муравьев-Апостол, Матвей Иванович (1793—1886) — 172, 190, 198
 Муравьев-Апостол, Сергей Иванович (1796—1826) — 95, 114, 129, 130, 153, 156, 157, 352
 Муханов, Петр Александрович (1799—1855) — 160, 170, 172

Мысловский, П. Н. — 155, 331, 332
 Мышкин, Ипполит Никитич (1848—1885) — 307

Н

Набоков, Иван Александрович (1787—1852) — 218, 223
 Назимов, Михаил Александрович (1801—1888) — 189
 Налбандян (Казарьян), Михаил Лазаревич (1829—1866) — 5, 14, 356
 Налепинский — 402, 411, 412
 Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — 100
 Нарышкин, Михаил Михайлович (1798—1863) — 114, 195
 Нарышкина, Елизавета Петровна (1801—1867) — 205, 211
 Наугольных, Степан — 337
 Наугольных, Федор — 337, 338, 341
 Наумов, Иван Моисеевич (1770—1833) — 20
 Невдочин — 354
 Неженцев (Нежинцев), Карп — 122
 Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1877) — 244, 249, 281
 Нелидов, Аркадий Иванович (1773—1829) — 140
 Немирович-Данченко, Василий Иванович (1844—1936) — 472
 Нессельроде, Карл Васильевич (1780—1862) — 140
 Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847—1882) — 362
 Никитин — 354
 Никитин, Андрей — 122
 Никитин, Ефим — 488
 Никитенко, Александр Васильевич (1805—1872) — 318
 Николаев — 391, 403, 413
 Николаев, Петр Федорович (1844—1910) — 293, 365
 Николай I (1796—1855) — 12, 41, 44, 45, 56, 59, 72, 75,

88, 96, 97, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 118, 119, 123, 126, 138, 142, 151, 152, 157, 158, 161, 163, 164, 178, 180, 182, 190, 191, 193, 194, 196, 199, 201, 202, 203, 206, 209, 213, 214, 215, 221, 223, 227, 229, 230, 236, 239, 244, 318, 319, 321, 322, 324, 334, 342, 370, 372, 375, 376, 381, 385, 390, 395, 404, 405, 406, 407, 409, 412, 413, 416, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 435, 436, 438, 439, 442, 443, 447, 448, 453, 458, 459, 460, 487, 503, 507, 509, 527, 533, 535

Николай II (1868—1918) — 395
 Николай Николаевич (1831—1891) — 94
 Никто-Полсон — 402
 Нилус — 388, 402, 412
 Нимзе — 400
 Ничипоренко, Андрей Иванович (1837—1863) — 357
 Новиков, Василий — 509
 Новиков, Василий — 27, 28
 Новиков, Николай Иванович (1744—1818) — 17, 23, 24
 Норов, Василий Сергеевич (1793—1853) — 103, 106, 111, 122, 170, 172
 Нос, Степан Дмитриевич (1829—1901) — 356

О

Оболенский, Евгений Петрович (1796—1865) — 107, 111, 128, 158, 159, 160, 172, 178, 351
 Обручев, Владимир Александрович (1836—1912) — 240, 241, 242, 252, 253, 257, 263, 265, 356
 Обрезков — 140, 457, 458
 Огарев, Алексей — 488
 Огарев, Николай Платонович (1813—1877) — 14, 96, 243, 423, 426
 Огинский — 353

Одоевский, Александр Иванович (1802—1839) — 115, 130, 187, 194
 Озерцовский — 464
 Окропир — 400, 415, 416
 Олейничук, Семен Никитич (1798—1852) — 403
 Ольдекоп, Карл Карлович (род. в 1810 г.) — 216
 Опперман, Карл Иванович (1766—1831) — 140
 Оптовцев, Иван (род. в 1840 г.) — 356
 Орлов, Алексей Федорович (1786—1861) — 215, 221, 426, 457
 Орлов, Григорий Владимирович (1777—1826) — 140
 Орлов, Михаил Федорович (1788—1842) — 127
 Орлов, Филистер Павлович (род. в 1841 г.) — 365
 Оссолинский — 317
 Охотников, Константин Алексеевич (умер в 1823) — 135

П

Павел I (1754—1801) — 145, 150, 168
 Павлинов — 292
 Павлов — 319
 Палаузов, Спиридон Николаевич (1818—1872) — 244
 Палисадов, Василий Петрович (1815—1878) — 255, 364
 Пальм, Александр Иванович (1822—1885) — 216, 217, 229, 231
 Панаев, Иван Иванович (1812—1862) — 244
 Панин, Виктор Никитич (1801—1874) — 367
 Панов, Николай Алексеевич (1803—1850) — 171, 194
 Паскевич, Иван Федорович (1782—1856) — 140, 536
 Пассек — 77
 Паульсон, Иосиф Иванович (1825—1898) — 244
 Певцов — 414
 Пеллико, Сильвио (1789—1854) — 20
 Пев Вильгельм — 24

Перовский, Лев Алексеевич (1792—1856) — 321, 324
 Пестель, Павел Иванович (1793—1826) — 19, 95, 101, 108, 110, 122, 129, 135, 148, 157, 350, 352
 Пестов, Александр Семенович (1802—1833) — 168, 398, 442
 Петр I Великий (1672—1725) — 85, 90, 395
 Петр II (1715—1730) — 85
 Петр III (1728—1762) — 85, 395
 Петров — 354
 Петров — 403
 Петровский, Николай Федорович — 356
 Пилецкий — 485
 Пининский — 352
 Пинкорнелли — 249
 Писарев, Дмитрий Иванович (1840—1868) — 8, 91, 241, 254, 255, 256, 258, 262
 Писемский, Алексей Феофилактович (1821—1881) — 244
 Плавильщиков, Алексей — 19
 Плалер, Казимир — 353
 Плещеев — 352
 Плещеев, Алексей Николаевич (1825—1893) — 217, 231
 Плуталов, Григорий Васильевич (1750—1826) — 169, 374, 375
 Побединский — 398
 Павлово - Швейковский, Иван Семенович (1790—1845) — 171
 Поджио, Александр Викторович (1798—1873) — 135, 160, 172
 Поджио, Иосиф Викторович (1792—1848) — 135, 162, 171, 194, 399
 Подушкин — 316
 Полетика, Петр Иванович (1778—1849) — 140
 Поливанов, Иван Юрьевич (1797—1826) — 198
 Полоцкий, Яков Петрович (1819—1898) — 249
 Понасенко, Иван — 465
 Поносов, Михаил — 337
 Поносов, Петр — 337, 338, 339, 340, 341
 Попов — 485

- Попов, Николай — 399, 406, 420, 423
 Пореккий — 353, 370, 371
 Португалов, Винамиш Осипович (1835—1896) — 355
 Постников — 354
 Потапов, Александр Львович (1818—1886) — 279, 280, 281
 Потапов, Алексей Николаевич (1772—1847) — 123
 Потехин, Алексей Антипович (1829—1908) — 262
 Потоцкий — 388, 403, 411, 449, 450, 451, 452, 453, 454
 Пугачев, Емельян Иванович (1742—1775) — 142, 148, 162
 Пустановский — 401
 Путятин, Ефимий Васильевич (1803—1883) — 243, 244
 Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — 261, 319, 419
 Плусторский, Петр Васильевич (умер в 1906 г.) — 358
 Пущин, Иван Иванович (1798—1859) — 160, 168, 170, 352, 398
 Пущин 2-й, Михаил Иванович (1800—1869) — 194
 Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904) — 287, 291, 347
 Пыпина Е. Н. — 272, 275, 276, 277

Р

- Рабочий, Федор — 466
 Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — 17, 130, Раевич — 401
 Раевский, Владимир Федосеевич (1795—1872) — 121
 Раевский, Григорий Федосеевич (1804—1827) — 397, 406
 Разгильдяев — 238
 Разумовский, Кирилл Алексеевич — 450
 Рейналь, Гийом-Тома-Франсуа (1713—1796) — 130
 Рашевский, Эдуард — 440
 Ребин, Николай Петрович (1796—1831) — 178

- Ришелье, Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — 214
 Робуш — 445
 Розен, Андрей Евгеньевич (1800—1884) — 105, 109, 113, 114, 167, 194, 195, 196
 Розен, Анна Васильевна — 205, 211
 Розен, Григорий — 355
 Романов, Николай — 353, 402, 404
 Ромашев, Иван (умер в 1873 г.) — 353, 381, 389, 390, 395, 402, 409, 410
 Ромашев, Михаил — 337, 338
 Ромашева, Анастасия — 353
 Россинский, Леонид — 355
 Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — 130, 271, 330
 Рылеев, Кондратий Федорович (1796—1826) — 95, 101, 105, 109, 114, 115, 128, 129, 130, 133, 146, 153, 155, 156, 196, 200, 350, 351, 426
 Рытов, Семен — 123

С

- Савенко — 110
 Салтыков, Александр Николаевич — 19, 140
 Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1826—1889) — 217
 Самарин, Юрий Федорович (1819—1876) — 354
 Сваричевский, Михаил Николаевич (род. в 1840 г.) — 252, 356
 Свидзинский — 353
 Свиньин, Павел Петрович (1788—1839) — 18, 30
 Свистунов, Петр Николаевич (1803—1889) — 112, 122
 Сей Жан, Батист (1767—1832) — 130
 Селиванов, Кондратий — 484
 Семенов — 495
 Семенов, Степан Михайлович (1789—1852) — 111, 125
 Сен-Симон, Анри Клод (1760—1825) — 271
 Сенянин, Иван Григорьевич (1801—1851) — 56

- Серафим — 140
 Сергеев — 397
 Сергеев — 486
 Серебряков, Николай Александрович (род. в 1820 г.) — 216
 Серно-Соловьевич, Николай Александрович (1834—1866) — 249, 356
 Синицын — 322, 323, 324, 354
 Синявин, Дмитрий Николаевич (1763—1831) — 140
 Ситников — 167, 352, 400
 Смирдин, Александр Филиппович (1795—1857) — 119
 Смит, Адам (1723—1790) — 130
 Соковнин (Медокс) — 397
 Соколовский, Владимир Игнатьевич — 400, 424, 496
 Соловьев, Веньямин Николаевич (1798—1871) — 498
 Соловьев, Даниил — 123
 Сорокин, Владимир — 345, 346
 Сорокин — 376, 377
 Спасович, Владимир Данилович (1829—1906) — 347
 Сперанский, Михаил Михайлович (1772—1839) — 20, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 150, 151, 152, 161, 342
 Спешнев, Николай Александрович (1821—1882) — 216, 221, 226, 229, 231, 238
 Спиридов, Михаил Матвеевич (1796—1854) — 169, 399
 Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1879—1953) — 416
 Станкевич — 456
 Стасюлевич, Михаил Матвеевич (1826—1911) — 347
 Стейнгардт — 399
 Степанов, Николай Александрович (1807—1877) — 244
 Степут, Бонифатий Филиппович (род. в 1836 г.) — 440
 Стецевич, Семен Рафанлович — 292
 Столпаков, Алексей Николаевич (род. в 1842 г.) — 358
 Стопановский, Михаил Михайлович (умер в 1877 г.) — 244

- Стржижевский, Яков — 355
 Строганов, Григорий Александрович (1770—1857) — 140
 Стронин, Александр Иванович (1826—1889) — 357
 Студенский, Алексей Осипович — 344
 Суворов, Александр Аркадьевич (1804—1882) — 249, 250, 273, 274, 275, 288, 289, 347
 Сукин, Александр Яковлевич (1764—1837) — 140
 Сумароков, Павел Иванович (умер в 1846 г.) — 140
 Сумерков — 352
 Сунгуров, Капитон (род. в 1835 г.) — 403
 Сутгоф, Александр Николаевич (1801—1872) — 114, 115, 171, 351
 Сухинов, Иван Иванович (1795—1828) — 181, 182, 498

Т

- Тараканова — 168
 Тарновский, Мартын Иванович — 317
 Татаринова — 484, 485
 Татищев, Александр Иванович (1763—1833) — 123
 Тимковский, Константин Иванович (1814—1881) — 216, 230, 231
 Токарев — 401
 Токаржевский, Шимон (умер в 1900 г.) — 234
 Толбин, Василий Васильевич (1821—1869) — 244
 Толстов, Алексей Дмитриевич — 216, 354
 Толстой, Петр Александрович (1761—1844) — 140
 Толь, Карл Федорович (1777—1842) — 107
 Толь, Феликс Густавович (1823—1867) — 216, 231, 354
 Торнау — 11
 Торопогрицкий — 352
 Торсон — 187
 Тотлебен, Эдуард Иванович (1818—1884) — 94

- Де-Траверсе, Николай Александрович (1829—1864) — 357
 Троицкий — 236
 Трофимов, Федор — 123
 Трубецкая, Екатерина Ивановна (умерла в 1854 г.) — 186, 206, 210, 211
 Трубецкой, Сергей Васильевич (1815—1859) — 354, 372, 373
 Трубецкой, Сергей Петрович (1790—1860) — 98, 101, 114, 115, 116, 128, 129, 130, 158, 172, 175, 176, 194, 351
 Тургенев, Николай Иванович (1789—1871) — 130
 Тышинский, Александр Алевфиевич (род. в 1836 г.) — 355
 Тюрин, Даниил (род. в 1808 г.) — 399, 406, 420, 421
 Тютчев, Алексей Иванович (1800—1856) — 172

У

- Уварова, Екатерина Сергеевна — 161
 Утин, Борис Исаакович (1832—1872) — 216, 347
 Утин, Николай Исаакович (1845—1883) — 344
 Уткин, Алексей Васильевич (умер в 1836 г.) — 400, 423

Ф

- Фаленберг, Петр Иванович (1791—1873) — 178
 Федотов — 123
 Фейербах, Ансельм (1775—1833) — 19, 34
 Фенш, Андрей Семенович (1757—1828) — 140
 Феогност — 526
 Фланджери, Гаэтапо (1752—1788) — 130
 Филиппов, Павел Николаевич (1825—1855) — 216, 231, 354
 Флоринский — 394
 Фок, Александр Александрович (умер в 1854 г.) — 144

- Фон-Визин, Михаил Александрович (1788—1854) — 105, 114, 122, 124, 352
 Фон-Визин, Наталия Дмитриевна (1805—1869) — 205, 211
 Фон-дер-Флит, Петр Петрович (1839—1904) — 344
 Фохт, Иван Федорович (1794—1842) — 189
 Фридберг — 169, 375
 Фриш — 483
 Фролов — 402
 Фролов, Александр Филиппович (1804—1885) — 198
 Фурье, Шарль (1772—1837) — 213, 214, 225

Х

- Ханьков, Александр Владимирович (1825—1853) — 216, 231
 Хвостов, Василий Семенович (1756—1832) — 140
 Хвостов, Дмитрий Иванович (1757—1835) — 140
 Хитрово, Алексей Захарович (1776—1854) — 140
 Хлопов, Виктор — 356
 Худяков, Иван Александрович (1842—1876) — 358, 365, 366, 368

Ц

- Цветаев, Лев Алексеевич (1777—1835) — 19
 Цебриков, Николай Романович — 111, 125, 131, 190, 194
 Цейдлер, Иван Богданович (1780—1853) — 202, 207

Ч

- Чарторыйский, Адам Ежи (1770—1861) — 20
 Черновский, Казимир — 5, 399, 407, 433, 434, 435, 436
 Черносвитов, Рафаил Александрович (род. в 1810 г.) — 225, 226, 228, 231, 354

- Чернышев, Александр Иванович (1785—1857) — 123, 157
 Чернышев, Захар Григорьевич (1796—1862) — 148, 194
 Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — 5, 6, 8, 91, 241, 242, 249, 253, 257, 258, 260, 262, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 356, 358
 Чижов, Николай Алексеевич — 189
 Чириков, Михаил Николаевич — 216

Ш

- Шаганов, Вячеслав Николаевич (1839—1902) — 304, 305
 Шамарин — 352, 371
 Шапошников, Петр Григорьевич (род. в 1821 г.) — 354
 Шатилов, Николай — 358
 Шахрев, Андрей Иванович (1799—1828) — 189
 Шаховской, Николай Леонтьевич (1758—1836) — 140
 Шаховской, Федор Петрович (1796—1829) — 185, 189, 190, 191, 469
 Шварце, Бронислав (1834—1904) — 378, 379, 380, 403, 414
 Шебаев, Иван Иванович — 356
 Шевич, Василий Степанович (род. в 1830 г.) — 357
 Шевченко, Тарас Григорьевич (1814—1861) — 13, 14, 504
 Шелгунов, Николай Васильевич (1824—1891) — 8, 91, 241, 242, 243, 249, 255, 257, 258, 259, 260, 262, 357
 Шервуд, Иван Васильевич (1798—1867) — 369, 393, 444, 445, 446, 447
 Шереметьев, Сергей Васильевич — 9

- Шикер — 399, 408
 Шиманский, Марцелий — 353
 Шимков, Андрей Петрович (род. в 1839 г.) — 356
 Ширкалин, Алексей — 337
 Ширкалин, Петр — 337
 Шихмарев, Алексей — 419
 Шишков, Александр Семенович (1754—1841) — 140, 146
 Шлоссер, Фридрих Кристоф (1776—1861) — 258, 263, 270
 Шлыков — 401
 Шматович, Эдуард — 357
 Шмелевич, Яков — 355
 Штарх — 19
 Штейнгель, Владимир Иванович (1783—1862) — 104, 122, 138, 171
 Шубин — 486
 Шувалов, Петр Андреевич (1827—1889) — 298
 Шулесов — 487
 Шулесов, Петр Петрович (умер в 1832 г.) — 140
 Шумилов — 401, 413

Щ

- Щеголев, Павел Елисеевич (1877—1931) — 102, 103, 105, 108, 121, 180, 182, 208, 276, 359, 363, 364, 373, 412
 Щелков, Алексей Дмитриевич (рожд. 1825) — 216
 Щепин-Ростовский, Дмитрий Александрович (1798—1859) — 111, 114, 115, 171, 351

Э

- Элькин — 332
 Эманюэль, Егор Арсеньевич (1777—1837) — 140
 Энгель, Федор Иванович (умер в 1839 г.) — 140
 Энгельс, Фридрих (1820—1895) — 259
 Эрман, Адольф (1806—1877) — 192

Ю

- Юкельзон, Зиновий — 355
 Юрковский — 401, 417

Юрьев — 354
Юшневский, Алексей Петрович (1786—1844) — 168, 398, 442

Я

Яблонский, Антоний — 317
Яблонский — 166
Яковлев — 281, 284
Якубович, Александр Иванович (1792—1845) — 111, 126, 136, 158, 159, 172, 175

Якукевич — 391, 396, 401, 404
Якушевич — 397
Якушкин, Иван Дмитриевич (1796—1857) — 99, 104, 106, 109, 111, 113, 115, 118, 122, 124, 161, 172, 197, 352
Янчевский — 398
Ярошинский — 401
Яснопольский — 353, 371
Ястржемский, Иван Фердинанд Львович (1814—1880) — 216, 221, 224, 226, 231, 354

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	Стр. 5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	7

Глава первая

ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. ЛИТЕРАТУРА О ТЮРЬМЕ В РОССИИ К 1825 ГОДУ

Интерес в русском обществе к тюремному вопросу в первой четверти XIX века. Иностранная литература, проникавшая в Россию по тюремному вопросу. Русская юридическая литература начала XIX века. Каталог библиотеки Смирдина. Юридические книги в частных библиотеках. Переводы Бентама и Беккарриа. Сборники и журналы по уголовному праву на русском языке. Первая книга о тюрьме в России в 1799 году и увлечение «филадельфийской системой». Оценка Марксом «тюремной филантропии». Перевод на русский язык книги Пена — основателя пенсильванской системы 1790 года. Перевод сочинения Бентама «Паноптика», или новая система «содержания невольников», 1805—1811 гг. Статья Говарда в «С.-Петербургском журнале» 1805 года о тюрьмах в Голландии. Журнал «Театр судоведения» 1791 года и переводные статьи в нем о тюрьмах и отражение классовых интересов на проектах тюремной реформы. Статья Свинына о лондонских тюрьмах 1805 года. Статьи 1819 года в «Вестнике Европы» о французском благотворительном тюремном обществе и действительный характер этой деятельности. Издание в 1822 году перевода книги Веллерме о тюрьмах во Франции и ужасном их состоянии. Учебники уголовного права начала XIX века в России не касались тюремного вопроса

17

§ 2. СВОДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ И УСТАВОВ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ 1832 И 1842 ГОДОВ

Первый законодательный сборник о тюрьмах «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных» (Свод законов, т. XIV, 1832 г.). Количественное соотношение статей о тюрьме и ссылке. Скудость содержания статей о содержании под стражей.

Влияние сословной принадлежности на условия содержания по закону 1832 года. Переиздание Свода 1832 года и 1842 года. Увеличение числа статей с 171 до 1056 не сопровождалось качественным улучшением Свода. Создание арестантских рот и милитаризация тюрьмы. Военизирование тюрьмы как проявление общей политики Николая I превратить Россию в одну огромную казарму. Закон об исправительном заведении и рабочем доме в Петербурге. Запреты и пышные декларации в этом законе — позорном памятнике классового неравенства

35

§ 3. ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ ПО УЛОЖЕНИЮ 1845 ГОДА

Уложение о наказаниях 1845 года — детище Николая I и широкое использование его другого детища — арестантских рот. Виды лишения свободы по этому Уложению. Разделение осужденных на «изъятых и неизъятых». Проведение классовых различий при лишении свободы по Уложению 1845 года еще более ярко, чем в предшествующем законодательстве. Преобладающая роль лишения свободы в этом Уложении. Неподготовленность правительства к осуществлению на практике огромной роли наказания лишением свободы. Наша разработка материалов уголовной статистики о лишении свободы за период после издания Свода 1832 года до издания Уложения 1845 года и после издания этого Уложения. Таблица осужденных уголовными палатами за 1841—1845 гг. Таблица осужденных судами низших инстанций за 1847—1851 гг. Мероприятия правительства после издания Уложения 1845 года: устройство эшафотов, позорных столбов, дрог для перевозки преступников на лобное место, клейм для клеймения каторжан, беглых и ссыльных

46

§ 4. ПРОЕКТ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1845 ГОДА

Не освещенный в нашей литературе проект тюремной реформы после издания Уложения 1845 года. Архивные материалы по этому проекту. Инициатива Николая I в создании этого проекта после осмотра им лондонской одиночной тюрьмы. Критика Кутузовым проекта устройства одиночных тюрем. Критика Кутузовым жестокостей репрессивной борьбы с преступностью в Англии. Проект одиночной тюрьмы в Петербурге. Широчайшее понятие дисциплинарных проступков заключенных. Закрытие комитета тюремного преобразования

55

§ 5. УСТАВ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ 1857 ГОДА

Новое издание в 1857 году Устава о содержащихся под стражей не изменило его прежнего содержания. Классовое различие, дух николаевской военщины, прописная мораль и религиозная проповедь. Изменения в Уставе общества попечительного о тюрьмах. Принудительный набор его членов, стеснение общественной самостоятельности членов общества. Крайняя скудость содержания тюремного устава объясняется господством произвола во всех областях государственной жизни

59

§ 6. „ПРОДОЛЖЕНИЯ“ К УСТАВУ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ ЗА ПЕРИОД 1858—1870 ГОДОВ

Характер изменений Устава содержащихся под стражей. Перевозка привилегированных арестантов в вагонах III класса, а низших сословий — в товарных вагонах. Введение судебной реформы 1864 года и расширение роли ареста. Различия этого наказания для различных классов. Арестные избы в волостях. Арестные помещения при станковых приставах. Фиктивная роль прокурорского надзора. Временные правила исправительных приютов для несовершеннолетних. Ограничительное толкование Сенатом прав прокурорского надзора за местами лишения свободы

62

§ 7. ЦИРКУЛЯРНЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПО МЕСТАМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Циркулярные распоряжения за 1826—1870 гг. Центральное руководство тюрьмами тратило попусту слова, где было нужно дело. Увеличение числа циркуляров по десятилетиям. Повторение одних и тех же запретов о проносе запрещенных предметов, о переполнении тюрем, о разделении заключенных по полу, по важности обвинения, по званию и пр. Содержание арестантов в два-три раза выше нормы. Самобичевание тюремного управления в циркуляре 1864 года. Преступное состояние мест лишения свободы. Состояние больниц, смиренных домов, рабочих домов по данным ревизии. Ревизии тюрем Косаговским. Прежнее отвратительное состояние тюрем. Крепостное право в тюрьмах после его отмены законом 1861 года. Циркуляр 1870 года о преднамеренном допущении побегов арестантов с целью их убийства. Употребление кандалов в тюрьмах и циркуляр 1859 года. Первые издания сборника циркуляров по тюремной части в 1880 году, начиная с 1859 года. Погодное число циркуляров о тюрьмах за 1859—1870 гг. Тематика этих циркуляров очень скудна. Общая характеристика циркуляров по тюремной части

65

§ 8. ПРОЕКТ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ В 60-Х ГОДАХ

Собирание материалов министерством внутренних дел о состоянии тюрем в 1857—1859 гг. Сводка полученных ответов в записке 1866 года о преобразовании тюремной части в России. Пять частей этой записки: 1) очерки действующих законов; 2) обзор мер правительства об улучшении тюрем; 3) положение тюрем теперь; 4) предложения с мест об улучшении тюрем; 5) министерство внутренних дел об устройстве тюрем. Проект 1869 года об исправительных тюрьмах. Его нереальность. Работа бюрократического аппарата по составлению проекта. Лабиринт разнообразных «мнений» и «заключений» по тюремной части. Отказ от тюремной реформы. Внимание периодической печати к состоянию тюрем в связи с усилением арестов в среде революционно-демократических кругов интеллигенции в эти годы. Стеснение местной цензурой критических статей о состоянии тюрем.

74

§ 9. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ 60-Х ГОДОВ

Перечень законов, оказавших влияние на увеличение тюремного населения. Замена лишения свободы телесными наказаниями непривилегированных. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ...

и отражение в нем классовых различий. Неправильность утверждения проф. Таганцева о том, что закон поколебал устой различного наказания для различных сословий. Классовый подход тюремного законодательства еще более углублялся на практике

79

Глава вторая

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ В 1825—1870 ГОДАХ

§ 10. СОСТОЯНИЕ КУРТИН И БАСТИОНОВ

Рукопись «Летопись Петропавловской крепости» как источник ознакомления с куртинами и бастионами. Сырость в них и безрезультатность всех ремонтов. Описание всех частей крепости к началу интересующего нас периода. Архивное дело 1828 года — «Ведомость о всех содержащихся под стражею и помещающихся на квартирах в С.-Петербургской крепости и т. д.». Перечень в «Ведомости» куртин и бастионов. Указания, чем или кем они были заняты. Отметки относительно 52 камер о необходимости их ремонта. Отдельные здания в крепости. Строительство в куртинах и бастионах после 1828 года и до 1870 года

83

§ 11. СОСТОЯНИЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Архивное дело «По исправлению дома, состоящего в Алексеевском рavelине С.-Петербургской крепости». Приспособление в 1841 году в Трубецком бастионе дома для холостых военных нижних чинов для помещения секретных арестантов. Состояние Алексеевского рavelина к 1857 году. Описание дома Алексеевского рavelина за 1862—1865 гг. сотрудником администрации этой тюрьмы

88

§ 12. БАСТИОНЫ И КУРТИНЫ 1850—1870 ГОДОВ

Устройство сада для прогулки арестованных привилегированных сословий и карцеров для непривилегированных. Сведения об устройстве казематов в различных куртинах и бастионах за период 1850—1870 гг. Арестантские камеры в Невской и Екатерининской куртинах. Рост революционного движения в 1860-е годы и решение устроить новую специальную тюрьму для обвиняемых в государственных преступлениях. Торжество закладки одиночной тюрьмы Трубецкого бастиона в 1870 году

92

Глава третья

ДЕКАБРИСТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ, НА СУДЕ И В ТЮРЬМАХ

§ 13. ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

В. И. Ленин о декабристах. Герцен о декабристском восстании. Октябрьская революция о восстании декабристов. Печатное издание об этом восстании. Алфавитный список участников восстания и лиц, прикосновенных к нему. Свод показаний декабристов. Общее положение России по показаниям Трубецкого, Каховского, Кюхельбекера и др., не вошедшим в Свод показаний. Показания декабристов о крепостном праве. Программы по политическому устройству. Учреждение следственной комиссии по делу о восстании

95

§ 14. ЦАРЬ В РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И СЫЩИКА

Первый день царствования Николая I был первым днем исполнения им роли следователя-сыщика. Разнообразный подход к допрашиваемым. Притворство и мстительность царя. Опубликование в 1924 году записок Николая I о декабристском восстании. Превращение Зимнего дворца в полицейский участок. Наша обработка сведений о часах доставки в крепость декабристов

102

§ 15. ЦАРЬ-ТЮРЕМЩИК

Собственноручные записки Николая I при отправке декабристов в крепость. Его отметки о месте заточения и о режиме. Беззаконное распоряжение о заковывании в кандалы

110

§ 16. ДЕКАБРИСТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Описание декабристами их пребывания в тюрьмах. Выяснение мест заключения декабристов в крепости. Список декабристов, заключенных в Алексеевский рavelин. Описание условий содержания узников. Воспоминания об этом декабристов и архивное дело 1826 года. Отношение сторожей из инвалидной команды к заключенным. Особая строгость заточения в Алексеевском рavelине. Свидания и переписка заключенных лишь по разрешению царя-тюремщика. Поступление в крепость солдат-декабристов

113

§ 17. ДЕКАБРИСТЫ ПЕРЕД СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ

Состав тайного комитета по расследованию дела о декабристах. Ничем не прикрытая пристрастность расследования. Сравнения декабристами тайного комитета с инквизицией. Воспоминания Фон-Визина, Якушкина, Цебрикова. Благодарность царя членам следственной комиссии. Порядок допроса арестованных. Индивидуальные дела о каждом арестованном. Опросные пункты. Ответы на вопрос о виновниках свободомыслия декабристов. Показания о привлечении к движению, кроме дворян, представителей других сословий

123

§ 18. СУД НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Превращение в обвинительный акт статьи о декабристском восстании, предназначенное для иностранной печати. Отсутствие даже внешнего беспристрастия, спокойствия тона в этом акте. Отсутствие всяких ссылок на закон. Загромождение ссылками на показания умерших. Крайняя односторонность изображения. Доказательство личного вмешательства царя в ход следствия. Предварительное рассмотрение царем проекта окончательного донесения (обвинительного акта). Манифест 1 июня 1826 г. об учреждении верховного суда. Состав этого суда из представителей высшей бюрократии и высшего духовенства. Роль Сперанского в суде над декабристами, раскрытая архивными материалами. Распорядок судебного следствия. Ревизионные комиссии верховного суда. Деление обвиняемых на разряды. Постановка приговора. Отношение членов суда к смертной казни. Составление Сперанским проекта приговора. Принятие этого проекта судом. Критика этого приговора как юридически неправильного. Конfirmация приговора царем 10 июля 1826 г.

133

§ 19. ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Двойственная роль царя при выборе способа смертной казни для пятерых декабристов. Свидание Муравьева-Апостола с сестрой перед казнью и предсмертное письмо Рыльева к жене. Приговор над солдатами и матросами. Исполнение смертного приговора над пятью декабристами. Исполнение приговора над офицерами — селения к осужденным

152

§ 20. ДЕКАБРИСТЫ В КРЕПОСТЯХ ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Тайный комитет 31 августа 1826 г. по исполнению приговора над декабристами, осужденными в ссылку. Отправка в Сибирь первых восьми декабристов, приговоренных к каторге. Содержание осужденных в крепостях Петропавловской, Шлиссельбургской, Кексгольмской и др. Сокращение в тайне заточения Поджио. Заточение в Алексеевском рavelине Батенькова. Описание декабристом Лорером содержания в Алексеевском рavelине. Пребывание декабристов Пушкина, Бестужевых и других в Шлиссельбургской крепости. Перехваченные III отделением письма декабристов-шлиссельбуржцев

161

§ 21. ДЕКАБРИСТЫ В ТЮРЬМАХ СИБИРИ

Размещение первых восьми каторжан-декабристов на солеваренном заводе в Усолье и на винокурных Александровском и Николаевском заводах. Инструкции о назначении декабристов в Нерчинские рудники. Предание суду иркутского губернатора за послабления декабристам. Декабристы в Благодатском руднике. Приезд сюда Волконской и Трубецкой. Перевод из Благодатского рудника в Читу. Условия пребывания в Чите. Ново-Читинский острог. Увоз декабриста Корниловича из Читы в Петербург. Его записка об условиях заточения декабристов. Попытка восстания на Зерентуйском руднике. Постройка новой тюрьмы на Петровском железном заводе. Пеший переход сюда декабристов. Описание здания тюрьмы. Режим пребывания в Петровском остроге. Перевод отдельных декабристов на положение ссыль-

нопоселенцев. Тяжесть жизни таких ссыльных. Смертность ссыльных декабристов. Пребывание декабристов на Кавказе. Манифест 1856 года о помиловании декабристов. Цифры о декабристах, умерших в ссылке. Декабристы после ссылки. Каторга и ссылка декабристов не дали Николаю I и его преемникам желанных результатов

172

§ 22. ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

Разоблачение истинной роли Николая I в деле переезда жен декабристов в Сибирь. Политическое значение переезда жен декабристов в Сибирь. Беззаконность запрещения таких переездов. Система препятствий для выездов. Проводы Волконской в Сибирь. Стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд» и ответ Одоевского. Перечень женщин, уехавших в Сибирь. Жестокое запрещение брать детей с собой. Секретное предписание царя о поездках жен декабристов. Первые встречи жен декабристов с мужьями. Значение пребывания жен декабристов в ссылке. Огромная смертность детей декабристов в Сибири. Смерть Муравьевой. Рост политического сознания жен декабристов

199

Глава четвертая

ПЕТРАШЕВЦЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ, НА СУДЕ И В ТЮРЬМАХ

§ 23. ПЕТРАШЕВЦЫ

Правительственные сообщения о деле петрашевцев 1849 года. Социальный состав петрашевцев. Выявление ими различия экономического положения различных классов. Показания Буташевича-Петрашевского

212

§ 24. ПЕТРАШЕВЦЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Революция Николая I с благословением о производстве обысков и арестов в ночь с 22 апреля 1849 г. Алфавитный список провокатора Липранди. Заключение 43 арестованных в казематы крепости. Узники Алексеевского рavelина, в бастionaх Трубецкого, Зотова и в куртинах. Литераторы среди арестованных по делу Петрашевского. Описание Ахшарумовым пребывания в заточении. Описание Кузьминым Никольской куртины. Пребывание Ф. М. Достоевского в Алексеевском рavelине. Описание Петрашевским его пребывания в Алексеевском рavelине

214

§ 25. СЛЕДСТВИЕ ПО ПРОЦЕССУ ПЕТРАШЕВЦЕВ

Следствие по делу петрашевцев шло дорогою, проторенною процессом декабристов. Приемы следствия. Постановления комиссии 31 августа 1849 г. Издание института истории Академии наук СССР по делу петрашевцев. Обоснование Петрашевским своего общественного мировоззрения

223

§ 26. РОЛЬ ЦАРЯ В ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА

Приговор комиссии по делу петрашевцев. Отмена его генерал-аудиторием. Смертный приговор через расстрел. Конfirmация приговора царем. Замена казни уже на эшафоте. Роль царя в выработке церемониала казни. Декларация царского правительства о деле петрашевцев. Цензурные исправления в декларации царем. Архивное дело об исполнении приговора над петрашевцами 225

§ 27. ПЕТРАШЕВЦЫ В ТЮРЬМАХ

Места, в которых отбывали наказания петрашевцы. Подробности пребывания Достоевского на каторге. Конспиративное письмо Достоевского к брату. Отношение к Достоевскому и к Дурову офицерской молодежи и тюремного врача. Начало писания «Записок из мертвого дома». Царь учел опыт наказания декабристов ссылкой на каторгу и на поселение. Воспоминание Ахшарумова о заточении. Письмо Петрашевского матери с пути в ссылку. Его жизнь в Сибири и смерть 231

Глава пятая

ПИСАТЕЛИ—РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ 60-Х ГОДОВ
В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ§ 28. ПЕРЕДОВЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В РЯДАХ БОРЦОВ
С ЦАРИЗМОМ

Эпоха реформ 60-х годов, вынужденных натиском новых общественных отношений, носила компромиссный характер. Усиление борьбы против царизма и писатели—революционные демократы: Михайлов, Обручев, Чернышевский, Шелгунов, Писарев—узники Петропавловской крепости 240

§ 29. М. И. МИХАЙЛОВ В КРЕПОСТИ

Обнаружение в 1861 году в Петербурге прокламации «К молодому поколению». Арест Михайлова. Коллективное обращение писателей к министру по случаю ареста Михайлова. Репрессии по приказу царя подписавшим это обращение. Содержание воззвания «К молодому поколению». Приговор Сената по делу Михайлова. Описание Михайловым Невской куртины. Перевод его на главную гауптвахту. Описание выставления Михайлова у позорного столба. Пребывание Михайлова в Шлиссельбургской крепости и в Тобольском остроге. Пребывание его в Каданском руднике. Ранняя смерть поэта и его стихотворение к «Молодому поколению» 242

§ 30. В. А. ОБРУЧЕВ В КРЕПОСТИ

Заключение Обручева в Алексеевский рavelин за распространение «Великоросса». Описание Обручевым Алексеевского рavelина. Приговор его к каторжным работам и выставление у позорного столба.

§ 31. Д. И. ПИСАРЕВ В КРЕПОСТИ

Заключение критика Писарева 3 июля 1862 г. в Невскую куртину. Литературные работы Писарева в крепости. Более чем четырехлетнее пребывание его в крепости не поколебало твердости его духа. Из писем его к матери. Отношение В. И. Ленина к творениям Писарева. 254 ✓

§ 32. Н. В. ШЕЛГУНОВ В КРЕПОСТИ

Шелгунов перед военным судом по обвинению в пропаганде. Переписка аудиторского департамента с III отделением. Литературная работа Шелгунова в Алексеевском рavelине. Его статья об одиночном заключении. О составе библиотеки Алексеевского рavelина в 60-е годы. Опись имущества Алексеевского рavelина в 1864 году. Из статьи сотрудника администрации Алексеевского рavelина о режиме. Шелгунов после выхода из крепости 256

§ 33. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ

В. И. Ленин о значении Чернышевского для русского революционного движения. Впечатление в Петербурге после ареста Чернышевского. Обнаружение в архивном деле письма об аресте Чернышевского. Литературные занятия Чернышевского в рavelине. Письмо о нем Пыпиной. Пребывание Чернышевского в рavelине. Его голодовка, его протестующие письма генерал-губернатору Суворову. Доказывание им произвола следственной комиссии. Свидания Чернышевского с родными. 264

§ 34. СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Секретное признание III отделения об отсутствии юридических доказательств виновности Чернышевского. Его арест 7 июля 1862 г. Подготовка подлогов и лжесвидетельств для его осуждения. Заявление об этом самого Чернышевского и Некрасова. Высказывания об этом Маркса и Энгельса. Согласие царя на подлоги. Экспертиза почерков в Сенате после Октябрьской революции. Убожество юридической мысли в приговоре. Осуждение Чернышевского в каторжные работы . . . 277 ✓

§ 35. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Выставление Чернышевского 19 мая 1864 г. у позорного столба. Протест против этого передовой общественности. Описание очевидцев и агентов III отделения. Обращение Герцена в зарубежном «Колоколе» к царскому правительству по поводу осуждения Чернышевского . . 285 ✓

§ 36. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ТЮРЬМАХ СИБИРИ

Пересылка Чернышевского в Сибирь. Конфискация первого его письма из Сибири. Его пребывание на Нерчинском руднике в Кадае. Посещение его женой. Перевод его в Александровский завод. Общение с другими политическими заключенными. Перевод в разряд испытываемых. Возвращение его в острог. Запрещение жене Чернышевского поездки к мужу. Сокращение его переписки. Высочайшее незаконное

нарушение условий жизни писателя в качестве ссыльнопоселенца. Пребывание его в Вилюйске. Инструкция о надзоре за ним. Архивный документ с описанием пребывания Чернышевского в Вилюйске. Посещение писателя каракозовцами. Панический страх администрации перед возможностью побега Чернышевского. Попытка его освобождения революционерами. Его литературные занятия и уничтожение им написанного. Стеснение его переписки с родными. Стеснение его передвижения в Вилюйске. Материальные условия существования. Разработка архивных материалов Вилюйского полицейского управления. О переписке писателя. Все стеснения жизни Чернышевского были бессильны сломить его революционную твердость. Переезд в Астрахань и Саратов в 1883 году. Его смерть 289

Глава шестая

УЗНИКИ БАСТИОНОВ И КУРТИН ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 37. УЗНИКИ БАСТИОНОВ И КУРТИН В 1825—1830 ГОДАХ

Отсутствие в печати сведений о куртинах и бастионах Петропавловской крепости. Их узники из Польши 1825—1828 гг. . . . 315

§ 38. УЧАСТНИКИ ХОЛЕРНЫХ БЕСПОРЯДКОВ 1831 ГОДА В ЗАТОЧЕНИИ

Причины холерных беспорядков. Воспоминания Никитенко. Бунт 4 июля 1831 г. в Петербурге. Заключение арестованного в крепость. Распространение холеры в крепости 317

§ 39. ОСОБЫЕ ГРУППЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Две группы заключенных. Отдельные случаи заточения: чиновник Павлов, секундонт А. С. Пушкина подполковник Данзас. Нижние чины, заключенные в 1836—1868 гг. по воле царя. Несколько сот заключенных в крепость 1843—1844 гг. без суда по подозрению в воровстве и мошенничестве. Безграничный произвол такого заключения. Отзыв начальника III отделения. План министра внутренних дел об уничтожении в столице воровства и мошенничества. Передача царем его права заключения в крепость чиновнику Синицыну, взяточнику и вымогателю. Аресты на улицах и налеты на квартиры обывателей. Издевательства Синицына над заключенными в крепость, бритье им половины головы и полбороды. Действия комиссии по уничтожению воровства в столице. Громадный процент смертности заключенных в крепость 319

§ 40. ОБВИНЯЕМЫЕ В АГИТАЦИИ ПРОТИВ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Из дел III отделения об агитации против крепостного права. Возвращения к солдатам с призывом к вооруженной борьбе. Возвращения, направленные против помещиков. Прокламация с основами конституции. Арест заподозренных двух священников и дьякона. Продолжение разбрасывания прокламаций 325

§ 41. ЗАВОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Тайное общество из крепостных заводских рабочих в Пермской губернии для свержения крепостного права. Восемь новых узников Никольской куртины. Устав тайной организации. Текст воззвания рабочих. Образовательный уровень учеников заводского училища, арестованных в 1837 году. Приговор царя об арестованных рабочих. Образование комиссии об ограничении доступа низших сословий к образованию 333

§ 42. УЧАСТНИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Студенческие волнения 1861 года в Петербурге. Их политический характер. Рапорты коменданта о числе узников студентов. Составление камер. Описание пребывания студентов в крепости. Воспоминания поэта Михайлова. Студенческая молодежь омолодила старую крепость. Демократизация студенческой молодежи 342

Глава седьмая

УЗНИКИ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

§ 43. СТАТИСТИКА УЗНИКОВ РАВЕЛИНА ЗА 1825—1870 ГОДЫ

Статистика — термометр противоправительственного общественного настроения. Цифры поступления арестованных в рavelин за указанные годы 349

§ 44. СПИСОК ЗАКЛЮЧЕННЫХ В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН, НАЧИНАЯ С ДЕКАБРИСТОВ И ДО 1870 ГОДА

Материалы для составления этого списка 351

§ 45. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ В РАВЕЛИНЕ

Узники рavelина — представители революционных и оппозиционных течений политической мысли России. Бейдеман — узник 1861—1881 гг. Его дело и условия его заточения. Перевод его в Казанский дом душевнобольных и смерть в 1887 году. Покушение Каракозова на царя. Критика В. И. Лениным индивидуального террора. Пытка Каракозова непрерывными допросами, а также увещаниями священника. Воспоминания Худякова об угрозе пыткой. Суд над каракозовцами. Приговор Каракозова к казни. Суд над 11 и 25 каракозовцами 358 ✓

§ 46. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛЖЕДОНОСЧИКИ И УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ В РАВЕЛИНЕ

Роль доноса во внутреннем управлении империи. Наказание за ложный донос. Фантастический донос Парецкого. Отбор уголовных преступников для заключения в рavelин. Генерал — автор подлогов. Князь Трубецкой — похититель чужой жены с ее согласия 369 ✓

Глава восьмая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 47. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КРЕПОСТИ В 1825—1870 ГОДАХ

Ремонт Секретного дома Шлиссельбургской крепости и корыстное злоупотребление коменданта в 1826 году. Донесение 1838 года коменданта о состоянии Секретного дома. Проекты 1849 года расширения тюрьмы в Шлиссельбурге. Ремонт 1850 года и одной камеры в 1852 году. Описание Секретного дома участником польского восстания Брониславом Шварце в 1860 году 374

§ 48. ИНСТРУКЦИЯ 15 ИЮНЯ 1849 ГОДА ПО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КРЕПОСТИ

Поручение Николая I составить инструкцию по Шлиссельбургской крепости. Характеристика инструкции 1849 года. Верхние или крепостные казематы. «Инструкция особой команде при секретных арестантах Шлиссельбургской крепости». Условия содержания в крепости. Характеристика комендантами заключенных 380

Глава девятая

УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 49. МАТЕРИАЛЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СПИСКА
УЗНИКОВ

Причина присылки в Шлиссельбургскую крепость нередко не известна. Заключение в крепость без суда. Ежемесячные доклады коменданта царю о заключенных 392

§ 50. СВЕДЕНИЯ ОБ УЗНИКАХ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КРЕПОСТИ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

Причины заключения в крепость. Сословие узников. Сроки пребывания. Смертность и душевные заболевания в крепости. Самые молодые узники крепости. Декабристы в крепости. Участники восстания в Польше. Каракозовец Ишутин в крепости. Арестованные по религиозным делам. «Сведения о числе заключенных в Шлиссельбургскую крепость за 1828—1870 гг.» Вновь найденные дела Шлиссельбургской крепости за первую половину XIX века 396

§ 51. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО БРАТЬЕВ КРИТСКИХ

Характеристика этого общества. Юный возраст членов. Следственная комиссия по делу Критских. Недостаток доказательств по делу и разрешение его без суда 418

§ 52. УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ПО ДЕЛУ
„О РАСПЕВАНИИ ПАСКВИЛЬНЫХ ПЕСЕН“

Заключение без суда троих распевателей «пасквильных песен» в Шлиссельбургскую крепость и отдача шестерых в солдаты. Арест Герцена и Огарева 423

§ 53. МИХАИЛ БАКУНИН В ЗАТОЧЕНИИ

Стремление Николая I заполучить Бакунина из-за границы. Заключение его в Алексеевский рavelин в 1851 году. Его «Исповедь» и значение ее для психологии одиночного заключенного. Письма его из крепости к родным. Перевод его в Шлиссельбургскую крепость в 1854 году. Переписка с родными. Просьба о помиловании. Ссылка в Сибирь и побег за границу 425 ✓

§ 54. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КРЕПОСТИ

Шлиссельбургская крепость губила не только жизни, но и русские таланты. Узником сначала Алексеевского рavelина, потом Шлиссельбургской крепости оказался автор проекта подводной лодки. Отзыв об этом проекте специалиста. Покушение на самоубийство Черновского 433

§ 55. ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ (ЛУКАСИНСКИЙ)

Польский патриот Лукасинский. Его прошлое перед заключением в крепость. Пребывание в крепости с 1830 года по 1868 год. Отказ царя от помилования Лукасинского. Записки Лукасинского. Отказ в свиданиях с родными через 37 лет заточения. Смерть Лукасинского. 437

§ 56. АГЕНТ III ОТДЕЛЕНИЯ РОМАН МЕДОКС

Первое преступление Медокса. Предложение Медоксом услуг царю в качестве политического доносчика. Его освобождение и обман им царя. Новое заточение в крепость 441 ✓

§ 57. ПРЕДАТЕЛЬ ДЕКАБРИСТОВ — ШЕРВУД-ВЕРНЫЙ
В ЗАТОЧЕНИИ

Предательство Шервудом декабристов. Награждение его царем. Мошенничество Шервуда. Снисходительное к нему отношение правительства. Новое мошенничество и заточение в крепость. Помилование. 444 ✓

§ 58. ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПОДПОРУЧИК МОШЕННИК БРИНКЕН

Прикрытие пышными фразами царя беззакония в деле Бринкена. 447 ✓

§ 59. МИЛЛИОНЕР ГРАФ ПОТОЦКИЙ — „УЗНИК“ КРЕПОСТИ

Классовое правосудие в деле графа-миллионера Потоцкого. Роскошные условия его пребывания в крепости. Освобождение. «Подвиги» Потоцкого. Подкуп им представителей власти 449 ✓

Глава десятая

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ

§ 60. ИЗ СЕКРЕТНЫХ АРХИВНЫХ ДЕЛ О МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЬМАХ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Пример заточения в монастырь по «высочайшему» повелению 455

§ 61. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РЕЖИМЕ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НА СОЛОВКАХ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

Проект Николая I об устройстве тюрьмы в Соловках в 1826 году. Проект инструкции для Соловецкой тюрьмы. Ремонт тюрьмы в Соловках в 1827 году. Описание тюрьмы. Надстройка в 1841 году нового этажа тюрьмы. Ревизия тюрьмы в 1835 году. Эксплуатация приписных крестьян. Отказ арестантов от присяги новому царю. Нападение англичан на остров в 1854 году 458 ✓

§ 62. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РЕЖИМЕ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ В СУЗДАЛЕ ЗА 1826—1870 ГОДЫ

Устройство в 1823 году в Суздале монастырской тюрьмы. Описание тюрьмы во второй половине XIX века. Сведения о состоянии тюрьмы во второй половине XIX века. Режим тюрьмы во второй и третьей четверти XIX века. Душевнобольные арестанты. Инструкция 1855 года. Мнения настоятеля монастыря об отдельных узниках. Тюремная библиотека 467

§ 63. УЗНИКИ МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЕМ В СУЗДАЛЕ И НА СОЛОВКАХ

Число узников в Суздальской монастырской тюрьме. Вопросы в анкетах об узниках Суздальского монастыря. Сроки пребывания в монастырской тюрьме Суздаля. Душевнобольные арестанты. Их перевод в больницы или оставление в тюрьме. Узники по религиозным делам. Секта Татариновой. Литература о тюрьме в Соловках. Списки заключенных. Монастырские тюрьмы при других монастырях. 478

Глава одиннадцатая
ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

§ 64. МАТЕРИАЛЫ О СОСТОЯНИИ ТЮРЕМ В 1825—1870 ГОДАХ

Официальные материалы, статьи в газетах и журналах. Учебники по уголовному праву. Записки Достоевского «Из мертвого дома». Записки декабриста Колесникова. Мемуары Ахшарумова, поэта Михайлова, Герцена 489

§ 65. МЕСТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Приказ 1843 года в Петербурге о состоянии мест предварительного заключения. Состояние этих мест заключения. Воспоминания Герцена. Воспоминание профессора Костомарова. 491

§ 66. ЭТАПНЫЕ ТЮРЬМЫ

Архивное дело 1827 года. Воспоминание декабристов. Описание Колесниковым этапов и полуэтапов. Описание Максимова и Мельшина. 497

§ 67. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В 30—40-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Ревизия тюрем флигель-адъютантами. Ужасное состояние тюрем по отчетам ревизоров. Проект принца Гольштейн-Ольденбургского ввести «ступальные мельницы» в тюрьмах по образцу английских. Замена Николаем I лишения свободы солдатчиной. Состав заключенных в московской тюрьме в 1827 году 503

§ 68. БЫТ ТЮРЬМЫ В 50-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Записки Достоевского «Из мертвого дома». Воспоминания петрашевца Ахшарумова. Борьба заключенных с режимом «мертвых домов». Тюремные развлечения. Тюремная администрация. Тюремная больница. 510 ✓

§ 69. АНКЕТА О СОСТОЯНИИ ТЮРЕМ В КОНЦЕ 50-Х И НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Первое обследование тюрем в России конца 50-х и начала 60-х годов. Опубликование результатов этого обследования. Число тюрем. Расходы на их содержание. Годы постройки тюрем. Состояние тюрем в отдельных городах. Приковывание арестантов к стене 518

§ 70. СТАТИСТИКА ТЮРЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Статистические материалы за 1825—1870 гг. Отражение классовой юстиции на уголовной статистике 1834—1845 гг. Статистика министерства за 1834—1840 гг. Отражение в ней крепостного права.

Крестьянские волнения. Восстание военных поселян. Восстание крестьян в Казанской губернии 1861 года. Участники польского восстания в тюрьмах. Осужденные за бродяжничество в тюрьмах. Определение числа заключенных за 1854 год. Обвиняемые военно-окружных и военно-морских судов. Рост применения тюремного заключения с 1860—1866 гг. Изменение репрессий в 1868 году сравнительно с 1860 годом и увеличение роли тюрьмы (в процентах). Отсутствие тюремной статистики за изучаемый период	528
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	547
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	550

Гернет Михаил Николаевич
ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ
Том II

Редактор *Т. А. Помыкаева*
Художники-оформители *Е. Б. Бельская*
и *В. И. Бельский*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *А. Н. Макарова*
Корректоры *М. И. Буланова, Н. П. Визина*

Сдано в набор 23/VI 1960 г. Подписано в печать 15/XI 1960 г. Формат бумаги 60×92¹/₈. Объем: физ. печ. л. 37,25 (в том числе вклейки 0,75); условн. печ. л. 37,25; учетно-изд. л. 39,05. Тираж 18 000. А-10625. Заказ № 687. Цена 21 руб. С 1/1 1961 г. — 2 р. 10к.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

